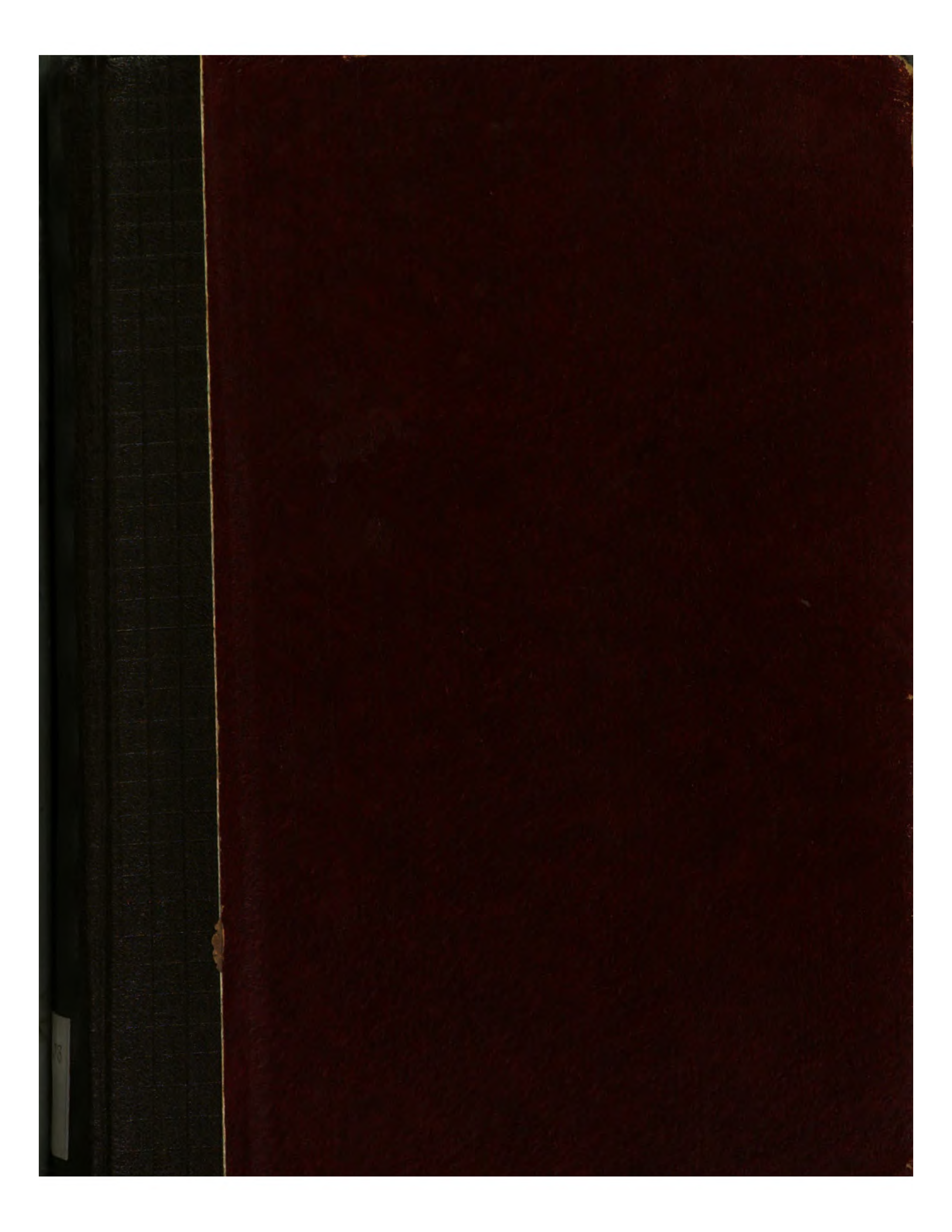

М. Г. Веселкова-Кильштетъ.

Кольчевская Вотчина.

Романъ въ двухъ частяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., № 45.
1912.

Часть первая.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Штофомъ обтянуты стѣны,
Рамкою вьется багетъ.
Бронза... фарфоръ... гобелены...
Скрытъ обюссономъ паркетъ.
Въ мягкихъ тѣняхъ потонули
Отблески лѣтнихъ лучей...
Тихо качается въ булѣ
Связка забытыхъ ключей.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Прямая проѣзжая аллея, прорубленная черезъ березовую рощу, упиралась отъ воротъ стараго барскаго двора Колычева въ столбовую дорогу, по которой когда-то двигались наша и французская арміи. Почта доставлялась со станціи два раза въ недѣлю къ двѣнадцати часамъ дня, и къ завтраку, подававшемуся ровно четверть перваго, пакеты, письма и газеты ожидали барина у его прибора въ малой или „обюссоновой“ столовой.

Но сегодня вышла непривычная заминка. Уже три раза прибѣгалъ казачекъ изъ „виллы“ на барскій дворъ узнавать, не прибыла ли почта? Самъ управляющій, панъ Романъ, стоялъ у воротъ и, заслонивъ отъ солнца жирною рукою хитрые, наглые глазки, нетерпѣливо ворчалъ сквозь длинные усы:

— Далибугъ... Цо-то! Запорю мерзавца, если тотчасъ не покажется!

Но мерзавецъ не показывался. Панъ повернулся и только что хотѣлъ войти въ старый одноэтажный, бывшій когда-то господскимъ домъ, какъ изъ окна мезонина высунулась бѣлокурая головка девятнадцатилѣтней дѣвушки, и мелодичный голосокъ прозвенѣлъ нараспѣвъ:

— И не къ чему сердиться, — вонъ онъ ужъ ѣдетъ.

По тѣнистой аллеѣ скакалъ верховой. Панъ Романъ, съ ругательствами сжимая кулаки, бросился навстрѣчу, но дѣвушка спорхнула съ крыльца и повисла у него на рукѣ.

— Погоди ругаться, вѣдь онъ, можетъ, и не виноватъ!

Въ ворота на взмыленной лошади въѣзжалъ не менѣе разгоряченный парень съ тяжелой сумкой черезъ плечо.

— Гдѣ ты шлялся, скотъ? — оралъ панъ, подбѣгая къ самой лошади.

— Не я шлялся, пошта запоздала, — отвѣчалъ тотъ и благоразумно спрыгнулъ съ сѣдла на другую сторону, по опыту зная, что не увернуться ему иначе отъ увѣсистаго польскаго кулака.

— А мнѣ, Степанъ, есть письмо? — спросила дѣвушка.

— Есть, барышня, розовое.

— Давай скорѣй, отецъ!

Панъ Романъ принялъ тяжелую сумку и тутъ же на ступенькахъ крыльца разобралъ содержимое. Три письма, четыре газеты — двѣ русскихъ и двѣ иностранныхъ, нѣсколько журналовъ и книгъ были вручены подбѣжавшему казачку въ сѣрой курткѣ съ красными выпушками и золочеными пуговками; панна Зося получила розовый конвертикъ, а на долю пана Романа пришлись какіе-то пакеты съ толстыми сургучными печатями и нѣсколько замасленныхъ конвертовъ изъ сѣрой бумаги.

— Отъ Олеси! — радостно вспыхнула Зося и, быстро чмокнувъ отца въ щеку, упорхнула въ комнаты. Черезъ двѣ минуты съ зонтикомъ въ рукѣ она уже спускалась съ противоположной стороны дома по ступенькамъ небольшой, увитой хмелемъ террасы въ старинную липовую аллею.

— Куда ты, Зося? — раздался голосъ расплывшейся женщины въ наколкѣ, но и въ довольно неопрятномъ передникѣ.

— Въ паркъ! — былъ отвѣтъ. — А вы бы, мама, фартукъ сняли или смѣнили... Фи! глядѣть гадко! — и маленькій носикъ презрительно вздернулся кверху.

Выраженіе фарфороваго личика стало непріятнымъ, точно у разсердившейся осы, когда, поднявъ усики и изгибая пе-

ретянутое тѣльце, она собирается ужалить врага. Дѣвушка какъ-то особенно вильнула подобраннымъ платьемъ и пропала въ зеленой чащѣ.

— Графиня! — прошептала ей вслѣдъ толстая пани Юзефа, или Юзыня, какъ звали ее, по примѣру мужа, дворня, — Іезусъ-Марія! И въ кого она?

Вздохнувъ всей своей массивной грудью, мать сдернула-таки фартукъ и вернулась къ тазу съ вареньемъ.

Легкой походкой шла Зося по безконечной аллеѣ. Вверху слышалось гудѣнье тысячъ пчелъ. Кое-гдѣ сквозь густую листву падалъ золотою стрѣлой лучъ солнца и горѣлъ яркимъ пятномъ то на дуплистомъ стволѣ, то на зелени дерна. Зося свернула на узкую тропинку между двумя стѣнами высокой, еще не скошенной травы. Лужайка цвѣла всей роскошью послѣднихъ дней душистаго іюня. Ромашка, златоцвѣты, лиловые колокольчики, казавшійся противъ солнца прозрачнымъ розовый щавель мелькали среди шишекъ тимофеевки и метелокъ канареечника.

Тропинка свернула влѣво, и Зося очутилась въ своемъ любимомъ уголкѣ въ заросли сирени, жимолости и только что расцвѣтшаго жасмина. Здѣсь она устроила себѣ настоящій пріютъ мечтаній. Толстый пень давно срубленнаго дерева служилъ ей столомъ, а между сучьями старой сирени ей удалось утвердить доску, и она часами высиживала на этой импровизированной скамьѣ, читая, работая, мечтая и... наблюдая.

Никто никогда бы не догадался, что какъ разъ черезъ широкій извилистый прудъ два зоркихъ дѣвичьихъ глаза жадно слѣдятъ за бѣлой виллой, за стеклянными дверями веранды и за высокой фигурой стараго барина, читающаго въ креслѣ среди померанцевыхъ деревьевъ въ зеленыхъ кадкахъ свою газету. Доступъ въ виллу былъ воспрещенъ, и Зося знала, что и ей, какъ женщинѣ, въ особенности.

Но сегодня она тщетно ждала появленія старика.

Прочитавъ письмо Олеси Запольской, сообщавшей и о шарабанѣ съ парой пони, полученныхъ отъ жениха къ рожденію, и о нарядахъ, заказанныхъ въ приданое, и о подвѣнечномъ платьѣ изъ Парижа, дѣвушка глубоко вздохнула.

„Стась кланяется тебѣ, онъ ждетъ отъ тебя обѣщанной закладки съ незапоминайками. Или ты, душка, его забыла? А онъ еще вчера приставалъ ко мнѣ, что значитъ, что ты не ѣдешь. Ахъ, Зося, мнѣ думается, онъ никогда, никогда не забудетъ тебя и не полюбитъ никого другого. Какъ жаль, что вы не можете жениться!..."

То же злое осиное выраженіе появилось опять на розовомъ личикѣ.

„Не можете жениться! Что мы бѣдны, а Запольскіе графы и богаты? Что жъ такое? Развѣ нашъ родъ хуже?"—и злоба противъ судьбы и бѣдности, зависть, жажда роскоши и наслажденій закипѣла въ юной душѣ.

Эта вилла, глядѣвшаяся въ зеркало пруда,—развѣ справедливо, что она должна принадлежать старому холостому чудаку, ненавидящему шумъ, музыку, веселье? Говорятъ, внутри что за роскошь! Для чего эти оранжереи, эти грунтовые сараи?... Зося знала, что добрая половина цвѣтовъ и фруктовъ тайкомъ сбывалась сосѣдямъ. О, она бы этого не допустила, она сумѣла бы убрать цвѣтами не только цвѣтникъ передъ прудомъ. Ей врядъ ли хватало бы ихъ на празднества, на украшеніе гондолъ, въ которыхъ разъѣзжала бы она по этому зеркалу съ музыкантами и пѣвцами. Ахъ, она сумѣла бы вдохнуть жизнь въ эту мертвую красивую декорацію. Какъ веселились бы всѣ кругомъ! Она была бы царицей, у ногъ ея сидѣлъ бы самъ Стась Запольскій, а она то благосклонно улыбалась бы ему, то отворачивалась равнодушно, чтобы хорошенько, хорошенько помучить его за то, что теперь „вы не можете жениться!". И онъ плакалъ бы, глядя на нее, ловя край ея воздушнаго, затканнаго серебромъ платья, онъ цѣловалъ бы слѣды ея стройныхъ ножекъ въ атласныхъ башмачкахъ.

— Вѣдь предсказала же мнѣ это цыганка,—прошептала дѣвушка,—и я вѣрю—это будетъ, будетъ, будетъ...

А въ обюссоновой столовой Арсеній Михайловичъ Колычевъ въ сотый разъ перечитывалъ короткую замѣтку иностранной хроники:

„Сегодня мы присутствовали на печальной церемоніи перевезенія тѣла маркизы С. Согласно волѣ покойной, прахъ

ея будетъ покоиться не въ фамильномъ склепѣ, а въ маленькой деревушкѣ Баваріи, съ которой у нея были связаны какія-то воспоминанія молодости. Славянская чувствительность сказывается всегда, и годы, проведенные во Франціи среди цивилизованныхъ людей, не въ силахъ искоренить добродушной наивности этой младшей европейской и все-таки нѣсколько еще дикой расы...“

Старый дворецкій былъ пораженъ выраженіемъ лица барина, когда тотъ съ газетой въ рукѣ прошелъ не на веранду по обыкновенію, а въ ту розовую комнату, въ которую никто не входилъ.

Розовая комната. Мебель, стѣны, все обтянуто блѣднымъ слегка выцвѣтшимъ штофомъ. На сѣромъ фонѣ ковра, на бѣломъ потолкѣ, на фарфоровыхъ рамахъ зеркалъ и камина вьются амуры съ гирляндами розъ.

Сорокъ три года подъ рядъ старый чудакъ самъ ревниво обметаетъ перовкою пыль со всѣхъ этихъ улыбающихся и рѣзвящихся купидоновъ, и высокіе клены одни заглядываютъ въ стрѣльчатое окно и, качая вѣтки съ узорными листами, шепчутъ тихо невнятныя рѣчи.

Для кого предназначалось это розовое гнѣздышко? Кто долженъ былъ хозяйничать въ этихъ роскошныхъ покояхъ среди гобеленовъ и обюссоновъ, стараго севра и сакса? Для кого строилась эта бѣлая двухсвѣтная зала? Для кого выписанъ былъ весь выложенный мозаикой и серебромъ рояль, до успѣвшихъ пожелтѣть клавишъ котораго не коснулась пока ничья рука? И чей это портретъ виситъ, затянутый зеленою тафтою, въ ногахъ парадной кровати, гдѣ спитъ одиноко старый маньякъ? Знаете ли вы, древніе клены?...

И шепчутъ узорные листья:

„Не знаемъ... не помнимъ... забыли“.

II.

> Съ дыханьемъ бѣлаго левкоя
> Сливаетъ запахъ резеда.
> Зажглась вечерняя звѣзда.
> Все полно мира и покоя.
>
> (Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Зося сидѣла въ гостиной управительскаго дома, и изъ-подъ тонкихъ пальцевъ тихо лилась чудная мелодія шопеновскаго ноктюрна. Балконъ и ставни въ садъ были плотно закрыты, чтобы, сохрани Богъ, звуки музыки не долетѣли какъ-нибудь до бѣлой виллы, но черезъ двери смежной столовой, выходившей во дворъ своими широко распахнутыми окнами, вливалась вечерняя прохлада. Розовый отблескъ зари горѣлъ надъ березовой придорожною рощей. Со скотнаго двора доносилось мычаніе коровъ. Изрѣдка звучалъ человѣческій голосъ, да слышалось шлепанье босыхъ ногъ спѣшившей на погребъ молочной дѣвки.

Звуки стараго фортепьяно то пѣли о какомъ-то сладкомъ предчувствіи, то рыдали о несбывшейся надеждѣ. Панъ Романъ стоялъ снова на крыльцѣ, а передъ нимъ переминался съ ноги на ногу худой и загорѣлый мужикъ, перебирая заскорузлыми пальцами свой выцвѣтшій гречневикъ.

— Скажи, пожалуйста, и долго она тебѣ служила?— спрашивалъ панъ, цокая языкомъ о свой вышибленный спереди зубъ.

— Жеребенкомъ взялъ махонькимъ... соскою выкормилъ... съ дѣтьми баловался, что собачонка за ними бѣгалъ. А выросъ—что за конь былъ! четыре года пахалъ на ёмъ... и вдругъ...

— Ай-ай! Цо! Цо! что жъ такъ ни съ того, ни съ сего и издохъ?

— Да, кормилецъ! вдругъ прихожу къ ему въ стойло, а онъ и не встаетъ, лежитъ. А какъ его распучило, и глядѣть страшно... Такая бѣда!

— Это онъ, вѣрно, траву дурную съѣлъ. Ну-съ, такъ завтра, — и панъ перемѣнилъ свой участливый тонъ, — ты

съ Кузькиными и Прохоровыми выѣзжай скородить въ Кожино.

— Помилуй, кормилецъ! Ослобони... На чемъ же мнѣ скородить-то!

— На чемъ хочешь, твоя очередь! Лошади нѣтъ,—у сосѣда займи, а не дадутъ — самъ впрягись!

— Кормилецъ! одолжи мнѣ хоть какую ни на есть лядащую — и мужикъ бухнулся поляку въ ноги.

— Далибугъ, откуда я тебѣ возьму? Самъ знаешь, наши всѣ на сѣнокосѣ, — и панъ Романъ хлопнулъ дверью и скрылся въ комнаты.

Постоялъ, постоялъ на колѣняхъ мужикъ, потомъ всталъ и поплелся, цѣдя сквозь зубы: „польская собака“. Выйдя за ворота, онъ бросилъ шапку о земь и долго стоялъ въ раздумьѣ, наконецъ, махнулъ рукою и побрелъ занимать лошадь у сосѣда.

— Въ кабалу изъ-за пса иди... или не снести ли старостѣ женины холсты? Будетъ выть баба, а что жъ подѣлать-то?

А панъ Романъ, сидя въ любимомъ креслѣ у окна столовой, покуривалъ свою пѣнковую трубочку и наслаждался родной шопеновской мелодіей. Да, недаромъ онъ платилъ девять лѣтъ большія деньги въ монастырскій пансіонъ подъ Варшавой. Зося стоила того. Если планы осуществятся,—а сегодня опять отъ Гроховскаго новый „окольникъ“ (циркуляръ),—она явится достойной представительницей славнаго когда-то рода Юшкевичей. Ея образованіе и воспитаніе — про красоту и грацію что и говорить! — дадутъ ей возможность занять первое мѣсто въ рядахъ аристократіи освобожденной ойчизны... А дѣло налаживается... Медленно, но вѣрно... Денегъ большихъ стоить будетъ... Ничего... москали пусть расплачиваются. И панъ сталъ прикидывать, сколько нынѣшній колычевскій урожай принесетъ дохода дорогому для польскаго сердца дѣлу... Когда это приведется осуществить?.. Гм... освобожденіе хлоповъ, говорятъ, задумано не на шутку. Ну, что жъ? пусть его съѣзжается начальство... прикинемся вѣрноподданными, слезу отремъ... не въ первый разъ... А тамъ, черезъ годъ-другой... еще подождемъ... И хлопы не всѣ довольны останутся... намъ лучше... под-

нять и ихъ можно будетъ... И панъ Романъ вздохнулъ всей грудью.

Зося захлопнула крышку и встала.

— Фу, какъ ты громко вздыхаешь! Я не могу такъ играть!

Панъ Романъ притянулъ къ себѣ дочь.

— Вздыхаю о тебѣ, кошечка! Что жъ ты не разскажешь мнѣ, о чемъ тебѣ пишетъ Олеся?

— О чемъ? Графъ Свентицкій подарилъ ей шарабанъ на англійскихъ рессорахъ и пару серебристыхъ пони. Бѣлье ей заказали у кармелитокъ, все батистовое, со сквозною гладью. Платье выписано отъ Ворта. На фату ея бабушка, княгиня Глушка, отдала тѣ кружева, которыя у нея торговали для англійской королевы.

— И моя королева, моя Зося, завидуетъ Олесѣ? А?.. полно, ясочка! Всему свой чередъ! вѣрь твоему старому отцу— придетъ день, и у тебя будутъ наряды и платья изъ Парижа, и ты будешь кататься на кровныхъ коняхъ въ раззолоченной каретѣ.

— Но когда же, отецъ? Когда?

— А ты потерпи! — и панъ Романъ посадилъ дочь на колѣни и сталъ качать, какъ ребенка, а она обвилась руками вокругъ его шеи и, заглядывая своими синими звѣздами въ его узкіе, блиставшіе нѣжностью глаза, тихо запѣла:

Ой люли-люли!
Котка безъ кошули,
А котечекъ
Безъ майтечекъ —
Нема кому ушить!

. . . .

Розовая заря догорѣла. Только въ просѣкѣ на самомъ небосклонѣ огненная черточка соединяла черныя стѣны рощи. Огни зажглись на барскомъ дворѣ, обсаженномъ сплошной изгородью изъ боярышника. Но тамъ въ глубинѣ вѣкового сада, среди опьяняющихъ благоуханій левкоевъ и бѣлыхъ лилій черныя окна виллы, словно заколдованныя, отражались на серебрѣ пруда. Ни звука... ни огонька.

Въ нижнемъ этажѣ молча сидѣлъ на приступочкѣ крыльца старый дворецкій Прохоръ. Онъ сегодня былъ дежурнымъ и долженъ былъ ночевать на ларѣ въ прихожей вмѣстѣ съ казачкомъ Ѳедькой. Мальчикъ давно спалъ, свернувшись калачикомъ на войлокѣ. Камердинеръ Евграфъ прошелъ къ себѣ въ каморку и, кромѣ него и стараго барина, оставшагося у себя въ спальнѣ, во всемъ домѣ не было ни души.

Сорокъ слишкомъ лѣтъ держался этотъ разъ навсегда установленный порядокъ. Люди привыкли къ нему, и сами соблюдали очередь, кому ночевать въ прихожей, кому уходить въ людскую на старый дворъ.

Но сегодня Прохору показалось какъ-то особенно жутко. Очень ужъ было тихо кругомъ. Точно что-то таинственное совершалось вблизи... чья-то тѣнь глядѣла изъ-за угла... чей-то вздохъ застылъ въ мертвомъ безмолвіи. Летучая мышь кружилась по воздуху и то скрывалась на темномъ фонѣ деревъ, то черной молніей мелькала на сиреневой пеленѣ ночного неба... Вотъ подлетѣла совсѣмъ близко и чуть не задѣла крыломъ. Старикъ вздрогнулъ и перекрестился. Въ раскрытую дверь прихожей слышалось сопѣніе Ѳедьки.

— Пойти лечь нешто?

И крехтя онъ вошелъ въ комнату, помолился на уголъ, снялъ ливрейный фракъ и легъ на кожаную подушку, но сна не было.

Сторожъ колотилъ гдѣ-то въ доску. Въ паркѣ проуукала сова. Рядомъ въ столовой башеннымъ боемъ пробили часы въ высокомъ деревянномъ футлярѣ. Имъ отозвались серебристымъ тонкимъ колокольчикомъ бронзовые въ кабинетѣ. Сквозь узкія стекла фрамуги смотрѣла золотая звѣздочка.

Прошло еще полчаса, и вдругъ среди мертвой тишины ясно послышался звукъ открываемаго окна. Старикъ вскочилъ:

„Воры“ было его первой мыслью. Нѣтъ! это наверху въ спальнѣ. Барину не спится. Онъ хотѣлъ уже итти будить Евграфа, но вспомнилъ строгій наказъ не выходить изъ прихожей безъ зова.

— А если ему не можется?

Соскользнувъ съ ларя, онъ осторожно вышелъ на крыльцо. Два окна верхняго этажа были ярко освѣщены, но свѣтъ лился неровно, точно не отъ свѣчки.

Надъ трубою, выведенной въ видѣ углового столба воздушной баллюстрады, окружавшей плоскую крышу, вилась розоватая струйка дыма и, принимая причудливыя очертанія, уносилась клочками къ пруду...

— Что тамъ? али онъ и взаправду колдуетъ?—И вспомнились Прохору окрестные толки, приписывавшіе ихъ барину чуть не сверхъестественную силу.

Старикъ постоялъ еще нѣсколько времени, напрягая слухъ, но кругомъ царила нѣмая предразсвѣтная тишина. Онъ перекрестился, легъ снова на ларь и на этотъ разъ крѣпко уснулъ.

Солнце било прямо въ стекла фрамуги, и часы давно отсчитали шесть ударовъ, когда въ прихожую вошелъ Евграфъ. Это былъ тоже высокій старикъ, ровесникъ барина, съ которымъ онъ никогда за всю жизнь не разлучался.

— Эй, вы! вставайте! будите пана... боюсь, съ бариномъ неладно: не достучусь! — (Арсенія Михайловича будили всегда въ шесть часовъ).

— Съ нами крестная сила!

Ѳедька, выпуча глаза, сидѣлъ на потникѣ.

— Ну, живѣе поворачивайся!—и испуганный мальчишка, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, полетѣлъ на старый дворъ.

— Да скажи, чтобы дохтура изъ больницы вызвали,— крикнулъ ему вдогонку Евграфъ.

— Христосъ съ тобой! можетъ, просто крѣпко спитъ.

— Спитъ подлинно крѣпко, пожалуй, что и не проснется.

Прохоръ хотѣлъ было разсказать о своемъ ночномъ наблюденіи, да какой-то голосъ шепнулъ ему, что лучше придержать языкъ за зубами.

Вскорѣ появился панъ Романъ въ своемъ широкомъ холщевомъ балахонѣ.

Онъ сильно раскраснѣлся и тяжело дышалъ.

— Стучалъ ты? — допрашивалъ онъ Евграфа: — хорошо стучалъ?

— Стучалъ, какъ всегда... не отпираетъ.

— А ключъ?

— Ключъ извнутри; сами знаете, баринъ всегда его въ замкѣ оставляетъ.

Панъ постучался одинъ, другой разъ, подергалъ точеную бронзовую ручку, началъ трясти тяжелую краснаго дерева дверь, — никакого отвѣта.

— Гм... Не рубить же ее топоромъ. Лѣстницу приставить, въ окно войти.

Онъ замѣтилъ, что одно изъ нихъ было распахнуто настежь. Панъ подалъ свистокъ. Люди уже бѣжали со двора.

— Эй, лѣстницу сюда!

Лѣстница была принесена, но изъ-за высокаго фундамента она не достигала второго этажа.

— Слушай ты,—обратился панъ къ Өедькѣ:—Герасимъ влѣзетъ наверхъ, а ты становись къ нему на плечи и полѣзай въ окно.

-- Боюсь! — заревѣлъ мальчишка, но здоровый подзатыльникъ поляка образумилъ его и, всхлипывая и утирая носъ, мальчуганъ полѣзъ за долговязымъ Герасимомъ.

Внизу столпилась дворня и глазѣла, запрокинувъ головы, какъ Өедька карабкался за садовникомъ, какъ тотъ поднялъ его себѣ на плечи, и мальчикъ, уцѣпившись за желѣзную обшивку подоконника, вползъ въ окно; но едва онъ спустился въ комнату, раздался его неистовый вопль: „Батюшки... боюсь, боюсь!“

Онъ метнулся обратно къ окну, но лѣстница была уже принята, и дворня снизу кричала:

— Дверь отомкни! ключъ поверни скорѣе!

Дрожащими руками Өедька повернулъ наконецъ ключъ, и панъ Романъ съ Прохоромъ и Евграфомъ вошли въ спальню.

На парадной кровати со сложенными накрестъ руками лежалъ Арсеній Михайловичъ. Лицо его было недвижно и величаво спокойно. Ни малѣйшаго безпорядка въ комнатѣ. Только въ каминѣ подъ сѣрымъ налетомъ пепла чернѣли мелкіе угольки. Евграфъ первый подошелъ къ покойнику и, положивъ земной поклонъ, уткнулся въ атласное стеганое одѣяло и зарыдалъ. Панъ Романъ перекрестился. Дво-

ровые одинъ за другимъ пробрались по лѣстницѣ и робко тѣснились у дверей. Слышалось сдержанное „царство небесное!“, всхлипыванье, сморканье.

Черезъ полчаса сквозь толпу протискивался человѣкъ въ очкахъ. Это былъ докторъ при сельской больницѣ. Твердою поступью подошелъ онъ къ кровати, откинулъ одѣяло, выслушалъ сердце.

— Зеркало подайте!

Евграфъ подалъ маленькое складное зеркало. Приложили къ губамъ — оно не потускнѣло.

— Дай сургучъ!

Евграфъ принесъ сургучъ и зажегъ свѣчу.

Дворня, вытянувъ шеи, съ любопытствомъ смотрѣла, какъ докторъ разстегнулъ воротъ рубашки и капнулъ на грудь барина расплавленнымъ сургучомъ. Зашипѣла горячая капля и, словно кровь, застыла на холодной груди надъ онѣмѣлымъ сердцемъ.

— Кончился...

Панъ Романъ подошелъ на цыпочкахъ.

— Умеръ?

— Ну да, конечно!

— А чѣмъ?

Докторъ пожалъ плечами, приподнялъ вѣко покойнаго, оттянулъ запекшуюся и посинѣвшую губу и произнесъ:

— Разрывъ сердца... аневризмъ.

Полякъ отвелъ доктора къ окну и прищурился.

— А руки?—прошепталъ онъ, едва шевеля губами, чтобы никто не разслышалъ, и скрестилъ свои, какъ у Арсенія Михайловича.

Докторъ оглянулся. Руки были дѣйствительно сложены, точно покойникъ приготовился къ смерти. Онъ пожалъ плечами.

— Безъ вскрытія ничего сказать не могу.

Панъ замахалъ руками.

— Далибугъ!—я не къ тому... совсѣмъ не къ тому...—и, отскочивъ отъ доктора, полякъ началъ распоряжаться вполголоса.

Въ полдень въ бѣломъ двухсвѣтномъ залѣ съ завѣшен-

ными люстрами и зеркалами лежалъ на столѣ владѣлецъ Колычева.

Вѣсть о кончинѣ барина разнеслась по селу, и крестьяне торопились прійти поклониться его праху. Но у дверей стоялъ на стражѣ Евграфъ и строго контролировалъ входящихъ: ни одна женщина не была впущена въ домъ.

— Пока барина не вынесутъ, женской нечести входу нѣтъ: при жизни ненавидѣлъ ихъ покойникъ, такъ и мертваго пусть не поганятъ.

И когда пани Юзыня попробовала пройти въ залъ, старый камердинеръ встрѣтилъ ее такъ сурово, такъ широко разставилъ руки и такъ твердо вымолвилъ: „Нельзя! не приказано!“, что ей пришлось ретироваться.

Не вступать же было въ драку съ москалемъ-хлопомъ ей, ясновельможной пани Юшкевичъ.

III.

Вѣтви старыя понуря,
Росъ вѣка могучій дубъ,
Но его сломила буря,
Обрекла на срубъ.
Подъ своей узорной тѣнью
Давъ пріютъ мнѣ въ лѣтній зной,
Зналъ ли ты, что крестной сѣнью
Встанешь надо мной?

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Кончилась вечерняя панихида. Сквозь завѣшенныя окна слабо пробивается послѣдній свѣтъ зари. По залу носятся благовонныя струйки ладана и таютъ высоко подъ лѣпнымъ потолкомъ. Уныло гудитъ голосъ читальщика, сына отца дьякона, семинариста, пріѣхавшаго на вакаціи.

Евграфъ сидитъ въ дальнемъ углу на принесенной изъ прихожей табуреткѣ. Низко опустилась сѣдая голова. Старикъ прислушивается къ словамъ Псалмопѣвца, и вся его минувшая жизнь, неразлучно прожитая съ усопшимъ бариномъ, проходитъ передъ нимъ отрывками. Вспоминаются такія мелочи, такія подробности, которыя казались давнымъ-давно стершимися изъ памяти...

...Люди считали его барина богоотступникомъ, а онъ

зналъ, что баринъ умѣлъ молиться... въ церковь заглядывалъ рѣдко, а дома молился. Въ молодости въ варшавскихъ уланахъ покучивалъ, чего грѣха таить! не разъ замертво пьянымъ привозили,—ну, и женщинами баловался, какихъ только кругомъ ни вилось... и денегъ бывало не хватало на подарки да шали... а потомъ все сошло, какъ съ той встрѣтился, сразу измѣнился, словно переродился, и не узнаешь. И чѣмъ его взяла, чѣмъ покорила? Тихая, скромная, все улыбается только, такъ кротко улыбается, да глаза большіе, ласковые...

Какъ шальной пріѣхалъ разъ.

„Женюсь, — говоритъ, — черезъ недѣлю ѣдемъ въ Россію (въ Баваріи тогда, за границей были). Усадьбу приведу въ порядокъ, жить въ Колычевѣ будемъ. Только,—говоритъ,— два года ждать родители условіемъ поставили, а пока помолвку втайнѣ держать, потому молода очень“.

Что жъ, батюшка, и дѣло! довольно покружились, пора на вотчинной землѣ осѣсть.

Та съ матерью въ Парижъ поѣхала, а они въ Колычево.

Пріѣхали, а усадьба, какъ по ней французы-то прошли, такъ полуразоренная и стояла. Не понравилось — бѣдно, тѣсно, не къ тому она, невѣста-то, привыкла. И выросъ этотъ новый домъ... старый со службами для хозяйства остался, „для прозы“ (Евграфъ даже ухмыльнулся, вспомнивъ, какъ растолковывалъ ему Арсеній Михайловичъ это мудреное слово: — проза это вотъ все, что деньги приноситъ), а этотъ, ровно въ сказкѣ, въ самой глубинѣ сада, весь бѣлый, точеный, что кружево, да чтобъ въ воду глядѣлся, да цвѣты кругомъ...

Всѣ мужики по очереди на постройкѣ работали. Плотниковъ да каменщиковъ нагнали со всей губерніи, мастеровъ печныхъ, штукатуровъ, маляровъ выписали изъ Москвы, а главный архитекторъ изъ Питера наѣзжалъ. Цѣлымъ таборомъ рабочіе тутъ жили. Колычевскіе старики сильно тогда поваркивали, а мужья женъ вожжами учили, потому съ пришлыми баловство было затѣяли. А какъ домъ—вилла эта окончена была, чего-чего для украшенія внутри не навезли. Со всей заграницы, что лучшаго находили, скупали,

сколько денегъ, прозы этой, ухлопано было! „Горки“, что отъ матери достались, въ опекунскій заложить пришлось. Зато и посмотрѣть было на что!

Черезъ два года все готово было. Три раза за это время въ Парижъ на свиданіе съ невѣстой ѣздили. Лѣтомъ тоже вотъ въ іюнѣ поѣхали опять въ Баварію, гдѣ невѣста ждать должна была, — ни слуху, ни духу. Ждали недѣлю... въ Парижъ поскакали, оттуда въ Швейцарію, въ Италію,— словно въ воду канула, никто не знаетъ, ничего нигдѣ не слыхали, а чуть не наканунѣ отъѣзда еще въ Колычевѣ письмо получили: „жду, молъ, не дождусь“... Такъ и не дождались.

Потомъ ужъ черезъ полтора года въ Варшавѣ узнали, что мать за француза графа, за католика, ее замужъ отдала, потому что сами католички — польки были.

Помѣшался тогда въ умѣ баринъ, да такъ въ себя чтобъ совсѣмъ, почитай, никогда не пришли. Пробовалъ онъ, Евграфъ, его уговаривать: „Не убивайтесь, молъ, сударь, другая сыщется...“

А онъ только посмотрѣлъ, да отвѣтилъ:

„Нѣтъ для меня никакой другой, и чтобъ ни одна ко мнѣ близко не подходила. Не она, а мать виновата. Я знаю,— она бы дождалась... она и теперь ждетъ. И я до ста лѣтъ ее ждать буду, а ты языкъ за зубами держи, и имени ея произносить ни передъ кѣмъ не смѣй“.

Вернулись въ Колычево, стали ждать.

Все въ величайшемъ порядкѣ держалось — домъ, садъ, хозяйство, каждая вещь къ своему мѣсту, хоть сейчасъ хозяйкѣ вернуться... и такъ больше сорока лѣтъ прошло.

Людямъ непонятно было, какъ можно жить такъ,—а онъ, Евграфъ, понималъ. Люди барина за чудака считали, онъ зналъ, что баринъ не чудакъ, а сердцемъ боленъ.

Сосѣди сперва наѣзжали. Первое время баринъ ничего, кое-кого и принималъ, да надоѣли. Извѣстно, какіе у господъ помѣщиковъ промежъ себя разговоры, — начнутъ про урожай, про собакъ, а съѣдутъ на бабъ,—ну, а нашъ этого не терпѣлъ.

Все, все прощалъ старый слуга своему барину, одного

не понималъ: зачѣмъ онъ снова съ полякомъ связался, съ паномъ Романомъ! Раньше управляющій нѣмецъ былъ, Хранцъ Карлычъ, хорошій, хотя строгій, но справедливый, да померъ, и вотъ двадцатый годъ замѣняетъ его Юшкевичъ.

Кто рекомендовалъ этого щербатаго пана съ вышибленнымъ спереди, вѣрно, въ дракѣ, зубомъ? Какъ узналъ онъ о болѣзни нѣмца и почему подвернулся какъ разъ въ это время,—не могъ никогда разузнать старый вѣрный Личарда. Порою казалось ему, что это та, измѣнница, его подослала... Онъ даже разъ намекнулъ барину, что охота ему послѣ прошлаго водиться съ поляками. Арсеній Михайловичъ оборвалъ его и сказалъ:

„Всю молодость съ поляками прожилъ и худого не видѣлъ. Образованные люди, куда образованнѣе насъ... надо ихъ пожалѣть, потому неизвѣстно, какъ русскіе поступали бы, раздѣли иностранцы Россію, какъ мы ихъ страну раздѣлили“.

У Евграфа при одной мысли, что Россію осмѣлились бы раздѣлить, сжались кулаки, онъ вспомнилъ, какъ въ юности подкарауливалъ съ отцомъ и дѣдомъ отсталыхъ французовъ и какъ безжаластно истребляли ихъ его земляки изъ кремневыхъ ружей, ровно забѣглыхъ волковъ въ лѣсахъ.

Больно ныло сердце старика, вспоминая о послѣднихъ годахъ въ Колычевской вотчинѣ подъ польскимъ кулакомъ. Много несправедливаго творилось, да довести до барина не хватало духа. Одинъ Богъ, вѣрно, стоны да удары розогъ на конюшнѣ считалъ... Кроткое, преданное сердце не хотѣло осуждать того, кого такъ горячо и беззавѣтно любило, но инстинктъ чуялъ во всей этой жизни странную фальшь...

...А по небу плыли облака. Словно тѣни пробѣгали по бѣлому залу, когда они застилали небо. Звѣзды напрасно силились заглянуть въ высокія окна.

Не смотрите, звѣзды! Грустно глядѣть намъ, грѣшнымъ, въ ваши небесныя очи! Страшно держать отвѣтъ за безполезно прожитую жизнь! Не найти оправданія за роскошь сказочныхъ палатъ и за обвѣтренныя крыши тѣхъ, кто строилъ ихъ..

. . . .

Иванъ Николаевичъ Колычевъ, родной племянникъ и наслѣдникъ Арсенія Михайловича, сынъ его брата Николая, убитаго на Кавказѣ, пріѣхалъ изъ Горокъ на другой день къ вечеру. Едва ступилъ онъ на крыльцо, къ нему подошелъ Евграфъ и, поцѣловавъ въ плечо, подалъ ажурной работы бронзовый ключъ.

— Отъ бюро въ розовой комнатѣ. Баринъ мнѣ этотъ ключъ 20 лѣтъ назадъ дали, велѣли передать наслѣднику, когда помрутъ. У нихъ другой такой же на связкѣ будетъ.

Иванъ Николаевичъ поцѣловалъ старика въ сѣдую голову.

— Спасибо тебѣ! я этого не забуду!

Панъ Романъ, присутствовавшій при этой сценѣ, почему-то вдругъ сконфузился. Онъ поторопился наложить печати на двери кабинета и спальни, а о розовой комнатѣ и не подумалъ. „Цо! то!“

Поклонившись тѣлу дяди, Иванъ Николаевичъ прошелъ наверхъ. Евграфа онъ взялъ съ собой, а пана оставилъ въ дверяхъ.

Въ первый разъ посторонняя нога ступала за порогъ святилища. Противъ окна, сквозь тусклыя стекла котораго вливался кроткій свѣтъ догорающаго лѣтняго дня, у штофной стѣны, окаймленной въ два ряда бѣлымъ рѣзнымъ багетомъ, стояло деревянное мозаичное бюро съ бронзовыми ручками и золоченой личинкой. Съ нѣжно-мелодичнымъ звономъ повернулся въ ней ключъ, и взглядамъ Ивана Николаевича представилась удивительной работы внутренность въ видѣ бальнаго зала съ колоннами слоновой кости, съ зеркальными стѣнами и штучнымъ паркетомъ изъ чернаго и пальмоваго дерева. Дорогая игрушка, отъ которой каждая женщина пришла бы въ невольный восторгъ.

Евграфъ придавилъ одну шашку въ паркетѣ, и правая стѣна повернулась. За ней въ потайномъ ящикѣ оказался запечатанный конвертъ съ четкой надписью: „Прошу распечатать тотчасъ по моей смерти“.

Это была послѣдняя воля покойнаго.

„Все свое состояніе, движимое и недвижимое, въ чемъ бы оно посейчасъ ни оказалось, со всѣми угодьями и людьми, завѣщаю поровну единственнымъ законнымъ наслѣдникамъ

моимъ, племяннику и племянницѣ, дѣтямъ убіеннаго брата моего Николая. Вѣрнаго слугу моего Евграфа Птичкина отпускаю на волю и прошу положить до смерти ему его настоящее жалованье и содержаніе, чтобы ни въ чемъ ему нужды не знать, и земли двѣ десятины рядомъ съ усадьбою, и лѣсу на домъ, дабы могъ онъ и на склонѣ лѣтъ жить подлѣ и за могилою моею уходъ блюсти. А похоронить меня прошу не въ оградѣ церковной, ибо недостоинъ ея по великимъ грѣхамъ моимъ, а у пруда на кулигѣ въ саду моемъ, гдѣ вязъ прадѣдомъ саженый стоитъ; ни камня, ни плиты на могилѣ имѣть не желаю, а только крестъ дубовый, некрашенный. Сія воля моя послѣдняя есть и очень прошу не итти противу нея. А наслѣдниковъ моихъ прошу: наградите всѣхъ дворовыхъ моихъ и служившихъ мнѣ соразмѣрно заслугамъ и годамъ служенія, на что и назначаю пять тысячъ рублей ассигнаціями".

Въ концѣ завѣщанія, не скрѣпленнаго никакими свидѣтельскими подписями и припечатаннаго только фамильной печатью, стояло:

„А дабы никому сумлѣнія не было, что сія духовная есть точно доподлинная воля моя, копія съ оной сдана мною въ алтарь церкви Іоанна Воина, что въ селѣ Колычевѣ, на храненіе іерею Матвѣю Приклонскому".

Эта приписка привела въ волненіе пана Романа: отецъ Приклонскій уже семь лѣтъ какъ умеръ, а о пакетѣ съ завѣщаніемъ отъ замѣнившаго его отца Никиты Вознесенскаго онъ ничего не слыхалъ.

Приглашенный тотчасъ священникъ зналъ, однакоже, въ чемъ дѣло, и, скромно опустивъ глаза, на вопросъ поляка: зачѣмъ же онъ молчалъ? — отвѣтилъ, что, согласно надписи на пакетѣ, онъ обязанъ былъ передать его въ собственныя руки наслѣдника, и, вынувъ изъ-за пазухи точно такой же, какъ и найденный въ бюро, запечатанный гербовой печатью пакетъ, вручилъ его Ивану Николаевичу въ присутствіи прибывшаго кстати станового.

Иванъ Николаевичъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на поляка. Въ сущности въ завѣщаніи не было ничего, что мѣняло бы дѣло, умри дядя и безъ завѣщанія, развѣ доля

сестры была бы поменьше, да похоронили бы Арсенія Михайловича въ оградѣ, гдѣ покоились его дѣдъ и прадѣдъ,— въ чемъ же дѣло?

Съ дѣланной улыбкой панъ отвѣтилъ:

— Такъ ничего, я просто не думалъ...

— Что русскіе попы молчать умѣютъ,—докончилъ отецъ Никита,—и не всякую тайну схизматикамъ выдаютъ.

Панъ Романъ растерялся. Онъ не ожидалъ такого отвѣта отъ тихаго и застѣнчиваго отца Никиты. Наглый и привыкшій повелѣвать, онъ начиналъ чувствовать, что со смертью Арсенія Михайловича чѣмъ-то новымъ повѣяло въ Колычевѣ. Его Юзыню не допустили въ виллу; печати его оказались напрасными, и въ завѣщаніи онъ отдѣльно упомянутъ не былъ. Одна у него таилась надежда, что это написанное двадцать лѣтъ назадъ завѣщаніе окажется недѣйствительнымъ, и гдѣ-нибудь въ кабинетѣ или спальнѣ окажется другое, позднѣйшее, которое и ему принесетъ награду за долголѣтнюю вѣрную службу.

Размышленія его были прерваны вошедшимъ на цыпочкахъ Прохоромъ.

— Какъ прикажете насчетъ поминокъ? Вѣдь съѣдутся непремѣнно господа, да изъ города все-таки будутъ. Гдѣ прикажете столы накрывать? — обратился старый дворецкій къ новому барину.

Колычевъ поморщился. Кощунствомъ казалось ему, едва унеся покойника, собирать сразу въ его закрытомъ для всѣхъ домѣ народъ для пированья, но дѣлать было нечего. И онъ распорядился, заперевъ всѣ остальныя комнаты, открыть для гостей обѣ столовыя и смежную съ обюссоновой угловую боскетную. Для крестьянъ же разставить столы на старомъ дворѣ и поручить всѣ хлопоты пани Юзынѣ.

Эти категорическія распоряженія по сердцу ударили самолюбиваго поляка. Съ нимъ не совѣтовались, его ни о чемъ не спрашивали. Имъ и его женою распоряжались, какъ подневольными слугами?.. Но возражать онъ не посмѣлъ. И когда Иванъ Николаевичъ обернулся къ нему и сказалъ: „прошу васъ, панъ, распорядитесь немедленно!“ онъ выскочилъ съ поклономъ за дверь и только погрозилъ

кулакомъ выходившему вслѣдъ Прохору, зачѣмъ онъ осмѣлился помимо него обратиться къ барину за приказаніями.

До глубокой ночи кипѣла въ усадьбѣ работа. Въ городъ былъ посланъ нарочный за винами и закусками. Поваръ Еремѣй съ тремя подручными что-то рубилъ и мѣсилъ въ нижней кухнѣ. На птичникѣ шла усиленная рѣзня цыплятъ и утокъ, и пани Юзыня, съ обиженнымъ лицомъ, при свѣтѣ сальнаго огарка отпускала изъ нѣдръ обширной прохладной кладовой цѣлые запасы пшена, рису, изюма и т. п. Подъ прадѣдовскимъ вязомъ, согласно волѣ Арсенія Михайловича, рыли могилу, а въ столярной тесали, строгали и сколачивали крестъ изъ срубленнаго еще весною отжившаго дуба.

Иванъ Николаевичъ не ложился. Долго стоялъ онъ у гроба, вглядываясь въ черты знакомаго лица. Просвѣтленнымъ казалось оно; почти радостная улыбка застыла на посинѣвшихъ губахъ, подъ темнымъ налетомъ обритыхъ усовъ. Густыя дуги бровей срослись надъ переносицей — родовая черта Колычевыхъ, черта, по народному повѣрью, людей съ трагической судьбою.

„Кто же была она, эта женщина, которую ты такъ любилъ?—Иванъ Николаевичъ вспомнилъ о портретѣ.—Завтра снимемъ печати, и дѣло разъяснится“.

Самъ онъ видѣлъ этотъ портретъ еще тринадцатилѣтнимъ кадетомъ и не могъ никогда забыть произведеннаго имъ на его отроческую душу впечатлѣнія. Въ послѣдній пріѣздъ съ отцомъ въ Колычево ему удалось незамѣтно прокрасться въ спальню дяди. Съ замираніемъ сердца отдернулъ онъ завѣтную занавѣску и обомлѣлъ. Вмѣсто ожидаемой имъ красавицы въ парчѣ и напудренномъ парикѣ, или царевны въ воздушныхъ тканяхъ и золотыхъ кудряхъ до пятъ, на него глянули изъ рамы сѣрые кроткіе глаза гладко причесанной, скромно одѣтой дѣвушки, съ книжкой въ рукѣ и съ дивной улыбкой на нѣсколько блѣдномъ личикѣ. Но взглядъ этихъ глазъ былъ такой живой, такой проникающій въ самую душу, что онъ не могъ оторваться отъ портрета. Только заслышавъ чьи-то шаги, онъ дрожащими руками задернулъ зеленую тафту и съ сильно бьющимся сердцемъ спустился въ залу...

Долго потомъ образъ этой дѣвушки смущалъ его юныя мечты, и теперь ему захотѣлось поскорѣе провѣрить свое дѣтское впечатлѣніе.

Но было бы святотатствомъ до похоронъ нарушать покой тѣхъ стѣнъ, гдѣ нашла наконецъ миръ истомившаяся при жизни душа. Завтра не за горами...

IV.

Смолкъ молитвенный напѣвъ.
Звонъ гудитъ и замираетъ.
Солнце, землю отогрѣвъ,
Ярко на небѣ играетъ.
Боже! дай счастливый день
Для родныхъ деревень!
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Взопіло солнце и снова спряталось за тучу. По вершинамъ старыхъ липъ и вязовъ перебѣгала рябь вѣтерка, и осиновые листья бились все быстрѣе и тревожнѣе на чуткихъ черенкахъ. Съ разсвѣта стали стекаться къ колычевской церкви крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Стараго барина, почти невидимо для ближайшихъ сосѣдей прожившаго слишкомъ сорокъ лѣтъ безвыѣздно на вотчинной землѣ, уважали всѣ. За что? За то ли, что паркъ его на тридцати десятинахъ слылъ волшебнымъ садомъ, окружавшимъ не менѣе волшебный замокъ, когда-то воздвигнутый имъ для невѣсты? За вѣрность ли его памяти этой невѣрной красавицы? Или за тѣ длинныя и многія полосы ржи, гречихи, ячменя и овса, за сосновыя и березовыя рощи, за поёмные луга, которые воздѣлывались, охранялись, косились и убирались колычевскими мужиками, сгоняемыми на барщину сперва нѣмцемъ Хранцъ Карлычемъ, а потомъ полякомъ паномъ Романомъ?.. Никто изъ этихъ простыхъ людей не спрашивалъ: за что? Онъ былъ ихъ бариномъ, какъ его предки были барами ихъ предковъ. Онъ жилъ по-барски, и они пришли поклониться его праху, помолиться за упокой его души, помочь перенести его гробъ для отпѣванія въ старую каменную церковь, а оттуда и къ могилѣ, да кстати поглазѣть на съѣхавшихся на похороны гостей и

потомъ помянуть его на барскомъ дворѣ за кутьей, которой хватитъ, конечно, на всѣхъ, сколько бы ни пришло народу.

На колокольнѣ сѣдой и полуглухой понамарь зорко глядѣлъ на барскую усадьбу, чтобы тотчасъ ударить въ колоколъ, какъ вынесутъ гробъ изъ дома. Оба его внука, Ѳомка и Семка, глядѣли туда же, такъ какъ Ѳедотычъ не хотѣлъ положиться въ этомъ важномъ случаѣ на одни свои старческіе глаза.

Кругомъ колокольни вились бѣлогрудыя ласточки. Черные стрижи съ пронзительными взвизгами проносились мимо. Вѣтеръ завывая прорывался въ сквозные пролеты. А по небу бѣжали бѣлыя съ сѣрымъ облака, то скрывая солнце, то вновь уступая его ярко-голубымъ просвѣтамъ, и по зеленымъ яровымъ полямъ и по зазолотившейся уже кое-гдѣ ржи скользили быстрыя тѣни и захватывали по дорогѣ и островки рощъ, разбросанныхъ по всему простору, и сверкавшій только-что извивъ быстрой Оболони, и кучки сѣрыхъ крышъ окрестныхъ деревушекъ. Бѣлая вилла рѣзко вырисовывалась на темной зелени парка. Съ вышины ясенъ былъ весь планъ вѣкового сада съ его прудами и аллеями. Въ сторонѣ справа правильнымъ параллелограмомъ лежалъ старый дворъ, обсаженный боярышникомъ, съ каменными столбами воротъ на дорогѣ, съ конюшнями и коровникомъ, обращенными къ полямъ. и съ кирпичной людской, погребами и амбарами, глядѣвшими на деревню, а низкій сѣрый домикъ управителя своей красной крышей замыкалъ главную липовую аллею.

По условію, какъ только поднимутъ гробъ, дворецкій Прохоръ, кумъ Ѳедотыча, долженъ былъ настежь распахнуть среднія двери на террасу надъ прудомъ, чтобы похоронный перезвонъ сопровождалъ покойнаго во всю дорогу отъ самаго крыльца. Ѳомка и Семка соскучились отъ ожиданія и для развлеченія затѣяли игру; перебѣгая отъ одного пролета къ другому, они сплевывали по очереди внизъ на собравшійся народъ, какъ вдругъ раздался сильный окрикъ дѣда:

— Аль ослѣпли, пострѣлы? Не видите, что ударять пора?

И, наступивъ на доску, привязанную толстымъ канатомъ

къ языку главнаго колокола, онъ поймалъ ухо Семки и яростно рванулъ его. Семка взвизгнулъ, но голосъ его потонулъ въ густой волнѣ удара, а увернувшійся Ѳомка потянулъ со страха не ту веревку, и сразу послѣ прогудѣвшаго баса задребезжалъ тоненькій голосокъ „Ивановны“, какъ звалъ Ѳедотычъ самый мелкій изъ колоколовъ, который однажды во время ремонта колокольни онъ едва разыскалъ граблей въ травѣ. Ѳедотычъ вырвалъ веревку у Ѳомки, и подъ его искусной рукою полился печальный перезвонъ, словно сама старая церковь заплакала и зарыдала, „видя во гробѣ безобразну и безславну, не имущую вида красоту“ того, чье имя поминалось за каждой службой, за чье здравіе и благоденствіе клали, молясь, усердные поклоны и священникъ, и дьяконъ, и крестьяне.

Медленно, въ ногу шли несшіе гробъ. Черные шесты носилокъ лежали на плечахъ постоянно мѣнявшихся носильщиковъ, потому что каждому мало-мальски причастному къ усадьбѣ хотѣлось потрудиться въ свой чередъ. Впереди мѣрно выступалъ Евграфъ съ полотенцемъ черезъ плечо и иконой баринова ангела, а за нимъ отецъ Никита, два священника изъ уѣзда и дьяконъ Зосима. Пѣвчихъ отдѣльно шедшихъ не было, но вокругъ гроба пѣлъ хоръ крестьянъ. Высокій семинаристъ-читальщикъ превратился въ регента и такъ усердно размахивалъ руками, что добился-таки стройности.

Иванъ Николаевичъ шелъ, какъ и всѣ, съ непокрытой головою. Ему почтительно кланялись стоявшія по дорогѣ въ сторонкѣ женщины и перешептывались о его видной осанкѣ и „чистомъ“ лицѣ. Онѣ помнили наказъ Евграфа не подходить близко и тщетно пытались хоть издали разсмотрѣть черты усопшаго, котораго несли въ дубовомъ гробу, на половину покрытомъ тяжелымъ покровомъ изъ золотой парчи.

Шествіе обогнуло усадьбу и по обсаженной плакучими березами дорогѣ съ пыльными, заросшими крапивою канавами свернуло на улицу села. Грустно смотрѣли сѣрыя избы подъ соломенными крышами на того, кто ни разу за всю свою долгую жизнь не заглянулъ ни въ одну изъ нихъ,

но старыя сморщенныя бабушки, едва выползшія за ворота, не посылали ему вслѣдъ упрека.

— Царство небесное! Упокой, Господи, душу раба Твоего! — шептали завядшія, ввалившіяся губы, и тихія слезы капали на закорузлые въ трудѣ пальцы, сложенные для крестнаго знаменія.

. . . .

Какъ ни обижена была Евграфомъ пани Юзыня, но любопытство не давало ей покоя. Ей до смерти хотѣлось быть на отпѣваніи и, окончивъ всѣ свои хозяйственныя распоряженія относительно кутьи для крестьянъ, она постучалась къ Зосѣ.

Зося жила въ мезонинѣ, передѣланномъ для нея изъ чердака. Она не очень-то любила, чтобы мать поднималась къ ней наверхъ. Всегда эти визиты сопровождались какими-нибудь замѣчаніями или поползновеніями къ выговору, чего Зося не терпѣла.

— Зося, дитя! ты спишь?

— Нѣтъ, я давно одѣта, сейчасъ сойду!

— Нельзя къ тебѣ, душка? Мнѣ необходимо сказать тебѣ слово!

Зося въ черномъ платьѣ и шляпкѣ была совершенно готова.

— Что вамъ, мама?

Отцу она говорила „ты", а съ матерью, которую не особенно долюбливала, была на „вы".

— Ты одѣта? ты, значитъ, идешь въ церковь?

Зося, вообразивъ, что это упрекъ, приняла осиное выраженіе и вызывающе отвѣтила:

— Такъ что жъ изъ того? вѣру мѣнять не собираюсь! только такъ зайду!

— Ахъ, цурка, я и не думала того! Я сама хочу итти туда, да боялась одна... Подожди меня трошки, я сію секунду буду въ парадѣ.

И пани Юзыня необычайно легко и быстро скатилась съ лѣстницы.

Минутъ двадцать пришлось ждать Зосѣ, пока мать, пыхтя отъ волненія, втиснула свои дебелыя тѣлеса въ корсетъ,

зашнуровала платье, приладила шляпку и разыскала митенки. Зося оглядѣла пани Юзыню, милостиво переколола ей воротничекъ, оправила цвѣтокъ и кружева головного убора и одернула шаль.

— Очень жаль, мама, что вы себя такъ распускаете: вотъ пріодѣлись и сразу на благородную пани похожи стали.

Польщенная этой полудерзкой похвалою дочери старая полька совсѣмъ расцвѣла и, гордо пріосанившись, пошла рядомъ съ красавицей Зосей ближайшей дорогою въ церковь.

Около церкви стояло нѣсколько разнокалиберныхъ экипажей—бричекъ, кабріолетовъ, колясокъ и тарантасовъ. Это изъ города и изъ сосѣднихъ помѣстій съѣхались помѣщики и тѣ праздные уѣздные жители, которымъ кажется, что ихъ священная обязанность присутствовать непремѣнно на всѣхъ похоронахъ и свадьбахъ, и что дѣло безъ нихъ ни за что, какъ подобаетъ, не сладится. Многіе изъ нихъ пытались въ прежніе годы завязать дружбу съ Арсеніемъ Михайловичемъ, но попытки ихъ послѣ двухъ-трехъ наѣздовъ въ Колычево поневолѣ прекращались, такъ какъ новый сосѣдъ не высказывалъ и не показывалъ ни малѣйшей наклонности поощрять ихъ. Но кто же съ покойника взыскиваетъ? И не помнящіе зла дворянчики и чиновники поспѣшили въ колычевскую церковь отдать послѣдній долгъ усопшему и проститься съ нимъ послѣднимъ цѣлованіемъ. Нѣкоторые явились даже съ супругами, потому что искони велико любопытство дамское и не бывало еще на свѣтѣ женщины, которая отказалась бы проникнуть при первой возможности туда, куда ей бывалъ ранѣе запрещенъ входъ.

Когда пани Юзыня съ Зосей вошли въ церковь, онѣ едва могли пробраться сквозь толпу. Становой Супруненко, чуткій къ женской красотѣ и не разъ пивавшій старую вудку приготовленія пани Юзыни, загудѣлъ: „Посторонись! посторонись!“ и обѣ дамы очутились почти у гроба.

Ихъ появленіе, благодаря всколыхнувшейся толпѣ, привлекло всеобщее вниманіе. Иванъ Николаевичъ обернулся вмѣстѣ съ другими. Видъ Зоси, одѣтой очень тщательно и весьма траурно, заинтересовалъ его, и глаза его нѣсколько

разъ останавливались на ней. Кто она? Лицо ему показалось знакомымъ, но гдѣ и когда онъ ее видѣлъ, припомнить онъ не могъ и совершенно противъ воли сталъ ломать себѣ надъ этимъ вопросомъ голову.

А служба шла своимъ чередомъ. Кончилась обѣдня. Началось отпѣваніе. Дьячки и сыновья священника и дьякона пѣли на клиросѣ. Въ общемъ выходило недурно, потому что высокій семинаристъ умолялъ пѣть „помодератнѣе". Трогательные мотивы сливались съ чудными словами Дамаскина, и чуткая и музыкальная Зося поддалась ихъ обаянію. Ей, въ сущности доброй и чувствительной, стало дѣйствительно жаль этого одиноко прожившаго свой вѣкъ старика, и слезы закапали изъ ея синихъ глазъ. А Иванъ Николаевичъ снова смотрѣлъ на нее.

— Кто она? кто? Гдѣ я видѣлъ ее? — спрашивалъ онъ себя недоумѣвая.

Потушили свѣчи. Громко и выразительно прочелъ отецъ Никита разрѣшительную грамоту отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ и, вложивъ ее въ холодные пальцы мертвеца, широкимъ крестомъ перекрестилъ его и поцѣловалъ въ лобъ. Началось прощаніе. Иванъ Николаевичъ простился первый и сталъ около гроба. Одинъ за другимъ подходили присутствовавшіе. Зося терпѣливо ждала своей очереди. Ее неудержимо тянуло приложиться къ этой бѣлой восковой рукѣ, ей хотѣлось поблагодарить старика за всѣ свои девятнадцать лѣтъ жизни, проведенной на его землѣ. Въ эти минуты она была дѣйствительно искренна и размягчена душевно и, забывъ про Евграфа и про то, что ни одна женщина не смѣла приближаться къ покойному, она поднялась по ступенькамъ катафалка.

Евграфъ, припавъ къ ногамъ своего дорогого „батюшки барина", безутѣшно рыдалъ. Онъ не видѣлъ, какъ Иванъ Николаевичъ невольно поддержалъ прощавшуся Зосю, какъ встрѣтились взоры обоихъ. Дѣвушка прочла въ этихъ мужскихъ глазахъ такой интересъ, что ей захватило духъ. Смѣлая, до дерзости смѣлая мысль молніей блеснула въ бѣлокурой головкѣ, и вся искренность Зоси, вся ея естественность разомъ сошла. Движенія стали еще граціознѣе, выра-

женіе фарфороваго личика сдѣлалось ангельскимъ, и голосъ ея прозвучалъ, какъ небесная мелодія, когда она, слегка грасируя, произнесла:

— Oh, de grâce! merci, monsieur.

Сквозь опущенныя рѣсницы она начала слѣдить за малѣйшими движеніями Колычева. Да, отецъ былъ правъ! она будетъ ѣздить на кровныхъ коняхъ, она затмитъ Олесю роскошью и нарядами... А Стась? Берегись! Не сдобровать тебѣ, графъ Стась Запольскій.

V.

Когда ты будешь спать во мглѣ,
Во мглѣ сырой могилы,
Туда сойду я и въ землѣ,
Къ тебѣ прижмусь, другъ милый.
Къ холодной, блѣдной и нѣмой
Прильну я въ мукѣ страстной—
И вскорѣ трупъ застынетъ мой,
Безтрепетный, безгласный...
(Изъ Гейне. Переводъ М. К.).

Подносы съ кутьей, плошки съ киселемъ, чашки съ блинами и штофы водки быстро опоражнивались. Кое-кто изъ крестьянъ, помянувъ въ послѣдній разъ покойника и сунувъ за пазуху недоѣденный кусокъ, уже брелъ домой, но его мѣсто снова занималось другимъ очереднымъ, и столы изъ тесовыхъ досокъ, положенныхъ на козлы, еще не пустѣли. Толстые шкалики ходили по рукамъ, и языки уже начинали развязываться. До мужиковъ дошли уже черезъ дворовыхъ слухи, что „новый-то" не то чтобы очень ласковъ съ паномъ былъ, а отъ пріѣхавшихъ съ молодымъ бариномъ камердинера и кучера они узнали, что Иванъ Николаевичъ никого никогда по своей гусарской привычкѣ не слушаетъ и распоряжаться привыкъ самъ.

— И дѣло! на то и хозяинъ...

Смуглый и худой Агаѳонъ, котораго еще такъ недавно прижалъ съ лошадью полякъ, заранѣе торжествовалъ.

— Конецъ ему, карачунъ, значитъ! Потому ежели говорить по правдѣ, по истинѣ, много мы отъ него терпимъ, а „новый" до всего дойти должонъ, какъ хозяйство прини-

мать станетъ. Полякъ какъ ни хитри, а въ отвѣтѣ будетъ. Потому и надъ нимъ нынѣ управа сыщется. Это къ покойнику ходу не было, а я первый къ новому пойду. Вотъ те Христосъ! приду и все ему доложу, всю, значитъ, нашу обиду!

— Такъ онъ тебя, дурака, и послушаетъ! — возразилъ степенный Кузьма, давшій ему въ четвергъ лошадь за два конца холстовъ и посейчасъ воющей о нихъ Акулины. — Ты ори погромче, авось еще отъ пана влетитъ на закуску?

— А ты чего, хохорь, лаешься?

— Ну, ты потише!

— Самъ потише, кровопивецъ, панскій угодникъ! Тебя бы съ полякомъ на одну веревку вздернуть.

— Это за то, что изъ бѣды тебя надысь выручилъ?

— А какъ выручилъ?

И озвѣрѣвшій Агаѳонъ готовъ уже былъ вцѣпиться въ рыжую бороду Кузьмы, но сосѣди его удержали.

— Панъ идетъ!

Мужики присмирѣли. Панъ Романъ, пыхтя и цокая, обходилъ столы.

— Ну что довольны?.. — ему по привычкѣ хотѣлось прибавить „быдло", но онъ удержался и сказалъ: „братцы".

— Ишь ты! въ польскіе братцы попали! — сострилъ сѣдой Пахомъ. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи послѣ вкусныхъ блюдъ и неразбавленной зеленухи.

Кое-кто фыркнулъ, а болѣе робкіе и забитые пробормотали:

— Спасибо на барской милости!

Въ это время на дворѣ показался Иванъ Николаевичъ. Лица просіяли.

— Хлѣбъ да соль!

— Милости просимъ! Кормилецъ ты нашъ! родной ты нашъ!

Крестьяне перелѣзали черезъ скамьи и тѣснясь окружили Колычева.

— Спасибо вамъ, что пришли помянуть вашего покойнаго барина. Сыты ли? Всѣмъ ли хватило угощенія?

— Всѣмъ! всѣмъ! Много вами довольны и много вами благодарны!

— Соколъ! — сказалъ сіяющій Пахомъ.

— Ужъ подлинно соколъ-орелъ! — раздались одобренія.

— А завтра всѣхъ прошу сюда къ полудню на дворъ снова, и кому какая нужда есть, пусть всякій не боясь выскажетъ.

Послѣ этой рѣчи восторгъ крестьянъ достигъ апогея.

— Дождались! дождались! услышалъ Господь насъ грѣшныхъ.

Панъ Романъ закусилъ усы. Онъ совершенно ясно почувствовалъ, что царству его пришелъ конецъ.

Молча онъ удалился въ свою контору и заперся. Книги у него велись по внѣшности весьма аккуратно, потому что хотя Арсеній Михайловичъ въ подробности и не входилъ, но еще Францъ Карловичъ со своимъ нѣмецкимъ педантизмомъ пріучилъ его къ мѣсячнымъ подписямъ, и онъ, вѣрный однажды заведенному порядку, требовалъ и отъ поляка каждое первое число книги для просмотра.

Итальянская бухгалтерія со сложными переносами и итогами сослужила хорошую службу, и панъ Романъ ловко умѣлъ ею пользоваться. Но отнынѣ всему наступалъ конецъ. Онъ сознавалъ, что молодой Колычевъ не пойдетъ добровольно подъ его опеку. Нѣтъ, руководить имъ врядъ ли удастся. Надо найти такой хитрый крючокъ, съ котораго никакъ нельзя было бы сорваться новому владѣльцу. И панъ Романъ погрузился въ думу у высокой конторки, испещренной чернильными пятнами и ему одному понятными выкладками.

А между тѣмъ брички и старомодные тарантасы и фаэтоны увозили съѣхавшихся для похоронъ гостей.

Хотя поминальный столъ былъ и очень обильный, и вина прекрасныя, но гости, и особенно дамы и барышни, уѣзжали неудовлетворенные.

— Ну, ужъ и пріемъ намъ былъ! — говорила худосочная супруга помѣщика Чупрова. — Ни тебѣ выходу, ни тебѣ простору! что звѣрей, въ клѣтку заперли загнавъ. И расположиться отдохнуть, какъ слѣдуетъ, негдѣ!.. Не знаю, чего такъ кричали: амеблировка! абиссоны! Какіе такіе абиссоны? Просто грязные, линючіе ковры на стѣны наколочены, и только. Я бы ихъ и на полъ постлать побрезговала!

— А статуи, душенька? — возразилъ супругъ.

— Статуи? Ни одной цѣльной. У главной въ боскетной такъ обѣ руки обломаны по самыя плечи.

— Да, да... Но зато какое вино!.. а сигары! — и онъ затянулся благоухающей гаванной.

— Ахъ, нельзя ли не обкуривать меня, и такъ тошно! Нога моя больше тамъ не будетъ.

Когда послѣдній тарантасъ съ умудрившимся до чертиковъ напиться помѣщикомъ Балахановымъ скрылся изъ виду, Иванъ Николаевичъ пригласилъ нарочно задержаннаго имъ предводителя дворянства, добродушнаго Илью Семеновича Караулова, и мѣстнаго Голіаѳа, станового Супруненко, снять печати въ присутствіи пана Романа и Евграфа.

Кабинетъ оказался въ обычномъ порядкѣ. Ни въ столѣ, ни въ пузатомъ бюро другого завѣщанія не оказалось. Поднялись наверхъ.

— Да, кстати, — сиплымъ баритономъ сказалъ по-французски Карауловъ, переводя духъ на лѣстницѣ:—не помню, отъ кого слыхалъ я, что у покойнаго дядюшки вашего надъ постелью портретъ его невѣсты висѣлъ. Правда это?

— Какъ же, я самъ видѣлъ его! — отвѣтилъ Колычевъ и разсказалъ о своей мальчишеской продѣлкѣ.

Въ спальнѣ царилъ нѣкоторый безпорядокъ; ее не успѣли прибрать хорошенько, потому что панъ Романъ тотчасъ по перенесеніи тѣла поторопился наложить печати. Ни въ шифоньерѣ, ни въ комодѣ никакихъ бумагъ не нашлось.

— Очевидно, то завѣщаніе никогда измѣнено не было, и вы можете смѣло представить его къ утвержденію, — сказалъ Карауловъ.

Колычевъ подошелъ къ постели.

— Можетъ быть, покойный дядя положилъ за портретъ свое позднѣйшее распоряженіе? Онъ чтилъ его, какъ святыню. Надо все осмотрѣть хорошенько.

Занавѣска раздвинулась. На стѣнѣ висѣла тяжелая золотая рама, и въ отверстіи ея торчалъ черный гвоздь съ толстой веревкой, и только. Самый портретъ исчезъ.

Евграфъ пошатнулся.

— Что жъ это такое? Съ нами крестная сила! Еще на-

канунѣ, въ середу я самъ, какъ всегда, обтиралъ пыль, и видѣлъ его. Господи, Царица Небесная! Куда же онъ дѣлся?

Панъ Романъ молчалъ, закусивъ усъ.

Супруненко сильной рукой сдвинулъ массивную кровать.

— Можетъ, завалился?

Евграфъ полѣзъ подъ нее, но ни за спинкой, ни на коврѣ ничего, кромѣ пыли, не оказалось.

— Можетъ быть, дядя перенесъ его куда-нибудь самъ?

Евграфъ покачалъ головой.

— Баринъ его сорокъ лѣтъ не трогали. Какъ разъ повѣсили, такъ онъ тутъ и висѣлъ... Да что я... Въ самый послѣдній вечеръ, — они уже въ постели были, меня позвонили, чтобъ дровъ въ каминѣ подложить и затопить, они зябкіе были... Я вошелъ, а занавѣска отдернута была, и портретъ на мѣстѣ висѣлъ. Они на ночь его завсегда открывали, чтобъ смотрѣть на него, засыпая...

— И ты увѣренъ, что въ послѣдній вечеръ въ среду видѣлъ его на стѣнѣ?

— Видѣлъ и присягу въ томъ принять готовъ.

— Погоди! — забасилъ Супруненко: — ну, а утромъ, какъ вошелъ къ покойнику, что жъ тоже видѣлъ его?

— Къ утру баринъ сами его закрывали. Когда я къ нимъ входилъ, занавѣска всегда ужъ задернута бывала.

— Куда же онъ въ такомъ случаѣ дѣлся? — спросилъ панъ Романъ.

— А ужъ о томъ не у меня спрашивайте, а у того, кто унесъ его.

Для успокоенія совѣсти обошли всѣ комнаты, обыскали розовый будуаръ—портрета нигдѣ не оказалось. Какъ могъ онъ исчезнуть изъ рамы? Кто дерзнулъ вынести его изъ запечатанной комнаты?

Когда всѣ разошлись, и остался одинъ Карауловъ, собиравшійся переночевать въ Колычевѣ, Иванъ Николаевичъ сказалъ:

— Знаете, это таинственное исчезновеніе портрета меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что, мнѣ сдается, сегодня на отпѣваніи я видѣлъ его оригиналъ.

— Какъ такъ?

— Вы не замѣтили дѣвушки въ траурѣ, которая одна рѣшилась дать послѣднее цѣлованіе усопшему?

— Да, но это была Зося!

— Какая Зося?

— Дочь пана Романа, и, признаюсь, меня эта польская развязность прямо возмутила. Помилуйте, ей-то больше всякой другой было извѣстно отношеніе покойника къ женщинамъ — и лѣзть съ цѣлованіемъ!... по-моему, это было верхомъ безтактности!

— Такъ это дочь пана Романа! Странно, какое совпаденіе! Вы знаете, я цѣлый день ломалъ голову, гдѣ я раньше видѣлъ ее.

— Да, конечно, тутъ же въ Колычевѣ, вы просто объ этомъ забыли.

— Нѣтъ, я съ Зосей, какъ вы назвали ее, никогда не встрѣчался, я помню навѣрно. Я видѣлъ ее на этомъ исчезнувшемъ портретѣ. Да, да! я теперь только сообразилъ все это. Тотъ же овалъ лица, та же улыбка, тѣ же глаза... Вы не знаете, что покойникъ обращалъ когда-нибудь вниманіе на это сходство?

Карауловъ развелъ руками.

— Ну, батенька, нашли кого спрашивать! Мы съ вашимъ дядюшкой разъ въ два года видались и о политикѣ только говорили. Развѣ при немъ о женщинахъ говорить языкъ повернулся бы? Допросите лучше Евграфа, онъ одинъ смѣлъ разговаривать съ нимъ. А относительно этого пана примите совѣтъ: сбудьте его! Человѣкъ мнѣ довѣрія не внушаетъ.

— Да, — отвѣчалъ Иванъ Николаевичъ: — о немъ я наслышался достаточно съ давнихъ поръ и нахожу, что онъ требуетъ безпощадной провѣрки за всѣ эти двадцать лѣтъ. Думаю, знай дядя хоть десятую долю ходящихъ о немъ слуховъ, онъ и недѣли не продержалъ бы его.

Прощаясь на другое утро съ хозяиномъ, Карауловъ, уже сидя въ своей щегольской коляскѣ, сказалъ ему по-французски:

— Все-таки исторія въ портретомъ такъ таинственна и интересна, что я крайне буду обязанъ вамъ, если вы мнѣ сообщите со временемъ ея развязку.

— Непремѣнно!

— До свиданья! Загляните какъ-нибудь и ко мнѣ!

Они еще разъ пожали другъ другу руки, и тройка, позванивая своими въ ладъ колокольчику подобранными бубенцами, обогнула стриженную лужайку съ высокой вазой посередкѣ и скрылась за узорными чугунными воротами.

Иванъ Николаевичъ тотчасъ же позвонилъ Евграфа.

— Слушай, — сказалъ онъ: — я обѣщаю сто рублей серебромъ тому, кто розыщетъ портретъ или укажетъ, гдѣ искать его. Объяви объ этомъ другимъ. Кстати, я хотѣлъ спросить тебя: ты хорошо помнишь его?

— Какъ же не помнить! Столько лѣтъ смотрѣлъ!

— Ну, а ту, съ кого онъ писанъ, помнишь?

Евграфъ потупился.

— Баринъ, воля ваша, а я ничего про нее говорить не стану. Съ меня батюшка-баринъ клятву взяли, не пытайте меня!

И онъ упалъ Колычеву въ ноги.

— Полно, старикъ! встань. Ни о чемъ я тебя пытать не хочу, ни слова о прошломъ спрашивать не стану. Одно лишь скажи мнѣ, что эта барышня, управителева дочка, похожа, по-твоему, на портретъ?

Евграфъ раскрылъ глаза.

— А кто ее знаетъ, я на нее никогда не глядѣлъ.

— Ну, такъ погляди какъ-нибудь, и скажи мнѣ, не найдешь ли въ ней какого сходства.

Можно себѣ представить, какіе толки и разговоры поднялись въ людскихъ, когда Евграфъ передалъ по порученію барина обѣщаніе награды тому, кто отыщетъ слѣдъ пропавшаго портрета! Послѣ безпорядочныхъ споровъ, дошедшихъ по русскому обычаю до личности и отборной брани, образовалось два рѣзкихъ мнѣнія. Одни, скажемъ, практики, рѣшили, что портретъ спрятанъ паномъ Романомъ—онъ входилъ въ спальню послѣдній и сдѣлалъ это съ намѣреніемъ получить за находку награду. Другіе, съ душою, склонной къ мистицизму, утверждали, что портретъ исчезъ сверхъестественнымъ образомъ, и въ дѣло вмѣшалась нечистая сила. Бѣлая вилла приняла въ ихъ глазахъ такой отпеча-

токъ, что они крестились при одной мысли ступить на ея порогъ.

Евграфъ, вообще привыкшій держать языкъ за зубами, сочувствовалъ реалистамъ, хотя громко и не высказывался. Ему, до произнесенія кончательнаго приговора, хотѣлось предварительно разсмотрѣть Зосю.

На сторонѣ мистиковъ оказался Прохоръ. Онъ таинственнымъ шопотомъ разсказалъ, какъ видѣлъ неровно ложившійся свѣтъ изъ спальни, „а надъ крышей въ то время вилось что-то свѣтлое, ровно твой дымъ".

— Дымъ и былъ, — отвѣчалъ Евграфъ, — потому я съ вечера еще каминъ затопилъ, баринъ на ночь тепло любилъ, а въ тотъ вечеръ сыровато было.

— А къ чему жъ окно-то растворилось? Не иначе какъ она туда влетѣла! Сперва летучей мышью кругомъ такъ и сигала, такъ и сигала по воздуху вкругъ меня. Я едва открестился.

Евграфъ опѣшилъ. И впрямь,—то топить велѣлъ, а тутъ окно настежь оставилъ?

И дѣло окончательно затемнилось.

VI.

Дымится факелъ. Музыканты
Попарно выстроились въ рядъ.
Мундиры, фраки, шарфы, банты
Въ объятья принялъ сонный садъ.
Вторятъ альты пѣвучей скрипкѣ.
Огнями вспыхнулъ темный прудъ,
И потревоженныя рыбки,
Пугливо къ берегу плывутъ.
Все веселѣй напѣвъ задорный.
Змѣею вьется полонезъ.
Вошелъ онъ въ гротъ аллеи черной,
И потонувъ во тьмѣ исчезъ...

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Тѣмъ временемъ крестьяне собрались на старомъ дворѣ.

Агаѳонъ сіялъ. Все, все узнаетъ баринъ, нечего стѣсняться, баринъ не гордый, каждаго выслушаетъ и разсудитъ всякое дѣло.

На блюдѣ, покрытомъ расшитымъ полотенцемъ, лежалъ свѣжій коровай хлѣба съ берестовой солонкой, наполненной до краевъ сѣроватой грубой солью. Едва показался Иванъ Николаевичъ, староста Дорофей и сребровласый Пахомъ, ставъ на колѣни, поднесли ему блюдо.

— Не побрезгуй, родимый, нашимъ хлѣбомъ-солью! Вѣкъ тебѣ барствовать надъ нами, а намъ, холопамъ, по гробъ жизни вѣрою служить тебѣ.

Иванъ Николаевичъ поднялъ обоихъ и положилъ на блюдо деньги.

— Спасибо, ребята! А теперь поговоримъ по душѣ.

Агаѳонъ не ошибся. Онъ первый повѣдалъ бѣду свою, и тотчасъ же былъ отданъ приказъ отпустить ему одну изъ рабочихъ лошадей, за что до Покрова онъ долженъ былъ приходить на лишніе четыре часа въ недѣлю на барщину. Условіе для колычевскихъ крестьянъ неслыханное по легкости. Кузьма—не Рыжій, а Широкій, прозванный такъ за несоразмѣрно широкую по низкому росту фигуру — получилъ лѣсу на новый срубъ. Кривая Арина-солдатка добилась соломы на крышу, не дожидаясь новаго умолота. Относительно сдачи въ рекруты, баринъ заявилъ, что самъ провѣритъ всѣ списки, и очередь будетъ отнынѣ соблюдаться вполнѣ безпристрастно.

— Помните, что всѣ вы для меня равны и нѣтъ для меня никого ни выше, ни ниже другихъ. Ваши бѣды и нужды мнѣ столь же близки, какъ и мои собственныя, и только для лѣниваго, пьянаго и вора никогда у меня снисхожденія не найдется...

Ликуя, разошлись крестьяне, и долго на селѣ слышались ихъ веселыя рѣчи и бесѣды.

Было воскресенье, но хотя молодицы и нарядились въ свои „жаркія пунцовки“ (желтые шелковые платки, завязанные узломъ на затылкѣ и образующіе нѣчто въ родѣ повойника) и темные съ яркими букетами, перешедшіе къ нимъ отъ прабабокъ матерчатые сарафаны, хотя и надѣли дѣвушки цвѣтные передники и бѣлые пышные кисейные рукава, но игръ и пѣсенъ не играли. Впечатлѣніе вчерашнихъ похоронъ еще не изгладилось, и шумное веселье казалось некстати. Взявшись подъ руки, длинными, чуть не во всю ширину улицы, шеренгами ходили онѣ по селу и чинно щелкали сѣмечки. Парни съ армяками въ накидку стояли въ сторонѣ и переглядывались съ ними, но въ разговоры не вступали. На завалинкахъ сидѣли древніе ста-

рики и старухи. Маленькіе ребятишки въ длинныхъ рубашонкахъ копались у ногъ ихъ въ пыли, играя въ камешки и щепочки. Мальчики постарше тѣшились на задахъ въ бабки и громко выражали одобреніе каждой ловко запущенной свинчаткѣ. На бревнахъ, заготовленныхъ для новыхъ срубовъ, сидѣли группами мужики и судили-рядили о совершившейся въ ихъ судьбѣ перемѣнѣ. Сами пессимисты чувствовали, что нѣтъ пока причины не довѣрять барину, и, можетъ быть, за все время существованія села Колычева не бывало для всѣхъ болѣе мирнаго и счастливаго дня.

Иванъ Николаевичъ, благодаря бесѣдѣ съ крестьянами, убѣдился въ правильности своего мнѣнія относительно пана Романа, но не хотѣлъ поднимать непріятности въ праздникъ и ушелъ послѣ разговора въ паркъ.

День былъ пасмурный, одинъ изъ тѣхъ іюльскихъ дней, когда чувствуется наступающая перемѣна погоды. Дождя еще нѣтъ, но кто не успѣлъ убрать сѣна, торопится скорѣе раскидать его въ послѣдній разъ по лугу, чтобы потомъ спѣшно сметать въ копны и навить въ стога.Ароматъ зацвѣтающихъ липъ едва слышенъ, но зато жасминъ и всѣ бѣлые, лишь къ ночи душистые, цвѣты пахнутъ сильнѣе. Недвижно зеркало пруда. Деревья не шелестятъ. Даже осина стоитъ безмолвно, опустивъ чуткіе листы. Только одинъ трепещетъ высоко на самой верхушкѣ. Отпѣты весеннія птичьи пѣсни, и соловьи, и горихвостки лишь тревожно чокаютъ при приближеніи человѣка. Тихіе, тихіе дни, и тихо становится на душѣ, тихо и грустно.

Въ такомъ настроеніи Колычевъ обошелъ паркъ и прошелъ на могилу дяди, на прадѣдовскую кулигу.

Эта кулига была конечной цѣлью рѣдкихъ въ общемъ прогулокъ Арсенія Михайловича. Она лежала при соединеніи пруда съ Оболонью и когда-нибудь была просто плотиною, задерживавшей спадъ воды въ лѣтнія засухи, но теперь, благодаря запрудѣ для мельницы, построенной еще Францемъ Карловичемъ ниже по теченію, роль ея упразднилась. При самомъ началѣ этой искусственной косы росъ огромный вязъ, увитый хмелемъ и окруженный дерновой скамьей. Подъ его вѣтвями высился свѣжій дубовый крестъ.

Могильная насыпь была уже обложена дерномъ и засажена цвѣтами изъ парниковъ. Видно, Евграфъ до педантизма точно взялся за уходъ за мѣстомъ упокоенія своего батюшки-барина.

Эта вѣчная забота объ изяществѣ жилища словно даже и по смерти занимала стараго маньяка. А какъ велика была эта манія, свидѣтельствовала всякая мелочь бѣлой виллы. Самъ Колычевъ зналъ толкъ въ обстановкѣ и красивыхъ вещахъ, и его тонкій вкусъ былъ очарованъ художественнымъ подборомъ тканей и рисунковъ, гармоніей красокъ и линій въ отдѣлкѣ каждой комнаты. На какую полную и роскошную жизнь было разсчитано это человѣческое жилье и вотъ слишкомъ сорокъ лѣтъ стояло пустое и молчаливое, обитаемое одинокимъ холостякомъ!

„Да вѣдь и я бобыль!—подумалъ Иванъ Николаевичъ.— Ужъ не жениться ли мнѣ вторично?“

И передъ нимъ пронеслась вереница женщинъ, съ которыми послѣ смерти жены онъ вступалъ въ короткія и непрочныя связи... Нѣтъ, подходящей не оказывалось. Да и клятва его связывала: у гроба покойницы своей Полины поклялся онъ, что никто никогда не займетъ ея мѣста.

Онъ вздохнулъ. Колычево достается ему по закону, это родовая земля, вотчина. Что жъ! онъ сдѣлаетъ ее своей лѣтней резиденціей... Да и сестра его Сашенька съ мужемъ не откажутся погостить не разъ. Гм... тоже бездѣтные!.. Во всякомъ случаѣ все будетъ сохранено въ существующемъ видѣ, и ни одной вещи онъ не позволитъ тронуть съ мѣста.

А у пана Романа сидѣлъ гость. Это былъ двоюродный племянникъ пани Юзыни, Валекъ Домбровскій, котораго панъ Романъ поставилъ управляющимъ къ сосѣднему помѣщику Софронову, бывшему откупщику. Въ „Новое“ сбывались негласно излишки колычевскихъ оранжерей и грунтовыхъ сараевъ, туда же по сходной цѣнѣ уступались избытки птичнаго и скотнаго дворовъ, и все это составляло немалое подспорье жалованью поляка.

Но Валекъ пріѣхалъ не по этимъ дѣламъ. Уже цѣлый часъ онъ сидѣлъ запершись съ паномъ Романомъ въ конторѣ, и лица обоихъ были озабочены.

— Какъ же мнитъ панъ, въ случаѣ у хозяина имѣется кто другой въ виду?

— Милѣйшій Валекъ! эта катастрофа свалилась мнѣ, какъ снѣгъ на голову. Я до сихъ поръ опомниться не могу... Не могъ пожить еще старикъ... Вѣдь начни мы дѣло при немъ, я голову отдалъ бы на отсѣченіе, что онъ намъ поддержку бы самъ предложилъ. Я навѣрно знаю, что его невѣста полька была, да и самъ онъ пріятелемъ съ Чарторыйскимъ былъ. Недаромъ онъ не только Мицкевича, но и Словацкаго и Красинскаго наизусть зналъ.

— А развѣ у пана нѣтъ надежды, что и племянникъ одинаково съ дядей мыслитъ?

— Цо-то! Этотъ?.. Москаль заядлый, кацапъ до мозгу костей.

— Но почему же рѣшилъ панъ, что уходить придется? Можетъ быть, и безъ ссоры дѣло уладится.

— Почему? До мужиковъ ласковъ, съ челядью и попами тоже, а намъ съ Юзыней руки не подалъ... Точно мы хлопы его... Не посадилъ ни разу... Да не въ томъ дѣло. Бачутъ, онъ до всего самъ доходитъ, всюду носъ совать любитъ. Того и гляди отчета потребуетъ, а тогда много ли на дѣло наше достанется? Гроховскій пишетъ мнѣ, на однѣ взятки въ таможнѣ ему сразу тысячи потребуются, а откуда я возьму? Цо-то, новому итальянской бухгалтеріей и 500 рублей не замажешь. А я только недавно послѣднія крохи имъ отослалъ, а тутъ и Зосѣ деньги нужны. Не могу же я ее къ Запольскимъ въ домашней запаскѣ отправить! Дѣвочкѣ и платьице, и кружевцо, и сапожки, и бурнусъ, и мало ли что еще треба. Не хуже другихъ, цо-то, быть хочется.

— Пана Зося діамантъ, ей своей красоты довольно.

— Э, полно, панъ Валекъ! Діаманту и оправа золотая нужна, — и панъ Романъ хитро прищурился. — Потому-то я и радъ ее къ Запольскимъ услать. Развѣ мѣсто ей здѣсь. Цо-то! Ни одного жениха, достойнаго моей цурки кругомъ. А тамъ съ ея красотой и талантами ужели она себѣ пары не сыщетъ? Далибугъ! — и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь:—не буду я панъ Романъ Юшкевичъ, если она оттуда либо графской, либо княжеской невѣстой не вернется!

Панъ Валекъ только вздохнулъ въ отвѣтъ. Онъ понялъ, что Зося не про него писана, и потому перевелъ разговоръ на прежнюю тему.

— Такъ если у молодого хозяина есть свой управляющій въ виду и пану придется искать новое мѣсто, не лучше ли и мнѣ вернуться въ Польшу? Что мнѣ тутъ одному среди москалей дѣлать?

— Цо-то! А зачѣмъ пану мѣсто оставлять? Панъ скажетъ — одинъ въ полѣ не воинъ. Но панъ не одинъ. Онъ знаетъ, кругомъ есть свои. У Лядовыхъ панъ Быховецъ въ учителяхъ при младшемъ сынѣ; у Маркошиныхъ панъ Пшодикъ конскій заводъ ведетъ; въ городѣ трое — Краковскій, Берчекъ и Завидичъ — въ палатѣ служатъ. И чѣмъ больше своихъ въ сердцѣ Россіи, тѣмъ лучше. Каждому дѣло найдется. Нашъ часъ еще не пробилъ. Рано... Это тамъ въ Варшавѣ да за границей они горячку порютъ. А, по моему, спѣшить некуда. Лучше подождать, а пока ухо настороже держать. Вонъ говорятъ, освобожденіе хлоповъ недалеко. И дай Богъ поскорѣе! Довольныхъ мало будетъ, кому охота людей и землю почти задаромъ отдавать? А намъ это и кстати. Чѣмъ меньше друзей у нынѣшняго правленія, тѣмъ больше у насъ... Свободой запахло, — мужиковъ, быдло на волю отпускаютъ, а о насъ забыли? Наше ярмо никто облегчить не хочетъ? Такъ мы сами облегчимъ его!

— Вѣрно, панъ! Чего не отдадутъ по доброй волѣ, — то мы отнимемъ съ оружіемъ въ рукахъ!

И панъ Валекъ махнулъ по воздуху своимъ тонкимъ хлыстомъ съ серебряной ручкой.

— А все-таки, что же панъ рѣшилъ, если уходить придется?

— Что рѣшилъ? Ничего не рѣшалъ... Софроновъ скоро вернется, его подожду, а пока въ городъ переѣду. Ну, да и не сказано еще, что я уйду... Цо-то! Ему не такъ-то легко безъ меня справиться будетъ.

Романъ усмѣхнулся.

— Онъ думаетъ, я не знаю его? А я все про него знаю... Хозяинъ онъ, какъ всѣ москали, только по кличкѣ, а дѣлъ своихъ устроить не умѣетъ. Вонъ его Горки — золотое дно,

одинъ лѣсъ что доходу дать можетъ. Другого такого и въ округѣ нѣтъ. А у него изъ-подъ носа воруютъ Онъ пашню держитъ, а я бы всю ее подъ оброкъ мужикамъ сдалъ, да лѣснымъ бы дѣломъ занялся, да пчельники бы настроилъ. У него мужики всѣ пьяницы да лѣнтяи, а у меня ни одного кабака кругомъ. Софроновъ хотѣлъ по старой привычкѣ свой въ Новомъ открыть, а я его разубѣдилъ. Онъ мельницу построилъ и не нахвалится, а ихъ сотни и безъ того вездѣ, а я бы лѣсопилку на ея мѣстѣ поставилъ, да не простую, а паровую. Э, да что говорить! Кацапъ — одно слово...

Панъ Валекъ опять вздохнулъ.

— Да что это панъ все вздыхаетъ? Вонъ Зося прошла. Идите лучше, панъ, до дамъ. А я книги свои прогляжу. Чую, завтра москалю занадобятся.

Валекъ покорно всталъ и направился въ гостиную. Пани Юзыня любезно приняла его, а черезъ минуту сошла и Зося.

— Гдѣ отецъ?

Панъ Романъ въ конторѣ, занимается — и Валекъ подсѣлъ къ молодой дѣвушкѣ и сталъ разспрашивать объ Олесѣ и Запольѣ.

Зося отвѣчала разсѣянно, но ея красота такъ обаятельно дѣйствовала на него, что онъ забылъ и Романа, и его мечты о будущности дочери. Онъ дѣлалъ Зосѣ сладкіе глаза, крутилъ бѣлокурые длинные усы, которые можно было связать узломъ на затылкѣ, и щелкалъ себя изящнымъ хлыстикомъ по высокимъ лакированнымъ сапогамъ.

Но Зося была къ нему болѣе чѣмъ холодна. Ей не терпѣлось сплавить ухаживателя, чтобъ повѣдать пани Юзынѣ тѣ падавшія на отца подозрѣнія въ кражѣ портрета, о которыхъ ей только-что успѣла сообщить преданная ей дворовая дѣвочка Таська. Таська боготворила Зосю за поношенныя ленточки и бантики, перепадавшіе на ея долю, да и обращалась Зося съ нею очень ласково и болтала о всякихъ пустякахъ, потому что другой, болѣе подходящей для нея подруги въ Колычевѣ не было.

Но пани Юзыня, какъ многія женщины ея возраста, была весьма чувствительна ко всѣмъ „томимымъ страстью нѣж-

ной“ и, замѣтивъ влюбленные взоры и вздохи Валека, сказала дочкѣ:

— Ты бы, цурка, показала Валеку паркъ, онъ хорошенько еще не видѣлъ его. И на могилу пана Арсенія свела бы его, все-таки интересно.

— У меня голова болитъ.

— Вотъ и отлично, пройдись трошки!

— Сейчасъ дождь пойдетъ!

— Ну, такъ сыграй намъ что-нибудь!

— Ахъ, и такъ душно, а тутъ придется снова окна затворять.

— На что? Это панъ Арсеній музыки боялся, а новому пану, можетъ, она и очень понравится.

Кажется, въ первый разъ въ жизни совѣтъ матери не показался дочери глупымъ. Можетъ быть, дѣйствительно, музыка явится пособницей сближенія ея съ молодымъ Колычевымъ. Въ сущности это сближеніе съ москалемъ порою казалося молодой дѣвушкѣ измѣной ея идеаламъ. Но что же было дѣлать? Ждать польскаго графа или князя? Она неровня имъ, дочь маршалка-наемника... Да и не принесетъ ли она, можетъ быть, лучшей жертвы на алтарь дорогой ойчизны, уловивъ въ свои сѣти такого богача?..

— Пожалуй, я сыграю! — согласилась она снисходительно: — только прошу, пусть панъ Валекъ не становится, какъ любитъ, за моимъ стуломъ. Я не могу играть, когда чувствую кого-нибудь сзади.

— Слушаю, дорогая панна! Я готовъ сѣсть въ самый дальній уголъ и не двигаться цѣлую вѣчность, чтобъ только слушать божественную игру божественной панны. — И онъ дѣйствительно сѣлъ на кресло у стѣны.

— И притворите двери, мама! А то вы начнете накрывать на столъ и станете мѣшать мнѣ.

— Хорошо! хорошо, куколка моя!

Пани Юзыня чмокнула Зосю въ щеку и послушно ушла въ столовую, закрывъ дверь.

— Что же сыграть мнѣ, панъ Валекъ?

— Все, что панна хочетъ.

— Я сыграю „Marche funèbre“ Шопена... Это будетъ данью пану Арсенію.

Старые клены и липы стояли недвижно. Чудные звуки летѣли къ нимъ. Много, много лѣтъ не слыхали они пѣсенъ фортепьяно. Онѣ долетали до нихъ, заглушенныя тяжелыми ставнями, а теперь ихъ волны неслись неудержимымъ рыданьемъ черезъ настежь раскрытый балконъ и окна сѣраго дома.

Звуки пѣли объ одинокой жизни человѣка, не терявшаго надежды хоть передъ смертью, хоть короткимъ счастьемъ вознаградить себя за долгіе годы неколебимой вѣры. Они говорили, что напрасна была вѣра, надежда, любовь,—смерть разрушаетъ все на свѣтѣ. Она подходитъ ровнымъ, медленнымъ, вѣрнымъ шагомъ... Она протягиваетъ неумолимую, властную руку... Молись, душа, послѣднимъ скорбно-покаяннымъ моленіемъ! Рыдайте, близкіе... нѣтъ больше человѣка... погасли мечты... отлетѣли надежды... одинъ холодный трупъ остался тамъ, гдѣ только-что билось и жило, и страдало, и нѣжно любило горячее сердце...

И словно въ отвѣтъ на эту скорбь о земномъ безсиліи и немощи съ печальнаго неба упали первыя капли дождя.

Скорымъ шагомъ спѣшилъ Иванъ Николаевичъ домой. Онъ уже обошелъ весь паркъ и входилъ какъ разъ въ большую липовую аллею, насаженную первыми владѣльцами Колычева, чтобы съ середины ея свернуть налѣво по такой же поперечной къ виллѣ, какъ вдругъ донеслась до него похоронная шопеновская мелодія. Игра была мастерская. Помимо виртуозности, слышалась душа, чувствовалось, что звуки не просто льются изъ-подъ пальцевъ, а ихъ поетъ человѣческое сердце, которому доступны и радость, и надежды, и скорбь, и отчаяніе.

— Что это? откуда?

Сквозь зеленую сѣть склоненныхъ липовыхъ вѣтвей виднѣлся сѣрый домъ.

— Это играютъ у Романа. Можетъ быть, Зося?..

Дождь пошелъ сильнѣе, но въ аллеѣ было сухо. Непроницаемымъ сводомъ заплелись верхушки вѣковыхъ деревьевъ, и подъ ихъ защитою нечего было бояться ни дождя, ни солнца.

Маршъ оборвался на послѣднемъ, едва слышномъ ак-

кордѣ, и вдругъ послѣ небольшой паузы запѣла другая мелодія. Колычевъ сразу узналъ ее, — это былъ полонезъ Огинскаго, тотъ самый полонезъ, во время исполненія котораго когда-то, по преданію, застрѣлился его авторъ... Тысячу разъ слышалъ Иванъ Николаевичъ его мотивъ. Кто только ни игралъ его, — и „робкіе персты ученицъ", и оркестры на балахъ, и виртуозы-скрипачи въ концертахъ, но въ такой захватывающей передачѣ онъ его еще никогда не слыхалъ. Да, это была настоящая музыка, пѣніе души, которая чудными звуками вливалась въ чужую душу и завоевывала и порабощала ее.

Дождь окончательно вошелъ въ свои права и полилъ ручьями. Музыка прекратилась. Слышно было, какъ запирали балконъ и окна. Колычевъ поспѣшилъ домой.

Напрасно панъ Валекъ умолялъ Зосю продолжать. Къ чему играть въ закрытой комнатѣ? — до виллы все равно при этомъ шумѣ дождя звуки не долетятъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! довольно... я устала!

— Что-нибудь веселенькое, панна! Я не отстану... Умоляю панну. Я буду стоять на колѣняхъ и до тѣхъ поръ умолять ее, пока она не сжалится!

И онъ дѣйствительно сталъ на колѣни и даже поцѣловалъ край ея бѣлаго, вышитаго въ зимніе вечера пани Юзынею платья.

Это вдругъ напомнило Зосѣ ея мечты видѣть когда-нибудь въ той же позѣ Стася Запольскаго и, весело разсмѣявшись, она сѣла за клавиши и не только заиграла, но и запѣла своимъ небольшимъ мелодичнымъ голоскомъ:

Ой, люли-люли!
Котка безъ кошули...

— Вотъ, несносному пану въ награду за его ребячество!

И, позабывъ свои тревоги и планы, Зося стала шутить и кокетничать и окончательно въ этотъ вечеръ свела съ ума пана Валека.

VII.

Небеса уныло-сѣры.
Въ паркѣ ноютъ горихвостки.
Нижетъ бисерныя блестки
Мелкій дождикъ на шпалеры.
Зябнутъ нимфы и амуры
Въ мокрыхъ нишахъ надъ скамьями.
Снова полилъ дождь ручьями.
Небеса уныло-хмуры.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Дождь лилъ всю ночь. Къ утру только потоки его нѣсколько поутихли, но небо было безнадежно сѣрое. Панъ Валекъ, ночевавшій въ Колычевѣ, поцѣловалъ въ послѣдній разъ ручки у дамъ и лихо вспрыгнулъ на гнѣдого Зефира, котораго онъ съ нѣкоторымъ убыткомъ для хозяина вымѣнялъ у знакомаго барышника, только бы покрасоваться передъ Зосей.

— Не забывайте моихъ совѣтовъ, панъ!—повторилъ ему панъ Романъ.

— Не забуду, добрѣйшій! Хотя панна Зося и вскружила мнѣ голову и сердце ранила, — онъ прижалъ руку къ лѣвому борту сюртука,—но въ дѣлахъ я умѣю призывать себя къ порядку.

— Ну, съ Богомъ. Когда что будетъ новаго — я дамъ знать!

И, давъ шпоры коню, панъ Валекъ англійской рысью выѣхалъ со стараго двора въ березовую просѣку. Пани Юзыня повернула въ коровникъ, а Зося еще нѣкоторое время смотрѣла съ крыльца вслѣдъ его удалявшейся и ритмично приподымавшейся въ сѣдлѣ фигурѣ.

„Въ сущности, Валекъ тоже недуренъ и даже элегантенъ... а все-таки до Стася ему далеко!“ и она взялась за ручку двери.

Въ это время ее окликнулъ Евграфъ.

— Барышня!

Зося обернулась съ удивленіемъ. За всѣ девятнадцать лѣтъ ея жизни онъ чуть ли не въ первый разъ заговорилъ съ нею. Особенно поразилъ ее пытливый взглядъ его вы-

цвѣтшихъ сѣрыхъ глазъ, которымъ онъ такъ и впился въ нее.

— Барышня,— повторилъ онъ:— доложите папенькѣ, что баринъ ихъ съ книгами къ себѣ въ кабинетъ просятъ.

— Сейчасъ!

Зося поблѣднѣла. Она вдругъ вспомнила, что за ухаживаньями Валека забыла сообщить отцу о падавшихъ на него подозрѣніяхъ. А Евграфъ пристально смотрѣлъ на закрывшуюся за нею дверь.

„Странно... и то похожа! несомнѣнно, похожа... Не то чтобы какъ родная сестра, а есть что-то... Глаза у этой, пожалуй, побольше и лицо покруглѣе... волосы тоже другіе... у той поглаже были, безъ кудерьковъ... Ну, и улыбалась все, когда говорила!“

И Евграфу вспомнилось, какъ тепло даже у него отъ той улыбки на сердцѣ становилось, и онъ тихо побрелъ доложить барину о результатѣ своихъ наблюденій.

Зося застала отца въ конторѣ. Она подошла къ нему и поцѣловала его мясистую руку.

— Слушай, отецъ! за тобою новый этотъ панъ Янъ прислалъ... только погоди, мнѣ надо предупредить тебя...,— и, путаясь и торопясь, она сообщила Роману ходившіе объ немъ слухи.

— Оцо-то!—зацокалъ тотъ,—дурни! на что мнѣ портретъ ихъ!

— Я знаю, что не на что, а только ты будь готовъ, если тебя и объ этомъ панъ спроситъ, знай, что отвѣтить.

— Да что отвѣчать-то? Я давно догадался, куда онъ дѣлся.

— Его нечистый унесъ?— спросила Зося крестясь.

Панъ Романъ расхохотался.

— Ахъ ты, глупое дитя! Такая умница и въ такіе толки вѣришь! Вотъ погоди, вернусь изъ виллы и разскажу тебѣ, кто его укралъ. Ну, а теперь прощай, бѣгу до пана.

И, поцѣловавъ дочь, старикъ пошелъ самой короткой дорогой въ виллу.

Тысячи разъ за свои двадцать лѣтъ службы ходилъ онъ по этой тропинкѣ черезъ лужокъ мимо скотнаго двора и

оранжерей, потомъ сворачивалъ налѣво вдоль грунтовыхъ сараевъ и попадалъ во „французскій садъ“ со стриженымъ боярышникомъ и жимолостью, то въ видѣ шаровъ и пирамидъ, то низкими гирляндами, окаймлявшими яркозеленые газоны цвѣтниковъ съ вазами и статуями. Каждый кустикъ былъ ему знакомъ. На каждую мелочь привыкъ онъ смотрѣть, какъ на свою собственность, и впервые сегодня почувствовалъ, что все это чужое и что никакого права ни на одну пядь земли онъ здѣсь не имѣетъ.

Снявъ въ прихожей свой вѣчный балахонъ, онъ постучался въ кабинетъ.

— Войдите! — отвѣчали оттуда.

Панъ Романъ вступилъ за знакомую дверь, привычнымъ движеніемъ положилъ книги на конторку и отвѣсилъ Колычеву поклонъ. Иванъ Николаевичъ протянулъ ему руку и указалъ на стулъ напротивъ себя.

Евграфъ только-что вышелъ. Напоминаніе о Зосѣ сегодня раздражило Колычева, оно являлось какой-то дисгармоніей съ фигурой поляка, и теперь онъ сдерживалъ свое отвращеніе, приступая къ дѣловому объясненію.

— Хотя, — началъ онъ, — духовная и не утверждена еще и въ права владѣнія мы съ сестрою еще не введены, но, являясь по закону единственнымъ наслѣдникомъ покойнаго дяди, я считаю своимъ долгомъ не запускать дѣлъ и какъ можно скорѣе и точнѣе ознакомиться съ ними. Тѣмъ болѣе, что временемъ большимъ я не располагаю и сразу послѣ девятаго дня мнѣ придется вернуться въ Горки. Поэтому я крайне буду обязанъ вамъ, если вы возможно яснѣе и полнѣе растолкуете мнѣ настоящее состояніе имѣнія, доходъ съ него, расходы по хозяйству нашему и крестьянскому и арендные договоры и статьи.

Панъ Романъ въ этомъ сухомъ и дѣловомъ тонѣ все-таки разслышалъ нотку непріязни, и она тоже раздражила его. Но онъ умѣлъ ловко владѣть собою и съ почтительной улыбочкой началъ весьма пространно и темно посвящать новаго владѣльца въ тайны своей бухгалтеріи. Нѣкоторыя цифры ему удалось исправить, но оставались и кое-какія погрѣшности въ итогахъ.

Иванъ Николаевичъ внимательно слѣдилъ за его жирнымъ, окаймленнымъ грязнымъ ногтемъ пальцемъ, быстро скользившимъ по колонамъ чиселъ. Докладъ продолжался добрыхъ полтора часа и благополучно близился къ концу, какъ вдругъ Колычевъ остановилъ поляка:

— Позвольте, панъ, вы, вѣрно, ошиблись! Вотъ по этой статьѣ выводъ невѣренъ! Въ январѣ была тоже ошибка, и тутъ новая.

Панъ Романъ обомлѣлъ. Надо было имѣть колоссальную память, чтобы сразу запомнить вереницу цифръ.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ Иванъ Николаевичъ,— у насъ теперь іюль 1860 г., и до марта 1857 г. цифры точныя и итоги вѣрные. Съ тѣхъ же поръ въ каждомъ году вкрадывались, по-моему, ошибки, особенно въ итогахъ личныхъ расходовъ покойнаго. Не можете ли объяснить мнѣ, почему это?

Панъ началъ объяснять, но чѣмъ дальше шло объясненіе, тѣмъ болѣе запутывался полякъ и тѣмъ темнѣе у него становилось въ глазахъ.

— Довольно, я вижу, въ чемъ дѣло!—прервалъ его наконецъ Колычевъ. — Я, панъ, не ребенокъ, и съ цифрами, какъ вы, вѣрно, изволили сами замѣтить, обращаться умѣю. Поэтому прошу васъ хорошенько подумать и вспомнить, куда дѣвались недостающія суммы хотя бы за текущій годъ, а также и представить на нихъ оправдательные документы. Съ собственноручными записями покойнаго ваши свѣдѣнія не сходятся. Вотъ извольте взглянуть,—и онъ досталъ изъ письменнаго стола небольшую тетрадку, исписанную почеркомъ Арсенія Михайловича. -- Какъ видите, вашъ бывшій патронъ велъ аккуратно свои личные расходы и вы, вѣроятно, имѣете росписки на каждую экстренно выданную ему сумму.

Панъ Романъ растерялся. О существованіи подобной тетради онъ и не подозрѣвалъ.

— Конечно, росписки были... но я не хранилъ ихъ, впрочемъ, я поищу.

— Затѣмъ, — продолжалъ Колычевъ, — все веденіе крестьянскаго хозяйства и условія барщины и оброковъ должны быть измѣнены.

— Это ваша панская воля.

— Знаю, что моя. Кстати, крестьяне говорили мнѣ, что за Кожинымъ есть двѣ совершенно ненужныя намъ пустоши, сдаваемыя вотъ уже почти двадцать лѣтъ въ аренду Софронову — доходъ этотъ въ книгѣ не значится, — но которыхъ крестьяне добиваются тоже въ аренду много лѣтъ. Вашъ предшественникъ, Францъ Карловичъ Мейеръ, даже докладывалъ объ этомъ покойнику и составилъ черновикъ условій, и дядя собирался подписать его. Куда же онъ дѣлся?

— Помилуйте, —возразилъ съ кривой усмѣшкой полякъ:— развѣ я могу отвѣчать за дѣйствія умершаго управляющаго? Я въ первый разъ объ этомъ слышу!

— Хорошо... Ну, а что вы мнѣ скажете насчетъ крестьянскаго надѣла? Каждый вѣрноподданный дворянинъ, согласно волѣ государя императора, долженъ озаботиться, чтобы ко дню объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне были обезпечены достаточнымъ количествомъ земли. Поэтому я не могу не выразить своего удивленія, что у васъ со времени закрытія губернскихъ комитетовъ не предпринято никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, не выработано плана. Предводитель говорилъ мнѣ, что изъ послѣдняго разговора своего съ покойникомъ онъ вынесъ убѣжденіе, что дядя по своей высокой гуманности собирался осуществить надѣленіе своихъ крѣпостныхъ землею въ самыхъ выгодныхъ для нихъ размѣрахъ, что даже былъ у него заготовленъ проектъ этихъ надѣловъ, который онъ и показывалъ Караулову и въ его присутствіи передалъ вамъ. Гдѣ онъ?.. И почему вы не пріѣхали на послѣднее совѣщательное собраніе, на которое получилъ повѣстку дядя, выдавшій вамъ свидѣтельство на его замѣщеніе?

Пана Романа обдало варомъ. На словахъ онъ очень интересовался крестьянскими надѣлами, но либеральнымъ взглядамъ Арсенія Михайловича не сочувствовалъ. Напротивъ, въ его планы входило какъ можно скупѣе распорядиться нарѣзкой земли и вызвать тѣмъ недовольство мужиковъ, сваливъ вину на владѣльца. Онъ надулъ щеки.

— Прошу извиненія, но проектъ этотъ не имѣлъ никакого значенія. Покойный Арсеній Михайловичъ двадцать разъ измѣнялъ его, и всѣ мои попытки добиться точныхъ распоряженій и указаній не привели ни къ какому результату.

— Но вѣдь былъ же у васъ въ рукахъ этотъ планъ? Я былъ бы весьма радъ познакомиться съ нимъ.

— Конечно, былъ, но я уничтожилъ его, какъ забракованный самимъ владѣльцемъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ немедленно возстановить его, хотя бы по памяти. Карауловъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, а мнѣ особенно дорого исполнить волю покойнаго и по отношенію къ его бывшимъ крѣпостнымъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

„Хорошъ гусь!“ подумалъ онъ про себя и сталъ собираться домой.

— Одну минутку, панъ — остановилъ его Колычевъ. — Я только хочу спросить васъ, что вы думаете насчетъ исчезнувшаго портрета? Знаете ли вы—онъ хотѣлъ сказать, „что дочь ваша похожа на его оригиналъ“, какъ вдругъ полякъ весь побагровѣлъ и злобно выпалилъ:

— Что ваши хлопы увѣряютъ, будто я стащилъ его? Такъ знайте же, что вы хотя и считаете меня воромъ, но портрета я этого не бралъ, а спалилъ его въ каминѣ вашъ же выжившій изъ ума дядюшка, а потомъ лишилъ себя жизни. Оттого и возлѣ церкви лежать не захотѣлъ,—самоубійцъ въ оградѣ не хоронятъ... Затѣмъ, если вы недовольны мною, я вамъ не навязываюсь. Я дворянинъ и привыкъ къ дворянскому со мной обращенію. Я не хамъ, не хлопъ вамъ, чтобъ вы имѣли право требовать съ меня отчетъ за тѣ годы, которые я у васъ не служилъ. Я былъ управляющимъ у Арсенія Михайловича Колычева, ему отчетъ давалъ каждый мѣсяцъ и подъ каждымъ его подпись имѣется,—можете ее хоть судомъ провѣрить. И если вы съ цифрами обращаться умѣете, то и дядюшка вашъ не малый ребенокъ былъ. Если цифры въ его тетради съ книгой конторской не сходятся, то съ его вѣдома, знайте. А куда шли эти деньги—его тайна, и я никому не выдамъ ея. Если попъ вашъ умѣлъ тайну хранить и схизматику не выдавать, то и схизматикъ тайну

москаля беречь умѣетъ. Далибугъ,—и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь,—что бы вы мнѣ ни говорили, я клятвы для васъ не нарушу... А потому счастливо оставаться!

Панъ выпалилъ разомъ эту тираду, гордо закинулъ голову и, весь дрожа, вышелъ изъ кабинета.

Колычевъ никакъ не ожидалъ такого оборота разговора и не стремился къ столь быстрой развязкѣ. Онъ хотѣлъ только доказать поляку, что за носъ водить себя ему не позволитъ, но гнать его въ шею вовсе не намѣревался. Нельзя было не отдать пану Роману справедливости, что хозяйство велось образцово и давало гораздо большій доходъ, чѣмъ при Францѣ Карловичѣ. Усадьба тоже содержалась въ величайшемъ порядкѣ; домъ былъ полная чаша; птичникъ и молочное дѣло шли подъ руководствомъ пани Юзыни прямо блестяще, и колычевское масло славилось даже въ Москвѣ. Инвентарь вездѣ былъ полный и всѣ орудія и рабочій скотъ хоть сейчасъ на выставку.

Въ этомъ онъ увѣрился собственными глазами. Съ шести часовъ утра онъ былъ эти дни на ногахъ, обошелъ всю усадьбу, побывалъ на скотномъ, въ молочной и въ оранжереяхъ, въ конюшняхъ и людскихъ, а сегодня, несмотря на дождь, объѣхалъ верхомъ свои и крестьянскія поля. Въ одномъ онъ съ горечью убѣдился, что и вызвало его раздраженіе,—крестьяне тянули непосильную лямку. Избы села поражали своей ветхостью,—это онъ замѣтилъ, уже идя за гробомъ дяди,—скотъ былъ мелкій и немногочисленный,—онъ видѣлъ его сегодня на выгонѣ, а крестьянская земля истощена. Изъ вчерашней двухчасовой бесѣды съ мужиками Иванъ Николаевичъ вынесъ вполнѣ вѣрное заключеніе, что отъ нихъ брались всѣ силы, всѣ соки, а взамѣнъ бросались однѣ жалкія крохи.

Дѣло такъ дальше итти не должно. Освободить крестьянъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе. Надѣлы должны быть щедрыми, чтобы сохранить навсегда добрыхъ сосѣдей намѣсто бывшихъ крѣпостныхъ. Это были убѣжденія не одного Колычева, а всѣхъ лучшихъ представителей его круга. Здѣсь былъ и практическій выводъ,—земли останется достаточно, но что въ ней толку, если никто не захочетъ помочь обра-

ботать ее? Тощія крестьянскія коровы и колосья поглотять тучныхъ помѣщичьихъ, и дворяне будутъ разорены.

Помимо досады, вызванной рѣчью пана Романа, Иванъ Николаевичъ былъ озадаченъ его заявленіемъ о самоубійствѣ дяди и рѣшилъ строго разслѣдовать, на чемъ основана подобная увѣренность.

Онъ прошелъ въ спальню, снялъ раму исчезнувшаго портрета и убѣдился, что вынуть его было совершенно просто,—стоило только отогнуть гвозди, державшіе подрамникъ и легко подавшіеся нажиму его пальцевъ. Затѣмъ онъ въ точности измѣрилъ отверстіе топки камина и оказалось, что ширина его была нѣсколько больше ширины портрета. Но какимъ же орудіемъ покончилъ съ собою старикъ?

Ни отъ кого изъ обмывавшихъ онъ не слышалъ о какомъ-нибудь знакѣ на тѣлѣ покойника. Это было, можетъ быть, наркотическое средство. Не принималъ ли онъ его на ночь отъ безсонницы? Докторъ, наѣзжавшій въ колычевскую больницу изъ уѣзднаго города, уѣхалъ сразу послѣ похоронъ и долженъ былъ возвратиться лишь въ концѣ недѣли.

Больныхъ въ больницѣ почти не бывало, такъ какъ крестьяне предпочитали лечиться у бабки Харитины заговорами и домашними зельями и шли въ больницу только въ крайнихъ случаяхъ. Панъ Романъ давно собирался прикрыть это, по его мнѣнію, барское баловство, но Арсенія Михайловича разубѣдить ни въ чемъ не было возможно, и воздвигнутая еще Францемъ Карловичемъ, больница продолжала существовать около колычевской церкви, чтобы, какъ утверждали крестьяне, „оттуда было близко людей на погостъ носить...“.

Быть можетъ, мысль покончить съ собою гнѣздилась давно въ больномъ мозгу старика, и онъ почему-нибудь рѣшилъ, наконецъ, привести ее въ исполненіе. Желаніе видѣть себя погребеннымъ внѣ церковной ограды и фраза: „недостоинъ ея по великимъ грѣхамъ моимъ“, говорили за вѣрность предположенія пана Романа.

Колычевъ снова потребовалъ Евграфа и еще разъ пожелалъ выслушать разсказъ о послѣднемъ днѣ жизни дяди, о томъ, что онъ дѣлалъ, чѣмъ былъ занятъ и пр.

Евграфъ въ точности доложилъ все въ мельчайшихъ подробностяхъ и кстати разсказалъ о наблюденіи Прохора. Въ заключеніе онъ прибавилъ:

— А какъ вошли мы, какъ Ѳедька намъ двери открылъ, лежитъ онъ, мой голубчикъ, тихо, тихо и улыбается радостно, а у самого-то руки на груди крестомъ сложены... Нѣтъ, кабы нечистый сюда входилъ, не лежалъ бы онъ такъ спокойно.

— Ну, а не допускаешь ты, чтобы онъ самъ смерти своей искалъ?

— То есть, какъ такъ? Руки, что ли, наложилъ на себя? Старикъ даже весь затрясся отъ негодованія.

— Грѣхъ, такой грѣхъ взводить на покойника! Нѣтъ, батюшка-баринъ! не принялъ бы ты его на свою ангельскую душеньку!.. И охота вамъ, сударь, милость ваша, слушать этого поляка? Покойный дядюшка вашъ только тѣмъ и грѣшенъ былъ, что слишкомъ много ему вѣры давалъ, да и васъ онъ уже, видно, въ когти забирать началъ. Не вѣрьте ему! Это онъ портретъ сцапалъ, потому и взаправду его Зоська на него похожа, а для отводу глазъ, значитъ, онъ на мертваго такую вину наклепалъ. Ну, да и у Господа Бога конецъ терпѣнію бываетъ, и сторицей взыщетъ онъ съ поляковъ за всѣ обиды ихъ намъ, русскимъ... Изувѣры этакіе...

VIII.

Поля душистой ржи
Волнуютъ вѣтерки.
Вдоль узенькой межи
Мелькаютъ васильки,
Мелькаютъ и манятъ:
„Сорви меня, сорви!
Я—неба синій взглядъ!
Я—синій сонъ любви“.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Панъ Романъ вернулся домой, дрожа отъ гнѣва. Зося поджидала его и, увидавъ перекошенныя губы отца, повисла у него на шеѣ и начала цѣловать его, приговаривая:

— Успокойся, тату милый! (такъ звала она его въ дѣтствѣ) успокойся! охота тебѣ изъ-за москаля кровь портить!

Пани Юзыня тоже вошла въ столовую. По виду мужа, по тому, какъ у него сводило лѣвую руку, она поняла, что дѣло не шуточное.

„Отказалъ!“ мелькнуло у нея въ умѣ, и, блѣдная отъ страха, она едва прошептала:

— Неужто отъ мѣста отказъ получилъ?

— Не я отказъ получилъ, а онъ... Пусть теперь поищетъ, кто на него такъ работать станетъ, какъ мы съ тобой работали... Пусть попляшетъ! Я посмотрю, какъ онъ тутъ одинъ справится. Отъ сей минуты я пальцемъ больше не шевельну для него. И тебѣ, Юзя, запрещаю. Слышишь?

Пани Юзыня пробормотала: „слышу!“ но ей казалось прямо невозможнымъ не итти сейчасъ—было какъ разъ половина двѣнадцатаго—на скотный дворъ, не присмотрѣть за дневнымъ удоемъ, не отмѣрить своей деревянной мѣркой молоко въ первомъ подойникѣ и, вытеревъ ее о свой поэтому всегда неопрятный фартукъ, не опустить его въ слѣдующій очередной. Неужели безъ нея сумѣютъ слить молоко въ горшки, распредѣлить, которые поставить киснуть, а которые оставить для телятъ и для сливокъ?... И когда вошла молочная дѣвка Фроська звать ее въ коровникъ, она по привычкѣ хотѣла двинуться за нею, какъ вдругъ раздался грозный окрикъ пана Романа:

— Аль оглохла? Цо-то! Вѣдь я жъ сказалъ, что тебя отнынѣ чужія коровы не касаются!

Пани Юзыня махнула Фроськѣ рукой.

— Я не выйду! дѣлай, какъ знаешь!

Но душа добросовѣстной хозяйки не выдержала, и она шопотомъ прибавила:

— Для Краснухи у меня пойло направо за дверью поставлено.

Фроська полетѣла въ коровникъ и, подоткнувъ подолъ, сѣла доить Краснуху, крупную красавицу-холмогорку. Подъ звонъ падающей въ подойникъ молочной струи она шопотомъ сообщила сосѣдкѣ своей Анискѣ, что у поляковъ не ладно. Панъ на Юзыню ажно медвѣдь рявкнулъ, какъ она съ мѣста тронуться хотѣла, а самъ красный, какъ ракъ вареный, а у дочки глаза словно заплаканы.

Пани Юзыня не могла прійти въ себя. Она вѣрить не хотѣла, чтобы въ одну короткую минуту можно было разрушить двадцатилѣтнюю привычную жизнь. Куда же дѣнутся они, если придется выѣхать изъ Колычева? Развѣ легко найти новое подобное мѣсто? Какъ повернулся языкъ у Романа отказаться отъ насиженнаго угла? И почему? Что такое могло выйти между ними и паномъ Яномъ, какъ называла она новаго владѣльца, не успѣвъ за эти двадцать лѣтъ привыкнуть къ русскимъ именамъ и отчествамъ. И она робко спросила:

— Что же такого обиднаго сказалъ тебѣ панъ Янъ?

— Какой онъ тебѣ панъ Янъ? Онъ—москаль проклятый! Мальчишка себя приличнѣе бы держалъ, чѣмъ этотъ дурень сорокалѣтній. Всякій понялъ бы, что неделикатно съ человѣка, двадцать лѣтъ служившаго его дядѣ, съ дворянина, чье имя однимъ изъ первыхъ въ книги герба лабендзя (лебедя) вписано, какъ съ хлопа низкаго, спрашивать. Я ему это и сказалъ, какъ онъ вздумалъ меня въ кражѣ портрета обвинить.

— Не можетъ быть того! Iезусъ-Марія! Да на что онъ намъ? Мало ли этихъ портретовъ старыхъ у насъ на чердакѣ валяется. Никто и не спроситъ никогда о нихъ.

— Я ему такъ и отвѣчалъ, что не у кого портретъ тотъ спрашивать теперь, потому его самъ дядюшка его сумасшедшій сжегъ, а потомъ морфія напился. Что жъ онъ даромъ, что ли, со сложенными накрестъ руками лежалъ? Видно, зналъ, что не сонъ, а смерть ему ночью вѣки смежитъ.

Пани Юзыня и Зося разомъ перекрестились.

— Iезусъ Марія! вотъ грѣхъ-то! Ай-ай-ай! На старости лѣтъ такой грѣхъ!

— Да съ чего же, отецъ?

— А ужъ это онъ одинъ зналъ!

Панъ Романъ ушелъ къ себѣ.

Пани Юзыня, совершенно выбитая изъ колеи приказаніемъ мужа сидѣть дома, не знала, за что ей приняться. Втайнѣ она надѣялась, что оба, и мужъ и москаль—она больше не звала его паномъ Яномъ—поутихнутъ, поостынутъ,

и все обойдется... Панъ Романъ будетъ себѣ по прежнему управлять Колычевымъ, а она вѣдать свой коровникъ и птичникъ, и жизнь пойдетъ опять по старой, давно натоpенной дорожкѣ, но дверь изъ кабинета отворилась и раздался властный голосъ:

— Вели-ка, Зося, мою лошадь осѣдлать, а ты, Юзя, дай пораньше обѣдъ. Закушу и поѣду къ Валеку. Ему въ бѣдѣ помогъ, пусть онъ мнѣ помогаетъ теперь. А вы обѣ тѣмъ временемъ хорошенько обдумайте все, чтобъ намъ уже послѣзавтра отсюда выбраться.

— Куда же, Романъ? Что ты послѣзавтра? да у меня какъ разъ бѣлье завтра стирать должны.

— Не стану же я изъ-за твоихъ тряпокъ у этого кацапа сидѣть! Сдамъ ему завтра же контору, и пусть господствуетъ себѣ на здоровье.

Пани Юзыня всхлипнула.

— Помилосердствуй, Романъ. Послѣзавтра... Быть можетъ, вы еще помиритесь!

— Цо-то! зацокалъ панъ и сжалъ кулаки,—я съ нимъ мириться? Ужъ не думаешь ли ты, что я къ нему извиняться пойду? И хоть бы онъ самъ двѣсти разъ ко мнѣ пришелъ—не слуга я ему больше. Сказалъ—ухожу, и уйду!.. Давай обѣдать!..

Обѣдъ вышелъ безмолвно-унылый. Романъ торопился. Ему не терпѣлось отвести душу въ компаніи соотчича. Переодѣвшись въ верховой казакинъ, онъ молодцовато вскочилъ на свою рыжую Венеру, или Ванеру, какъ ее называла дворня, и, давъ ей хлыста, поднялъ ее въ курцъ-галопъ, которымъ оба, и лошадь и всадникъ, могли скакать хоть часъ безъ передышки.

Когда онъ исчезъ изъ виду, пани Юзыня, крестясь и охая, пошла рыться въ своихъ сундукахъ и комодахъ, а Зося заперлась въ мезонинѣ. Она была крайне озабочена. Уѣхать теперь значило навсегда похоронить мечту быть хозяйкой этой виллы, которую она давно облюбовала. Нѣтъ, надо поправить дѣло! надо дѣйствительно заставить пана Яна прійти и извиниться передъ отцомъ. Но какъ этого добиться? О, она знала, какъ... Надо устроить такую встрѣчу,

чтобы снова загорѣлся въ этихъ сѣрыхъ глазахъ подъ сросшимися, какъ у того мертвеца, бровями уже разъ вспыхнувшій въ нихъ огонь... Надо сумѣть не только поддержать этотъ огонь, но разжечь его во всепожирающее пламя, чтобы оно охватило эту мужскую душу, и чтобы жизнь безъ нея, безъ Зоси, показалась Колычеву невыносимой, и тогда... тогда осуществятся ея мечты, сбудутся предсказанія цыганки и праздничными огнями заблещетъ бѣлая вилла!..

Отецъ далъ небольшой срокъ. Не слѣдуетъ терять времени. Кстати вонъ и солнце выглянуло.

Зося надѣла черное короткое платье и вышла за ворота въ поле. Погода разгуливалась. Сѣрыя тучи разорвались на куски. Кое-гдѣ выглядывали изъ-за нихъ бѣлыя облака, а мѣстами уже синѣло іюльское небо. Дорога просыхала, и только въ колеяхъ свѣтились длинныя полосы воды. Жаворонки снова звенѣли въ воздухѣ. Желтая трясогузка сопровождала Зосю и граціозно помахивала изсиня чернымъ хвостикомъ, то ожидая ее на кочкѣ, то залетая впередъ. За ближними яровыми начиналась рожь. Мягкими плавными волнами склонялись колосья, словно привѣтствуя молодую дѣвушку, и синіе васильки весело мелькали въ густой чащѣ. Быстро срывали ихъ гибкіе пальцы вперемежку съ колючими колосьями и складывали въ огромную охапку.

Съ цѣлымъ снопомъ вернулась Зося въ Колычево и почти бѣгомъ прошла въ засаду въ кустахъ. Тамъ на своей любимой скамьѣ она начала плести вѣнокъ, искусно мѣшая колосья съ васильками. Когда гирлянда была достаточно длинна, она соединила ея концы пышнымъ букетомъ жасмина. Вышло очень оригинально и красиво.

Теперь надо вооружиться терпѣніемъ и наблюдать. Что Колычевъ поддастся соблазну хорошей погоды и выйдетъ погулять, дѣвушка не сомнѣвалась, а разъ онъ попадетъ въ садъ, то, конечно, пройдетъ и на могилу Арсенія Михайловича. Эта могила не видна отъ нея, хотя и въ двухъ шагахъ всего. Когда онъ по березовому мостику вступить на кулигу, ей пора будетъ выйти изъ засады. Закрытая кустами, словно не зная о его присутствіи, она вполнѣ естественно очутится съ нимъ рядомъ, и тогда—панъ или пропалъ.

Расчетъ оказался вѣренъ. Не прошло и получаса, какъ въ дверяхъ террасы показалась высокая фигура Колычева. Полотняная пара сидѣла на немъ свободно. Широкополая панама была слегка сдвинута на затылокъ. Помахивая тростью съ золотымъ набалдашникомъ, спустился онъ по мраморнымъ ступенямъ въ цвѣтникъ.

„Ничего... представителенъ, хотя и грузенъ немного,— подумала Зося:—съ нимъ рядомъ или подъ руку не будетъ стыдно передъ Стасемъ“.

Впечатлѣніе отъ разговора съ паномъ Романомъ еще не успѣло изгладиться, но чѣмъ больше думалъ о немъ Иванъ Николаевичъ, тѣмъ больше убѣждался, что въ этой исторіи съ портретомъ полякъ невиненъ. Что же касается неправильностей баланса, то ни малѣйшихъ сомнѣній у него и не возникало: полякъ сильно нагрѣвалъ руки и ежемѣсячно откладывалъ въ какой-нибудь банкъ не одну и не двѣ сотни рублей. Тому, что онъ не на шутку обидѣлъ Романа, онъ тоже вѣрилъ, но отказъ отъ мѣста показался ему лишь ловкимъ маневромъ, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало удержать пана пока. Вообще о его немедленномъ уходѣ не могло быть и рѣчи. Онъ дастъ ему срокъ, хотя бы до Покрова, когда будутъ закончены всѣ начатыя при немъ полевыя работы, а за это время подыщетъ подходящаго замѣстителя и надежнаго человѣка.

Занятый этими мыслями, Колычевъ ступилъ на кулигу и машинально поднялъ глаза. Низко наклонивъ головку, съ другой стороны подходила къ могилѣ Зося. Длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы были опущены. Вокругъ розовыхъ губокъ лежало выраженіе глубокой скорби. Вся ея тонкая, хрупкая фигурка словно согнулась подъ бременемъ горя.

Иванъ Николаевичъ невольно остановился, а она, дойдя до насыпи, положила на нее свой вѣнокъ и вдругъ упавъ на колѣни, заплакала. Зося славилась въ пансіонѣ своимъ искусствомъ плакать. Слезы текли у нея по щекамъ, не безобразя лица, носъ не краснѣлъ, а глаза становились еще лучистѣе.

„О, ты непремѣнно должна позировать для Mater Dolorosa или кающейся Магдалины“, твердили ей бывало съ восхищеніемъ подруги.

Иванъ Николаевичъ, конечно, подошелъ къ ней, тронутый ея печалью.

Зося вздрогнула, словно застигнутая врасплохъ.

— Oh, pardon, monsieur! j'ignorais votre présence.

Она вскочила и, граціозно присѣвъ, хотѣла удалиться.

Колычевъ удержалъ ее за руку. Мягкимъ, взволнованнымъ голосомъ сталъ онъ благодарить ее за чудный вѣнокъ, за трогательное вниманіе къ памяти усопшаго.

— Скажите мнѣ, панна Зося,—вѣдь такъ васъ зовутъ, не правда ли?

Зося кивнула головкой.

— Скажите мнѣ, почему вы какъ-то особенно тепло относитесь къ покойному? Развѣ вы такъ близко знали его?..

— Нѣтъ, я въ жизни не сказала съ нимъ ни слова, но онъ всетаки заботился обо мнѣ, онъ настаивалъ, чтобы отецъ далъ мнѣ прекрасное воспитаніе и не стѣснялся въ расходахъ на меня. Онъ такъ цѣнилъ отца, что не зналъ, чѣмъ бы получше выразить ему свою благодарность.

Зося лгала по вдохновенію. Она чуяла, что въ книгахъ Романа были грѣшки, знала о его побочныхъ доходахъ и думала, что нелишнимъ будетъ это упоминаніе о „благодарности“ Арсенія Михайловича. И ложь ея попала въ цѣль.

— Такъ вотъ оно что!—подумалъ Иванъ Николаевичъ.— Можетъ быть, и дядя замѣтилъ это странное сходство и заинтересовался дочерью своего управляющаго. Понятно, при его женоненавистничествѣ онъ не хотѣлъ, чтобы знали объ этихъ расходахъ, и не вносилъ ихъ въ записи.

Ему стало совѣстно за утреннія „придирки“ къ Роману. Кромѣ того, у него вдругъ мелькнула мысль: не передавалъ ли Юшкевичъ по желанію покойника этихъ нехватающихъ суммъ и на другія благотворительныя дѣла, быть можетъ, въ той же Польшѣ? Не было ли у него въ его любимой Варшавѣ какихъ-нибудь прежнихъ грѣховъ, которые ему захотѣлось загладить подъ старость?.. Вотъ она, эта данная Романомъ клятва.

Зося продолжала плакать. Иванъ Николаевичъ снова взялъ ее за руку.

— Полноте! о чемъ вы? Вѣдь дядѣ было за семьдесятъ

лѣтъ... Рано или поздно каждаго изъ насъ ждетъ тотъ же удѣлъ.

— Я не о томъ... вѣдь я проститься пришла. Мнѣ никогда больше въ жизни не придется помолиться на этой могилѣ за пана Арсенія.

— Почему?!

— Отецъ велѣлъ укладываться... мы послѣзавтра уѣзжаемъ изъ Колычева.

— Куда? зачѣмъ?

— Отецъ сказалъ, что завтра онъ сдастъ вамъ всѣ дѣла, и мы должны уѣхать...

— Я этого не допущу! Если я сегодня утромъ погорячился, если былъ неправъ, я готовъ извиниться передъ вашимъ батюшкой. Я самъ на его мѣстѣ счелъ бы себя оскорбленнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, милая барышня! вы никуда не уѣдете, напротивъ, я прошу васъ быть моей заступницей и передать вашему батюшкѣ мое глубочайшее сожалѣніе о нашемъ утреннемъ разговорѣ съ нимъ.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ передамъ, но я не думаю, чтобы это заставило отца измѣнить его рѣшеніе. Отецъ ничего не говоритъ на вѣтеръ. Онъ настоящій полякъ, а поляки всегда держатъ слово.

— Вотъ какъ! Но повѣрьте, и мы, русскіе, не менѣе настойчивы, и если я рѣшилъ итти на мировую, то и пойду. А пока въ залогъ того, что вы не откажетесь быть посредницей въ дѣлѣ примиренія настойчиваго Юшкевича съ не менѣе упрямымъ Колычевымъ, разрѣшите мнѣ сопровождать васъ въ вашей прогулкѣ. Вы куда намѣрены были пойти?

Зося вытерла синіе глазки и еще разъ перекрестилась на крестъ. „Матка Бозка, помоги мнѣ!“ мысленно помолилась она и обернулась къ Ивану Николаевичу.

— Я должна итти домой, мнѣ надо помочь укладываться матери.

— Хорошо, я провожу васъ, хотя укладываться вамъ не къ чему. Все, что вы сейчасъ уложите, придется тотчасъ же переложить обратно на прежнее мѣсто.

— Все равно. Отецъ привыкъ, чтобы его слушались.

— Развѣ онъ такой деспотъ?

— Деспотъ?—Зося вспыхнула.—Нѣтъ, отецъ не деспотъ.

Онъ только очень вспыльчивъ, но онъ самъ готовъ извиниться первый, если убѣдится въ своей неправотѣ.

— Поэтому вы и не спѣшите укладываться. Онъ увидитъ, что былъ неправъ, приказавъ укладываться и собираться въ дорогу, и первый поцѣлуетъ васъ за то, что вы такая умница и не послушались его.

Зося улыбнулась.

— Ну, слава Богу! Наконецъ-то вы улыбнулись. Это первая улыбка, что я вижу на вашемъ миломъ личикѣ. Нѣтъ, впрочемъ, не первая. Вы уже давно, двадцать девять лѣтъ назадъ, такъ улыбнулись мнѣ, когда я въ первый разъ васъ увидѣлъ. Помните, у васъ еще книжка была въ рукахъ.

Зося совсѣмъ ужъ искренно открыла отъ изумленія ротикъ.

— Двадцать девять лѣтъ назадъ!.. Да меня еще на свѣтѣ не было. Мнѣ только нынче въ маѣ минуло девятнадцать.

— А я васъ зналъ, когда мнѣ самому всего тринадцать было.

— Вы смѣетесь?

— Ничуть. Развѣ можетъ кто поручиться, что не жилъ уже раньше и не встрѣчался съ тѣмъ же человѣкомъ, но только подъ другимъ именемъ?

— Вы говорите загадками... Впрочемъ, я понимаю. Я напоминаю вамъ какую-нибудь знакомую вамъ прежде барышню, которая умерла, а можетъ быть и просто состарилась?—добавила она съ плутовской улыбкой.

— Увы! не знаю, потому что никогда знакомъ съ ней не былъ и даже не имѣю понятія, какъ ее звали.

— Гдѣ же вы видѣли ее?

— Здѣсь въ Колычевѣ, у дяди.

— Какъ такъ? Вѣдь у вашего дядюшки за всю его жизнь ни одной женщины никогда въ гостяхъ не бывало? Вы просто смѣетесь надо мной!—и Зося надула губки.

— Не вѣрьте, а только это правда.

Они свернули въ липовую аллею.

— Здѣсь мы съ вами простимся. Мнѣ пора домой. Такъ вы не забудете моего порученія?—и, бросивъ свой шутливый тонъ, онъ протянулъ Зосѣ руку, крѣпко пожалъ ея тонкіе пальчики и прибавилъ серьезно и задушевно:

— Передайте пану Юшкевичу, что я очень сожалѣю о происшедшемъ и прошу его сразу по возвращеніи пройти ко мнѣ. А вамъ спасибо еще разъ за ваше трогательное вниманіе къ дядѣ.

Зося кивнула ему своей точеной головкой и быстро пошла домой, а Колычевъ какой-то особенной молодой походкой пошелъ въ виллу и, молодцовато взбѣжавъ по ступенямъ, весело крикнулъ Прохору:

— Что, старикъ! Не пора ли намъ пообѣдать? Я здорово проголодался!

Мысль о возстановленіи добрыхъ отношеній съ паномъ Романомъ очень заняла его. Въ сущности полякъ очень не глупъ. Многія его распоряженія и нововведенія говорили о недюжинномъ умѣ, а Зося съ ея чисто парижскимъ акцентомъ была весьма изящной и ничуть не провинціальной барышней. Въ любой столичной гостиной она привлекла бы на себя вниманіе, и душа у нея была, видно, чуткая. Не изъ развязности подошла она ко гробу Арсенія Михайловича. Очевидно, какъ и сегодня, ею руководило чувство благодарности дядѣ за его заботу о ея воспитаніи. Интересно,— зналъ ли панъ Романъ объ этомъ сходствѣ?

И онъ налилъ себѣ вторую рюмку смородиновки...

IX.

Слезы весеннія, юныя слезы
Блещутъ алмазами, словно роса.
Тихо дрожатъ онѣ въ листикахъ розы,
Ласково смотрятся въ нихъ небеса.
Счастье улыбкою радостной рая
Сразу прерветъ ихъ горючій потокъ,
Солнце ихъ выпьетъ, лучами играя,
Слѣдъ ихъ осушитъ, смѣясь, вѣтерокъ.
(„Слезы". М. К.).

Зося застала старый сѣрый домикъ въ полномъ разгромѣ. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Комоды стояли съ выдвинутыми ящиками, шкапы хлопали раскрытыми настежь дверцами. Пани Юзыня, красная и заплаканная, сидѣла въ креслѣ посреди гостиной.

— Наконецъ-то! я думала, ты сбѣжала. Стучусь къ тебѣ,

а тебя и слѣдъ простылъ. Гдѣ ты была? Я не могу одна справиться, а позвать кого—боюсь. Романъ разсердится еще, скажетъ, зачѣмъ я чужихъ людей безпокою!..

Въ другое время Зося непремѣнно ужалила бы мать по осиному, но сейчасъ она вся еще трепетала отъ напряженія только что сыгранной роли, отъ сознанія, что сыграла ее съ успѣхомъ и вышла побѣдительницей изъ рискованнаго положенія. Ея глаза горѣли отъ внутренней радости, что смѣлыя мечты ея начинаютъ воплощаться и, подойдя къ старухѣ, она отерла своимъ раздушеннымъ платочкомъ ея лицо и нѣжно поцѣловала огрубѣвшую отъ вѣчной работы руку:

— Полноте, мама! Отрите слезы и давайте складывать все обратно по своимъ мѣстамъ. Никуда мы не уѣдемъ. Панъ Янъ велѣлъ мнѣ отъ своего имени передать отцу, что проситъ у него прощеніе.

— Зося, какъ? гдѣ ты съ паномъ говорила? Ты была у него?

Зося разсказала матери о встрѣчѣ на могилѣ, о томъ, „какъ ей неудержимо захотѣлось побывать тамъ и отнести вѣнокъ", и что изъ этого вышло.

— Зося, это тебя самъ панъ Бугъ научилъ. Слава ему!

И обѣ съ энергіей принялись приводить шкапы и комоды въ обычный порядокъ.

Когда вечеромъ вернулся панъ Романъ, каждая вещь лежала на своемъ мѣстѣ. Пани Юзыня успѣла даже побывать на скотномъ и въ птичникѣ и убѣдилась, что Фроська и Аниска были ея достойными ученицами—ничего не было перепутано и всѣ горшки были цѣлы.

Не замѣтивъ ни малѣйшихъ приготовленій къ отъѣзду, полякъ насупилъ брови.

— Цо-то! аль рехнулись вы? Послѣзавтра переѣзжаемъ, а у нихъ ни ложки, ни плошки не уложено!

— Не сердись Романъ! послушай, что тебѣ Зося скажетъ.

Когда Зося передала ему порученіе Колычева, Юшкевичъ криво усмѣхнулся.

— Забоялся, москаль! Хвостъ поджалъ. Не сладко, видно, пришлось! Ничего, пусть попляшетъ.

— Такъ что же, отецъ, чѣмъ ты порѣшилъ?

— А тѣмъ, чтобы послѣзавтра намъ здѣсь ужъ не ночевать. Пока мы переѣдемъ въ городъ: хотя Валекъ и предлагаетъ поселиться или погостить у него, но въ городѣ, по-моему, изъ-за нѣкоторыхъ причинъ будетъ удобнѣе. А тамъ я напишу, кому слѣдуетъ. Но только тутъ мнѣ больше не мѣсто.

Зося повѣсила головку. Она знала—отца не переспоришь. Все, казалось ей, такъ хорошо налаживается, и вдругъ эта непримиримость. Она рѣшилась на послѣднее отчаянное средство и постучалась въ кабинетъ. Панъ Романъ курилъ на своемъ старомъ, вытертомъ клеенчатомъ диванѣ. Зося подсѣла къ нему на колѣни и прижалась щекой къ его лицу.

— Слушай, тату! не будь ребенкомъ. Дай мнѣ сказать тебѣ: хочешь быть здѣсь полнымъ хозяиномъ, не маршалкомъ, какъ при панѣ Арсеніи, а настоящимъ?

— Это еще что за сказки? Не шути, цурка, мнѣ не до шутокъ.

— А мнѣ тѣмъ менѣе, потому что изъ-за своего упрямства ты прошутишь мое счастье. Слушай: не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, ты на моей свадьбѣ будешь въ бѣлой залѣ Колычева краковякъ плясать и въ мазуркѣ платкомъ передо мною пыль съ паркета смахивать... вотъ-те свентый крестъ.

И Зося перекрестилась.

— Шути... шути...

— Нѣтъ, я говорю серьезно. Вѣрь мнѣ, что другое, а ужъ мужчинъ я знаю и поклянусь, что въ данную минуту панъ Янъ по мнѣ думку крутитъ. Мы, женщины, сразу чуемъ, гдѣ добычей пахнетъ... Недаромъ онъ меня увѣрялъ сегодня, что съ тринадцати лѣтъ по мнѣ вздыхалъ.

— Какъ такъ?

Зося передала слова Колычева.

— Цо-цо-цо! Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Это онъ, вѣрно, тотъ портретъ разумѣлъ, на который тогда тайкомъ отъ дяди полюбовался,—и въ свою очередь Романъ сообщилъ дочкѣ объ отроческой продѣлкѣ Ивана Николаевича, разсказанной имъ Караулову.

— Тѣмъ лучше! ты видишь, сама судьба предназначаетъ мнѣ быть здѣсь хозяйкой. Тату милый, не мѣшай мнѣ! помирись съ паномъ. Видишь ли, онъ уже не такъ виноватъ, онъ думалъ, ты унесъ портретъ, потому что я на него похожа была.

— Пусть думалъ, но я-то вѣдь этого портрета никогда въ глаза не видалъ.

— Такъ ты пойдешь къ пану Яну?—и она еще нѣжнѣе прижалась къ отцу:—онъ говорилъ, чтобы ты сейчасъ же пришелъ къ нему, какъ вернешься домой.

— Нѣтъ, не пойду! Во-первыхъ, поздно, а во-вторыхъ, и это главное, не я обидѣлъ его... Да и не въ одномъ портретѣ тутъ дѣло...

— Ну, а если онъ самъ придетъ? Тату, ты помиришься?

Панъ Романъ поцѣловалъ дочь и спустилъ ее съ колѣнъ.

— Иди спать, цурка! Утро вечера мудренѣе.

Зося поцѣловала его руку и, притянувъ его голову, шепнула на ухо:

— Смотри, никому не проговорись, я и мамѣ ничего не сказала, тебѣ одному открылась.—И она исчезла за дверью.

Панъ Романъ задумался. Онъ самъ замѣтилъ тотъ взглядъ, которымъ смотрѣлъ Колычевъ на его дочку на отпѣваніи, видѣлъ, какъ искалъ онъ ее тщетно глазами въ толпѣ у могилы и среди гостей на поминкахъ въ виллѣ. Зося ушла съ матерью, торопившейся къ крестьянскимъ столамъ съ кутьей. О, его дочка знала французскую поговорку: „il faut se faire rare, pour se faire apprécier". Своимъ отсутствіемъ она только разожгла любопытство заинтересовавшагося ею помѣщика... Да, эта партія была бы подходящей... но—имѣть зятемъ москаля, имѣть отъ Зоси внуковъ-кацаповъ, окрещенныхъ еретиками-попами? Да вѣдь это измѣна... измѣна отчизнѣ, вѣрѣ, святому дѣлу, которому онъ поклялся служить. Нѣтъ! лучше видѣть ее за Валекомъ, только не за русскимъ, лучше быть ей компаньонкой въ Запольѣ, чѣмъ хозяйкой—женой еретика въ этомъ москальскомъ гнѣздѣ. Никогда, никогда не пойдетъ онъ на это. Дѣвочка, видимо, не на шутку задумала свое дѣло, она тщеславна, ей хочется не отставать отъ богатыхъ подругъ, но онъ сумѣетъ переубѣдить ее. Онъ

напишетъ начальницѣ пансіона, а та настроитъ духовника, который руководилъ религіознымъ воспитаніемъ своей юной паствы тамъ подъ Варшавой, и ихъ письма возымѣютъ свое дѣйствіе. Наконецъ, если и это не повліяетъ на дочь, онъ соберетъ послѣднія крохи и отправитъ ее еще на годъ въ монастырь. Тамъ сумѣютъ съ ней справиться. Относительно примиренія—онъ самъ еще не зналъ, на что рѣшиться. Во всякомъ случаѣ не только ни шага онъ первый навстрѣчу не сдѣлаетъ, но и остаться согласится не сразу... И, успокоенный этими мыслями, панъ Романъ пошелъ спать.

На другое утро онъ чѣмъ свѣтъ уѣхалъ въ городъ за 15 верстъ, чтобы не быть дома, въ случаѣ Колычевъ пришлетъ за нимъ, и дѣйствительно казачокъ два раза въ его отсутствіе прибѣгалъ звать его къ барину. Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу въ липовой аллеѣ показался Иванъ Николаевичъ.

Ночь окончательно укрѣпила его въ убѣжденіи, что виноватъ онъ, а не панъ Романъ, и, понявъ изъ отсутствія управляющаго, какъ глубоко было задѣто самолюбіе поляка, онъ рѣшилъ пойти въ старый домъ.

Зося изъ мезонина замѣтила его и бросилась къ матери въ кухню.

— Мама, панъ Янъ! надѣньте чистую кофту!

— Гдѣ? что?—растерялась Юзыня.

— Ахъ ты Господи! Какая вы! Панъ Янъ къ намъ идетъ!— и Зося опрометью кинулась въ гостиную.

Колычевъ входилъ уже на хмелевую террасу. Зося чинно пошла къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, милая барышня. Вы видите, я умѣю быть не менѣе настойчивымъ, чѣмъ панъ Юшкевичъ. Надѣюсь, онъ дома, и вы проведете меня къ нему?

— Отца еще нѣтъ. Пану придется подождать.—И она подвинула ему кресло, а сама сѣла на диванъ.—Мама сейчасъ выйдетъ.

— Отлично. Вы мнѣ тѣмъ временемъ разскажите, какъ отнесся къ данному вамъ мною порученью панъ Романъ.

— Отецъ очень обиженъ,—отвѣчала Зося, потупя глаза.— Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы отложить нашъ отъѣздъ,

и теперь поѣхалъ искать квартиру въ городъ. И если найдетъ ее, мы тотчасъ переѣдемъ.

Иванъ Николаевичъ покраснѣлъ. „Ну, и чортъ съ нимъ!" подумалъ онъ и хотѣлъ уже встать и проститься, какъ въ комнату вошла пани Юзыня. Старая полька разсыпалась въ любезностяхъ. Она такъ тронута вниманіемъ пана! онъ оказалъ имъ такую честь, зайдя въ ихъ бѣдное жилище!

— Однако, сколько мнѣ извѣстно, это бѣдное жилище не одинъ десятокъ лѣтъ было помѣщичьимъ домомъ въ Колычевѣ. И дѣдъ мой, и прадѣдъ жили въ немъ. Кстати, меня очень интересуетъ, не осталось ли здѣсь какихъ-нибудь старыхъ портретовъ ихъ. Въ виллѣ ни одного нѣтъ, а отъ отца я слыхалъ, что они остались въ Колычевѣ, какъ въ родовой усадьбѣ, и въ Горки перевезены не были. Можетъ быть, они погибли въ двѣнадцатомъ году?

— Какъ же, ясновельможный панъ! на чердакѣ лежатъ! Я ихъ еще вчера видѣла. Прикажетъ панъ, я мигомъ принесу ихъ!—И пани Юзыня уже вскочила, чтобы бѣжать.

Зося дернула ее за платье. Нѣтъ, рѣшительно мать не умѣетъ соблюдать своего достоинства. Къ чему она приняла этотъ подобострастный тонъ? Зачѣмъ эти присѣданія, эти заискивающія улыбочки?

Иванъ Николаевичъ тоже протянулъ руку, чтобы удержать хозяйку на мѣстѣ.

— Не трудитесь, пожалуйста, уважаемая пани! Это успѣется. Я пришлю человѣка помочь вамъ. Я очень радъ, что вижу васъ и могу, пользуясь случаемъ, выразить вамъ мое восхищеніе тѣмъ образцовымъ порядкомъ, въ которомъ ведется все молочное и птичье хозяйство.

Пани Юзыня совсѣмъ растаяла. Это была ея сфера. На вопросы Колычева она отвѣчала цѣлымъ водопадомъ свѣдѣній и подробностей. Напрасно Зося дергала ее за платье, наступала ей на ногу, — рѣчь ея лилась безъ передышки. Она нарочно отодвинулась подальше отъ дочки, чтобы та ей не мѣшала. Воспользовавшись, наконецъ, паузой, гость взглянулъ на часы.

— Уже половина перваго. Не хочу васъ дольше задерживать.—И, низко поклонившись обѣимъ, онъ вышелъ.

Едва его высокая фигура скрылась въ зелени, Зося заломила свои тонкія ручки и упала на диванъ, рыдая: „Что вы надѣлали мама! что вы надѣлали! Развѣ можно такъ вести себя!“

— Что такое? что съ тобой, цурка?—спросила озабоченно мать.

— Теперь все пропало! Ахъ, зачѣмъ я позвала васъ! Вы все мнѣ испортили!

Пани Юзыня обомлѣла. Кажется, ничего глупаго она не сказала, говорила дѣльно, и панъ Янъ слушалъ съ удовольствіемъ. Въ чемъ же бѣда?

— Въ томъ, что вы меня губите, отца губите! Да, да, да! губите.

И со злости Зося швырнула на полъ вышитую пани Юзыней подушку съ гербомъ Юшкевичей, гдѣ знаменитый лебедь сильно напоминалъ любимаго старухой гусака Тишку.

— Такъ себя только скотница держать смѣетъ, а не пани Юшкевичъ!—И дѣвушка выбѣжала и заперлась въ мезонинѣ.

Все шло такъ хорошо! случилось даже больше, чѣмъ она ожидала: Колычевъ пришелъ самъ въ сѣрый домикъ, а мать вмѣсто того, чтобы задержать его до пріѣзда отца, предложивъ Зосѣ занять гостя музыкой, начала свои молочныя познанія выкладывать! Ахъ, какъ бы играла Зося! Иванъ Николаевичъ и сейчасъ бы еще сидѣлъ и слушалъ ее... Вѣдь тогда дождь лилъ, и онъ вѣрно не слыхалъ ея игры, иначе или вчера, или сегодня непремѣнно заговорилъ бы съ ней о музыкѣ. А тутъ, вмѣсто Шопена и Мендельсона, разговоры объ удоѣ и гимны новой маслобойкѣ! Что дѣлать теперь? Отецъ ни за что не согласится итти снова въ виллу... Упущенъ единственный случай помочь дѣлу. И дѣвушка рыдала безутѣшно...

А пани Юзыня, совсѣмъ сконфуженная и сбитая съ толку, сидѣла въ погребѣ, провѣряя съ Фроськой молочные горшки, обвитые для прочности полосками бересты, и никакъ не могла сообразить, за что на нее прогнѣвалась дочка и чѣмъ она уронила свое панское достоинство?

Юшкевичъ вернулся лишь въ седьмомъ часу. Его почти двухдневное отсутствіе уже дало себя знать. Возникъ цѣлый

рядъ вопросовъ, которые только онъ могъ разрѣшить. У крыльца давно дежурилъ староста, пришедшій узнать, кого изъ мужиковъ назначить на косьбу послѣднихъ перелоговъ, задержавшуюся похоронами; съ мельницы приплелся хромой работникъ Карпычъ съ просьбой осмотрѣть жерновъ, никакъ не хотѣвшій молоть; плотникъ, рубившій новый ледникъ, не могъ продолжать работы, не зная, насколько панъ распорядится углубить яму и нужно ли ему прибавить еще одну ступеньку для схода; захромала одна изъ лучшихъ упряжныхъ лошадей и т. д. Увидѣвъ ожидающихъ, панъ нахмурился: вопросы эти были хоть мелкими, но они тормозили дѣло. Тѣмъ лучше! побольше бы ихъ!

— Ничего не знаю, ребята!—отвѣтилъ онъ мягко.—Ступайте къ барину, пусть онъ распорядится!—и онъ вошелъ въ домъ.

— Вотъ такъ чудеса въ рѣшетѣ!—сказалъ высокій плотникъ Иванъ:—какъ я пойду къ барину, когда баринъ меня и въ глаза не видалъ, да и что мнѣ баринъ указать можетъ?

Староста Дороѳей почесалъ всей пятерней свою сивую бороду.

— Да не ладно! Видно, мужики-то правду баяли, что конецъ поляку пришелъ. Что жъ теперь дѣлать, ребята? Аль и взаправду барина безпокоить?

— Чего жъ не иттить? пойдемъ, авось, головы не сниметъ!—посовѣтовалъ кучеръ Михей Осторожный, получившій свою кличку за то, что на каждомъ поворотѣ кричалъ самому себѣ: „осторожнѣй!“

— Коли иттить, такъ ужъ всѣмъ вмѣстѣ! — согласился Иванъ.

— Може панъ передумаетъ, да и самъ выйдетъ, — остановилъ Карпычъ.

— Жди, коли время и охота есть, а мы ужо пойдемъ.

И мужики помялись, еще поругались и пошли гурьбою со двора.

Панъ Романъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ черезъ окно конторы и вздохнулъ. Да, нелегко... Двадцать лѣтъ онъ тутъ самостоятельно хозяйничалъ, все наладилъ, настроилъ, и

вотъ уступай мѣсто неизвѣстно кому. Если даже остаться теперь—все равно, двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ уживаться придется. Эхъ, что тамъ: все къ лучшему! Нечего долго тянуть. Сразу уѣхать и дѣлу конецъ. По крайней мѣрѣ и Зосины мечтанья рухнутъ сами собою, а то зачѣмъ ей дразнить ими себя понапрасну. Да гдѣ жъ это она, отчего его не встрѣтила?

И онъ крикнулъ, подойдя къ лѣстницѣ: „Зося!“

Зося сошла съ заплаканными, напухшими глазами и бросилась къ отцу на шею.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты уѣхалъ! Зачѣмъ не остался! Онъ приходилъ самъ сюда, а мать...

— Что же, не приняла его?

— Хуже... она все съ нимъ говорила о коровахъ... она надоѣла ему, и онъ ушелъ...

Панъ Романъ погладилъ ее по головѣ.

— Мать сдѣлала прекрасно. Онъ пришелъ сюда по дѣлу, и съ нимъ о дѣлахъ и говорить нужно было!

— Нѣтъ, онъ пришелъ помириться, — онъ самъ сказалъ мнѣ...

Панъ Романъ самодовольно ухмыльнулся.

— Не тужи, мое сердечко; вѣрь мнѣ, такъ лучше. Однакожъ я не вижу, чтобы вы съ матерью переѣзжать готовились. Что жъ это будетъ? Я уже квартиру присмотрѣлъ. У бакалейщика Пастухова во флигелѣ—5 комнатъ и садъ... Отличная квартирка и недорого. Положимъ, къ завтрему она еще не будетъ готова, но укладываться все-таки пора. Ну, вытри глазки и будь умницей: брось думать о москаляхъ. Я мою единородную цурку лишь за добраго сына нашей ойчизны замужъ отдамъ.

— Гдѣ жъ ты такого въ нашемъ городишкѣ сыщешь? Всѣ они женаты! Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я все такъ хорошо надумала, а теперь...

Зосю ужасала мысль о жизни въ уѣздномъ городѣ, среди общества мелкихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ туда для хлѣбныхъ сдѣлокъ. Всѣ эти барыни и ихъ жеманныя дочки съ вѣчными ужимками и убійственнымъ французскимъ языкомъ, на которомъ онѣ неукоснительно

между собою разговаривали; ихъ неловко сшитыя и безвкусныя, съ поползновеніями на моду, платья и шляпки, ихъ романсы и избитыя фортепьянныя пьесы, являвшіяся какъ бы дипломами ихъ образованности, казались избалованной аристократическимъ пансіономъ дѣвушкѣ нестерпимыми.

Послѣдніе три года она на очень короткій срокъ возвращалась въ Колычево и проводила почти всѣ каникулы у своихъ богатыхъ подругъ, гостя мѣсяцами въ ихъ родовыхъ замкахъ.

Трудно мирилась она теперь со старымъ сѣрымъ домикомъ отца. Ея не удовлетворяла скромная обстановка этихъ низкихъ комнатъ. Зося сама умѣла изъ пустяковъ создать украшеніе—оправитъ скатерть, передвинетъ кресло или диванъ, подберетъ по своему занавѣску, свяжетъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, чуть не сорныхъ травъ букетъ—и комната, смотришь, преобразилась и потеряла свой будничный мѣщанскій обликъ. Въ ней было въ высшей степени развито чувство изящнаго. Съ ея возвращеніемъ появлялись на стѣнахъ акварели, а на креслахъ красивые антимакасары. Каждая мелочь говорила объ искусствѣ ея тонкихъ, гибкихъ пальцевъ. Отецъ звалъ ее „феей“. Онъ не сердился, когда Зося отказывалась сопровождать мать въ ея визитахъ къ сосѣдямъ, съ которыми у нея ничего общаго не было, но передъ которыми пани Юзыня любила хвастаться своей красавицей-дочкой.

Какъ только отдавалось приказаніе закладывать экипажъ, дѣвушка спѣшила въ свою засаду въ кустахъ, а оттуда отправлялась бродить по старому парку, гдѣ доживали вѣкъ древнія барскія затѣи, возобновленныя было Арсеніемъ Михайловичемъ, но впослѣдствіи снова заброшенныя,—„храмъ любви“ съ заплеснѣвшей статуей Амура съ отбитымъ носомъ, „рыбачій островъ“ съ полуразвалившейся хижиной, въ которой когда-то, по преданію, при входѣ посѣтителей, деревянная кукла въ рыбачьемъ костюмѣ качала головой и руками, словно плела сѣти, и разные разрушенные павильоны и заросшіе гроты. Эта часть парка не поддерживалась. Сѣно въ ней не скашивалось, и деревья, лопухи и крапива

пышно разрастались на просторѣ. Никто туда не заглядывалъ, и Зося разорвала не одно платье, продираясь сквозь густую чащу. Но эти слѣды былого величія и барской жизни говорили ея сердцу не менѣе, чѣмъ отраженіе бѣлой виллы въ прудѣ, и она часто мечтала, какъ чудно было бы возстановить всѣ эти игрушки, будь она богата и будь Колычево ея собственностью. Она полюбила этотъ запущенный уголъ стараго парка и чувствовала себя въ немъ хозяйкой... А теперь и его придется лишиться!..

— Нѣтъ, я этого не вынесу... Я не могу! не могу!—она еще сильнѣе зарыдала.

— Полно, довольно, Зося! Это, наконецъ, глупо! Ну, не хочешь жить въ городѣ, поѣзжай гостить къ Олесѣ или къ Элизѣ. Не могу же я изъ-за твоихъ фантазій жертвовать собою?

... Нѣтъ, она не поѣдетъ ни къ Олесѣ, ни къ Элизѣ! Быть приxлебательницей, „бѣдной подругой"—это было возможно, пока онѣ еще учились, а теперь она вернется въ Заполье лишь въ парижскомъ, какъ у всѣхъ у нихъ, платьѣ, она подъѣдетъ къ перрону со львами въ Филипишкахъ Свентицкой только въ своей щегольской коляскѣ. Она лучше пострижется сейчасъ же въ монастырь, ей легче будетъ уйти навѣки отъ міра, чѣмъ это униженіе, это мѣщанство, эта жизнь въ захолустьѣ!..

Панъ Романъ разсердился и даже топнулъ ногой, чего никогда еще не позволялъ себѣ съ дочерью!

— Брось эти бредни, слышишь! Ни въ монастырѣ, ни замужемъ за москалемъ тебѣ не бывать! Я лучше убью тебя и себя, чѣмъ позволю тебѣ вѣнчаться съ еретикомъ...

И, взявъ за плечи, онъ грубо вытолкнулъ ее въ двери.

Не привыкшая ни къ чему подобному дѣвушка, трясясь отъ негодованія и страха, бросилась къ себѣ наверхъ, заперлась на крючокъ и съ горькими рыданіями упала на свою узкую бѣлую постельку...

А счастье уже шло къ ней... На крыльцо всходилъ самъ щеголь Василій, камердинеръ Ивана Николаевича, съ его собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ владѣлецъ Колычева убѣдительно просилъ „достоуважаемаго пана Юшке-

вича непремѣнно пожаловать для важнаго и неотложнаго разговора". Въ концѣ стояло: „Заходилъ утромъ самъ, но, къ величайшему моему сожалѣнію, не засталъ васъ дома", и подписано было: „Вашъ покорнѣйшій слуга И. Колычевъ".

У пана даже усы приподнялись отъ удовольствія.

— Цо-то! попался, кацапъ? Ну, теперь смотри въ оба, Романъ! зацѣпи его покрѣпче, чтобъ не сорваться дурню. Не воображай, москаль, что тебѣ даромъ достанется мировая! Далибугъ, еще попляшешь вкругъ меня, не разъ поклонишься... За то, что смѣлъ обидѣть мое панское сердце,— не сразу заснешь покойно... Недѣльки двѣ-три поворочаешься съ боку на бокъ... Зато ужъ потомъ спи себѣ на здоровье, и чѣмъ дольше и крѣпче, тѣмъ лучше...

И онъ холодно отвѣтилъ Василію:

— Передай пану, что я только сперва поужинаю, а потомъ приду.

X.

> О, эти юныя мечты
> О, счастья дивныя видѣнья!
> Какъ были свѣтлы и чисты
> Тѣ невозвратныя мгновенья...
> („Въ зной". М. К.)

Панъ Романъ ловко повелъ себя. Уже цѣлыя двѣ недѣли онъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, останется ли управляющимъ у Ивана Николаевича, хотя тотъ и предложилъ ему полуторное жалованье. О немедленномъ отъѣздѣ больше не было разговора. Самолюбіе поляка было вознаграждено съ избыткомъ, и было бы смѣшно и глупо отвергать протянутую руку, но полнаго примиренія не произошло. Зато съ каждымъ вновь возникавшимъ въ хозяйствѣ вопросомъ Иванъ Николаевичъ убѣждался, какъ систематично и цѣлесообразно оно было налажено въ Колычевѣ. Полякъ нарочно вводилъ хозяина во всѣ мелочи и требовалъ его личнаго присутстія повсюду. Всѣ распоряженія и уплаты производились отнынѣ не въ конторѣ стараго дома, а въ зеленомъ кабинетѣ виллы, и въ рѣзной дубовой прихожей толпились

и мелькали фигуры и лица такихъ людей, которымъ никогда раньше и во снѣ не снилась возможность ступить за рѣшетку французскаго сада.

Вилла мало-по-малу теряла свой нежилой видъ. Ночное дежурство на ларѣ отмѣнилось само собою. Въ подвальномъ этажѣ въ кухнѣ хозяйничалъ и гремѣлъ кастрюлями Еремѣй, рядомъ съ ней въ людскихъ уже поселились его помощники, а также и Прохоръ съ Ѳедькой, туда же перешелъ и Евграфъ, уступивъ свою каморку при уборной щеголю Василію, какъ ближайшему камердинеру барина. Поминутно въ нѣдра этого этажа спускались дѣвки съ молочницей Фроськой во главѣ, и даже два раза приходила сама пани Юзыня, принося Еремѣю сливки для вафель, боясь, чтобъ ихъ не слизнули дорогой.

Въ виллѣ бывали и гости. Такъ, на девятый день смерти Арсенія Михайловича, послѣ панихиды на его могилѣ, причтъ, Супруненко, докторъ и кое-кто изъ сосѣдей завтракали снова въ обюссоновой столовой, но на этотъ разъ всѣ двери были открыты настежь, и гости на цыпочкахъ, съ затаеннымъ отъ любопытства дыханіемъ обходили дивные покои запретнаго недавно жилища.

Дьяконъ Зосима, неловко ступая въ грубыхъ сапогахъ, шопотомъ сообщалъ свои впечатлѣнія отцу Никитѣ, котораго онъ изъ невольной робости держался по привычкѣ. Особенно нравились ему картины французской школы, отецъ же Никита не цѣнилъ нимфъ и пастушковъ и любовался произведеніями Тиціана и Гвидо Рени.

Гобеленовая гостиная съ цѣльнымъ зеркальнымъ потолкомъ привела Зосиму въ неистовый восторгъ:

— Гляньте, отецъ Никита! Во какъ я вверхъ ногами хожу!

— Хорошъ,—отвѣчалъ Никита;—морда еще шире кажется, а ногъ какъ не бывало.

Дьяконъ заржалъ отъ удовольствія такъ, что подвѣски на канделябрахъ задрожали и нимфы и вытканные на панно боги словно застыли отъ изумленія.

Панъ Романъ на завтракъ не пошелъ. Это было бы слишкомъ скоро послѣ размолвки, да и Зося тревожила его не на шутку.

Когда отецъ прогналъ ее, она, заливаясь горькими слезами, упала на свою постельку да такъ и не встала. Ее пришли звать къ ужину, но она не сошла внизъ. Мать принесла ей было горячаго бульону,—она ее не впустила и крикнула: „Оставьте меня въ покоѣ... Я никого, никого видѣть не хочу!..“ Ночью съ ней сдѣлался жаръ, и утромъ Таська не могла попасть въ мезонинъ. Пришлось просунуть въ щелку лезвіе ножа и откинуть крючокъ. Зося металась и бредила.

Перепуганная пани Юзыня кликнула мужа.

Панъ Романъ схватился за голову.

— Оселъ, старый оселъ! — ругалъ онъ себя. — Что я надѣлалъ! Зося! ангелочекъ, ясочка моя! прости меня, стараго дурня!..

Но Зося не слышала. Въ ея безсвязныхъ, возбужденныхъ рѣчахъ то и дѣло поминались Олеся и панъ Янъ, рыбачья хижина и серебряное платье съ золотыми букетами, и бѣлые кони мчали ее куда-то, и Стась бросался остановить ихъ и не могъ.

Приглашенный докторъ нашелъ нервную лихорадку и прописалъ успокоительную микстуру и полную тишину.

Плотно закрыли окно во дворъ ставнями, и пани Юзыня завѣсила его ватнымъ одѣяломъ. Зато противоположное, выходившее въ садъ было открыто настежь, и старыя липы съ участіемъ заглядывали въ уютный дѣвичій уголокъ. Вливая туда свое сладкое благоуханіе, онѣ шелестѣли чуть слышно мягкими круглыми листьями, словно спрашивая:

— Когда же сыграешь ты снова намъ вдохновенную пѣсню, милое, странное дитя съ блѣднымъ фарфоровымъ личикомъ?

Валекъ, узнавъ о Зосиной болѣзни, черезъ день пріѣзжалъ изъ Новаго и привозилъ то букеты, то конфеты, но Зося не хотѣла смотрѣть ни на то, ни на другое. Цѣлыя двѣ недѣли продолжалось неопредѣленное положеніе; хотя ни жара, ни бреда уже не было, но она была такъ слаба и раздражительна, что плакала изъ-за всякаго пустяка. Докторъ требовалъ избѣгать малѣйшихъ волненій, но больная капризничала, какъ малый ребенокъ.

— —

Иванъ Николаевичъ тоже каждый день справлялся о ея здоровьѣ, но ей объ этомъ не сообщали. А это было бы лучшимъ лекарствомъ для нея.

Въ началѣ третьей недѣли онъ снова спросилъ у Романа:

— Ну, что ваша больная?

— Спасибо, сегодня много лучше!

— И отлично! тогда вы со спокойной совѣстью можете этотъ вечеръ пожертвовать мнѣ. Я жду сегодня Караулова съ племянникомъ и хочу просить васъ четвертымъ на партію виста. Надѣюсь, вы не откажетесь?

Панъ Романъ съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Съ удовольствіемъ.

— Отлично, я буду ждать васъ къ обѣду. Мы обѣдаемъ въ пять часовъ.

— Прошу извинить меня, но до восьми часовъ я буду занятъ.

— Очень жаль, во всякомъ случаѣ я разсчитываю на васъ, — и онъ любезно пожалъ ему руку.

„Однако жъ, что же это съ нимъ? Сперва хотѣлъ уже послѣ девятаго дня сразу ѣхать, а теперь и двадцатый прошелъ. Интересно, какъ у него ведется дѣло въ Горкахъ?“ думалъ панъ Романъ, возвращаясь домой.

Онъ поднялся наверхъ. Зося въ широкой блузѣ лежала въ вольтеровскомъ креслѣ, уцѣлѣвшемъ на чердакѣ отъ французовъ. Болѣзнь не изгладила впечатлѣнія отъ выходки отца, и дѣвушка чувствовала отчужденіе отъ него, но встрѣтила его полуулыбкой.

— Ну что, какъ дѣла? — нѣжно спросилъ панъ Романъ и поцѣловалъ ея бѣлый лобикъ.

— Ничего, мнѣ сегодня лучше!

— Лихорадки не было? — онъ взялъ ее за пульсъ.

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше! Значитъ, я могу спокойно пойти играть въ карты съ паномъ Яномъ? Моя Зося меня отпуститъ?

Дѣвушка слабо покраснѣла.

— Ты помирился съ нимъ, отецъ?

— Пока да! а надолго ли — время покажетъ. Ну, будь

умница, постарайся скушать весь бульонъ сегодня. Панъ Валекъ, вѣрно, усталъ справляться о твоемъ здоровьѣ—и онъ ушелъ.

Зося одно сообразила: пока они еще не покидаютъ Колычева, не отнята послѣдняя надежда...

„Я лучше убью тебя и себя, чѣмъ позволю тебѣ вѣнчаться съ еретикомъ!...“ Эти слова отца Зося тысячу разъ въ день повторяла себѣ. Но сегодня они ей не были уже такъ страшны.

„Не позволишь... но если улыбнется мнѣ счастье — ты простишь меня, отецъ!“

Да, этотъ бракъ съ еретикомъ—это было бы настоящимъ Зосинымъ счастьемъ. За ея болѣзнь въ ея душѣ произошелъ переломъ—Стась Запольскій вдругъ стушевался. Его заслонилъ другой образъ—высокаго плотнаго мужчины съ густой бородой, добрыми сѣрыми глазами подъ сросшимися дугами бровей. Съ той минуты, какъ отецъ оттолкнулъ ее, она уже не чувствовала къ пану Роману прежней близости. Она ни за что не могла бы больше сѣсть къ нему на колѣни и запѣть дѣтскую пѣсенку... Прежняя увѣренность въ его готовности защитить ее отъ всякихъ жизненныхъ невзгодъ и случайностей была похоронена навсегда. Отецъ преслѣдовалъ свои цѣли и по своему эгоизму готовъ былъ жертвовать ея счастьемъ... А она чувствовала себя такой слабой, такой жалкой и безпомощной, ей такъ хотѣлось опереться на сильную мужскую руку, притулиться къ широкой, могучей груди, гдѣ бы билось навѣки ей преданное, готовое на всякія жертвы мужское сердце... И ей вспоминались мягкіе оттѣнки голоса Колычева, выраженіе его глазъ, покоившихся на ней съ такимъ участіемъ, при видѣ ея слезъ, его задушевное пожатіе при прощаніи тамъ въ аллеѣ...

И вдругъ ее обдало варомъ... Вѣдь она солгала ему тогда... Ея горе было прикидываньемъ... Ея слезы — лицемѣріемъ... А онъ повѣрилъ имъ, и утѣшалъ ее.

„Господи! если Ты будешь такъ милостивъ и пошлешь мнѣ это счастье, обѣщаю Тебѣ никогда не лгать... нѣтъ... какъ ни тяжело, ни стыдно будетъ... я покаюсь ему въ моемъ обманѣ...“

И, успокоенная этой клятвой, Зося снова погрузилась въ сладкія мечты. Розовой паутиной заплетались эти тихія грезы, гдѣ роскошь нарядовъ и блескъ празднествъ сливались съ ласковыми звуками низкаго голоса, съ нѣжными словами любви и всепрощенія...

Когда Карауловъ съ племянникомъ своимъ Григоріемъ Ивановичемъ, чиновникомъ столичной казенной палаты, пріѣхалъ въ Колычево, закуска была уже на столѣ. Евграфъ и Василій стояли за стульями, а Прохоръ дежурилъ съ золоченымъ уполовникомъ у суповой чаши, чтобы тотчасъ разлить раковый бискъ по тарелкамъ.

— А нашъ четвертый партнеръ? -- спросилъ Илья Семеновичъ.

— Да панъ Юшкевичъ.

— Какъ? вы, значитъ, за это время перемѣнили о немъ мнѣніе?

Колычевъ нѣсколько смутился.

— Не то, чтобы совсѣмъ, но, вникнувъ въ хозяйство, я не могу не преклониться передъ его распорядительностью и замѣчательными агрономическими познаніями. Одно меня въ немъ огорчаетъ, — это его отношенія къ мужику, не къ каждому въ особенности, но ко всякому вообще. Онъ ихъ не считаетъ людьми, а смотритъ лишь какъ на рабочую силу, и сильно прижимаетъ. Такъ что я поневолѣ взялъ ихъ подъ свою непосредственную защиту. Вообще я долженъ сознаться, что Колычево мнѣ такъ нравится, что я думаю окончательно переселиться сюда, а Горки предоставить всецѣло сестрѣ, обмѣнявъ на нихъ ея половину дядинаго наслѣдства, потому что хотя, оказывается, завѣщаніе, какъ не подписанное свидѣтелями, юридическаго значенія не имѣетъ, но я все же хочу исполнить волю покойнаго. Земля все равно не можетъ перейти къ ней, какъ родовая, по закону, а разорять усадьбу не къ чему. Сестра все дѣтство и молодость провела въ Горкахъ и сильно привязана къ нимъ.

— Конечно, это будетъ весьма разумно!

— Сестру я жду недѣли черезъ двѣ. Зять долженъ получить отпускъ. Ихъ засѣданія по крестьянскому вопросу

должны были кончиться, какъ говорили, въ началѣ августа. Сашенька обѣщала уговорить Семена пріѣхать въ деревню, хотя его, конечно, потянетъ за границу опять.

— Вполнѣ его понимаю,—одобрилъ Григорій Ивановичъ, молчавшій до сихъ поръ и усердно уписывавшій произведеніе Еремѣя въ видѣ фаршированной по-жидовски щуки. Деревня только разнѣживаетъ, пріучая къ лѣни, а заграница бодритъ.

— Поневолѣ бодритъ, когда за каждый шагъ платить приходится.

— Нѣтъ, совсѣмъ не потому, а какъ-то чувствуешь себя на чеку, точно всѣ на тебя глядятъ, ну, и подтягиваешься. А въ деревнѣ побываешь, и черезъ недѣлю ужъ втрое труднѣе за дѣло приниматься. Деревня—это школа бездѣлья...

— Ну, мы и въ деревнѣ дѣло дѣлаемъ.

— Какое ваше дѣло? Великъ трудъ принять и выслушать, если есть къ тому охота, приказчика или бурмистра съ докладомъ. Вѣдь вы, помѣщики, тѣ же министры и завѣдующіе,—вы только подмахиваете да денежки получаете, а работаютъ-то на васъ низшіе. Безъ нихъ ни вамъ, ни намъ не обойтись...

— Особенно твоему министру безъ подобныхъ тебѣ!—пробормоталъ его дядя.

— Ну, положимъ, къ особенно низшимъ я не имѣю основанія причислять себя!—возразилъ съ важностью племянникъ.

— Ахъ да, извини, пожалуйста! я упустилъ изъ виду твое камеръ-юнкерство, пожалованное недавно...

— Камеръ-юнкерство тутъ не при чемъ... Меня просто интересуетъ вопросъ: когда отнимутъ отъ помѣщиковъ крестьянъ, что они съ землею дѣлать будутъ? Я увѣренъ, въ опекунскомъ совѣтѣ не хватитъ денегъ подъ залоги. Усадьбы опустѣютъ, а департаменты и канцеляріи будутъ завалены прошеніями о принятіи на службу, потому что надо же будетъ откуда нибудь деньги получать?

— Какъ что помѣщики съ землею дѣлать будутъ? Да то же, что и теперь... Пахать и сѣять, косить жать, а потомъ продавать скошенное и сжатое...

— Да кто же это дѣлать-то будетъ? Вѣдь мужиковъ и барщины не будетъ.

— Нанимать будемъ батраковъ или тѣхъ же крестьянъ звать на помощь.

— Нанимать значитъ и платить. А господа помѣщики не очень-то весьма любятъ—платить. У нихъ чаще лѣвая, чѣмъ правая ладонь чесаться привыкла.

— Ну, что касается до ладонной чесотки, такъ у чиновниковъ она куда сильнѣе, говорятъ, развита. Только про нихъ нельзя сказать, что у нихъ правая рука не вѣдаетъ, когда чешется лѣвая: правая пишетъ, а лѣвая за это писанье взятку получаетъ... Конечно, я этимъ не разумѣю тебя и тебѣ подобныхъ, я говорю о низшихъ.

И Илья Семеновичъ принялся за дупелей, которыхъ ему подавалъ Прохоръ.

— Послушать вашего племянника, Илья Семеновичъ, такъ выходитъ, что въ Россіи одни чиновники работаютъ и дѣло дѣлаютъ. А посмотрѣлъ бы онъ, какъ мы здѣсь съ пѣтухами встаемъ. Панъ Романъ не даетъ мнѣ передышки. Я самъ дивлюсь на себя. Зато впервые, кажется, за всю свою жизнь я въ Колычевѣ сплю, какъ убитый, и чувствую, что молодѣю съ каждымъ часомъ. Да, да! Григорій Ивановичъ, я скоро вамъ ровесникомъ стану. Ей-ей, я не шучу! Хотите силой помѣриться? На кулачки?

— Только не сейчасъ, я такъ отяжелѣлъ, что едва двигаться могу. Молодецъ вашъ поваръ!

— Да, когда придется дать ему вольную, я его удержу у себя... Кстати, Илья Семеновичъ! Я имѣю завтра виды на васъ. Надо возстановить проектъ надѣловъ, о которомъ совѣщался съ вами покойный дядя. Какъ ни прикидываемъ съ Юшкевичемъ, а все у насъ мельница клиномъ въ крестьянскую землю врѣзается. Не помните ли вы, какъ думалъ дядюшка?

Илья Семеновичъ только промычалъ что-то въ отвѣтъ. Его румяное, гладко выбритое лицо разрумянилось еще больше и отъ обильно приправленныхъ мадерою и пряностями соусовъ, и отъ стараго бургунскаго, то и дѣло подливаемаго хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Тайкомъ подъ сал-

феткой онъ растегивалъ одну за другою пуговки своего пикейнаго жилета и вытиралъ поминутно жирныя губы. Когда наконецъ полуразвалившаяся башня ананаснаго мороженаго была отставлена въ сторону, гости встали и перешли въ кабинетъ, куда подали кофе и ликеры. Илья Семеновичъ едва опустился въ кресло, какъ его круглая, похожая на спѣлый одуванчикъ сѣдая голова сама откинулась на мягкую спинку и раздались шипящіе и свистящіе носовые звуки.

. . . .

А въ залѣ раскрыли ломберный столъ со слежавшимся, еще ни разу не видавшимъ на себѣ мѣла сукномъ и съ выдвижными старинными шандалами. Евграфъ глубоко вздохнулъ. Нѣтъ, новый баринъ не чтилъ старины. Всѣ эти „небели“, которыя онъ такъ берегъ сорокъ лѣтъ, сразу пошли въ ходъ, точно самые обыкновенные самодѣльные столы и стулья, и вчера, вытирая пыль въ одной изъ гостиныхъ, онъ впервые нашелъ окурокъ на коврѣ... И старикъ осторожно погладилъ каждый придвинутый для игроковъ стулъ, словно извиняясь передъ ними за невольно причиненное безпокойство.

Ни въ чемъ такъ не сказывается характеръ человѣка, какъ въ игрѣ. Предводитель игралъ добродушно и разсѣянно; его племянникъ бралъ взятки съ важностью и послѣ каждой оправлялъ безукоризненно накрахмаленную манжету. Панъ Романъ ходилъ обдуманно, заранѣе комбинируя всѣ выгоды, а Иванъ Николаевичъ все больше и больше оживлялся. Его обыкновенно матовое лицо покраснѣло. На лбу налились двѣ жилки, и глаза разгорались. Каждая своя неудача или вистующаго еще тѣснѣе сдвигала его сросшіяся брови, и онъ нервно поводилъ правымъ плечемъ.

Панъ Романъ слѣдилъ за нимъ, за его длинными пальцами съ отточенными выпуклыми ногтями и начиналъ понимать его. Необыкновенно быстро подсчитывалъ онъ цифры, и мѣлъ такъ и брызгалъ осколками, стуча по сукну въ его рукѣ. Это былъ игрокъ, игрокъ отъ рожденья... Его интересовала не сумма выигрыша, но самый процессъ игры. Ему нравились опасныя назначенія, ему казалось счастьемъ сло-

вить противника на неудачномъ ходѣ и выйти побѣдителемъ изъ затруднительнаго положенія. Такіе люди могутъ играть безъ конца, проводя за картами дни и ночи, проигрывая копейки или сотни тысячъ, но уходя всѣмъ существомъ въ игру. Они легко становятся жертвами другихъ, болѣе хладнокровныхъ, умѣющихъ во время встать изъ-за игорнаго стола, но картъ бросить не въ силахъ.

Ужъ не на этотъ ли крючокъ поймать ему кацапа?..

Илья Семеновичъ, сыгравъ шесть роберовъ, давно храпѣлъ въ одной изъ верхнихъ отведенныхъ для гостей комнатъ, а трое партнеровъ все еще сражались въ бѣлой залѣ. Вистъ былъ забытъ ради банка. Игра шла небольшая, но на записяхъ уже появился третій ноль.

— Довольно,—сказалъ панъ Романъ:—дальше играть я не стану. Выше понтировать я не могу,—мнѣ не изъ чего платить, если я проиграю...

— Полноте, панъ! Пока вы еще въ выигрышѣ,—отвѣтилъ Колычевъ.—Давайте играть дальше. Я ставлю на даму бубенъ...

— Ставьте хоть на всѣхъ четырехъ дамъ сразу, я не согласенъ продолжать. Вамъ такъ не везетъ, что продолжать игру значитъ обыграть васъ навѣрняка.

— Что за пустяки, панъ!—возразилъ Колычевъ:—я хочу отыграться.

— Играй, да не отыгрывайся,—твердилъ, говорятъ, отецъ, сына лозою поучая... Такъ вѣдь, кажется?—плоско сострилъ Гришенька, втайнѣ желая прекращенія игры, такъ какъ былъ въ значительномъ выигрышѣ и боялся сократить его.

— Извольте, но это рѣшительно послѣдняя талія... Вы не понтируете?—спросилъ онъ Гришеньку.

Тотъ отказался.

Панъ сталъ метать.

Къ записи Ивана Николаевича прибавилось еще пятьсотъ рублей. Панъ Романъ всталъ.

— Теперь конецъ... Я рѣшительно отказываюсь... Да мнѣ и некогда, меня черезъ часъ будить придутъ.

И онъ сталъ раскланиваться.

— Подождите, панъ, а деньги?

Колычевъ принесъ изъ кабинета двѣ тысячи и расплатился съ обоими партнерами.

— А все-таки не сыграть ли еще?—спросилъ онъ.

— Если вы согласны будете записывать лишь мой минусъ—я согласенъ,—отвѣчалъ полякъ.

— Помилуйте, за кого вы меня считаете?—обидѣлся хозяинъ.

„За увлекающагося дурня"—мысленно отвѣтилъ тотъ, но вслухъ пожелалъ пріятнаго сна и вышелъ.

„Отлично,—продолжалъ онъ думать, возвращаясь по росистому саду,—въ одинъ прекрасный день я сумѣю общипать тебя, голубчикъ! И на ойчизну и на Зосю придется немалая толика, а пока приручайся понемногу, такъ оно вѣрнѣе".

XI.

Ярко-желтыя тропинки,
Мягкій стриженный газонъ.
Мальвы, бархатцы въ куртинкѣ,
Хмелемъ завитый балконъ.
Чье-то кресло раскидное...
Недочитанный романъ...
Небо синее, родное,—
Свѣта, нѣги—океанъ...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Иванъ Николаевичъ долго ворочался съ боку на бокъ. Карты взволновали его, и онъ бѣсился на поляка, зачѣмъ тотъ отказался отъ игры. Вообще онъ былъ недоволенъ собою. Онъ зажился въ Колычевѣ? почему?... Здѣсь не одно дѣло причиною. Онъ самъ не зналъ, почему въ этихъ роскошныхъ покояхъ его одолѣвала какая-то нѣга... Ему рисовались картины семейной жизни... дѣтскія головки... женскія нѣжныя ручки, хозяйничавшія за этимъ изысканно сервированнымъ столомъ... Ему впервые показалось, что, давъ клятву у гроба жены не искать ей замѣны, онъ совершилъ надъ собою насиліе. Тамъ, въ Горкахъ, было такъ просто, буднично, и никакія грезы не смущали...

Въ этомъ имѣніи, выкупленномъ его отцомъ и унаслѣдованномъ Иваномъ Николаевичемъ послѣ его смерти

пополамъ съ сестрою, до послѣднихъ лѣтъ хозяйничала ихъ тетка съ материнской стороны, замѣнившая имъ эту столь рано умершую мать. Отецъ сразу послѣ похоронъ жены вызвалъ ее въ Горки, а самъ вернулся въ свой полкъ, переведенный на Кавказъ. Одиннадцати лѣтъ Ваничку отдали въ корпусъ, а сестра Санюшка росла, окруженная гувернантками и компаньонками старухи Гречихиной. Когда ей минуло двѣнадцать лѣтъ, ее помѣстили тоже въ институтъ, и онъ кадетомъ навѣщалъ ее. Его жена была подругой Сашеньки, и онъ нѣсколько лѣтъ былъ безоблачно счастливъ съ ней. Но роды унесли ее въ могилу, и, считая себя виновниковъ ея смерти, онъ поклялся остаться вдовцомъ.

Жить безъ женщинъ Колычевъ, однако, не могъ. Онъ избѣгалъ прочныхъ привязанностей, и вступалъ лишь въ мимолетныя, ни къ чему, по общему мнѣнію, не обязывающія связи. Сестра, моложе его на пять лѣтъ, по окончаніи курса почти сразу вышла за Семена Михайловича Сотова, который былъ гораздо старше ея, занималъ видное положеніе и быстро двигался по службѣ.

Старуха Гречихина, пристроивъ „своихъ сиротъ“, какъ она выражалась, вернулась въ Горки и стала вести хозяйство. Зять ея былъ давно убитъ, и некому было наставлять ее въ управленіи имѣніемъ. Когда два года назадъ она умерла и Ивану Николаевичу волей-неволей пришлось принять дѣла, онъ пришелъ въ ужасъ отъ путаницы въ нихъ. Имѣніе было дѣйствительно золотымъ дномъ, какъ выразился о немъ Валеку панъ Романъ, но оно давало очень мало доходовъ сравнительно со своей цѣнностью. И Колычевъ рѣшилъ увеличить ихъ. Онъ снялъ мундиръ и засѣлъ въ деревнѣ, гдѣ на антресоляхъ стараго дома доживали свой вѣкъ компаньонки Гречихиной и гувернантки Сашеньки, окруженныя хриплыми Фиделькамии Газельками и трещащими канарейками и попугаями. Новый помѣщикъ перемѣнилъ уже третьяго старосту, прогналъ четвертаго приказчика, но внести какую-нибудь стройность или порядокъ въ это бабье царство казалось невозможнымъ. Все возвращалось къ прежнему шаблону, вѣчно слышался отвѣтъ: „а при покойницѣ такъ-то было“. Напрасно выходилъ онъ изъ себя,

пытался наладить дѣло на новый строй,—оно, словно ванька встанька, упорно не желало принимать другого положенія, и съ барскаго двора тащилось все, что плохо лежало, портились англійскіе плуги и вѣялки, погибали выписанные заморскіе поросята и куры. Крестьяне были барщинные, а не оброчные. Но это былъ все лѣнивый, распущенный старой тетушкой народъ, боявшейся муху обидѣть и баловавшей каждаго; будь то мужикъ ли, собачка, попадавшая къ ней въ руки, она не могла бы тронуть ихъ пальцемъ, а объ экзекуціяхъ на конюшнѣ или принудительныхъ мѣрахъ никто не посмѣлъ бы заикнуться передъ нею.

Когда при образованіи губернскихъ комитетовъ предводитель ея уѣзда запросилъ ее о величинѣ предполагаемыхъ ею надѣловъ, она призвала старосту и попросила его спросить у крестьянъ, сколько и по какой цѣнѣ каждый изъ мужичковъ желаетъ получить земли? Можно себѣ представить, что бы изъ этого вышло, если бы тотъ же князь Загорскій не убѣдилъ ее быть осторожнѣе, являясь отвѣтственной за послѣдствія передъ ея довѣрителями-племянниками. Тутъ тетушка опомнилась и поспѣшила взять свои слова обратно, и это такъ мучило ее, что она и на смертномъ одрѣ бранила себя за недомысліе и звала „старой баламутицей“.

Конечно, самъ Колычевъ такою сентиментальностью не отличался и налагалъ штрафы и уроки за испорченныя орудія или потравы и порубки, но дѣло не поправлялось, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что у всѣхъ кругомъ хозяйство шло не блестяще. Перемѣнить систему и бросить запашку онъ не додумывался и, раздѣливъ свои заповѣдныя рощи и липовые лѣса на участки, рѣшилъ, что имъ сдѣлано все и дальше итти некуда. Попавъ въ Колычево, онъ въ первый разъ увидѣлъ, какъ слѣдуетъ вести дѣло. У пана Романа одна отрасль не тормозила другой. И пашня, и молочное дѣло, и плодоводство шли рука объ руку, цѣпляясь другъ за друга, какъ шестерни и колеса сложнаго механизма... Иванъ Николаевичъ не сознавалъ, что жизнь его до сихъ поръ текла безалаберно и безшабашно, какъ и у всѣхъ близкихъ и избалованныхъ людей его круга, но, очу-

тившись лицомъ къ лицу съ упорядоченнымъ строемъ, почувствовалъ, что вотъ наконецъ то, къ чему онъ всегда стремился и чего не умѣлъ создать себѣ самъ. И его тянуло къ этому берегу, къ этой пристани, гдѣ цѣлесообразный трудъ подбодрялъ къ дальнѣйшей дѣятельности и вливалъ въ душу миръ и довольство. Но почему-то вмѣстѣ съ этимъ возникалъ и вопросъ: „для кого и для чего буду я работать, вставать съ пѣтухами и ложиться съ курами?“ И то, что жизнь теряла смыслъ въ одиночествѣ и что робко шевелились на днѣ души первые упреки за необдуманно данную въ минуту горя и непоправимой бѣды клятву умершей,—мучило его и мѣшало дышать вольной грудью, между тѣмъ какъ силушка начинала вновь живчикомъ по жилушкамъ переливаться.

Карты однѣ умѣли во время оно отвлекать его отъ всѣхъ прочихъ житейскихъ и нежитейскихъ интересовъ. Онъ игралъ запоемъ и забывалъ за игрой всѣ волновавшіе его вопросы. У него были періоды по нѣскольку лѣтъ, когда онъ не бралъ ихъ въ руки, и бывали другіе, когда онъ проигрывалъ все, что можно было обратить въ деньги. Потомъ онъ вдругъ опомнится, встряхнется, и снова пустуетъ его мѣсто въ клубѣ и недоумѣваютъ кругомъ партнеры, куда занесла его нелегкая?

Но сегодня онъ почувствовалъ, что игра не доставила ему прежняго наслажденія. Она занимала, но не поглотила его. И это его волновало... Когда-то онъ читалъ, что черезъ каждыя семь лѣтъ обновляется весь организмъ человѣка. Ему только что минуло 42 года. Наступаетъ седьмая перемѣна, но, можетъ быть, не одного только физическаго организма?.. Въ немъ явно совершается что-то. Онъ чувствуетъ себя словно перерожденнымъ духовно, ему хочется жить, двигаться, работать и... любить.

И выговоривъ это столь долго запретное слово, онъ глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза...

. . . .

...Былъ уже десятый часъ, когда его разбудилъ Василій. Колычевъ вспомнилъ, что хотѣлъ воспользоваться присутствіемъ предводителя и разспросить его о проектѣ надѣловъ, намѣченныхъ Арсеніемъ Михайловичемъ.

Илья Семеновичъ оттопырилъ губу.

— Эхъ, батенька! Чего захотѣли! Гдѣ мнѣ всѣ эти проекты упомнить! Подумайте, сколько мнѣ за это время разсматривать и выслушивать ихъ приходится. Простить себѣ не могу, что не отказался на выборахъ отъ предводительства. По истинѣ не ожидалъ этой трепки и хлопотъ съ проклятой реформой. И если признаться по душѣ, хуже всего сверлитъ меня то, что я самъ-то въ нее не вѣрю.

— То есть, какъ такъ? Но вѣдь, кажется, эта реформа дѣло безповоротно рѣшенное, и весь вопросъ теперь въ томъ, скоро ли окончатъ свои труды редакціонныя комиссіи и когда государь постановитъ объявить высочайшимъ манифестомъ выработанное ими положеніе...

— Ахъ, не въ появленіе манифеста я не вѣрю, а въ пользу реформы въ томъ видѣ, какъ ее въ Петербургѣ готовятъ.

— Вотъ тебѣ и на! Вы?.. Да вѣдь про васъ-то именно говорили, что вы одинъ изъ тѣхъ немногихъ предводителей, которые все, что государь говорилъ пріятнаго для русскаго либерализма на пріемѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, могутъ смѣло отнести къ себѣ? Я не перестаю удивляться косности тѣхъ, кто считаетъ дворянскимъ достоинствомъ итти наперекоръ высочайшей волѣ и радуется каждой новой задержкѣ.

— И все-таки, помяните мое слово, не теперь, можетъ быть, сейчасъ, а будетъ время, гдѣ самые ярые защитники немедленнаго приведенія слова въ дѣйствіе почешутъ не хуже мужиковъ затылки и спросятъ: и на кой лядъ мы сами вь петлю полѣзли?..

— Ну, нѣтъ! За себя я категорически протестую. Довольно... Пора расковать позорящія насъ цѣпи и возстановить свободу двадцати милліоновъ исконныхъ русскихъ гражданъ, доселѣ по недоразумѣнію считавшихся рабами...

— И я говорю,—пора, но не сломя же голову рѣшать это дѣло? Что я самъ не крѣпостнякъ,—всѣ знаютъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ оно мнѣ кажется сложнѣе, именно въ виду этой окружающей косности. По-моему, мудры были тѣ, кто предлагалъ выработать три степени проведенія ре-

формы въ жизнь, раздѣливъ ее на три періода—подготовительный, переходный и выполнительный. Одно скажу: на новый срокъ я баллотироваться не стану. Усталъ. Честь и мѣсто другимъ свѣжимъ людямъ. И если вы дѣйствительно исполните свое намѣреніе и обоснуетесь въ Колычевѣ,—я прямо укажу на васъ, какъ на самаго подходящаго для нашего времени моего преемника. Вы вонъ жаждете дѣятельности, а я радъ духъ перевести и по-стариковски на лежанку забраться. Не я буду, коли не выставлю въ первую голову вашей кандидатуры на слѣдующихъ выборахъ...

— Что вы, что вы! Помилуйте, Илья Семеновичъ! на такую честь я разсчитывать никогда не посмѣю, да и никого почти изъ помѣщиковъ здѣшнихъ не знаю.

— А вы не сидите бирюкомъ, а познакомьтесь съ сосѣдями, увѣряю васъ, есть и премилые люди. И барышни есть воспитанныя. Вамъ, батюшка, жениться бы слѣдовало. Кому это все достанется послѣ васъ? Вѣдь у Сотовыхъ дѣтей, кажется нѣтъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Ну, а насчетъ женитьбы для меня это плодъ запрещенный.

— Да что вы зарокъ, что ли, дали оставаться вдовцомъ? Э! батенька! Кто на своемъ вѣку зароковъ не давалъ, а приспѣетъ время и видишь, что зарокъ былъ на срокъ, и ничего худого изъ отмѣны его не вышло. Нѣтъ, я вотъ какъ-нибудь за вами заѣду, заберу васъ и поѣдемъ вмѣстѣ кое къ кому. Ну, а теперь пора и домой. Куда это мой камеръ-юнкеръ запропастился?

А Григорій Ивановичъ, пока дядя съ хозяиномъ бесѣдовали за кофе, отправился побродить по саду и заблудился. Вилла была видна лишь съ пруда и, не имѣя ея передъ глазами, неопытному человѣку трудно было выбраться на дорогу. Гришенька помнилъ, что шелъ по какой-то аллеѣ и попалъ въ концѣ концовъ на ту, которая вела къ дому пана Романа.

„Наконецъ-то!“ подумалъ онъ и, насвистывая веселенькую шансонетку, слышанную имъ у Излера, прибавилъ шагу и незамѣтно очутился въ полукругломъ цвѣтникѣ.

У клумбы съ душистымъ горошкомъ и мальвами стояло

большое кресло, и въ немъ полулежала очаровательная хрупкая женская фигурка.

Pardon!—проговорилъ оторопѣвшій молодой человѣкъ:— я не туда попалъ. Я шелъ въ виллу къ Ивану Николаевичу и совершенно не возьму въ толкъ, какъ къ ней выйти. Скажите, пожалуйста, гдѣ я?

— Вы у стараго колычевскаго дома,—отвѣтила съ легкимъ акцентомъ дѣвушка: — здѣсь живетъ управляющій, панъ—Юшкевичъ, а я его дочь.

— Извините меня, Бога ради, mademoiselle! съ паномъ Романомъ мы сражались всю ночь. Позвольте вамъ представиться,—Григорій Ивановичъ Карауловъ.

Зося кивнула головкой, но руки не протянула.

Гришенька глазъ не сводилъ съ нея.

„Боже мой! вотъ красотка! А я-то и не подозрѣвалъ о ней. И дядюшка хорошъ, хоть бы словомъ заикнулся. Съ чего бы начать разговоръ?“

Съ минуту длилось молчаніе. Зося нюхала букетъ, привезенный отбывшимъ только что Валекомъ.

— Какъ пройти мнѣ въ виллу?—растолкуйте пожалуйста!

— Къ сожалѣнію, меня сегодня въ первый разъ вынесли на воздухъ. Я двѣ недѣли была больна и не могу проводить васъ. Но поднимитесь на веранду, тамъ на столѣ долженъ быть колокольчикъ, позвоните, пожалуйста!

Григорій Ивановичъ поднялся по шаткимъ ступенямъ и позвонилъ. Черезъ минуту появилась молоденькая горничная. Увидѣвъ незнакомаго барина, она разинула ротъ и готова была скрыться обратно, но ее остановилъ голосъ Зоси:

— Тася, ты опять забыла поставить мнѣ колокольчикъ, и приходится звонить самимъ гостямъ. Проводи барина въ виллу.

Григорію Ивановичу оставалось только откланяться и слѣдовать за своимъ чичероне въ красномъ сарафанѣ. Онъ однако, самъ отнесъ колокольчикъ Зосѣ, поднялъ откидной столикъ у ручки старомоднаго кресла и удостоился пожать нѣжные пальчики дѣвушки.

Дорогой онъ сумѣлъ выспросить у Таси всю подноготную о барышнѣ, поинтересовавшись, конечно, прежде всего, какъ ее зовутъ.

Можно себѣ представить, какъ обрисовала Тася свою любимую госпожу! Захлебываясь отъ восторга, она говорила о ея красотѣ и добротѣ, о томъ, какъ панъ самъ въ ней души не чаетъ, а мать даже побаивается ея,—потому маменька ихняя только по хозяйству, а онѣ настоящая барышня и по французскому, и по нѣмецкому, и по польскому умѣютъ, а ужъ играютъ, такъ на фортопьянахъ играютъ, что не хочешь, а слезы такъ и текуть, такъ и текуть,—вытирать не поспѣваешь!

— А что и женихи ѣздятъ? Вонъ у барышни букетъ на колѣняхъ лежалъ?

— Ѣздитъ одинъ, панъ Валька! да не больно барышнѣ ндравится. Куда ему!. Имъ бы за графа, али за князя выдтить надо бы, а тотъ что,—самъ управитель только. Вотъ какъ станутъ къ новому барину настоящіе господа ѣздить въ гости, такъ навѣрно барышнѣ недолго придется въ дѣвушкахъ сидѣть, потому такой другой красавицы нигдѣ кругомъ нѣтъ.

Таська вывела Григорія Ивановича къ цвѣтнику у пруда и заработала за свою откровенность цѣлый четвертакъ. Рѣшивъ по этой щедрости, что баринъ настоящій и въ женихи годится, она во весь духъ помчалась домой, подкидывая на ходу монету, и чуть отъ восторга не потеряла ее въ травѣ. Зосѣ она, конечно, немедля передала о своемъ разговорѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ и очень огорчилась, когда барышня сдѣлала ей выговоръ за болтливость.

Придя на террасу, Гришенька тотчасъ же накинулся на дядю.

— Нечего сказать! везете меня въ Колычево, а о здѣшней красавицѣ хоть бы словомъ обмолвились. Я понимаю, Иванъ Николаевичъ не проговаривается, боится, что я отобью ее у него, но вы то; вѣдь интересы племянника должны бы васъ ближе касаться, повидимому!

— Да что ты, словно съ цѣпи сорвался. Какая красавица? гдѣ ты ее тутъ разыскалъ?

— Да панна Юшкевичъ!

— Ахъ, Зося... Ну, батюшка, эта не въ моемъ вкусѣ, хрупка и очень самоувѣренна!

— Я знаю, что вы предпочитаете фигуры сферическія, но, говорятъ, она дивная музыкантша. Къ сожалѣнію, она нездорова, а то бы я не отсталъ отъ Ивана Николаевича и умолилъ бы его пригласить ее сегодня же обновить вонъ тотъ сорокалѣтній рояль.

Иванъ Николаевичъ, вошедшій при послѣднихъ словахъ, спросилъ:

— Кого это вы собираетесь приглашать на концертъ?

— Да дочь вашего щербатаго пана. Я только что узналъ, что „когда она играетъ, такъ слезы такъ и *текуть,* такъ и *текуть*", а я давно ужъ не плакалъ.

— Да! я самъ какъ-то слышалъ ея игру. Это безподобная артистка. Ваша идея воистину геніальна, и какъ только позволитъ здоровье панны Зоси, я приведу вашу мысль въ исполненіе.

— Но съ уговоромъ, что позовете и меня. Иначе мы враги!

XII.

Знойный лѣтній день.
Золотится рожь,
Налился ячмень
И овесъ хорошъ.
Миръ вамъ, благодать,
Тихія поля!
Прокорми насъ, мать—
Родина—земля!

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Черезъ недѣлю въ бѣлой залѣ былъ уже настроенъ рояль.

Узнавъ, что отецъ рѣшился, наконецъ, помириться съ Колычевымъ и что о переѣздѣ въ городъ нѣтъ больше и вопроса, Зося начала быстро поправляться. Панъ Романъ не могъ отказать Ивану Николаевичу, явившемуся лично просить молодую дѣвушку обновить на дняхъ чудный старинный инструментъ, клавишъ котораго еще никто пока, кромѣ настройщика, не касался.

Зося, блѣдная и похудѣвшая, вся порозовѣла отъ радости и, протянувъ руку Колычеву, поблагодарила за эту огромную честь.

— Боюсь только, что вы разочаруетесь. Я вовсе не такая артистка, какъ вы предполагаете!

— Объ этомъ позвольте мнѣ судить самому. Я имѣлъ уже однажды удовольствіе слышать вашу игру. Marche funèbre Шопена и полонезъ Огинскаго?.. Я впервые понялъ ихъ и, сознаюсь, былъ весь вечеръ потомъ подъ ихъ впечатлѣніемъ... Самъ я не играю, но музыка глубоко волнуетъ меня... Бываютъ аккорды, отъ которыхъ я чувствую точно электрическіе токи по всему тѣлу. И есть мотивы, которые могутъ растрогать меня до слезъ.

Зося ликовала: онъ слышалъ! онъ любитъ музыку... и свѣтлая улыбка озарила ея личико, и синіе глаза съ восторгомъ поднялись на него...

— Я васъ понимаю.. Когда я играю, я вся ухожу въ звуки... Другіе могутъ говорить, когда играютъ, а у меня языкъ точно отнимается, и я никакъ не могу отвѣтить на вопросъ, если вздумаютъ спросить: что эта за пьеса, которую я играю... Мнѣ кажется блаженствомъ имѣть хорошій инструментъ. Отецъ обѣщалъ мнѣ перемѣнить при случаѣ наше старое фортепьяно, но для этого мнѣ самой надо ѣхать въ Варшаву и выбрать рояль... Поэтому я особенно благодарна вамъ, что вы доставите мнѣ случай испробовать настоящій Эраръ...

Иванъ Николаевичъ поднесъ ея ручку къ губамъ.

— А я впередъ благодарю васъ за предстоящее наслажденіе.

У Зоси замерло сердце... мечты начали сбываться не на шутку.

„Она прямо очаровательна!—думалъ Колычевъ, возвращаясь изъ стараго дома. Странная игра судьбы: у такихъ не интересныхъ, въ сущности глубоко прозаичныхъ людей какимъ-то образомъ рождается дочь-артистка и красавица вдобавокъ. Немудрено, что этотъ хлыщеватый питерецъ Гришенька сразу влюбился.. Да, будь я помоложе“...

Едва удалился Колычевъ, въ гостиную вошелъ панъ Валекъ. Не успѣлъ онъ еще открыть рта, чтобы спросить о ея здоровьѣ, какъ Зося сама обратилась къ нему:

— Надѣюсь, панъ здоровъ?

Валекъ растерялся.

— Да, панна Зося... Я здоровъ.

— Тѣмъ лучше, потому что я имѣю сказать пану слово... Молодой человѣкъ замеръ отъ ожиданья.

— Я слушаю.

— Сколько времени ѣзды до Новаго?—спросила Зося.

— Полтора часа.

— Значитъ, обратно три... Ну, такъ я не желаю больше, чтобы панъ у хозяина ради меня отнималъ черезъ день по три часа своей службы, да и меня забавлялъ по часу, итого—четыре... Я здорова... букеты связывать и вѣнки плести я сама умѣю, а конфеты ѣмъ только свѣжія изъ варшавскихъ цукерень... А если панъ не понялъ, пусть хорошенько подумаетъ, а я толковать ему своей рѣчи не стану... Счастливаго пути.

И, сдѣлавъ ему низкій реверансъ, Зося упорхнула въ мезонинъ.

Усы Валека, лихо закрученные кверху, сразу повисли. За эти послѣднія три недѣли онъ считалъ свое дѣло съ Зосей сильно подвинувшимся, потому что Романъ далъ ему понять, что ничего противъ него и его ухаживаній не имѣетъ. Еще недавно Зося довольно милостиво принимала его въ цвѣтникѣ, а потомъ все сразу перемѣнилось... и наконецъ сегодня этотъ довольно прозрачный намекъ.

Панъ Валекъ взялъ хлыстъ и, не повидавшись ни съ Романомъ, ни съ Юзыней, отправился въ Новое къ великому удивленію и негодованію не успѣвшаго отдохнуть Зефира...

Былъ уже конецъ іюля, самый разгаръ деревенской страды. Мужики и бабы возвращались съ работы безъ пѣсенъ. Всѣ были измучены. Торопились днемъ покончить барское, чтобы по ночамъ убирать свое. Послѣ многихъ споровъ панъ Романъ согласился наконецъ разбить недѣлю на законные очередные три дня барщины и дать крестьянамъ роздыхъ.

— На свою голову балуете ихъ, вѣдь мы контрактомъ связаны. Мы къ первому сентября должны купцамъ первую тысячу мѣръ представить. Намъ придется штрафъ платить.

— Ничего, справимся, панъ! — возражалъ Колычевъ.— Нельзя же заставлять ихъ работать всю недѣлю на барина. По закону барщина допускается лишь на три дня, а остальное время дается въ распоряженіе самихъ мужиковъ. Я положительно не понимаю такихъ явныхъ нарушеній. Наконецъ, и ихъ пожалѣть надо.

— И будемъ валандаться съ уборкой весь августъ...— ворчалъ панъ.—Въ хозяйствѣ надо свой интересъ соблюдать, а не о людяхъ думать. Барщина на то и существуетъ, чтобы помѣщику помощь была. А какая жъ это помощь, когда у васъ хлѣбъ на корню осыпается, а мужикъ свой жнетъ.

Но Иванъ Николаевичъ былъ непоколебимъ и настоялъ-таки на своемъ.

Зато и любили его крестьяне!...

Съ его переселеніемъ панъ Романъ „поджалъ хвостъ", по ихъ мнѣнію. Дѣйствительно, онъ былъ сдержаннѣе. Не слышно было такъ часто „быдла" и не раздавались налѣво и направо затрещины; хотя польскіе кулаки и чесались попрежнему, и Романъ порою и былъ готовъ отправить виновнаго на конюшню, но, зналъ, что Колычевъ считалъ подобное наказаніе унизительнымъ для человѣческаго достоинства, и ограничивался однѣми угрозами и сверхурочной работой.

— Вотъ ужъ баринъ, такъ баринъ, — говорили колычевцы:—и не чаяли такого дождаться! Что свое, что крестьянское—ему за одно идетъ! Отецъ родной, а не баринъ! При такомъ и воли не надо.

Разговоры о волѣ ходили уже давно. Возвращавшіеся изъ города съ базара каждый разъ приносили новыя свѣдѣнія. Разсказывали, что воля ужъ вышла и царемъ подписана, но пока лежитъ гдѣ-то въ алтарѣ на престолѣ до Свѣтлаго праздника. Другіе увѣряли, что она задержалась, потому что послана въ Іерусалимъ, нужно ее печатью, что у Гроба Господня висѣла, припечатать, чтобъ никто бы ее ужъ больше отмѣнить не могъ. Третьи утверждали, что она на золотой грамотѣ написана, но что ее подмѣнить задумали. А четвертые отрицали всѣ слухи и остерегали болтуновъ,—потому это все для искушенія одного,—хотятъ испытать крестьянъ, взбунтовать, а послѣ еще хуже будетъ: кого

сквозь строй прогонятъ, кого въ Сибирь сошлютъ, какъ при Аракчеевѣ.

Сегодня какъ разъ Иванъ Николаевичъ объѣзжалъ съ паномъ Романомъ поля. Кое-гдѣ уже высились скирды, но на большинствѣ полосъ мелькали серпы и бѣлѣли согнутыя спины жнущихъ бабъ.

— Богъ въ помощь!—кричалъ имъ, подъѣзжая, Колычевъ.

— Спасибо, кормилецъ!

И, отеревъ рукавомъ потъ съ прожженнаго солнцемъ лица, баба снова наклонялась надъ колючей рожью и продолжала прерванную на мигъ тяжелую работу.

Урожай на господской землѣ, обильно удобренной, вспаханной глубокими англійскими плугами, былъ отличный.

Не то было на крестьянской. Рожь родилась рѣдкая, колосъ легкій и солома низкая, зато лебеды и куколя въ ней росло достаточно.

Иванъ Николаевичъ остановилъ лошадь и указалъ Роману на тощіе снопы.

— Когда-нибудь мы съ вами отвѣтимъ за этотъ жалкій урожай, а не мы, такъ наши дѣти!

— Говори за себя,—подумалъ полякъ:—за твоихъ не отвѣчаю, а за своихъ и Зосиныхъ поручусь, что никогда,— а вслухъ онъ возразилъ:—Сами виноваты,—удобряютъ и пашутъ кое-какъ, а могли бы на барщинѣ научиться. Да вѣдь этихъ лѣнивыхъ скотовъ только палкой, какъ слѣдуетъ, работать заставишь. Ну, а кто же его за собственное его поле къ отвѣту потянетъ? И такимъ хозяевамъ землю отдавать!...

— Въ этотъ разъ я попрошу васъ, панъ, имъ остатки навоза со скотнаго отдать. Съ насъ, право, хватитъ...

— Пусть берутъ, но не поручусь, что отъ насъ его много останется. Вѣдь на одни парники и грунтовые сараи что его снова потребуется!

Это тоже былъ одинъ изъ негласныхъ польскихъ доходовъ. Что дѣлать! придется и тутъ уступить... но зато когда-нибудь онъ вознаградитъ себя за всѣ эти убытки.

— Кстати, панъ, завтра я ѣду на нѣсколько дней въ

Карауловку, а потомъ хочу проѣхать въ Горки. Не поѣдете ли вы туда со мною... Мнѣ былъ бы очень важенъ вашъ совѣтъ!

Панъ Романъ надулъ по обыкновенію щеки.

„Ишь ты, какимъ соловьемъ запѣлъ... Мой совѣтъ ему важенъ, а давно ли меня въ шею гнать собирался? Эй, Романъ! не плошай...“ —и вслухъ онъ отвѣтилъ:

— Время больно горячее. Лучше подождать до осени, а то безъ меня тутъ не справятся.

— Такъ-то оно такъ... Но и тамъ оно не менѣе горячее. Хоть на нѣсколько дней, я васъ не задержу...

— Увидимъ, я сразу обѣщать не могу,—дѣловито отвѣтилъ полякъ, а про себя подумалъ: „И какая ты мокрая курица, и какъ я тебя легко по своей дудкѣ плясать заставилъ! Погоди еще и не то будетъ...“

— Ну-съ, а теперь пора и домой. Карауловы обѣщали быть къ шести часамъ. Напомните вашимъ дамамъ, что я ихъ жду...

... У пани Юзыни шелъ горячій споръ съ Зосей, въ чемъ итти Зосѣ въ виллу. Дѣвушка стояла за то бѣлое, вышитое матерью платье, край котораго какъ-то поцѣловалъ Валекъ, а мать настаивала на розовомъ шелковомъ, подаренномъ Олесею. Той оно было узко, и графиня Запольская охотно подарила его бѣдной подругѣ своей дочки.

— То слишкомъ просто!—увѣряла пани Юзыня.—У всѣхъ такія есть. А это въ Варшавѣ шито и сейчасъ видно, что отъ хорошей портнихи.

— Ни за что, ни за что не надѣну этого платья! Оставьте, мама, вы не понимаете! Я совсѣмъ не хочу казаться франтихой и терпѣть этого платья не могу. Сейчасъ видно, что оно не на меня было заказано.

— Что ты, цурка, сидитъ, какъ влитое, и талія у тебя еще тоньше кажется. И кто же знаетъ, что его тебѣ Олеся подарила? Клянусь тебѣ, я никому о томъ ни слова не говорила.

— Я сама знаю, и съ меня этого довольно. Мнѣ все будетъ казаться, что всѣ знаютъ и станутъ шептаться: а вотъ на ней платье съ чужого плеча... Не приставайте, мама. Докторъ не позволилъ раздражать меня.

Пани Юзыня замолчала и съ благоговѣніемъ понесла обратно въ шкапъ шумящее розовое, отливавшее серебромъ гроденаплевое платье.

— Да, кабы не докторъ, ужъ я бы настояла на своемъ.

Зося была готова. И въ своемъ бѣломъ простенькомъ платьицѣ, изъ отложного воротничка котораго, словно нѣжный стебель, выходила ея тонкая шейка, дѣвушка казалась саксонской статуэткой. Завязавъ голубой поясъ и оглянувъ себя еще разъ въ зеркало, она помогла матери въ ея туалетѣ, и пани Юзыня почувствовала себя очень важной въ своемъ зеленомъ шанжанъ платьѣ съ бѣлыми выпускными тюлевыми рукавами и въ пышной наколкѣ, сфабрикованной Зосей изъ остатковъ лентъ и кружевъ. Панъ Романъ тоже прифрантился, выбрился и даже вычистилъ ногти и былъ спрыснутъ Зосиными духами. Зося накинула клѣтчатую бедуинку, втихомолку перекрестилась подъ нею, и всѣ трое направились по липовой аллеѣ въ бѣлую виллу.

XIII.

Сквозь кружевную сѣнь вѣтвей
Забрезжилъ первый лучъ разсвѣта.
Въ кустахъ сирени пѣснь допѣта,—
Молчитъ усталый соловей.
Нѣма и сумрачна аллея.
Но въ ней средь чуткой тишины
Скользятъ, одеждой легкой вѣя,
Любовью вызванные сны.
Куда?.. Молчанье. Нѣтъ отвѣта.
Лишь съ каждымъ мигомъ розовѣй,
Горитъ въ росинкахъ лучъ разсвѣта—
Сквозь кружевную сѣнь вѣтвей.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Въ первый разъ ступила дѣвушка на манившую ее издали въ теченіе многихъ лѣтъ мраморную террасу.

Ажурная мебель, китайскіе фарфоровые боченки, качалки и столики, казавшіеся ей игрушечными изъ засады, были разбросаны съ большимъ вкусомъ между зелеными кадками померанцевъ, лавровъ и олеандровъ въ полномъ цвѣту. Навстрѣчу тотчасъ же вышелъ Иванъ Николаевичъ, пожалъ руки дамамъ и пропустилъ ихъ въ залу.

Мать толкнула дочку впередъ, и Зося вошла первая.

Никогда еще нога женщины не ступала на этотъ паркетъ, гдѣ штучная художественная мозаика съ точностью повторяла рисунокъ лѣпного потолка. Вдоль бѣлыхъ, подъ

мраморъ глазированныхъ стѣнъ высокія каріатиды поддерживали хоры съ ихъ кружевной баллюстрадой. Огромныя жирандоли спускались съ потолка, блестя крупными хрустальными подвѣсками и цѣпями, и бѣлые рѣзные стулья съ серебристо-бѣлыми, вытканными по красному полю вѣночками красивой гирляндой окаймляли громадный прямоугольникъ, на середину котораго былъ выдвинутъ выложенный серебромъ инструментъ Эрара.

Зося оглядѣлась, и сердце у нея усиленно забилось... Нѣтъ, даже у Свентицкихъ въ ихъ знаменитыхъ Филиппишкахъ не видала она ничего подобнаго. Это была сама гармонія линій, и казалось неизъяснимымъ блаженствомъ кружиться въ вихрѣ вальса или носиться подъ звуки мазурки въ этимъ дивномъ залѣ.

Черезъ убранную зеленью боскетную и обюссоновую столовую гости прошли въ большую парадную, въ голландскомъ вкусѣ. Ивану Николаевичу захотѣлось обновить ее сегодня, и за самоваромъ хлопоталъ Прохоръ, а Ѳедька и Василій разносили чашки душистаго чая.

Зося присѣла передъ старикомъ Карауловымъ, кивнувъ, какъ знакомому, его племяннику. Предводитель подвинулъ ей стулъ рядомъ съ собой и началъ угощать персиками и печеньемъ. Съ паномъ Романомъ онъ поздоровался тоже крайне милостиво, а пани Юзынѣ почтительно поклонился.

Несчастная пани Юзыня помнила сцену, сдѣланную ей Зосей послѣ перваго визита Колычева, и рѣшила быть сегодня насторожѣ. Она отвѣчала только „да“ и „нѣтъ“, и никакіе разспросы о ея любимомъ птичникѣ не могли вызвать ее на болѣе пространныя реплики.

— Я слышалъ, милая барышня, что вы сегодня собираетесь доставить намъ большое наслажденіе,—мой племянникъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ о вашемъ талантѣ,—заговорилъ по своей привычкѣ по-французски старикъ Карауловъ.

Гришенька даже ротъ раскрылъ, когда Зося чистѣйшимъ парижскимъ говоромъ отвѣтила:

— Не могу себѣ представить, гдѣ и когда племянникъ вашъ имѣлъ случай слушать меня, чтобы вывести столь лестный отзывъ о моей игрѣ.

Провинціальная барышня—и такой акцентъ, и ни одного русскаго излюбленнаго оборота во французской рѣчи!.. И онъ вмѣшался въ разговоръ:

— Слухомъ земля полнится.

— Это, вѣрно, маленькая Тася проболталась вамъ. Ей уже досталось за ея нескромность.

Панъ Романъ однимъ ухомъ слушалъ, о чемъ бесѣдовали оба съ Зосей. Самъ онъ, хотя и понималъ по-французски, но говорить не могъ, зато пыхтѣлъ отъ гордости и самодовольства, слыша, какъ его цурка такъ и рѣжетъ по-парижски съ этими москалями.

— Желаете еще чаю, ваше превосходительство? — обратился Василій къ Ильѣ Семеновичу.

— Весьма желаю, мой милый, но желаю вотъ изъ этихъ ручекъ,—и растаявшій отъ близости хорошенькой женщины старикъ поцѣловалъ бѣленькую ручку своей сосѣдки.

Зося вспыхнула.

— Садитесь-ка, милая барышня, къ самовару и разлейте намъ чай.

— Садись, Зося! — скомандовалъ Романъ: — она и дома всегда его разливаетъ.

Григорій Ивановичъ подвинулъ стулъ, и Зося стала хозяйничать.

— Надѣюсь, тѣнь вашего дядюшки не прогнѣвается на меня грѣшника. А чай я только изъ дамскихъ ручекъ и люблю. Кстати, куда же дѣвался тотъ портретъ, я все забывалъ спросить о немъ?

Колычевъ слегка смутился.

— Мнѣ сдается, что дядя самъ, чувствуя приближеніе смерти, уничтожилъ его.

— Очень вѣроятно, очень вѣроятно!

— Но кто же была эта невѣрная невѣста? Вѣдь, говорятъ, она измѣнила вашему дядюшкѣ, а онъ ей до смерти вѣрность сохранилъ?—спросилъ Гришенька.

— Этой тайны я не считаю себя въ правѣ касаться, и тѣнь покойника можетъ быть совершенно удовлетворена: имя той, для кого была построена вилла, никому неизвѣстно, кромѣ вѣрнаго Личарды его, Евграфа.

— Признаюсь,—сказалъ Карауловъ, снова обращаясь къ Зосѣ:—я такъ заинтересованъ слухами о вашей игрѣ, что даже всѣ дѣла отложилъ и пріѣхалъ сюда. Я прямо стосковался по музыкѣ. Жена и дочки за границей, а домашній оркестръ я отпустилъ. Будь мои дамы дома, я непремѣнно привезъ бы ихъ сюда, рискуя встревожить еще больше тѣнь покойнаго Арсенія Михайловича.

— Тѣнь покойнаго дяди не будетъ встревожена сегодняшней музыкой, — замѣтилъ любезно хозяинъ:—рояль будетъ обновленъ ручками двойника его покойной невѣсты,— и онъ разсказалъ о странномъ сходствѣ Зоси, подтвержденномъ Евграфомъ.

Всѣ перешли въ залу. Гости разсѣлись по стульямъ, а въ прихожей за притворенными дверями столпились дворовые.

Одного вѣрнаго Личарды не было между ними. При первомъ же появленіи поляковъ онъ ушелъ внизъ, скинулъ свой ливрейный фракъ и заперся.

— Не могу я служить сегодня, слышь ты!—сказалъ онъ Василію.—Выше это силъ моихъ. Сорокъ три года ходу сюда бабамъ не было... Все нутро вопіетъ во мнѣ. Завтра же возьму вольную и уйду. Силъ моихъ нѣтъ смотрѣть на это надругательство.

— Что же, Евграфъ Тимоѳеичъ, не сидѣть же сычомъ нашему барину? Они женщинъ отродясь не бѣгали. Сами женаты были и теперь дамское сословіе уважаютъ. У насъ вонъ и въ Москвѣ, и въ Горкахъ, какіе ужины веселые съ дамами бывали. Баринъ еще молоды, еще и женятся, Богъ дастъ! Довольно по первой-то супругѣ поскучали, пора и утѣшиться.

— Пусть себѣ въ своихъ Горкахъ да Москвахъ утѣшаются, а чего же здѣсь до сорочинъ-то балы затѣвать? Да еще кого ради?.. Тьфу! кому бы порядочному трюфеля да персики подавать, а то этой шушерѣ польской.

— И напрасно ихъ шушерой зовете,—относительно маменьки не спорю, а барышня мнѣ очинно даже ндравится. скажу даже, совсѣмъ великатная, тонкая барышня. Пойду, послушаю, какъ онѣ играютъ...

— Иди, иди себѣ! А я и за ужиномъ служить не буду, такъ и скажи отъ меня Прохору.

— Что жъ, и безъ васъ управимся, не впервой!—и Василій быстро побѣжалъ наверхъ, а Евграфъ повалился на свою постель и зарыдалъ:

— Батюшка, батюшка баринъ! До чего дожить привелось!

. . . .

Вечеръ былъ тихій, почти душный. Небо догорѣло. Звѣзды зажигались надъ вершинами древнихъ вязовъ и кленовъ, и прудъ отражалъ освѣщенныя окна фасада.

Зося въ послѣдній разъ вытерла кружевнымъ платочкомъ слегка дрожащіе пальчики.

— Что же сыграть мнѣ вамъ?—спросила она Колычева.

— Все, что хотите и что подскажетъ вамъ сердце.

Сердце подсказывало ей многое, но первая вещь должна быть посвящена памяти той, кто не переступилъ порога посвященнаго ей жилища, не коснулся ни разу этихъ успѣвшихъ пожелтѣть клавишъ, и она заиграла „Warum“ Шумана.

Почему? Почему не пришла ты сюда,
Въ этотъ бѣлый, такъ пышно разубранный домъ,
Въ этотъ садъ, гдѣ какъ зеркало блещетъ вода
И стѣною тѣснятся деревья кругомъ?..
Для тебя ароматъ разливали цвѣты,
Соловьи рокотали въ сирени у гнѣздъ,
О любви и о нѣгѣ шептали листы,
И дрожали въ водѣ отраженія звѣздъ...
Проходили года... все украшенъ былъ домъ...
Загоралися звѣзды, дивясь одному,—
Человѣкъ посѣдѣлъ за высокимъ окномъ,
Онъ любилъ и онъ ждалъ,—ты вернешься къ нему...
Ты не шла... Почему?.. почему?..

И все тише замиралъ аккордъ, разбиваясь, какъ рыданье, и слезы подступали къ глазамъ внимавшихъ этому не находившему отвѣта вопросу.

Зося кончила. Всѣ молчали...

— Бога ради, дальше!—прошепталъ Колычевъ.

Запѣло адажіо Бехтовенской сонаты, полное тихаго, молитвеннаго настроенія лунной ночи... Мѣсячный отблескъ серебристой полосой переливается на морѣ. Все безмолвно. Лишь сердце человѣка не знаетъ покоя: оно живетъ, любитъ, страдаетъ, и бурною волною вливается страсть въ мирную тишину природы. Проснулись деревья, шумятъ кусты, лепечутъ травы.. Вѣтеръ вздымаетъ волну, и дремавшее море все задрожало, запѣнилось и высоко до самаго мѣсяца вскидываетъ жемчужные брызги пѣны, словно умоляя сойти къ нему въ объятія это озаренное серебряннымъ свѣтомъ небо.

Сойди ты ко мнѣ, безмятежно-прекрасное!
Излей на меня тишину!
Къ тебѣ, какъ объятіе страстное,
Я вѣчно вздымаю волну.
Безмолвно ты?. глухо къ страданіямъ?..
Надежды на счастье мнѣ нѣтъ...
О молнія! грознымъ сверканіемъ
Затми же серебряный свѣтъ!..

Но небо остается безоблачно-спокойнымъ. Тучи не застлали мѣсяца, и вѣтеръ улегся. Волны ходятъ все тише, и все успокаивается. Въ бурное, истрадавшееся сердце вливается миръ. Оно бьется все ровнѣе, все мѣрнѣе и, вмѣсто словъ отчаянія, безумія и страсти, уста шепчутъ тихія молитвы...

Зося кончила.

— Дивно хорошо! браво!—раздалось кругомъ.

— Теперь что-нибудь Шопена!—попросилъ Карауловъ.

Дѣвушка сыграла полонезъ и прелюдъ.

Иванъ Николаевичъ стоялъ у окна. Онъ переживалъ странное впечатлѣніе.

Точно все это было ужъ когда-то. Такъ же были распахнуты окна на свѣтлый прудъ, и такъ же вливался въ нихъ ароматъ изъ цвѣтника, и за роялемъ сидѣла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, и рыдали, и замирали аккорды, и онъ любилъ ее, потому что былъ молодъ и всей душою жаждалъ счастья.

Это было давно, въ этой самой залѣ.. То были грезы его

юнаго сердца, впервые проснувшагося при созерцанiи таинственнаго портрета. Тогда, заслышавъ наверху чьи-то шаги, онъ убѣжалъ въ эту бѣлую залу и долго шагалъ по ней одинъ. Его пробудившаяся фантазiя рисовала ему чудныя картины.. Онъ представлялъ себѣ, какимъ блаженствомъ было бы жить съ этой дѣвушкой въ этой роскошной виллѣ. Она играла бы на этомъ роялѣ, а онъ, замирая отъ восторга, внималъ бы чуднымъ звукамъ.. Сонъ сталъ дѣйствительностью. Воплотились дѣтскiя грезы. Онъ слушаетъ дивныя мелодiи, и сердце его замираетъ отъ счастья, отъ близости дѣвушки въ бѣломъ.. А его обѣтъ?.. а данная имъ клятва?..

И словно въ отвѣтъ съ клавишъ вызывающимъ, торжествующимъ хоромъ сорвались первые аккорды Мендельсоновскаго свадебнаго марша.

Колычевъ вздрогнулъ и вышелъ на террасу. Мѣсяцъ глядѣлъ сквозь вѣтви темныхъ деревьевъ. Недвижныя группы кустовъ опрокинулись въ зеркалѣ пруда. Въ сторонѣ бѣлѣлъ едва видный крестъ на кулигѣ, и къ нему волною лились побѣдные, яркiе звуки пѣсни о великомъ, неизъяснимомъ блаженствѣ двухъ навѣки слившихся воедино жизней. Безмолвно внимали имъ листья стараго вяза, и чья-то тѣнь склоняясь приникала къ дубовому кресту, тѣнь блѣдной женщины съ кроткой улыбкой, а можетъ быть, это былъ мѣсячный отсвѣтъ отъ пруда?...

Раздались рукоплесканiя.

Зося закрыла рояль, и никакiя упрашиванья и приставанiя Гришеньки не могли заставить ее продолжать игру.

— Бисъ, бисъ! бисъ!—кричалъ онъ надрываясь.

— Нѣтъ, я не могу больше, я устала!

Она дѣйствительно поблѣднѣла опять.

— Зося была недавно очень больна,—подтвердилъ панъ Романъ.

Иванъ Николаевичъ прошелъ въ боскетную и принесъ оттуда заранѣе приготовленный громадный букетъ.

— Un hommage de votre humble admirateur!—шутливо сказалъ онъ, коснувшись губами ея пальцевъ.

Зося подняла глаза. Вся душа ея вылилась въ нихъ. Она словно довѣрчиво отдавалась ему со всѣми своими юными

надеждами и мечтами о счастьѣ. Онъ взглянулъ на нее и тотчасъ же обратился къ Караулову:

— Ну, что вы скажете, ваше превосходительство?

Этимъ банальнымъ вопросомъ ему хотѣлось замаскировать свое волненіе, но не успѣлъ еще рта открыть предводитель въ отвѣтъ, какъ Гришенька накинулся на него:

— Это измѣна! это непростительно! Какъ же вы меня не надоумили? Я затѣялъ этотъ концертъ, и мы пріѣхали съ пустыми руками!

— Да ты-то чего думалъ самъ? Скажи, пожалуйста, какой младенчикъ! Что я тебя и до смерти даже въ галантныхъ дѣлахъ опекать долженъ?

— Ахъ, Богъ мой! Ну, чѣмъ же загладить мнѣ мой промахъ! Чѣмъ заслужить благоволеніе вашей дочки? Научите!—обратился Гришенька къ пани Юзынѣ.

— Не знаю, ясновельможный панъ,—отвѣчала растерявшаяся полька.

— Покажите ей гостиныя и другія комнаты, вѣдь Зося здѣсь въ первый разъ,—вмѣшался самодовольно панъ Романъ. Всеобщее восхищеніе дочерью тѣшило его, и онъ чувствовалъ и себя тріумфаторомъ.

Гришенька подлетѣлъ къ Зосѣ.

— Un tour... но увы, не вальса потому что, къ сожалѣнію, кромѣ васъ, играющихъ нѣтъ, но пройдемтесь по этому заколдованному замку.

И подъ руку съ молодой дѣвушкой они открыли шествіе. Всѣ комнаты были освѣщены. Пани Юзыня ахала и охала и наконецъ, не выдержавъ, начала громко выражать свое восхищеніе. Она трогала чуть не каждую вазу, останавливалась передъ каждой картиной и щупала матерію портьеръ и креселъ.

— Ахъ, сколько денегъ! сколько денегъ это, должно быть, все стоило!—вздыхала она.

Зося чувствовала себя, какъ въ чаду, но была сдержанна. Она знала и видѣла раньше роскошь вблизи и отчасти уже освоилась съ нею, гостя въ Запольѣ и Филиппишкахъ. Григорій Ивановичъ съ изумленіемъ убѣдился, что она умѣла отличить Буше отъ Вато и каподимонте отъ

сакса. Они поднялись наверхъ. У дверей розоваго будуара она остановилась

— Нѣтъ, я не войду... мнѣ кажется, это кощунствомъ.

Но ея кавалеръ разсмѣялся.

— Полно, панна Зося! Посмотрите, эта комната точно создана для васъ. Нѣтъ, я теперь вѣрю, что вы должны быть похожи на исчезнувшій портретъ, потому что вся обстановка виллы удивительно гармонируетъ съ вашей наружностью.

О, зачѣмъ слова эти были сказаны не самимъ хозяиномъ! Но онъ не слышалъ ихъ, онъ показывалъ спальню Арсенія Михайловича ея матери, и та крестилась и вздыхала по грѣшной душѣ, робко поглядывая на пустую раму.

Когда конченъ былъ обходъ, старуха заторопилась домой.

Нѣтъ, нѣтъ! ужинать онѣ съ Зосей не останутся! Докторъ и то будетъ браниться, что вышло такъ поздно. Онъ велѣлъ ей пораньше ложиться спать.

— Да, Зосѣ пора въ постель? Что? устала, цурка? — ласково спросилъ панъ Романъ, и собирался потрепать ее по щекѣ, но Зося отвела его руку и холодно отвѣтила:

— Немножко!

Григорій Ивановичъ вызвался проводить дамъ. Колычевъ остался съ Карауловымъ и Романомъ.

И снова дорого дала бы Зося, чтобы вмѣсто сладкихъ любезностей петербургскаго франта выслушать отзывъ Ивана Николаевича, чтобы итти съ нимъ по этому роскошному цвѣтнику и, вступивъ въ липовую аллею, смѣть опереться на его сильную руку. Неужели ея игра не произвела на него никакого впечатлѣнія? Вѣдь былъ же онъ взволнованъ послѣ Шумана? Или она неудачно выбрала свой репертуаръ?...

Дѣвушка прижимала лицо къ душистымъ розамъ и отвѣчала односложно своему кавалеру. Прощаясь, онъ сталъ умолять „объ одномъ хоть цвѣточкѣ“ изъ букета.

— У меня отъ всѣхъ слышанныхъ мною артистокъ есть что-нибудь на память, хоть ленточка, хоть листикъ. Панна Зося, не нарушайте моей коллекціи.

Чтобъ отвязаться, Зося вынула какую-то розу, а Григорій Ивановичъ сунулъ ее въ петлицу.

— Боже, какъ это все банально, какъ глупо! Какъ это все не то, чего я ожидала!—твердила дѣвушка, подымаясь въ мезонинъ.

Она съ досадой бросила цвѣты на кресло. Они раздражали ее. Лучше одинъ цвѣтокъ, сорванный имъ самимъ, чѣмъ этотъ блинъ изъ дорогихъ розъ, заказанный садовнику. Какъ бы она ни сыграла, хорошо ли, дурно,—букетъ былъ бы врученъ ей любезнымъ хозяиномъ съ той же стереотипной фразой, съ тѣмъ же банальнымъ поцѣлуемъ ея пальчиковъ. А она ждала задушевнаго спасибо, чего-нибудь особеннаго,—теплаго слова, восторженнаго, глубокаго взгляда, прямо проникавшаго въ душу. И горькое разочарованіе охватило ее...

О, какъ она недовольна собой! Какъ глупо вела она себя все время... И ей вспомнился тотъ восторженный взглядъ, который она сама подняла на Колычева сегодня, принимая его цвѣты, ея улыбка, когда онъ заговаривалъ съ нею. Только слѣпой или совершенно равнодушный человѣкъ могъ не понять ея душевнаго волненія... Зося даже выпрямилась и покраснѣла въ темнотѣ... Равнодушный къ ней? къ Зосѣ Юшкевичъ?..

Что жъ это такое? Она готова была полюбить его, а онъ и не думалъ о ней?.. Она вспомнила свои недавнія мечты о счастьѣ объ руку съ нимъ, свое размягченное душевное состояніе...

Нѣтъ, это все болѣзнь была виновата. Она просто размякла и разсентиментальничалась. Она готова была тогда покаяться ему въ своей лжи, теперь это кончено. Она снова возьметъ себя въ руки и добьется цѣли, и если для этого нужна будетъ новая ложь — она будетъ лгать, не краснѣя, не ощущая ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Баста! прочь сентименты... Побольше хладнокровія!...

Когда послѣ ужина панъ Романъ сталъ откланиваться, Иванъ Николаевичъ, провожая его на террасу, сказалъ ему:

— Передайте вашей дочери, что у меня не хватило словъ выразить ей мою благодарность за доставленное мнѣ лично удовольствіе и что я льщу себя надеждой услышать ее еще не одинъ разъ по возвращеніи отъ Караулова.

— Весьма тронутъ,—отвѣчалъ полякъ: но Зося тоже на этихъ дняхъ уѣдетъ въ Варшаву,—ее ждетъ на свадьбу ея подруга графиня Запольская.

— Вотъ какъ! Надѣюсь, однако, что панна Зося скоро вернется?

— Не думаю. Ее такъ любитъ старая Запольская, что, вѣрно, задержитъ на всю зиму послѣ отъѣзда молодыхъ.

— И вамъ не жалко будетъ разстаться съ дочерью на столь долгій срокъ?

— Цо-то! я не эгоистъ. Зосѣ скучно въ Колычевѣ, общества подходящаго нѣтъ, съ сосѣдями она не сходится, чего же сидѣть одной? У Запольскихъ всегда полонъ домъ молодежи изъ самыхъ лучшихъ польскихъ фамилій. Кто знаетъ, можетъ быть, она тамъ и судьбу свою найдетъ?

Панъ Романъ скрылся въ аллеѣ, а Колычевъ все еще стоялъ на террасѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ... Потомъ онъ вернулся въ залу и заперъ на ключъ рояль. Никто впредь не коснется этихъ клавишъ. И, положивъ руку на крышку инструмента, онъ глубоко задумался.

Да, его юныя грезы воскресли сегодня съ новою силой, и съ ними проснулись былыя надежды, что дѣвушка въ бѣломъ могла бы дать ему невѣдомое счастье... Онъ понялъ, почему его такъ неудержимо влекло это родовое Колычево, почему онъ не могъ отпустить Юшкевича... Обнаружься за нимъ хоть сотни обмановъ, онъ удержалъ бы поляка. Съ первой же минуты онъ подпалъ подъ обаяніе дочери щербатаго пана и, вспомнивъ снова свою встрѣчу съ ней на могилѣ подъ дѣдовскимъ вязомъ, онъ сознался себѣ, что уже съ той минуты совершился переворотъ въ его душѣ.

Теперь вся безалаберная жизнь во время вдовства прошла опять передъ нимъ, жизнь русскаго балованнаго барина, не связаннаго никакими обязанностями и привязанностями, сегодня въ Россіи, завтра за границей, то за игорными столами, то въ отдѣльныхъ кабинетахъ съ накрашенными продажными женщинами и соблазненными „магазюльками" съ Кузнецкаго моста и Невскаго проспекта. Онъ мечталъ основаться на вотчинной землѣ, но для чего?.. Опять тотъ же тупикъ... Вести и здѣсь ту же безпутную жизнь?.. Па-

мять его жены понемногу стиралась. Покойница сама небрала вѣдь съ него этой клятвы, а вѣрности онъ ей всетаки не соблюдалъ! И онъ взглянулъ на дубовый крестъ подъ вязомъ, гдѣ спалъ человѣкъ, 40 слишкомъ лѣтъ хранившій клятву воздержанія, 40 слишкомъ лѣтъ не желавшій женской ласки, не подпускавшій къ себѣ близко ни одной женщины... А онъ? Встань его Полина теперь, развѣ не ужаснулась бы она его нравственной распущенности, развѣ ея чистая душа не содрогнулась бы отъ окружавшей его иногда грязи?...

Нѣтъ, довольно. Крѣпкая колычевская порода сказалась и на немъ. Ему сорокъ два года, но у него ни лысины, ни волоса сѣдого, ни испорченнаго зуба. Да, онъ долженъ осѣсть на вотчинной землѣ и продолжать этотъ древній родъ. Искать нечего. Невѣста тутъ, въ двухъ шагахъ отъ этого дома. Что изъ того, если онъ на двадцать три года старше ея? Если она бѣдна—онъ богатъ достаточно... Стать зятемъ Романа? пани Юзыни? Бываетъ и хуже!... Да никто и не заставляетъ ихъ жить вмѣстѣ. Онъ убѣдитъ сестру ввѣрить поляку Горки, и подъ его управленіемъ онѣ станутъ дѣйствительно золотымъ дномъ. Самъ онъ слишкомъ мягокъ и не сумѣетъ справиться съ этимъ имѣньемъ.

Судьба недаромъ привела его сюда. Она уготовала ему и дѣло въ жизни и невѣсту. И надо дѣйствовать. Надо воспользоваться временемъ и не дать Зосѣ уѣхать въ Заполье. Онъ вообразилъ себѣ, что было бы, если бъ, вернувшись изъ Карауловки, онъ не засталъ Зоси въ Колычевѣ... Да вѣдь оно сразу бы утратило всякій смыслъ, всякую цѣнность. И онъ нарисовалъ ее себѣ за чайнымъ столомъ. Какъ мило хозяйничала она, какъ любезно и заботливо спрашивала всякаго, по вкусу ли налитый чай... Такую дѣвушку, эту севрскую статуэтку, назвать женою?.. Конечно, это и есть то высшее счастье, о которомъ смѣетъ мечтать человѣкъ... А она?... Онъ вспомнилъ выраженіе глазъ, улыбки, всю наивно откровенную игру ея физіономіи. Гришенька... Этотъ панъ усатый Валекъ... Нѣтъ, ея глаза не лгутъ... Въ Горки онъ не поѣдетъ, а пошлетъ Силантія, а самъ останется тутъ и добьется отвѣта. Довольно бездѣлья! до

вольно скитаній. Надо стать за дѣло, начать новую осмысленную жизнь, основать новую семью.

Онъ распахнулъ дверь на террасу и вдохнулъ всей грудью ароматъ цвѣтовъ.

И словно въ отвѣтъ на его рѣшеніе изъ-за вершинъ высокихъ вязовъ брызнули первые лучи солнца и золотомъ залили водную гладь.

Боже мой, какъ хорошо ты, лѣтнее утро! Какъ дивно хорошъ ты, прадѣдовскій садъ! Какъ хороша ты, жизнь, когда манишь свѣтло загорѣвшейся надеждой!

Слава тебѣ, утро!

Слава тебѣ, родная почва!

Слава тебѣ, жизнь!

XIV.

Надъ вербеной и левкоемъ,
Граціозны и легки,
Цѣлый день воздушнымъ роемъ
Вьются мотыльки.
Счастье, радость иль страданье—
Эта пляска мотылька?..
Вейся, легкое созданье!
Пей свой медъ съ цвѣтка!
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

У подъѣзда виллы стояла опять щегольская предводительская коляска съ красавцемъ Тимоѳеемъ на козлахъ. Ярко горѣли рукава его желтой рубахи, и золотомъ отливали павлиньи перья лихо заломленной на бекрень шляпы.

Илья Семеновичъ спускался съ лѣстницы, почтительно поддерживаемый своимъ камердинеромъ, и на каждой ступенькѣ останавливался, продолжая французскій разговоръ съ Колычевымъ.

— Я васъ вполнѣ, мой милый, понимаю и увѣренъ, что управляющій вашъ сумѣетъ наладить дѣло въ Горкахъ. Сознаюсь, при ближайшемъ знакомствѣ онъ мнѣ самому кажется много симпатичнѣе, но... есть въ немъ что-то, чего я и объяснить не смогу, почему я все-таки не давалъ бы ему неограниченныхъ полномочій.

— Не предубѣжденіе ли это, Илья Семеновичъ? Я нахожу, что онъ администраторъ на рѣдкость и человѣкъ,

сразу охватывающій весь предметъ, не упуская мельчайшихъ подробностей. Единственный его недостатокъ это грубость. Къ сожалѣнію, съ ней приходится считаться!

— Не грубость, а польское самомнѣніе и презрѣніе ко всему русскому. Это изъ тѣхъ польскихъ волковъ, которыхъ какъ ни корми, а они отъ русскихъ харчей до своего лясу бѣгутъ... А милой барышнѣ поклонитесь отъ меня еще разъ: талантъ, большой талантъ и преграціозна! настоящая куколка изъ коллекціи Арсенія Михайловича... Ну, будьте здоровы! Значитъ, вы сегодня съ Гришей пріѣдете? Я буду ждать васъ къ ужину!

Какъ ни хотѣлось Ивану Николаевичу остаться дома, но брать слово назадъ онъ считалъ неудобнымъ, а потому и отвѣтилъ утвердительнымъ „непремѣнно!“

— Съ Богомъ! Трогай!

Камердинеръ вскочилъ на козла, и предводитель, мягко укачиваемый рессорами, покатился за ворота.

— Чортъ бы побралъ этого Гришку!—бранилъ про себя Колычевъ молодого Караулова.—Все дѣло мнѣ испортилъ! Очень нужно было ему оставаться до вечера!

Гришенька, узнавъ, что Иванъ Николаевичъ задержится дѣлами и выѣдетъ позже, навязался ему въ компанію. Онъ съ восторгомъ ухватился за возможность провести лишніе полдня въ Колычевѣ и поухаживать за Зосей. Пока „старики“, какъ онъ мысленно называлъ дядю и Ивана Николаевича, сидѣли за кофе и сигарами, онъ, пользуясь деревенской свободой, выкупался въ Оболони и сразу пошелъ съ визитомъ въ старый домъ. Дорогу онъ теперь зналъ и прямо взбѣжалъ на террасу.

Зося пила кофе. Въ своемъ простомъ домашнемъ платьицѣ, съ бархаткой въ распущенныхъ волосахъ, она показалась ему еще милѣе вчерашняго. Она весьма милостиво приняла молодого франта.

— А я только что съ рѣки!—объявилъ Гришенька.

— Значитъ, хотите кушать! Чего налить вамъ?

Молодой человѣкъ оглядѣлъ столъ. Въ корзинкѣ лежали свѣже выпеченные пляцки и крендельки. На пестромъ подносѣ пыхтѣлъ самоваръ, а рядомъ стоялъ блестящій мѣдный кофейникъ и кувшинъ густыхъ сливокъ.

— Ахъ, панна Зося! Какая прелесть! угостите меня сливками. Это напомнитъ мнѣ дѣтство. И отчего это ни у дяди, ни у Колычева не подаютъ такихъ вкусныхъ кренделъковъ?

— Это мама пекла. Она никому своего рецепта не даетъ.

Въ дверяхъ появилась пани Юзыня. Она совсѣмъ сконфузилась, но Зося такъ весело вскочила къ ней навстрѣчу, такъ крѣпко обняла и поцѣловала ее, что мать сама ей улыбнулась и нѣжно спросила:

— Ну, что, цурка, выспалась?

— Отлично! спала, какъ убитая, и видѣла все пана Григорія во снѣ. Садитесь, мама, къ намъ, налейте пану кофе, а я пойду и причешу волосы.

Зося, напѣвая пѣсенку, прошла въ комнаты. Гришенька, конечно, сталъ разсыпаться передъ Юзыней въ похвалахъ ея дочери, говорилъ о ея талантѣ, сравнивалъ ее съ тѣми артистками и виртуозами, которыхъ встрѣчалъ „при дворѣ“, а Зося слушала ихъ разговоръ изъ мезонина, пряча свою косу подъ синюю сѣтку. Ей вовсе не хотѣлось ни шутить, ни смѣяться, но она рѣшила играть роль счастливой и довольной собою и увлечь молодого Караулова, чтобы возбудить ревность Колычева.

Черезъ четверть часа она сошла съ зонтикомъ въ рукѣ.

— Пойдемте гулять, панъ Григорій, я сама покажу вамъ садъ, а то вы непремѣнно заблудитесь. А вы, мама, похлопочите объ обѣдѣ. Панъ Григорій мой гость и обѣдаетъ у насъ.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія! — засуетилась пани Юзыня.

Ея гостепріимная душа расцвѣла при мысли видѣть у себя въ гостяхъ такого знатнаго человѣка и важнаго чиновника, и она отправилась въ кухню стряпать любимые Зосей фарши и пышки, а молодые люди взапуски побѣжали въ ту запущенную часть парка, гдѣ Зося чувствовала себя царицей разрушеннаго міра.

Проводивъ Караулова, Иванъ Николаевичъ прошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за письмо приказчику въ Горки. Сношенія съ Горками поддерживались еженедѣльно, и оттуда довольно аккуратно приходили безграмотныя донесенія о томъ,

что „все милостію Божіей обстоитъ благополучно, а у Матвѣя лѣсника лошадь пала, и я отдалъ ему Пташку, что около Петрова дни захворала, и у насъ въ работу не годится, а ему для объѣзда пригодна...“ Точно на этой хромой клячѣ лѣсникъ могъ бы догнать вороватыхъ крестьянъ, безъ разбора и церемоніи рубившихъ и увозившихъ деревья изъ заповѣдныхъ рощъ. Или же сообщалось, что при томъ же милостью Божіей благополучіи „сѣно на Высокомъ лугу въ стогахъ сгорѣло“, потому что сметали его наскоро до дождя, а потомъ, понадѣявшись на милость Божію, разметать и пересушить полѣнились и только дивились, съ чего бы это? „Не впервой наспѣхъ убирали, и всегда Богъ миловалъ, а теперь поди-ка пудовъ до тысячи сопрѣло. Истинно бѣда!..“

Все это раздражало Ивана Николаевича. Онъ чувствовалъ, что его хозяйскій глазъ необходимъ въ эту горячую пору въ Горкахъ, а между тѣмъ не было силъ разстаться съ Колычевымъ, и онъ ограничивался строгими выговорами и наказами, а самъ съ мѣста не трогался.

— Все равно, за всѣмъ не досмотришь. Переговорю еще разъ съ Романомъ, пошлю его въ Горки, а самъ порѣшу поскорѣе съ Зосей.

У него снова тепло стало на сердцѣ, и волна радости подступила къ самому горлу. Хотѣлось вскочить, бросить дѣло и бѣжать туда, въ старый домъ, чтобы сейчасъ на рукахъ перенести сюда свое счастье и никогда, никогда больше съ нимъ не разставаться. Ни колебаній, ни юношескихъ сомнѣній въ немъ не было. Чувство вспыхнуло разомъ, и опытъ говорилъ ему, что это не мимолетный капризъ... Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, обмакнулъ перо въ бронзовую голову негра на письменномъ столѣ Арсенія Михайловича и четко дописалъ письмо Ерофеичу, строго наказывая не умничать и не разсуждать, а дѣлать и поступать во всемъ согласно его послѣднимъ распоряженіямъ.

„Пріѣду на будущей недѣлѣ самъ, и если найду въ чемъ непорядокъ или упущеніе, взыщу безъ пощады со всѣхъ, а съ тебя перваго“.

Едва успѣлъ онъ докончить послѣдній росчеркъ на своей подписи, какъ въ дверь раздался тихій стукъ.

— Войдите!

Въ кабинетъ вошелъ Евграфъ. Онъ тоже не спалъ всю ночь. Музыка Зоси, долетавшая сверху, окончательно утвердила старика въ намѣреніи взять завѣщанную ему бариномъ вольную.

— Чего тебѣ, старина?—спросилъ его Иванъ Николаевичъ.

Евграфъ потупился, а потомъ бухнулся въ ноги.

— Увольте меня, милость ваша!

— Встань, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, ты вольный давно, съ самой минуты вскрытія завѣщанія.

— Не такъ увольте, а совсѣмъ отпустите, чтобъ, значитъ, уйти мнѣ совсѣмъ.

— Уходи, куда хочешь. Развѣ я держу тебя? Землю отведу тебѣ хоть сейчасъ, и лѣсу на срубъ, и соломы, и тесу, и кирпича, всего тебѣ отпущу,—живи по-своему! Я самъ не предлагалъ уйти тебѣ, потому что думалъ, тебѣ будетъ тяжело разстаться съ этимъ домомъ, который ты вдвоемъ съ бариномъ устраивалъ и оберегалъ.

— Нѣтъ, мнѣ легче будетъ, потому я такъ больше не могу.

— Не можешь чего?

— Жить, значитъ, такъ по новому, какъ нынче!

— Понимаю тебя и не думай, старикъ, что обиду нахожу въ такихъ словахъ... Но жизнь дѣйствительно тутъ другая пойдетъ, и кто знаетъ...

Иванъ Николаевичъ не докончилъ. Онъ подошелъ къ бюро и, доставъ изъ портфеля пятисотенный билетъ, подалъ его Евграфу.

— А это тебѣ отъ меня лично на новоселье, да изъ завѣщанныхъ дядею денегъ не меньше достанется.

Евграфъ, огорошенный щедростью барина, снова повалился ему въ ноги и разрыдался.

— Полно, полно, старикъ! успокойся... Будемъ съ тобою сосѣдями. Я ужъ давно порѣшилъ, что отведу тебѣ землю у самаго сада, чтобы близко тебѣ было къ бариновой могилѣ ходить. Стройся и заживи своимъ домомъ. Только кто же у тебя хозяйничать будетъ? Вѣдь ты, почитай, совершенный бобыль.

— Сестрину внучку вдовую съ сынишкой беру къ себѣ, она работящая, да и мальчонка крестникъ мой.

— Ну, вотъ и отлично! А пока я живъ—не оставлю тебя. Помни, за всякой нуждой ко мнѣ обращайся. Всегда помогу.

Утирая кончикомъ платка свои выцвѣтшіе добрые глаза, прошелъ Евграфъ въ каморку и заперъ деньги въ когда-то купленную еще за границею „щикатулку съ двойнымъ аглицкимъ секретомъ".

— Вольный! вольный!—твердилъ онъ, но не радостью отзывалась воля въ его сердцѣ. Дорогою цѣной, смертью любимаго барина оплачена она.

— Батюшка! дорогой мой баринъ-батюшка! — шепталъ старикъ и пошелъ на могилу, захвативъ метлу и лейку.

Силантій, кучеръ изъ Горокъ, получилъ порученіе доставить письмо Ерофеичу, къ великому удовольствію Михея Осторожнаго, которому такимъ образомъ предстояло везти барина въ Карауловку, славившуюся своимъ гостепріимствомъ не только по отношенію къ господамъ, но и слугамъ, ихъ сопровождавшимъ. На старомъ дворѣ смазывали коляску Ивана Николаевича, и Михей поругивалъ Силантія за усмотрѣнные его критическимъ окомъ непорядки.

— Тоже кучеръ!—презрительно фыркалъ онъ, подвинчивая гайки.—Ишь хлябаетъ!—рукъ нѣтъ... Долго ли развинтиться и колесо потерять. А потомъ что? На палочкѣ ступай?..

Иванъ Николаевичъ, сбывъ дѣло, направился въ старый домъ. Ему не терпѣлось повидать Зосю. Онъ рисовалъ себѣ ея улыбку, ея фигуру и походку, и волна той же радости подкатывала къ сердцу и заливала солнцемъ и свѣтомъ длинную, казавшуюся безконечной аллею.

— Сейчасъ увижу ее, услышу ея голосъ!—и молодой бойкой походкой онъ взбѣжалъ на хмелевую террасу и прошелъ въ гостиную.

На шумъ его шаговъ вышла пани Юзыня, вся красная и разгоряченная, оторвавшаяся отъ плиты.

— А Зося гулять ушла, пану Григорію садъ показываетъ. Вотъ жду ихъ обоихъ къ обѣду.

Догадаться пригласить и Ивана Николаевича къ своей трапезѣ старая полька не посмѣла.

— Жаль! я хотѣлъ выразить паннѣ Зосѣ мою искреннюю благодарность за ея музыку и передать ей ключъ отъ рояля. Можетъ быть, въ мое отсутствіе ей захочется поиграть. Зала да и весь домъ къ ея услугамъ.

И онъ протянулъ пани Юзынѣ рѣзной ключъ, пожалъ ей руку и удалился.

День точно померкъ. Неужели придется уѣхать, не повидавшись съ Зосей, не коснувшись ея нѣжной ручки, не заглянувъ въ ея васильковые глаза? Онъ обѣщалъ Караулову не только погостить у него, но объѣхать съ нимъ и коекого изъ сосѣдей. Отъ послѣдняго онъ откажется, сошлется на горячее рабочее время и уѣдетъ при первой возможности. Не отказаться ли вовсе отъ поѣздки, сказавшись больнымъ? Нѣтъ, выходило бы слишкомъ по-мальчишески, да и неловко было передъ старикомъ, со смерти дяди успѣвшимъ уже три раза побывать въ Колычевѣ.

— Пойти пройтись... можетъ быть, и встрѣчусь съ ними?..

Но мысль видѣть ее въ присутствіи этого петербургскаго франта, слушать его плоскія шутки и замѣчанія претила ему, и онъ пошелъ къ старому вязу, сбивая по дорогѣ палкой головки краснаго клевера, расцвѣтшаго вновь на зеленой отавѣ луга. Ему хотѣлось воскресить въ памяти ихъ знаменательную встрѣчу у дядиной могилы, нарисовать себѣ скорбное выраженіе ея милаго лица и испуганный довѣрчивый взглядъ, которымъ она посмотрѣла на него, когда онъ выразилъ готовность извиниться передъ ея отцомъ... Зосинъ вѣнокъ на могилѣ давно завялъ, но онъ не позволилъ Евграфу убирать его, а повѣсилъ на крестъ. И теперь онъ висѣлъ, сухой и поблекшій, словно его мечты видѣть ее немедленно.

Черезъ прудъ къ нему донеслись веселые голоса и звонкій смѣхъ. Зося шла подъ руку съ молодымъ Карауловымъ. Онъ что-то разсказывалъ ей, жестикулируя лѣвой рукой, а она громко смѣялась. Вдругъ она остановилась и направилась къ берегу.

— Давайте искать счастье! — долетѣло до Колычева. — Здѣсь въ клеверѣ попадаются, хоть и рѣдко, четыре листочка...

Кончикомъ зонтика она шевелила траву, а Гришенька ползалъ на колѣняхъ.

— Вотъ нашелъ, ей-ей!

— Неправда! неправда! всего три, а не четыре!

Зозя своими зоркими глазами отлично видѣла Ивана Николаевича на дерновомъ диванѣ у вяза, но дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его.

— А что мнѣ будетъ, панна Зося, если я найду четыре листочка?

— Сбудется ваше самое завѣтное желаніе!

— И скоро?

— Сейчасъ!

Гришенька вскочилъ.

— Нашелъ! ей Богу: считайте!

Зося протянула руку за клеверомъ, а онъ поймалъ и поцѣловалъ эту руку.

— Панъ Григорій!

Колычевъ даже привскочилъ на своей скамьѣ.

Зося спрятала руку за спину и отступила.

— Языкомъ болтай, рукамъ воли не давай—отчетливо донеслось до Ивана Николаевича.

Онъ сжалъ кулаки.

— Наглецъ!—пробормоталъ онъ.

— Ей-Богу, я не виноватъ... Вы сами сказали, что сбудется мое лучшее желаніе... Панна Зося! не сердитесь, ей-ей, не сердитесь... Я самъ не знаю, какъ это вышло.

Какъ ни желала молодая дѣвушка возбудить ревность Ивана Николаевича, однако этотъ поцѣлуй руки показался ей сверхъ программы; но черезъ минуту она уже подумала: „Тѣмъ лучше, если видѣлъ! А съ этимъ франтомъ-гиглеромъ надо держать ухо востро...“—и вслухъ прибавила:

— А вотъ и я счастье нашла, и мое желаніе сбудется.

— Какое? полюбопытствовалъ Гришенька.

— Чтобы когда-нибудь кто-нибудь васъ хорошенько за вашу дерзость проучилъ. Пойдемте! Хоть и не стоите вы, но насъ ждутъ къ обѣду,—и пара стала удаляться.

Обрывки разговора долетали все короче и тише и наконецъ смолкли въ глубинѣ аллеи.

Иванъ Николаевичъ не тронулся съ мѣста. Ревность его мучила. Что-жъ это такое? Каждый хлыщъ, каждый пустой мальчишка считаетъ себя въ правѣ касаться ея и цѣловать ей руки?..

Вчера у него мелькнула мысль о возможности Зоси увлечься этимъ блестящимъ камеръ-юнкеромъ. Онъ, видимо, влюбился въ нее, но его ухаживанья такъ пошлы, что дѣвушка, подобная Зосѣ, не можетъ смотрѣть на него серьезно. Она просто кокетничала съ нимъ... вѣдь она такъ еще молода... Тѣмъ болѣе надо поскорѣе положить этому конецъ и добиться отвѣта. Серьезныхъ намѣреній у Гришеньки быть не могло, но было мучительно досадно, что изъ-за навязчивости этого ферта придется отложить по крайней мѣрѣ на цѣлые два дня объясненіе съ Зосей.

Когда вслѣдъ за Василіемъ, посланнымъ предупредить Гришеньку, что пора ѣхать, явился онъ самъ, насвистывая какую-то арію, Ивану Николаевичу стоило большихъ усилій не отщелкать его хорошенько по-гусарски, но онъ пересилилъ свое раздраженіе и только процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну что, наухаживались?.. Я васъ видѣлъ издали у пруда, но не хотѣлъ мѣшать.

И когда Гришенька готовъ былъ пуститься въ объясненія и началъ съ панегирика Зосѣ, онъ прервалъ разговоръ и просилъ его поторопиться, чтобы не опоздать къ ужину.

XV.

Полдень іюльскій — липа цвѣтетъ.
Пчелы сбираютъ липовый медъ.
Липа цвѣтетъ все пышнѣй,—веселѣе
Стонъ отъ гудѣнья въ аллеѣ.
Вечеръ іюльскій — липа цвѣтетъ.
Пчелы замолкли... Кто-то идетъ...
Свѣтлое платье мелькнуло въ аллеѣ.
Сердце, стучи веселѣе!..

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Коляска съ Михеемъ и Василіемъ на козлахъ катилась по зеленой просѣкѣ къ столбовой дорогѣ, а Зося изъ мезонина смотрѣла ей вслѣдъ. Переданный ей матерью ключъ отъ рояля лежалъ у нея въ карманѣ, и дѣвушка шептала:

— Побѣда! побѣда!

Скоро, очень скоро она будетъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ этой же коляскѣ... Нѣтъ, надо купить другую, болѣе модную. О, она все заведетъ на еще болѣе барскую ногу. А какъ хороша вилла! даже гораздо лучше, чѣмъ она полагала... Какіе чудные балы можно задавать въ бѣлой залѣ!..

Мечты о его ласкахъ отошли за ночь на второй планъ. Только роскошь и внѣшній блескъ значили для нея теперь снова, и отъ размягченности въ душѣ не осталось слѣда. Это была прежняя Зося, умѣвшая жалить по осиному и легкомысленно увлекавшая въ свои сѣти и старика и юношу, лишь бы это было весело и выгодно.

Отъ зоркихъ глазъ пана Романа не ускользнуло впечатлѣніе, произведенное его дочкой на Колычева.

— Попался москаль... Ну, и попляшешь!—твердилъ онъ свою излюбленную за послѣднее время поговорку. Но ему хотѣлось позондировать и Зосю. За ужиномъ онъ коварно спросилъ ее:

— Что жъ ты на свадьбу къ Олесѣ не просишься? Если тебѣ наряды нужны, я при деньгахъ и могу тебя какъ куколку разубрать!

— Спасибо! — отвѣчала Зося: — но я въ Заполье не собираюсь.

— Въ первый разъ слышу! Я и твоему пану Яну сказалъ, что ты ѣдешь туда гостить на всю зиму.

— Напрасно, отецъ, я не поѣду.

Панъ Романъ вспыхнулъ.

— Ну, это мы увидимъ. Я тебя все равно въ Колычевѣ не оставлю.

— Почему?

— А потому, что не на забаву москаля я за тебя чуть не по тысячѣ злотыхъ въ мѣсяцъ платилъ... Не хочешь ѣхать въ Заполье, поѣзжай въ Варшаву, въ пансіонъ,—тебѣ найдется дѣло!

Зося похолодѣла. Отецъ недаромъ затѣялъ это. Онъ подмѣтилъ ея вчерашнюю несдержанность, надо быть настороже. И, взявъ себя въ руки, она отвѣтила совершенно спокойно:

— О! вотъ на это я совсѣмъ согласна... Я ужасно рада буду вернуться туда. Мнѣ сразу дадутъ уроки у маленькихъ, и я буду имѣть приличный заработокъ. Ты вполнѣ правъ, отецъ. Я довольно сидѣла у тебя на шеѣ, пора дать тебѣ отдохнуть!

И, чмокнувъ старика въ руку, она мѣрнымъ шагомъ вышла изъ столовой.

Панъ Романъ растерялся. Онъ никакъ не ожидалъ такого оборота разговора. Посылать дочь на заработокъ? Да это ему и во снѣ не снилось! Вотъ уже который разъ они не понимаютъ другъ друга. Прежняя гармонія нарушена и нѣтъ возможности возстановить былыхъ задушевныхъ отношеній.

Онъ всталъ и пошелъ въ мезонинъ, чтобы разъяснить дѣло, но Зоси тамъ не было. Едва переводя духъ, она спѣшила въ свой уголокъ, ей хотѣлось быть одной... все обдумать... все взвѣсить.

И долго, до глубокаго вечера сидѣла молодая дѣвушка на своей самодѣльной скамьѣ, прислушиваясь къ вечерней тишинѣ и созидая новый планъ, который перевернетъ всѣ намѣренія и расчеты пана Романа...

Какъ ни старался Юшкевичъ на другой день завязать разговоръ съ Зосей, она уклонялась и переводила его на другое. Пытаясь навести ее на вчерашнее объясненіе, онъ спросилъ:

— Что жъ это Валека давно не видно? Совсѣмъ нынче ѣздить пересталъ! Ужъ цѣлую недѣлю его не было.

— Говорятъ, онъ былъ во вторникъ,—отвѣтила Юзыня:— мнѣ на скотномъ сказали, что онъ пріѣхалъ, а я не успѣла съ Фросей покончить, выхожу, онъ ужъ обратно скачетъ по дорогѣ. Я вслѣдъ ему крикнула: Валекъ! а онъ лишь хлещетъ своего Зефира. Я думала, ты съ нимъ опять поспорилъ изъ-за цѣнъ.

— Я въ глаза его не видѣлъ. А у меня до него дѣло есть. Ты, Зося, его не видѣла?

— Видѣла, но сказала ему, что больше видѣть не желаю и чтобъ онъ искалъ себѣ кого-нибудь другого для своихъ краденыхъ у хозяина букетовъ и сухихъ конфетъ,— и она вышла изъ комнаты.

Пани Юзыня даже ротъ раскрыла.

— Да, да! — сказалъ ей Романъ. — Смотри хорошенько за нею... Выросла и научилась и тебя, и меня въ грошъ не цѣнить...

Вечеромъ онъ наконецъ не выдержалъ. Этотъ тонъ столь нѣжно любимой дочери слишкомъ глубоко задѣвалъ его. Послѣ ужина онъ сѣлъ съ трубкой въ свое любимое кресло у окна и притянулъ къ себѣ Зосю.

— Слушай, дѣвочка! ты на меня сердишься?

— Нѣтъ, отецъ! Я вовсе не такъ глупа. Напротивъ, я очень благодарна тебѣ. Мнѣ самой бы должно прійти гораздо раньше въ голову, что наступилъ и мой чередъ потрудиться, а не заставлять тебя самого говорить это.

— Тьфу ты! Цо-то... Да что мы съ тобой или не на одномъ языкѣ говоримъ, что ли?.. Пойми, я тебя въ пансіонъ не для заработка послать хочу. Я просто хочу спасти тебя отъ покушеній москаля. Слишкомъ у него глаза на панну Юшкевичъ разгорѣлись. А я не для его добродія дитя свое растилъ!

— Ты фантазируешь, отецъ! ни у кого на меня глаза не разгорались. Если ты разумѣешь этого гиглера пана Григорія, то у него голова однѣми графинями да баронессами набита. Онъ мнѣ вчера всѣ уши прожужжалъ о балахъ и выходахъ при царскомъ дворѣ. А относительно пана Яна — я давно поняла, что была глупа и вообразила себѣ Богъ вѣсть что... Вѣрно, я ужъ тогда больна была и все это было отъ болѣзни и бреда... Теперь это все давно прошло...

Панъ Романъ пытливо посмотрѣлъ на дочку и ужъ готовъ былъ повѣрить ея благоразумію, какъ вдругъ послѣ короткой паузы Зося прибавила, опустивъ глаза:

— А что касается нашего вчерашняго разговора, я хочу сказать тебѣ: если ты не собирался попрекнуть меня — все равно, отъ своей мысли зарабатывать самой себѣ хлѣбъ я не откажусь. Я уже написала пани Пенской, чтобы она имѣла меня въ виду на эту зиму для младшихъ, и просила дать мнѣ отвѣтъ. Степанъ утромъ отвезъ мое письмо на почту.

У пана Романа кровь ударила въ голову.

— Такъ ты безъ моего вѣдома и согласія письма отправляешь?.. Морду набью этому хлопу, что онъ смѣлъ безъ моего разрѣшенія письма отъ тебя брать!

— Напрасно ты будешь драться, отецъ! Ты только унизишь себя, а дѣла не поправишь, — съ почты писемъ не возвращаютъ. Я и Олесю уже поздравила впередъ и написала, чтобы меня въ Запольѣ не ждали, что я пріѣхать не могу, такъ какъ поступаю учительницей въ нашъ пансіонъ...

Панъ Романъ задыхался... Это было слишкомъ! Чѣмъ спокойнѣе говорили съ нимъ въ минуты гнѣва, чѣмъ тише,— тѣмъ хуже поднималось его раздраженіе. Въ равнодушномъ тонѣ Зоси онъ угадывалъ дѣланность, чтобы еще больнѣе задѣть и уколоть его. Она помнила его безобразную вспышку и не простила его...

Какъ ни чесались его скорыя на расправу руки, какъ ни готовъ онъ былъ, снова больно сжавъ ей плечи, вытолкать ее за дверь, но онъ впился въ ручки кресла посинѣвшими отъ напряженія пальцами и, весь багровый, просипѣлъ, задыхаясь:

— Дѣлай, что хочешь! уѣзжай къ самому дьяволу... Помни одно, то, что я тогда говорилъ тебѣ и повторяю опять: я лучше убью тебя и себя, чѣмъ дамъ тебѣ согласіе на бракъ съ москалемъ... И какъ ты ни хитри и ни прикидывайся,—я всю тебя насквозь вижу. Ты хитра и умна, но я еще тебя хитрѣе... Уходи!..

Какъ ни была тяжела эта сцена, Зося ликовала. Она останется еще пока въ Колычевѣ и доведетъ дѣло до конца...

И снова она направилась по темной вѣковой аллеѣ въ свой завѣтный пріютъ, тихонько улыбаясь грядущему счастью, которое она отвоюетъ у отца и у судьбы, несмотря на всѣ угрозы, на всѣ препоны.

— Надо вѣрить,—и все сбудется! Надо умѣть желать,— и желанія осуществятся... Жизнь даетъ человѣку то, что онъ требуетъ отъ нея...

Это были ея принципы, внушенные ей духовникомъ-іезуитомъ, и она вѣрила въ нихъ...

. . . .

А Иванъ Николаевичъ уже возвращался домой. Онъ

едва могъ выдержать день въ Карауловкѣ. Огромный домъ съ колоннами и полукруглымъ балкономъ, анфилада парадныхъ комнатъ съ неизбѣжной портретной, диванной и узкой залой, люстры въ чехлахъ и завѣшанныя картины и зеркала навѣвали тоску. Семья предводителя проводила лѣто за границей, и въ ея отсутствіе все прятали и завѣшивали отъ мухъ и пыли, и комнаты становились нежилыми и неуютными.

Самъ Илья Семеновичъ былъ настоящимъ русскимъ хлѣбосоломъ-хозяиномъ, но у него былъ единственный въ губерніи конскій заводъ, и онъ такъ увлекался имъ, что замучивалъ гостей, водя ихъ по варкамъ и конюшнямъ и посвящая во всѣ тонкости лошадиныхъ статей и родословныхъ. Гришенька дома былъ прямо несносенъ. Онъ разыгрывалъ изъ себя балованнаго, капризнаго ребенка, трунилъ надъ дядюшкой и приставалъ къ нему съ довольно нескромными намеками на пухлую, помѣщавшуюся въ отдѣльномъ флигелѣ главную экономку Мавру Кузьминичну, безъ разрѣшенія которой не ставилось лишней бутылки вина на столъ. Садъ послѣ Колычевскаго парка казался маленькимъ, шаблоннымъ и плохо поддерживался. Цвѣтникъ былъ запущенъ. Вездѣ не хватало зоркаго глаза хозяйки.

Конечно, въ другомъ настроеніи Иванъ Николаевичъ не обратилъ бы на все это вниманія, вообще придавая мало значенія мелочамъ, но онъ прямо не находилъ себѣ мѣста и долженъ былъ дѣлать надъ собою усиліе, чтобы отвѣчать на вопросы и не терять нити бесѣды. Образъ Зоси манилъ его домой. „Счастья было такъ близко, такъ возможно...“ И, вопреки всѣмъ упрашиваньямъ и уговорамъ старика предводителя объѣхать съ нимъ ближайшихъ сосѣдей, „все очень милыхъ людей, которые могутъ пригодиться“, онъ сослался на спѣшку рабочей поры и отказался переночевать еще разъ въ Карауловкѣ.

Отданъ былъ приказъ сразу послѣ обѣда подать экипажъ. Ни Михей, ни Василій не были восхищены этимъ распоряженіемъ.

Михей былъ даже нѣсколько подъ хмелькомъ, и только долголѣтняя привычка удерживала вожжи въ его красныхъ

дланяхъ. Хмурясь подкатилъ онъ къ крыльцу и чуть не задѣлъ за ворота, съѣзжая съ широкаго двора.

— Эй ты, господинъ Осторожный! поосторожнѣй!—крикнулъ ему Гришенька и, приложивъ рупоромъ ладони къ губамъ, прибавилъ: — нижайшій поклонъ прекрасной паненкѣ!

— Шутъ гороховый! — пробормоталъ Колычевъ.

Василій обернулся на козлахъ:

— Чего прикажете?

— Ничего! не съ тобой говорятъ!

Застоявшіеся кони бойко бѣжали по мягкой проселочной дорогѣ. До Колычева было всего двадцать шесть верстъ, и обыкновенно это разстояніе брало не болѣе двухъ съ половиной часовъ. Но сегодня Михей былъ особенно въ ударѣ, и коляска неслась еще быстрѣе.

— Эй ты! въ самомъ дѣлѣ осторожнѣй! Вѣдь вывалишь!

— Не извольте безпокоиться, преблагополучно доставлю:— отвѣчалъ кучеръ.

Дѣло шло дѣйствительно благополучно. Оставалось версты двѣ до дома, какъ вдругъ лѣвая пристяжная захлестнула ногу за постромку, и все спуталось. Лошади бились и неистово ржали. Коляска лежала на боку, и одно колесо усиленно продолжало вертѣться въ воздухѣ. Изъ канавы слышались не то стоны, не то мычанье, и по пыльной дорогѣ катился гонимый вѣтромъ картузъ Василія.

Иванъ Николаевичъ отдѣлался сравнительно очень легко: ему нѣсколько придавило руку и пальто разорвалось о кузовъ. Но Василій не могъ подняться,—онъ сильно расшибся. Михей, весь мокрый, суетился около лошадей. Колычевъ, стиснувъ зубы, помогъ высвободить бившуюся въ постромкахъ „Чайку“ и поднять экипажъ.

— Садись!—сказалъ онъ Василію, указывая на свое мѣсто въ коляснѣ:—а я дойду пѣшкомъ. Слушай ты, шагомъ поѣзжай, а дома я поговорю съ тобой.

Василія усадили; Михей взгромоздился на козлы. Хмель съ него рукою сняло, и онъ не смѣлъ взглянуть на барина. Коляска поѣхала шагомъ, а Иванъ Николаевичъ взялъ наискосокъ черезъ поля.

Солнце уже сѣло, за лѣсомъ разгоралась румяная полоса зари. Съ ближайшихъ межей, между щетками торчавшихъ сжатыхъ полосъ неслось дружное стрекотаніе кузнечиковъ, которые смолкали почти у самыхъ ногъ. Какая-то запоздалая лѣсная птица, тяжело взмахивая темными крыльями, наткнулась на Колычева и шарахнулась въ сторону съ рѣзкимъ, испуганнымъ крикомъ. Прохладный вѣтеръ несъ съ мокраго луга миндальный запахъ медуницы. Иванъ Николаевичъ снялъ шляпу и подставилъ разгоряченный лобъ его освѣжающей струѣ, съ наслажденіемъ вдыхая знакомыйароматъ. Сердце его усиленно стучало. Незамѣтно для себя онъ все прибавлялъ шагу. Та же горячая волна охватывала его существо. Хотѣлось чему-то радоваться. Онъ чувствовалъ, что еще нѣсколько минутъ, десятковъ шаговъ и онъ достигнетъ своего счастья, что съ каждымъ мигомъ, съ каждымъ біеніемъ пульса онъ все ближе и ближе, точно само идетъ ему навстрѣчу.

Изъ-за пригорка показалась темная масса Колычевскаго сада, озаренная послѣднимъ отблескомъ догорающаго вечера. Онъ перескочилъ черезъ ровъ и привычнымъ теперь, бодрымъ шагомъ взбѣжалъ на высокій валъ. Среди кустовъ боярышника была лазейка, памятная ему еще съ дѣтства. Онъ разыскалъ ее и, минуя виллу, очутился во французскомъ саду. Кругомъ было тихо... Его не ждали...

Тѣмъ лучше! Онъ пройдетъ прямо въ старый домъ и, если тамъ сидятъ за ужиномъ, безъ церемоніи спроситъ себѣ у пани Юзыни стаканъ чая.

Но едва свернулъ онъ въ липовую аллею, какъ въ чащѣ мелькнуло свѣтлое платье.

Зося быстро шла къ нему навстрѣчу, направляясь въ свой пріютъ мечтаній. Вдругъ, замѣтивъ Колычева, она вскрикнула и закрыла лицо руками. Ей показалось, что это галюцинація, настолько его нежданное появленіе совпадало съ ея мыслями.

Иванъ Николаевичъ подбѣжалъ къ ней.

— Я испугалъ васъ? Простите меня!

Она протянула ему обѣ руки.

— Нѣтъ, ничего! Я не думала встрѣтить васъ... это отъ неожиданности.

Почти не отдавая себѣ отчета, онъ притянулъ эти руки, положилъ ихъ къ себѣ на грудь и глубоко заглянулъ ей въ глаза.

— Вы меня не думали встрѣтить... куда же вы шли?..

— Не знаю... меня просто потянуло сюда...

— Зося! — тихо проговорилъ онъ, всматриваясь въ это милое фарфоровое личико: — а я зналъ, куда шелъ... я не могъ дольше оставаться у Караулова... меня неудержимо тянуло въ Колычево, чтобы спросить у васъ одну вещь.

Зося замерла... Неужели сбывается?

— Зося я давно чувствую, что, куда бы я ни уѣхалъ теперь, мнѣ нѣтъ другого мѣста, какъ здѣсь подлѣ васъ. Зося... дайте же мнѣ право никуда не уходить отъ васъ!.. Обѣщайте и вы, что не уйдете отъ меня, не откажете мнѣ въ счастьѣ носить мое имя...

Роковое слово было произнесено. Сердце и голубыя жилки въ вискахъ стучали до боли. Она была близка къ обмороку и, вся похолодѣвъ, прижалась къ нему, какъ тогда въ мечтахъ во время своего выздоровленія. Мечты стали дѣйствительностью... сонъ сталъ явью...

Все совершилось головокружительно быстро, словно по щучью велѣнью, точно она и вправду осилила судьбу напряженностью воли, сосредоточенной на единомъ желаніи... Она призвала счастье крикомъ всего существа, всей энергіей молодой, еще нерастраченной души, и оно поддалось ей и покорно пришло на ея властный призывъ...

— Пойдемте къ вашимъ!—сказалъ Колычевъ, осыпая поцѣлуями ея глаза и волосы.—Я не хочу ни минуты злоупотреблять ихъ довѣріемъ!

Зося выпрямилась.

— Нѣтъ, мы не пойдемъ къ нимъ!.. Отецъ проникъ въ мою душу,—онъ догадался, что я люблю васъ, онъ понялъ это съ перваго же раза,—она опустила глаза,—и онъ поклялся, что лучше убьетъ меня и себя, чѣмъ дастъ согласіе на нашу свадьбу.

— Но почему же? почему?.. неужели онъ до сихъ поръ не простилъ мнѣ своей обиды?

— Не только потому... Но онъ полякъ, и мой бракъ съ иновѣрцемъ, по его мнѣнію, измѣна родинѣ и вѣрѣ.

Иванъ Николаевичъ нахмурилъ брови.

— Это одни слова. Онъ не можетъ противиться. Неужели въ наше время допустимъ подобный фанатизмъ?

Зося кивнула головкой.

— Да!.. вы не знаете поляковъ, вы не знаете, какъ мы умѣемъ ненавидѣть русскихъ... и любить ихъ,—тихо прибавила она, снова прижимаясь къ нему.

— Что же дѣлать?

— Подумайте сами, но что бы вы не рѣшили,—я не беру слова назадъ... я люблю васъ...

И она обвилась ручками вокругъ его шеи.

Вся кровь ударила ему въ голову. Онъ поднялъ дѣвушку, какъ ребенка, и жадно прильнулъ къ ея полуоткрытымъ губкамъ.

— Зося! ты съ ума сводишь меня... Я голову потеряю... А мнѣ надо рѣшить, что дѣлать!

— Я знаю—что...—тихо промолвила дѣвушка, пряча на его плечѣ свое заалѣвшее лицо.—Мы должны обвѣнчаться тайно, и чѣмъ скорѣе,—тѣмъ лучше. Вамъ стоитъ слово сказать здѣшнему священнику, онъ не посмѣетъ противорѣчить... Когда все будетъ кончено,—отецъ мой смирится.

Иванъ Николаевичъ опустилъ ее на ближнюю скамью.

— Да, это исходъ. Я завтра же переговорю съ отцомъ Никитою.

Зося замерла. Сердце снова стучало у самаго горла, но она справилась съ собою и робко отвѣтила:

— Послѣвавтра канунъ поста, а завтра вѣнчаться у православныхъ, кажется, нельзя—суббота. Придется отложить нашу свадьбу на двѣ недѣли.

Иванъ Николаевичъ такъ и затрепеталъ.

— Зося... а если мы пойдемъ къ отцу Никитѣ сегодня... сейчасъ... сію секунду, не теряя времени! Не все ли равно? Чего же ждать намъ?

Зося колебалась минуту.

— Пойдемте! я—ваша!..

Отецъ Никита былъ крайне озадаченъ, когда къ нему

вошелъ самъ колычевскій баринъ. Зося осталась на крылечкѣ. Иванъ Николаевичъ попросилъ священника выйти съ нимъ въ кабинетъ и, торопясь и конфузясь, началъ излагать ему дѣло.

Священникъ былъ пораженъ.

— Какъ? отъ такой чести отказывается, такого зятя имѣть? Да онъ съ гонору, вѣрно съ ума спятилъ. Это его покойникъ избаловалъ.

— Съ гонору ли, съ фанатизма ли,—не въ томъ дѣло. Я васъ прошу, батюшка, обвѣнчайте меня безъ его согласія съ панной Зосей!

— Отлично! когда прикажете? Въ понедѣльникъ начинается Успенскій постъ. Обвѣнчать васъ 16-го нельзя—вторникъ. Назначимъ 17-е?... Можетъ быть, и панъ одумается.

— Я не хочу ждать такъ долго! Обвѣнчайте насъ сейчасъ же...

— Какъ сейчасъ? А свидѣтели? а документы? а оглашеніе?

— Возьмите въ свидѣтели, кого хотите; документъ мой со мной, невѣсту вы лично знаете, а безъ оглашенія въ крайности можно и обойтись!

— А знаете ли вы, милостивый государь мой Иванъ Николаевичъ, что для меня это ссылкой въ монастырь пахнетъ? Если дѣло откроется, я сана лишиться могу!

— Полноте, батюшка! Не бойтесь. Я васъ не подведу, а въ случаѣ чего я съ Петромъ Александровичемъ Валуевымъ на ты, да въ синодѣ рука найдется. Отстоимъ васъ!

— Простите, а я все-таки на совѣтъ свою попадью призову. Потому попаду впросакъ—и ей вмѣстѣ страдать придется.

— Пожалуйста! Зося тутъ... Я даже радъ буду, если матушка въ церкви будетъ. Все-таки, можетъ быть, и женская помощь окажется не лишней.

Призванная на совѣтъ попадья такъ и присѣла.

— Батюшки, да какъ же такъ? Такая свадьба и безо всякаго торжества, безъ пышности? Да полякъ насъ живьемъ съѣстъ.

— Пускай себѣ! Это онъ съ гонору куражится, а какъ

дѣло будетъ кончено, небойсь, самъ обрадуется... Значитъ, за насъ обоихъ ты не боишься передъ благочиннымъ или консисторіей?

— Чего бояться!.. Я вонъ пойду лучше, барышню приголублю. Измучилась, чай, за дверью дожидаючись.

И она привела Зосю.

Зося вошла блѣдная, но улыбающаяся. Иванъ Николаевичъ взялъ ее за руку и подвелъ подъ благословеніе отца Никиты. Дѣвушка низко склонила голову.

— Матка Бозка! добрый Іисусъ! простите меня!—мысленно замаливала она благословенія, принимаемыя отъ еретика.

Священникъ осѣнилъ ее дрожащей рукою и спросилъ:

— Готовы ли вы и добровольно ли вступаете въ этотъ столь быстрый и неожиданный бракъ?

— Да, готова и вступаю добровольно!

— Кликни-ка сыновей и пошли за дьякономъ!—распорядился Никита.

Попадья позвала сыновей, а сама увела Зосю въ спальню, на половину загороженную огромной кроватью съ двумя горками подушекъ въ расшитыхъ наволокахъ. Съ трудомъ выдвинувъ тяжелый ящикъ стариннаго комода, она достала бережно уложенную тюлевую фату и померанцевый вѣнокъ изъ лайковыхъ цвѣтовъ.

— Вотъ надѣньте ихъ, барышня. Это мои. Я для дочери берегла ихъ, да не далъ намъ таковой Господь. А вамъ это счастье принесетъ: вѣдь мы тридцать слишкомъ лѣтъ счастливо съ отцомъ Никитой прожили.

На томъ мѣстѣ, гдѣ мѣсяцъ назадъ стоялъ катафалкъ съ гробомъ Арсенія Михайловича, теперь высился аналой. Люди, впервые встрѣтившіеся тамъ взглядами, соединялись неразрывно. Кольца—старыя обручальныя кольца Ивана Николаевича и его первой жены, которыхъ онъ никогда не снималъ,—были обмѣнены. Вѣнцы надъ брачущимися держали сыновья отца Никиты, а матушка заливалась слезами, слушая, какъ дьячокъ и высокій семинаристъ выводили на клиросѣ: „Исаія ликуй“.

Бракъ былъ совершенъ, записанъ въ книгу, и отецъ Никита поздравилъ молодыхъ.

Зося была какъ во снѣ во время вѣнчанія, но теперь ей вдругъ сдѣлалось страшно: ужъ слишкомъ быстро осуществился задуманный ею планъ и жутко становилось думать объ отцѣ... Но Иванъ Николаевичъ прижалъ крѣпко ея руку къ себѣ, и въ сопровожденіи всей семьи священника они прошли кратчайшей дорогой въ усадьбу, той самой дорогой, по которой такъ еще недавно спѣшили Зося съ пани Юзыней на отпѣваніе Арсенія Михайловича. У калитки въ боковую аллею они распростились со своими спутниками и направились къ старому дому, глядѣвшему въ темноту іюльской ночи, словно старческими глазами, своими слабо освѣщенными окнами.

Пани Юзыня сидѣла въ гостиной за чинкой бѣлья у одиноко горѣвшей свѣчки. Панъ Романъ курилъ въ сосѣдней столовой. Онъ выходился и поджидалъ дочь, чтобы проститься съ нею. Былъ уже одиннадцатый часъ.

— Гдѣ она гуляетъ до сей поры?

— Не знаю!—отвѣчала Юзыня.—Я не смѣю ее спрашивать, она сейчасъ разсердится, скажетъ, что я шпіоню.

— Распустили, распустили дѣвчонку! Ну, и подтяну же я ее!

Открывшаяся со скрипомъ балконная дверь заставила его повернуть голову.

Въ черномъ прорѣзѣ стояла Зося рядомъ съ Колычевымъ, вся прижимаясь къ нему, и Иванъ Николаевичъ обнималъ ее за талію.

— Цо-то!—цокнулъ полякъ, но Иванъ Николаевичъ подвелъ жену къ матери:

— Простите насъ, матушка, что мы обвѣнчались безъ вашего согласія.

У пани Юзыни подкосились ноги, и она упала на стулъ. Трубка пана Романа разбилась на тысячу кусковъ. Онъ только что сейчасъ замѣтилъ на дочери фату и свадебный вѣнокъ.

— Обвѣнчаны! когда? кѣмъ?—прохрипѣлъ онъ.

— Мы только что обвѣнчались въ колычевской церкви. Зося мнѣ сказала, что вы не дадите согласія,—мы должны были обвѣнчаться тайно, и теперь исправить дѣло нельзя. Простите и благословите насъ!

Колычевъ былъ взволнованъ. Зося рыдала, спрятавъ лицо въ колѣняхъ матери. Панъ Романъ стоялъ остолбенѣлый.

— Пе-ре-хит-ри-ла...—прошепталъ онъ и, припавъ къ косяку двери, тоже зарыдалъ... Потомъ вдругъ смахнулъ слезы, топнулъ ногою и заоралъ:

— Таська!

Испуганная дѣвочка влетѣла съ разинутымъ ртомъ.

— Давай стаканы и медъ!

Зося съ крикомъ бросилась къ отцу:

— Ты простилъ меня, тату! Ты простилъ... милый тату!..

XVI.

Молодыхъ ждутъ съ хлѣбомъ-солью,
Осыпаютъ щедро хмелемъ.—
Не щемитъ ужъ сердце болью,
Бьется радостью-весельемъ.
И, встрѣчаясь быстрымъ взоромъ,
Очи вспыхиваютъ страстно...
Надъ землей одинъ дозоромъ
Ходитъ мѣсяцъ безучастно.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Пошла уже вторая недѣля со времени этого памятнаго вечера. Севрскія пастушки и гобеленовыя богини съ удивленіемъ смотрѣли на розовое личико своей новой соперницы. Ловкія ручки Зоси были въ дѣйствіи съ утра. Она сама варила кофе въ розовомъ будуарѣ и наливала его мужу въ большую саксонскую чашку. Солнце не заглядывало такъ рано на эту сторону, и только высокіе клены кивали зелеными верхушками нарядной молодой хозяйкѣ. Въ уборной Зоси оказался цѣлый сундукъ кружевъ и давно забытыхъ модъ, которыя, бывъ купленными въ Парижѣ для невѣсты Арсенія Михайловича, такъ и стояли нераспакованными цѣлыя сорокъ лѣтъ. Матерія была совершенно свѣжа, но фасоны казались невѣроятными. Только Зося съ ея красотой и граціей могла рискнуть надѣвать эти странные теперь шлафоры и распашные капоты.

Иванъ Николаевичъ не могъ надышаться на свою красавицу жену. Онъ буквально носилъ ее на рукахъ и читалъ по глазамъ ея малѣйшее желаніе. Все въ ней приводило

его въ восторгъ. Онъ осыпалъ ее ласками и готовъ былъ цѣловать слѣды ея маленькихъ ножекъ въ расшитыхъ серебромъ туфляхъ. Они вмѣстѣ бродили по роскошнымъ аппартаментамъ и дѣлали все новыя открытія. То въ шкапу буль въ гобеленовой гостиной оказывалась цѣлая коллекція старыхъ гравюръ; то въ уборной въ туалетѣ находился ящикъ съ нераскупоренными англійскими духами. Рабочій столикъ въ боскетной былъ весь набитъ катушками и разными принадлежностями дамскихъ рукодѣлій. Во всемъ сказывалась забота объ удобствахъ женщины, которой такъ и не пришлось воспользоваться ни одной изъ этихъ изящныхъ мелочей.

Зато Зося совершенно по-дѣтски радовалась всякому пустяку. Ея потребность и стремленіе къ красивымъ вещамъ были удовлетворены вполнѣ. Опытной рукой переставляла она мебель и украшенія. Вазы были полны цвѣтовъ. Мелочи на столахъ и каминахъ стояли въ красивомъ подборѣ. Венера Милосская изъ своей ниши въ зеленой боскетной, повернувъ гордый благородный профиль, словно любовалась на высокую вольерку съ цѣлымъ десяткомъ канареекъ и на пару красавцевъ борзыхъ, грѣвшихся на солнцѣ, которыхъ по желанію жены Иванъ Николаевичъ велѣлъ привезти изъ Горокъ, такъ какъ Зосѣ хотѣлось поскорѣе хоть чѣмъ-нибудь оживить свои молчаливые роскошные покои. Въ каморкѣ Василія, котораго пришлось положить въ больницу, поселилась выписанная изъ Москвы франтиха горничная, а разбитаго камердинера замѣнилъ Евграфъ.

Когда вѣсть о свадьбѣ Ивана Николаевича дошла до виллы, всѣ сперва оторопѣли. Но молодой баринъ пользовался такой симпатіей, что не раздалось ни одного голоса осужденія за его поспѣшность. Зосю тоже любили и за ея привѣтливость, и за умѣніе сдерживать скораго на руку отца.

— Что жъ, баринъ на то и баринъ! ему лучше знать! Его барская воля!

И всѣ повеселѣли и радостно привѣтствовали молодыхъ на ихъ новосельѣ.

Евграфа вѣсть эта не застигла врасплохъ. Онъ сразу почуялъ, что недаромъ баринъ его о сходствѣ Зоси съ портретомъ выспрашивалъ.

— Пала, знать, на сердце зазнобушка... Недалеко яблочко отъ яблони укатилося: племянникъ-то сильно самъ обликомъ на дядю смахиваетъ, значитъ, и вкусъ одинаковый имѣть долженъ.

Оставшись безъ камердинера, Иванъ Николаевичъ послалъ Ѳедьку за Прохоромъ, но самолюбіе стараго Личарды Арсенія Михайловича было задѣто.

— Не твое дѣло, не за свою должность берешься!—сказалъ онъ дворецкому.—Старому барину батюшкѣ пятьдесятъ лѣтъ угождать умѣлъ, авось и новому потрафлю.

И старикъ напялилъ ливрейный фракъ и постучался въ уборную.

Ивана Николаевича глубоко тронуло появленіе вѣрнаго слуги. Евграфъ поцѣловалъ его въ плечо и поздравилъ съ законнымъ бракомъ.

— Да, старикъ, можешь меня поздравить. Я никогда не ожидалъ, что такъ скоро найду свое счастье.

— Судьба-съ!—вымолвилъ Евграфъ и привычной рукой сталъ готовить умыванье и ночной туалетъ.

Онъ же указалъ появившейся пани Юзынѣ, гдѣ найти постельныя принадлежности и бѣлье; онъ же обратилъ ея вниманіе и на завѣтный сундукъ въ уборной Зоси, и, благодаря ихъ общимъ усиліямъ, получилась очень нарядная и удобная спальня новобрачныхъ. Евграфъ сразу покорился новому неожиданному обороту. Получивъ вольную, онъ по своей охотѣ вернулся къ прежнимъ обязанностямъ, потому что сознавалъ необходимость своихъ нынѣшнихъ услугъ и могъ доказать ими свою глубокую благодарность за милости Ивана Николаевича.

Когда на другой день свадьбы, одѣвъ барина, онъ встрѣтилъ Зосю по дорогѣ въ розовый будуаръ, то подошелъ и къ ея ручкѣ и тоже поздравилъ ее. Зося была тронута. Она втайнѣ боялась Евграфа. И, вся еще трепетная отъ пережитаго, стыдящаяся своего новаго положенія, поцѣловала его въ сѣдую голову.

— Спасибо вамъ, Евграфъ!

Она не могла заставить себя сказать ему „ты“.

Эта встрѣча сблизила обоихъ. Евграфъ посмотрѣлъ ей

вслѣдъ, и старомодный ли нарядъ, или случайное сходство, но ему показалось, что онъ видитъ передъ собой ту, чье имя никогда не выговаривалъ его языкъ. Такъ же склоняла она головку на ходу, такъ же быстро мелькали ея ножки изъ-подъ полудлиннаго распашного балахона, когда онъ передавалъ ей тамъ за границей, въ видѣ перваго привѣта каждое утро, букетъ отъ Арсенія Михайловича, и она выбѣгала къ нему еще неубранная изъ своей дѣвичьей комнатки...

Справившись съ домомъ, Зося перенесла свою дѣятельность въ садъ. Всѣ заброшенныя затѣи давно прошедшихъ временъ возобновлялись; расчищались дорожки, рубились кусты и разросшіеся сучья, красились павильоны и бесѣдки.

— Знаешь,—сказала она однажды, сидя на террасѣ на колѣняхъ мужа: чего не хватаетъ здѣсь?—Лебедей... Я всегда о нихъ мечтала. Вѣдь это геральдическая птица Юшкевичей.

Иванъ Николаевичъ въ тотъ же вечеръ послалъ Силантія раздобыть ихъ по сосѣдству, а если не достанетъ, купить подъ Москвою въ загородныхъ дворцахъ, и черезъ нѣсколько дней пара царственныхъ птицъ плавно скользила по старому пруду.

О хозяйствѣ было забыто. Забота о немъ лежала опять всецѣло на панѣ Романѣ. Молодому было не до жатвы и молотьбы. Зося совѣтовалась съ нимъ о приданомъ. Иванъ Николаевичъ наполнилъ секретный ящикъ мозаичнаго бюро золотомъ и кредитками, и ключъ отъ него вручилъ женѣ. Зося могла теперь безъ стѣсненія исполнять всѣ давнишнія завѣтныя желанія, изощряя свой вкусъ въ выборѣ тканей и фасоновъ, и въ Парижъ и въ Варшаву были посланы огромные заказы.

Это былъ настоящій женскій рай.

Все, что только рисуется молодымъ дѣвушкамъ, какъ лучшее счастье въ жизни, пролилось щедрою рукою на Зосю. И она сама не знала теперь, что ей дороже: эта ли волшебная обстановка, или поцѣлуи и обожаніе безумно влюбленнаго мужа?

Она щедро платила ему за ласки... Ея гордость не позволяла ей оставаться у него въ долгу, и она всегда нахо-

дила случай услужить и угодить ему, примѣняясь къ его вкусу и чутьемъ угадывая его желанія и привычки.

Въ такомъ блаженномъ настроеніи своего медоваго мѣсяца Иванъ Николаевичъ вдругъ получилъ письмо отъ сестры. Александра Николаевна извѣщала о скоромъ пріѣздѣ въ Колычево вмѣстѣ съ мужемъ.

— Господи Ты Боже мой! —онъ протянулъ письмо Зосѣ,— они сидѣли за завтракомъ въ обюссоновой столовой: —посмотри, что я надѣлалъ!

— Что такое?—встревожилась Зося.

— Да вѣдь я до сихъ поръ не извѣстилъ Саню о нашей свадьбѣ. Ай-ай-ай! что же теперь дѣлать?

Зося задумалась.

— Да, это весьма было съ нашей стороны опрометчиво. Но вѣдь нашъ бракъ не секретъ, кто-нибудь другой извѣстилъ ее. Могли дать знать изъ Горокъ, или панъ Григорій заѣхалъ сообщить. Вѣдь онъ, кажется, большой любитель новостей?

— Да, сплетникъ изрядный, но не въ томъ дѣло. Всетаки намъ, т. е. мнѣ, слѣдовало бы извѣстить сестру. Вѣдь ближе ея у меня родни нѣтъ.

— Знаешь что? выдумай что-нибудь: скажи, что писалъ, а письмо на почтѣ пропало, или что ты заложилъ его и забылъ отправить.

— Ну, это ужъ мальчишество. Да и къ чему лгать? Повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Напишу, что закрутился, позабылъ, какъ оно и есть. Сестра головы съ меня за это не сниметъ.

— Сейчасъ видно, что ты мужчина... Вѣдь она обидится и меня не взлюбитъ. А такой отговоркой можно было избѣжать ея обиды. По моему, лучше солгать и взять грѣхъ на свою душу, чѣмъ оскорбить человѣка.

Иванъ Николаевичъ призадумался.

— Значитъ, по-женски, ложь не такой ужъ смертный грѣхъ? Значитъ, и мнѣ ты могла бы солгать, чтобы не смущать моей души?

Онъ всталъ и, запрокинувъ ея голову, заглянулъ въ глаза.

— Слушай, мой ангелъ! дай мнѣ слово, что со мной ты будешь поступать по-мужски. Будь всегда со мной во всемъ откровенна! Обѣщаешь?

Зося удивилась этому серьезному тону.

„Сказать или не сказать,—подумала она, разумѣя ту свою первую ложь на могилѣ старика Колычева, о его не существовавшемъ интересѣ къ ней.—Испытать его?..“ Нѣтъ, это одни слова. Лучше смолчать, вѣдь онъ сразу потеряетъ довѣріе къ ней, да и дѣло прошлое.

И она подняла къ нему свои васильковые глаза и твердо выговорила:

— Обѣщаю!

— Я вѣрю тебѣ, моя радость.

Черезъ полчаса они уже сидѣли другъ противъ друга за письменнымъ столомъ Арсенія Михайловича и, макая перья въ голову негра, оба писали письма.

„Дорогая Санюшка, — писалъ Иванъ Николаевичъ: — не удивись и не прогнѣвайся на меня безпутнаго, когда, пріѣхавъ въ Колычево, найдешь меня вновь женатымъ и потому счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Все произошло такъ быстро, что я посейчасъ опомниться не успѣлъ и до сихъ поръ точно въ чаду. Судьба послала мнѣ не жену, а кладъ. Это дочь пана Романа Юшкевича — Софія, или, какъ всѣ зовутъ ее, Зося. Помнишь мои мечты въ тринадцать лѣтъ? Я нашелъ этотъ идеалъ, я обладаю оригиналомъ того портрета, объ исчезновеніи котораго я тебѣ сообщалъ. Пріѣзжай же, моя дорогая, и убѣдись своими глазами, какъ счастливъ твой братъ и что за рай это волшебное Колычево. Лично порѣшимъ и поговоримъ и о дѣлахъ, а то меня загрызетъ совѣсть, что я использую это наслѣдство одинъ безъ тебя. Кланяйся Семену и попроси его любить и жаловать мою молодуху; за тебя же я покоенъ: ты не можешь ее не любить разъ ее любитъ твой братъ

„Иванъ Колычевъ“.

. . . .

„Дорогая Олеся,—писала Зося:—сообщаю тебѣ о важной перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Ты очень удивишься, прочитавъ

мою подпись. Да, я больше не панна Зося Юшкевичъ, я теперь Софія Романовна Колычева, жена племянника пана Арсенія. О его пріѣздѣ я тебѣ уже сообщала. Мы сразу, какъ увидились, полюбили другъ друга, но если я не упоминала объ этомъ въ письмѣ, то потому, что не знала, пользуюсь ли я взаимностью. Мужъ мой балуетъ меня, чѣмъ и какъ можетъ, и я живу словно королева. Помнишь у васъ въ угловой гостиной есть въ Запольѣ старая гравюра, кажется, Альбрехта Дюрера, гдѣ изображенъ итальянскій замокъ близъ Милана надъ озеромъ? Наша вилла точно скопирована съ него и полна всякихъ чудесъ. Покойный панъ Арсеній былъ очень тонкимъ художникомъ-коллекціонеромъ. Описывать тебѣ всѣ богатства я не стану, потому что, надѣюсь, ты какъ-нибудь сама пріѣдешь погостить ко мнѣ, когда выйдешь за графа Свентицкаго. Передай отъ меня пану Стасю, что я буду рада видѣть и его, и засвидѣтельствуй мое глубокое почтеніе твоей добрѣйшей матери. Крѣпко цѣлуетъ тебя твоя

„С. Колычева".

. . . .

Иванъ Николаевичъ, окончивъ свое письмо раньше Зоси, сталъ за ея стуломъ и, цѣлуя завитки волосъ на ея бѣлой шейкѣ, заглянулъ въ ея посланіе. По-польски онъ читать не умѣлъ, но „панъ Стась" понялъ и сросилъ жену:

— Кто это?

— Олесинъ братъ, уланъ N-скаго полка.

— А-а!

Но въ этомъ „а" была новая нотка, и Зося обернулась, Мужъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Ты съ нимъ хорошо знакома?

— Еще бы! мы вмѣстѣ дѣтьми играли. Онъ всего на три года старше меня,

— Ну, а когда выросли, онъ, вѣрно, ухаживалъ за тобой?

— Не знаю, ухаживалъ ли!

Колычевъ притянулъ Зосю къ себѣ.

— Зося, полчаса назадъ ты обѣщала говорить мнѣ одну правду. Скажи же мнѣ, ты не была влюблена въ этого улана?

Зося вся заалѣла. Она сразу поняла, что мужъ будетъ непремѣнно ревновать ее къ каждому. Дѣло было тоже прошлое и въ сущности ничего серьезнаго между ними — не считать же нѣсколько поцѣлуевъ за дверями да нѣжныхъ пожатій руки—и не было. Поэтому она смѣло взглянула въ сѣрые подъ сросшимися бровями глаза и отвѣтила:

— Влюблена? я?.. такъ почему же я вышла за тебя? Я противъ сердца не могла бы выйти за нелюбимаго человѣка и стать его женою. Если онъ мнѣ и нравился, то только пока я не встрѣтилась съ моимъ Ивомъ.

Она такъ окрестила мужа, находя всѣ остальныя сокращенія его слишкомъ распространеннаго имени вульгарными. И когда онъ, подкупленный искренностью ея тона и взгляда, сталъ цѣловать ей, словно извиняясь, руки, молодая женщина прибавила со снисходительной улыбкой:

— Итакъ, милостивый государь, вы ревнивы?.. Надо запомнить. Ну, а про себя вы ничего мнѣ не разскажете? Могу я вѣрить, что я единственная женщина, которую вы удостоили своей благосклонности послѣ смерти вашей первой супруги?

Зося впервые говорила о покойной Полинѣ, и Колычеву стало больно,—точно его ударили по едва затянувшейся ранѣ.

— Въ такой мѣрѣ, какъ я люблю тебя, — единственная. Доказательство, что я нарушилъ для тебя свою клятву у ея гроба, и женился на тебѣ.

Чуткое ухо Зоси уловило скорбную нотку. Она поняла—касаться памяти покойной нельзя, и шутливо прибавила:

— А, такъ ты, значитъ, ревнивъ самъ, но себя ревновать къ своимъ увлеченіемъ не позволишь,—хорошо! Ну, а теперь послѣ этой нашей первой супружеской сцены пойдемъ, я тебѣ поиграю въ знакъ примиренія.

XVII.

О, что за осень! Надъ прудомъ зеркальнымъ
Небо раскинуто синимъ шатромъ.
Въ пестромъ уборѣ, въ уборѣ прощальномъ
Сдвинулись, тѣсно деревья кругомъ.
Всѣ переливы весенняго свѣта,
Сны золотые, улыбки, мечты,
Знойныя ласки минувшаго лѣта
Вспомнили вдругъ, увядая, листы.
Бури забыты. Забыты, какъ горе,
Холодъ и сумракъ дождливыхъ ночей,
Живы однѣ лишь румяныя зори.
Пламенный отблескъ полдневныхъ лучей...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Зося вся ушла въ новыя хлопоты, она готовила помѣщеніе для золовки и ея мужа. Все, что могла придумать ея талантливая головка, было приспособлено для удобства ожидаемыхъ гостей. Она подумала о каждой мелочи, потому что слышала отъ Ивана Николаевича, насколько былъ избалованъ „Санюшкинъ генералъ", какъ его называла покойница-тетушка. У перекочевавшихъ изъ Горокъ и занятыхъ теперь въ ея мезонинѣ шитьемъ приданаго сѣнныхъ дѣвушекъ она выспрашивала о вкусахъ и привычкахъ Александры Николаевны и Семена Михайловича, когда въ какой часъ что у тетушки подавалось, и что оба любили. Колычевъ былъ тронутъ этой заботой. Ему ничего подобнаго въ голову бы не пришло, и онъ впередъ радовался сближенію Зоси съ сестрою.

Письмо брата было вручено Александрѣ Николаевнѣ уже въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги ѣздившимъ на квартиру за забытой шкатулкой курьеромъ. Письмо какъ разъ было подано почтальономъ по отъѣздѣ ихъ превосходительствъ, и швейцаръ передалъ его Торопкову, пользуясь случаемъ доставить его въ „собственныя руки генеральши".

Сашенька прочитала его уже по отходѣ поѣзда и такъ и ахнула. Ужъ не выйти ли на первой станціи и не вернуться ли лучше обратно въ Петербургъ? Она не знала, какъ сообщить объ этой новости Семену Михайловичу, который не особенно дружилъ съ братомъ, считая его безполезнымъ человѣкомъ. Къ полезнымъ онъ причислялъ лю-

дей, подобно ему посвятившихъ себя писанію отчетовъ, положеній и докладовъ, гдѣ рѣшались судьбы никогда имъ невиданныхъ областей обширнаго нашего отечества.

Но Семенъ Михайловичъ уже сидѣлъ въ дорожномъ костюмѣ на красномъ триповомъ диванѣ своего купе. Онъ впередъ разсчиталъ, гдѣ и въ которомъ часу будетъ пить чай и ѣсть пожарскую котлету. Въ Москвѣ уже были заказаны номера въ гостинницѣ и ради того, что его зятю вздумалось жениться, онъ не отмѣнитъ своихъ распоряженій и не прерветъ путешествія.

— Удивительная бѣда! тѣмъ лучше, что женился!—отвѣтилъ онъ взволнованной Санечкѣ и глубже надвинулъ дорожную шотландскую шапочку съ двумя ленточками на затылкѣ. — Можетъ, остепенится наконецъ и возьмется за дѣло! — Онъ брыкнулъ длинными ногами и подоткнулъ плотнѣе пледъ. — А что она полька, такъ Господь съ нею! Поляки послѣ 31-го года притихли и образумились, и мы— онъ разумѣлъ своего министра,—только можемъ радоваться на смѣшанные браки. Это лучшее доказательство слiянія двухъ прежде враждебныхъ народностей, лучшая спайка составныхъ частей государства. Къ тому же польки удивительно граціозны и любезны. Это воистину славянскія парижанки. Вспомни, и въ Баденѣ и въ Карлсбадѣ ты сама восхищалась ими...

И, окончивъ свою тираду, генералъ погрузился въ страницы новаго томика Tauchnitz edition, тоже, по его мнѣнію, необходимой принадлежности всякаго приличнаго путешественника.

Сашенька никогда не противорѣчила своему сановному супругу, вздохнула, усѣлась въ уголокъ и тоже раскрыла книжку,—но ей не читалось.

Она съ восторгомъ ѣхала въ Колычево. Ее тянуло въ деревню, гдѣ она уже давно лѣтомъ не бывала, живя изъ-за мужа то на Островахъ, то въ Павловскѣ и Петергофѣ, а время его отпуска проводя на заграничныхъ водахъ. Ее манила къ себѣ безмятежно-привольная жизнь помѣщичьей усадьбы, памятная всѣмъ, кто испыталъ ее въ отошедшіе невозвратно въ вѣчность далекіе годы крѣпостного быта.

Не понять этого приволья теперь, гдѣ съ этимъ словомъ рисуются непремѣнно розги и вопли притѣсняемыхъ людей. Но не вездѣ ихъ притѣсняли. Были усадьбы, гдѣ жизнь текла какъ нирвана, не возмущаемая сомнѣніями, что хорошо, что дурно. Жилось, какъ поживалось. И сама природа словно покорялась этой мирной тишинѣ, и лѣто было знойное, когда тянуло въ лѣсъ или въ тѣнистый садъ, когда купанье въ рѣчкѣ было потребностью; осень несла свои удовольствія, зима свои, а тамъ возвращалась опять весна и дружнымъ таяньемъ снѣга и трескомъ ломкаго чернаго льда напоминала о близости соловьевъ, сирени и Троицына дня съ его вѣнками и хороводами. Не было сутолоки, не приходилось лѣтомъ кутаться въ комнатахъ, и оттепели не смывали въ крещенскую пору снѣга съ дорогъ. Все шло своимъ чередомъ, и люди и жили по своему деревенскому календарю, руководясь изстари постановленными и провѣренными вѣками примѣтами — что и когда сѣять и косить, и хлѣбъ родился, и куры неслись, и хозяйки варили варенье и смоквы, и солили грибы и огурцы, которыхъ всегда хватало до новыхъ запасовъ... Не знали надломовъ души, не рушились семьи и не было тѣхъ разжигающихъ запросовъ, безъ которыхъ немыслима жизнь современнаго общества.

Тонъ Семена Михайловича умиротворяюще подѣйствовалъ на Александру Николаевну. Она слѣпо вѣрила мужу и, перечтя еще разъ письмо, и сама успокоилась. Братъ не маленькій, а отъ его посланія вѣяло такой вѣрою въ счастье, что и она ему повѣрила. Упоминаніе о его дѣтскихъ мечтахъ живо перенесло ее въ тотъ августовскій вечеръ, когда, вернувшись изъ Колычева домой въ Горки, онъ увелъ Сашеньку подальше отъ гувернантки въ садъ и подъ большимъ секретомъ, заставивъ троекратно побожиться сестру, разсказалъ ей о своей продѣлкѣ въ дядиной спальнѣ.

Восьмилѣтняя дѣвочка широко раскрыла ротъ и голубые глаза и съ замираніемъ сердца слушала брата-кадета, котораго давила его тайна. Увлекшись потребностью хоть съ кѣмъ-нибудь подѣлиться потрясшимъ его впечатлѣніемъ, онъ взялъ въ конфидентки Сашеньку. Не имѣя понятія о

любви, словно сказку слушала она разглагольствованія Вани о томъ, что теперь онъ вполнѣ понялъ дядю Арсенія. Что будь онъ связанъ обѣщаніемъ съ этой дѣвушкой въ бѣломъ платьѣ, онъ тоже не могъ бы смотрѣть на остальныхъ женщинъ и, выйдя въ офицеры, будетъ искать точь-въ-точь такую же, потому что только эта дѣвушка можетъ дать ему счастье.

— Да вѣдь она будетъ уже тогда старенькая, — вдругъ выпалила Сашенька, сообразивъ, что если это невѣста дяди Арсенія, который даже старше папочки, а Ваня женится на ней, когда станетъ офицеромъ, что тоже будетъ не раньше, какъ черезъ шесть или семь лѣтъ, то эта барышня будетъ уже старой дѣвой, „браковкой“, какъ звали тайкомъ компаньонку тетушки, Маргариту Ивановну.

— Фу, какая ты еще дура!—рѣшилъ огорошенный кадетъ и грубо оттолкнулъ свою непонятливую собесѣдницу.

Сашенька расплакалась и чуть не разсказала все нянечкѣ, да побоялась названія фискалки и потомъ очень гордилась своею твердостью...

Колычева она никогда не видала и знала его лишь по разсказамъ брата и ѣздившихъ туда дворовыхъ. Оттуда же аккуратно присылались къ Рождеству ананасы и померанцы, а къ Пасхѣ персики и земляника въ особыхъ плетеныхъ корзиночкахъ и „вѣчныя конфеты“ изъ фруктовъ въ полированныхъ деревянныхъ ящикахъ съ мѣдными крючками. Этимъ и ограничивались сношенія между родственниками; и хотя Арсеній Михайловичъ былъ записанъ ея воспріемникомъ, но Сашеньки никогда въ глаза не видалъ.

Получивъ отъ брата извѣстіе о смерти дяди и о томъ, что половина его движимости отказана въ завѣщаніи ей, Александра Николаевна тотчасъ отвѣтила, что ни за что на свѣтѣ не прикоснется ни къ одной вещи изъ виллы и проситъ брата оставить все себѣ, такъ какъ „мнѣ будетъ все чудиться покойный дядя, преслѣдующій меня за мое кощунство при пользованіи вещами его невѣсты“.

Убѣдившись, по предъявленію въ судъ духовнаго завѣщанія, что юридическаго значенія оно за отсутствіемъ свидѣтельскихъ подписей имѣть никогда не можетъ, Иванъ

Николаевичъ рѣшилъ тѣмъ не менѣе свято исполнить послѣднюю дядину волю и сталъ смотрѣть на раздѣлъ имущества, какъ на ближайшій и священнѣйшій свой нравственный долгъ. Онъ рѣшилъ возмѣстить долю сестры деньгами и просилъ зятя лично сдѣлать необходимую расцѣнку. Сотовъ былъ очень заинтересованъ оригинальнымъ положеніемъ дѣла и охотно согласился измѣнить Баденъ-Бадену и провести отпускъ въ Колычевѣ.

Получивъ эстафету, извѣщавшую о точномъ днѣ прибытія сестры и зятя, Иванъ Николаевичъ распорядился уже наканунѣ съ утра выслать свѣжую подставу и коляску съ Силантіемъ на почтовую дорогу. Оба они съ Зосей, также и панъ Романъ подолгу гуляли по просѣкѣ, поджидая гостей, но, какъ всегда бываетъ при такомъ долгомъ ожиданіи, гости явились именно въ ту минуту, когда, уставъ отъ напряженнаго вниманія, хозяева отвлеклись другимъ дѣломъ. Коляска Сотовыхъ, обогнувъ старый дворъ, подкатила почти неслышно къ подъѣзду виллы, потому что нервы Семена Михайловича не переносили колокольчика и его подвязали къ дугѣ.

Зося съ Иваномъ Николаевичемъ кормили лебедей на террасѣ.

Евграфъ встрѣтилъ гостей на крыльцѣ и указалъ имъ дорогу.

Александра Николаевна застала молодую женщину съ протянутой рукой къ медленно подплывавшему на зовъ лебедю, и эти мраморныя ступени, статуи, роскошный цвѣтникъ и златокудрая красавица показались ей страничкой волшебныхъ сказокъ Перро, которыми она зачитывалась въ дѣтствѣ.

Братъ обернулся первый и порывисто обнялъ сестру.

—Какъ ты пополнѣла!.. Здравствуйте, Simon... Вотъ моя Зося... говорилъ Иванъ Николаевичъ.

Сашенька протянула обѣ руки невѣсткѣ, и онѣ сердечно обнялись. Семенъ Михайловичъ поцѣловалъ съ удовольствіемъ ручку у молодой хозяйки.

— Пойдемте, пойдемте наверхъ! я васъ провожу! вы устали, вамъ надо отдохнуть и вымыться!

И Зося быстро пошла впередъ.

— Это съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Семенъ Михайловичъ:—не знаю, откуда у насъ въ Россіи пыль берется. За границей послѣ трехъ дней не бываешь такъ грязенъ, какъ здѣсь послѣ трехъ часовъ.

Зося открыла дверь въ отведенныя гостямъ комнаты.

— Это ваша спальня, это уборная, а это кабинетъ, если вамъ вздумается заниматься дѣлами.

Кликнувъ горничную и камердинера, она ушла.

Семенъ Михайловичъ былъ прямо очарованъ,—рукомойникъ съ педалью, вода холодная и горячая, чистыя полотенца, мыло, щетки, одеколонъ — все, что требуется съ дороги.

— Если ваше превосходительство прикажутъ, ванна и душъ готовы!—доложилъ Евграфъ.

Точно не въ Россіи, а тамъ, въ нашемъ парадизѣ, за границей,—полный, почти англійскій комфортъ.

Александра Николаевна тоже была всѣмъ довольна, но она предпочла бы, чтобы Зося осталась, такъ она ей понравилась.

Пребываніе Сотовыхъ въ Колычевѣ было сплошнымъ торжествомъ новой хозяйки. Сашенька влюбилась въ куколку-золовку и поминутно цѣловала ее, а та, по своей польской привычкѣ, съ благодарностью, какъ у старшей, цѣловала ея мягкія руки. Семенъ Михайловичъ, на дѣлѣ строгій цѣнитель музыки, не пропускавшій ни одного концерта въ Петербургѣ, былъ совершенно покоренъ талантомъ Зоси. Онъ также весьма милостиво отнесся къ Зосинымъ старикамъ и даже пытался болтать съ ними по-польски, чѣмъ окончательно завоевалъ симпатіи пани Юзыни.

Вообще эти три недѣли въ старомъ родовомъ гнѣздѣ остались для Сотовыхъ лучшимъ воспоминаніемъ ихъ жизни. Погода держалась стойко. Бабье лѣто было въ полномъ смыслѣ слова лѣтомъ и отличалось необыкновеннымъ изобиліемъ грибовъ, за которыми ѣздили всей компаніей. Семенъ Михайловичъ удилъ цѣлыми часами у мельницы окуней и щучекъ, а въ случавшуюся изрѣдка ненастную погоду собирались въ боскетной, гдѣ дамы устраивались съ

вышивками въ полукругломъ выступѣ у рабочаго столика, а Семенъ Михайловичъ своимъ знаменитымъ баритономъ, который такъ восхищалъ всѣхъ членовъ тѣхъ многочисленныхъ комиссій, гдѣ ему приходилось засѣдать, читалъ вслухъ романы Теккерея и Вельтмана, и всѣ смѣялись отъ души забавнымъ діалогамъ, благодаря заразительному юмору и авторовъ и чтеца.

Начальники отдѣленій и столоначальники не узнали бы въ Колычевѣ своего сухого директора департамента. Даже бакенбарды его потеряли свою офиціальность, и онъ однажды выразился, что начинаетъ понимать Сашенькино пристрастіе къ „рустической“ жизни. А Сашенька такъ разошлась послѣ этого, что предложила съѣздить всей компаніей въ Горки, находившіяся всего въ ста верстахъ отъ Колычева, въ сосѣдней губерніи.

Она съ удовольствіемъ согласилась на предложеніе брата взамѣнъ своей доли наслѣдства Арсенія Михайловича получить въ полное владѣніе Горки. Но Семенъ Михайловичъ вовсе этой сдѣлкѣ не сочувствовалъ. Имѣніе это не нравилось ему,—слишкомъ вѣяло отъ него русскимъ духомъ. Усадьба, раскинутая на десяти десятинахъ, была плохо распланирована и изобиловала всякими амбарчиками и кладовушками, разбросанными крайне безтолково. Господскій домъ былъ хотя и довольно внушительныхъ размѣровъ, но темноватыя комнаты съ огромными печами плохо провѣтривались и комфортомъ не отличались, а мебель была неудобна и вовсе не изящна, свидѣтельствуя о плохомъ вкусѣ и искусствѣ домашнихъ Гамбсовъ и Туровъ.

— Нѣтъ, Сашенька, — твердо отвѣтилъ онъ:—ты знаешь я только изъ уваженія къ тетушкѣ приносилъ себя въ жертву, ѣздя въ твои Горки, но сидѣть въ эти сентябрьскіе вечера съ Маргаритой Ивановной или Настасьей Тимоѳеевной—слуга покорный! Конечно, ты не маленькая и можешь дѣла свои рѣшать по-своему, но я бы не согласился взять на себя обузу управленія Горками.

— Какъ же ты бы распорядился?

— Я бы оставилъ оба имѣнія въ рукахъ брата и предпочелъ бы получать свою долю доходовъ по третямъ. Мы

сдѣлаемъ расцѣнку обоихъ, а также и оставленной дядею движимости, и свою часть ты возьмешь не чистыми деньгами, а, такъ сказать, войдя пайщицей въ общее хозяйство, получая дивидендъ и не связывая себя никакими обязанностями. Иванъ говорилъ мнѣ, что собирался отрядить тестя въ Горки. И прекрасно! Тотъ подниметъ ихъ доходность, да и усадьбу приведетъ въ порядокъ, а для этого должна быть произведена генеральная очистка, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя.

— Что ты подъ этимъ разумѣешь?

— А то, что пора бы выселить, коли неугодно выселиться самимъ, весь штатъ покойной тетушки.

— Но куда же, Simon? Вѣдь у каждой изъ нихъ ни кола, ни двора. Онѣ вѣкъ свой прожили въ Горкахъ, и дѣваться имъ рѣшительно некуда.

— Такъ надо устроить ихъ въ богадѣльню.

— Это невозможно: ихъ не примутъ. И чѣмъ же онѣ намъ мѣшаютъ? Все равно домъ стоитъ пустой.

— Значитъ, тѣмъ болѣе нечего мѣняться съ братомъ. Удивительный толкъ въ домѣ, отведенномъ подъ богоугодное заведеніе! Во всякомъ случаѣ на подобное сожительство я никогда не соглашусь и нахожу, что лучше всего ничего не измѣнять. Отчетность у Юшкевича ведется образцово, бухгалтерія любого министерства позавидуетъ, и половина чистаго дохода, получаемаго по третямъ, во много разъ соблазнительнѣе возни съ управленіемъ.

Изъ этого разговора Сашенька со вздохомъ заключила, что отъ посѣщенія ея милыхъ Горокъ придется отказаться.

Сентябрь уже подходилъ къ половинѣ, когда въ одно чудное утро съ безоблачно-синимъ небомъ прибыла эстафета съ требованіемъ немедленнаго возвращенія генерала къ его служебнымъ обязанностямъ, потому что онъ назначался въ какую-то новую срочную и весьма важную комиссію.

Зося была искренно опечалена предстоящей разлукой. Она дѣйствительно полюбила золовку.

Странно было сперва видѣть ихъ вмѣстѣ, настолько онѣ были несхожи. Несмотря на постоянное пребываніе въ Петербургѣ, Александра Николаевна все еще оставалась дере-

венской барышней. Въ ней не было никакой вычурности, манеры ея были удивительно мягки, спокойны, „индолентны", какъ выражался ея генералъ, любившій коверкать на русскій ладъ иностранныя слова. Но при нѣкоторомъ пренебреженіи модой и внѣшностью, отъ ея пополнѣвшей фигуры вѣяло такой барской женственностью, что къ ручкѣ ея охотно прикладывались и старики, и молодежь, и самые разнузданные на языкъ мужчины сдерживали желаніе разсказать скабрезный анекдотъ или высказать двусмысленное замѣчаніе въ ея присутствіи. Дамы и особенно барышни любили ее, потому что съ нею было хорошо. Она охотно выслушивала сердечныя тайны и всегда брала сторону обиженнаго.

Ея домъ, поставленный ради мужа на генеральскую ногу, со служебными обѣдами и офиціальными визитами, былъ нѣсколько неуютный, но въ ея огромной гостиной сидѣлось охотно и не казалось страннымъ прійти туда съ книгой, или застать оставленное хозяйкой вязанье и начатый пасьянсъ. Она любила животныхъ, и у нея очень мирно уживались собаки съ кошками, а кошки съ птицами. Посты она строго соблюдала, любила ходить къ обѣднѣ и часто приглашала священника служить всенощную въ своей обширной казенной залѣ. У нея, какъ въ Горкахъ еще, запекали гривенникъ въ жаворонка 9-го марта и хранили четверговую соль. Рядомъ съ ея спальней была образная, гдѣ теплились разноцвѣтныя неугасимыя лампады, лежали толстыя Четьи-Минеи съ заложенными въ нихъ старыми орденскими лентами Семена Михайловича и пахло ладономъ и іерусалимскимъ деревомъ.

Она была весьма недурная піанистка и любила, чтобы ей привозили билеты въ благотворительные концерты и даже однажды, конечно, съ разрѣшенія мужа, участвовала въ одномъ изъ нихъ. Читала она одни романы и получала „Современникъ", хотя Достоевскій и Бѣлинскій пугали ее. Зато стихи она обожала и переписывала всякое попадавшееся ей стихотвореніе въ альбомъ, тщательно пряча его отъ мужа, который издѣвался надъ этой институтской привычкой.

У нея была цѣлая плеяда крестниковъ и крестницъ, посаженныхъ дѣтей и кумовьевъ, и всѣхъ она одаривала и одѣляла, чѣмъ могла, и подавала всякому встрѣчному нищему. У нея никогда не возникало вопроса, какъ поступить въ данномъ случаѣ; она дѣлала все просто и естественно, ничуть не заботясь о производимомъ впечатлѣніи. И вотъ эта-то драгоцѣнная черта рѣзко и отличала ее отъ Зоси.

У той бывали лишь рѣдкія минуты, когда она не двоилась, не смотрѣла на себя со стороны, не критиковала своей позы и своего слова.

И, несмотря на такую разницу характеровъ и лѣтъ, невѣстки сошлись. Зосѣ было тепло съ Alexandrine, какъ она ее называла, а Сашенька восхищалась талантомъ, изяществомъ и вкусомъ Зоси; она удивленно раскрывала свои свѣтло-голубые глаза, когда вдвое ея младшая женщина учила ее въ ея сорокъ почти лѣтъ, чѣмъ лучше полировать ногти и какъ добиться блеска глазъ. Она впервые отъ Зоси услышала о „линіяхъ", которыми отличается костюмъ Ворта отъ платья, шитаго въ Петербургѣ или Варшавѣ, и не знала, какъ благодарить ее за всѣ предпринятыя ею передѣлки ея гардероба и новыя, показанныя ей рукодѣлья.

Обѣ женщины были неразлучны, гуляли вмѣстѣ, вмѣстѣ ходили въ гости къ матушкѣ на пирогъ послѣ обѣдни, и Зося въ первый разъ рѣшилась войти въ крестьянскую избу, куда зашла Александра Николаевна съ лекарствомъ для ребенка, о болѣзни котораго узнала въ церкви отъ плакавшей матери. Она не учила Зосю: „ты теперь въ качествѣ новой владѣлицы должна заботиться о крестьянахъ и ихъ нуждахъ", она только посѣщала избы такъ же просто и естественно, какъ дѣлала это въ Горкахъ. И Зося, все еще размягченная своимъ счастьемъ, слѣдовала примѣру старшей невѣстки и то посылала что-нибудь съ кухни больной старухѣ, то выпрашивала у мужа дровъ для нея, то одѣляла ребятишекъ гостинцами, то поручала Евграфу, ставшему „личнымъ лакеемъ молодой барыни", разспросить о нуждахъ особенно бѣдныхъ крестьянъ.

Это была полная гармонія жизни, всѣ струны въ душѣ пѣли и на сердцѣ у обѣихъ бывало до слезъ хорошо...

— —

Иванъ Николаевичъ начиналъ даже ревновать жену къ этой возраставшей съ каждымъ днемъ дружбѣ, но Зося такъ ласкалась и къ нему наединѣ, что онъ забывалъ свои упреки и становился счастливымъ попрежнему.

Когда въ день отъѣзда они вчетверомъ съ Сотовыми въ послѣдній разъ обходили садъ, Зося привела ихъ въ свой пріютъ мечтаній, о которомъ повѣдала Сашенькѣ. По ея желанію одна изъ старыхъ жимолостей была срублена, и вилла была уже видна не черезъ сѣтку вѣтвей, какъ при Арсеніи Михайловичѣ. Никогда въ жизни не могла забыть Александра Николаевна дивной декораціи, которая вдругъ открылась ея затуманенному слезами взгляду. Все залитое солнцемъ, ярко бѣлѣло благородное зданіе на фонѣ стараго сада. До мельчайшихъ подробностей отражалъ серебряный прудъ чудныя гармоничныя линіи фасада съ двумя боковыми полукруглыми выступами голубой гостиной и боскетной, съ увитыми зеленью балконами надъ ними и съ мраморными статуями и ступенями широкой террасы, спускавшейся къ самой водѣ. Высокіе клены расцвѣтились особенно богато. Всѣ переходы отъ ярко-багроваго до нѣжно-зеленаго переливались на ихъ узорной листвѣ, но тополи и вязы еще не трогались, и ихъ темный тонъ только сильнѣе подчеркивалъ пестроту другихъ деревьевъ. Налѣво арка березоваго мостика бросала синюю тѣнь на поверхность пруда и тонко и граціозно вырисовывались подъ нею силуэты лебедей. А надо всѣмъ раскинулось бездонное сапфирное небо и проливало цѣлые потоки свѣта и солнца на осенне-праздничный нарядъ старой усадьбы.

— Боже, какъ хорошо! Какъ дивно хорошо!—вырвалось у Александры Николаевны. Какъ мнѣ жаль уѣзжать! Такъ вдругъ сдѣлалось грустно, точно я никогда, никогда ужъ не вернусь и не увижу больше этой чудо-красоты!

— Пустяки, „моя душа“,—отвѣтилъ ея супругъ.—Хочетъ-не хочетъ Sophie, а мы съ тобой пріѣдемъ къ нимъ на будущее лѣто, и я сумѣю оградить себя на этотъ разъ отъ всякихъ экстренныхъ эстафетъ.

— Конечно, милая Alexandrine, вы обязаны пріѣхать. Я сама такъ огорчена вашимъ отъѣздомъ, что не успокоюсь,

пока вы не дадите слова, что исполните это желаніе Семена Михайловича...

И Зося крѣпко поцѣловала Сашеньку. Та вздохнула и отерла слезы.

Иванъ Николаевичъ молчалъ. Ему тоже было не по себѣ. Въ первый разъ онъ почувствовалъ, что въ его жизни скопилось вдругъ столько счастья, напряженность этого счастья была слишкомъ велика, а судьба требуетъ равновѣсія и за минуты радости и тишины посылаетъ годы испытаній...

XVIII.

Подъѣздъ широкій... львы... колонны,
И блѣдный лучъ, скользя въ окно,
Ласкаетъ пышныя роброны
На тѣхъ, кто позабытъ давно,
Но въ чьи улыбки и поклоны
Бывало сердце влюблено.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Но пока бѣда была еще за горами...

Послѣ отъѣзда Сотовыхъ погода круто перемѣнилась. Началось то осеннее ненастье, которое обрываетъ послѣдніе листья съ кустовъ и деревьевъ, размываетъ дороги, и кажется, самую душу пронизываетъ сыростью и холодомъ. Зося заскучала. Все было устроено, все на мѣстѣ. Бѣлье шилось. Изъ Парижа заказы приходили медленно. Нечего было убирать, не о чемъ хлопотать и заботиться. Къ сосѣдямъ ѣхать не хотѣлось, а въ Карауловку, куда оба собрались бы охотно, было не попасть: сорвало и снесло мостъ и переправы не было: приходилось ждать зимняго пути. А дома книга валилась изъ рукъ, играть не было желанія, и безъ Сашеньки все казалось пусто и скучно!

Услыхавъ впервые это „скучно“ отъ своей хлопотушки, какъ звалъ Колычевъ Зосю шутя, онъ рѣшилъ ее развлечь и какъ-то, сидя за ужиномъ и слушая завыванія вѣтра въ каминѣ, спросилъ ее:

— А почему бы намъ не съѣздить въ Москву? Ты тамъ еще не бывала, а въ ней, матушкѣ, есть гдѣ покутить и чѣмъ скуку разогнать. Кстати и брильянты себѣ выберешь.

Зося съ восторгомъ ухватилась за эту мысль и стала собираться въ дорогу. Василія и Мареушу прихватили съ собой, а Силантія съ экипажами, лошадьми и Өедькой отправили впередъ. Иванъ Николаевичъ съѣздилъ въ городъ и, закрѣпивъ довѣренность на управленіе обоими имѣніями пану Роману, повезъ свою красавицу-жинку знакомиться съ Москвой и возобновлять тѣ родственныя отношенія, которыя непремѣнно связываютъ каждаго русскаго съ сердцемъ матушки-родины.

Былъ четвергъ, пріемный день княгини Прѣсной, когда карета молодыхъ Колычевыхъ подкатила къ старому розовому дому съ бѣлыми колоннами, занимавшему со своимъ липовымъ садомъ за высокой рѣшеткой чуть не цѣлую половину квартала. У подъѣзда стояли двѣ пролетки и чья-то карета. Княгиня принимала отъ двухъ до пяти, и все, что пріѣзжало интереснаго и родовитаго изъ Петербурга и деревенской глуши, считало долгомъ посидѣть въ ея старомодной гостиной, послушать, о чемъ говорятъ и чего ожидаютъ въ ближайшемъ будущемъ.

Когда дежурный офиціантъ въ желтыхъ штиблетахъ возвѣстилъ у дверей гостиной: „Иванъ Николаевичъ Колычевъ съ супругою!“—княгиня переспросила: „Съ кѣмъ?“

— Съ супругою-съ!—повторилъ погромче лакей.

— Ахъ, Богъ мой...—вырвалось у хозяйки.

Зося вошла. Сердце ея немножко замирало отъ тревоги,—какъ примутъ ее въ домѣ этой ея новой важной родственницы? но княгиня уже встала и шла навстрѣчу. Зося граціозно поклонилась. Хозяйка протянула ей правую руку, а лѣвую дала поцѣловать Ивану Николаевичу.

— Вотъ, любезная тетушка, позвольте представить вамъ мою молодуху—Софью Романовну. Прошу любить и жаловать.

— И буду любить и жаловать, — милостиво отвѣтила княгиня.—Слава Богу, наконецъ-то надумался! Давно пора было перестать куковать по прошлому. Ну, а вкусъ у тебя недуренъ? И откуда это ты такую куколку раздобылъ?

Она поцѣловала Зосю въ щеку, усадила рядомъ съ собой на огромный диванъ, заваленный вышитыми подушками, и стала знакомить съ гостями.

— Вотъ это,—она указала на старичка во фракѣ съ двумя звѣздами,—врагъ и непріятель мой—Сергѣй Кузьмичъ Пологовъ.

Помилуйте, княгиня!

— Нечего, нечего! я всегда говорю то, что есть! Это родственникъ мужа—Михаилъ Порфирычъ Загрёбинъ—только-что изъ С., а это крестникъ мой проѣздомъ изъ несчастнаго Севастополя, Петя Багуринъ, а это товарищъ его Всеславскій. Ну, теперь всѣ знакомы, и можно продолжать бесѣду. Итакъ, Сергѣй Кузьмичъ...

— Нѣтъ, ужъ увольте, княгиня! Вы меня такъ отрекомендовали, что я не знаю, о чемъ и говорить.

— Напрасно! напрасно... Вотъ кстати вѣдь и Ваня изъ К. Вы не сосѣди?

— Нѣтъ, мы разныхъ уѣздовъ, и я, тетушка, не изъ К—ой губерніи теперь, а изъ С—ой, изъ Колычева, гдѣ и состоялась наша свадьба.

— Ну, и чудны во истину дѣла Твои, Господи! Сергѣй Кузьмичъ, радуйтесь, — я готова вамъ вѣрить теперь, что міръ начинаетъ перестраиваться. Въ Колычевѣ, гдѣ женщина до сихъ поръ считалась исчадіемъ ада, свадьбы устраиваются!.. Что жъ, это самъ чудакъ, кузенъ Арсеній, васъ сосваталъ?

— Нѣтъ, дядя умеръ еще въ іюнѣ.

— А... Ну, царство ему небесное!

Княгиня перекрестилась и вдругъ всѣмъ корпусомъ повернулась къ Ивану Николаевичу.

— Что жъ ты мнѣ ничего о смерти его не написалъ? И никто не потрудился извѣстить меня! M-lle Аннеттъ!—обратилась она черезъ плечо за отдѣлявшую диванъ отъ двери ширму.

Съ угловаго кресла поднялась сидѣвшая у окна за пяльцами компаньонка.

— Вы не помните, извѣщали меня о свадьбѣ, ахъ! что я!.. о смерти Арсенія Михайловича Колычева? Отъ Александрины Сотовой не было письма?.. Ну да, не было!

— Нѣтъ, ваше сіятельство, не помню.

— Ахъ, вы никогда ничего не помните!.. Конечно, не

было... Да, да! Сергѣй Кузьмичъ еще разъ правъ. Міръ перестраивается. Въ наше время родство помнили, и не женились, не родились и не умирали, не извѣстивъ по крайней мѣрѣ хоть ближайшихъ.

И, спохватившись, что наговорила, пожалуй, лишняго и непріятнаго молодымъ, она снова потрепала Зосю по щекѣ.

— Ну, да Богъ ужъ съ вами! Спасибо, что пріѣхали и показались!.. Такъ какъ же, Сергѣй Кузьмичъ, отъ меня такъ-таки и крестьянъ и землю для нихъ отнимутъ?

— Отнять не отнимутъ, а вы сами ихъ отпустите и землю имъ отведете.

— Ну, а если я не захочу?

— Заставятъ.

— Какъ заставятъ? Да я посмотрю, кто это посмѣетъ меня заставить.

— Начальство... губернаторъ...

— Это надо мною-то губернаторъ начальство? Да какое мнѣ можетъ быть начальство Митя Исправинъ? Да я еще его въ пеленкахъ на рукахъ держала, сама на службу опредѣлила и въ люди вывела! Да я прямо къ Ланскому пойду, да и пожалуюсь, онъ его изъ губернаторовъ и погонитъ.

— Напрасно такъ думаете, княгиня! Графъ Ланской теперь одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ реформы и имѣетъ громадное вліяніе на благопріятное разрѣшеніе вопроса объ эмансипаціи крестьянъ.

Сановникъ выговорилъ „н" въ носъ, какъ по-французски.

— Да что это за эмансипація такая! Такъ съ мужиками разнѣжничались, что даже русскихъ словъ для нихъ подобрать не могутъ.

— Эмансипація значитъ, такъ сказать, обращеніе въ самостоятельное состояніе, въ независимость! — ввернулъ наконецъ и свое слово Загрёбинъ.

— Спасибо, мой милый! и мы когда-то тоже по-французски разумѣли. Я понимаю, но какъ же крестьяне станутъ независимыми и самостоятельными? А помѣщики?

— Помѣщики будутъ сами по себѣ, — а крестьяне сами по себѣ.

— Что жъ я своихъ крестьянъ, на отнятой отъ меня же землѣ и наказать не посмѣю?

— Нѣтъ, княгиня.

— Ну, а дворовыхъ?

— Тоже. Да дворовыхъ вѣдь ужъ не будетъ.

— А кто же мнѣ служить будетъ? Или и меня эмансипировать тоже собираются и пріучать къ независимости? Самоё стряпать заставятъ и бѣлье чинить?

— Слуги будутъ, но не даровые, а на жалованьѣ.

— Такъ, значитъ, и казачку, и дѣвчонкѣ на побѣгушкахъ, всѣмъ плати? Ну, а денегъ для уплаты имъ пожалуютъ?

— Не собираются, — серьезно вымолвилъ Сергѣй Кузьмичъ, и всѣ расхохотались.

— Да вы не смѣйтесь! вамъ, молодежи-то, и горя мало, а я вѣдь одной ногою почти въ гробу стою. Такъ мнѣ эмансипироваться и полы самой мести никакой охоты нѣтъ.

— А какъ же заграницей-то? — спросилъ Иванъ Николаевичъ.—Тамъ вся прислуга жалованье получаетъ и нигдѣ крѣпостныхъ нѣтъ.

— Такъ и помѣщиковъ настоящихъ, мой любезный, нѣтъ. Гдѣ ты ихъ тамъ найдешь? Поѣзжай въ Швейцарію. Скотъ на горахъ пасутъ, куда и не залѣзешь, и сыръ тамъ же выдѣлываютъ, а полей и нѣтъ. Хлѣбъ изъ Франціи и Германіи привозятъ, а сами ничего не сѣютъ и только съ палкой въ рукахъ путешественниковъ на водопады и вершины провожаютъ. Какіе же это помѣщики?.. Всюду фермеры и во Франціи тоже фермеры...

— Да, но въ Германіи?

— Ахъ, батюшка, не знаю, какіе тамъ могутъ быть помѣщики. И наконецъ, что нѣмцу здорово, то русскому смерть. Ты бы еще этихъ англичанъ злодѣевъ, да австріяковъ фальшивыхъ намъ въ примѣръ ставилъ.

И, обратившись къ Зосѣ, княгиня стала ее разспрашивать, гдѣ она познакомилась съ мужемъ.

Среди этой пышной штофной гостиной, гдѣ рядомъ съ нею сидѣлъ важный сановникъ, а напротивъ вице-губернаторъ Загрёбинъ, гдѣ со стѣнъ изъ тяжелыхъ лѣпныхъ рамъ

смотрѣли родовитые князья Прѣсные въ своихъ шитыхъ мундирахъ и улыбались ихъ супруги въ высокихъ прическахъ и атласныхъ робронахъ, Зосѣ совѣстно и больно было сознаться, что она лишь дочь управителя. Выручилъ ее мужъ.

— Зося дочь большого пріятеля покойнаго дядюшки, Романа Войцѣховича Юшкевича, который давно ужъ управлялъ Колычевымъ.

— А! такъ вы, душенька, полька?

Зося вспыхнула, но твердо отвѣтила:

— Да!

— А гдѣ вы воспитывались?

Зося назвала пансіонъ подъ Варшавой.

— Постойте!—остановила княгиня.—M-elle Аннеттъ, какъ звали ту польскую графиню, съ которой мы въ прошломъ году въ Карлсбадѣ сосѣдками были, и у нея тоже, она разсказывала, дочь въ такомъ же монастырѣ воспитывается?

— Графиня Свентицкая, ваше сіятельство.

— Да. Свентицкая? Вы такой не знали?

— Какъ же, — улыбнулась Зося: Элиза Свентицкая и Олеся Запольская мои ближайшія подруги.

Иванъ Николаевичъ приподнялся съ кресла, и Зося стала прощаться.

— По воскресеньямъ я всегда обѣдаю дома, пріѣзжайте! Милости прошу. Да гдѣ вы остановились? Я хлѣбъ-соль тебѣ прислать хочу. Вѣдь все же какъ никакъ теткой довожусь! M-lle Аннеттъ! запишите адресъ. Такъ пріѣзжайте обѣдать. У меня и музыка бываетъ. Вы любите музыку?—спросила она Зосю.

— Зося сама артистка, — отвѣтилъ за нее мужъ.

— Вотъ и отлично, значитъ, не соскучится у старухи. Ну, милая моя богоданная племянница, будь здорова.

И она уже совсѣмъ по родственному обняла Зосю и отпустила молодыхъ.

Такой же ласковый пріемъ встрѣчали новожены и въ другихъ домахъ. А когда послѣ обѣда въ воскресенье Зося по желанію тетушки сыграла ей ея любимый веберовскій „Invitation à la valse“ и фильдовскій концертъ, то сразу за-

воевала симпатіи всего общества, а присутствовавшій Н. Г. Рубинштейнъ поцѣловалъ ей ручку и пожалѣлъ, что не имѣетъ права гордиться ею, какъ своей ученицей.

Лучшіе московскіе дома распахнули свои гостепріимныя двери, и молодая Колычева входила уже безъ трепета въ старинныя гостиныя съ величественными хозяйками на широкихъ диванахъ, съ пышно расфранченными, хотя иногда и довольно безвкусно, гостьями и визитерами въ мундирахъ и фракахъ. Сановные старики цѣловали ей ручку, дамы любезно улыбались и съ завистью осматривали ея туалеты, которые Зося умѣла носить съ настоящимъ французскимъ шикомъ, а молодые люди щелкали каблуками и не сводили съ нея загоравшихся глазъ. Все въ ней нравилось, и ея французское щебетанье, и легкій акцентъ въ русской рѣчи, и нѣжный голосъ, и фарфоровая красота, и грація, а главное—умѣнье вести разговоръ съ каждымъ, словно чутьемъ угадывая интересную для собесѣдника тему.

И во всѣхъ этихъ гостиныхъ велись оживленные разговоры о реформѣ. Казалось, тамъ мало вѣрили въ близость ея, словно всѣ эти родовитые столбовые дворяне не допускали возможности, чтобы ихъ вѣковыя права, едва сто лѣтъ назадъ подтвержденныя великой государыней, могутъ быть измѣнены и сокращены ея правнукомъ, изрекшимъ про освобожденіе крестьянъ: „лучше, чтобъ оно произошло свыше, нежели снизу“...

И было двѣ Москвы: одна, готовая на всякіе подвиги и жертвы, ютившаяся въ студенческихъ каморкахъ и въ квартирахъ нѣсколькихъ профессоровъ, жадно прислушивалась ко всякой свѣжей вѣсти съ устья Невы, горячо мечтала о возстановленіи не только правъ крестьянскихъ, но и человѣческихъ вообще, ловила каждое живое слово и до слезъ увлекалась и зачитывалась стихами Некрасова и „Колоколомъ“ Герцена; а другая, вернувшаяся изъ своихъ вотчинъ и помѣстій и расположившаяся на зимовку въ наслѣдственныхъ домахъ съ колоннами и нелѣпыми украшеніями на фронтонахъ, когда рѣчь заходила о надѣлахъ, не прочь была всѣми правдами и неправдами урѣзать ихъ въ свою пользу.

И если въ такомъ домѣ за обѣдомъ поднимался вопросъ объ эмансипаціи, сынъ-студентъ съ юнымъ задоромъ высказывалъ свои пылкія убѣжденія о новой зарѣ, занявшейся надъ родиной, о томъ, что пора наконецъ разложить трудъ на всѣхъ людей въ одинаковой мѣрѣ и начать другую, лучшую жизнь, переставъ высасывать изъ крестьянъ соки, а отецъ стучалъ по столу кулакомъ съ зажатыми въ немъ ножомъ и вилкою и оралъ:

— Вонъ изъ-за стола, щенокъ! Это ты тамъ у своихъ санкюлотовъ ерунды наслушался! Я выбью этотъ вздоръ изъ твоей глупой башки!

И сынъ выходилъ изъ-за стола, но говорилъ демонстративно „вы“ лакеямъ и горничнымъ, ходилъ пѣшкомъ и самъ порывался чистить себѣ платье и сапоги, желая хоть чѣмъ-нибудь доказать, что слово и дѣло у него не врозь идутъ. А отецъ ѣхалъ къ „Яру“ и цыганамъ заглушать все громче подымавшуюся въ душѣ тревогу передъ близкою бѣдою, не допуская возможности дальнѣйшей привычной жизни, если дѣйствительно отнимутъ крѣпостныхъ.

И мало находилось въ этихъ гостиныхъ людей, сочувствовавшихъ взглядамъ Колычева на справедливость и назрѣвшую настоятельность реформы и на увеличеніе нормъ крестьянской земли.

Зато Зосинъ успѣхъ возрасталъ съ каждымъ днемъ. Словно празднуя послѣдніе дни барства и безпечной привольной жизни, Москва веселилась, и Колычевы были буквально засыпаны приглашеніями на званые обѣды и вечера съ ужинами и цыганами. Едва появлялась Зося въ ложѣ Большого театра или въ Дворянскомъ собраніи, всѣ бинокли и лорнеты направлялись на нее и кругомъ спрашивали, кто она такая? У нея завелись уже пріятельницы, не чаявшія души въ ней, и m-me Минангуа едва поспѣвала сдавать ей заказы, такъ какъ нарядовъ, привезенныхъ съ собою, не хватало.

18 октября былъ назначенъ первый большой балъ сезона у Подлуцкихъ на Лубянкѣ.

Иванъ Николаевичъ экстренно и секретно отъ жены выписалъ ей платье отъ Ворта, и Зося, открывъ картонку,

чуть не задушила мужа поцѣлуями отъ восторга. Она съ утра уже кружилась по комнатѣ, предвкушая заранѣе свое появленіе на этомъ балу, о которомъ говорила вся Москва и гдѣ она затмитъ и Зизи Меркулову, и Лили Горскую туалетомъ и новымъ брильянтовымъ фермуаромъ отъ Фаберже.

Знаменитый Шарль особенно постарался и причесалъ Зосю самъ, не довѣряя помощникамъ, чего удостоились въ этотъ день немногія изъ его кліентокъ.

Когда она подъ руку съ мужемъ всходила по широкой, устланной краснымъ ковромъ лѣстницѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ черезъ каждыя три ступеньки стояли, словно манекены, неподвижные лакеи въ княжеской ливреѣ и пудрѣ, сердце ея билось отъ прилива веселья, и она невольно улыбнулась своему отраженію въ высокомъ во всю стѣну зеркалѣ.

Неужели эта куколка со взбитыми локонами и качавшейся надъ ними сверкающей звѣздой, въ этомъ легкомъ парижскомъ платьѣ съ панье, искусно подколотомъ букетами чайныхъ розъ и фіалокъ, съ многотысячнымъ ожерельемъ на открытой шеѣ, была дѣйствительно та Зося Юшкевичъ, которая еще такъ недавно получала отъ графини Запольской надоѣвшія Олесѣ платья?

А, впрочемъ, это было такъ ужъ давно...

У дверей залы привѣтствовала гостей старуха Подлуцкая. Хотя со времени женитьбы Колычева она, имѣя на рукахъ трехъ еще не пристроенныхъ дочерей, вздыхала о непостоянствѣ вдовцовъ „памяти обожаемыхъ покойныхъ женъ“, но теперь не удержалась, чтобъ не сказать невѣрному вдовцу, когда тотъ цѣловалъ ея пухлую руку.

— Elle est tout-à-fait séduisante votre nouvelle épouse.

Отъ толпы мундировъ и фраковъ отдѣлился блестящій камеръ-юнкеръ. Это былъ Гришенька Карауловъ.

— Привѣтствую новую звѣзду на потускнѣвшемъ небосклонѣ нашей первопрестольней!

И онъ чуть не до земли склонился передъ Зосей.

Та ему обрадовалась, какъ старому знакомому, но Иванъ Николаевичъ улыбнулся немного кисло.

Сдѣлавъ первый туръ съ Гришенькой, Зося не могла уже присѣсть,—отъ кавалеровъ не было отбою, и Колычевъ, полюбовавшись танцующей женою, ушелъ въ гостиную. Гришенька послѣдовалъ за нимъ.

— Какъ это вы въ Москвѣ?—спросилъ Иванъ Николаевичъ, чтобъ что-нибудь спросить.

Но блестящій молодой человѣкъ словно только и ждалъ этого вопроса. Онъ отвелъ собесѣдника къ окну и пустился въ длинныя разглагольствованія, объясняя, какъ та сановная особа, при которой онъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, „крайне заинтересованная проведеніемъ и другихъ намѣченныхъ реформъ въ жизнь", взяла его нарочно съ собою въ командировку по Россіи, чтобы воочію убѣдиться въ потребностяхъ общества и „не блуждать въ лѣсу, топчась, въ сущности, на мѣстѣ, какъ дѣлаютъ это нынѣ въ главномъ комитетѣ по крестьянскому вопросу". Гришенька держалъ Колычева за пуговицу фрака и говорилъ нарочно довольно громко. Мало-по-малу около нихъ образовалась группа слушателей. Съ важностью передавалъ столичный чиновникъ послѣднія новости о предстоящемъ пріемѣ императоромъ членовъ редакціонныхъ комиссій, о томъ, какъ государь нашелъ, что многое придется измѣнить и какъ дѣло теперь еще болѣе запутывается.

— Эти царскія слова явились каждому поводомъ обвинить другого въ непослѣдовательности, такъ что, несмотря на назначеніе великаго князя Константина Николаевича предсѣдателемъ главнаго комитета и на вліяніе великой княгини Елены Павловны и ея партіи, врядъ ли можно ожидать въ близкомъ будущемъ благополучнаго для реформы конца этихъ споровъ и пререканій,—заключилъ онъ свою рѣчь.

Его слова произвели желанный эфектъ. Многіе оживились.

— Значитъ, улита ѣдетъ—когда-то будетъ?—спросилъ Загребинъ.—А у насъ въ С. говорили, что уже къ Новому году выйдетъ высочайшее повелѣніе...

— Нѣтъ, помилуйте!.. Всѣ труды редакціонныхъ комиссій сведены словами государя къ нулю. Панинъ своимъ пред-

сѣдательствомъ испортилъ все дѣло, такъ прекрасно повернутое было Ростовцевымъ. Тотъ хотя и жаловался сперва на цифры, цифры и цифры, которыми были испещрены работы губернскихъ комитетовъ, но впослѣдствіи постигъ самую суть, а Панинъ только напортилъ.

У многихъ слушателей шевельнулось въ душѣ: „И слава Богу!"—но Иванъ Николаевичъ комично вздохнулъ.

— Жаль, однимъ словомъ, что не насъ съ вами назначили на его мѣсто, мы бы живо все оборудовали или „обуродовали!"... Ну, а такъ какъ насъ обошли, то въ утѣшеніе я пойду искать себѣ дѣла на зеленомъ полѣ, а вы потанцуйте. .

И, освободивъ свою пуговицу отъ пальцевъ камеръ-юнкерской перчатки, онъ ушелъ составлять себѣ пульку.

Недаромъ Зося такъ радовалась этому балу. Она танцовала до упаду, полная того радостнаго возбужденія, безъ котораго всѣ польки, вальсы и кадрили не имѣютъ никакого смысла. Въ одномъ изъ антрактовъ ее разыскалъ мужъ. Она шла подъ руку съ Гришенькой.

— А я веду Софью Романовну въ буфетъ.

— И прекрасно, пойдемте вмѣстѣ.

Зося обрадовалась мужу. Болтовня камеръ-юнкера, вертѣвшаяся на придворныхъ сплетняхъ, начинала уже тяготить и ее. Ей нисколько не были интересны споры партій льнувшихъ къ разнымъ августѣйшимъ особамъ. Она съ удовольствіемъ вынула свою руку изъ-подъ локтя Караулова и прижалась съ улыбкой къ плечу Ивана Николаевича.

Тотъ радостно отвѣтилъ на эту неожиданную ласку, стиснувъ ея пальчики.

Въ дверяхъ они столкнулись съ высокимъ господиномъ во фракѣ съ иностранной звѣздою.

— Вашъ соотчичъ, Сванковскій!—сказалъ не отстававшій Гришенька.

Зося остановилась. Сванковскій поклонился и любезно заявилъ:

— Мы съ панной Юшкевичъ старые знакомые!

Зося вспыхнула. Это была первая встрѣча съ человѣкомъ, котораго она знала когда-то въ Запольѣ. И, гордо

закинувъ свою расчесанную Шарлемъ головку, она отвѣтила съ улыбкой:

— Но съ Софьей Романовной Колычевой панъ видится впервые. Позвольте представить вамъ моего мужа.

Мужчины обмѣнялись рукопожатіемъ. На лицѣ Сванковскаго изобразилось недоумѣніе...

Танцовали мазурку. Зосю поминутно выбирали. Въ одной фигурѣ ея новая пріятельница и соперница по туалетамъ Зизи Меркулова подвела къ ней Сванковскаго и Багурина, ставшаго присяжнымъ Зосинымъ поклонникомъ послѣ перваго же обѣда у общей ихъ тетушки, княгини Прѣсной.

— La foi ou la trahison?

Зося кокетливо улыбнулась.

— Pour la vie la foi, pour la danse—la trahison!

Сванковскій склонился передъ ней, а Зизи умчалась съ Багуринымъ.

Зося, скользя по паркету со своимъ кавалеромъ, танцовала съ тѣмъ истымъ польскимъ задоромъ, который рѣдко дается русскимъ въ мазуркѣ, всѣ любовались ими, но никто не слышалъ ихъ польскаго разговора.

— Никогда бы не могъ допустить я мысли, что пани Зофья перейдетъ въ лагерь враговъ Рѣчи Посполитой.

— Панъ не имѣетъ права судить меня! я, можетъ быть, не такъ виновна...

— Прошу прощенія! Значитъ, 17-го ноября пани надѣнетъ по обѣту трауръ по вѣрнымъ сынамъ отчизны, павшимъ тридцать лѣтъ назадъ за ея освобожденіе! Пани напомнитъ Московіи ея кровавое преступленіе?

Зося покраснѣла.

— Если я и не надѣну, быть можетъ, чернаго платья въ этотъ день... и буду носить трауръ только въ душѣ, я тѣмъ принесу большую жертву, чѣмъ мои счастливыя сестры, которымъ легко исповѣдывать открыто свои убѣжденія... Я лучше послужу отчизнѣ здѣсь, въ сердцѣ ея враговъ, чѣмъ если бы вышла за кого-нибудь изъ вѣрныхъ ея сыновъ. Панъ это вскорѣ увидитъ...

— Въ такомъ случаѣ прошу прощенія и стелюсь „до ступекъ паньскихъ“.

И Сванковскій, пользуясь правомъ мазурки, опустился на одно колѣно и высоко поднялъ надъ головою руку. Его дама бабочкой запорхала вокругъ него.

Поклонъ,—и Зося уже обмахивалась вѣеромъ на своемъ стулѣ.

Этотъ мимолетный обмѣнъ словъ совершенно нарушилъ ея душевное равновѣсіе. Это былъ голосъ изъ другого міра, гдѣ она провела лучшіе годы...

Она оглянула залъ. Гирлянда гостей въ нарядныхъ уборахъ, эти мужчины въ военныхъ мундирахъ и фракахъ, среди высокой старинной залы съ царскими портретами по стѣнамъ не вязались съ именами палачей и угнетателей, какими она себѣ ихъ представляла тамъ, въ Варшавѣ. Это былъ цвѣтъ русскаго дворянства, къ которому принадлежалъ ея мужъ, гдѣ ее принимали, какъ свою, и гдѣ никому не приходило въ голову упрекнуть его за бракъ съ нею, католичкой.

Ей прощали ея вѣру, ея ошибки въ русской рѣчи. Съ ней не затрагивали никакихъ оскорбительныхъ для ея польскаго гонора и самолюбія вопросовъ; въ ея присутствіи не стѣсняясь обсуждали распоряженія правительства и критиковали не только министровъ, но и стоящихъ выше... Точно никому изъ этихъ безпечныхъ людей не приходило въ голову, что бокъ-о-бокъ тлѣетъ подъ пепломъ наружнаго спокойствія едва затушенный пожаръ національной ненависти и вражды, готовый разгорѣться яркимъ пламенемъ.

Зося знала о демонстраціяхъ въ Варшавѣ 10-го іюля на похоронахъ вдовы героя 30—31 гг. Совинскаго, но съ тѣхъ поръ всѣ ея свѣдѣнія прекращались. Отъ Олеси она никакого отвѣта на свои письма не получала.. Вотъ и разгадка такого страннаго молчанія. Тамъ раздѣляли взгляды пана Романа на бракъ съ русскимъ, и смотрѣли на нее, какъ на измѣнницу. Этотъ разговоръ со Сванковскимъ, котораго она знала за яраго патріота, не перестававшаго поддерживать сношенія съ польскими эмигрантами въ Парижѣ,—еще Олеся всегда ему давала туда порученія, конечно, не политическія,—открылъ ей глаза... Но что же дѣлалъ этотъ польскій графъ тутъ, въ сердцѣ Московіи?.. Или онъ посланъ слѣдить за кѣмъ-нибудь?..

Нѣтъ, она не измѣнница! Вотъ онъ поговорилъ съ нею, и она дѣйствительно снова готова на жертву дорогой отчизнѣ. Въ чемъ будетъ заключаться эта жертва—она и сама еще не знаетъ. Понятно, мужа въ эти дѣла посвящать она не станетъ, но на дѣлѣ, когда нужно будетъ доказать свою вѣрность, она сумѣетъ убѣдить и Сванковскаго, и Элизу, и Олесю, и Стася, что она не отщепенница польская, а преданная дочь единой истинной церкви и Рѣчи Посполитой, для возстановленія которой отъ моря и до моря она рада служить всѣми своими, хотя и слабыми силами...

Эти вовсе не бальныя мысли такъ поглотили Зосю, что она не могла уже заставить себя танцовать дольше и среди мазурки попросила своего кавалера помочь ей отыскать мужа.

Посадивъ за себя одного изъ тѣхъ не танцующихъ молодыхъ людей, которые любятъ тереться на балахъ у карточныхъ столовъ, хотя хозяева разсчитываютъ на нихъ, именно какъ на танцоровъ, Колычевъ поспѣшилъ къ Зосѣ.

Онъ разбудилъ Василія, задремавшаго на шубахъ, и послалъ его отыскивать карету, а самъ укуталъ жену въ салопъ.

— Что случилось? Чѣмъ ты, птичка, недовольна? Кажется, на неуспѣхъ пожаловаться не можешь. Мнѣ то и дѣло приходилось выслушивать комплименты на твой счетъ.

— Я просто устала!

— Да, тебя дѣйствительно затормошили. Посмотри, ты совсѣмъ поблѣднѣла.

Когда они вернулись на свою временную квартиру, Колычева ждало письмо отъ тестя. Панъ Романъ настаивалъ на его немедленномъ возвращеніи. Вышли какія-то недоразумѣнія съ приказчикомъ изъ Горокъ, и хотя довѣренность на управленіе ими была у Юшкевича въ рукахъ, но въ виду общности интересовъ съ Александрой Николаевной требовалась особая бумага, и присутствіе Ивана Николаевича было необходимо.

Зося за ночь успѣла нѣсколько позабыть впечатлѣніе отъ встрѣчи со Сванковскимъ и, получивъ билетъ въ Дворянское собраніе на концертъ впервые пріѣхавшаго въ Москву знаменитаго пѣвца, съ веселымъ видомъ вышла къ

завтраку. Нѣжныя хлопоты первыхъ медовыхъ дней, когда она сама для мужа варила кофе, уже отошли въ вѣчность, и Зося пила его въ постели, вставая лишь въ первомъ часу.

Она была поражена, заставъ мужа, отдающаго приказанія спросить счетъ у хозяина и обратившагося къ ней:

— Ну, птичка, собирайся въ дорогу! Вели-ка Маръушѣ укладывать твои баулы.

— Куда это?

— Какъ куда? Домой! Вонъ письмо отъ твоего отца. Старики тебя цѣлуютъ и требуютъ непокорную дочь обратно!

— Ты опять балагуришь! скажи толкомъ, куда мы ѣдемъ?

— Да я и говорю толкомъ: домой, въ Колычево. Покутили, а теперь пора за дѣло.

Зося надула губки. Какъ ни траурно было настроеніе въ Варшавѣ, но въ Москвѣ было очень весело, и она не успѣла еще надѣть то платье отъ Минангуа, взамѣнъ котораго было выписано вчерашнее отъ Ворта.

— Неужели отецъ не можетъ обойтись безъ тебя? Вѣдь ты же можешь вполнѣ на него положиться: не станетъ же онъ нарушать твои интересы?

— Нѣтъ, не станетъ, но передовѣрить ему интересы Сашеньки я права не имѣю, и мое личное присутствіе необходимо. А чтобы тебѣ не такъ было скучно въ Колычевѣ, пригласи къ намъ гостить, кого хочешь. Ты знаешь, мѣста хватитъ!

Зося съ радостью ухватилась за эту мысль и поѣхала съ прощальными визитами. Она взяла слово съ Бариновыхъ, Свищовыхъ и Багуриныхъ пріѣхать къ нимъ въ декабрѣ и провести у нея всѣ праздники. Зизи Меркулова оказалась тоже свободной, и такимъ образомъ набралась цѣлая компанія, съ которой можно будетъ пріятно провести время и пустить въ дѣло всѣ ненадѣванные туалеты.

Вечеромъ по городу разнеслась вѣсть о смерти императрицы Александры Ѳедоровны. Москва облеклась въ трауръ, и веселье само собою должно было поневолѣ прекратиться.

Зося не имѣла больше основанія сѣтовать на мужа и, напѣвая, начала помогать Маръушѣ собираться въ дорогу.

XIX.

Вихремъ проносятся пары,—
Въ окна киваетъ имъ садъ.
Полночь. Все глуше удары.
Крѣпче морозныя чары.
Дивенъ деревьевъ нарядъ.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Привезя жену въ Колычево и переговоривъ съ Романомъ, Иванъ Николаевичъ убѣдился, что задуманное Сотовымъ участіе Сашеньки въ видѣ пайщицы въ управленіи имѣніями будетъ до крайности неудобно, поминутно могутъ возникать спорные вопросы и пункты, и что гораздо лучше раздѣлиться. Но для этого надо было имѣть въ рукахъ такую крупную сумму, которую можно было бы получить, только заложивъ Горки, на что тоже требовалось согласіе сестры. По этому поводу онъ вступилъ съ Семеномъ Михайловичемъ въ дѣятельную переписку.

„Сашенькинъ генералъ“ пробовалъ защищать свою точку зрѣнія и писалъ пространныя письма дѣловымъ чиновничьимъ слогомъ, который приводилъ въ восхищеніе всѣхъ мѣнявшихся тогда довольно часто министровъ, но котораго, по мнѣнію Ивана Николаевича, на трехъ подводахъ было не свезти отъ тяжести и обилія „посему, ввиду сего“ и т. д. Это сильно раздражало его, и послѣднее время онъ бывалъ нерѣдко не въ духѣ и злился на себя, что поддался совѣту зятя. Свою податливость онъ объяснялъ растерянностью медоваго мѣсяца, когда на все въ жизни смотришь въ розовомъ свѣтѣ и о послѣдствіяхъ не думаешь.

Его дурное расположеніе духа передавалось и Зосѣ. Послѣ московскаго веселья, въ Колычевѣ показалось тоскливо. Гости не пріѣзжали. Вечера были такіе длинные, что рѣшительно некуда было дѣвать ихъ. Напрасно она затѣвала новыя рукодѣлья—примѣнять ихъ было тоже не къ чему, а, избалованная за послѣднее время поклоненіемъ слушателей, она теперь неохотно играла даже по просьбѣ мужа. Только сознаніе, что продолжительнымъ отсутствіемъ упражненія можно испортить бѣглость и гибкость пальцевъ

заставляло молодую женщину экзерсироваться по утрамъ. Бѣлыя каріатиды съ удивленіемъ слушали гаммы, арпеджіо и тремолло и напрасно ждали вдохновенныхъ мелодій.

Въ душѣ у Зоси было пусто. Все казалось однообразно бѣлымъ, и эта зала, и бѣлое зимнее небо, и деревья, и кусты, и прудъ, точно все было завѣшано бѣлыми пеленами, какъ въ комнатѣ покойника. Зеленѣлъ одинъ могильный бугорокъ, закрытый ельникомъ, и сѣрый, обвѣтрившійся, безыменный крестъ казался начертаннымъ дѣйствительно рукою смерти на этомъ безцвѣтномъ, безжизненномъ фонѣ.

И Зося спрашивала себя: неужели такъ можно жить? Всю жизнь? долгіе, долгіе годы? И это то счастье, о которомъ она мечтала?..

Нѣтъ, вѣдь о жизни вдвоемъ ей никогда не приходило въ голову. Ея мечты рисовали ей шумныя празднества, балы, а не эту однообразную тишину, прерываемую лишь хозяйственными заботами объ обѣдѣ и ужинѣ. О чемъ разговаривать съ Иваномъ Николаевичемъ, она рѣшительно не знала. О его прошлой жизни она не спрашивала, она помнила, какъ непріятно подѣйствовало на него упоминаніе имени его покойной жены. Изъ деликатности къ Зосѣ онъ не перевезъ изъ Горокъ ни одного портрета Полины, ни одной вещи, которая могла подчеркнуть ей, что она не первая его привязанность.

И не было между этими двумя людьми той простоты и откровенности, безъ которыхъ немыслима настоящая супружеская прочная дружба-любовь.

Такъ прошли цѣлыя четыре недѣли. Наконецъ установился санный путь, и Зося радостно вздохнула. Отправивъ еще разъ письма съ подтвержденіемъ приглашеній въ Москву, она уговорила мужа объѣхать сосѣдей, благо Оболонь замерзла, и такимъ образомъ можно было, наконецъ, попасть къ Карауловымъ, съ которыхъ оба считали необходимымъ начать свои визиты.

Хотя Илья Семеновичъ и убѣждалъ лѣтомъ Ивана Николаевича съѣздить съ нимъ къ сосѣдямъ, имѣющимъ дочерей, но милый старикъ въ данномъ случаѣ слегка кривилъ душою. Онъ самъ не отказался бы назвать Колычева

зятемъ и приглашалъ его къ другимъ, чтобы не выдать своего замысла. И когда рушились его надежды видѣть Вѣрочку или Наденьку владѣтельницею виллы Арсенія Михайловича, онъ поднялъ къ потолку пухлый указательный палецъ и проговорилъ печально:

— Les mariages se font dans les cieux!

Но чувство симпатіи къ Ивану Николаевичу отъ этого не поколебалось, и долгое отсутствіе молодыхъ онъ объяснилъ совершенно естественно—бездорожьемъ, какъ оно въ дѣйствительности и было.

Поэтому, заслышавъ колокольчикъ Колычевыхъ и увидѣвъ изъ окна подкатывающую къ крыльцу тройку съ наборной серебряной сбруей и разодѣтымъ въ бархатный треухъ Силантіемъ на облучкѣ, онъ весело крикнулъ дочерямъ:

— Наденька-Вѣрочка,—онъ никогда не называлъ одно имя, а всегда оба подъ рядъ, даже обращаясь къ каждой изъ дочерей въ отдѣльности,—бѣгите, скажите мамочкѣ, что молодые пожаловали!—а самъ вышелъ въ переднюю встрѣтить дорогихъ гостей.

Только тотъ, кто живалъ зимою въ деревнѣ, знаетъ и можетъ себѣ представить, сколько оживленія вноситъ каждый пріѣзжій. Старый карауловскій домъ сразу всполошился. Отовсюду высунулись головы, зазвенѣли голоса, захлопали двери. Мамочка поскорѣе надѣла чепчикъ понаряднѣе и выплыла въ гостиную. Барышни присѣли передъ Зосей, хотя она и была много моложе ихъ годами, и повели ее оправляться съ дороги въ свои комнаты.

Ивану Николаевичу всѣ эти диванныя, портретныя и залы показались теперь несравненно уютнѣе, и онъ сразу почувствовалъ себя въ своей сферѣ. Зося тоже быстро освоилась и начала весело щебетать. За обѣдомъ оказалось, что карауловская семья гораздо больше, чѣмъ предполагали Колычевы. Появились дальнія родственницы, воспитанница мамочки, крестникъ папочки, древняя гувернантка, жившая на покоѣ, и наконецъ старичокъ-сосѣдъ, когда-то погорѣвшій и поселившійся у Ильи Семеновича до новой стройки, да такъ и оставшійся навсегда квартирантомъ въ Карауловкѣ.

Все это ѣло, пило, болтало и вносило жизнь и тепло въ просторный домъ.

Зося опять расцвѣла душою и улыбкой, и когда Илья Семеновичъ за шампанскимъ, поданнымъ въ честь молодыхъ, закричалъ: „горько!" охотно поцѣловалась съ мужемъ и радостно заглянула ему въ глаза.

Въ первый разъ послѣ Москвы сѣла она за рояль съ съ удовольствіемъ и играла весь вечеръ все, что требовали слушатели.

Гости и хозяева такъ пришлись другъ другу по душѣ, что рѣшено было наутро привести въ исполненіе лѣтнее предложеніе Ильи Семеновича — объѣхать вмѣстѣ кое-кого изъ сосѣдей.

Эта поѣздка сильно освѣжила супруговъ, и, вернувшись черезъ нѣсколько дней домой, Зося начала дѣятельно готовиться къ пріѣзду гостей. Въ липовой аллеѣ воздвигли горы и усердно поливали ихъ водой. Въ ожиданіи господъ дворня съ хохотомъ каталась съ нихъ на рогожкахъ и въ корзинкахъ, а Ѳедька ѣздилъ даже на лопатѣ и метлѣ. Прудъ размели, расчистили подъ катокъ, а посрединѣ соорудили кружало, — вбили столбъ, надѣли на него колесо, къ нему прикрѣпили длинный шестъ, а къ шесту салазки, которыя, приведенныя въ движеніе, кружились съ быстротою молніи по гладкому льду.

Иванъ Николаевичъ заготовилъ коньки и санки. Гости начали съѣзжаться, и бѣлая вилла огласилась впервые веселыми молодыми голосами, смѣхомъ и шумомъ.

Всѣ эти барышни и барыньки были положительно влюблены въ хозяйку, а ихъ братья ухаживали за всѣми дамами по очереди, и уже съ утра сочинялась программа увеселеній на весь день.

Пришелъ и сочельникъ. Вечеромъ устроили елку и одарили всю дворню, а на другой день утромъ послѣ обѣдни явились отецъ Никита съ Зосимою славить.

Стоя въ своей пышной бѣлой залѣ и слушая чуждые церковные напѣвы, Зося крѣпко задумалась. Вспомнилось ей, что за все время своего замужества она еще ни разу не побывала въ костелѣ, ни разу не исповѣдалась въ грѣ-

хахъ. Годъ назадъ Рождество она проводила въ Запольѣ и въ ночь на праздникъ младенца Іисуса ходила передъ виліей вмѣстѣ со всею семьею въ фамильную каплицу Запольскихъ пѣть Agnus Dei. А когда они возвращались въ замокъ по еловой аллеѣ, уставленной горящими смоляными бочками, Стась шелъ рядомъ съ нею и, тихонько просунувъ руку въ огромную соболью муфту, нѣжно пожималъ ея озябшіе пальчики...

Развѣ хуже было теперь?

Вотъ она сама хозяйка не менѣе роскошныхъ аппартаментовъ. Она носитъ хорошее знатное имя. Въ ея распоряженіи цѣлый штатъ слугъ и дворовыхъ, и сотни крестьянъ считаютъ ее своей госпожей... Наряды отъ Ворта, кровные рысаки, балующій и осыпающій ее брильянтами мужъ, влюбленные поклонники, — чего же еще тебѣ, капризная фарфоровая куколка?..

О, она сама не сумѣла бы отвѣтить — чего...

А вечеромъ пришли мальчики со звѣздой, потомъ явились ряженые, и бѣлая зала засверкала огнями, и старые инистые клены съ любопытствомъ заглядывали въ окна на шумный хороводъ. Самъ Евграфъ не ворчалъ больше на музыку и плясы: съ добродушной улыбкой смотрѣлъ онъ на развеселившуюся Зосю, порхавшую въ мазуркѣ со своимъ мужемъ...

Иванъ Николаевичъ совсѣмъ помолодѣлъ въ этой безшабашной компаніи. Сидя по утрамъ съ паномъ Романомъ въ кабинетѣ надъ планами и счетами, онъ вдругъ потягивался и взмаливался:

— Нѣтъ, повременимъ немного! я рѣшительно не въ силахъ работать! Слышите, какъ они тамъ заливаются?

И онъ готовъ былъ вскочить и бѣжать въ залу, гдѣ молодой Свищовъ подъ ужасный аккомпаниментъ Зизи Меркуловой распѣвалъ:

Лайба плылъ моя не пустъ,
Какъ поплылъ на Тавастгустъ.
Былъ смола восемь пудовъ,
Былъ соснова много дровъ.

Лайба плылъ.
Вѣтеръ вылъ,
И я очень рада былъ и т. д.

Панъ Романъ хмурился.

— Какъ хотите, милый зять, но мы такъ никогда не кончимъ!

И Колычевъ, вздохнувъ, опускался въ кресло, и снова начинали щелкать счеты и наноситься отмѣтки на развернутые подробные планы его имѣній.

Имѣя полную довѣренность Ивана Николаевича и получивъ таковую же отъ Сотова на имя его жены, панъ Романъ легко могъ бы откладывать по-старому тысячи въ Варшавскій банкъ, но теперь это ужъ не были попрежнему только „москальскія“ деньги. У Зоси могли явиться дѣти, да и щедрость Колычева къ женѣ обезоруживала стараго плута. Кромѣ того, „тамъ“ въ центральномъ народномъ комитетѣ въ Польшѣ черезъ Валека узнали о Зосиной свадьбѣ съ русскимъ, и довѣріе къ Юшкевичу разомъ рухнуло.

Валекъ, со времени отказа Зоси, въ Колычево не показывался. Сношенія съ заговорщиками онъ поддерживалъ отнынѣ самостоятельно, и ему было предложено стать десятникомъ въ его губерніи. Всѣхъ проживавшихъ въ городѣ и окрестныхъ помѣстьяхъ поляковъ онъ сорганизовалъ въ тройки, гдѣ каждый зналъ лишь его и двухъ другихъ, и дѣятельность Домбровскаго заслужила полное одобреніе, хотя его матерьяльная помощь великому дѣлу была несравненно скуднѣе, чѣмъ получавшаяся раньше отъ пана Романа.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло для послѣдняго безъ извѣстій отъ главарей возстанія, и самолюбивый полякъ обидѣлся не на шутку.

— Цо-то, дурни! невиннаго человѣка клеветой заклеймили! Ну, и чортъ съ ними... Понадоблюсь, небойсь адресъ мой вспомнятъ, а теперь и то не до нихъ.

И панъ Романъ усердно принялся за дѣла.

Вопросъ о размежеваніи съ крестьянами былъ еще не рѣшенъ, и въ концѣ-концовъ первый проектъ надѣловъ оказался единственно удобнымъ. Крестьяне получали макси-

мальный надѣлъ по 8 десятинъ на душу и кожинскія пустоши въ аренду, но въ ихъ землю все-таки врѣзалась клиномъ мельница на узкой береговой полосѣ. Съ другой стороны вкрапленной въ собственность Колычевыхъ оказывалась усадьба Евграфа. Съ осени уже красовался на ней срубъ въ три окна со свѣтелкой, но пока онъ былъ необитаемъ: старикъ жилъ попрежнему въ виллѣ и состоялъ въ личномъ распоряженіи Зоси.

Сегодня какъ разъ панъ Романъ убѣждалъ зятя не дѣлать глупости и отвести, пока не поздно, вѣрному Личардѣ другую землю, поближе къ крестьянской, боясь недоразумѣній въ будущемъ.

— Поймите, дорогой панъ Романъ, — Колычевъ никакъ не могъ назвать его отцомъ, хотя и называлъ пани Юзыню матушкой:—я обѣщалъ ему именно этотъ участокъ, и взять слово назадъ не могу. Повѣрьте, страхи ваши напрасны и неосновательны. До смерти Евграфа никакихъ осложненій и выйти у насъ не можетъ, а тамъ я сдѣлаюсь съ его наслѣдниками и обмѣняю имъ эти двѣ десятины на восемь надѣльныхъ, если найду ихъ сосѣдство нежелательнымъ.

— Ваше дѣло, ваше дѣло! Но надо все предвидѣть. Будете ли вы потомъ еще въ правѣ мѣнять чужую землю на свою? Вѣдь наслѣдники могутъ поставить вамъ такія условія, такъ отравятъ вамъ жизнь, что вы не разъ проклянете ваше сегодняшнее упорство.

— Чѣмъ же это?

— Да всѣмъ! Протопчутъ вамъ дорогу черезъ садъ, чтобы ближе ходить было въ село и въ церковь, построятъ на своей землѣ кабакъ или какую-нибудь вонючую фабрику, сдадутъ въ аренду кулаку и сутягѣ,—да мало ли что можетъ случиться? Если вамъ самимъ неудобно, поручите дѣло Зосѣ, она сумѣетъ переубѣдить старика, не обидѣвъ его.

— Я знаю, но, право, мнѣ бы этого ни за что не хотѣлось. Старикъ такъ радовался этому клочку земли, этому близкому сосѣдству съ дядиной могилой, что никогда у меня не хватитъ духу отобрать его обратно.

— Повторяю еще разъ—ваше дѣло.

И панъ Романъ перешелъ къ планамъ о переустройствѣ хозяйства въ Горкахъ, куда онъ собирался послѣ святокъ, имѣя наконецъ всѣ нужные ему для полной свободы дѣйствій документы.

На третій день новаго года былъ назначенъ большой балъ въ Колычевѣ. Квартировавшій въ уѣздномъ городѣ полкъ былъ приглашенъ въ полномъ составѣ. Веселье въ старой вотчинѣ приманило и тѣхъ сосѣдей, которыхъ Зося такъ искусно избѣгала въ дѣвичествѣ. Сперва ее шокировали эти наѣзжавшіе безъ зова дворянчики, ихъ супруги и дочки, но въ концѣ концовъ безъ нихъ нельзя было обойтись, да и московская молодежь относилась къ нимъ весьма снисходительно, слегка лишь подтрунивая и передразнивая всѣхъ послѣ ихъ отбытія въ допотопныхъ и пестро расцвѣченныхъ пошевняхъ. Зося съ мужемъ объѣхали и ихъ, въ свою очередь, и балъ обѣщалъ быть весьма многолюднымъ.

Но уже къ обѣду Зося почувствовала себя неладно. Въ чемъ дѣло,—она давно сообразила, однакожъ, не желая разстраивать компаніи и отказываться отъ веселья и любимыхъ ею танцевъ, рѣшила пока скрывать свое положеніе. Сутолока послѣднихъ дней отозвалась теперь. Было тяжело дышать и тошнило.

Не допивъ кофе, подъ предлогомъ усталости, она ушла къ себѣ. Въ уборной на кушеткѣ лежало приготовленное къ вечеру платье. На туалетѣ въ высокомъ бокалѣ благоухалъ букетъ. Зося достала флакончикъ съ солью, натерла виски одеколономъ и распустила шнуровку. Въ двери постучались, и вошла пани Юзыня.

Со времени Зосинаго замужества отношенія между матерью и дочерью значительно улучшились. Зосѣ не было больше причины бояться выговоровъ и замѣчаній, а старуха чувствовала даже нѣкоторое подобострастіе къ своей разбогатѣвшей цуркѣ. Она попрежнему вѣдала молочное и птичье хозяйство и только одѣвалась еще пестрѣе и чувствовала себя еще важнѣе, отправляясь въ гости къ Чупровымъ и Супруненкамъ.

— Тебѣ неможется?—спросила она дочь.

— Да, я устала и меня слегка мутитъ.

— Ты бы легла!

— Ахъ, мама, я и сама знаю, что мнѣ дѣлать! Лучше спросите Герасима, заготовилъ ли онъ всѣ букеты для дамъ. Да посмотрите, красиво ли разложены конфеты и фрукты. А сами одѣньтесь и примите тѣхъ, кто пріѣдетъ пораньше. Барышенъ надо провести въ уборную, имъ нужно будетъ оправить прически и туалеты. А я и вправду полежу съ полчасика.

Черезъ минуту послѣ ухода Юзыни къ Зосѣ постучалась молодая Баринова, сестра Багурина.

— Душечка, что съ вами? Какая вы блѣдная!

— Да, мнѣ нехорошо!

— Вы не въ интересѣ?

— Кажется, нѣтъ, а, впрочемъ, не знаю.

— Лучше бы вамъ не танцовать. Надѣньте что-нибудь посвободнѣе, а то вамъ снова будетъ дурно. Я по себѣ знаю,—покой прежде всего.

Зося не успѣла отвѣтить, какъ въ комнату ворвалась Зизи.

— Что же это вы какая кислая? Платье Мареуша испортила?

— Нѣтъ,—отвѣчала за Зосю Баринова.—Зосѣ нездоровится... Вы понимаете?.. и я совѣтую ей не танцовать.

— Вотъ пустяки! напротивъ. Мнѣ и мой акушеръ говорилъ, что все дѣло въ умѣньѣ взять себя въ руки и не распускаться. Это сейчасъ пройдетъ. Надо распустить одну каплю нашатыря въ стаканѣ воды и выпить два маленькихъ глотка. Дайте, я вамъ приготовлю.

Совѣтъ Зизи пришелся по сердцу Зосѣ, ей отказаться отъ сегодняшняго бала показалось бы величайшимъ горемъ. Она задержала дыханіе, чтобы не чувствовать непріятнаго остраго запаха и отпила два глотка питья, которое дѣйствительно точно отрезвило ее.

— Въ самомъ дѣлѣ... совсѣмъ прошло... Ну надо одѣваться. Кому изъ васъ, mesdames, прислать потомъ Мареушу?

Мареуша, бывшая Футька въ Горкахъ, была 13-ти лѣтъ отдана въ ученье къ m-me Луизѣ въ Москву и оказалась весьма талантливой портнихой. Выписанная Иваномъ Ни-

колаевичемъ къ молодой женѣ, она занимала почетное положеніе камеристки, а за послѣдніе дни играла очень видную роль въ домѣ, потому что барышнямъ и барынямъ поминутно требовались ея услуги.

Зося была вымыта, надушена, напудрена и затянута въ корсетъ, но лифъ платья отъ m-me Минангуа, заказаннаго къ балу Подлуцкихъ, не желалъ стягиваться.

— Господи! что же теперь дѣлать, Марѳуша?

— Не безпокойтесь, сударыня, я пластрончикъ подмечу.

И, порывшись въ картонкѣ, она достала широкую бѣлую ленту подъ цвѣтъ платья.

— Насъ мадамъ Луиза, какъ лифъ переузимъ, все учила пластрончикъ пошире подметать: и красиво, и дышать можно.

Справившись и съ этой бѣдой, Зося окончательно повеселѣла. Талія была еще достаточно тонка, и дышалось свободно.

Весело шурша шлейфомъ, прошлась молодая хозяйка по ярко освѣщеннымъ комнатамъ. Да это былъ именно тотъ праздничный блескъ, который ей снился долгіе годы. Пахло куреньемъ. Бѣлая зала со всѣми пятью зажженными жирандолями казалась заманчиво нарядной. Оранжереи были опустошены для убранства боскетной, и цѣлыя клумбы гіацинтовъ, камелій и тюльпановъ красовались въ корзинахъ трюмо и въ жардиньеркахъ гостиныхъ.

На хорахъ устраивались музыканты присланнаго Карауловымъ оркестра...

А дверь изъ сѣней уже поминутно хлопала, впуская вмѣстѣ со струею свѣжаго воздуха вновь прибывавшихъ гостей, и прихожая все болѣе загромождалась ворохами шубъ, салоповъ, капоровъ и шапокъ.

На приглашеніе Колычевыхъ откликнулись всѣ. Мамаши даже похудѣли отъ хлопотъ надъ нарядами дочекъ, а Матрешки, Катьки и Лизки искололи себѣ всѣ пальцы иголками и перепортили зубы, откусывая нитки. Конечно, шикомъ и роскошью наряды мало отличались, но дѣвичьи лица горѣли отъ мороза и радостнаго возбужденія и казались хорошенькими и интересными.

Въ залѣ у дверей голубой севрской гостиной Зося привѣтливо здоровалась съ каждой входящей гостьей, а Иванъ Николаевичъ вручалъ всѣмъ букеты. Мужчины, поцѣловавъ ручку хозяйки, проходили въ бильярдную и кабинетъ, а дамы величественно, въ сопровожденіи дочекъ проплывали въ гостиныя, и скоро всѣ три ихъ—голубая, гобеленовая и желтая саксонская—были полны щебетанья и того сдержанно-нетерпѣливаго оживленія, которое предшествуетъ началу бала. Лакеи разносили чай и фрукты, и барышни, отставивъ мизинчикъ, держали чашки и осторожно одними кончиками зубовъ откусывали печенье. Каждая про себя ждала перваго вальса.

И вотъ раздались аккорды полонеза. Въ гостиныя толпою двинулись мужчины. Чашки оставлялись. Барышни оправляли платья. Пары строились. Даже чья-то древняя бабушка, притащившаяся изъ любопытства, очутилась подъ руку съ застѣнчивымъ подпоручикомъ, прозѣвавшимъ болѣе молодыхъ дамъ. Гости, присѣдая въ тактъ, два раза обошли всю анфиладу нижнихъ покоевъ. Звуки полонеза замедлились и перешли въ упоительный штраусовскій мотивъ. Первой вальсирующей парой оказались сами хозяева. Иванъ Николаевичъ не захотѣлъ никому уступить сегодня своего права, и взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ его рѣшимость. Это сразу привело всѣхъ присутствующихъ въ то непринужденное настроеніе, которое лучше всего обезпечиваетъ успѣхъ всякаго празднества.

Первый колычевскій балъ превзошелъ даже Зосины ожиданія. Всѣ веселились и плясали до упаду. Маменьки сидѣли вдоль стѣнъ и потѣшались, какъ молодой Свищовъ и Петя Багуринъ, дирижируя по очереди, старались превзойти другъ друга въ изобрѣтеніи все новыхъ фигуръ и то свивали танцоровъ тѣснымъ клубкомъ, то заплетали красивой гирляндой, не давая своимъ подчиненнымъ ни отдыху, ни срока.

Но когда при первыхъ звукахъ мазурки къ Зосѣ подошелъ панъ Романъ въ парадной синей венгеркѣ съ черными шнурами и въ лакированныхъ сапогахъ съ кисточками, всѣ встали съ мѣстъ и окружили ихъ тѣснымъ кольцомъ, гото-

вясь заранѣе полюбоваться настоящей польской мазуркой. Зося закинула на бокъ головку и плутовски заглянула въ глаза кавалеру, а онъ покрутилъ длинный усъ и вдругъ точно мячикъ отдѣлился отъ пола и полетѣлъ почти неслышно по кругу, потомъ остановился, лихо топнулъ ногой и закружилъ свою даму. Перекинувъ ее на лѣвую руку и держа за талію, онъ выхватилъ изъ кармана нарядный яркій фуляръ и, граціозно склоняясь въ тактъ, началъ обметать паркетъ передъ ея мелко семенившими ножками.

— Браво! браво!—раздалось восторженно кругомъ.

Всѣмъ кавалерамъ захотѣлось подражать пану Роману, и мазурка неслась все задорнѣе и лише. Зосѣ буквально не давали присѣсть. Танцуя съ какимъ-то поручикомъ, она вдругъ почувствовала, что у нея темнѣетъ въ глазахъ, и всей тяжестью склонилась къ нему на плечо.

Обморокъ хозяйки разстроилъ танцы. Зосю подхватили и перенесли въ гостиную. Явился встревоженный Иванъ Николаевичъ.

Полковой врачъ, игравшій на бильярдѣ и призванный на совѣтъ, потребовалъ немедленно уложить ее въ постель, и Колычевъ самъ отнесъ жену наверхъ. Марѳуша раздѣла барыню, и пани Юзыня осталась у кровати дочери.

Иванъ Николаевичъ вернулся въ залу и пригласилъ гостей въ столовыя къ ужину.

Несмотря на плотно закрытыя двери, шумъ и голоса сдержаннымъ гуломъ доносились къ Зосѣ. Ея дурнота прошла, но слабость оставалась, и она горько плакала, что столь давно ожидаемый праздникъ разстроенъ, и ей нельзя сидѣть за веселымъ ужиномъ, а надо лежать и хворать.

— И къ чему это? Очень мнѣ нужно этого ребенка! Стану уродомъ, никуда показаться нельзя будетъ... Я не хочу!.. я не хочу!.. рыдала она.

— Цурка, цурка! Богъ съ тобой! Вѣдь это грѣхъ. Богъ накажетъ тебя за такія рѣчи. Напротивъ, ты молиться должна. Обѣтъ дать Маткѣ Ченстоховской, чтобы роды прошли благополучно. Я за тебя, когда носила тебя, пелену ей вышила,—уговаривала пани Юзыня плачущую дочь.

— Ничего я ей вышивать не стану!.. Научите меня лучше, какъ поскорѣе отдѣлаться...

Пани Юзыня зажала ей ротъ рукою.

— Что ты? что ты? Ты съ ума сошла! Да ты и думать объ этомъ не смѣй! Иль и взаправду уродомъ стать хочешь? Да отъ кого ты это слышать могла?

— Отъ кого? Ахъ, мама! да неужто вы думаете, мы въ пансіонѣ этого не знали? Что вы воображаете, что мы такъ-таки въ капустныя гряды и въ аиста вѣрили? Да Олеся и Элиза прямо рѣшили, что ни за что уродовать себя не дадутъ. Лѣтъ черезъ пять или шесть,—другое дѣло, а когда же веселиться, какъ не смолоду?

И Зося снова уткнулась, рыдая, въ подушку.

Пани Юзыня только перекрестилась.

— Богъ съ тобою, цурка! ради веселья—человѣка убивать!.. Вѣдь ты уже не маленькая, должна понимать...

Она не успѣла докончить фразы, какъ въ комнату вошелъ Колычевъ. Съ радостно умиленнымъ выраженіемъ благоговѣйно коснулся онъ губами выпростанной поверхъ одѣяла нѣжной руки.

— Зачѣмъ же ты не предупредила меня? Я бы никогда не созвалъ эту ораву! Я такъ счастливъ, голубка моя... Одного боюсь, не повредила ли ты себѣ? Ферапонтъ Васильевичъ—(это былъ полковой врачъ)—находитъ, что ты должна быть крайне осторожна. Онъ рекомендовалъ прекраснаго акушера, и я завтра же вызову его изъ Москвы на консультацію.

Зося лежала съ закрытыми глазами. Да, вотъ оно, начинается мученье: доктора... осмотры... рецепты... бандажи и прочіе ужасы. Сиди дома и никуда не показывайся... По пятамъ будетъ ходить мужъ... пани Юзыня.,. ахъ, не упади!.. ахъ, не поднимай!.. ахъ, не оступись!.. и это по крайней мѣрѣ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ еще...

Черезъ два дня выписанный изъ Москвы врачъ, осмотрѣвъ Зосю, нашелъ, что пока все идетъ нормально, но рекомендовалъ избѣгать рѣзкихъ движеній и всякихъ волненій... Гостившая въ Колычевѣ компанія разъѣхалась понемногу, и вилла снова погрузилась въ тишину.

Иванъ Николаевичъ окружилъ жену еще большимъ вниманіемъ. Онъ выписалъ изъ Англіи дорогія руководства по гигіенѣ и первому уходу за ребенкомъ. По приложеннымъ каталогамъ и проспектамъ Зося заинтересовалась устройствомъ настоящей англійской nursery, и изъ бывшей спальни Арсенія Михайловича рѣшили сдѣлать дѣтскую. Пани Юзыня тайкомъ готовила кукольное приданое и прятала его отъ людей, боясь сглазить мать или ребенка.

Зося каждый день разсматривала въ зеркало свое лицо и фигуру. О выкидышѣ она уже не думала. Она прочла въ книгахъ, какія ужасныя послѣдствія влекутъ за собою всѣ эти искуственныя мѣры, и покорилась судьбѣ. Къ своему удивленію, она больше несчастной себя не чувствовала. Сосѣди продолжали навѣщать ее, и шансы Колычева замѣнить на выборахъ Илью Семеновича все увеличивались.

Честолюбію Зоси открывалась широкая, заманчивая перспектива играть въ ихъ большомъ и людномъ уѣздѣ роль предводительши.

А панъ Романъ тѣмъ временемъ наводилъ порядокъ въ Горкахъ. Всю пахотную землю рѣшено было сдать въ аренду и вести одно лѣсное хозяйство, перестроивъ мельницу на лѣсопилку по шведскимъ образцамъ. Усадьбу упраздняли, продавая на сносъ амбары и кладовуши. Домъ заколотили. Маргарита Ивановна и ея сожительницы получили ежегодную пенсію по 15 рублей въ мѣсяцъ на душу и, крехтя и охая, разстались съ насиженными теплыми углами на старыхъ антресоляхъ. Говорятъ, стонъ стоялъ, когда выносили ихъ перины и подушки, ихъ любимыхъ канареекъ и Газелекъ съ Жульками. Но панъ Романъ былъ неумолимъ. Живой и мертвый инвентарь онъ рѣшилъ перевезти въ Колычево, ключи отъ дома вручилъ сторожу, и по опустѣвшему, когда-то шумному и суетливому двору бродили теперь, мяукая, однѣ голодныя кошки, да хрипло лаяла цѣпная собака.

XX.

Тобой свершилося желанное вѣками.
Возрадовалась Русь, довольна и горда,
И празднуетъ народъ молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда...

Русскій дворянинъ (Кн. В. Ѳ. Одоевскій).

Еще на поляхъ лежалъ пеленою снѣгъ, еще спали подъ нимъ озими, и только вѣтеръ, прилетая съ далекихъ береговъ окованной льдомъ рѣки, качалъ голыя вѣтки березъ и липъ, вязовъ и кленовъ и напѣвалъ о новой неслыханной, грядущей веснѣ, о красной долѣ, золотой волѣ, которая раскуетъ желѣзныя ржавыя оковы и цѣпи.

Но деревья дремали и не вѣрили ни веснѣ, ни пѣснямъ о чудесной свободѣ... Имъ казалось это обманчивыми грезами зимняго сна, и только мохнатыя ели и курчавыя сосны все ярче зеленѣли въ отвѣтъ и шептали:

„А мы вѣримъ... мы чуемъ... мы слышимъ!..“

Настало 19-е февраля 1861 года. Подписанный государемъ проектъ положенія вошелъ въ силу и сталъ закономъ, согласно выраженному имъ 28-го января въ государственномъ совѣтѣ желанію: „до начала новыхъ полевыхъ работъ“.

Какъ громъ пронесся по помѣщичьимъ усадьбамъ. До послѣдней минуты не вѣрилось, что однимъ росчеркомъ пера можно было сокрушить державшійся почти три вѣка общественный строй. Ни губернскіе комитеты, ни редакціонныя комиссіи, ни даже личные опросы о предполагаемыхъ надѣлахъ не въ состояніи были убѣдить дворянъ въ медвѣжьихъ углахъ о предстоящей коренной перемѣнѣ въ ихъ жизни.

Отпечатанные и вышедшіе черезъ двѣ недѣли экземпляры высочайшаго манифеста, составленнаго митрополитомъ Филаретомъ, достигли наконецъ и Колычева. Въ воскресенье 12-го марта отецъ Никита прочелъ его съ амвона громогласно. Крестьяне поняли только: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!“ и, широко размахивая руками, стали креститься. Отслужили молебенъ съ колѣнопре-

клоненіемъ. Иванъ Николаевичъ былъ въ церкви, но Зося, конечно, не пошла.

Когда кончилась служба, мужики столпились на паперти и поджидали барина.

— Ну, братцы! поздравляю васъ съ волею!—громко и отчетливо сказалъ, снявъ шапку, Колычевъ.

Мужики молчали и, тоже снявъ шапки, толклись на мѣстѣ. Наконецъ Агаѳонъ выступилъ впередъ:

— А гдѣ жъ эта воля?

— Какъ гдѣ? развѣ ты не слышалъ, что батюшка читалъ съ амвона?

Вынувъ изъ кармана экземпляръ манифеста, онъ сталъ толковать каждое слово.

— Ну что же, поняли теперь?

— Какъ не понять! что толкуешь,—то поняли, а только это не воля.

— Какъ не воля? Какой же тебѣ надо?

— А той, что царь въ Іерусалимъ за печатью посылалъ.

Иванъ Николаевичъ улыбнулся.

— Ну, братъ, это сказки! Русскому царю незачѣмъ въ Іерусалимъ за печатью посылать. У него своя есть!

Мужики почесали затылки.

— Такъ-то оно такъ, а только та все же крѣпче!

— Ну, а какъ же насчетъ земли будетъ?—спросилъ Кузьма.

— Землю получите.

— А какую?

— Да ту, что вашей считается.

— Вотъ тебѣ и воля! Какъ же такъ я мою землю получу, когда я ее и такъ имѣю?

Иванъ Николаевичъ снова улыбнулся.

— Нѣтъ, земля не твоя; т. е. теперь—она твоя, а прежде моею была. Ты ее обрабатывалъ, а я за нее подати платилъ, и если бы она мнѣ понадобилась, то я могъ бы отобрать ее у тебя и отдать другому.

Мужики одобрительно закивали головами.

— Вѣрно, вѣрно! Это, значитъ, на другого тягло навалить. Ну, а теперь съ моего тягла никто меня не погонитъ, и я, кому хочу, самъ отдать его воленъ.

— Ну, братецъ! это ты впередъ забѣжалъ. Этого еще нельзя. Да и за эту землю тебѣ придется выкупъ платить.

Крестьяне обомлѣли.

— Какой выкупъ? Баяли, даромъ землю дадутъ, да не ту, что нашей зовется, а ту, что мы на помѣщика робили.

Иванъ Николаевичъ покачалъ головой.

— Охота всякому слуху вѣрить! Нѣтъ, ребята, это напрасно. Отъ помѣщиковъ никто землю отнять не можетъ, развѣ прогнѣвитъ кто чѣмъ царя и въ опалу попадетъ. А моя земля ко мнѣ отъ дѣдовъ перешла. Это вотчина моя, и меня никто съ нея прогнать не смѣетъ.

— Такъ въ чемъ же тутъ воля? объясни, Христа ради!— взмолился Пахомъ, назвавшій на поминкахъ соколомъ Ивана Николаевича.

— Въ чемъ воля? А въ томъ, что пройдетъ еще два года, и ты можешь, не спрашивая меня, итти, куда глаза глядятъ. Въ томъ воля, что вотъ этотъ,—онъ положилъ руку на голову протиснувшагося впередъ мальчугана съ разинутымъ ртомъ:—не будетъ уже знать барщины и забудетъ даже, что значило слово „крѣпостной"; работать будетъ на кого хочетъ, жить будетъ—какъ хочетъ, и невѣсту возьметъ, какую хочетъ!

И онъ ласково потрепалъ курчавую головенку.

— Слышь ты, барщины не будетъ... На оброкъ, что ли, переведешь?

— Ни оброковъ, ни барщины не будетъ. А станете, да и стали уже отъ сего часа и сей минуты вольными и только въ теченіе двухъ лѣтъ будете еще работать на меня по три дня въ недѣлю, а которые на оброкѣ,—будутъ оброкъ платить.

— Постой, постой, кормилецъ! А какъ же ты говорилъ— выкупъ? Что же это мнѣ кому выкупъ платить придется?

— Да! Ты его мнѣ платить будешь.

— За что же выкупъ?.. я въ толкъ не возьму.

— А за землю свою.

— Да вѣдь моя она?

— Будетъ твоею, а пока я за нее подати платилъ, она моею была.

— Ну, а теперь кто же за нее платить будетъ подати-то?

— Ты... Ну, братцы, прощайте! если кого чѣмъ обидѣлъ,—простите и не помните лиха ни на мнѣ, ни...—онъ нѣсколько остановился:—ни на дѣтяхъ моихъ.

Крестьяне поклонились ему въ поясъ, и Колычевъ отправился домой. Однако сами они еще не расходились.

— Что жъ это за воля? Я и подушныя плати, я и выкупъ ему дай! Не воля, а неволя...

— Это, братцы, онъ, вѣрно, самъ не понялъ.

— Нѣ, не понялъ, а не настоящую ему прислали, я те говорю.

— Да вѣдь какъ не настоящую? И отецъ Никита ту же читалъ.

— И тоже не настоящую. Той на золотой грамотѣ съ красной печатью быть положено, а эта черная на бѣломъ. Я те говорю, ту въ Іерусалимѣ задержали и къ Пасхѣ пришлютъ, а это пока лишь!

— Да вотъ онъ баялъ, черезъ два года! А я до тѣхъ поръ умереть могу!—говорилъ жалобно Пахомъ.

— Не умрешь! столько годовъ ждалъ, еще два подождать недолго!

— Ну, что жъ, куда итти теперь? Эхъ, кабака нѣтъ!

— А на что же воля, братцы? Коли мы вольные, первое дѣло кабакъ построимъ,—заявилъ Агаѳонъ.

— Вѣрно! что дѣло—то дѣло! Перво-на-перво! Чтобъ, значитъ, не за каждымъ шкаликомъ въ городъ трястися.

— А полякъ нешто позволитъ?

— Чего тутъ полякъ? Поляку теперь руки обломали. Попробуй, тронь меня,—такъ я ему докажу волю!..

И крестьяне съ нетерпѣніемъ стали ждать Пасхи.

Но прошла и заутреня, и отецъ Никита обошелъ избы, христосуясь и собирая яйца, и снѣгъ сбѣжалъ съ полей,—а староста опять по примѣру прошлыхъ лѣтъ распредѣлялъ очереди, и панъ Романъ разъѣзжалъ снова по мокрымъ межамъ и по старому покрикивалъ:

— Аль рукъ нѣтъ, оселъ? Чего опять плугъ завязилъ, быдло. Не сохою пашешь, мерзавецъ!

Или, тыкая кнутовищемъ въ разрыхленную землю, заставлялъ перескородить готовую къ посѣву полосу.

— Въ праздникъ скородить у меня будешь, гультяй этакій!

И мужики по привычкѣ молчали, работали до десятаго поту и спрашивали себя: а гдѣ-жъ это воля?

Наконецъ, въ одно холодное воскресенье въ началѣ мая и къ нимъ пріѣхалъ какой-то чиновникъ въ сопровожденіи Супруненка.

— Сходъ созови!– пробасилъ уѣздный Голіаѳъ выскочившему на знакомый звонъ колокольчика Дороѳею.

Чиновникъ сѣлъ на крылечкѣ вновь пустующей больницы. Дороѳей побѣжалъ по избамъ.

— Волю привезли!—заявилъ онъ Агаѳону.

Агаѳонъ побѣжалъ къ Кузьмѣ, Кузьма къ Пахому, и вся улица села всколыхнулась, и старъ, и младъ потянулись къ церкви. Отецъ Никита, опираясь на новую трость съ массивнымъ серебрянымъ набалдашникомъ, полученную отъ Ивана Николаевича, подошелъ тоже.

Громко и внятно прочелъ чиновникъ уже знакомый крестьянамъ манифестъ, а затѣмъ сталъ разъяснять положеніе. Тѣснымъ кольцомъ, снявъ шапки, окружали крестьяне столъ, за которымъ сидѣли власти, и внимательно прислушивались къ мудренымъ словамъ, все надѣясь уловить въ нихъ желанный смыслъ о даровой землѣ, щедро нарѣзанной на долю каждаго изъ тѣхъ тучныхъ помѣщичьихъ полосъ, которыя въ теченіе безконечнаго ряда лѣтъ поливались ихъ слезами, потомъ, а подчасъ и алою кровью. Но ни о чемъ подобномъ и рѣчи не было.

И снова началась сказка про бѣлаго бычка,—про землю, которую крестьяне и не думали считать помѣщичьей, искони такъ и называли „мужицкой“ и не могли никакъ понять, за что же платить за нее теперь выкупъ?.. Одно они наконецъ смекнули,—что черезъ два года ни барщины, ни оброковъ не будетъ, и что теперь уже панъ Романъ не смѣетъ заставлять ихъ работать сверхурочно.

Когда чиновникъ наконецъ всталъ и хотѣлъ удалиться съ Супруненкомъ, Агаѳонъ набрался храбрости и подошелъ къ нему:

— А какъ, ваша милость, теперь насчетъ кабаковъ?

— Что такое? какихъ кабаковъ?—удивился тотъ, совершенно измученный и очумѣвшій и отъ запаха овчины, дегтя и человѣческихъ испареній, и отъ безтолковыхъ разспросовъ.

— То ись, вотъ здѣсь, на энтой на нашей таперича землѣ. Могимъ мы открывать его?

Чиновникъ оторопѣлъ. Онъ вовсе къ такому вопросу подготовленъ не былъ и не зналъ, что сказать, но Супруненко не растерялся. Сильной и властной дланью схватилъ онъ Агаѳона за воротъ ѳулупа и, приподнявъ отъ земли, потрясъ въ воздухѣ:

— Я те кабакъ покажу! Ишь, пьяница! Попадешься мнѣ у стойки, такъ я тебя такъ проучу, каналью, что и костей не соберешь!

И, поставивъ блѣднаго мужика на землю, далъ ему еще вслѣдъ пинка.

Ропотъ неодобренія пронесся по толпѣ, но неодобренія не поступку станового, а пристыженному и разомъ осѣвшему Агаѳону.

— Ишь дуракъ... Вахлакъ этакій—раздались голоса.— Туда же съ начальствомъ толковать полѣзъ!

И, снявъ снова шапки, толпа проводила это начальство до тарантаса.

Ямщикъ хлестнулъ лошадей. Звякнулъ колокольчикъ и залился своей переливною пѣсней, затихая понемногу за косогоромъ села, словно унося съ собою въ невѣдомую даль замолкшія надежды и потухшія мечты о красной долѣ, о золотой мужицкой волѣ...

XXI.

Лебедь бѣлый,
Лебедь плавный
На серебряномъ прудѣ,
Средь усадьбы опустѣлой,
Какъ остатокъ жизни славной,
Отражается въ водѣ.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Чѣмъ дальше, тѣмъ легче переносила Зося свое положеніе.

Дурнота прошла и хотя двигаться было тяжело, но настроеніе было лучше, и она продолжала свои хлопоты по устройству дѣтской и каждый день подъ руку съ мужемъ ходила въ видѣ прогулки на постройку Евграфовой усадьбы, которую ей хотѣлось убрать какъ игрушку.

Въ головѣ старика, да и въ сердцѣ тоже, образъ Зоси слился окончательно съ тѣмъ другимъ образомъ, которому молился его батюшка-баринъ въ одинокіе долгіе годы. Ему казалось, что мечты Арсенія Михайловича воплотились послѣ его смерти въ награду за вѣрность, и что спящій тамъ на кулигѣ подъ некрашеннымъ крестомъ радуется самъ, видя, какъ горитъ по вечерамъ огонь въ высокихъ окнахъ и мелькаетъ тѣнь женщины въ распашномъ капотѣ, женщины, въ которой совершается теперь великая тайна Божьяго благословенія и благодати. И съ умиленіемъ усаживалъ Евграфъ дорогую гостью на завалинку, подставлялъ ей подъ ноги скамеечку и укутывалъ ихъ, чтобы она не простудилась.

Зося унаслѣдовала отъ отца организаторскія способности; она обдумывала и обсуждала каждую мелочь, и плотникъ Иванъ съ подручнымъ, выпиливая по ея рисункамъ городки, коньки и рѣзныя оконныя ставни, не могли надивиться ея вѣрному чутью и глазу. Она велѣла пани Юзынѣ выбрать корову и гнѣздо куръ, Иванъ Николаевичъ отдалъ Евграфу, по желанію ея, одну изъ лучшихъ пахотныхъ кобылокъ, приведенныхъ весною изъ Горокъ, и Зося сама выбрала упряжь, телѣгу и всѣ полевыя орудія, по указанію пана Романа. Силантій привезъ съ базара новую посуду и весь нужный скарбъ, а Герасимъ насадилъ вьющихся бобовъ, настурцій и лупинусовъ около избы и засадилъ огородъ сѣменами и разсадой.

Къ Троицыну дню Евграфъ переселился къ себѣ и справилъ новоселье.

Всѣ хозяйственныя заботы по усадьбѣ несла и вѣдала его внучатная племянница Агаша, старикъ же съ утра въ своемъ ливрейномъ фракѣ отправлялся въ виллу и обметалъ пыль въ розовомъ будуарѣ и бѣлой дѣтской. Онъ съ нетерпѣніемъ рисовалъ себѣ то маленькое тѣльце, которое будутъ пеленать вотъ на этомъ пеленальномъ столикѣ, обитомъ бѣлою, мягкою, ровно твой бархатъ, клеенкою; купать въ этой отливавшей серебромъ ванночкѣ и катать въ высокой коляскѣ съ зеленымъ опускнымъ зонтикомъ.

И не одинъ Евграфъ ждалъ маленькаго „барина“—по-

чему-то о „барышнѣ“ не было и рѣчи,—вся дворня была особенно ласково-почтительна съ Зосей и высчитывала и гадала о срокѣ радостнаго событія. Уже пріѣхала и цѣлый мѣсяцъ жила въ домѣ Лизавета Ивановна, ходившая неслышно въ мягкихъ особенныхъ туфляхъ и осматривавшая барыню каждое утро. Недѣлю назадъ пріѣзжалъ и тотъ докторъ, котораго рекомендовалъ Ферапонтъ Васильевичъ, но котораго почему-то не взлюбилъ Евграфъ. Зося тоже не чувствовала къ нему особой симпатіи и взяла тайкомъ отъ мужа слово съ пани Юзыни, что она выпишетъ непремѣнно больничнаго мрачнаго и молчаливаго доктора, едва начнутся первыя боли. Она совершенно не боялась родовъ и вѣрила, что все сойдетъ благополучно, и потому присутствіе знаменитости считала излишнимъ, а тому знакомому еще съ дѣтскихъ лѣтъ Игнатію Львовичу Яшневу вѣрила безусловно больше.

Черезъ недѣлю послѣ Евграфова новоселья съ Зосей утромъ сдѣлалось совершенно безпричинно дурно, и открылась рвота.

Знаменитость обѣщала быть въ концѣ недѣли, а потому въ Москву была отправлена эстафета, а пани Юзыня послала Степана за Игнатіемъ Львовичемъ. По расчетамъ всѣхъ, раньше какъ черезъ мѣсяцъ ничего быть не могло, и акушерка увѣряла, что это отъ раковъ, которыхъ очень любила Зося и ѣла цѣлыми десятками.

Но уже къ обѣду сомнѣнія не оставалось. Боли повторились съ ужасающей силой, и лицо Зоси совершенно осунулось. Прежняя увѣренность въ благополучномъ исходѣ смѣнилась тревогой. Она не отпускала отъ себя мужа. Въ эти минуты снова вернулось то душевное размягченіе, которое она уже испытала въ прошлогоднюю болѣзнь, и она хваталась за его руки и прижимала ихъ къ своимъ сухимъ губамъ и молила: „не уходи, помоги!“

А Иванъ Николаевичъ самъ нуждался въ нравственной поддержкѣ.

Всѣ эти муки онъ видѣлъ уже разъ, тѣ же стоны, тѣ же умоляющіе о пощадѣ расширенные зрачки и безсильныя слезы изъ глазъ обожаемаго, безпомощнаго существа.

И сознаніе своей вины вставало все ярче.

„Да, не смѣлъ жениться,—говорилъ ему давно забытый, когда-то дорогой голосъ:—ты погубилъ меня, ты далъ клятву вѣрности у моего безвременнаго трупа, ты не сдержалъ ея—и вотъ она, расплата...“

Онъ обливался самъ холоднымъ потомъ и трясущимися губами цѣловалъ эти судорожно сжимавшіе его руки пальцы, этотъ залитый каплями испарины разгоряченный лобъ.

Наконецъ, къ вечеру явился Игнатій Львовичъ. Онъ вызвалъ Колычева изъ спальни и сказалъ:

— Я предупреждаю васъ, что я не акушеръ. Конечно, принимать и мнѣ приходилось, и организмъ вашей супруги я знаю съ дѣтства. Но именно въ виду ея повышенной нервности можно ждать эклампсіи, и я отвѣчать за исходъ не могу.

Иванъ Николаевичъ пошатнулся. То же названіе онъ слышалъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ.

— Не дай Богъ! Что вы говорите!

— Я счелъ долгомъ предупредить васъ,—и онъ вернулся въ спальню и сталъ у ногъ кровати, стараясь улыбнуться паціенткѣ.

И Зося, взглянувъ на него, почувствовала, что ей легче.

— Трубочистъ!—прошептала она.

Игнатій Львовичъ улыбнулся снова.

— Да, да! пани Зося, вашъ трубочистъ...

Въ дѣтствѣ имъ пугали Зосю и, увидавъ доктора первый разъ, она приняла его тогда за трубочиста, благодаря его темному цвѣту лица.

Прошла ночь... новое утро... Боли повторялись... утихали, а критическій моментъ еще не наступалъ... Знаменитость была въ пути, о чемъ была эстафета, и ее ждали съ часа на часъ.

Наконецъ, въ два часа дня явился этотъ спаситель, и, словно Зося ждала его появленія, раздался вдругъ ея ужасный, нечеловѣческій крикъ. Сквозь запертыя двери пронесся онъ по всему дому, всѣ затаили дыханіе.

Ивана Николаевича не впускали въ спальню, и онъ, облокотившись на письменный столъ и спрятавъ лицо въ

свои дрожащія ладони, рыдалъ неутѣшно. На его плечо опустилась чья-то рука. Это былъ панъ Романъ.

— Что... что такое?—прошепталъ Иванъ Николаевичъ.— Кончилось?

— Только начинается... а тебѣ падать духомъ нечего... У насъ съ Юзыней ихъ до Зоси восьмеро было... Всѣ благополучно рождались, но не выживали, а съ нею мать трое сутокъ маялась, и она цѣла осталась...

Въ первый разъ говорилъ ему тесть „ты", разсказывалъ о прошломъ. Вѣдь никогда они ни слова о прошломъ Зосиныхъ родителей и не разспрашивалъ, и его тронуло, что у этого жестокаго къ другимъ человѣка нашлись въ тяжелую минуту слова утѣшенія для него.

— Полно, будь мужчиной... Всѣ женщины такъ мучаются... Не она первая, не она и послѣдняя и не въ послѣдній разъ и мучиться такъ будетъ.

— Но моя первая жена умерла... въ такихъ же точно мукахъ умерла...

— А вторая выживетъ! Ну, пойдемъ наверхъ.

Но когда они поднимались по дубовой лѣстницѣ, внизу открылась дверь, и въ прихожей послышались чьи-то шаги. Это былъ отецъ Никита, за которымъ распорядился послать Евграфъ.

— Что такое? — съ ужасомъ спросилъ опять Иванъ Николаевичъ.

Ему почудилось, что уже все кончено и священникъ пришелъ читать отходную.

— Молитву родильницѣ дать, когда надо будетъ, а пока къ образу принесъ ваши свѣчи вѣнчальныя поставить. Матушка моя силой ихъ мнѣ навязала; по женскому убѣжденью, это много родильницѣ муки облегчаетъ...

Тотъ образъ, которымъ благословилъ отецъ Никита Ивана Николаевича подъ вѣнецъ, висѣлъ въ спальнѣ, другихъ, кромѣ, какъ въ столовой, въ виллѣ и не было. Отецъ Никита, покачавъ головой, со вздохомъ зажегъ обѣ свѣчки, капнувъ безъ церемоніи воскомъ на рѣзной кіотъ, водрузилъ ихъ на немъ и положилъ усердный поклонъ „за рабу Божію Софію и чадо ея".

А чадо это уже явилось на свѣтъ. Вслѣдъ за послѣднимъ раздирающимъ крикомъ матери раздался въ отвѣтъ не торжествующе дерзкій крикъ младенца: это даже не былъ пискъ, а какое-то сипѣнье.

Иванъ Николаевичъ былъ въ спальнѣ, онъ не выдержалъ и вломился туда буквально силою. Всѣ трое, оба доктора и акушерка, хлопотали около Зоси, вдругъ смолкшей и закатившей глаза. Предсказаніе мрачнаго врача сбылось, и жизнь ея была на волоскѣ.

О младенцѣ никто не думалъ. Доктора видѣли, что тутъ не было выбора, и акушерка, сунувъ его въ руки пани Юзынѣ, бросилась обратно къ кровати, откуда шопотомъ раздалось: „Шприцъ!“

Иванъ Николаевичъ сжалъ голову руками и упалъ въ кресло.

Пани Юзыня вынесла младенца въ бѣлую дѣтскую, гдѣ ждали Евграфъ и панъ Романъ.

— Окрестить надо... — шепнула она, и старый Личарда бѣгомъ спустился съ лѣстницы.

Ждавшій въ столовой отецъ Никита поднялся наверхъ, спѣшно погрузилъ вынутый изъ эпитрахили крестъ въ блестѣвшую серебромъ ванночку и окунулъ въ нее трижды сморщенный, синѣющій комочекъ.

— Крещается рабъ Божій Арсеній во имя Отца... и Сына... и св. Духа...

Но онъ передалъ воспріемникамъ, Евграфу и Юзынѣ, уже трупикъ... Романъ ушелъ... Онъ не вынесъ вида этого комочка...

На бѣломъ пеленальномъ столикѣ лежало тѣльце младенца, котораго ждали всѣ, для котораго была уготована царская по роскоши дѣтская, но ни мать, ни отецъ не увидѣли его никогда. Пани Юзыня, Евграфъ и отецъ Никита не выдали никому, что это былъ уродецъ, едва имѣвшій человѣческій обликъ... А акушерка и не разсмотрѣла его даже. Они втроемъ распорядились и похоронами.

Иванъ Николаевичъ не отходилъ отъ Зоси, и когда отецъ Никита шепнулъ ему:

— Мальчикъ умеръ... но окрестить успѣли!—онъ только махнулъ рукою и вернулся на свое кресло у постели жены.

Евграфъ собственноручно вырылъ новую могилу подъ прадѣдовскимъ вязомъ.

— Оба Арсенія, пусть вмѣстѣ и лежатъ.

Въ наскоро сколоченный, обитый голубымъ атласомъ гробикъ положили завернутое въ батистовое покрывальце то, что должно было бы стать всеобщей радостью и упованьемъ, и къ вечеру уже, когда зажглись іюньскія блѣдныя звѣзды, около прежняго холма, усаженнаго цвѣтами, прижался другой крошечный, покрытый вѣтками едва распустившейся бѣлой сирени...

Послѣ нечеловѣческихъ усилій обоихъ докторовъ и дѣйствительно рѣдко внимательнаго ухода акушерки, черезъ три дня положеніе Зоси улучшилось настолько, что явилась увѣренность въ ея спасеніи. Но тутъ возникла новая опасность: какъ приметъ она извѣстіе о смерти младенца? Насколько при первыхъ признакахъ своего положенія она по своему легкомыслію готова была на непростительный шагъ, только бы не прерывать своей веселой жизни, настолько послѣдніе мѣсяцы она все нетерпѣливѣе ждала этого „ненужнаго“ ребенка. Она любила говорить съ мужемъ о немъ, о томъ, какъ они будутъ нѣжить и лелѣять и баловать его, и часто, сидя одна въ комнатѣ, улыбалась кому-то совершенно новой, доброй улыбкой и тихо подбирала на эраровскомъ роялѣ колыбельные мотивы.

— Дайте же мнѣ его! — спросила она, придя въ себя, наконецъ.

— Нельзя, Софья Романовна! Докторъ мнѣ настрого запретилъ. Вамъ это вредно... Вы очень слабы еще. Лучше выпейте это.

И Лизавета Ивановна осторожно приподняла ея голову вмѣстѣ съ подушкою лѣвой рукой, а правой влила ей въ ротъ ложку микстуры.

Зося послушно закрыла глаза.

— А когда же будетъ можно?

— А вотъ Богъ дастъ, немножко окрѣпнете. А теперь не разговаривайте. Нельзя...

И она сѣла на свое мѣсто у окна за ширмой. Зося заснула.

Но дни шли. Силы прибывали. Знаменитость, положивъ въ карманъ запечатанный пакетъ съ весьма кругленькою суммой, укатила въ Москву къ другимъ паціенткамъ, и только мрачный докторъ оставался при юной женщинѣ, съ тревогой слѣдя за ея пробужденіемъ къ жизни.

Миновалъ уже и девятый день. Все время Зося интересовалась, каковъ изъ себя ея мальчикъ, ея „Арсикъ", какъ она называла его еще до рожденія, на кого похожъ и отчего не слышно его голоса?

И пани Юзыня и акушерка, и Мареуша сочиняли ей цѣлыя исторіи, о томъ, что его перевели на ту сторону дома, въ комнату Александры Николаевны, чтобъ не безпокоить ея, что мамка отличная, что его купаютъ ежедневно и т. д. И она вѣрила, и радостно улыбалась, и говорила о крестинахъ. Ее останавливали, заставляли лежать смирно. Но когда входилъ Ивъ, какъ она снова звала мужа, она тихо спрашивала:

— Ты доволенъ нашимъ Арсикомъ?

И онъ, готовый, какъ звѣрь, зарычать отъ боли, тоже улыбался и отвѣчалъ:

— Очень, моя радость.

Но наконецъ, пришелъ и тотъ день, когда скрывать правды было уже нельзя. Зосю подготовили, говорили, что у него разстроенъ желудокъ... потомъ ему будто стало похуже... и, наконецъ, пани Юзыня тихо шепнула:

— Молись, цурка!

Дочь догадалась.

— Онъ умеръ?

Мать кивнула головой.

— Но вы покажете мнѣ его хоть мертваго? Я хочу видѣть его... вы не смѣете уносить его, не показавъ мнѣ.

Мать покачала головой.

— Ивъ!—крикнула вдругъ Зося.

Иванъ Николаевичъ подошелъ, какъ виноватый, и, закрывъ лицо, опустился въ свое кресло. Зося отняла его руки... Увидавъ его мокрые глаза и измѣнившіяся, постарѣвшія черты лица, она поняла, что ее давно обманывали.

— Вы сгубили его, чтобы спасти меня, но вы не смѣли

этого сдѣлать, не спросивъ, захочу ли я жить безъ него сама... Уйди...—и она отвернулась къ стѣнѣ.

Колычевъ вышелъ и прошелъ въ эту ужасную для него теперь безсмысленную дѣтскую...

Нѣтъ! клятва не смѣла быть нарушенной, и онъ несетъ возмездіе, но Зося... за что же ей посланы были сперва эти физическія страданія, а потомъ нравственныя, еще, быть можетъ, горшія?..

А пани Юзыня, скорбно поникнувъ посѣдѣвшей за это время головой, думала:

-- Сбылось по слову твоему, цурка!.. Ахъ и зачѣмъ не вышила я за нее покрывало къ образу въ Ченстоховѣ! Не умеръ бы младенецъ.—Но, вспомнивъ его уродство, тихо, тихо перекрестилась и, поднявъ глаза къ небу, прошептала:— Видно такъ было нужно...

Зося не упала въ обморокъ, съ ней не сдѣлалось новыхъ судорогъ, какъ опасался докторъ, но она впала въ то подавленное состояніе духа, которое угрожаетъ слабымъ и нервнымъ организмамъ затяжными страданіями на почвѣ анеміи. Это была полнѣйшая апатія ко всему рѣшительно на свѣтѣ, кромѣ нѣкоторыхъ людей, присутствіе которыхъ вызываетъ въ такихъ больныхъ доходящее до физическихъ страданій озлобленіе.

Для Зоси такими людьми сдѣлались мужъ и Лизавета Ивановна. Послѣднюю щедро наградили и отпустили восвояси, но Иванъ Николаевичъ не сразу понялъ, какъ ему надо держать себя, и доводилъ больную до зубовнаго скрежета, освѣдомляясь о ея здоровьѣ или пытаясь поцѣловать.

Наконецъ докторъ взялъ на себя объяснить ему состояніе Зоси и убѣдить уѣхать на нѣкоторое время куда-нибудь по дѣламъ.

Точно молотомъ ударило по сердцу Колычева отъ словъ этого врача, и онъ подозрительно посмотрѣлъ на него. Но тотъ добродушно и съ великимъ сожалѣніемъ глядѣлъ поверхъ своихъ синихъ очковъ на обиженнаго мужа.

— Вотъ что, сударь, скажу я вамъ. Человѣкъ я простой и не салонный, да оно и немудрено — обучался на мѣдныя деньги, а только вы вотъ, я вижу, въ дурномъ умыслѣ меня

подозрѣвать готовы?.. Я знаю эту барыньку, супругу вашу, чуть не съ семи лѣтъ и скажу прямо: съ ней нельзя такъ обращаться, какъ со всякой смертной. У нея фантазія... ой-ой-ой! И вотъ на эту-то фантазію и смотрѣть какъ на болѣзнь надо. Уѣзжайте теперь и дайте ей время эту фантазію перебороть. Вѣрьте, поправится она, сама первая по васъ соскучится, а теперь вы ее до ненависти къ себѣ доведете. Вы знаете, что это она васъ винитъ, что младенецъ не выжилъ? Вотъ вы ее тутъ англійскими да французскими книгами къ материнству подготовляли, а она изъ нихъ другое вычитала, и вчера меня на эту тему часъ экзаменовала: можетъ ли дѣйствительно прошлая жизнь отца вліять на слабость ребенка? Я ей тоже, когда она выздоровѣетъ окончательно, лекцію прочту, какъ должна мать съ момента несомнѣнныхъ признаковъ своего положенія не о балахъ и пляскахъ, а о младенцѣ думать... Но теперь это будетъ лишь масло въ полымя. А когда она васъ вернетъ, то мой совѣтъ,—выпишете вы хоть всѣхъ свѣтилъ, и они вамъ тоже скажутъ: — уѣзжайте съ ней за границу, въ новую обстановку, въ новыя мѣста. Все тамъ перемелется. И ручаюсь вамъ, — вы будете еще и счастливымъ мужемъ, и еще болѣе счастливымъ отцомъ.

Иванъ Николаевичъ крѣпко пожалъ протянутую руку.

— Хорошо, я согласенъ уѣхать. Да и предлогъ есть. Надо въ Горки, а оттуда махну и къ сестрѣ, въ Питеръ. А вы дайте мнѣ слово, что не забросите Зосю и будете, если не ежедневно, то хоть дважды въ недѣлю сообщать мнѣ, какъ обстоитъ дѣло.

Игнатій Львовичъ обѣщалъ.

Черезъ полчаса Иванъ Николаевичъ позвонилъ Василія и Силантія и велѣлъ собираться въ дорогу. Передъ обѣдомъ онъ пришелъ къ женѣ и, сдѣлавъ надъ собой громадное усиліе, произнесъ:

— Опять исторія съ Горками! Какъ никакъ, надо ѣхать немедленно самому. Докторъ меня успокоилъ, что всякая опасность миновала и я могу ѣхать съ чистою совѣстью, поручивъ тебя матушкѣ и Евграфу. Итакъ, до свиданія, дорогая! Послѣ обѣда ты, вѣрно, уснешь до вечера, а я хочу выѣхать по холодку и тронусь въ восемь часовъ.

И онъ довольно холодно поцѣловалъ ее въ лобъ и вышелъ изъ этой комнаты, гдѣ пережилъ столько счастья и столько муки...

Шла уже четвертая недѣля съ отъѣзда Ивана Николаевича.

Опять цвѣли липы и жужжали пчелы, и бѣлая вилла глядѣлась въ прудъ, и по утромъ Степанъ скакалъ съ почтовой сумкой по березовой просѣкѣ.

Зося сидѣла въ качалкѣ на террасѣ и глядѣла на старый вязъ, подъ сѣнью котораго спалъ ея Арсикъ. Всѣ ея мечты, вспыхнувшія годъ назадъ, осуществились, но развѣ не отдала бы она цѣликомъ свое богатство, чтобы держать на рукахъ живымъ и теплымъ то холодное, не жившее на свѣтѣ, не видавшее всей этой чарующей декораціи тѣльце, которое лежитъ тамъ въ землѣ рядомъ съ семидесятилѣтнимъ старикомъ? И она глубоко вздохнула. Сегодня утромъ у нея былъ ея трубочистъ-докторъ и прочелъ ей длинное нравоученіе, какъ надо быть осторожной впредь, и она съ краской въ лицѣ вспомнила свою выходку послѣ бала. Какъ ни готова она была обвинять мужа за его легкомысленный образъ жизни до женитьбы на ней,—но слабость невыжившаго младенца ложилась еще, быть можетъ, большею виною на ея легкомысліе. По мужу она пока не скучала, но уже думала о немъ безъ раздраженія.

Отъ этихъ мыслей ее оторвало появленіе Ѳедьки съ корреспонденціей. На серебряномъ подносѣ лежало розовое раздушенное письмо со знакомымъ, давно, давно невиданнымъ почеркомъ. И, какъ годъ тому назадъ, у нея радостно вырвалось:—Отъ Олеси!..

Молодая графиня Свентицкая писала ей, что Зося не можетъ и не смѣетъ сѣтовать на ея долгое молчаніе.

„Мы были съ тобою дружны съ дѣтства, мы дѣлились всѣми мыслями и мечтами, и я считала тебя одной изъ самыхъ преданныхъ дочерей нашей несчастной ойчизны. Пойми же, какое впечатлѣніе произвело на меня твое письмо, гдѣ ты сообщала о бракѣ съ москалемъ! Поставь себя на мое мѣсто и отвѣть, положа руку на сердце: отнеслась ли бы ты ко мнѣ иначе, чѣмъ съ досадой, разочарованіемъ

и... прости... презрѣніемъ. Я поняла тебя,—ты мстила Стасю за то, что у него не хватило мужества жениться на тебѣ, такъ какъ отецъ твой не богатъ, и я не оправдываю его. Но я знаю,—въ его полку жизнь обходится вчетверо дороже, чѣмъ вездѣ въ другихъ, и не могу судить его строго за это: любя тебя, онъ не хотѣлъ обрекать на лишенія, потому что вы бы не могли жить такъ, какъ его другіе женатые товарищи... Но вчера у насъ былъ Сванковскій, онъ очень занятъ это время, и мы его съ прошлаго лѣта не видали. Онъ говорилъ, что встрѣтилъ тебя какъ-то съ мужемъ въ Москвѣ, и что, судя по твоимъ брильянтамъ и парижскому платью, ты, должно быть, очень богата. Ему ты высказала готовность служить нашей дорогой родинѣ. Если это не были пустыя рѣчи, просто фраза, чтобы извинить твою измѣну всему прошлому, — устрой такъ, чтобы еще нынѣшнимъ лѣтомъ или осенью намъ встрѣтиться, лучше всего за границей, и назначь, гдѣ ты будешь ждать меня“...

. . . .

На другой день, въ этотъ самый часъ далеко на сѣверѣ, въ одномъ изъ роскошныхъ царскихъ парковъ, у плещущаго фонтана, гдѣ тоже вокругъ цвѣли липы и жужжали въ ихъ листвѣ хлопотливыя пчелы, высокій бородатый человѣкъ со сросшимися дугами бровей разсказывалъ полной и немножко старомодно одѣтой дамѣ о пережитой имъ душевной мукѣ.

Словно въ дѣтствѣ внимательно слушала Сашенька брата, но теперь она вполнѣ понимала его. Она переживала съ нимъ всѣ фазисы его счастья и страданій, она сама чуяла, что несчастные роды могли гибельно отозваться на отношеніяхъ Зоси къ мужу, но она все-таки утѣшала его и своимъ мягкимъ голосомъ говорила:

— Все перемелется, Ваня! И этотъ черный докторъ умница, что услалъ тебя. Вѣрь мнѣ, Зося такъ же любитъ тебя, какъ и прежде. Это только болѣзнь говоритъ въ ней. Вотъ ты увидишь, не сегодня—завтра придетъ отъ нея письмо, и она станетъ умолять тебя скорѣе вернуться въ Колычево. Конечно, поѣзжайте тогда за границу. Ей будутъ слишкомъ тяжелы эти свѣжія воспоминанія. Вотъ и Simon тоже собирается. Докторъ посылаетъ его куда-нибудь въ Швейцарію на Же-

невское озеро. Сговоримся и съѣдемся вмѣстѣ... А? вѣдь чудесно будетъ!..

И Ивану Николаевичу тоже начинало казаться, что не такъ ужъ все ужасно, какъ онъ рисовалъ себѣ эти послѣднія недѣли... Что дѣйствительно каждый день, каждый часъ можетъ вернуть ея счастье, и Зося потребуетъ его возвращенія. Она не отвѣчаетъ на его письма, потому что еще не совсѣмъ здорова, но Игнатій Львовичъ сообщалъ, что часъ его лекціи уже приближается. Значитъ, ей много лучше...

И, поцѣловавъ руку сестрѣ, онъ вымолвилъ:

— Ахъ, Санюшка, Санюшка! Не даромъ Simon называетъ тебя своими валеріановыми каплями.

Встрѣчная гувернантка въ сопровожденіи двухъ подростковъ въ бѣлыхъ расшитыхъ юбочкахъ, торчавшихъ широко на пышныхъ кринолинахъ, шарахнулась въ сторону, замѣтивъ его поцѣлуй.

— Quelle indécence!—подумала старая дѣва...—On s'amourache à tous les âges en Russie?

И она увела своихъ питомицъ на боковую дорожку.

А братъ съ сестрой сѣли въ поджидавшій ихъ у фонтана экипажъ и поѣхали по благоуханнымъ, тѣнистымъ аллеямъ любоваться чудными царскими дворцами.

Вернувшись къ шести часамъ на дачу, Сашенька нашла у себя въ гостиной срочную депешу изъ Колычева.

— Отъ Зоси!—радостно крикнула она брату.

Тотъ открылъ ее трясущимися руками.

„Соскучилась, жду, пріѣзжай поскорѣе. Зося".

— Нѣтъ, ты не валерьяновыя капли... Ты прямо пророчица...

И онъ чуть не задушилъ сестру въ своихъ могучихъ объятіяхъ.

Еще черезъ двѣ недѣли бѣлая вилла стояла пустая.

Словно мертвыя очи, закрылись ставнями ея высокія окна. Люстры, зеркала и мебель были завѣшаны и одѣты чехлами. Вольерка перенесена въ Зосинъ мезонинъ, и обѣ борзыя лежатъ у пана Романа въ кабинетѣ на старомъ диванѣ. Лебеди одни плаваютъ по пруду и долго держатся у мраморныхъ ступеней, но никто не выходитъ изъ бѣлой залы кор-

мить ихъ. Пусто на террасѣ. Убраны боченки, качалки и статуи, а лавры и олеандры перенесены въ оранжерею. Ни звука, ни шага. Шелестятъ одни высокіе клены, и что-то грустное и непонятное слышится въ шопотѣ узорныхъ листовъ.

Отъ Евграфовой усадьбы уже протоптана узкая дорожка къ валу, обсаженному боярышникомъ, и каждое утро высокій старикъ съ лейкой проходитъ въ сопровожденіи бѣлоголоваго и босоногаго правнука Михалки на кулигу подъ вязомъ. Польетъ роскошные цвѣты на обѣихъ могилахъ, обмететъ цѣпкую паутину съ крестовъ, а потомъ сядетъ на дерновую скамью и думаетъ тихую думу.

И шепчутъ провалившіяся старческія губы:

— Батюшка баринъ! Дорогой мой батюшка-баринъ!

XXII.

Щедро полдень золотистый
Мечетъ въ воду бирюзу.
Онъ разсыпалъ аметисты
У подножья скалъ внизу,
Разубралъ въ алмазы грани
Вѣковѣчныхъ ледниковъ
И въ небесномъ океанѣ
Нижетъ жемчугъ облаковъ.

(„На чужбинѣ". М. К.).

Голубое озеро дремлетъ въ кольцѣ высокихъ фіолетовыхъ горъ. Зеленыя полоски лужаекъ кажутся издали гигантскими ящерицами, выползшими погрѣться на солнцѣ изъ расщелинъ скалъ. Отъ подножія Dent du Midi узенькой лентой вьется Рона и несетъ къ волшебно красивой водной пеленѣ свои сверкающія волны. Все залито горячими лучами августовскаго полдня, и въ виноградникахъ только что начали срѣзать первыя спѣлыя кисти для обѣденнаго дессерта.

Развалившись въ качалкѣ на выступѣ затѣненной каштанами террасы, у самой воды полулежитъ Зося. Она только-что вернулась съ прогулки.

О, какія это были чудныя, незабвенныя минуты, когда, опираясь на руку Стася Запольскаго, она шла въ ущельѣ

по скользкой тропинкѣ надъ черною пропастью, гдѣ незримый потокъ словно напѣвалъ имъ свою пѣсню въ ладъ ихъ тихимъ, едва внятнымъ рѣчамъ.

„Моя кохана!“

Да! судьба знала, что творила.

„Жаль, что вы не можете жениться“, писала когда-то Олеся. И тогда Зося негодовала на свою злосчастную долю... Она не разъ рисовала себѣ раньше визитныя карточки съ надписью: „Comtesse Stanislas Zapolska“, но, увы, онѣ ею такъ и остались не заказаны, и все-таки теперь она объ этомъ не жалѣетъ: вышло еще лучше. Никакая проза супружества не вмѣшивается въ ихъ отношенія. Они остались „возлюбленными“, не любовниками, фи!—Зося даже вспыхнула, нѣтъ: онъ ея кохаmый Стась, она—его кохана. Счета портнихъ, модистокъ, отелей, магазиновъ сдѣлались по волѣ судьбы достояніемъ Ивана Николаевича. Съ нимъ можно дуться, жалить его по-осиному въ минуты раздраженія и милостиво подставлять щеку для поцѣлуя въ благодарность за новый кружевной зонтикъ или вышитое платье, но надѣвать это платье и распускать этотъ зонтикъ надъ золотистой головкой въ роскошной шляпкѣ стоитъ только для другого, для кого про запасъ имѣются очаровательныя улыбки, томные, полуприкрытые длинными рѣсницами взоры, невидимыя никому крѣпкія пожатія маленькой руки и нѣжнымъ шопотомъ твердимое:

„Мой кохаmый!..“

Да, она понимала теперь,—они не могли и не должны были жениться, и это онъ, онъ самъ сумѣлъ оградить ее отъ необдуманнаго шага и устранить отъ нея ту тину лишеній и вынужденной экономіи, гдѣ тонутъ медовыя недѣли и претворяются въ горькіе годы мелочныхъ дрязгъ и будничныхъ заботъ. А теперь... Эта дивная панорама, это солнце, это черное ущелье, гдѣ даже въ знойный полдень вѣетъ влажная прохлада, снѣжныя, мѣняющія ежечасно свой красочный нарядъ громады, этотъ плескъ голубыхъ волнъ озера о выступъ террасы — ихъ достояніе, имъ понятный языкъ о красотѣ природы и жизни, не тронутой никакою пошлостью. Все—гармонія, все—упоеніе... И сердце

ея бьется въ ладъ его сердцу, и взоры блуждаютъ тамъ, куда устремлены его карія очи, и на устахъ таютъ сорванные украдкой поцѣлуи... О, какъ полна и хороша жизнь!.. Мой коханый!...

И если теперь ей случается вечеромъ сѣсть за рояль въ большомъ красномъ салонѣ отеля и уйти въ звуки, слушатели замираютъ отъ невольно заражающей ихъ сердце смутной, тревожной надежды на какое-то новое, невѣдомое счастье, и воды несутъ къ подножію скалъ тихія рѣчи и съ нѣжнымъ рокотомъ разбиваются о сѣрые посеребренные мѣсяцемъ камни, и по чернымъ расщелинамъ струятся, какъ слезы, алмазныя капли...

Развѣ она виновата? Развѣ она грѣшитъ?... Не москалю, нѣтъ! сыну Рѣчи Посполитой отдаетъ она свои лучшія чувства и панъ Бугъ читаетъ въ ея сердцѣ и видитъ, что оно бьется чистой, неземной любовью...

Съ той минуты, какъ въ отвѣтъ на письмо Олеси она вызвала телеграммою мужа, она уяснила себѣ всѣ ихъ грядущія взаимоотношенія. Мужъ для нея останется мужемъ. Она не отстранитъ его отъ себя, потому что за роскошь надо, конечно, платить. Но—если первые мѣсяцы она считала себя почти влюбленной въ него, теперь, прочитавъ дорогое ей имя, написанное Олесей, она ясно поняла, что оно одно и было ей всегда дороже всѣхъ другихъ на бѣломъ свѣтѣ...

По возвращеніи Ивана Николаевича изъ Петергофа она настояла, чтобы дорогой за границу они на нѣсколько дней остановились въ Варшавѣ.

— Я дала обѣтъ, если выздоровлю, исповѣдаться въ костелѣ Святого Креста.

Колычевъ, конечно, не прекословилъ. Онъ находилъ ея желаніе вполнѣ естественнымъ и законнымъ.

Зося вступила въ этотъ знакомый съ дѣтства, дорогой каждому католику храмъ съ невольно забившимся сердцемъ. Оставивъ мужа на одной изъ заднихъ скамеекъ, она прошла къ алтарю и распростерлась крестомъ на холодныхъ плитахъ. Она молилась о томъ, чтобы Господь простилъ ей ея грѣхи, изъ которыхъ тягчайшій былъ ея бракъ съ ерети-

комъ. Когда у нея затекли руки, она встала и, не поднимая глазъ, направилась къ исповѣдальнѣ, гдѣ стояла на колѣняхъ и что-то шептала въ рѣшетчатое окошечко другая, одѣтая въ черное женщина. О, сколько разъ стояла и она на этой же скамеечкѣ, изливая въ черное отверстіе мучившія ея юную душу сомнѣнія, каясь въ грѣхахъ и бичуя свое сердце укорами въ гордости и тщеславіи, и, словно поглощаемыя тьмою, уходили въ бездну эти сомнѣнія, какъ ночныя тѣни, и становилось свѣтло на душѣ и легко на сердцѣ.

Слезы душили ее, когда она произнесла первыя слова, умоляя духовнаго отца и наставника указать ей путь къ исправленію и искупленію ея отягощенной измѣною жизни.

— Я знаю, что мнѣ грозитъ небесный огонь, что наша церковь считаетъ меня блудницею, но, святой отецъ, неужели нѣтъ жертвы, которая могла бы помочь омыть мои скверны?

Въ отвѣтъ черезъ темное окошечко заговорилъ невидимый голосъ о томъ, что милость Божія велика и что изъ каждаго положенія есть выходъ, что если человѣкъ поддался соблазну богатства и грѣху стяжанія, то щедростью на святое патріотическое дѣло онъ можетъ облегчить свой проступокъ, что каждый злотый, каждый червонецъ, отданные Богу, откалываютъ крупицу за крупицею отъ горы злодѣяній.

— Пути Господа неисповѣдимы, дочь моя! Мы всѣ слабы и по рожденію нашему отданы во власть дьявола; но для раскаянія есть награда: орудіе грѣха можетъ стать лѣстницею Іакова, по которой въ небо пойдутъ одни ангелы и понесутъ наши добрыя дѣла, а оттуда другіе спустятъ каждый по куску мучившей нашу душу тяжести проступка. Гдѣ горитъ въ сердцѣ огонь рвенія и усердія, тамъ его святое пламя не только можетъ испепелить слѣды былого преступленія, но и озарить душу свѣтомъ подвига и самоотверженія. И властью отъ Бога данною святѣйшему отцу и намѣстнику апостола Петра и имъ мнѣ черезъ святое рукоположеніе переданною отпускаю тебѣ, чадо единой истинной церкви, грѣхи твои... Тарелка для квесты у двери направо,—прибавилъ со вздохомъ ксендзъ.

Словно возрожденная къ новой жизни, съ просвѣтленной душою, омытой отъ тайной грязи грѣховной, встала Зося съ колѣнъ.

Навстрѣчу ей шелъ Иванъ Николаевичъ. Онъ соскучился ожидать ее въ непривѣтливомъ сумракѣ храма. Чуждыя его глазу статуи святыхъ въ пестро раскрашенныхъ одеждахъ, съ золочеными иглами сіяній вокругъ блѣдныхъ, выцвѣтшихъ лицъ, глядѣли на него съ высокихъ консолей почти враждебно. Онъ хотѣлъ себя заставить умилиться передъ ними, передъ наивностью мастеровъ, стремившихся придать выраженіе ихъ лицамъ, хотѣлъ помолиться въ ея, въ Зосиной церкви о ея счастьѣ и здоровьѣ,—и не могъ. Черныя фигуры сидѣли на скамьяхъ, склонивъ головы въ глубокихъ шляпкахъ на скрещенныя на молитвенникахъ руки, стояли на колѣняхъ, перебирая четки, и скользили неслышной поступью между двумя колоннами скамей. У низкаго, тоже чуждаго православнымъ обычаямъ, алтаря по самой середкѣ стоялъ высокій крестъ съ висѣвшимъ на немъ страшнымъ израненнымъ тѣломъ, и между выдавшимися отъ худобы и напряженія ребрами торчало изъ кровавой раны копье. Но и это распятіе не вызвало умиленія. Было скучно, томительно. Хотѣлось скорѣе на воздухъ. Жену онъ давно потерялъ изъ виду и не могъ уяснить себѣ, которая изъ этихъ черныхъ женщинъ она, и теперь, вдругъ распознавъ Зосю, обрадовался ей и пошелъ навстрѣчу.

„Мой грѣхъ!“ мысленно назвала его Зося и прошла впередъ. У дверей она остановилась. Направо на колѣняхъ на скамеечкѣ стояла завѣшанная траурнымъ флеромъ женщина съ серебрянымъ блюдомъ. Зося высыпала на это блюдо все содержимое своего кошелька, подошла къ кропильницѣ и, обмакнувъ пальцы въ святую воду, начертала ими крестъ на лбу.

Иванъ Николаевичъ былъ наконецъ умиленъ.

„Вдова какая-нибудь!“ подумалъ онъ и, положивъ ей десятирублевую ассигнацію, тоже обмакнулъ пальцы въ кропильницу, но сдѣлалъ это такъ неловко, что пролилъ нѣсколько капель на полъ. Траурная особа подняла опущенныя рѣсницы и укоризненно посмотрѣла ему вслѣдъ.

— Помолилась, голубка?—спросилъ онъ ласково жену и съ наслажденіемъ поднесъ спичку къ папиросѣ.

Зося кивнула молча. Она была еще вся подъ впечатлѣніемъ исповѣди, и мысль, что грѣхъ ея отпущенъ и можетъ послужить даже ступенью къ подвигу, трогала и умиротворяла ее. Она еще разъ перекрестилась на статую несущаго крестъ Христа на паперти костела и, перейдя улицу, вошла въ любимую варшавянками модную цукерню за тѣми конфетами, которыя не умѣлъ раздобывать ей когда-то Валекъ.

Колычевъ, еще безумнѣе влюбленный въ жену послѣ мѣсячнаго остракизма, не сводилъ съ нея глазъ и съ улыбкой прислушивался къ ея польскому щебетанью съ хорошенькой приказчицей. Онъ совершенно не понималъ языка и не могъ ему выучиться. Да и къ чему? въ Варшавѣ они останутся недолго.

Дверь хлопнула, и въ кондитерскую вошелъ офицеръ. Онъ былъ очень строенъ и высокъ. Вся фигура его дышала аристократизмомъ, той расовой породистостью, которая вырабатывается вѣками и, достигнувъ въ какомъ-нибудь поколѣніи апогея, уже въ слѣдующемъ идетъ на убыль и грозитъ вырожденіемъ, благодаря слишкомъ изысканной и сконцентрированной утонченности, неспособной выдержать никакую, ни внѣшнюю, ни внутреннюю борьбу.

Едва раздался его голосъ: „Два фунта шоколаду и тѣстечекъ". – Зося обернулась.

— Панна Зося!—вырвалось у офицера.

— Графъ Стась!—отвѣтила Колычева и протянула ему руку.

Онъ поцѣловалъ ея пальчики и что-то быстро спросилъ по-польски. Зося отвѣтила и, обернувшись къ мужу, сказала:

— Какая счастливая случайность! Графъ Станиславъ Іосифовичъ Запольскій.

„Вотъ кто!" — мысленно отвѣтилъ Иванъ Николаевичъ. Нельзя было не подойти, не приподнять шляпы, не пожать протянутой руки.

Мужчины встрѣтились глазами, и оба улыбнулись. Колычевъ, чтобы скрыть смущеніе, а Запольскій—по свойственной ему любезности.

— Выпьемьте шоколаду, графъ!—предложила Зося: — вспомнимъ старину, какъ мы тутъ угощались тайкомъ отъ графини, вашей матушки и къ ужасу сопровождавшей насъ съ Олесею тети Алины.

Офицеръ щелкнулъ шпорами, и они усѣлись втроемъ за мраморный столикъ.

Никто изъ нихъ никогда потомъ не могъ забыть этой встрѣчи и всего, что зашевелилось въ то время въ душѣ. Зося словно почуяла очевидное доказательство прощенія и милости Божіей. Запольскій былъ радъ видѣть хорошенькую подругу молодости и съ удовольствіемъ слушалъ ея мелодичный голосокъ, подъ скрытымъ трепетомъ котораго угадывалъ глубокое радостное волненіе, вызванное свиданіемъ съ нимъ. А Колычевъ впервые почувствовалъ себя пожилымъ мужемъ молоденькой женщины, жившей до знакомства съ нимъ другой, невѣдомой ему жизнью. Онъ снисходительно улыбался ихъ бесѣдѣ, снова перешедшей невольно на непонятный ему польскій языкъ, и грустно мѣшалъ ложечкой густой, не желавшій стынуть шоколадъ.

— Вотъ и отлично! значитъ, встрѣтимся!—весело сказала Зося по-русски.—Представь себѣ, Ивъ! всѣ—графъ съ матерью, Элиза и Олеся съ графомъ Казимиромъ ѣдутъ тоже на августъ и сентябрь въ Веве.

Что Олеся будетъ тамъ—Зося не сомнѣвалась, она сама назначила ей свиданіе въ этомъ райскомъ, излюбленномъ поляками уголкѣ, но о поѣздкѣ туда совмѣстно со Стасемъ даже мечтать не смѣла. Рѣшительно, ксендзъ костела Святого Креста былъ пророкомъ, и милость Божія сразу сошла на нее и осѣняетъ ей нежданными радостями новый жизненный путь...

И вотъ уже вторую недѣлю они въ Веве. Запольскіе съ Колычевыми живутъ въ лучшемъ отелѣ и вмѣстѣ имѣютъ свой столикъ на верандѣ, смежной со столовой, гдѣ табльдотъ становится съ каждымъ днемъ люднѣе и шумнѣе. Старуха Запольская, весьма еще моложавая и кокетливая, даетъ тонъ, и разговоръ, ради Колычева, ведется по-французски. Ни одна щекотливая политическая тема не затрагивается въ его присутствіи. Графиня большая любитель-

ница преферанса, и пока Иванъ Николаевичъ и ея зять, плѣшивый какъ бѣлый арбузъ, Казимиръ Свентицкій, сидятъ съ нею за ломбернымъ столомъ, молодежь — Олеся, Элиза, Зося и Стась катаются на ослахъ и ходятъ по горамъ съ проводникомъ-мальчишкой. Олеся всегда умѣетъ отвлечь болтушку и хохотушку Элизу и дать возможность брату остаться наединѣ съ Зосей. Сама она отлично знаетъ по себѣ, что мужъ не имѣетъ права претендовать на каждый уголокъ въ сердцѣ жены, и хотя не измѣняетъ пока графу Казимиру, но кто знаетъ?... Встрѣться ей пріятель дѣтства, и она не отказалась бы отъ прогулокъ по тѣмъ головоломнымъ тропинкамъ, гдѣ нужна надежная рука, гдѣ такъ естественна мужская помощь и поддержка.

А на привалахъ Зося посвящается во всѣ мечты и планы восторженно встрепенувшейся за послѣдній годъ молодежи о возстановленіи дорогой отчизны въ ея попранныхъ правахъ.

Въ былое, еще не такъ давно, время старые графы Запольскіе и Свентицкіе не любили такихъ разговоровъ. „Не къ чему", твердилъ графъ Франекъ Свентицкій, пріятель Андрея Замойскаго. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ бѣлымъ панкамъ, которые имѣли не однократный случай убѣдиться на опытѣ, что всѣ мечты о воскрешеніи древней Рѣчи Посполитой оставались мечтами и, несмотря на постоянныя попытки, борьба неизмѣнно оканчивалась побѣдою правительства во всѣхъ трехъ „захватахъ". А потому они съ Замойскимъ, предсѣдателемъ земледѣльческаго общества, дружили съ „паномъ Эриваномъ", какъ звали въ Варшавѣ грознаго Паскевича, который былъ въ сущности добрымъ малымъ, строилъ дороги въ царствѣ Польскомъ, украшалъ Варшаву, мостилъ улицы, созидалъ цѣлыя благоустроенныя предмѣстья и пилъ шампанское въ польскихъ клубахъ, но чуть зарубежные навѣты начинали разжигать пылкія шляхетныя мечты, безъ церемоніи тушилъ ихъ медвѣжьей русской лапой.

По мнѣнію бѣлыхъ, жилось даже недурно, но молодежь съ ними не соглашалась. Ей казалось, что старики лишь старчески слабы и недовѣрчивы къ силамъ народнымъ, но

что она сумѣетъ лучше организовать дѣло, и стояла за единеніе со „смаркатами“ или членами демократическаго общества, привѣтствуя всѣ выходки школьниковъ—„лобузовъ“, какъ подвиги.

Для этой молодежи соблазнительной казалась и романическая сторона заговора—облеченныя тайною шифрованныя записки, символическіе знаки, секретныя собранія и т. п., а мысль, что ей будетъ принадлежать честь возстановленія родины въ давнишнихъ и забытыхъ владѣніяхъ отъ моря и до моря, наполняла сердце пламеннымъ восторгомъ и ненавистью къ притѣснительницѣ Россіи.

Особенно увлекалась Элиза. Этому увлеченію много способствовала дальняя родственница, которую въ домѣ звали тетей Анелей. Хотя и Килинская по фамиліи, но тетя Анеля ничего общаго съ героемъ и сподвижникомъ Косцюшки не имѣла, однакожъ она очень гордилась своимъ славнымъ именемъ и увѣряла, что всѣ Килинскіе состоятъ между собой въ родствѣ, а потому съ фанатизмомъ посвящала юношество во всякія древнія и новыя преданія и разсказывала, сама того не замѣчая, съ большими прикрасами о подвигахъ повстанцевъ.

Благодаря ей, Элиза знала во всѣхъ подробностяхъ и вылазки послѣ 1831 года организованныхъ Заливскимъ бандъ, пытавшихся проникнуть въ Россію, и заговоръ 1846 года въ Куфлевѣ, во главѣ котораго стоялъ Домбровскій, и казнь попавшихъ въ руки Паскевича заграничныхъ выходцевъ, продолжавшихъ съ дѣтскою необузданностью мечтать о возстановленіи утраченнаго права выкрикивать свое „не позволямъ“! на нежелательныя распоряженія правительства.

Молодая дѣвушка, слушая разсказы, горѣла жаждой патріотическихъ подвиговъ и во имя идеи готова была на какія угодно жертвы, омытыя и русской и польской кровью. У нея, подобно тетѣ Анелѣ, былъ цѣлый музей реликвій,—обрывки позументовъ съ гробовъ политическихъ мучениковъ, лоскутъ „огона“, параднаго шлейфа пани Совинской, который на похоронахъ ея 10 іюля минувшаго 1860 года раздавали на память присутствовавшимъ, какъ о вдовѣ павшаго тридцать лѣтъ назадъ защитника Варшавы „генерала“ Со-

винскаго; разныя медали, фотографіи и украшенные флеромъ портреты Завиши и Конарскаго. Слабость князя Горчакова, замѣнившаго Паскевича на посту намѣстника, особенно разожгла мечты молодежи, и ихъ пылкія вожделѣнія все сильнѣе заражали и старшихъ, болѣе спокойныхъ и разумныхъ.

XXIII.

Вы боролись съ дѣдомъ,—
Мы не вѣримъ бѣдамъ,
Насъ влечетъ къ побѣдамъ,
Мы осилимъ зло!
Ропотъ вашъ намъ скученъ,
Старъ и однозвученъ!
На винты уключинъ
Налегай весло!
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Однажды на одной изъ этихъ горныхъ экскурсій они сидѣли вчетверомъ на выступѣ скалы надъ мирно катившимъ далеко внизу свои воды Женевскимъ озеромъ.

Съ загоравшимися глазами повѣствовала Элиза, молодая и нарядная, о 25-мъ февраля, когда пали первыя жертвы новыхъ манифестацій. Она знала подробности, благодаря своей камеристкѣ Данусѣ, бывшей какъ разъ на похоронахъ того чиновника Лемпицкаго, изъ-за гроба котораго и разыгралось кровавое дѣло.

Въ этотъ день у костела Св. Креста толпа собралась на панихиду по героямъ Гроховскаго сраженія, первой одержанной русскими побѣды въ 1831 году. Похоронная процессія попала какъ разъ въ самую толчею. Несмотря на убѣжденія полиціи и просьбы пропустить скромныя дроги никому неизвѣстнаго труженика, торопившіяся на кладбище, скопище лобузовъ и уличныхъ зѣвакъ не желало посторониться, и солдатамъ пришлось силою очищать путь. Но въ разсказѣ Элизы виноваты были именно эти солдаты, эти русскіе, которыхъ обзывали капустняками и осыпали оскорбленіями и камнями, пока не былъ данъ приказъ стрѣлять сперва холостыми зарядами, а когда на нихъ отвѣтили новымъ градомъ насмѣшекъ, то и боевыми. Сразу шарахну-

лась толпа, и на Краковскомъ предмѣстьѣ, опустѣвшемъ во мгновеніе ока, остались 5 труповъ...

— И знаешь, Зося, какъ ни протестовали отецъ съ матерью, я тоже рѣшила итти на похороны этихъ пяти. Всю ночь мы нашивали бѣлые кресты на черныя полотнища и развѣшивали ихъ изъ оконъ и съ балконовъ, такъ что вся наша улица была окутана трауромъ. Я не ложилась, и тетя Анеля намъ помогала и учила насъ гимнамъ Конарскаго. Счастливица! она была лично знакома съ нимъ и носила ему въ Базилянскій монастырь въ Вильнѣ сласти и книги. Она взяла меня подъ свое покровительство, и мы рано-рано пробрались въ костелъ и видѣли все. Гробы стояли крестомъ, и всѣ съ епископомъ во главѣ рыдали надъ ними. Я и теперь не могу говорить безъ слезъ! А процессія была прямо безконечная, и графъ Андрей Замойскій шелъ съ депутатами изъ купеческой Ресурсы, и народъ пѣлъ хоромъ супликацію. Несли наши бѣлые кресты и орлы, а въ толпѣ раздавали портреты убитыхъ и медали. Видишь, я прицѣпила свою на цѣпочку и ношу на шеѣ, вмѣсто образка. На ней сломанный крестъ нашъ, который поломали русскіе солдаты. Онъ сталъ символомъ для насъ. Мы всѣ поклялись, что не успокоимся, пока не отомстимъ!

И Элиза, къ великому удовольствію черномазаго проводника, вскочила на камень и высокимъ, чистымъ, какъ весенній звонъ, сопрано запѣла:

„Еще Польска не сгинела!..“

Олеся, Стась и Зося подхватили, и перекатное эхо понесло по уступамъ и ущельямъ слова зажигательной пѣсни.

— Камни проснулись!.. Камни проснулись! — захлопала въ ладоши румяная дѣвушка. — Наши голоса пробудили ихъ!.. Пусть такъ же разбудятъ они и всѣ черствыя сердца, которыя боятся за успѣхъ и согласны во имя „не тронь меня“ спокойно влачить ярмо захвата... Виватъ, Польша! Ура Рѣчи Посполитой! Нехъ жіе наша ойчизна!

И Элиза махала платкомъ, и скалы повторяли: виватъ! ура!.. А внизу бирюзовая пелена переливала золотомъ, и бѣлыя тучки ласково льнули къ аметистовымъ склонамъ на савойскомъ берегу.

Олеся улыбнулась.

— Да, я понимаю мою свекровь, что она тебя увезла сразу въ Филипишки послѣ твоей февральской эскапады, а то ты бы непремѣнно попала подъ выстрѣлы въ апрѣлѣ *), и мы были бы лишены твоего милаго общества нынче.

— Конечно, я бы не усидѣла и отправилась бы на Саксонскую площадь... Господи! какъ я плакала по этимъ 200 павшимъ отъ злобы „капустняковъ"! Я не снимаю съ тѣхъ поръ траура и читаю за нихъ каждый день литанію. Мать сказала, что не пуститъ меня больше въ Варшаву, пока я не успокоюсь, она запретила тетѣ Анелѣ писать ко мнѣ, но та въ іюлѣ пріѣхала сама, и вотъ меня услали за границу. Тѣмъ лучше! Я увижу навѣрно многихъ изъ нашихъ эмигрантовъ и познакомлюсь съ Мѣрославскимъ!.. Вотъ вамъ свентый кшижъ!..

Зося затуманилась.

— Ахъ, какая ты счастливая! Да, тебѣ хорошо... А я? Неужели ты могла думать, Олеся, что я чувствую по другому, чѣмъ Элиза, что я сама не исколола бы пальцевъ иглою, только бы нашить бѣлый крестъ на трауръ?.. Вотъ люди смотрятъ на меня, видятъ, я разодѣта, какъ кукла, думаютъ — счастливица!.. А я развѣ счастлива? Развѣ не лью я часто горькихъ слезъ?.. Развѣ легко мнѣ, такой же настоящей полькѣ, какъ вы обѣ, знать себя женою москаля?

Стась опустилъ свои карія очи и задумчиво сталъ крутить мягкій усъ. Олеся притянула подругу и поцѣловала ее.

— Полно, дорогая! Своимъ пріѣздомъ ты доказала, что этотъ бракъ только наружный. Твою польскую душу, твое вѣрное сердце — онъ не измѣнилъ... Я хочу теперь поговорить на свободѣ о нашемъ планѣ. Элиза, не перебивай меня. Слушай, Зося. Ничуть не болѣе Элизы, — хотя въ сущности я ея горячности ради пользы дѣла одобрить не могу,—извини меня, душа моя,—не сочувствуемъ и мы со

---

*) 8-го апрѣля новые уличные безпорядки вынудили командующаго войсками ген. Хрулева, послѣ двухдневныхъ уговоровъ разойтись, стрѣлять въ толпу. Варшава была на нѣсколько дней объявлена на военномъ положеніи.

Стасемъ нашимъ старикамъ. Графъ Андрей забралъ ихъ такъ въ руки, что они на все смотрятъ его глазами, а что у нихъ творится подъ носомъ, не замѣчаютъ. Они помнятъ Остроленку, и чуть откроешь ротъ, готовы зажать уши и твердить: дай намъ свентый пòкой! Удивительное удовольствіе въ этомъ свентомъ покоѣ! Сами тогда не сумѣли вести дѣла, а мы — сиди изъ-за этого, сложа руки! Они тогда не хотѣли разстаться со своимъ панствомъ, потому и народъ не пошелъ за ними. Теперь не то. Въ Россіи дали свободу хлопамъ. Далъ царь, а у насъ они сами должны дать ее мужикамъ, и хлопы изъ благодарности пойдутъ за ними хоть на край свѣта. И тогда не будетъ ни магнатовъ, ни шляхты, ни того быдла, какъ зовутъ у насъ, къ великому стыду нашему, низкій народъ, а будетъ одна во едино слитая польская нація, которая станетъ подъ защиту роднаго бѣлаго орла и свергнетъ ненавистнаго чернаго двуязычнаго. И каждый полякъ, каждая полька, гдѣ бы они ни жили, кому бы ни служили, обязаны, я подчеркиваю это слово, обязаны откликнуться на призывъ ойчизны!..

Стась поцѣловалъ руку сестрѣ.

— Ты настоящій Цицеронъ, я много бы далъ, чтобы говорить такъ.

— Зато ты будешь дѣло дѣлать! Да?..

Онъ улыбнулся. Олеся продолжала:

— Мы знаемъ — торопиться и соваться въ воду, не разузнавши броду, — глупо, но зѣвать и мѣшкать тоже неумно. Надо пользоваться случаемъ, но надо подготовить дѣло, а для этого нужны прежде всего...

— Деньги... — докончила Зося.

— И люди, сочувствовавшіе намъ и въ томъ вражескомъ лагерѣ,—докончила Олеся. Скажи ей, Стась, вѣдь ты и среди офицеровъ слыхалъ, что нашему дѣлу нѣкоторые готовы помо́чь?

Стась кивнулъ головой.

— Да, есть двое или трое... Но я боюсь, что это только на словахъ!

— А мы ихъ заставимъ и на дѣлѣ. Ты познакомь ихъ

со мною и съ Зосей, и мы сумѣемъ ихъ заставить думать и дѣйствовать по-нашему! Такъ вѣдь, Зося?

Зося вспыхнула.

— О, да, ради ойчизны, я не знаю, на что бы я ни пошла... Но только, гдѣ же я познакомлюсь съ ними?

Стась нахмурился.

— Нѣтъ, этого не надо...

— А мнѣ надо! — отвѣтила Олеся и, притянувъ Зосю, прошептала ей на ухо: — Онъ уже ревнуетъ. Не упускай его, а то онъ слишкомъ пассивенъ и лѣнивъ. Какъ ты полагаешь,—прибавила она вслухъ:—твой мужъ сочувствуетъ нашему дѣлу?

— Не думаю! Онъ обожаетъ своего царя и ни за что не пойдетъ противъ него.

— Тогда и не надо. Оставь его „въ свентомъ покоѣ". Напротивъ, будь съ нимъ скрытна и ради пана Бога, именно для полнаго успѣха, не заикайся передъ нимъ о нашемъ дѣлѣ ни словомъ. Но, если встрѣтится тебѣ кто другой, готовый служить намъ—не упускай его. А, кромѣ того, ты и иначе можешь помочь ойчизнѣ. Ну, Элиза, теперь твой чередъ.

Элиза важно кивнула.

— Видишь ли, ты сама нашла, что намъ нужны деньги. Скажи, ты много получаешь отъ мужа?

Зося улыбнулась.

— Сколько хочу! Если мнѣ нужно тысячу — онъ даетъ тысячу, нужно двѣ—даетъ двѣ...

Элиза засмѣялась.

— А согласишься ты отъ каждаго франка удѣлять намъ половину? Мы съ Олесей рѣшили всѣ наши карманныя деньги дѣлить пополамъ и отдавать одну часть въ комитетъ къ тетѣ Анелѣ. Кромѣ того, ты должна обѣщать сообщать намъ все, что услышишь для насъ полезнаго. Чѣмъ больше мы будемъ знать, о чемъ говорятъ въ Москвѣ, тѣмъ лучше для насъ. Такъ вѣдь, Олеся?

— Еще бы!

— Такъ поклянись же и ты служить святому дѣлу! — торжественно воскликнула Элиза. — Стань на колѣни и повторяй за мною мои слова!

Зося послушно откинула синюю вуаль, оправила платье и стала на колѣни.

— Клянусь,—говорила Элиза и подняла правую руку къ лазурному небу, по которому въ ту минуту плыли кудрявые барашки.

— Клянусь! — повторила Зося, повторяя и жестъ подруги, — именемъ Господа Бога и Сына Его Іисуса Христа и непорочностью Матери Его Дѣвы Маріи, что я готова отдать для спасенія дорогой ойчизны свое тѣло и кровь, свою душу и сердце, свой разумъ и всякій помыслъ... Клянусь дѣлиться братски каждымъ злотымъ съ тѣми, кто подобно мнѣ согласенъ положить жизнь на возстановленіе нашей дорогой родины въ ея древнихъ предѣлахъ отъ моря до моря и на возвращеніе ей ея поруганной свободы и величія... Клянусь не знать пощады и не поддаваться состраданію къ врагамъ священной Рѣчи Посполитой, кѣмъ бы они мнѣ ни приходились, и жертвовать ими ради блага и счастья моихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ польскихъ братьевъ... Аминь!...

Она поднялась на ноги. Элиза и Олеся горячо обняли ее и трижды облобызались съ нею, а Стась, взволнованный и еще болѣе прекрасный, съ влажными, загорѣвшимися глазами, крѣпко по очереди поцѣловалъ обѣ ея руки.

Проводникъ хлопалъ глазами. Ничего не понявъ въ этой разыгравшейся передъ нимъ сценѣ, онъ отошелъ къ осламъ и сталъ сконфуженно оправлять ихъ бѣлые вязаные наушники съ красными кисточками.

А горы холодно и величаво стояли кругомъ. Глубоко, глубоко подъ ними ушли по поясъ въ воду сѣрыя башни замка, гдѣ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ томились люди, мечтавшіе тоже о какой-то не дававшейся въ ихъ руки свободѣ. Также составлялись заговоры и произносились клятвы губить враговъ, лить чужую кровь и не щадить своей во имя братства... Замокъ стоялъ теперь пустой, но ничему не научились люди. Милліоны милліоновъ восхищенныхъ взоровъ скользнули по окружнымъ вершинамъ... Милліоны милліоновъ сладкихъ вздоховъ вырвались изъ человѣческихъ грудей... Милліоны милліоновъ устъ произне-

сли на берегахъ волшебно-прекраснаго озера: „Боже, какая красота!...“ А вражда, и ненависть, и злоба, и измѣна все еще живутъ и будутъ жить у вашего подножія, величавыя, спокойныя горы, потому что эти муравьи, называемые людьми, не въ силахъ понять велѣній Того, въ чью славу курятся, какъ недоступные алтари, ваши снѣжныя, ушедшія въ бездонное небо вершины...

Съ этихъ поръ Зося начала добросовѣстно увеличивать всѣ цѣны на каждую купленную ею лично вещь.

— Боже мой,—говоритъ она, вздыхая, мужу:—какъ тутъ все дорого! За перчатки въ Варшавѣ я платила 60 копеекъ, а здѣсь за худшія чуть не 8 франковъ. А вѣдь ихъ не оберешься! У меня деньги такъ и плывутъ!

— Пусть ихъ плывутъ, голубка! только бы тебѣ весело было.

— Ахъ, мнѣ тутъ очень весело!—подтверждаетъ Зося.— Я ужасно рада, что мы такъ случайно съѣхались съ Запольскими и Свентицкими. Правда, они очень милые?

— Очень,—отвѣчаетъ съ нѣжнымъ поцѣлуемъ супругъ своей ненаглядной жинкѣ и отпускаетъ ее со вздохомъ въ горы, куда самъ собирается каждый день, но не имѣетъ характера отказать полувластному приглашенію старой Запольской:

— А не составить ли намъ нашу пульку? Я вчера проиграла четыре франка, и мнѣ охота вернуть ихъ сегодня.

И открывается снова зеленый столъ, и мужъ вистуетъ и записываетъ взятки и ремизы, а Зося блаженствуетъ со Стасемъ и подругами и строитъ ребячливо фантастическіе планы о возстановленіи отъ моря и до моря Рѣчи Посполитой и о сверженіи ига всѣхъ трехъ захватовъ.

Между тѣмъ сезонъ привлекалъ все больше и больше публики, и у стола Запольскихъ собиралось все больше и больше пановъ съ громкими фамиліями. Пшепшеканье все учащалось, потому что, во-первыхъ, среди нихъ были многіе не бойко владѣвшіе французскимъ языкомъ, а, во-вторыхъ, къ Колычеву уже попривыкли и перестали его стѣсняться. Часто во время весьма оживленныхъ разговоровъ, гдѣ рѣчь лилась все быстрѣе и голоса звучали все повышеннѣе, пе-

ребрасывая, какъ мячики, имена маркиза Вѣлепольскаго и Ламберта, Кавура и Гарибальди, Фіалковскаго и Герштенцвейга, Иванъ Николаевичъ только молча каталъ шарики изъ хлѣба и скучающимъ взоромъ оглядывалъ свою застольную компанію. Хотѣлось встать, уйти... Ему надоѣло Веве, надоѣлъ до приторности этотъ яркій цвѣтъ озера, эта фіолетовая вершина со снѣжными зубцами, словно драгоцѣнный камень замыкавшая кольцо горъ, эта сѣрая масса Шильона съ его остроконечными красными крышами башенъ, которая была почему-то особенно мила всѣмъ полякамъ. Хотѣлось вонъ отсюда, отъ этихъ людей, говорившихъ на рѣжущемъ ухо языкѣ, странно похожемъ на родной и всетаки непонятномъ, но когда онъ переводилъ глаза на жену, видѣлъ ея оживленіе, слышалъ ея мелодичный смѣхъ,— онъ начиналъ укорять себя въ эгоизмѣ и, вставая изъ-за стола, любезно пожималъ руки этихъ чужихъ людей.

Пикникомъ всей компаніей отправлялись въ Женеву, заходили въ рестораны. Игралъ оркестръ. Пили пиво и тянули черезъ соломинку вино. Составлялись тутъ же за столиками партіи въ баккара и экарте. Зося мелькала въ толпѣ разодѣтыхъ какъ на балъ женщинъ, которыя жужжали кругомъ, критикуя вновь пріѣзжихъ и ихъ туалеты... и было снова скучно...

Лучшими вечерами были тѣ, когда стояла погода, про которую говорятъ въ Россіи, что добрый хозяинъ и собаку на улицу не выгонитъ, когда лившій съ утра холодный дождь заволакивалъ горы и рябилъ зеркальное озеро. Бирюза мутнѣла и становилась малахитомъ. Всѣ оставались дома и переходили послѣ дессерта въ курительныя комнаты и салоны. Открывался рояль, и Зося, сіяя улыбкой и брильянтами на точеной шейкѣ, вытирала кружевнымъ платкомъ свои пальцы въ кольцахъ и спрашивала:

— Что же сыграть мнѣ?..

И снова Шопенъ и Мендельсонъ, Моцартъ и Бетховенъ уносили мечты за тридевять земель, въ тридесятое царство, гдѣ въ бѣлой залѣ съ каріатидами сидѣла за роялемъ дѣвушка въ бѣломъ, и звуки пѣли про любовь и счастье, и надежду на свѣтозарную и плодотворную жизнь. А кру-

гомъ шумѣлъ прадѣдовскій садъ, а за нимъ тянулись по равнинамъ и косогорамъ сжатыя поля и красовались скирды, и вѣтеръ шевелилъ въ нихъ желто-золотистую солому и пѣлъ:

— А гдѣ же хозяинъ? гдѣ же хозяинъ? Какое великое, важное дѣло держитъ его на чужой сторонѣ?

И вдругъ бѣлѣла другая комната съ пустою кроваткой подъ кружевомъ полога, блестѣла и переливала серебромъ свѣтлая ванночка, и грустно стоялъ у стѣны мягкій пеленальный столикъ... а рядомъ стонала женщина подъ шелковымъ розовымъ одѣяломъ и твердила съ ненавистью!

— Уйди!..

Нѣтъ! всѣ ея капризы, всѣ тысячныя прихоти милѣе этого „уйди"! Лучше скучать здѣсь въ двухъ шагахъ отъ нея и видѣть радостный блескъ этихъ сапфировыхъ глазъ, чѣмъ томиться вдали отъ источника величайшаго блаженства и... муки.

XXIV.

Сверкалъ огонь подъ грохотъ бури,
Какъ жутко было на душѣ!
Къ тебѣ я на пушистой шкурѣ
Прижалась робко въ шалашѣ.
О, какъ другъ друга мы любили!..
Но съ той поры прошли вѣка.
Затерянъ слѣдъ счастливой были
Средь волнъ зыбучаго песка...

(„Первая любовь". М. К.).

Уже мѣсяцъ продолжалось пребываніе Колычевыхъ въ Веве, какъ наконецъ пришла телеграмма отъ Сотова съ просьбою удержать имъ помѣщеніе въ той же гостиницѣ. Его отпускъ опять затянулся, и въ свой Карлсбадъ онъ попалъ только въ августѣ, а теперь ѣхалъ на окончательный отдыхъ и успокоеніе нервовъ и желчи на берегъ Женевскаго озера.

Зося какъ разъ встала очень рано, чтобы подняться на Нейскія скалы, откуда въ безоблачный день открывается видъ чуть не на всю Швейцарію. Это было давно условлен-

ная прогулка и ожидали только прочно установившейся погоды.

Вотъ и отлично!—отозвался Иванъ Николаевичъ:—я закажу номеръ, а кстати заявлю Запольской, чтобы она подыскала на сегодня другого партнера, я рѣшаю присоединиться къ вамъ.

— Какъ къ намъ? Мы поднимемся на Нейскія скалы.

— Такъ что же? и я съ вами!

— На Нейскія скалы? Да развѣ ты умѣешь лазить по горамъ?

— А ты думала, я вѣкъ свой игралъ въ преферансъ въ Швейцаріи? Я всю ее исходилъ когда-то пѣшкомъ и съ удовольствіемъ тряхну стариною, тѣмъ болѣе, что этотъ подъемъ мнѣ такъ и не удалось совершить изъ-за упорно дважды помѣшавшаго тумана.

Колычевъ вышелъ, а Зося призадумалась. Этого еще не хватало! Онъ замѣшается въ ихъ тѣсную компанію. Она такъ много ждала отъ сегодняшней прогулки... И, накинувъ пеньюаръ она постучалась къ Элизѣ.

— Душка, какое горе! Подумай, мужъ непремѣнно хочетъ итти съ нами!

Румяная Элиза подняла вопросительно брови.

— Въ чемъ же горе?

Да намъ нельзя будетъ ни о чемъ говорить.

Элиза пожала плечами.

— Будемъ молчать или говорить о погодѣ. А хочешь, я скажу, что у меня разболѣлась нога, и мы отложимъ прогулку до другого раза.

Зося покачала головой.

— Откладывать нѣтъ смысла. Послѣ завтра пріѣдетъ золовка, и мнѣ поневолѣ придется держаться ея общества.

— Въ такомъ случаѣ, если ты боишься, что мужъ помѣшаетъ Стасю ухаживать за тобой, предоставь его мнѣ. Я отвлеку его.

И хотя всего годъ назадъ Зося плакала и хотѣла быть во всемъ ровней Свентицкой и Запольской, она не смекнула теперь, сколько было унизительнаго для ея достоинства въ этомъ разговорѣ и циничнаго въ послѣднихъ сло-

вахъ Элизы. Она весело разсмѣялась, чмокнула готовую выручить ее подругу и упорхнула въ свой номеръ доканчивать туалетъ.

Прогулка вышла, какъ говорится, во всѣхъ смыслахъ неудачная. Какъ ни старалась Элиза полонить вниманіе москаля-медвѣдя, онъ не упускалъ изъ виду жены и терпѣливо поджидалъ ее на поворотахъ или спѣшилъ впередъ и, какъ deus ex machina, появлялся изъ-за выступовъ скалъ передъ только что располагавшейся приняться за воркованіе парочкой. Ходокъ по горамъ онъ оказался превосходный и ловко карабкался тамъ, гдѣ отставали другіе. Смѣшливая Элиза искренно потѣшалась надъ влюбленными.

Такъ продолжалось часа три. Вдругъ проводникъ остановился и властно произнесъ:

— Надо повернуть назадъ. Все равно мы ничего не увидимъ. Надвигается гроза.

Еще сіяло солнце, но со дна ущелій и пропастей поднимались легкія, какъ дымъ, клочья облаковъ и стремились неудержимо кверху, цѣпляясь за сучья елей и кусты рододендроновъ.

— Скорѣе, скорѣе,—торопилъ проводникъ.

Стась и Зося замѣшкались. Спускъ былъ очень крутой.

— Идите же, господа!—кричала Олеся.

Видя, какъ неувѣренно дѣйствовалъ Стась, Колычевъ самъ подалъ ему руку, помогъ спуститься съ крутизны и заступилъ его мѣсто около жены. Дѣло пошло ладнѣе.

А кругомъ неслись уже не дымки, а цѣлыя пелены тумана заволакивали окрестныя скалы и пронизывали путниковъ чуть не до костей холодомъ и сыростью. Тропинка дѣлалась все скользче. Камни все чаще вырывались изъ-подъ ногъ и летѣли въ невидимую бездну, а голосъ проводника звучалъ все тревожнѣе и нетерпѣливѣе. Наконецъ они добрались до какой-то хижины, служившей, вѣроятно убѣжищемъ для пастуховъ.

Едва закрылась дверь, грянулъ первый ударъ грома и перекатился по окружающимъ горамъ. Шутки смолкли. Черезъ минуту сверкнула молнія, и ударъ повторился. Кто не бывалъ въ горахъ и не испыталъ въ нихъ грозы, не мо-

жетъ вообразить себѣ, какъ ослѣпительны тамъ вспышки молніи и жутки удары грома. Кажется, скалы разсѣкаются и рушатся утесы, и огонь вылетаетъ изъ каждой расщелины. Подъ ногами разверзаются пропасти,—это голубой фосфорическій блескъ освѣщаетъ ихъ до невидимой обыкновенно во тьмѣ глубины, и потоки ревутъ, и водопады пѣнятся тамъ, гдѣ всего за нѣсколько минутъ лѣниво съ камня на камень сочилась вода пересохшихъ ручьевъ.

При одной изъ такихъ вспышекъ, когда казалось, что пылаетъ сама хижина, Иванъ Николаевичъ съ удивленіемъ увидѣлъ жену, прижавшуюся къ груди Стася. Продолжалось это всего двѣ-три секунды.

— Зося!—окликнулъ онъ ее.

— Господи!—отвѣтила она:—я въ темнотѣ думала—это ты!

Колычевъ притянулъ ее къ себѣ и, пользуясь вновь наступившимъ мракомъ, поцѣловалъ въ лобъ. Ни малѣйшаго подозрѣнія? Нѣтъ, онъ ревновалъ ее раньше, но теперь, видя ее постоянно въ обществѣ Запольскихъ и Свентицкихъ, привыкъ къ Стасю, всегда молчаливому и сдержанному, и смотрѣлъ на него только, какъ на пріятеля дѣтства.

Возвращеніе въ отель вышло очень веселое. Всѣ шутили и увѣряли, что виною неудачи Колычевъ, которому Нейскія скалы уже въ третій разъ отказываютъ въ знакомствѣ. Путники промокли до костей, но вечеромъ Зося играла Шопена, а потомъ за рояль сѣлъ графъ Казимиръ и устроились танцы, въ которыхъ приняла участіе вся разноплеменная молодежь громаднаго отеля.

Черезъ день пріѣхали Сотовы. Хотя Зося и встрѣтила Сашеньку очень любезно, но мысль, что ея общеніе съ Запольскими поневолѣ нарушится, втайнѣ грызла ее.

Съ появленіемъ сухощавой фигуры Семена Михайловича настроеніе общества сразу измѣнилось. Прежде всего Колычевы перешли со стола Запольскихъ за отдѣльный столикъ въ углу веранды. Растрепавшіеся отъ вѣчныхъ засѣданій и комиссій нервы сановника не успѣли еще отдохнуть за границей, и онъ внесъ съ собою въ беззаботно щебетавшее общество струю недовольства и критики. Его раздражали и взрывы смѣха, и польскіе возгласы, и любо-

пытно устремленные на него взоры, а хлопанье двери въ общую столовую заставляло вздрагивать и чуть не корчиться отъ неожиданности.

— Fermez donc doucement la porte! — сказалъ онъ кельнеру.

— Je vous ai dit donc de fermer la porte doucement! — повторилъ онъ кельнеру.

— Il faut donc penser à ce qu'on vous dit,—заявилъ онъ въ третій разъ, и Элиза чуть не подавилась отъ смѣха.

— Панъ Донкъ!—прошептала она.

— Его фамилія Сотовъ,—поправила Олеся.

— Вѣрно, отъ французскаго корня sot,—отвѣтила Элиза.

Графиня Запольская сдѣлала ей строгое лицо, а Казиміръ и Олеся такъ и покатились. Одинъ Стась, какъ всегда молчаливый, поднялъ свои прекрасные глаза и лѣниво посмотрѣлъ на Сотова.

Отъ тонкаго уха Зоси не ускользнулъ этотъ польскій разговоръ, и она улыбнулась. Александра Николаевна замѣтила ея улыбку и повернула голову въ сторону Запольскихъ. Красивое лицо Стася привлекло ея вниманіе.

— Знаешь, — тихо обратилась она къ золовкѣ: — я въ жизни не встрѣчала такого красавца. Какъ это ты умудрилась остаться равнодушной къ подобному товарищу дѣтства?

Зося пожала плечами.

— Я такъ привыкла къ его лицу, что даже и не замѣчаю, дѣйствительно ли онъ настолько привлекателенъ. Меня онъ никогда не волновалъ, — и она наложила себѣ полную тарелку салату и спокойно принялась за ѣду.

— Однакожъ,—пошутилъ Иванъ Николаевичъ,—во время грозы очутилась у него вчера въ объятіяхъ.

— Хорошо, что у него, а не у проводника, это было бы еще нелѣпѣе, а во время такого ужаса и не то еще случиться можетъ.

Все это было сказано такъ просто и естественно, что даже самый подозрительный человѣкъ не нашелъ бы повода придраться ни къ словамъ, ни къ тону, но Александра Николаевна все-таки вздохнула. Отъ Зосиной встрѣчи се-

годня она напрасно ждала прошлогодней теплоты. Что-то ушло, чего-то не хватало, словно Зося была другая.

„Конечно, это—ея горе, потеря первенца тому причиной“, рѣшила Сашенька. Она сама не имѣла, хотя страстно желала имѣть, дѣтей, а потому думала, что горше потери ребенка для женской души ничего быть не можетъ.

Послѣ обѣда Зося подошла къ Запольскимъ и шепнула:

— Идемъ по магазинамъ, будемъ, какъ дикари, глазѣть на витрины. Удивительное удовольствіе! ну, да вѣдь я долго нянчиться не буду, надоѣстъ, такъ и сбѣжать сумѣю.

И опять ея чутье не подсказало ей, что она роняетъ себя въ глазахъ подругъ и остается той же приживалкой, которая когда-то носила ихъ обноски, а теперь въ угоду имъ готова продать за грошъ близкихъ и родныхъ людей.

Антагонизмъ, который почувствовалъ Семенъ Михайловичъ къ столу Запольскихъ, невольно передался и Сашенькѣ. Ей все непріятнѣе становилось ихъ общество и было обидно за брата и за себя, что Зося явно тяготѣла туда. Она со свойственною ей снисходительностью объяснила это дружбою юныхъ лѣтъ и, не желая стѣснять золовку, упорно отказывалась отъ приглашеній на всякія прогулки въ ихъ обществѣ. Но осенніе вечера невольно соединяли всѣхъ обитателей отеля въ салонѣ и приходилось вступать въ бесѣду то со старухой Запольской, то съ Олесей, потому что англичанки и американки держались своей компаніей и съ прочей публикой не сходились.

Съ недавнихъ поръ за столомъ Запольскихъ сталъ появляться панъ Нивисскій, потомокъ одного изъ товарищей Заливскаго. Отецъ его, выведшій вмѣстѣ съ прочими главарями въ 1831 году польскія войска за границу, попалъ со своимъ отрядомъ на службу къ французамъ и дрался въ Алжирѣ. Тамъ и скатилась его буйная усатая голова на знойный песокъ въ битвѣ за покореніе воинственныхъ туземцевъ подъ ноги чужеземцевъ. Это вторженіе бѣлыхъ во владѣнія чернокожихъ почему-то не казалось насиліемъ его свободолюбивой душѣ и окружило вѣнцомъ славы его имя въ памяти сына.

Задорный по природѣ, панъ Ясекъ Нивисскій не выно-

силъ самого слова „Россія“ и считалъ пріятной обязанностью придираться къ каждому москалю, попадавшемуся ему на глаза. Наши русскіе эмигранты, бѣжавшіе за границу въ пятидесятыхъ годахъ, дружили съ нимъ и, заискивая передъ его ненавистничествомъ, ругали Россію на чемъ свѣтъ стоитъ, но ихъ онъ только вдвойнѣ за это презиралъ. Съ Колычевымъ онъ не сцѣпился ради Зоси, но Семена Михайловича возненавидѣлъ сразу, какъ взглянулъ на его бакенбарды. Нервность сановника еще больше его подзадоривала, и онъ искалъ случая хорошенько отчехвостить „пана Донка“, какъ съ легкой руки Элизы звалъ Сотова весь отель.

Разыгралось дѣло на пятый день пріѣзда Сотовыхъ. Уже за обѣдомъ сановникъ морщился, потому что со стола Запольскихъ доносился очень оживленный разговоръ. Поминались имена Куржины, Мѣрославскаго и Маевскаго, и Нивисскій негодовалъ на только что закрывшійся съѣздъ польскихъ эмигрантовъ въ Гомбургѣ, куда оба послѣдніе вожака партій красной и умѣренной не явились, а предсѣдательствовалъ Куржина. Поэтому планъ, которому сочувствовалъ Нивисскій, о распространеніи сѣти заговора не только на Польшу, но и на всѣ прилежащія, бывшія когда-то польскими области, и о противодѣйствіи предложенныхъ правительствомъ выборамъ въ польскій государственный совѣтъ, только что утвержденный по мысли Вѣлепольскаго, потерпѣлъ фіаско.

Нивисскій, скрипя зубами, ударялъ себя кулакомъ въ грудь и хрипѣлъ:

— Не позволямъ! Не позволямъ!.. Это позорище польскаго имени, этотъ вашъ мѣщанскій маркизъ Вѣлепольскій вообразилъ, что онъ именемъ царя сумѣетъ насъ реформировать!.. Мы введемъ то, что считаемъ благомъ ойчизны сами, а панки съ Андреемъ Замойскимъ только напортятъ со своимъ вальнымъ сеймомъ... Не вальный, швальный то сеймъ... И кто согласился на него, тотъ въ польскаго пана Бога не вѣруетъ... а мы, настоящіе сыны ойчизны польской, съ ними не пойдемъ, и народъ не пойдетъ и имъ помѣшаетъ.

— Да чѣмъ же народъ помѣшать можетъ?—спрашивалъ, пожимая плечами, графъ Казимиръ.

— Чѣмъ? чѣмъ? А вотъ тѣмъ, что они тамъ реверансы правительству откалывать будутъ, а мы народу про старые славные дни напоминать станемъ, про то, какъ не мы у захватниковъ въ кабалѣ были, а они къ намъ на поклонъ ѣздили... Вотъ скоро мы имъ устроимъ такое напоминаніе въ Городельскую годовщину, когда со всѣхъ земель и воеводствъ стекались въ землю Холмскую праздновать единеніе народовъ подъ скипетромъ Владислава Ягелла. Посмотримъ, куда народъ пойдетъ толпами, къ Вѣлепольскому, или къ нашимъ епископамъ, какъ они молебны пѣть начнутъ... Небойсь, не съ одной Варшавы люди стекутся, а со всей Рѣчи Посполитой, со всѣхъ воеводствъ, которыя москали своими считаютъ, изъ ихъ Кіева, изъ Смоленска, изъ Витебска, Минска...—и онъ залпомъ выпилъ стаканъ хереса.

— Что жъ, панъ, и вы въ Городлю поѣдете?—спросила графиня Запольская.

Нивисскій гордо закинулъ голову.

— Пока въ ойчизнѣ хоть одна капусняцкая подошва землю топчетъ, мнѣ тамъ мѣста нѣтъ. Но недалекъ тотъ день, когда я явлюсь продолжателемъ дѣла отца моего и Заливскаго.

— Какая пѣтушиная физіономія! — сказалъ довольно громко Сотовъ. — Кто это?

— Это Нивисскій, онъ очень умный! — отвѣтила Зося шопотомъ.

— Незамѣтно. Умные люди такъ въ обществѣ не орутъ...

Но на польскомъ столѣ замѣчанія не слышали, тамъ графъ Казимиръ разсказывалъ, какъ въ Алекостѣ 19-го Августа сошлись двѣ процессіи изъ Литвы и Польши, чтобы побрататься въ память Люблинской уніи, какъ начальство спохватилось и развело мостъ, а смѣльчаки-поляки все-таки на лодкахъ прибуксировали отведенный плашкоутъ, и епископы сошлись и облобызались и пѣли молебны и „Боже, цось Польске“, а москали только хлопали на берегу ушами.

Нивисскій хохоталъ до упаду и, поднявъ стаканъ, потребовалъ шампанскаго. Графиня Запольская налила ему воды и сказала:

— Это пока полезнѣе, а то панъ совсѣмъ голову потеряетъ, а мы здѣсь не одни.

Нивисскій покосился на Сотовыхъ, но сановникъ уже вышелъ изъ-за стола и промаршировалъ въ салонъ. Зося присѣла къ Запольскимъ, а Сашенька, поклонившись на ходу, прошла съ братомъ вслѣдъ за мужемъ.

— А что пани за москалемъ не скучно?

— Нѣтъ,—отвѣтила Зося:—случается и скучно!

— А пани бы его по-польски научила!

Зося расхохоталась.

— Онъ не можетъ, говоритъ,—трудно...

Нивисскій усмѣхнулся.

— А сама пани поетъ?

— Да, а что?

— Пойдемте, пани! Я сегодня патріотически настроенъ и наши пѣсни пѣть хочу...

Всѣ перешли въ салонъ. Нивисскій подвелъ торжественно Зосю къ роялю. Увидавъ это, все населеніе отеля, любившее артистическую игру молодой Колычевой, разсѣлось по стульямъ и диванамъ, и Сотовы заняли мѣста у оконъ. Иванъ Николаевичъ остался съ сигарой рядомъ въ курительной. Но вмѣсто Шопена раздалось „Еще Польша не сгинела“.

Англичанки, выслушавъ, зааплодировали. Нивисскій расклянялся, какъ присяжный теноръ, и Зося заиграла „Боже, цось Польске“, но теноръ запѣлъ переложенную на эти слова шутовскую молитву москаля, съ припѣвомъ: о просвѣти насъ, Господи!..

Какъ ни мало понималъ по-польски Сотовъ, но онъ всталъ и хотѣлъ выйти. Новисскій остановился.

— Почему, милостивый государь, вы позволяете себѣ мѣшать намъ?—обратился онъ къ сановнику по-французски.

Семенъ Михайловичъ не удержался и отвѣтилъ:

— Потому что я не люблю музыки этого сорта,—и направился къ двери.

— Напрасно, лучше привыкнуть заблаговременно, скоро эти пѣсни не только въ Польшѣ, но и въ Петербургѣ модными станутъ.

Сановникъ иронически улыбнулся.

— Ну, на это ни слушателей, ни исполнителей у насъ не найдется.

— Вотъ какъ! А въ Варшавѣ, говорятъ, самъ князь Горчаковъ шапку снималъ, когда этотъ мотивъ, непріятный пану москалю, раздавался.

Какъ большинство дѣловыхъ людей, Сотовъ такъ былъ занятъ своимъ департаментомъ, разными комиссіями и экстренными засѣданіями, что очень мало интересовался Польшей, считая ее навсегда замиренной провинціей Россіи, и отвѣтилъ:

— Мало ли что болтаютъ о Россіи за границей и какихъ не сочиняютъ о насъ небылицъ,—и онъ снова сдѣлалъ шагъ къ выходу.

— А я сама это видѣла!—подскочила Элиза.—Помнишь, Казя,—обратилась она къ брату:—я вамъ тогда за обѣдомъ разсказывала,—во время похоронъ нашихъ пяти февральскихъ мучениковъ русскіе шли за гробами безъ шапокъ, а народъ пѣлъ всѣ польскіе гимны... А того полковника Заболоцкаго, который велѣлъ солдатамъ стрѣлять въ толпу, судили, и не нашлось ни одного казака, взявшаго его сторону на слѣдствіи... И князь Горчаковъ извинялся передъ Замойскимъ и депутатами земледѣльческаго общества, когда они пошли за объясненіями къ нему въ замокъ...

— Очень можетъ быть, что все это разсказывали,—любезно осклабился Сотовъ хорошенькой дѣвушкѣ:—но врядъ ли это такъ было. Вы, вѣрно не такъ поняли!

— Всегда такъ,—возразилъ Нивисскій:—извѣстная русская уловка: чуть что правительству невыгодно,—поляки не такъ поняли. Ну-съ, а только если и теперь насъ снова, какъ при Николаѣ, съ органическимъ статутомъ обманутъ, такъ мы тоже покажемъ, кто кого не понялъ, и такой его сыну концертъ надъ концертами зададимъ, что вся Европа намъ зааплодируетъ.!.

— Какой органическій статутъ? Какой концертъ? Что такое?—удивился Сотовъ.

— Далибугъ! Да вы, вѣрно, Россіей съ луны управляете, если не знаете, что у васъ подъ бокомъ дѣлается! Честь

имѣю поздравить его величество россійскаго императора съ весьма освѣдомленными сановниками и желаю ему благополучнаго царствованія съ подобными сподвижниками...

И онъ отвѣсилъ придворный поклонъ и сдѣлалъ такую рожу, что Элиза, Олеся и Зося покатились со смѣху и не понявшія ни слова англичанки тоже...

Сотовъ растерялся.

Но Иванъ Николаевичъ уже вышелъ изъ курительной комнаты. Сдвинувъ свои сросшіяся брови, онъ подошелъ къ Нивисскому и сказалъ ему въ упоръ:

— Я тоже русскій и я запрещаю вамъ, милостивый государь, говорить такъ про того, чье имя для насъ одинаково священно съ Божьимъ...

Всѣ притихли. Минуту длилось молчаніе. Оба противника мѣрили другъ друга глазами. Нивисскій пыхтѣлъ, какъ быкъ, готовый броситься на врага; но Запольская сдѣлала знакъ зятю, и тотъ подъ руку отвелъ къ ней соотчича. Старуха сдѣлала ему шопотомъ выговоръ. Иванъ Николаевичъ, въ свою очередь, увелъ зятя и сестру. Семенъ Михайловичъ сразу пожелтѣлъ.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что за наглость... Пусти меня... я ему рожу сверну на сторону...

Но припадокъ кашля прервалъ его визгливую рѣчь. Александра Николаевна налила успокоительныхъ капель...

Эта сцена побудила ее сразу потребовать счетъ. На утро чѣмъ свѣтъ вещи ихъ были уложены, и омнибусъ отвёзъ разсерженнаго и еще болѣе пожелтѣвшаго за ночь сановника въ Лозанну, чтобы съ первымъ же поѣздомъ доставить на отдыхъ въ гостепріимный Баденъ-Баденъ, гдѣ было больше гарантіи избѣжать встрѣчъ съ зазнавшимися сынами Рѣчи Посполитой.

Сашенька оставила записку на имя брата, прощаясь съ нимъ и убѣждая не давать дурного объясненія ихъ отъѣзду. „Ты самъ долженъ понять, да и Зося тоже, что здоровье мужа для меня стоитъ на первомъ мѣстѣ, и я уѣзжаю нарочно такъ спѣшно, чтобъ не волновать его лишними объясненіями съ обоими вами“.

XXV.

Мы вчера съ тобою весело шутили,
Мы не ждали слезъ,
А сегодня утромъ въ сѣромъ вихрѣ пыли
Замеръ стукъ колесъ.
Смолкъ бубенчикъ звонкій, смолкъ, вдали рыдая...
Пусто... тишина...
И, вползая въ окна, шепчетъ мгла сѣдая:
Ты одна... одна...

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Дезертирство пана Донка послужило забавной темой для утреннихъ разговоровъ среди молодежи, но уже къ завтраку выяснилось, что и графиня Запольская тоже не желаетъ остаться въ Веве.

— Нѣтъ, довольно! Я отдыхать пріѣхала, а не кровь себѣ портить такими сценами. Вы,—обратилась она къ Свентицкому и Элизѣ,—дѣлайте, какъ знаете, а я со Стасемъ поѣду въ Ниццу.

И она потребовала счетъ.

Зося не знала, что дѣлать. Столь быстрой разлуки со своимъ коханнымъ она непредвидѣла и не могла примириться съ такимъ жестокимъ рѣшеніемъ его матери. Ѣхать за нею,—но вѣдь старуха ея не приглашала, да и во время вчерашней исторіи она слишкомъ явно показала себя сторонницей Элизы, и внезапный отъѣздъ въ Ниццу могъ возбудить подозрѣнія Колычева.

Заломивъ свои нѣжныя ручки, она опять по привычкѣ повалилась въ подушки и горько заплакала.

Легкій стукъ въ двери заставилъ ее очнуться.

— Entrez,—отозвалась она и встала передъ зеркаломъ, оправляя прическу.

Вошла Олеся.

— Ты одна? Пойдемъ къ намъ. Стась умоляетъ тебя проститься съ нимъ. Казимира я услала за покупками, и вы можете поговорить по душѣ. Я посторожу.

Панъ Стась никогда краснорѣчіемъ не отличался. Какъ большинство особенно красивыхъ мужчинъ, онъ бралъ лишь наружностью и поцѣлуями. И теперь увидавъ Зосю, онъ

притянулъ ее къ себѣ и прильнулъ къ ея губкамъ. Да и къ чему было ему утруждать себя разговорами? Онъ зналъ по многократнымъ опытамъ, что какъ только его душистые усы оторвутся отъ женскаго ротика, изъ него польется неудержимый потокъ пламенныхъ клятвъ и увѣреній, а ему для поддержанія разговора довольно время отъ времени подносить къ своимъ румянымъ губамъ бѣлую, нервно комкающую кружевной платокъ ручку и повторять вздохоподобно: „моя кохана".

Такъ было и тутъ. Зося клялась, что онъ ея единственная, первая и послѣдняя любовь, а онъ отвѣчалъ: „моя кохана!"

Она говорила, что ничто не можетъ заставить ее забыть его, что и днемъ и ночью всѣ ея мысли будутъ о немъ, что ея первый утренній крестъ и послѣдній вечерній будутъ за его имя,—и онъ благодарилъ: „моя кохана!"

Она умоляла его писать къ ней, и онъ, вздохнувъ, хотѣлъ снова прошептать: „моя кохана!" но спохватился. Если говорить ему было нелегко, то писать подавно, онъ покачалъ головою и отвѣчалъ: „Нѣтъ, этого не надо... опасно".

Зося согласилась. Тутъ наконецъ, пользуясь паузой, онъ только что хотѣлъ обнять свою кохану въ послѣдній, самый жаркій разъ, но постучалась Олеся, и пришлось разстаться.

Зося вытерла глаза, кивнула и вышла... Въ золотистой головкѣ она уносила полное убѣжденіе, что всѣ эти клятвы о единственности и вѣчности любви, объ утренней и вечерней молитвѣ говорилъ самъ Стась, и она вѣрила ему и любила, любила до самозабвенія.

Когда Колычевъ увидѣлъ ея заплаканные глаза, онъ снова нахмурился.

— Въ чемъ дѣло?.. Охота принимать теперь эту глупую исторію къ сердцу. Конечно, и Simon былъ неправъ. Къ чему было пускаться въ разговоры съ нахаломъ и индѣйскимъ пѣтухомъ. Шутъ гороховый! У меня руки чесались взять этого Нивисскаго за шиворотъ и вышвырнуть въ озеро, и если бы не дамы, онъ и посейчасъ нырялъ бы въ немъ. Я не понимаю, какъ можно было смѣяться такой идіотски-неприличной выходкѣ?

Зося надула губки.

— Ты разсуждаешь такъ потому, что ты москаль. Ничего глупаго и идіотскаго не было. Вы не въ состояніи понять поляковъ. Вы отняли у насъ все—землю, власть, вѣру! Вы не даете намъ вздохнуть свободно и удивляетесь, что мы ненавидимъ васъ!

— Во-первыхъ, душа моя, хоть я и москаль, какъ ты выражаешься, но на меня тебѣ жаловаться не приходится; во-вторыхъ,—тоже самое можно сказать и про отношеніе Россіи къ Польшѣ: вѣры польской мы не уничтожали, земли отъ васъ не отбирали, до 1830-го года у васъ оставались всѣ ваши учрежденія, и наши цари даровали вамъ куда больше правъ, чѣмъ намъ, своимъ исконнымъ подданнымъ. Такъ въ чемъ же вы вините насъ? Повѣрь мнѣ, когда мы подпадали подъ вашу власть, вы куда безцеремоннѣе обращались и съ нами, и съ нашей вѣрой, и съ нашими церквами... Вообще, я пораженъ, открывъ въ тебѣ такое враждебное чувство ко всему русскому. Помнится, въ Москвѣ ты его не высказывала. Или возобновленное знакомство съ друзьями дѣтства такъ озлобило и возстановило тебя противъ Россіи?

— Запольскіе тутъ ни причемъ. Я всегда была такая. Я 19 лѣтъ думала и чувствовала по-польски. Неужели ты полагаешь, что въ какой-нибудь годъ можно переродиться?

— Не переродиться, но, познакомившись ближе съ этими ненавистными москалями, убѣдиться, какъ относятся они въ дѣйствительности къ притѣсняемымъ, по-вашему, полякамъ и любятъ женъ-полекъ. И мнѣ кажется, что не такъ давно и я слышалъ отъ тебя нѣчто подобное. Или теперь это иначе?

Зося нетерпѣливо пожала плечами:

— Дѣло вовсе не въ насъ съ тобою. Ну да, ты меня любишь, ты меня балуешь... Но я говорю вообще о всѣхъ... У насъ нѣтъ свободы, и я это чувствую вмѣстѣ съ другими... Ахъ, я такъ несчастна! такъ несчастна!

И она, рыдая, опять уткнулась въ подушки.

Иванъ Николаевичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру и остановился у Зосиной постели.

— Если ты чувствуешь себя дѣйствительно несчастной

и въ неволѣ,—я согласенъ вернуть тебѣ твою свободу. Разъ мое русское имя и происхожденіе настолько невыносимы для тебя, что ты цѣлый день рыдаешь надъ своею несчастной судьбой, сковавшей тебя съ ненавистнымъ москалемъ,—вернись къ своимъ, ты вольна распоряжаться собою, какъ хочешь. Для меня будетъ легче знать, что ты счастлива въ разлукѣ со мною, чѣмъ видѣть слезы, недовольство и то пренебрежительное отношеніе, которое я терплю послѣднее время. Ты разъ уже прогнала меня,—тогда это былъ болѣзненный припадокъ. Теперь ты, слава Богу, здорова и можешь хладнокровно обсудить, что тебѣ дороже,—мое ли имя и общество близкихъ мнѣ людей, или тѣ польскія мечты и разжиганіе въ себѣ ненависти къ Россіи, которыя ты привыкла, говоришь, питать съ момента твоего появленія на свѣтъ. Я предупреждаю тебя объ одномъ: если бы ты захотѣла остаться Софьей Романовной Колычевой, я не желаю больше, чтобы моя жена вела себя такъ, какъ ты позволила себѣ вчера, и говорила, какъ сейчасъ... Я пойду и распоряжусь, чтобы мнѣ приготовили счетъ, а ты обдумай на просторѣ свое положеніе и если рѣшишь ѣхать со мною, а не оставаться съ графиней Свентицкой, то прикажи, въ свою очередь, Мареушѣ укладывать твои баулы.

Онъ вышелъ. Самъ онъ потомъ удивлялся, откуда взялась у него эта твердость. Но когда онъ вспоминалъ вчерашнюю сцену, всю необузданность Нивисскаго, травившаго его зятя, и злорадный смѣхъ жены и ея пріятельницъ, у него закипала на душѣ такая горечь, что онъ готовъ былъ снова повторить свое вчерашнее: „я русскій!“ и итти сейчасъ на дуэль съ человѣкомъ, оскорбившимъ его святая святыхъ.

Строгій, непривычный тонъ мужа ошеломилъ Зосю. Она никакъ не могла себѣ представить, что онъ когда-нибудь дерзнетъ говорить съ нею такъ. И она моментально вытерла слезы и встала съ постели. Что же надо теперь сдѣлать?..

Въ эту минуту въ ея маленькій салонъ постучались, и вошла графиня Запольская въ мантильѣ и шляпѣ.

— Милая Зося,—сказала она цѣлующей ея руку молодой женщинѣ:—я зашла проститься съ тобою и съ мужемъ

твоимъ. Передай ему, что я очень огорчена вчерашней выходкой нашего соотечественника. Да, да! я вполнѣ понимаю отъѣздъ твоего зятя. Нивисскій и моя молодежь вели себя непристойно, да и ты, извини, не лучше. У васъ опять начали бродить старыя дрожжи, но мой опытъ говоритъ мнѣ, что вы снова ошибаетесь и усугубите наше тяжелое положеніе и испортите условія жизни. А мужъ твой очень и очень пришелся мнѣ по душѣ, хотя онъ и далъ урокъ поляку. Ты должна благодарить Бога, пославшаго тебѣ такого спутника въ жизни, и стараться всѣми силами угождать ему. Я надѣюсь, ты уже извинилась передъ нимъ за вчерашній смѣхъ? Прости мнѣ, если я по старой памяти читаю тебѣ нотацію, но я желаю тебѣ только, какъ всегда, добра.

Зося окончательно присмирѣла.

— Развѣ графиня уже ѣдетъ?

— Да, черезъ полчаса. А вотъ и Стась. Я ему сказала, чтобы онъ зашелъ за мной сюда.

Зося опустила глаза. Стась, элегантный, какъ всегда, вошелъ и поцѣловалъ хозяйкѣ руку, и никто бы не повѣрилъ, что всего какой-нибудь часъ назадъ эти такъ холодно любезные, сдержанные люди обмѣнивались страстными поцѣлуями.

— Вы еще долго тутъ останетесь?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Не... не знаю. Кажется, мужъ собирается уже завтра.

— Куда?—спросила графиня.

— Онъ не говорилъ мнѣ...

— А!..

Графиня поняла, что между супругами произошла размолвка,—недаромъ у Зоси заплаканы глаза,—и встала.

Зося ждала, что графиня скажетъ: „Такъ поѣдемте же вмѣстѣ на Ривьеру!“ но она поцѣловала ее въ лобъ, спустила свою вуалетку и, милостиво улыбнувшись, выплыла въ коридоръ.

Стась церемонно поцѣловалъ руку хозяйкѣ, прошепталъ: „Моя кохана!..“ и тоже скрылся вслѣдъ за матерью...

Что же было ей дѣлать? Кинуться за ними, упасть къ ихъ ногамъ и молить взять съ собою?.. Зачѣмъ не прервала

она нотаціи графини и не сказала: я ухожу отъ мужа? Но развѣ Стась заикнулся хоть словомъ, хоть намекомъ, что готовъ принять на себя супружескія обязательства... Или все-таки остаться здѣсь съ Олесей и Элизой? Но въ качествѣ чего? ихъ компаньонки, и изъ этого роскошнаго, лучшаго въ отелѣ аппартамента переселиться наверхъ, въ мансардные дешевые номера. Передъ ней теперь вытягивалась въ струнку вся многочисленная прислуга гостиницы съ метрдотелемъ во главѣ, ее величали madame la baronne и excellence, ее знали всѣ приказчики лучшихъ магазиновъ и содержатели экипажей, дамы завидовали ея туалетамъ, и, уйди она отъ Колычева, скандалъ получился бы полный, вышелъ бы настоящій концертъ надъ концертами, какъ выразился Нивисскій. Нѣтъ, на это она не согласна... Какъ ни тяжело, ни унизительно,—надо примириться съ мужемъ. Она свалитъ всю вину на подругъ...

Внизу на улицѣ послышалось движеніе. Зазвенѣли бубенчики. Слышно было, какъ выносили чьи-то вещи.

Зося, накинувъ кружевной шарфъ, вышла на свой балконъ, какъ разъ надъ перрономъ отеля. Въ дорожную карету садилась графиня. За ней вскочилъ на подножку Стась въ широкомъ плащѣ. Онъ улыбался сестрѣ и Элизѣ и говорилъ: „До увидзенья, кохана!“ Дверца захлопнулась. На наружномъ сидѣніи сзади размѣстились камеристка Запольской Тереза и старый лакей Стася Левчукъ, которыхъ помнила Зося съ Заполья.

Почтальонъ щелкнулъ бичомъ. Карета съ нагруженными на верху кузова баулами тронулась. На поворотѣ улицы въ окошкѣ еще разъ мелькнула голова молодого графа и его рука, махавшая шляпой, и все было кончено...

Не успѣла Зося прійти въ себя, въ ея номеръ постучались. Это были Олеся съ Элизой.

— Какъ это все глупо!—и Олеся бросилась въ кресло.— Никогда ни въ чемъ согласія? Положимъ, Нивисскій дѣйствительно пересолилъ вчера. Но чего же maman приняла это къ сердцу? Вотъ и сказывается разница въ нашихъ взглядахъ. Нѣтъ, старики отжили свой вѣкъ. Имъ только бы сидѣть за печкой и знать, что никто не дерзнетъ по-

тревожить ихъ покоя. Тѣмъ энергичнѣе надо дѣйствовать теперь намъ, молодымъ.

— Надо прежде всего помнить: кто далъ слово помогать, тотъ не смѣетъ итти на попятный, — наставительно подтвердила Элиза.

Зося вспыхнула.

— Я и не думаю отказываться отъ своего слова. Вотъ!— она выдвинула ящикъ бюро и достала черепаховую шкатулку:—за эти двѣ недѣли мнѣ удалось скопить 2856 франковъ. Мужъ мой тоже собирается ѣхать завтра. Поэтому берите эти деньги. Но я, право, не знаю, какъ устрою потомъ, чтобы пересылать свою долю. Онъ сдѣлалъ мнѣ страшную сцену за вчерашнее и, навѣрно, станетъ шпіонить за каждымъ моимъ шагомъ... Ахъ, я такъ, такъ несчастна! — и она снова разрыдалась.

Элиза дѣловито взяла шкатулку и сѣла пересчитывать деньги.

Олеся обняла Зосю.

— Полно, дурочка! Не гнѣви Бога. Нисколько ты не несчастна. Напротивъ, все у тебя есть. Ты думаешь, мы были бы въ состояніи съ Элизой скопить такія деньги по мелочамъ въ столь короткій срокъ? А что мужъ устроилъ сцену— удивительная бѣда! Знаешь, я хоть и полька, но сознаюсь— онъ поступилъ вчера молодцомъ и очень мнѣ понравился. Онъ даже былъ красивъ!

— Но онъ все-таки не Стась,—прошептала Зося, прижимаясь къ плечу Олеси.

— Конечно, Стась красивѣе, но ты великая умница, что не упустила такой партіи.

— Вѣрно... 2856 франковъ! — провозгласила Элиза. — Я выдамъ тебѣ расписку, а квитанцію тебѣ пришлютъ изъ народнаго комитета. Теперь условимся о дальнѣйшемъ. Вотъ что. У меня, т. е. не у меня собственно, а у тети Анели есть такой еврей-разносчикъ. Онъ бродитъ повсюду и даже черезъ границу не разъ проносилъ секретные окольники подъ подошвою... онъ хвастается, что его всѣ, даже самъ Мѣрославскій знаютъ. Если будетъ что очень нужно, что ты побоишься довѣрить почтѣ, ты мнѣ только напиши:

когда, молъ, ты собираешься къ тетѣ Анелѣ? Я тебѣ отвѣчу: тогда-то, и ты его въ этотъ срокъ и жди.

— Что же, развѣ можно и деньги ему будетъ довѣрить?

— Хоть цѣлый милліонъ. Онъ честный и вѣрный человѣкъ. Его зовутъ Шлемъ Брендель... Шлемъ Брендель... Не забудешь?

Когда вернулся Иванъ Николаевичъ, Марѳуша уже укладывала второй сундукъ. Съ видомъ кающейся Магдалины подошла Зося къ мужу и увела его въ свой салонъ. Тамъ она бросилась къ нему на шею и, всхлипывая, какъ ребенокъ, призналась, что виновата во всемъ Элиза, и она очень рада освободиться отъ ея вліянія, хотя и любитъ ее... Она не могла предположить, чтобы ея глупыя слова могли такъ обидѣть Ивана Николаевича и что онъ ихъ такъ приметъ къ сердцу. Но это было въ послѣдній разъ, и онъ никогда, никогда въ жизни не услышитъ отъ нея подобныхъ рѣчей. Она готова хоть сейчасъ написать Сашенькѣ и извиниться передъ Семеномъ Михайловичемъ, и очень, очень жалѣетъ, что они уѣхали не простившись, иначе дѣло бы, конечно, сразу выяснилось.

Колычевъ былъ тронутъ, и между супругами произошло полное примиреніе.

На другой день онъ увезъ жену въ Женеву, а оттуда въ Парижъ, гдѣ Зося совершенно примирилась съ горькой судьбой и, познакомившись лично съ Вортомъ, забыла и про народный комитетъ, и про освобожденіе отчизны, и мужъ едва успѣвалъ платить по счетамъ. Она снова порхала по театрамъ и концертамъ и кокетничала съ сосѣдями за табльдотомъ. Но въ глубинѣ души образъ Стася сіялъ, какъ лучезарный призракъ. Иванъ Николаевичъ могъ быть спокоенъ за свою честь.

„Если, — говорила себѣ Зося, — я устояла тогда передъ Стасемъ, то никто не можетъ совратить меня и заставить забыть свой долгъ!“ и она гордилась своею добродѣтелью.

А когда въ ноябрѣ снова обнаружились первые признаки грядущаго материнства, она покорно возвратилась въ Колычево.

XXVI.

Тропарь торжественный отпѣли.
Всѣ вышли. Въ залѣ тишина.
Лишь няня старая одна
Стоитъ, гадая у купели:
Что уготовитъ жизни путь
Малюткѣ милой, чьи волоски
Плывутъ на яромъ, желтомъ воскѣ,
Плывутъ, и не хотятъ тонуть?
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Время шло. Дни становились длиннѣе. Прилетѣли грачи и черными вереницами бродили по бѣлымъ полямъ. Уже второй годъ пошелъ съ того дня, какъ Иванъ Николаевичъ объяснялъ крестьянамъ слова манифеста, но колычевцы себя вольными не чувствовали. Панъ Романъ не дрался. Барщина доживала послѣдніе дни, но подходила новая кабала—выкупа. Крестьяне познакомились давно съ уставной грамотой и, узнавъ оцѣнку своихъ надѣловъ, чесали затылки. Напрасно мировой посредникъ убѣждалъ ихъ, что они Бога должны благодарить за такой размѣръ нарѣзокъ, они считали Колычева скупымъ. Ихъ смущала и подушная подать.

— Горше всякаго оброка,—упрямо твердили онѣ и готовы были итти на сиротскіе надѣлы, только бы не платить выкупныхъ денегъ. Иванъ Николаевичъ до хрипоты убѣждалъ ихъ, что эти двѣ десятины, которыя они теперь требуютъ даромъ, черезъ пять лѣтъ окажутся зарѣзомъ для нихъ, что они скоро сами запросятъ вернуть имъ нынѣшнія нарѣзки, но тогда неизвѣстно, во что это имъ обойдется.

— Потому что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, сегодня я живъ и отдаю вамъ землю по законной цѣнѣ, а завтра умру и кто будетъ моимъ наслѣдникомъ? У меня могутъ быть дѣти, и ихъ опекуны врядъ ли согласятся уступить дѣтскую землю по нынѣшней разверсткѣ.

Крестьянамъ эта перспектива имѣть дѣло съ опекуномъ будущихъ наслѣдниковъ Колычева, которымъ могъ быть никто иной, какъ Юшкевичъ, показалась весьма непріятной, и они согласились наконецъ подписать уставную грамоту. Но всѣ готовы были, кажется, вѣкъ работать три дня въ недѣлю

на барщинѣ, лишь бы не платить выкуповъ, и мировой посредникъ охрипъ, въ свою очередь.

— Вотъ те и воля—твердили они.

Одинъ Агаѳонъ молчалъ. Послѣ своего неудачнаго дебюта въ качествѣ депутата по кабацкому вопросу онъ держался особнякомъ и прятался, заслышавъ колокольчикъ начальства, въ клуню. Онъ все усиленнѣе мечталъ уйти совсѣмъ изъ села на заработки въ столицу, о привольномъ житьѣ въ которой вдоволь наслушался на базарахъ.

Но пока жизнь въ Колычевѣ шла по старому. Дворовые, узнавъ, что ихъ воля выйдетъ черезъ годъ, умоляли Ивана Николаевича оставить ихъ на прежнихъ должностяхъ и онъ по своему мягкосердію охотно согласился на ихъ условія. Все по наружности обстояло крайне благополучно, и часто потомъ многимъ эта послѣдняя зима и наступившая за ней дружная весна и знойное лѣто вспоминались, какъ особенно пріятныя.

За время своего отсутствія изъ вотчины Иванъ Николаевичъ какъ будто усталъ. Ему шелъ 45-ый годъ, и въ бородѣ и на вискахъ пробивались уже первыя серебряныя нити. Хозяйство занимало его попрежнему, но за это время у пана Романа зародились такіе новые грандіозные планы, что онъ нѣсколько побаивался, не слишкомъ ли они смѣлы. Юшкевичъ всегда выписывалъ всевозможныя орудія изъ Англіи и Америки, а теперь мечталъ о примѣненіи пара взамѣнъ рабочихъ рукъ и на молотьбѣ, и на мельницѣ.

— Поймите,—говорилъ онъ:—вѣдь сколько намъ придется нанимать людей! Каждый снопъ намъ чуть не въ пятіалтынный обойдется. А тутъ сразу мнѣ въ три дня обмолотятъ и размелютъ то, съ чѣмъ мы и въ полтора мѣсяца не управимся. И рукъ потребуется чуть не въ тридцать разъ меньше. Сосчитайте, какая это выгода! Да къ тому же и мельницу водяную упразднить можно будетъ, а то ея положеніе на этомъ клину, врѣзающемся въ мужицкія земли, очень опасно и грозитъ, по-моему, въ будущемъ большими осложненіями.

— Я отлично все это взвѣшиваю и понимаю,—отвѣчалъ ему зять;—но вѣдь какой за машинами уходъ потребуется!

Нельзя же будетъ такую мельницу и молотилку Ивану или его хромому Карпычу поручать? Мало ли что,—ремень замѣнить, или поломка какая; наконецъ одно наблюденіе за монометромъ, уже помимо обращенія съ механизмомъ...

— Изъ-за границы нѣмца выпишемъ, а хотите, и поляка. Я знаю, русскій механикъ въ имѣнье охотно не пойдетъ, ему выгоднѣе на заводѣ работать, да ихъ и немного въ Россіи, но въ Польшѣ техниковъ немало, и достать свѣдущаго будетъ не трудно.

И хотя Ивану Николаевичу послѣ инцидента въ Веве общеніе съ поляками не особенно улыбалось, но отказать тестю онъ не хотѣлъ и отвѣтилъ:

— Что же, посмотримъ!

Въ Колычево попрежнему охотно пріѣзжали сосѣди, и вилла окончательно утратила свою славу запретнаго жилища и стала походить на обыкновенный барскій помѣщичій домъ. Вещи, сорокъ лѣтъ стоявшія только для украшенія, за эти два года начинали понемногу снашиваться. Видимо, и лакъ и обивка послѣ такого срока не выдерживали употребленія, и Евграфъ, заходя по привычкѣ въ старые покои, со вздохомъ замѣчалъ все болѣе и болѣе видные изъяны на „небеляхъ батюшки барина". Но, благодаря этому, съ ними меньше церемонились, и комнаты, утрачивая парадность, становились болѣе жилыми и уютными. Можно было, завернувшись въ пуховый платокъ, забраться съ ногами въ какое-нибудь гобеленовое кресло и дремать у камина, или перенести въ боскетную ломберный столъ изъ залы и засѣсть въ преферансъ, которому съ недавнихъ поръ стала обучаться Зося.

Однимъ изъ ея присяжныхъ партнеровъ сдѣлался въ эту зиму Игнатій Львовичъ. Мрачный докторъ пріѣзжалъ по желанію Ивана Николаевича еженедѣльно наблюдать за молодой женщиной и оставался ночевать. Зося его охотно слушалась. Онъ рѣшительно запретилъ ей всякія усиленныя движенія и вызвался развлекать ее въ періоды скуки.

Все, что было разбужено встрѣчей съ Запольскими,—мечты объ освобожденіи отчизны, ненависть ко всему русскому,—снова улеглось. Только образъ Стася одинъ не

утратилъ своего обаянія. Это была святая святыхъ Зосиной души. Она твердо вѣрила,—они еще встрѣтятся. Какъ и гдѣ,—она не знала. Но, не нарушивъ супружескаго долга, смѣло смотрѣла въ глаза мужа. То было совсѣмъ другое, и никому до ея чувства къ ея коханому дѣла быть не могло. Мужа она дѣйствительно уважала.

Переписка съ Элизой, которая велась на имя Олеси во избѣжаніе лишнихъ разговоровъ съ Иваномъ Николаевичемъ, шла все вялѣе, и, пославъ дважды по сту рублей въ простомъ письмѣ, тоже во избѣжаніе разговоровъ, Зося на послѣднее посланіе подруги совсѣмъ не отвѣтила. Ей все больше и больше казалось, что вся ихъ затѣя не великое дѣло, а великое ребячество, изъ котораго ничего выйти не можетъ, и она съ улыбкой вспоминала свою торжественную клятву.

„Какъ это было глупо!.. Какія мы были дѣти!..“

О предводительствѣ оба они тоже позабыли. Но въ одинъ прекрасный день явился Илья Семеновичъ съ мамочкой, Вѣрочкой и Надичкой, и пока дамы усѣлись за свои дамскіе разговоры, старикъ повелъ бесѣду о кандидатурѣ Колычева.

— Одного боюсь,—сообщилъ онъ почти шопотомъ:—перебьютъ намъ дорогу.

Колычевъ вздохнулъ.

— Что дѣлать! Можетъ быть, и къ лучшему. Я какъ-то удивительно устало чувствую себя. Помню, какъ Гришенька вашъ увѣрялъ, будто заграница бодритъ, а меня она нынче изрядно утомила.

— Это потому, что вы съ женою ѣздили. Я какъ съ моей Ольгой Павловной въ Карлсбадъ попаду, точно три недѣли молотилъ или по сѣнокосу шагалъ. Одна бѣготня по лавкамъ чего стоитъ. Нѣтъ, слуга покорный! Мы съ нею по очереди: одинъ годъ она съ дочками, а другой годъ я въ отпускъ. И дешевле гораздо. Поди, во что вамъ нынѣшняя поѣздка вскочила?

Колычевъ засмѣялся.

— А вѣдь, пожалуй, вы и правы. Зося въ первый разъ за границей была. Понятно, ее все интересовало, а о мага-

зинахъ, особенно въ Парижѣ, и говорить нечего. Да вѣдь и я грѣшнымъ дѣломъ ее подзадоривалъ. Мошенники-то французы сейчасъ замѣтили, что я женѣ не отказчикъ, и порядочно меня пообчистили. Теперь годика два придется поблагоразумничать. Въ Россіи, или, вѣрнѣе, въ деревнѣ, какъ-то легче экономію соблюдать, а за границей я понимаю жить только въ полное удовольствіе.

— Хорошо, что нынче вы рулетки избѣжали. А то еще, пожалуй, дороже бы вышло.

Иванъ Николаевичъ только махнулъ рукой.

— И не поминайте... Ну ее... Я себѣ зарокъ далъ никогда не играть больше.

— Да, да! каждый изъ насъ ей дань заплатилъ. Однако, вернемтесь къ дѣлу. Видите ли, за свое отсутствіе вы много шансовъ потеряли пройти на выборахъ. Надо вамъ сказать, что у меня самого въ послѣдній разъ былъ сильный конкуррентъ Софроновъ. Онъ шелъ почти навѣрняка и былъ такъ сконфуженъ своимъ проваломъ, что сразу уѣхалъ за границу. Теперь, прослышавъ откуда-то, что я намѣренъ отказаться, вновь объявился и даетъ у себя въ Новомъ такія лукулловскія пиршества, что его „отцомъ уѣзда" величать помѣщики начинаютъ.

— И прекрасно, я вовсе не честолюбивъ, да, откровенно говоря, боюсь и завраться. Послѣдніе два года поглотили всѣ свободныя средства, а тутъ панъ Романъ хочетъ американскую систему хозяйства ввести, и потребуется уйма денегъ.

— Охота вамъ! Было бы на что. Вѣдь безъ крестьянъ и то уборка въ копеечку встанетъ, а съ такими новшествами недолго и съ молотка пойти.

— Нѣтъ, отчего же? Его послушать, все это такъ выгодно и просто, что соблазнительно даже. Одно не нравится мнѣ,—онъ себѣ въ помощь хочетъ нѣмца или поляка взять.

— Лучше нѣмца, послушайтесь моего совѣта. Боюсь я поляковъ. Вы только почитайте, какъ они тамъ въ Польшѣ забываться снова стали.

— Да, въ Польшѣ! Но здѣсь чего же опасаться? Ихъ вліяніе ни на чемъ сказаться не можетъ. Что имъ тутъ среди

насъ бунтовать? Наша губернія и думать о нихъ забыла, даромъ, что когда-то чуть не цѣликомъ въ ихъ власти была. Но теперь какое намъ дѣло до Рѣчи Посполитой и ея вожделѣній? А что они дурить готовы, въ этомъ я убѣдился еще заграницей.

И онъ разсказалъ о случаѣ въ Веве.

. . . .

Былъ послѣдній день мая, когда снова въ столовой дежурилъ отецъ Никита и горѣли передъ кіотомъ вѣнчальныя свѣчи Зоси и Колычева. Снова сидѣлъ Иванъ Николаевичъ въ креслѣ у письменнаго стола, и панъ Романъ утѣшалъ его, какъ умѣлъ. Но послѣ послѣдняго неистоваго крика родильницы, когда оба они черезъ три ступени бѣжали наверхъ по дубовой лѣстницѣ, раздался здоровый и дерзкій плачъ младенца.

— Мальчикъ? — спросилъ, задыхаясь и не вѣря еще счастливому исходу, отецъ.

— Дѣвочка!—отвѣтилъ весело Игнатій Львовичъ, вытирая смуглыя, обросшія черными волосами руки и сіяя улыбающимися поверхъ очковъ темными глазами.—Молодецъ Софья Романовна!

Иванъ Николаевичъ на колѣняхъ у постели припалъ къ знакомой, нѣжной и влажной отъ испарины рукѣ.

— Дорогая моя!—прошепталъ онъ, едва сдерживая слезы.

Пани Юзыня поднесла что-то красненькое, запеленатое въ бѣлое, и устроила на груди у Зоси.

— Дочка и вся въ тебя!—сказала она зятю.

Иванъ Николаевичъ поднялъ голову. Красныя, припухшія вѣки раскрылись, и два мутныхъ глаза уставились въ потолокъ. Онъ осторожно коснулся губами мягкаго теплаго лобика.

Вошелъ отецъ Никита дать молитву.

— Какое думаете наречь имя новорожденной?

Зося отвѣтила:

— Не знаю.

Она никогда не думала, что это будетъ дѣвочка.

— Если можно, я бы хотѣлъ назвать ее Елизаветой въ память покойной матери моей,—сказалъ Колычевъ.

Зося улыбнулась.

Эльжбета... Люся... Жуня... Зузя... Да, это хорошо!

И дѣвочку назвали Елизаветой.

Рожденіе барышни вмѣсто ожидавшагося барчука сперва какъ будто разочаровало дворню. Особенно растерялся Евграфъ. Словно вопреки женоненавистничеству Арсенія Михайловича, въ его бывшей спальнѣ воцарялось женское существо. Но радость Зоси и Ивана Николаевича, проводившаго цѣлые часы у колыбели съ кружевнымъ пологомъ, примирила старика. Да и имя страннымъ образомъ совпадало съ тѣмъ, которое онъ помнилъ одинъ на цѣломъ свѣтѣ... И старикъ являлся ежедневно и, чѣмъ могъ, помогалъ наверху.

Какъ ни пыталась Зося кормить сама свою дочку, изъ этого ничего не вышло, и пришлось взять мамку. Изъ колычевскихъ молодухъ пригласили желающихъ. Игнатій Львовичъ послѣ тщательнаго осмотра выбралъ Прасковью, сноху Кузьмы Рыжаго. Молочная, какъ лучшая холмогорка, черноволосая, румяная и курносая Пашутка не знала, куда дѣвать избытокъ молока, и, по совѣту доктора, ей разрѣшили три раза въ день кормить и молочнаго брата барышни, такого же курносаго, какъ мать, Митьку.

Въ дѣтской на пеленальномъ столикѣ иногда лежали оба рядомъ, и матери гулили ихъ.

Крестины справили очень торжественно, хотя народу было и немного. Крестный отецъ Карауловъ, наморщивъ лобъ, держалъ воспріемную дочь и усердно дулъ и плевалъ, чтобы отогнать отъ нея всякое зло, а пани Юзыня, замѣнявшая у купели Александру Николаевну, конфузилась и боялась за внучку, чтобы отецъ Никита не утопилъ ея.

Когда окрещенную дѣвочку принесли въ боскетную къ ожидавшимъ тамъ родителямъ, они оба пришли въ восторгъ отъ надѣтаго на нее на узорной цѣпочкѣ креста старинной эмалевой работы.

— Это крестъ бабушки моей Елизаветы Ивановны Недолевой,—объяснилъ Илья Семеновичъ,—крестницы государыни Елизаветы Петровны. Вотъ видите, и надпись „Елисаветъ“ есть. Она его никогда не снимала и счастливо чуть не до девяноста лѣтъ дожила. Вотъ я его новой Елизаветѣ

Ивановнѣ и привезъ. Расти ей здоровой и умной, родителямъ на радость, крестному на утѣшеніе!

Александра Николаевна прислала Зосѣ на ризки, кромѣ традиціоннаго розоваго шелка на платье, браслетъ покойной тетушки, и Зося прослезилась. Вспомнилось ей Веве и ея поведеніе въ компаніи Запольскихъ, и все показалось такъ нелѣпо и дико.

Общество Олеси и Элизы подавляло ее; она не могла забыть въ ихъ присутствіи своего происхожденія и, невольно ухаживая по привычкѣ за ними, утрачивала свою личность. Да и по отношенію къ ея коханому Стасю вышло совсѣмъ не то, о чемъ она мечтала на самодѣльной скамьѣ, вонъ въ той заросли сиреневыхъ пышныхъ кустовъ, разливавшихъ въ этотъ радостный іюньскій день свой упоительный ароматъ. Не онъ цѣловалъ край ея платья, не онъ умолялъ ее о любви,—она готова была сама лобызать его выхоленыя, почти женскія руки, и кто знаетъ, не постучись Олеся, чѣмъ бы кончилось ихъ нѣжное прощаніе...

Наклонившись къ шафранному личику своей Лилюси, молодая мать покраснѣла до ушей. Нѣтъ, довольно! пора одуматься. Это все ея пылкая, необузданная фантазія туманитъ голову. Передъ ней открывается новая жизнь. Маленькое существо требуетъ много, много заботы. Оно такъ безпомощно, что грѣшно отъ него отрываться хоть на мгновеніе для сладкихъ мечтаній, которыя опутываютъ сердце женщины своими розовыми тенетами.

XXVII.

Стоятъ недвижно дерева,
Одѣтыя листвою тонкой,
И вдругъ откуда-то слова
И громкій смѣхъ, и топотъ звонкій.
Летятъ безумно смѣлой гонкой
По сторонамъ крутого рва,
Земли касаяся едва,
Лихой наѣздникъ съ амазонкой.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Снова прошло шесть недѣль. Въ вершинахъ душистыхъ липъ опять летаютъ суетливыя пчелы, и каждая поетъ свою трудовую пѣсню, а внизу подъ ними мамка въ розовомъ

сарафанѣ и розовомъ кокошникѣ ходитъ съ розовой куколкой на рукахъ и поетъ:

Я коту-воркоту
За работу заплачу,
Приди, котикъ, ночевать,
Приди Лизаньку качать...

Зося, перебравшаяся отъ зноя въ тѣнь вѣковой аллеи, сидитъ тутъ же въ креслѣ у переноснаго рабочаго столика, и ея ловкіе пальцы пришиваютъ кружево къ крохотному чепчику.

— Нѣтъ, надо Пашу выучить и другимъ пѣснямъ. И она мурлычетъ:

„Ой люли, люли...“ и вдругъ переходитъ съ улыбкою на „Зузину“ пѣсенку:

Мама кленчицъ каже Зузи.
„А чи можно дать ей бузи?
Хоть пшезъ шпарке, моя мамо,
Бо ей смутно быть такъ само...“

Изъ цвѣтника раздались мужскіе шаги, и подъ зеленымъ сводомъ показался высокій господинъ въ ботфортахъ и въ безукоризненномъ англійскомъ верховомъ сюртукѣ, въ сопровожденіи Ивана Николаевича.

— Вотъ честь имѣю представить тебѣ, милая Зося, нашего сосѣда Данила Даниловича Софронова.

Зося протянула руку. Ботфорты щелкнули шпорами, и къ ея пальцамъ прикоснулись мясистыя пухлыя губы подъ жесткими усами.

— Давно льстилъ себя надеждою познакомиться съ ясновельможною пани Колычевой, — произнесъ хрипловатый баритонъ.

Зося удивленно раскрыла глаза. Ни у кого изъ русскихъ не было обычая величать ее такъ, и она невольно улыбнулась:

— Чи-панъ разумѣ по-польску? —спросила она.

Собесѣдникъ ея покрутилъ усъ.

— Трошки!—съ важностью отвѣтилъ онъ и сразу прибавилъ по-русски:

— Я отъ своего управляющаго Домбровскаго научился. Вы его, кажется, знаете?

— Да, — отвѣтила Зося:—онъ мнѣ даже родственникъ, но давно не бывалъ у насъ.

— Сейчасъ мы съ нимъ у воротъ разстались, онъ прошелъ къ вашему отцу.

Зося удивилась, но особаго значенія этому появленію Валека послѣ двухлѣтняго отсутствія не придала. Не вѣкъ же было ему дуться!

Софроновъ остался обѣдать. Иванъ Николаевичъ послалъ за Романомъ, и тотъ явился вмѣстѣ съ Домбровскимъ. Зося съ улыбкой протянула руку своему отставному обожателю, и, нагнувшись надъ колясочкой со спавшей Зузей, пригласила познакомиться съ ея дочкой.

Какъ ни готовился Валекъ къ встрѣчѣ, но видъ возмужавшей и еще болѣе похорошѣвшей кузины заставилъ усиленно забиться сердце шляхтича, и Зося пріобрѣла въ этотъ день двухъ поклонниковъ.

Вечеромъ Софроновъ, считавшій себя знатокомъ лошадей, собакъ и женщинъ, свернувъ съ Валекомъ на березовую просѣку, поцѣловалъ кончики пальцевъ и провозгласилъ:

— Медъ!

А Валекъ такъ натянулъ мундштукъ, что Зефиръ взвился на дыбы. Онъ вспомнилъ, какъ уѣзжалъ отсюда въ послѣдній разъ съ израненымъ сердцемъ. Тогда онъ далъ клятву, что Колычево его больше не увидитъ, но теперь была надъ нимъ власть, передъ которой пасовали всѣ личныя чувства, и онъ пріѣхалъ вручить Роману новый секретный „окольникъ“ по распоряженію народнаго комитета.

До глубокой ночи горѣлъ въ конторѣ огонь. Долго раздумывалъ старый полякъ надъ литографированнымъ листкомъ, разбирая шифрованныя слова. Его снова призывали принять участіе въ святомъ дѣлѣ и вносить посильную лепту на вооруженіе народныхъ бандъ.

. . . .

Посѣщеніе Софронова вызвало Зосю на разговоръ о предводительствѣ. Она была крайне честолюбива, и мысль играть роль первой дамы въ уѣздѣ сильно занимала ее.

— Подумай, Ивъ! отчего же нѣтъ? Домъ у насъ боль-

шой, гдѣ же веселиться и танцовать, для чего же имѣть эту чудную залу и столько гостиныхъ?

Иванъ Николаевичъ пожалъ плечами.

— Не знаю, кто мѣшаетъ намъ и безъ этой роли задавать празднества! Пойми, мой другъ, пока мы люди независимые, намъ предоставлено право выбирать свои знакомства и вести самостоятельный образъ жизни. Поговори съ Ольгой Павловной, легко ли ей бываетъ, когда хочешь, не хочешь, а принимай у себя ораву гостей и ѣзди на всякія весьма неинтересныя собранія. Одна благотворительность чего стоитъ, и наконецъ во что это обходится? Недаромъ Илья Семеновичъ ждетъ, не дождется возможности сбросить съ себя эту тяготу „ноблесоближа"...

— Отчего же самъ ты мечталъ объ этомъ въ прошломъ году?

— Оттого, что молодъ и неопытенъ былъ, а теперь старъ сталъ и опытомъ умудренъ. Ты думаешь, сѣдина въ бороду, такъ и бѣсъ въ ребро? Это къ дѣдамъ относилось, когда имъ вторую или двадцать вторую молодость справлять хотѣлось. А у меня вотъ гдѣ моя вторая молодость лежитъ, вторая и послѣдняя.

И онъ нагнулся къ лежавшей на колѣняхъ у Зоси Лизочкѣ.

— Мнѣ о приданомъ для сей дѣвицы думать надо, а не о собственной потѣхѣ...

— Удивительно, какъ дѣвочка напоминаетъ тебя! Мама это сразу замѣтила. — По мужской логикѣ никакой связи между этими словами Зоси и предыдущимъ разговоромъ не было, но мать отвѣчала на собственныя мысли.

— Какая пылкая у тебя съ матушкой фантазія! Благодарю покорно, неужели и у меня такой же беззубый ротъ и пуговка вмѣсто носа?

Но онъ улыбнулся и крѣпко поцѣловалъ и жену, и дочь...

Софроновъ, убѣдившись, что Иванъ Николаевичъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ не питаетъ, зачастилъ въ Колычево. Очень ужъ ему понравилась хозяйка. Самъ

онъ жилъ холостякомъ и былъ страстнымъ борзятникомъ. Дамы къ нему раньше не ѣздили, потому что онъ славился гомерическими кутежами и держалъ въ молодости цѣлый гаремъ изъ крѣпостныхъ дѣвъ. Но, желая пройти въ предводители, еще передъ прошлыми выборами, онъ круто измѣнилъ образъ жизни и устраивалъ только грандіозныя охоты, на которыя собирались сосѣди съ женами и дочерьми, потому что, вернувшись съ поля, онъ задавалъ балы въ своемъ огромномъ каменномъ домѣ съ колоннами, построенномъ еще при Екатеринѣ II въ Новомъ, гдѣ, по преданіямъ, бывалъ у его прадѣда самъ Мамоновъ.

Узнавъ, что Зося не ѣздитъ верхомъ, онъ привезъ дамское сѣдло и сталъ ее умолять взять его въ берейторы, чтобы и она могла принимать участіе въ его полевыхъ потѣхахъ.

Иванъ Николаевичъ даже руками развелъ.

— Позвольте, Данилъ Даниловичъ, а я-то на что? Вѣдь я же отставной кавалеристъ!

— А вѣдь и правда, Ивъ! Отчего же до сихъ поръ ты мнѣ ни разу не предложилъ поучить меня?

— Да, отчего?—удивился Колычевъ.—Впрочемъ, когда же было? Первое время мы такъ заняты собою были, что объ этомъ я и не думалъ, а потомъ ты хворала.

Уроки верховой ѣзды увлекали молодую женщину, но, подумавъ, что на эти часы придется разставаться съ Лизочкой, она уже хотѣла отказаться. Игнатій Львовичъ, напротивъ, былъ за моціонъ.

— Все дѣло не пересаливать, а верховая ѣзда вамъ очень и весьма полезна. Вы вонъ второй подбородочекъ нагуливать стали, не мѣшаетъ потрястись, а то къ 35-ти годамъ мнѣ васъ отъ излишняго жира въ Карлсбадъ посылать придется...

И Зося выписала себѣ изъ Парижа амазонку, а пока въ юбкѣ, удлиненной Маѳушою, скакала съ мужемъ и Софроновымъ по дорогамъ, къ великому удовольствію обѣихъ борзыхъ, и, вся растрепавшаяся и разгоряченная, вернувшись съ наѣздничества, припадала къ Лизочкѣ, озабоченно щупала губами ея лобикъ и спрашивала Прасковью: хорошо ли кушала и спала ея дѣточка?

— Что намъ дѣлается? въ добрый часъ!—отвѣчала неукоснительно кормилица.

Старикъ Евграфъ приходилъ въ отсутствіе барыни посидѣть у колыбели и отгонялъ вѣткою мухъ...

И было кругомъ такъ мирно и хорошо, и не вѣрилось, что есть на свѣтѣ злоба, ненависть и месть, что люди льютъ гдѣ-то пули и точатъ ножи, отъ которыхъ брызнетъ братская алая кровь.

Зося уже крѣпко сидѣла въ сѣдлѣ и умѣла справляться съ мундштукомъ и трензелемъ. Ея спокойная, купленная у Софронова Леди покорно переходила съ англійской рыси въ галопъ и отлично слушалась хлыста. Молодая женщина съ огромнымъ увлеченіемъ ежедневно предавалась новому удовольствію.

Былъ чудный сентябрскій день. Наканунѣ пришла амазонка, и Зося рѣшилась обновить ее. Кстати и панъ Романъ звалъ Колычева выбрать наконецъ мѣсто для новой мельницы и проектируемой имъ по собственнымъ чертежамъ молотилки.

Когда осмотрѣли назначенное мѣсто, которое тутъ же на планѣ отмѣтили краснымъ крестикомъ, и Зося положила со смѣхомъ въ центръ его найденный на дорогѣ камень, а Софроновъ протрубилъ въ кулакъ веселый тушъ, всадники поѣхали домой въ объѣздъ черезъ спорное когда то Кожино, отходившее нынѣ въ аренду крестьянамъ.

Это былъ большой поемный лугъ, поросшій олешникомъ, но настолько низкій, что въ дождливое лѣто даже въ іюлѣ хлюпала подъ ногами вода. По преданіямъ, здѣсь увязла часть французскаго обоза во время бѣгства Наполеона. Когда-то пытались проложить черезъ него дорогу въ уѣздный городъ, потому что это сокращало путь на добрые полтора часа, но весенніе разливы добросовѣстно смывали щебенку и глину и уносили бревна и песокъ, и панъ Романъ отказался отъ своего намѣренія.

Софроновъ выѣхалъ изъ лѣска и ткнулъ ручкой хлыста въ землю.

— Эхъ, Иванъ Николаевичъ,—сказалъ онъ.—Зналъ бы я, что вы у меня отнимете этотъ лугъ, я бы плугомъ вспа-

халъ его, авось напалъ бы на какую-нибудь французскую штучку.

— Да вѣрно ли что тутъ Наполеонъ шелъ? Вѣдь это должно быть не менѣе двадцати пяти верстъ въ сторону отъ большака?

— Эхъ, батюшка, заблудились... Чай, безъ картъ шли. А заблудиться у насъ въ матушкѣ Россіи развѣ трудно?

И вдругъ, словно въ отвѣтъ, изъ-за ближняго куста на кочкѣ раздалось:

— А чи, ясновельможные панове, далеко тутъ до фольварка Колычевскаго?

Изъ подъ куста поднялась сухощавая, щуплая фигурка человѣка съ острыми чертами обильно усѣянной веснушками еврейской физіономіи.

Панъ Романъ подъѣхалъ.

— Чи тебѣ кого треба?

Еврей быстро оглянулъ компанію и, замѣтивъ Зосю, отвѣтилъ:

— У меня всякій товаръ въ коробѣ есть,—чулки, иголки, пуговки, булавки, духи, мыло, матеріи, вѣера, зонтики, все, что прекраснымъ паненкамъ треба. Бачили, въ Колычевѣ добрая барыня, ай какая добрая барыня! она у меня, бѣднаго разнощика, весь коробъ скупитъ. Ай вай!

Зося разсмѣялась и вдругъ поблѣднѣла... Это былъ тети Анелинъ жидъ. Какъ его звали?.. Трензель?.. Брензель?.. Да, Брендель... Шлемъ Брендель... Онъ, очевидно, посланъ къ ней Элизою, но съ чѣмъ? Она готова была отвѣтить, что ей ничего не надо, что у нея все есть, но панъ Романъ сказалъ:

— Вотъ и отлично, Юзыня только что сегодня о какихъ-то тесемкахъ вздыхала. Пойдемъ съ нами, но предупреждаю,—дорого запросишь, въ шею выгоню.

Жидъ взвалилъ на плечо свой коробъ и, какъ журавль, зашагалъ за кавалькадой, широко переставляя свои упругія „гачи".

— Ступайте впередъ!—предложилъ Романъ:—а я укажу этому рыжему Іудѣ дорогу, чтобъ онъ своихъ туфлей въ болотѣ не завязилъ.

У Зоси снова упало сердце. „Пантофлева почта...“ вспомнила она.

Софроновъ раскланялся и повернулъ къ себѣ въ Новое.

XXVIII.

Вокругъ захожаго венгерца
Тѣснится дворня вся заразъ
И смотритъ, не спуская глазъ,
На коробъ съ замираньемъ сердца.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Супруги остались наединѣ. Было такъ просто покаяться, разсказать все мужу и покончить разъ навсегда съ прошлымъ. Вѣдь съ рожденіемъ Лизочки утрачивался всякій смыслъ ея участія въ польскихъ мечтахъ... Богъ знаетъ, чего требовала отъ нея подруга. Можетъ быть, опять денегъ. Сколько же она могла бы послать ей? Зося въ умѣ подсчитала свою наличность: пятнадцать-двадцать рублей?.. Развѣ этого довольно? Какъ и на что попросить денегъ у мужа? Въ деревнѣ у нея никакихъ расходовъ не было, и Колычевъ не заботился, есть ли у нея деньги, или нѣтъ, зная, что въ случаѣ надобности она безъ церемоніи за ними обратится.

— Что ты такая молчаливая? — спросилъ Иванъ Николаевичъ.

— Я такъ, просто задумалась...

„Сказать или не сказать? Нѣтъ, это будетъ предательствомъ. Лучше подождать, что скажетъ этотъ Шлемка“, и вслухъ она прибавила:

— Удивительно удобно сидитъ амазонка. Какъ ловко французы шьютъ за глаза.

— Да, великолѣпно. Хоть въ ихъ Bois de Boulogne впору.

— Ахъ, кстати: je suis à sec. Этотъ Шлемка предлагалъ скупить у него коробъ. Можетъ быть, дѣйствительно что-нибудь для Зузи понадобится.

— Я дамъ тебѣ, сколько надо. Откуда ты знаешь, что его зовутъ Шлемкой?

Зося смутилась и нарочно громко расхохоталась.

— Я не поклянусь, что это такъ, но ихъ всегда зовутъ или Шлемка или Ицка. Ихъ масса въ Польшѣ шатается. Мы ихъ пантофлевой почтой называли.

— У насъ ихъ офенями или венгерцами зовутъ. У нихъ даже свой офенскій языкъ существуетъ. По большой части все это великіе плуты. Смотри, не купи какой-нибудь завали!

Они подъѣхали къ крыльцу. Зося первымъ долгомъ пробѣжала въ дѣтскую. Дѣвочка спала, разметавшись въ своей колыбелькѣ.

— Чего мнѣ еще надо?—сказала себѣ молодая мать и нѣжно поцѣловала ея откинутую ручку.

Пока расфранченная Мареуша разстегивала ея амазонку, она спросила:

— Намъ ничего не нужно? пуговицъ, ленточекъ? Сейчасъ жидъ-разносчикъ придетъ,—и сама отправилась за деньгами въ кабинетъ къ мужу.

Иванъ Николаевичъ протянулъ ей пятьдесятъ рублей.

— Хватитъ?

— Надѣюсь,—отвѣтила Зося и пошла въ старый домъ посовѣтоваться съ матерью, что купить.

У воротъ толпилась дворня. Мареуша уже успѣла сообщить о прибытіи венгерца, и каждый сгоралъ любопытствомъ посмотрѣть коробъ рѣдкаго въ деревнѣ, но всегда пріятнаго гостя.

Вмѣсто него черезъ полчаса подъѣхалъ панъ Романъ.

— Вы чего тутъ?—обратился онъ къ дворовымъ.

— Венгерца поджидаемъ!—отвѣтила бойко Мареуша.

— А тебѣ, французинка, что отъ него надо?—спросилъ панъ. Онъ зналъ данную дворовыми кличку камеристкѣ, побывавшей за границей.

— Не мнѣ, барынѣ нужно.

— Такъ пойди и скажи твоей барынѣ, что я сегодня замѣсто венгерца и прошу ихъ къ себѣ. Цо-то!..

— Да онѣ у маменьки... А венгерца, знать, прогнали?

— Знать, прогналъ... Ну, что вы, цо-то! стали? Аль дѣла у васъ нѣтъ? Маршъ по мѣстамъ!

Когда Зося встала навстрѣчу отцу, онъ взялъ ее подъ

руку и увелъ въ контору. Закрывъ дверь на ключъ, онъ досталъ изъ кармана смятый конвертъ и вручилъ его дочери. У той подкосились ноги.

— Что это? откуда?—прошептала она, едва шевеля языкомъ.

— Изъ пантофли Шлема Бренделя.

Зосѣ дѣлалось дурно.

— Ничего, ничего! ты сперва прочитай, а потомъ мы съ тобою поговоримъ!

Письмо было отъ Элизы. Свентицкая пересылала ей квитанцію народнаго комитета и воззваніе, а также напоминала объ обѣщаніи вносить свою лепту и просила назвать точную цифру, на которую ихъ пятокъ можетъ расчитывать.

„Посылаю это письмо черезъ Шлема Бренделя, потому что на предыдущее отъ тебя отвѣта не получила. Вѣрно, твой мужъ перехватилъ его. Прилагаю и фотографію трехъ новыхъ мучениковъ, очень рѣдкую: видишь, какъ солнце осѣняетъ ихъ трупы своимъ вѣнцомъ?“

Это были висѣвшіе на висѣлицахъ трое, покушавшіеся на жизнь намѣстника Лидерса, великаго князя Константина Николаевича и маркиза Вѣлепольскаго.

Въ концѣ письма стояло: „Олеся проситъ передать поклонъ Стася его коханѣ. Онъ здоровъ и надѣется, что вы своро опять свидитесь...“

Когда Зося дочитала, панъ Романъ протянулъ за письмомъ руку:

— Дай его мнѣ!

Надѣвъ очки, онъ отошелъ къ окну. Зося сидѣла ни жива, ни мертва.

— Хорошія дѣла, дочка? А?—сказалъ онъ и положилъ конвертъ въ карманъ.—Что жъ ты думаешь дѣлать?

— Не... не знаю!..

— Что жъ это у тебя давно дѣло затѣяно?

— Нѣтъ, нынче за границей.

— А!.. Значитъ, замужъ ты еще чистая шла?

— Да, тогда еще никакого настоящаго заговора не было. Это потомъ въ Веве меня Олеся и Элиза соблазнили.

— Стасю отдаться?

— Какъ отдаться?

— Какъ отдаться? какъ невѣрныя жены любовникамъ отдаются. Ты тайкомъ отъ меня съ мужемъ обвѣнчаться сумѣла, такъ и кралей Запольскаго тоже не съ вѣдома же моего зятя стала.

— Отецъ! я могу поклясться всѣмъ, что у меня есть святого, головой моей дѣвочки, что ты ошибаешься и клевещешь на меня: я не была любовницей Запольскаго.

— И Зузя не его дочь?

— Нѣтъ!

— Гляди въ глаза мнѣ!

Зося гордо закинула голову и взглянула отцу въ глаза.

— При чемъ же тутъ поклонъ его коханкѣ?

— Не коханкѣ, а коханѣ, отецъ... Стась и я полюбили другъ друга, но наши отношенія не запятнаны позоромъ, и я смѣло могу смотрѣть мужу въ лицо.

— И это правда?

— Правда!

Панъ Романъ впился долгимъ взглядомъ въ Зосю, но она глазъ не опустила.

— Ну, благодари Бога, что въ этотъ разъ на дурака напала, — тихо сказалъ онъ и отеръ лобъ платкомъ. — Уфъ! гора съ плечъ... Потому окажись неправда, я бы тебя, какъ собаку паршивую, тутъ же задушилъ. Знай, я твоего позора не вынесу. Можетъ быть, тотъ, мужъ, простилъ бы тебя, онъ, русская тряпка, всякаго мерзавца пощадить готовъ, а я не простилъ бы... Ну, а теперь о другомъ. Это еще что за „пятокъ" такой?

Зося уже собралась съ духомъ и разсказала довольно толково о политиканствѣ Свентицкихъ.

— Кто же у васъ пятый? ты, Олеся, Элиза, твой дуракъ коханый,—а еще кто?

— Не знаю!

— Эхъ вы, туда же лѣзете!.. Сколько же ты ей послать думаешь?

— Совсѣмъ не знаю... да и нужно ли посылать-то?

— Что жъ, раздумала?—и онъ хитро сощурилъ глаза.— Цо-то!..

— Не то что раздумала, а ужъ очень эта затѣя мнѣ теперь дѣтски-нелѣпой представляется. Я бы хотѣла оставить письмо безъ отвѣта.

Романъ прошелся взадъ и впередъ.

— Не отвѣчать на поклонъ Стася не только можешь, но и должна. Брось это! у тебя дочь. Какъ ты ей потомъ въ глаза взглянешь? А что если она тебѣ тѣмъ же отплатитъ? Подумай!..

Зося заплакала, ея нервы не выдержали, и, прижавшись губами къ рукѣ отца, она всхлипнула:

— Брошу, тату милый!

— Хорошо, это кончено. Теперь то, другое...—Онъ вытащилъ воззваніе комитета.—На это отвѣчать надо. Это дѣло иное. Какъ относится твой мужъ къ польскимъ начинаніямъ?

Зося разсказала о сценѣ съ Нивисскимъ.

— Цо-то! дурень!.. Развѣ такъ дѣло варганятъ? На сановника геморройнаго индюкомъ наскочилъ! Герой какой! Цо-то!.. Теперь тотъ въ Петербургѣ всѣмъ уши объ этомъ скандалѣ прожужжать успѣлъ... мало ли чье вниманье на насъ обратилъ. Ему бы ладкомъ да тишкомъ, да падамъ до ногъ его ясновельможности.

Зося все шире раскрывала синіе глаза. Мысль, что отецъ можетъ сочувствовать дѣлу Свентицкихъ, ей и въ голову не приходила. Колычево такъ мирно дремало въ глубинѣ своихъ чисто русскихъ лѣсовъ и полей, казалось такъ вдалекѣ отъ зарождавшейся польской смуты, что никто бы не могъ предполагать возможности въ немъ какого-нибудь отклика на пробуждающіяся волненія шумной Рѣчи Посполитой.

— Отецъ, развѣ и ты повстанецъ?—спросила дочь.

— Я?—онъ ухмыльнулся черезъ сѣдые усы и, засучивъ рукавъ своей довольно неопрятной сорочки, показалъ синеватый шрамъ отъ локтя до плеча на правой рукѣ. — Это подъ Вильной 7 іюня 1830 г. памятка отъ сабли казацкой, когда мы подъ командою Гелгуда русскіе полки атаковали. А это,—онъ растегнулъ воротъ и ткнулъ на круглое, сжавшееся въ воронку углубленіе на лѣвой сторонѣ груди,—

19 августа въ отрядѣ пана Ромарино русская пуля мое польское сердце пробить пыталась, да въ ребрѣ застряла и, спасибо врачамъ и монахинямъ бернардинкамъ у меня вонъ тамъ въ углу у статуи Іисуса на полкѣ вынутая лежитъ. Я клятву тогда далъ въ долгу не остаться... Голъ, какъ соколъ, изъ госпиталя вышелъ. Десять лѣтъ мы съ Юзыней чуть не чеснокомъ питались, и каждый годъ намъ Богъ дѣтей давалъ. Да съ хорошихъ харчей они, видно, жить не умѣли... Никакъ нигдѣ я устроиться прочно не могъ. Наконецъ черезъ старую пани одну въ Гомелѣ о Колычевѣ прослышалъ,—есть, молъ, среди москалей такой чудакъ, что нашего брата жалѣетъ, и поможетъ, мѣсто какое-нибудь у себя дастъ, лишь имя одно знать надо. А имя то... матери твоей дѣвическое было... родственницей она Эльжбеты Мазовецкой, той прежней коханы пана Арсенія, была, только дальней, конечно. Оттуда и сходство твое съ портретомъ. Я и поѣхалъ, а нѣмецъ-то какъ разъ Богу душу отдавалъ... Вотъ тебѣ и весь мой романъ... Ты мнѣ правду про себя открыла, и я тебѣ свою скажу: не выскочи ты за твоего москаля, они бы тамъ въ Польшѣ не 3000 франковъ за эти годы съ Колычева имѣли... Ну, а теперь ты Элизѣ отпиши, что меня, молъ, въ свентемъ покоѣ оставьте, а если что треба, къ старому Юшкевичу отписывайте. Это ужъ мое дѣло. Если я на ойчизну даю, то отъ своихъ трудовъ, дочка, знай! потому у москалей въ рукахъ всему твоему нынѣшнему имѣнію полтора злотыхъ цѣна была бы... На! вотъ тебѣ бумага, конвертъ и чернильница съ перьями... а я, пока ты пишешь, трубку выкурю... Да! прибавь-ка, чтобы она мнѣ сюда никакихъ пантофлей не присылала больше. Не дай Богъ жиду довѣриться,—за грошъ продастъ. Я этому Шлемкѣ такъ шею накостылялъ, что у него и теперь, вѣрно, голова на Іерусалимъ къ Голгоѳѣ повернута.

Прочитавъ написанное къ Элизѣ письмо, въ которомъ Зося просила обращаться отнынѣ только чрезъ Юшкевича, потому что онъ все знаетъ и лучше дѣлу послужить можетъ,—старикъ крѣпко обнялъ дочь и сказалъ:

— Ну, а теперь спи спокойно, цурка, все ладно... А о Запольскомъ забудь. Одна у тебя думка быть смѣетъ—это дочка твоя. Остальное ничто тебя на свѣтѣ не касается...

XXIX.

Я умру, но цвѣтовъ ты мнѣ въ гробъ не клади.
Не хочу я, чтобъ тамъ, увядая
Въ молчаливой землѣ, на бездушной груди,
Загубилась ихъ жизнь молодая.
Не цѣлуй, не рыдай,—не раскроется глубь...
Не сули мнѣ загробную встрѣчу...
Ты при жизни цвѣты мнѣ отдай... Приголубь,
Приласкай,—я отвѣчу.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Начались псовыя охоты.

Пожелтѣлыя пустыя поля окаймились черными чащами лѣсовъ. Словно сѣдина, серебрились стволы березъ въ зарosляхъ осины и ольхи. Островки разбросанныхъ на широкомъ просторѣ рощъ казались издали шапками волосъ на головахъ великановъ ушедшихъ въ землю по самое чело. На холодномъ небѣ ползали длинныя вытянутыя облака и двигались безконечными полчищами низкія тучи, и съ нихъ сѣялъ осеннiй дождь и окутывалъ потерявшую обликъ природу сѣрой пеленою. Но охотники не смущаясь выѣзжали со своими сворами, и лошади бѣшено неслись по сжатымъ полосамъ и зеленямъ озимой ржи, потому что ни звѣрь, ни человѣкъ не разбирали дороги. Ату! ату! и улю-лю-лю-лю!— такъ и стояло стономъ среди изморози, и красныя озябшія руки спускали гончихъ и борзыхъ, летѣвшихъ черезъ рвы и канавы, по шею въ грязи.

Зося принимала участіе въ этихъ забавахъ и поражала мужчинъ своею выносливостью и смѣлой ѣздой. Послѣ разговора съ отцомъ у нея было такъ радостно и свѣтло на душѣ, такъ легко на сердцѣ, что самые скучные ненастные дни казались ей залитыми солнечнымъ свѣтомъ. Испытанную ею однажды деревенскую зимнюю скуку она позабыла. Не хватало дня на все, что нужно было сдѣлать и что казалось интереснымъ. Колычевъ радовался на нее, и Игнатій Львовичъ весело сверкалъ своими угольками поверхъ вросшихъ, казалось, въ переносье очковъ.

На восьмое ноября была назначена большая охота въ Новомъ.

Зося съ помощью Мареуши смастерила себѣ польскій обшитый соболемъ кунтушъ поверхъ амазонки и конфедератку съ малиновымъ верхомъ. Она была такъ очаровательно оживлена, что Софроновъ, ждавшій ихъ у окна, только крякнулъ, когда они подъѣзжали къ его древнему перрону.

За ночь выпалъ снѣжокъ и принарядилъ угрюмыя поля и болотистыя низины. Солнце весело играло на поверхности синей рѣки. Красивыми пятнами выдѣлялися яркіе камзолы выжлятниковъ, окруженныхъ цѣлымъ островкомъ чернопѣгихъ гончихъ весело махавшихъ бѣлыми и пестрыми, торчащими кверху, хвостами. Доѣзжачій Ермила, сидя на своей низкорослой башкиркѣ, которую онъ чаще кормилъ нагайкой, чѣмъ овсомъ, держалъ на длинной сворѣ красавицъ борзыхъ. Замѣтивъ Зосиныхъ Чайку и Стрѣлку, онѣ поднялись было на встрѣчу.

— Кушъ!—раздалось грозно, и собаки улеглись, положивъ снова узкія морды на вытянутыя лапы.

Распахнулась дверь, и на крыльцѣ показался хозяинъ. Собаки вскочили, выжлятники сняли шапки. Софроновъ поздоровался съ гостями и лихо вспрыгнулъ на своего вороного Каракуля.

— Ни пера, ни шерсти!—громко крикнулъ онъ.

Затрубили рога, и охотники выѣхали за ворота.

Зося, наученная опытомъ прежнихъ охотъ, стояла смирно на указанномъ Ермилою мѣстѣ на опушкѣ березовой рощи. Чайка и Стрѣлка легли у ногъ ея Леди. Было слегка морозно, и яркими хрусталиками блестѣли мелкіе кусочки инея на вѣткахъ сквозныхъ деревьевъ. Глубокое безмолвіе царило кругомъ. Только вдалекѣ слышенъ былъ замирающій за холмами гонъ. Вдругъ въ кустахъ что-то зашуршало. Борзыя повернули головы съ насторожившимися ушами. Изъ чащи показалась сѣдая морда старой волчихи. Собаки вскочили и рванулись... Зося не успѣла удержать ихъ и выпустила изъ рукъ... Леди дала кабріоль въ сторону и помчалась стрѣлою за собаками черезъ поле. На топотъ выскочилъ Ермила, готовый послать къ чорту каждаго нарушившаго его предписанія, будь то самъ Софроновъ. За-

мѣтивъ волчицу, онъ спустилъ свою свору и бросился съ улюлюканьемъ на перерѣзъ Зосѣ.

— Направо!.. держите, чортъ возьми, направо!—заоралъ онъ.

Но Леди вошла въ колеръ и неслась, прижавъ къ головѣ уши, не слушая ни хлыста, ни мундштука.

Уже за ней скакали Софроновъ и Колычевъ. Въ двухъ верстахъ впереди лежалъ крутой и глубокій оврагъ бывшей каменоломни и грозилъ неминуемымъ паденьемъ лошади и гибелью всадницѣ. Оба немилосердно хлестали своихъ коней. Это была бѣшеная, неистовая скачка. Земля звенѣла подъ копытами и щетинистые мерзлые комья летѣли изъподъ острыхъ подковъ. Колычевъ наконецъ догналъ жену. Перегнувшись съ сѣдла, онъ только что хотѣлъ ухватить Леди за поводъ, но она метнулась въ сторону, и онъ потерявъ равновѣсіе, на всемъ скаку грохнулся о землю. Его лошадь остановилась. Софроновъ только обернулся на мигъ и помчался дальше. Они были въ двадцати шагахъ отъ обрыва, когда ему удалось сильной рукою осадить, рвανувъ подъ уздцы взмыленную кобылу. Она стала, какъ вкопанная, и вся дрожала мелкой дрожью, испуганно прядя ушами и раздувая усиленнымъ, частымъ дыханьемъ поджарые бока.

— Вы очень испугались?—спросилъ Софроновъ.

Зося не могла говорить и только кивнула головой. Онъ откупорилъ висѣвшую черезъ плечо фляжку и поднесъ къ ея губамъ.

— Пейте! — приказалъ онъ, и Зося сдѣлала глотокъ. Коньякъ ударилъ въ голову, но вернулъ сразу сознаніе.

— Гдѣ Ивъ?—спросила она.

Софроновъ обернулся. Среди изрытаго жнивья лежало черное тѣло. Рядомъ сѣрый породистый энглизированный Дукатъ Колычева щипалъ пробивавшуюся сквозь тонкій снѣгъ еще зеленую траву межи. Софроновъ приложилъ ко рту серебряную ручку хлыста и далъ рѣзкій свистокъ. Отовсюду показались охотники. Колычева окружили. Онъ былъ безъ сознанія. Зося, снятая съ сѣдла Софроновымъ, рыдала на его плечѣ. Ермила хмурился и ругалъ въ душѣ на чемъ свѣтъ стоитъ бабъ, сующихся на охоту, но всетаки распорядился послать за экипажемъ.

Софроновъ влилъ въ ротъ Колычеву того же коньяку. Онъ на секунду открылъ глаза, обвелъ мутнымъ взоромъ окружающихъ и снова впалъ въ безпамятство. Зося сѣла на землю и положила голову мужа къ себѣ на колѣни.

— Будетъ онъ жить?—тихо спросила она Данила Даниловича.

Тотъ улыбнулся.

— Какое же сомнѣніе? Я послалъ къ вамъ за докторомъ.

Черезъ полчаса подкатила коляска. Ивана Николаевича подняли и уложили. Зося и Софроновъ сѣли рядомъ, чтобы придерживать его, и шагомъ добрались до Новаго.

Вмѣсто веселаго обѣда съ трюфелями и шампанскимъ, люди ходили на цыпочкахъ. Въ кабинетѣ хозяина на тахтѣ лежалъ разбитый. По коридору сновали женщины со льдомъ на тарелкахъ и со свертками бинтовъ и домашней корпіи.

Игнатій Львовичъ явился къ вечеру. Его въ Колычевѣ не оказалось, и нарочный поскакалъ за нимъ въ городъ.

Осмотрѣвъ больного, онъ успокоилъ Зосю и велѣлъ пріѣхавшей съ платьями Марѳушѣ раздѣть и уложить барыню.

Софроновъ уступилъ молодой женщинѣ свою нарядную и комфортабельную спальню, но Зосю пришлось уложить силою.

Хозяйствомъ въ Новомъ пятый годъ завѣдывала Анисья Ивановна, вдова бывшаго управляющаго, предшественника Валека. Мягкой поступью скользила она изъ одной комнаты въ другую, отъ мужа къ женѣ, мягкимъ голосомъ успокаивала потрясенную, дрожавшую въ лихорадкѣ женщину и мягкими, пухлыми, бѣлыми руками выжимала компрессы и клала ихъ на разгоряченный лобъ Ивана Николаевича.

Зося встрѣчала ее широко раскрытыми глазами.

— Ну, что, какъ онъ?—спрашивала она шопотомъ.

— Ничего, Богъ дасть! — отвѣчала Анисья Ивановна и подавала ей успокоительное питье.—Докторъ говорятъ, имъ лучше...

И Зося невольно ей вѣрила и закрывала глаза и засыпала короткимъ прерывистымъ сномъ.

И снилось ей, что она опять несется впередъ на своей Леди къ страшному обрыву, а за ней падаютъ одинъ за

другимъ люди, и все бѣлое поле покрыто черными кочками, и каждая—трупъ когда-то любимаго человѣка... И она хочетъ крикнуть, и не можетъ, потому что въ ротъ ей льютъ горячій, огненный напитокъ... Ей больно, но надо пить, и она пьетъ... Духъ захватило... Она проснулась и не можетъ понять, гдѣ она...

Солнце пробивается въ щелку между тяжелыми занавѣсями и играетъ весело на мелкомъ узорѣ темно-краснаго текинскаго ковра. Она лежитъ, точно на катафалкѣ, на монументальной кровати, а на спинкѣ въ ея ногахъ два дракона сплелись хвостами и, оглядываясь, разинули другъ на друга широкія пасти. Голова ея низко ушла въ пуховыя подушки. На стѣнѣ висятъ на вышитомъ коврѣ двѣ кривыя сабли, и лучъ сверкаетъ на золотой чеканкѣ вычурнаго эфеса. Свернувшись калачикомъ, въ глубокомъ кожаномъ креслѣ спитъ Марѳуша. Зося ее окликнула. Та не проснулась.

„Можетъ быть, и я сплю?“ подумала молодая женщина и ущипнула себя за руку.

Нѣтъ, это былъ не сонъ. Сознаніе блеснуло въ мозгу. Двойной страхъ охватилъ душу и сжалъ на мигъ остановившееся и оборвавшееся сердце. „Ивъ... Лилюся...“

Она разбудила Марѳушу и поспѣшно одѣлась.

Анисья Ивановна въ своей кружевной фаншонкѣ и черномъ шелковомъ фартукѣ уже входила мягкой поступью.

— Что? какъ?—спросила Зося.

— Ничего, Богъ дастъ!—отвѣтила она:—я принесу сейчасъ вамъ чаю...

— Нѣтъ, проведите меня къ нему... я не знаю дороги.

Анисья Ивановна замялась.

— Не знаю, позволитъ ли докторъ. Онъ не велѣлъ безпокоить ихъ...

Зося похолодѣла.

— Ему худо... онъ, можетъ быть, разбился на смерть... пустите меня къ нему!

И, оттолкнувъ Анисью Ивановну, она побѣжала по коридору.

Одна изъ дверей открылась, и показался Игнатій Львовичъ.

— Куда вы?

— Къ мужу... пустите!

Докторъ взялъ ее за обѣ руки и сильно оттянулъ ихъ книзу.

— Успокойтесь! Онъ спитъ. Его нельзя будить.

— Онъ умеръ?—она шаталась.

— Глупости! Я повторяю,—онъ живъ и спитъ нормальнымъ сномъ. Но ваше волненіе можетъ передаться ему, а это подѣйствуетъ убійственно...

— Вы не обманываете меня?

— Я даю вамъ честное слово. А теперь идите къ себѣ.

— Я не могу... Что съ Лилюсей?

— Тамъ ваши отецъ, мать, Евграфъ, мамка и Тася. Чего же и кого же еще? Ну, будьте умница и лягте. Я позову васъ, когда будетъ возможно.

Но Зося не легла. Она сѣла въ кресло у окна и глядѣла безсмысленно на широкую снѣжную площадку цвѣтника передъ домомъ, гдѣ, закутанные въ солому, торчали кусты зимовавшихъ въ грунту розъ. Часы тянулись за часами. Приходилъ и уходилъ Софроновъ. Анисья Ивановна приносила ей чай и завтракъ. Она касалась до всего губами, только бы ее оставили въ покоѣ. Пріѣхалъ панъ Романъ. Старикъ ласково обнялъ дочь, утѣшалъ ее,—ей было все равно. Одно ее мучило: живъ онъ, или ее обманываютъ? Почему не пускаютъ къ мужу? Она снова задремала въ креслѣ тѣмъ же прерывистымъ сномъ и вдругъ проснулась отъ толчка въ сердце. Вошелъ докторъ.

— Ну-съ, одѣвайтесь! онъ хочетъ васъ видѣть. Только уговоръ—не плакать. У него расшиблена голова, и мы его забинтовали. Тоже и рука подвязана къ стѣнѣ. Но это все пустяки. Дѣло не въ травматическихъ поврежденіяхъ... А, слава Богу, сотрясеніе мозга легче, чѣмъ можно было ожидать. Во всякомъ случаѣ недѣльки три придется полежать. Ну-съ, пожалуйте.

Иванъ Николаевичъ повернулъ забинтованную, сильно болѣвшую голову, и глаза его впились въ жену. Она шла къ нему съ протянутыми руками и, ставъ на колѣни, обхватила его и зарылась лицомъ на его груди. Онъ обнялъ ее здоровой рукою.

— Испугалась, голубка? А какъ я испугался за тебя! Я думалъ, ты разобьешься на смерть въ оврагѣ. Ты не ушиблась?

— Нѣтъ... нѣтъ. Гдѣ у тебя боль?

— Вездѣ... я сильно ударился головой, и руку придавилъ. Видишь, къ стѣнѣ привязали, чтобы отекъ прошелъ. Ну, да это пустяки.

— Довольно,—раздался суровый голосъ эскулапа: — или сударыня, сидите, и молчите, или идите къ себѣ. Говорить больному я рѣшительно запрещаю.

Иванъ Николаевичъ улыбнулся.

— Я не больной: я расшибленный.

— Расшибленный, ушибленный, пришибленный, — все равно, извольте молчать.

Зося опустилась въ кресло. Ей впервые приходилось ухаживать за больнымъ, но даже мрачный докторъ не находилъ больше случая придраться къ ней. Она педантично исполняла всѣ его указанія и требованія и предупреждала малѣйшія желанія больного, облегчая ему каждое движеніе. Ея маленькія проворныя руки умѣли лучше всѣхъ взбивать подушки, оправлять простыни и укрывать одѣяломъ. Она во время опускала и поднимала шторы, чтобы ни одинъ лучъ не безпокоилъ болѣвшихъ вѣкъ, каждый стаканъ чая или питья она знала, какъ подать и держать, не проливая ни капельки, и Игнатій Львовичъ даже похвалилъ ее:

— Не бабецъ, а молодецъ!

Сидя неподвижно часами въ этой полутемной, пахнувшей лекарствами комнатѣ, она переживала опять всю свою замужнюю жизнь, начиная съ первой встрѣчи съ Ивомъ.

Были за эти два съ половиною года періоды, гдѣ онъ казался ей дорогимъ человѣкомъ, были другіе, когда она едва выносила его присутствіе, но теперь, послѣ испытаннаго за него чувства тревоги и страха, казалось, что онъ всегда былъ единственно дорогъ ей. Образъ Стася опять померкъ, и, рисуя себѣ паденіе мужа съ лошади, выраженіе его блѣднаго лица тамъ, на этомъ ужасномъ жнивьѣ, она снова до боли въ сердцѣ переживала свою тревогу. Что было бы, если бы онъ не всталъ? Лилюся осталась бы сиро-

тою, но что она стала бы богатой вдовой и свободной —это ни разу не пришло ей въ голову... Она каждое утро, каждый вечеръ творила свой крестъ за спасеніе еретика-мужа... А тамъ за окнами, въ ладъ ея мыслямъ, падалъ мягкими хлопьями снѣгъ, и пелена его становилась все пушистѣе и толще, одѣвая и дороги, и луга, и щетинистыя жнивья бѣлой однообразной пеленою, подъ которой исчезали всѣ неровности и выбоины и сглаживались всѣ шероховатости.

Лизочку съ Прасковьей тоже переселили въ Новое. Софроновъ самъ въ тепломъ, нарочно наново обитомъ возкѣ ѣздилъ за ними.

Въ тѣхъ древнихъ покояхъ, гдѣ еще такъ недавно царилъ разгулъ, гдѣ пьяные собутыльники орали непристойныя пѣсни и плясали съ полураздѣтыми Малашками и Глашками, раздавалось колыбельное мурлыканье, и старыя стѣны жадно вбирали въ себя звуки давно неслышаннаго, баюкающаго напѣва.

Зося не отходила отъ мужа, и Софроновъ чаще ея заглядывалъ въ дѣтскую и зоркимъ окомъ наблюдалъ, чтобы Прасковья была всѣмъ ублаготворена во-время.

Онъ категорически заявилъ своимъ постояльцамъ, что не выпуститъ ихъ, пока Иванъ Николаевичъ не окрѣпнетъ.

Была половина декабря, когда Колычевы вернулись къ себѣ, и вновь ожила бѣлая вилла, но Зося не подозрѣвала, какъ пусто и одиноко почувствовалъ себя жуиръ, когда обошелъ послѣ ихъ отъѣзда свое осиротѣвшее гнѣздо.

— Чортъ бы побралъ!—Но Данила Данилычъ и самъ не зналъ кого. „А еслибы онъ умеръ?“ вырвалась и закружилась огненнымъ кольцомъ острая жгучая мысль: „Свинья!“ выругалъ онъ себя тутъ-же и велѣлъ осѣдлать того жеребца Каракуля, на которомъ догналъ Зосю.

Валекъ попался ему по дорогѣ и поѣхалъ рядомъ.

— Отчего вы не женитесь? — спросилъ его ни съ того, ни съ сего патронъ.

Полякъ усмѣхнулся.

— Не на комъ.

— И мнѣ не на комъ.

— Одна была женщина, — продолжалъ управляющій: — да и та не мнѣ досталась!

— И мнѣ тоже! — и Софроновъ хлестнулъ Каракуля и помчался къ обрыву.

„И зачѣмъ не я разбился,—можетъ быть, она хоть день, хоть часъ ухаживала бы за мною...“

Если бы Зося не отреклась отъ дѣятельнаго служенія отчизнѣ, она могла бы смѣло потребовать теперь у этого русскаго барина помочь освобожденію Польши, и онъ изъ любви къ ней, за одинъ ласковый взглядъ, за одно пожатіе маленькой ручки пошелъ бы въ косиньеры и сложилъ бы голову на плахѣ. Но этого никто не подозрѣвалъ,—ни она, ни Валекъ, ни Романъ...

Ея мысли были заняты мужемъ и дочерью. Она не думала ни о кокетствѣ, ни о своей побѣдѣ, ни объ угнетеніи Польши. Душа ея была покойна, какъ эта мирная деревенская природа, спавшая безмятежно подъ бѣлымъ покровомъ, на которомъ мягко играли розовые отблески вечерней ранней зари и искрились въ алмазныхъ блесткахъ на вѣткахъ древнихъ кленовъ далекія, яркія звѣзды... Безъ всякаго предательства она осталась въ сторонѣ отъ увлеченій Олеси и Элизы, и все-таки отъ ея имени посылались щедрыя субвенціи Народному Ржонду.

XXX.

О вы, забытые на чердакѣ
Прабабокъ старые портреты!
Въ робронагы, въ фижмы разодѣты—
Вы розы держите въ рукѣ...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Приближалось Рождество. По настоянію Зоси Игнатій Львовичъ привезъ погостить въ Колычево своихъ „кутьковъ“, какъ онъ выражался, двухъ сыновей-близнецовъ, здоровыхъ, худенькихъ и смуглыхъ, какъ онъ, Лешу и Васю. Шестилѣтніе, осиротѣвшіе по третьему году мальчуганы росли на попеченіи его дальней родственницы и были до смѣшного похожи, такъ что для отличія имъ шили разныя рубашки. Вася носилъ всегда синіе и голубые цвѣта,—Леша красные и розовые.

— Этотъ у меня гарибальдіецъ, даромъ что Алексѣй Божій человѣкъ, — рекомендовалъ Лешу отецъ.

— Ну, а этотъ?—спросилъ Колычевъ, гладя черную стриженную и все-таки курчавую головенку.

— Я поваромъ буду! — не задумываясь, отвѣчалъ Вася.

— Отчего?

— Онъ можетъ мороженаго кушать, сколько хочетъ, и у него ножъ за поясомъ виситъ.

— А для чего тебѣ такой ножъ?

Мальчикъ вздохнулъ.

— А гусямъ шею рѣзать... они вкусные.

Зосѣ пришла фантазія переодѣть обоихъ въ одинаковыя рубашки и, не говоря ни слова, она сшила имъ желтыя шелковыя и привела въ кабинетъ. Мальчиковъ не было возможности отличить.

— Ну-съ, Игнатій Львовичъ, вы отецъ: который изъ нихъ теперь Леша, который Вася?

Отецъ хитро усмѣхнулся.

— Вася, хочешь конфету? — спросилъ онъ.

Оба протянули руку.

— Лешка, хочешь, я тебя выпорю?

— Не хочу! — заревѣлъ тотъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Вотъ самый простой способъ заставить заговорить личность человѣка — пообѣщать ему незаслуженное наказаніе или причинить незаслуженную обиду.

Съ пріѣздомъ кутьковъ бѣлая вилла наполнилась шумомъ и смѣхомъ. Дѣти бѣгали по всему дому, и ихъ голоса звенѣли то внизу въ бѣлой залѣ, то наверху, въ отведенной имъ комнатѣ, то въ дѣтской у Лизочки, которую особенно полюбилъ Леша. Шуточное имя Зузи очень пришлось ему по душѣ, и онъ выучился отъ Зоси ея пѣсенкѣ, а Вася звонко распѣвалъ:

Пататай, пататай!
Поѣдзѣмы въ цудный край,
Тамъ, гдѣ Висла мондра плынѣ,
Збоже шумѣ на рувнинѣ,
Поѣдзѣмы, пататай!
А якъ зовисе тенъ край?

— По моему, — говорила Зося, — гарибальдіецъ-то Вася. Леша куда ручнѣе, ему эти пѣсни не по душѣ.

Въ компанію къ мальчикамъ приводили свѣтловолосаго правнука Евграфа. Онъ былъ на годъ старше кутьковъ, смотрѣлъ исподлобья и рѣдко улыбался, но его близко сидящіе другъ отъ друга глаза все примѣчали. Онъ хорошо зналъ нетолько комнаты въ виллѣ, но и разныя вещи въ нихъ. Въ отсутствіе господъ Евграфъ бралъ его съ собою убирать покои, и мальчуганъ аккуратно вытиралъ пыль и сметалъ крылышкомъ на лопатку. Но дѣдъ строго, избави Богъ, запрещалъ ему садиться на стулья и кресла.

— Нельзя, это не про насъ съ тобою!

— А про кого?—спрашивалъ правнукъ.

— Про кого! вѣстимо про баръ!

И, обметая перовкою стѣны, онъ разсказывалъ чуть не о каждой картинѣ и вазѣ, гдѣ онѣ были куплены, и сколько за нихъ было плачено.

Поэтому, когда кутьки играли какъ-то въ мячикъ въ боскетной, и Вася прицѣлился прямо въ носъ Венерѣ Милосской, Михалка схватилъ его за руку.

— Не трожь... Она дорогая... Ее нельзя, разобьешь... за нее пять тысячъ заплачено было.

Мальчики разинули рты. Имъ показалось это цѣлымъ состояніемъ. Но если рука Михалки спасла Венеру, одну изъ севрскихъ вазъ въ угольной, стоившихъ, вѣроятно, немногимъ меньше, она не спасла. Мячикъ прыгнулъ. Раздался трескъ и звонъ... ваза разбилась.

Евграфъ, подбирая осколки, чуть не плакалъ...

— Не къ добру...—твердилъ онъ:—не къ добру... Столько лѣтъ стояла... Батюшка баринъ... батюшка баринъ!

Онъ готовъ былъ собственноручно расправиться съ кутенкомъ и, бережно подобравъ осколки, чуть не цѣлую недѣлю возился надъ ихъ склейкою. Ваза осталась у него въ его избушкѣ и водворилась на полку почти у самыхъ образовъ.

Присутствіе дѣтей въ Колычевѣ дало поводъ Зосѣ устроить особенно блестящую елку. Она выписала изъ Варшавы игрушки и собственноручно клеила и мастерила бон-

боньерки и украшенія. Иванъ Николаевичъ тоже увлекся, и они мирно работали вмѣстѣ. За этими занятіями поневолѣ возникали разныя дѣтскія воспоминанія. Впервые дѣлились ими супруги и сходились все ближе, потому что узнавали многое, что до сихъ поръ было отъ каждаго скрыто, узнавали себя въ тѣ юные годы, когда складывается человѣкъ, и вырабатывается характеръ.

Когда вечеромъ въ первый день праздника распахнулись двери бѣлой залы, и дѣти ворвались туда, куда ихъ почему-то два дня не впускали, они сперва остолбенѣли. Всѣ трое видѣли елку въ первый разъ въ жизни. Кутьки стали радостно визжать и цѣловать и тормошить тетю Зосю и дядю Ива, — Михалка исподлобья разсматривалъ украшенія и вдругъ спросилъ:

— Это тоже про баръ?

Зося разсмѣялась.

— Нѣтъ, и про тебя! Что ты хочешь, выбери, и я сниму тебѣ.

Михалка внимательно обошелъ елку. На верхушкѣ дерева огромная звѣзда изъ золотой бумаги, осыпанная блестками, привлекла его вниманіе.

— Во... ее! — сказалъ онъ.

Зося покачала головой.

— Ее нельзя! придется повалить елку!

— А ему можно?—онъ указалъ на Лешу.

— И ему нельзя! Выбери что-нибудь другое.

Мальчикъ еще разъ обстоятельно осмотрѣлся и выбралъ лучшую лошадку. Напрасно Евграфъ хотѣлъ отнять игрушку, онъ ея не отдалъ, да и Зося заступилась.

— Онъ правъ, я ему позволила сама выбрать, что ему по вкусу.

Дѣти разыгрались. Иванъ Николаевичъ послалъ на село привести еще подходящихъ ребятъ. Зала наполнилась ребятишками въ пестрыхъ рубашенкахъ. Дѣтскія рожицы разрумянились. Сверкали дѣтскіе быстрые глазенки, развязались языки и зазвенѣли веселые голоса.

Елку повалили.

— И мнѣ! и мнѣ! — раздавалось кругомъ, и мигомъ дерево было опустошено.

Лизочка подпрыгивала на рукахъ у отца и тянулась къ блестящей звѣздѣ. Иванъ Николаевичъ отцѣпилъ ее и отдалъ дочкѣ.

— Отчего ей, а не мнѣ?—заревѣлъ Михалка.

— Ишь, баловень, ишь озорной!—дернулъ его Евграфъ.

Но Зося погладила его по бѣлобрысой шершавой головѣ и сказала:

— Она маленькая, ей все можно!

Лизочка тутъ же разорвала блестящую игрушку, и Михалка запомнилъ на всю жизнь, что барышнѣ все можно, даже звѣзды рвать.

Пришелъ январь. Въ Колычевѣ на святкахъ перебывали всѣ сосѣди, но теперь вновь текла мирная размѣренная жизнь. Зося была поглощена двумя интересами,—Зузей, крѣпкой, весело болтавшей ноженками, здоровой дѣвочкой и сильно измѣнившимся и похудѣвшимъ послѣ болѣзни мужемъ.

Отъ ушибовъ Иванъ Николаевичъ вполнѣ вылечился, но Игнатій Львовичъ былъ имъ далеко недоволенъ и постоянно твердилъ: „Безъ теплыхъ водъ вамъ не обойтись. Припасайте деньжонокъ. Какъ ни отговаривайтесь, а за рубежъ ѣхать придется. Потому ни Старая Русса, ни Липецкъ, ни Кавказъ — не то, и толку отъ нихъ при ихъ неустройствѣ мало“.

Колычеву почему-то этотъ разъ особенно не улыбалась мысль ѣхать за границу. Такъ хорошо было въ Россіи, жилось прошлое лѣто въ Колычевѣ отлично, и онъ мечталъ, отбывъ гдѣ-нибудь леченіе въ родныхъ предѣлахъ, вернуться на отдыхъ въ вотчину.

— Поживемъ—увидимъ!—отвѣчалъ онъ.

А тѣмъ временемъ въ Польшѣ уже разыгралась первая ставка въ войну.

Еще вечеромъ 10 января паны помѣщики распивали венгерское съ квартировавшими по сосѣдству офицерами и, подливая имъ въ стаканы стараго венгржина, беззаботно распѣвали:

Полякъ, венгеръ—два братанки
Такъ до сабли, якъ до склянки,
Обай тендзи, обай жвави,
Нэхъ имъ панъ Бугъ благуслави.

А на утро 11-го банды косиньеревъ подъ предводительствомъ ихъ пріятелей предательски напали на собутыльниковъ, и солдатики, наши сѣрые солдатики бросались въ рукопашную, растаскивали сложенныя дрова и солому для готовыхъ костровъ вокругъ дома, гдѣ были заперты ихъ начальники, и выручали ихъ.

Въ пятнадцати мѣстахъ поляки бросились разомъ на русскихъ и вездѣ нѣсколько выстрѣловъ разсѣивали ихъ шайки, вооруженныя косами и привязанными къ древкамъ отточенными ножами. Но за этими первыми возникали новыя банды. Онѣ росли, какъ грибы, въ лѣсу и мятежъ разгорался, охватывая своимъ заражающимъ угаромъ все болѣе широкія области.

Въ Колычевѣ объ этомъ слегка поговорили и замолчали.

Жизнь шла ровно, и мятежъ казался за тридевять земель.

Крестьяне готовили къ веснѣ сохи и скороды, бабы пряли свою пряжу и ткали холсты, ребята занимались, какъ умѣли, то катаясь на салазкахъ, то ѣздя въ лѣсъ за дровами, то слушая разсказы стариковъ о старыхъ временахъ,—объ Арсеніи Михайловичѣ и постройкѣ виллы, объ Ерусалимѣ градѣ и святой Пятницѣ и объ „Успленьѣ Богородицѣ", т. е. объ образѣ Успенья Пресвятой Богородицы.

Въ усадьбѣ тоже чередовались завтраки, обѣды и ужины, и Иванъ Николаевичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и обсуждалъ съ тестемъ новые каталоги машинъ, присланные изъ Бельгіи и Америки, а Зося тутъ же прилежно вышивала бѣлое платьице Лизочкѣ и вырѣзывала маленькими ножницами все новые листики и цвѣточки.

Зимнее солнце играло на снѣжныхъ полянкахъ между осыпанными инеемъ, подрѣзанными кустами боярышника во французскомъ саду и блестѣло на этихъ почти игрушечныхъ ножницахъ и на рамахъ старыхъ портретовъ, пе-

ренесенныхъ, наконецъ, съ чердака на зеленыя бархатистыя стѣны кабинета. Предки, въ мундирахъ и жабо, и прабабушки, въ фижмахъ и пудрѣ, благосклонно улыбались дружной парѣ новыхъ Колычевыхъ и ихъ семейному прочному счастью.

XXXI.

А въ гостиной древней древнею иконой
Мать благословляетъ сына на войну:
„Ты, чей Сынъ въ мученьяхъ умеръ пригво-
Вся моя надежда на Тебя одну! (жденный,
Своего ввѣряю я Твоей защитѣ.
Будь ему заступой Ты въ лихіе дни!
Пули, пули вражьи, сына пощадите...
Дѣва Пресвятая, сына мнѣ верни...

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Далеко, далеко тотъ же лучъ солнца игралъ тоже на древнихъ портретахъ въ такой же древней вотчинѣ и золотилъ тяжелыя латы и шлемы разставленныхъ по угламъ залы рыцарей въ доспѣхахъ давно умершихъ графовъ Запольскихъ.

Огнемъ горѣли львиные головы на оплечьяхъ кольчуги перваго графа Казимира, дѣлившаго всѣ трудности походовъ по литовскимъ и поморскимъ лѣсамъ и болотамъ съ княземъ Конрадомъ Мазовецкимъ. Изъ выцвѣтшей бронзовой рамы смотрѣлъ славный родоначальникъ на свое старое трехпудовое вооруженіе, на узорные набедренники съ тѣми же львиными головами и на желѣзныя рукавицы, сжимавшія острый бердышъ. Онъ словно вновь пересчитывалъ всѣ царапины и выбоины, оставшіяся на чешуйкахъ отъ ударовъ лютыхъ меченосцевъ...

Дальше, въ опушенномъ бобрами плащѣ, съ алмазной пряжкой и бѣлымъ султаномъ на высокой медвѣжьей шапкѣ, улыбался жизнерадостный Войцѣхъ, кормившій всякаго, кто стучался въ ворота гостепріимнаго замка съ двумя башнями. Будь то магнатъ-ли, шляхтичъ, ксендзъ или простой хлопъ въ сермяжной свитѣ—ворота были отперты для каждаго, кто вѣровалъ въ пана Бога и говорилъ на родномъ польскомъ нарѣчіи...

Гордо сверкали темныя очи изъ-подъ нахмуренныхъ бровей графа Пшебыслава, сподвижника короля Сигизмунда... Такъ же сверкали они и подъ Смоленскомъ и подъ Москвою, отдавая приказанія не щадить ненавистныхъ враговъ...

А рядомъ не менѣе славный графъ Богданъ опирался на ятаганъ, отнятый у янычара, когда, по слову Яна Собѣсскаго, оборвавшееся въ походѣ храброе польское войско саблями раздобывало себѣ новые кунтуши и шаровары и дамасскіе клинки и ружья съ насѣчками, снимая ихъ съ уложенныхъ въ битвахъ подъ Вѣной турецкихъ солдатъ.

Это была цѣлая галерея благородныхъ лицъ, то суровыхъ отъ рубцовъ и шрамовъ, то задорно улыбающихся подъ сѣдыми и черными пушистыми усами, вплоть до послѣдняго красавца, графа Іосифа, отца Олеси и Стася, въ высокомъ галстукѣ и коричневомъ сюртукѣ съ буфами на плечахъ. Онъ не держалъ ни бердыша, ни ятагана. Его длинные точеные пальцы, выходившіе изъ оборокъ маншеты, словно вертѣли золотую табакерку. Этотъ Іосифъ Запольскій былъ другомъ графа Андрея Замойскаго, и его подвиги были мирнаго характера,—дѣтямъ и вдовѣ онъ оставилъ старое Заполье въ блестящемъ состояніи. Недаромъ Олеся считалась выгодной партіей.

По каменнымъ плитамъ забряцали шпоры. Въ залу вошелъ Стась. Предки любовными взорами встрѣтили и проводили потомка. Каждый въ этомъ красивомъ лицѣ находилъ свои черты. Отъ одного онъ взялъ орлиный профиль, отъ другого темныя очи, отъ третьяго сводившія съ ума женщинъ румяныя уста... И только Войцѣхъ презрительно и гордо глядѣлъ на пуговицы его уланскаго мундира съ ненавистнымъ и столь знакомымъ ему двуглавымъ орломъ, а въ углу доспѣхи родоначальника тихо зазвенѣли, словно напоминая о своей готовности замѣнить этотъ синій мундиръ и послужить для новыхъ боевыхъ подвиговъ.

Солнечный лучъ сбѣжалъ съ послѣдняго портрета и, выскользнувъ въ окно, перекинулся на сѣрыя стѣны, на башни, гдѣ когда-то гордо развѣвался польскій флагъ, а теперь торчали прошлогоднія запорошенныя снѣгомъ гнѣзда вѣрныхъ аистовъ, гостившихъ зимою въ Египтѣ, и, позо-

лотивъ старую солому и хворостъ, затеплился на верхушкахъ подымавшейся въ гору еловой аллеи. Точно гигантскіе капуцины, безконечной процессіей выстроились попарно остроконечныя, темныя дерева по дорогѣ къ каплицѣ и, дойдя до надгробныхъ окружавшихъ ее камней, вдругъ остановились полукругомъ. На зеленыхъ иглахъ, словно на чьихъ-то длинныхъ рѣсницахъ, блестѣли застывшія алмазныя искры инистыхъ слезъ. О чемъ вы плачете, старыя ели?...

Миновавъ весь рядъ парадныхъ покоевъ, Стась постучался въ двери крайней угловой гостиной и тихонько перекрестился...

Въ уютной натопленной комнатѣ у окна сидѣла въ креслѣ старая графиня. Она вязала цвѣтной шарфъ изъ грубой шерсти для бѣднаго, пока неизвѣстнаго ей человѣка, котораго наградитъ произведеніемъ ея аристократическихъ рукъ ксендзъ по своему выбору.

Увидѣвъ сына, она отложила вязанье и указала ему на кресло противъ себя.

— Ты не можешь представить себѣ, дорогой мой, какъ я рада была твоему внезапному пріѣзду!

Сынъ взялъ ея руку и прижался къ ней губами.

— И я тоже, милая мама! Тѣмъ болѣе грустно мнѣ, что только что пришло письмо, по которому мнѣ немедленно приходится ѣхать.

— Куда же?

— Въ городъ, меня требуютъ къ воинскому начальнику.

Онъ снова поцѣловалъ ей эту милую ласковую руку и вдругъ неудержимымъ порывомъ сталъ на колѣни и прижался къ ней.

— Мамо! моя мамо!

— Что съ тобой? что съ тобой—встревоженная графиня опустила руку на его завитую мелкими кудрями голову и откинула ее назадъ. Она залюбовалась на его взволнованное, обыкновенно спокойное и невыразительное лицо, на дивные, каріе, такъ грустно глядѣвшіе въ эту минуту глаза.

— Что съ тобой? куда идешь ты?

— Мнѣ надо ѣхать, а здѣсь такъ хорошо съ тобою!

— Но ты же вернешься? чего ты такъ разстроенъ?

-- Да, я вернусь... Ты будешь ждать меня?

— Конечно... Отчего ты такой странный? Что съ тобой, Стась? Развѣ этотъ вызовъ къ воинскому начальнику грозитъ непріятностью тебѣ? Ты не могъ же просрочить отпускъ изъ полка,—еще нѣтъ и трехъ недѣль, какъ ты въ Запольѣ.

— Нѣтъ, но меня все-таки требуютъ въ полкъ.

И онъ подалъ ей казенный пакетъ.

Графиня поблѣднѣла.

— Ахъ, не надо! не давай мнѣ этой гадкой бумаги, которая пришла отнять тебя отъ меня... Я знаю, въ чемъ дѣло...

О вспышкахъ возстанія знали въ Запольѣ, дремавшемъ, какъ и русское Колычево, подъ снѣжнымъ покровомъ среди черныхъ лѣсовъ. Кругомъ бродили какіе-то подозрительные люди, и двое забрели на панскій дворъ вчера подъ вечеръ. Стась выходилъ и бесѣдовалъ съ ними. Утромъ сегодня привезли съ почты пакетъ съ печатью, и Стась заперся у себя и самъ уложилъ свой походный чемоданъ.

— Ты берешь Левчука съ собою? Или прислать его слѣдомъ съ твоими вещами?

— Мнѣ надо ѣхать сейчасъ же. Пусть онъ проводитъ меня въ бричкѣ, я ѣду верхомъ. Нужна запасная лошадь, и я, мамо, беру Слетну.

Графиня пытливо взглянула на сына.

— Стась, это война?... Отвѣть мнѣ!

— Какая война!

— Будутъ стрѣлять въ этихъ людей... въ повстанцевъ?

Стась опустилъ голову и вдругъ откинулъ ее съ преобразившимъ его лицо гордымъ взглядомъ.

— Я полякъ и въ своихъ стрѣлять не стану. Прощай, мамо! не волнуйся, я пришлю тебѣ вѣсточку!

Она еще разъ прижала его къ себѣ, его—своего первенца, бывшаго еще такъ недавно крошкой Стасикомъ, кого любила она наравнѣ съ самимъ паномъ Богомъ... Снявъ съ себя образокъ Ченстоховской Божьей Матери на золотой цѣпочкѣ, она хотѣла надѣть его черезъ кудрявую голову

сыну, но цѣпочка запуталась въ этихъ густыхъ волосахъ. Стась нетерпѣливо дернулъ ее и вырвалъ нѣсколько волосковъ.

— Дай ихъ мнѣ!—мать намотала ихъ колечкомъ на палецъ и спрятала въ свой медальонъ...

Левчукъ былъ пораженъ, когда графъ велѣлъ ему свернуть съ почтоваго тракта въ городъ налѣво, на проселочную дорогу.

— Ты проводишь меня, но дома ты ни слова не скажешь, куда. Понялъ?

— Чи панъ графъ не возьметъ меня съ собою?

— Нѣтъ, ты вернешься въ Заполье. Я напишу, если ты мнѣ понадобишься.

Левчукъ искоса посмотрѣлъ на пана.

Погода измѣнилась. Солнце скрылось въ темныхъ тучахъ. Повѣяло оттепелью, и съ неба сѣяла изморось. Слетна легко ступала по скользкой намокавшей колеѣ, и комья рыхлаго снѣга ударялись въ дорожную чамарку и налипали на ея свисавшихъ полахъ. Но Стась не замѣчалъ этого.

— А кто же будетъ служить пану графу?

— Пришлютъ денщика.

— А!..

Оба замолчали.

Левчукъ хитро усмѣхнулся подъ сивыми усами...

— Чи пану графу слово молвить можно?

— Говори!

— Я тоже служить буду, потому я, пане ясновельможный вѣдаю, куда панъ графъ путь держитъ!

Стась остановилъ лошадь.

— Что ты вѣдаешь?

— Панъ ѣдетъ до довудцовъ въ сосѣднiй уѣздъ. Доброе дѣло! Храни его панъ Бугъ!

— Съ чего ты взялъ!

— Мы съ тѣми двумя, что къ намъ вчера на дворъ приходили, у Янкеля въ кормчѣ по три куфеля пива роспили; они и меня съ собою звали. Да я не зналъ тогда, что панъ графъ сегодня поѣдетъ въ ихъ станъ, и сказалъ: безъ ясновельможнаго пана никуда не пойду... А дѣло хорошее, доброе, святое дѣло!..

— И все-таки я не возьму тебя съ собою. Ты вернешься въ Заполье и будешь до поры до времени держать языкъ за зубами...

Когда они пріѣхали въ сосѣдній уѣздный городъ, вѣрнѣе, въ носившее это званіе захолустное мѣстечко, сплошь заселенное евреями, и остановились въ гостиницѣ „Парижъ", содержимой Борухомъ Шмацекомъ, было уже десять часовъ вечера. Выскочившій на стукъ хозяинъ, въ грязномъ лапсердакѣ, низко кланяясь и присѣдая, хлопнулъ себя руками по колѣнямъ и возопилъ:

— И куда же я помѣщу такого ясновельможнаго пана! У меня все полно, какъ тараканами за печкой... И сколько пановъ наѣхало и куда я лошадь дѣну!

— Не вопи, жидовская морда!—рыкнулъ Левчукъ.—Для такого знатнаго пана графа не можетъ не найтись у тебя мѣста. Ну, живо! поворачивайся...

Борухъ еще разъ хлопнулъ себя по колѣнямъ и вприпрыжку зашлепалъ туфлями по лѣстницѣ. Черезъ полчаса его супруга Ривка уже храпѣла въ какомъ-то хлѣвѣ, а Стась располагался на ночлегъ въ ихъ супружеской спальнѣ. Было душно, тѣсно и грязно, но на душѣ у молодого графа было свѣтло и радостно.

Въ окна свѣтили золотыя звѣзды и сплетались на бархатномъ небѣ въ волшебное, лучезарное слово: „ойчизна"! А тамъ вдали изъ-за вершины зубчатаго лѣса вставало бѣлое, озаренное скрытымъ за нимъ мѣсяцемъ облако и какъ орелъ расправляло могучія крылья...

Бѣлый польскій орелъ, который скоро взовьется надъ родными полями, и мудрая Висла отразитъ его въ своихъ освобожденныхъ отъ захватнаго ярма волнахъ.

И сладко сомкнулись карія очи, и заснулъ Стась, убаюканный славными мечтами, напѣвавшими ему чудныя пѣсни...

А въ Колычевѣ Зося пѣла у колыбели:

„Пататай, пататай! Поѣздѣмы въ цудный край"...

Почему-то и ей пришлась сегодня пѣсня про мудрую, бесѣдующую съ Богомъ на равнинѣ Вислу больше по душѣ, чѣмъ всѣ другія.

На утро, когда Стась шелъ по коридору въ грязную

общую столовую, открылась одна изъ боковыхъ дверей, и изъ номера вышелъ очень юный и очень стройный повстанецъ въ сѣрой чамаркѣ, обшитой черными смушками, и съ саблей за наборнымъ поясомъ. Стась остановился. Юноша взялъ подъ козырекъ, приложивъ пальцы къ опушкѣ бѣлой конфедератки.

Панна Элиза!—вырвалось у Стася.

Юноша весело улыбнулся и отвѣтилъ дѣланнымъ баскомъ:

Панъ обознался. Я шляхтичъ Францишекъ Давидовичъ изъ Россіенъ... и прошелъ мимо.

XXXII.

Черезъ кружево гардины
Лучъ волшебный засверкалъ.
Протянулись отъ зеркалъ
Нити странной паутины.
Жутко щелкаетъ паркетъ.
Тихо двигаются кресла.
Жизнь минувшихъ дней воскресла:
Шелестъ... шорохъ... тѣни... свѣтъ...

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Пришло и 19 февраля 1863 года, когда спадали послѣднія звенья крѣпостныхъ цѣпей, связывавшія помѣщика съ мужикомъ обусловленнымъ въ положеніи барщиннымъ двухлѣтнимъ договоромъ.

Въ колычевской церкви Іоанна Воина отслужили молебенъ, а послѣ службы у больницы собрали сходъ. Иванъ Николаевичъ проходя случайно мимо, услышалъ слово „жидоморы". Не относя его къ себѣ, онъ не обратилъ на него вниманія, но оно именно относилось къ нему.

Крестьяне были сильно разочарованы и находили надѣлы хотя и удобными, но все-таки скупыми.

— Вотъ, — ворчалъ Пахомъ, первый провозгласившій когда-то Колычева соколомъ, — говорили щедрый баринъ, добрый... а себѣ-то отхватилъ три четверти земли, а намъ удѣлилъ что ни на есть тощину одну. Ковыряй, не ковыряй, когда что съ нея соберешь.

— Извѣстно, мужицкая земля!—возражалъ Кузьма Ры-

жій, считая долгомъ заступиться за барина, у котораго какъ сыръ въ маслѣ каталась его сноха Пашутка въ нарядныхъ кокошникахъ и шугаяхъ, нянча барышню.

— А все панъ твой!—припомнилъ ему свою лошадиную обиду Агаѳонъ.

— Вѣстимо, вѣстимо! — подхватили другіе. — Пока панъ къ ему въ тести не попадалъ,—баринъ нашъ былъ, а теперь, не бойсь, тоже польскую руку тянетъ, потому тотъ для своихъ внучатъ теперь старается, чтобы имъ, значитъ, побольше досталось...

— Чего больше, за нашу же землю выкупъ требуетъ! Не женись онъ на панской дочкѣ, сталъ бы онъ этими деньгами мужицкими мараться! Съ жидоморомъ породнился и самъ поневолѣ жидоморомъ сталъ.

До послѣдней минуты крестьяне надѣялись, что Колычевъ откажется отъ выкупныхъ денегъ. Въ душѣ Ивана Николаевича шевелилась та же мысль, онъ готовъ былъ принести эту жертву, но къ несчастью для мужиковъ, посовѣтовался съ тестемъ.

Панъ Романъ только спросилъ его, имѣетъ ли онъ, вопервыхъ нравственное право бросать на вѣтеръ такую сумму, а во-вторыхъ, — заручился ли согласіемъ Сотова, который въ сущности является довѣрителемъ Александры Николаевны?

На свой запросъ въ Петербургъ Колычевъ получилъ отъ зятя письмо на четырехъ страницахъ, гдѣ сановникъ писалъ между прочимъ:

„Не имѣя впередъ увѣренности, что, при новомъ направленіи сельскаго хозяйства и могущихъ и даже долженствующихъ произойти вслѣдствіе сего значительныхъ, или, вѣрнѣе, коренныхъ въ ономъ измѣненіяхъ, такъ какъ 1) уничтожается даровой трудъ, коимъ помѣщики привыкли пользоваться въ теченіе вѣковъ; 2) сократится и безъ дарственныхъ записей количество земли наслѣдственныхъ угодій,—жизнь не вздорожаетъ, судя по заграничнымъ прецендентамъ вдвое, или, при неблагопріятномъ, имѣющемъ на то всѣ основанія оборотѣ дѣлъ, втрое,—я, являясь довѣрителемъ, естественнымъ передъ закономъ отвѣтчикомъ и со-

вѣтчикомъ жены моей, не вижу себя въ правѣ направлять ея рѣшеніе по сему грозящему умаленіемъ ея нынѣшняго благосостоянія пути, который приведетъ неминуемо къ непредвидѣннымъ въ настоящую минуту осложненіямъ и сократитъ свободный капиталъ, необходимый въ сіе важное и критическое для всякаго разумнаго и осторожнаго хозяина время, когда каждая наличная копейка можетъ сберечь не одинъ десятокъ рублей, и потому, находя, что подобное предложеніе является по меньшей мѣрѣ легковѣснымъ, а самое подчиненіе дворянства объявленной въ манифестѣ высочайшей волѣ достаточнымъ и вѣскимъ доказательствомъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности служить на пользу родины и блага человѣчества, считаю всѣ превышающія щедростью указанія и инструкціи положенія и обременительныя для связанныхъ общими интересами совладѣтелей уступки не только сантиментальными, но, съ точки зрѣнія грядущихъ между обоими слоями русскаго народа взаимоотношеній даже вредными“.

Дочитавъ наконецъ до точки, Иванъ Николаевичъ плюнулъ.

— Тьфу! Гдѣ это эти чернильныя души такому слогу учатся? — спросилъ онъ Игнатія Львовича, сидѣвшаго съ душистой сигарой послѣ завтрака въ обюссоновой столовой.

Мрачный докторъ поглядѣлъ поверхъ очковъ, выпустилъ кольцо дыма и отвѣтилъ:

— Что жъ! это тоже своего рода искусство и требуетъ виртуозности, а потому поневолѣ втягиваетъ и увлекаетъ. Кромѣ того, какъ и не сгибавшіяся отъ тяжести, усѣянныя драгоцѣнностями, парчевыя парадныя одѣянія византійскихъ ничтожествъ, величавшихъ себя императорами, — не только придаетъ важность и подобіе величія въ глазахъ простыхъ смертныхъ самымъ мелкимъ и незначительнымъ фигурамъ, но по своей уродливости обладаетъ и несомнѣнной заразительностью, о чемъ вы можете судить по сему моему возраженію. Уфъ!.. едва не задохся...

Колычевъ и Зося весело расхохотались.

— Да, но мнѣ все-таки ужасно досадно, что Сашенька

не имѣетъ голоса. Она по добротѣ своей, навѣрно, съ удовольствіемъ согласилась бы на мое предложеніе.

— Ну, знаете! Не раздѣляя вкуса вашего сановнаго зятя къ византійскому витійству, я нахожу, что не къ чему сантиментальничать. Теперь вы богаты, но, дѣйствительно, какъ пойдетъ при новыхъ условіяхъ хозяйство, впередъ сказать невозможно. Поэтому нѣсколько неосторожно отказываться отъ выкупныхъ денегъ. Повѣрьте, сумма, приходящаяся на каждаго отдѣльнаго мужика, вовсе ужъ не такъ велика, а разсрочка платежа на сорокъ девять съ половиной лѣтъ для всякаго благоразумнаго хозяина ничуть не разорительна. Лѣнтяи и лежебоки всегда будутъ недовольны. Вамъ же эти деньги никогда лишними оказаться не могутъ и совѣсть вашу тяготить не смѣютъ.

Такъ эта мысль о даровыхъ надѣлахъ колычевскихъ крестьянъ и не осуществилась...

. . . .

Хотя Иванъ Николаевичъ и поправился, но силы его возстановлялись очень медленно, да и въ правомъ боку чувствовалась съ недавняго времени какая-то тупая боль. Игнатій Львовичъ, осматривая его въ послѣдній разъ, нащупалъ опухоль.

Сдвинувъ свое многодумное чело въ глубокія складки, онъ промычалъ:

— Гм... неладно! Вамъ, батенька, до заграницы съ нашими свѣтилами въ Москвѣ или въ Петербургѣ посовѣтоваться слѣдуетъ... Лучше всего обратитесь-ка къ Николаю Ивановичу Пирогову, онъ тутъ нужнѣе всего!

— Операція?

— Операція не операція, а захватить не мѣшаетъ. Это гидронефрозъ. Этимъ не шутите.

Но пока ни о какой дальней поѣздкѣ и думать нечего было. Дороги стояли размытыя. Даже почта запаздывала, и Степанъ дежурилъ на станціи, дожидаясь по цѣлымъ суткамъ очередныхъ газетъ. А онѣ приносили съ каждымъ днемъ все больше извѣстій изъ взбунтовавшейся Рѣчи Посполитой.

Мятежъ разрастался. Изъ Варшавы приходили тревожные

слухи о броженіи во всѣхъ слояхъ общества, облеченнаго въ глубокій трауръ. Дамы поголовно носили платья, обшитыя плерезами. Даже дѣти являлись на прогулку въ Саксонскій садъ съ обвитыми черной полоской по бѣлому обручами, и въ окнахъ модныхъ магазиновъ, вмѣсто яркихъ весеннихъ цвѣтовъ, красовались черныя лиліи съ бѣлыми тычинками, сѣрыя розы и астры и бѣлыя съ чернымъ Иванъ да Марьи.

Зося газетъ не читала, но панъ Романъ все чаще запирался въ конторѣ и вручалъ Степану толстые пакеты. Онъ ждалъ тоже дороги, чтобы ѣхать въ Горки, куда вызывалъ его уже второй годъ работавшій на лѣсопилкѣ техникъ Карновичъ, полулитвинъ-полунѣмецъ, человѣкъ надежный и обстоятельный, но толку отъ этой обстоятельности было мало. Дѣло не налаживалось. Дубовыя и липовыя доски лежали въ штабеляхъ подъ номерами, не находя сбыта. Нужно было заручиться заказами, а ихъ неоткуда было брать. Въ губерніи это былъ первый опытъ. Помѣщики и крестьяне обходились по старинкѣ пилою и рубанкомъ, находя такъ проще, чѣмъ посылать за много верстъ за готовымъ уже матерьяломъ. Но панъ Романъ не унывалъ и отъ своей идеи не отказывался. Онъ напечаталъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ объявленіе и ждалъ отъ него успѣха. И всетаки съ прекращеніемъ дарового труда сердце его билось все тревожнѣе. Въ ржондъ народный онъ послалъ уже не одну тысячу, а оттуда приходили все новыя требованія, да и на хозяйство шло столько денегъ, какъ никогда до этихъ поръ.

Кромѣ того, и Валекъ затѣялъ одно весьма рискованное предпріятіе, которое требовало большихъ затратъ. Идею подалъ ему панъ Романъ еще до свадьбы дочери. Теперь онъ видѣлъ, что выполненіе ея принесетъ существенную пользу повстанію. Это была закупка здѣсь же въ центрѣ притѣснительницы-Россіи пороха, патроновъ и оружія до косъ включительно, которые обходными путями слѣдовало доставить въ Польшу. Никому не могло прійти въ голову, что наши заводы будутъ работать на бунтующихъ поляковъ, но панъ Валекъ подъ вымышленными именами собирался выписывать ихъ на разныя станціи, чтобы, сложивъ гдѣ-нибудь, переправить потомъ на лошадяхъ цѣлой партіей въ надежныя

руки, которыя, въ свою очередь, передадутъ ихъ въ другія, и такимъ образомъ черезъ цѣлую цѣпь отправителей и получателей вещи дойдутъ до цѣли.

Панъ Романъ, какъ ни трудно было, далъ денегъ, и Валекъ началъ писать требованія. Онъ ждалъ отъѣзда Софронова, думая устроить складъ въ Новомъ, но Данила Данилычъ ни малѣйшихъ намѣреній ѣхать куда-нибудь не высказывалъ, а время шло.

Когда выяснилось, что къ Пасхѣ Колычевы собираются въ Москву и дальше, Домбровскій сталъ убѣждать Романа устроить этотъ складъ польскаго оружія въ Колычевѣ.

— Пусть панъ подумаетъ, какъ все выходитъ складно. Панъ собирается строить мельницу, выписываетъ части изъ-за границы. Мы складываемъ ящики въ нарочно приспособленный сарай, а потомъ, убѣдившись, что перепутали въ таможнѣ и доставили намъ не наши заказы, отправляемъ ихъ какъ будто обратно. У кого какія могутъ возникнуть подозрѣнія?

— Да, все это отлично, даже, можетъ быть, и весьма остроумно, но я все же предпочелъ бы не имѣть пороха въ Колычевѣ. Мало ли какая случайность, и мы всѣ взлетимъ. Я буду все время чувствовать себя какъ на Везувіи.

— Полно, панъ! Волка бояться—въ лѣсъ не ходить. А я ужъ и ржондъ предупредилъ. Когда ѣдутъ ваши?

— Да скоро.

Колычевы тронулись въ концѣ Вербной. Когда Иванъ Николаевичъ написалъ сестрѣ о своемъ самочувствіи, Сашенька тотчасъ отвѣтила, что останавливаться въ Москвѣ надолго нечего,—передохнуть день послѣ почтовыхъ, а потомъ сразу ѣхать въ Петербургъ, гдѣ она отведетъ имъ цѣлыя пять комнатъ въ своей обширной казенной квартирѣ и они могутъ расположиться со всѣми удобствами, а Иванъ Николаевичъ будетъ лечиться у лучшихъ докторовъ. Александра Николаевна впередъ радовалась ихъ пріѣзду и знакомству съ крестницей, питая уже теперь до свиданія съ ней самыя нѣжныя чувства къ младшей представительницѣ славнаго рода.

— —

Наканунѣ отъѣзда Колычевъ обнялъ Зосю, усадилъ ее съ собою на кушетку, на которой, по совѣту доктора, проводилъ большую часть дня, и сказалъ:

— Ты помнишь, мой другъ, нашъ самый непріятный разговоръ въ Веве?

Зося кивнула.

— Да, помню!

— Не сердись же на меня, если теперь я опять попрошу тебя о томъ же.

— То есть?

— Никогда не поднимать ни въ моемъ, ни въ Семена Михайловича присутствіи политическихъ разговоровъ. Его я попрошу тоже и знаю, что хотя онъ человѣкъ крайностей, но добрый и джентльменъ по воспитанію, и ты можешь быть спокойна, — твои національныя чувства не будутъ ничѣмъ задѣты...

Прибывъ въ столицу, Колычевы нашли на дебаркадерѣ одну Сашеньку. Несмотря на Страстной вторникъ, Семенъ Михайловичъ былъ на неотложномъ засѣданіи весьма важной комиссіи, и Александра Николаевна завезла его въ присутствіе, а сама съ курьеромъ на козлахъ отправилась встрѣчать брата.

Невѣстки обнялись сердечно по старому. Сашенька не могла налюбоваться на толстушку Лизочку, которая въ свои десять мѣсяцевъ сама дорогой отстала отъ мамки, и Прасковья ѣхала уже въ качествѣ няни и, не рѣшаясь довѣрить свою питомицу никому другому, соглашалась впередъ сопровождать Колычевыхъ за границу.

Видъ постарѣвшаго и осунувшагося брата кольнулъ въ сердце сестру, но она не подала и вида и весело сказала:

— И не грѣхъ тебѣ было пугать меня? Пишешь, что едва двигаешься, а самъ смотришь такимъ молодцомъ!

Иванъ Николаевичъ усмѣхнулся и сразу подбодрился.

— Молодцомъ смотрю, а опухоль не проходитъ.

— Ничего, наши эскулапы тебя вылечатъ. Какой опять-таки умница вашъ Игнатій Львовичъ, что прислалъ тебя сюда!

Зося вздохнула. Она съ любопытствомъ смотрѣла въ окна кареты и читала вывѣски на Невскомъ.

— Какъ странно!—сказала она:—все почти иностранныя имена, и если бы не русскія буквы, можно было бы подумать, что мы за границей. Что это за церковь?

— Армянская!

— А это?

— Костелъ Св. Екатерины!

Зося перекрестилась.

— На Невскомъ! на главной улицѣ!.. А это?

— Казанскій соборъ, а дальше Петропавловская лютеранская и голландская...

— Сколько у васъ иностранныхъ церквей!

Карета дважды повернула направо и остановилась у высокаго дома. Изъ внушительнаго подъѣзда вышелъ внушительный швейцаръ. По широкой, устланной коврами лѣстницѣ генеральша съ гостями поднялась въ бельэтажъ.

Огромные покои были уставлены бархатной и штофной мебелью. На Зосю они пахнули тѣмъ совершенно особеннымъ чувствомъ, которое невольно заставляетъ смягчать голосъ и умѣрять движенья. Точно тамъ даже въ отсутствіе людей пребываетъ молчаливое величіе, и всѣ эти тяжелые диваны и кресла обдумываютъ съ важностью каждое сказанное при нихъ слово, а высокія зеркала гдѣ-то внутри себя въ стеклѣ хранятъ отраженныя ими фигуры. И когда ночью сквозь узорныя гардины блещетъ въ такихъ покояхъ блѣдными лучами мѣсяцъ,—паркетъ трещитъ и щелкаетъ, словно подъ чьими-то невидимыми шагами, и все громче тикаетъ маятникъ въ фигурныхъ бронзовыхъ часахъ подъ стеклянным колпакомъ. Это ходитъ Время и спрашиваетъ: вы слышали? вы запомнили?—И въ отвѣтъ тихо-тихо шелестятъ портьеры и гардины, незамѣтно двигаются кресла, и зеркала бросаютъ на лощеный полъ странные отблески, въ которыхъ опытный глазъ ясновидца можетъ различить игру физіономіи каждаго даже случайнаго посѣтителя...

Эти старыя, массивныя вещи часто слышатъ, какъ люди передаютъ другъ другу исторіи о лицахъ, память которыхъ онѣ хранятъ, но не дано имъ судьбою возможности крикнуть:—Вы заблуждаетесь! Это вовсе не такъ происходило, а вотъ какъ...—Поэтому многое, многое истолковывается совершенно

обратно-противоположно истинѣ, и люди повторяютъ чужую ложь, вѣруя въ нее, какъ въ пророчества святыхъ...

Въ отведенныхъ Колычевымъ комнатахъ ихъ встрѣтила Кирилловна, бывшая крѣпостная изъ Горокъ, со времени замужества Сашеньки неразлучавшаяся съ барыней. Къ ручкѣ Зоси и къ плечику Ивана Николаевича она не подошла, но Лизочку приняла съ рукъ Прасковьи, и дѣвочка сразу довѣрчиво ей улыбнулась.

Кирилловна, еще не старая сорокалѣтняя женщина, черненькая, маленькая, худенькая, но сморщенная, какъ печеное яблоко, ходила, или, вѣрнѣе, носилась неслышно по генеральскимъ покоямъ и держала всю челядь огромнаго барскаго дома въ своихъ неподкупныхъ и честныхъ рукахъ. Это была та скрытая шестерня, которая неутомимой работой и безпредѣльной преданностью господамъ двигала сложный механизмъ и въ отсутствіе вдругъ запившаго какъ на зло передъ званымъ, оффиціальнымъ обѣдомъ повара засучивала рукава и рубила, и жарила, и пекла на кухнѣ, и никто изъ важныхъ гостей не подозрѣвалъ, что котлеты марешаль или пломбиръ подъ золотистой сѣткой жженаго сахара произведеніе не поварскихъ рукъ. Она же разливала чай и, вдругъ заслышавъ голосъ Семена Михайловича, сердившагося на камердинера за смятый галстукъ или жилетку, необходимую для торжественнаго засѣданія, уже стучалась въ уборную и просовывала руку: „Пожалуйте, я сію минуточку подглажу“. Цѣлый день до глубокой ночи раздавалось: „Спроси у Кирилловны! Скажи Кирилловнѣ! Позови Кирилловну“...

Съ пріѣздомъ Колычевыхъ искать и звать Кирилловну приходилось изъ дѣтской. Она нянчила Лизочку и подбоченясь танцовала передъ нею, когда ребенокъ капризничалъ и оглашалъ неистовымъ ревомъ казенныя, холодныя стѣны.

Когда Зося увидѣла ее, ей стало тоже теплѣе на душѣ. Она охотно приняла ея услуги и въ первый разъ по замужествѣ обошлась безъ Мареуши, которая вдругъ въ Москвѣ объявила, что выходитъ замужъ, и осталась въ Первопрестольной у жениха, приказчика того магазина модъ и новостей, на который работала ея бывшая хозяйка мадамъ Луиза.

Зося была этимъ обстоятельствомъ страшно раздосадована, но Кирилловна обѣщала ей найти камеристку еще лучше.

— Погодите, матушка. — у генеральши Мокриной француженку отпускаютъ; онѣ въ деревню собираются, а та за границу ѣхать хотѣла, съ тѣмъ и нанималась. Я ужо вечеркомъ слетаю.

И Зося пришла опять въ благодушное настроеніе и, переодѣваясь и причесываясь, болтала весело съ мужемъ и Сашенькой.

— Если бы тѣ массивныя, обитыя малиновымъ трипомъ кресла краснаго дерева, на которыхъ засѣдала въ Страстной вторникъ 1863 года экстренная комиссія съ Семеномъ Михайловичемъ во главѣ, могли заговорить передъ тѣмъ, какъ ихъ продали впослѣдствіи на аукціонѣ при новомъ министрѣ, они бы разсказали, вѣроятно, почему онъ вернулся домой не въ духѣ, недовольный всѣмъ свѣтомъ, почему встрѣтилъ зятя съ невѣсткой и даже улыбнувшуюся ему Лизочку съ притворной радостью.

Ходили слухи, что онъ ожидалъ къ Пасхѣ пятой звѣзды, еще болѣе блестящей, чѣмъ остальныя четыре, но какъ Михалка не получилъ своей на елкѣ, такъ и сановникъ, говорятъ, окончательно узналъ во время засѣданія, что вмѣсто него получитъ эту желанную звѣзду другой, который на то и тѣни права не имѣетъ. Получившій не разорветъ ее, какъ Лизочка, а надѣнетъ при красной гладкой лентѣ на заутреню, а онъ пойдетъ въ прошлогодней синей и будетъ поздравлять соперника, а въ образной Сашенькины Четьи-Минеи еще годъ по крайней мѣрѣ должны обходиться старыми закладками изъ аннинскихъ и владимирскихъ обрѣзковъ...

Если два года назадъ Семенъ Михайловичъ оказался полнымъ профаномъ въ польскихъ дѣлахъ передъ задирою Нивисскимъ, то нынче онъ сдалъ бы экзаменъ на 5+. Во всѣхъ тонкостяхъ изучилъ онъ сложный польскій вопросъ и зналъ исторію Польши лучше любого ксендза, смѣло цитируя всѣ постановленія сеймовъ и походы королей и кня-

зей, начиная съ Попела и Болеслава. Нынѣшнюю смуту онъ предвидѣлъ съ минуты бѣгства своего въ Баденъ-Баденъ и обвинялъ правительство, а намѣстниковъ царства Польскаго въ особенности въ излишней мягкости и недальновидности.

— Я ихъ предупреждалъ!—говорилъ онъ, читая все новыя и новыя свѣдѣнія о разрастающемся мятежѣ. Онъ даже отослалъ въ одну газету статейку съ собственными взглядами и мнѣніями, но такъ какъ статья была анонимная, то трехпудовый слогъ ея не былъ оцѣненъ, вѣроятно, изъ зависти, и она очутилась вмѣстѣ съ прочими мертворожденными въ корзинѣ подъ письменнымъ столомъ въ сосѣдствѣ старыхъ сапогъ редактора.

Какъ только гости появились въ столовой съ монументальными дубовыми стульями и буфетомъ, и Лизочка на рукахъ Кирилловны стала мазать пальчиками стекла высокаго окна, Семенъ Михайловичъ тотчасъ же, заткнувъ за воротникъ уголъ салфетки, обратился къ зятю:

— Слышалъ, какіе пункты намъ три державы прислали?

— Нѣтъ! — отвѣтилъ Колычевъ, не подозрѣвая, въ чемъ дѣло.

— 1) Полная автономія; 2) народное представительство и контроль; 3) назначеніе на публичныя должности; 4) свобода совѣсти; 5) національный языкъ въ школахъ и 6) правильное взиманіе рекрутской повинности... Что, братецъ! слышалъ ты что-нибудь подобное?

— Позволь! прежде всего имъ какое дѣло, а, во-вторыхъ, многое у насъ уже есть.

— Ну да, само собою! Но ты понимаешь ли всю соль? Одна изъ этихъ державъ—Австрія.

— Да ей-то что за дѣло, какіе у насъ въ школахъ языки преподаютъ? Или ей досадно, что мы лучше ея французскимъ и ея же нѣмецкимъ владѣемъ? Такъ это ужъ отъ Бога!

Семенъ Михайловичъ опѣшилъ.

— Позволь, позволь! ты о чемъ, о какомъ французскомъ?

— А-а! ты, вѣроятно, о латинскомъ и греческомъ? Ну, тогда я съ ними вполнѣ согласенъ, они ни къ чему.

— Нѣтъ, я вижу, мы съ тобою не на одномъ языкѣ говоримъ. Ты что разумѣешь?

— Да то, что австрійцы и, шуть ихъ знаетъ, кто еще, злятся, что у насъ, кромѣ русскаго, школяры и по иностранному калякать-учатся.

Сотовъ уже раздражился.

— Совсѣмъ, совсѣмъ не то! Эти шесть пунктовъ касаются не насъ, а Польши, т.-е., впрочемъ, и насъ, потому что мы, понимаешь ли, мы обязаны подчиняться и учить такъ, какъ намъ то укажутъ три перста изъ-за границы. А? Каково?

Сашенька сдѣлала испуганное лицо... Колычевъ нахмурился...

— Если говорить по совѣсти, — все повышая тонъ и голосъ, продолжалъ сановникъ:—то ужъ кому-кому въ этомъ дѣлѣ сидѣть тише воды, ниже травы, какъ не австріякамъ. Они первые поляковъ на насъ натравили, а эти сумасброды и полѣзли на рожонъ. Мы ихъ въ бараній рогъ согнуть можемъ, а мы имъ амнистію къ Пасхѣ даемъ. Но я впередъ поклянусь, что эта пошлая, эгоистическая и неблагодарная нація...—Семенъ Михайловичъ взглянулъ случайно на Зосю и поперхнулся...

Слово упало. Гдѣ, въ какихъ молекулахъ мозга, въ какихъ атомахъ бившагося подъ моднымъ лифомъ сердца осѣло оно? О, если бы можно было вырвать его оттуда!... стереть навѣки!... Но оно не стерлось, оно упало на добрую для себя почву, и, подобно евангельскому горчичному зерну, разрослось и развѣтвилось и мало-по-малу заглушило все, что было добраго и хорошаго въ женской душѣ. И стала эта открывшаяся подъ тепломъ семейнаго счастья душа затягиваться тиной горечи и оскорбленія. Это была та бѣда, которая ходила пока за горами, но которую почти три года назадъ почуялъ Иванъ Николаевичъ у стараго пруда въ прекрасное осеннее золотое утро...

Напрасно Семенъ Михайловичъ перемѣнилъ тонъ, перевелъ разговоръ на театръ, позвонилъ курьера и велѣлъ непремѣнно достать ложу на бенефисъ Лагранжъ, въ который шла его любимая пьеска „Les invalides du mariage“, напрасно старался онъ быть не только остроумнымъ и лю-

безнымъ, но и въ доступной ему мѣрѣ родственнымъ, — Зося снова почувствовала холодъ и отчужденіе.

Она слушала его съ дѣланной улыбкой, отвѣчала на вопросы Сашеньки и поцѣловала послѣ завтрака въ лобъ мужа, по привычкѣ приложившагося къ ея рукѣ, но это было ужъ не то. Это была не колычевская Зося,—это была проснувшаяся польская обида, тотъ гоноръ, который нельзя будить...

Вечеромъ она стояла на колѣняхъ въ костелѣ на Невскомъ и, опустивъ вуаль, о чемъ-то горько-горько плакала...

XXXIII.

Яркимъ полднемъ позолоченъ,
Старый домъ въ саду стоитъ.
Онъ покинутъ, заколоченъ,
Онъ безмолвенъ, точно скитъ.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Положеніе Ивана Николаевича все еще не было выяснено. Доктора посылали его одинъ къ другому. Его раздѣвали, слушали, выстукивали, мяли, давили. Каждый нащупывалъ опухоль. Давно подтвердился діагнозъ Игнатія Львовича, что это гидронефрозъ, но чѣмъ его лечить и нужна ли операція, — никто не зналъ. Почка вздута, наполнена жидкостью, больной чувствуетъ ее, но ѣстъ и пьетъ, выѣзжаетъ въ каретѣ, играетъ въ карты, а эскулапы ничего не понимаютъ.

Однажды явился къ обѣду Гришенька Карауловъ. Камеръ-юнкеръ возмужалъ и полысѣлъ. Его мундиръ уже пришлось разставить по швамъ, но онъ по-старому порхалъ около министровъ и дѣлалъ блестящую карьеру.

Увидавъ Зосю, онъ такъ и возгорѣлся. Если въ девятнадцать лѣтъ въ ней таилась опытная кокетка, то теперь она и безъ примѣненія своего искусства была прямо соблазнительна. Материнство округлило ея фигуру; она выросла и была стройна попрежнему, но движенія и поступь пріобрѣли ту особую женственность, которую такъ цѣнятъ всѣ мужчины.

Появленіе Гришеньки въ массивной столовой сразу сбавило казеннаго духа и чопорности. Зося оживилась. Гришенька болталъ, по обыкновенію, какъ сорока. Подскакивая слегка и вертясь на троноподобномъ стулѣ, разсказывалъ онъ о случаѣ съ Литейнымъ мостомъ, который не успѣли развести во время, разсчитывая, что Нева тронется 8-го апрѣля, а ледоходъ неожиданно начался 4-го.

— Представьте себѣ, полицеймейстеръ скачетъ вдоль Дворцовой набережной, а пристава по правому берегу; за ними околоточные, за околоточными городовые, за городовыми будочники съ алебардами, а за будочниками даже будки пытаются сорваться съ мѣстъ на помощь, — а мостъ уплываетъ. Ему кричатъ съ берега: Стой, стой! на кого ты насъ, голубчикъ, покидаешь! А онъ лѣзетъ на быки Николаевскаго моста и трещитъ. — Зачѣмъ я не каменный?.. не хотѣли развести меня во время, — такъ вотъ же вамъ! Тр... тр... тр... — и плашкоуты одинъ за другимъ разбиваются и уплываютъ подъ арки въ Финскій заливъ на поученіе шведамъ о нашемъ инженерномъ искусствѣ.

— Помилуйте! — возмутился Сотовъ. — Это дѣйствительно позоръ для столицы имѣть черезъ такую царственную рѣку деревянные мосты. Я помню отлично, что еще недавно какой-то англичанинъ предлагалъ нашимъ отцамъ города пять трубчатыхъ построить. Но имъ, видите ли, выгоднѣе за эти деньги одинъ каменный возвести.

— А слышали вы, какія трогательныя письма получаетъ государь отъ крестьянъ со всѣхъ концовъ Россіи? Я даже списалъ одно. — Вынувъ изъ кармана бумажку, Гришенька читаетъ: „Мы не напрашиваемся на войну, но предпочитаемъ, если такъ суждено Промысломъ, всѣ ужасы жестокой войны уступкѣ по требованію кичливыхъ недруговъ“. „Повели, государь, и мы всѣ поголовно, не щадя живота, крѣпкой стѣною двинемся навстрѣчу врагу...“

— Знаю, знаю! — перебиваетъ Сотовъ.

Всѣ сконфужены. Гришенька недоумѣло обводитъ глазами столъ и, взглянувъ на прищурившуюся и покраснѣвшую Зосю, прячетъ бумажку и переводитъ разговоръ на бракосочетаніе принца Уэльскаго.

— — — — — — — — —

— Слышали, какъ привѣтствуютъ въ Лондонѣ принцессъ?—и онъ трещитъ уже о томъ, какъ парфюмеръ Риммель выпустилъ навстрѣчу новобрачнымъ цѣлый фонтанъ душистаго пара, который даже заглушилъ при ихъ проѣздѣ ароматы Темзы и ея стоковъ. Наконецъ, утомившись отъ собственной болтовни, Гришенька принялся за ѣду и тутъ вдругъ замѣтилъ усталый видъ Ивана Николаевича.

— Батенька, что это съ вами?

— Гидронефрозъ.

— Это еще что за штука?

— А такая штука, что и доктора раскусить не въ силахъ!

— Да вы, вѣрно, все у нѣмцевъ консультировали. Пойдите къ русскому, я знаю одного, совсѣмъ юнца! Но это генiй... Боткинъ. Обратитесь къ нему, я пришлю его къ вамъ.

Когда послѣ обѣда перешли въ гостиную, камеръ-юнкеръ собрался поухаживать за Зосей по старой памяти, но молодая женщина ушла въ дѣтскую. Сашенька сдѣлала ему выговоръ.

— Какъ можно было поминать объ этихъ письмахъ? Вы забыли развѣ, что она полька?

— Помилуйте, ваше превосходительство,—оправдывался онъ:—Софья Романовна за эти годы совсѣмъ обрусѣла, и я увѣренъ, что она покраснѣла только для большей еще красоты...

Но вернувшаяся Зося приняла его ухаживанья такъ холодно, что онъ вздохнулъ и усѣлся въ преферансъ съ ея мужемъ и Сотовымъ. Она была снова обижена не на шутку...

Сергѣй Петровичъ Боткинъ прiѣхалъ на другой же день. Осмотрѣвъ Ивана Николаевича, онъ сказалъ:

— Никакой вамъ операцiи не нужно, — поѣзжайте въ Виши, а пока попейте его здѣсь.

Совѣтъ врача принесъ несомнѣнную пользу. Уже къ концу недѣли Иванъ Николаевичъ почувствовалъ облегченiе и повеселѣлъ.

Но расположенiе духа Зоси было угнетенное. Гришенька

со свойственнымъ ему апломбомъ появлялся чуть не каждый день, и хотя она и кокетничала съ нимъ снова, но его болтовня скоро надоѣла ей, и она охотно уступала его карточному столу.

Сотовы, со своей стороны, дѣлали все, чтобы развлекать невѣстку. Курьеръ привозилъ билеты въ театры и концерты. Зося каталась на островахъ, уже одѣвавшихся первымъ пушкомъ, сидѣла на Минеральныхъ водахъ у Излера, закупала въ англійскомъ магазинѣ духи и матеріи. Новая камеристка Жюли оказалась волшебницей и шила не хуже самого Ворта,—и все-таки Зосѣ было не по себѣ. Она чувствовала себя крайне неуютно въ домѣ, гдѣ хозяева соблюдали величайшую осторожность, чтобы не задѣть ея самолюбія, но гдѣ каждое извѣстіе о понесенномъ повстанцами пораженіи вызывало невольную, хотя и тщательно скрываемую радость.

Дни становились все ярче и длиннѣе. Было уже начало мая. Боткинъ освидѣтельствовалъ снова Ивана Николаевича и нашелъ, что недѣльки черезъ двѣ-три можно будетъ и тронуться въ путь.

Между тѣмъ отъ пана Романа пришло весьма тревожное письмо. Крестьяне, почувствовавъ себя наконецъ дѣйствительно вольными, закусили удила. Какъ ни нужны имъ были деньги, они ни за что не хотѣли итти въ батраки къ поляку. Тотъ обратился сперва къ отцу Никитѣ. Напрасно усовѣщевалъ ихъ пастырь, объясняя, что они будутъ работать на Колычева, а не на пана Романа, что тотъ является только управляющимъ, но мужики стояли на своемъ.

— Весь свой вѣкъ подъ польскимъ кулакомъ сидѣли, да еще и вольными ему служи? Они на нашего царя войной пошли, смутьяны. Чего онъ среди русскихъ затесался? Пусть къ своимъ идетъ! А тебѣ, попъ, не дѣло враговъ православнаго царя защищать.

Пришлось нанимать людей изъ дальнихъ деревень, но крестьяне, подстрекаемые опять Агаѳономъ, пообѣщали переломать плуги и бороны, если они осмѣлятся стать за работу. Съ утра они вышли толпою за околицы и стояли, угрожая каждому, кто высовывался за ворота усадьбы. Ро-

манъ, не видя исхода, отправился съ жалобой къ Супруненку. Становой сѣлъ въ его одноколку и покатилъ вмѣстѣ съ нимъ въ мятежное село. Но едва его исполинская фигура вынырнула изъ-за косогора, Агаѳонъ первый далъ тягу и забился въ кусты.

— Бунтовщики! мерзавцы! всѣхъ запорю! А! вы думаете, вольные, так на васъ и управы нѣтъ? Самихъ лѣнь одолѣла, такъ и другихъ отъ работы отбиваете? Маршъ по домамъ, а если кто изъ васъ ворохнется,—солдатъ пригоню. Не слышали, какъ вашего брата за бунтъ въ Тамбовской губерніи по головкѣ погладили? А?... Какъ въ Казанской Петрова зачинщика разстрѣляли? А?.. Кто у васъ тутъ главный бунтарь? Подать его сюда?...

Но Агаѳона и слѣдъ простылъ.

Послѣ этого разноса, въ присутствіи начальства батраки вышли на работу и по тѣмъ полосамъ, гдѣ цѣлые вѣка ступали колычевскіе лапти, зашагали чужіе, пришлые люди.

Запашку пришлось сократить почти на половину; безъ помощи крестьянъ, соглашавшихся раньше работать исполу, нечего было и думать сохранить ее въ прежнемъ размѣрѣ. Это грозило тысячными убытками, вслѣдствіе нарушенія давнишнихъ обусловленныхъ неустойками контрактовъ съ городскими купцами. Кромѣ того, въ Горкахъ сгорѣла лѣсопилка и весь заготовленный къ продажѣ матеріалъ. Для мельницы были заказаны дорогія машины и часть ихъ уже была въ дорогѣ. Нужно было немедленно уплатить за нихъ въ таможнѣ. Денегъ же свободныхъ почти не было, и Александра Николаевна уже вторую треть года не получала своихъ процентовъ.

Панъ Романъ убѣждалъ Ивана Николаевича раздѣлиться съ сестрою. Нужно заложить, а еще лучше продать Горки и выплатить ей ея часть, остальныя затратить частью на Колычево, остатки же внести на текущій счетъ въ банкъ, чтобы имѣть запасный капиталъ подъ рукою,—потому что,—кончалось письмо,—все равно, на прежнее расчитывать нечего: доходы неминуемо должны сократиться, и, пока мы не обзаведемся всѣми усовершенствованными машинами, способными замѣнить крѣпостныя утраченныя нынѣ руки, вывернуться возможности нѣтъ.

Колычевъ показалъ письмо Сашенькѣ и зятю. Сашенька пришла въ ужасъ.

— Единственное средство—отказаться мнѣ отъ поѣздки. Денегъ тогда на первое время хватитъ, а тамъ я переговорю съ крестьянами и уломаю ихъ,—сказалъ Иванъ Николаевичъ.

— Мой другъ, — возразилъ Сотовъ: — это сразу баловать ихъ и доказать, что безъ нихъ помѣщикамъ веревка на шею надѣта...

— Но что же тутъ дѣлать?

— Что?—перебила Сашенька,—по моему, сдѣлать то, что совѣтуетъ панъ Романъ. Надо порѣшить съ Горками.

— Къ чему же такія крутыя мѣры?—остановилъ Сотовъ.

— Нѣтъ, Simon, ты не понимаешь. Ты деревенской жизни не знаешь и хозяйства никогда не велъ. Тутъ долго размышлять нечего... Она взглянула на сразу осунувшееся и вновь поблѣднѣвшее лицо брата и вздохнула.—Съ Горками пора разстаться. Все равно, я уже отвыкла отъ нихъ, и разъ домъ и усадьба необитаемы, къ чему они? Если бы нашелся выгодный покупатель, то и Богъ съ нимъ, съ этимъ опустѣвшимъ гнѣздомъ. Колычево же надо сохранить во чтобы то ни стало. Вѣдь теперь мы все равно никуда не поѣдемъ. Вы поѣзжайте за границу, а осень мы снова проведемъ вмѣстѣ въ этой милой бѣлой дядиной виллѣ. Согласны?

— Спасибо тебѣ, мои милыя валерьяновыя капли! — пошутилъ почти сквозь слезы Иванъ Николаевичъ.

И Горки были снова заложены въ опекунскій совѣтъ, а пану Роману было предоставлено право подыскать на нихъ покупателя...

XXXIV.

Въ часъ, когда покой чудесный
Надъ природой всей царитъ,
И одинъ лишь сводъ небесный
Ярко звѣздами горитъ,—

Слышишь гулъ ты отдаленный,
Непонятный, странный шумъ,
Словно ропотъ возмущенный
Тайныхъ и тревожныхъ думъ?

(„Звѣзды". М. К.)

Стоялъ тихій майскій вечеръ, когда зеленоватые тоны особенно долго держатся на погасшемъ небѣ. Было тепло,

и въ растворенное окно отведенной Колычевымъ спальни, выходившей во внутренній казенный дворъ съ садомъ, вмѣстѣ съ ароматомъ почекъ тополей и березы врывался заглушенный шумъ улицы, стукъ экипажей и звонъ копытъ по деревянной мостовой.

Зося сидѣла у этого окна. Колычевъ игралъ въ карты въ кабинетѣ, а Сашенька хлопотала у чайнаго стола, занимая двухъ старыхъ генеральшъ.

Утромъ Зося случайно прочла въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ газеты о бѣгствѣ диктатора Лангевича и объ арестѣ его адъютанта, оказавшагося дѣвицей Анной Генрикой Пустовойтовой, которую она видѣла еще институткой варшавскаго Александринскаго института у общей знакомой пани Плющинской. Даже въ этомъ сухомъ оффиціальномъ донесеніи читалось между строкъ восхищеніе неустрашимостью молодой двадцатилѣтней дѣвушки, повсюду сопровождавшей своего начальника и исполнявшей самыя трудныя порученія. И Зося съ горечью и презрѣніемъ вспомнила жестокія и обидныя слова Сотова: „Неблагодарная, пошлая и эгоистическая нація!“.

Развѣ это правда? Развѣ это эгоизмъ отказаться отъ всякаго комфорта и удобствъ жизни и послѣдовать за любимымъ человѣкомъ буквально въ огонь и въ воду? Пошлость—во имя идеи забыть свой полъ и переносить всѣ трудности войны, рискуя каждую секунду головой и жизнью?.. О, если бы сейчасъ, сію минуту предсталъ бы передъ нею Стась и сказалъ: послѣдуй за мною!—не бросила ли бы она съ радостью все, не вышла ли бы изъ этого холоднаго, давящаго душу дома и не пошла ли бы за нимъ на край свѣта? Зузю она завернула бы въ одѣяльце и взяла съ собою, но больше ничего, ничего... Она доказала бы имъ всѣмъ, что она не пошлая, не неблагодарная, не эгоистка, а, напротивъ, способная на самоотверженіе и подвигъ...

И она хрустнула пальцами и подняла взглядъ на вечернее, не желавшее темнѣть небо, гдѣ не могли загорѣться звѣзды въ лучахъ полуночной зари... Быть можетъ, онъ тоже смотритъ на небо въ эту минуту и вспоминаетъ ее?...

. . . .

Да, онъ смотрѣлъ, и для него свѣтили звѣзды, невидимыя весною на блѣдномъ сѣверѣ. Онъ только что очнулся отъ боли далеко, далеко въ домѣ стариннаго друга своей семьи Адама Сапѣги въ Львовѣ, въ Галиціи.

Уже недѣлю лежитъ онъ съ перевязанной грудью. Образъ Ченстоховской Божьей Матери вдавился глубоко въ его бѣлое тѣло, и когда его вытащили изъ раны, онъ весь былъ покрытъ гноемъ и сукровицею. Цѣлую недѣлю слышитъ онъ ихъ острый запахъ черезъ бинты и корпію.

И больно двигаться, больно дышать. Сознаніе то просыпается, то снова исчезаетъ, и онъ проваливается куда-то въ бездну, а надъ нимъ скачутъ лошади... И онъ видитъ, какъ мелькаютъ ихъ копыта съ блестящими подковами, и все боится и ждетъ, которая задѣнетъ, наступитъ, раздавитъ его... но онѣ все скачутъ, скачутъ безъ счета, безъ конца...

Нѣтъ, конецъ есть! Этотъ конецъ—то острое чувство въ груди, отъ котораго больно дышать и хочется плакать, хочется, чтобы кто-нибудь подошелъ сейчасъ, нагнулся, шепнулъ: „Бѣдный Стась! за что?..“

Да, за что?.. За родину? за ея освобожденіе?.. Освобожденіе отъ чего? отъ той мирной жизни, которой они жили столько лѣтъ съ матерью въ Запольѣ?.. Нѣтъ, отъ этого кошмара послѣднихъ мѣсяцевъ, отъ голода, холода, рысканья впотьмахъ по болотамъ и лѣсамъ, безъ толку, безъ опредѣленнаго плана и цѣли, съ толпой такихъ же голодныхъ и холодныхъ людей, доходившихъ и доводившихъ его и другихъ своихъ начальниковъ до отчаянія отсутствіемъ дисциплины и сознанія взятаго на себя долга...

— Уцекинеры!—звалъ ихъ воевода Падлевскій, и они стоили этой клички. Они буквально утекали, какъ по каплямъ утекаетъ вода изъ плохо спаяннаго сосуда, потому что не было между ними никакой нравственной спайки. Одни шли подъ давленіемъ террора, прослышавъ, а иногда и убѣдившись собственными глазами, какъ расправляются вербовщики, даже ксендзы, съ непокорными и измѣнившими данному ранѣе слову. Другіе надѣялись на добычу, третьи разсчитывали на власть, и почти ни одинъ не зналъ, чего

онъ станетъ требовать, если свергнетъ ярмо захвата, какихъ правъ для себя и какихъ преимуществъ для родины? Идея освобожденія отчизны, сіявшая въ теченіе столькихъ лѣтъ золотыми буквами на синемъ небѣ, осѣненномъ бѣлоснѣжными крыльями могучаго орла, вдругъ стерлась. Это было сусальное золото, которымъ красятъ дешевыя дѣтскія побрякушки. И когда онъ съ тѣми восемью, которые остались ему послушными, бросилъ нерѣшительнаго Падлевскаго, получившаго приказаніе въ Плоцкѣ итти за какими-то декретами за границу, и свернулъ на югъ, онъ самъ не зналъ, куда идетъ, и что изъ этого выйдетъ.

Судьба натолкнула его на банду Езеранскаго, и онъ присталъ къ нему. Здѣсь держалось хоть какое-нибудь подобіе дисциплины, и онъ, привыкнувшій къ ней въ своемъ уланскомъ полку, вздохнулъ облегченно. Здѣсь вѣрили еще въ счастливый исходъ возстанія, и слово „отчизна" играло священную роль.

Они перешли границу и остановились близъ Тепилъ, гдѣ квартировали австрійскіе офицеры, встрѣтившіе ихъ банду веселымъ сочувственнымъ „ура!" На нѣсколько дней опять позолотились буквы, и орелъ гордо расправилъ опущенныя было крылья.

По настоянію Стася за Ординатскимъ лѣсомъ на Кобылянкѣ банда окопалась тройными рвами. За плетнями послѣдняго построили годные для жилья и засады прочные шалаши. Недѣли двѣ сидѣли въ ожиданіи врага. Дружба съ австріяками продолжалась. Пили венгржино и распѣвали: „Полякъ, венгеръ два братанки", произносили огненныя рѣчи и провозглашали громкіе тосты за возстановленіе отъ моря и до моря Рѣчи Посполитой...

Когда 23 апрѣля напали русскіе, Стась командовалъ конницей и лихо отбилъ атаку. Повстанцы сохранили свои укрѣпленія. Но черезъ день изъ видной вдали на пригоркѣ деревни Боровыя Млыны двинулся вдвое сильнѣйшій отрядъ враговъ. Полковникъ Мѣдниковъ,—Стась встрѣчался съ нимъ въ Люблинѣ и узналъ издали,—самъ велъ войска на приступъ.

Бой съ пѣхотой шелъ почти въ рукопашную. Каждый

шагъ стоилъ жертвъ обѣимъ сторонамъ, и изъ своей засады Стась ясно видѣлъ, какъ падали одинъ за другимъ польскіе офицеры. Первымъ упалъ графъ Валигурскій, тотъ самый, подъ именемъ котораго была арестована Пустовойтова. За нимъ свалился навзничь поручикъ Тышкевичъ, совсѣмъ еще юноша, и было странно видѣть, какъ блѣднѣло его обращенное къ небу лицо. Самъ онъ выжидалъ за послѣднимъ плетнемъ и вдругъ, давъ сигналъ, поскакалъ вдоль рва. Выскочивъ изъ засады, его отрядъ атаковалъ правый флангъ русскихъ. Люди шарахнулись подъ первымъ натискомъ конницы, но Мѣдниковъ имъ что-то крикнулъ, за топотомъ было не разобрать—что. Грянулъ залпъ. Онъ зашатался... впрочемъ, не онъ, а его красавица, рыжая Слетна. Съ перебитыми передними ногами упала она сперва головою впередъ, а потомъ на бокъ, но онъ успѣлъ высвободить ногу изъ стремени, и вдругъ толчокъ сзади, и онъ уже лежитъ въ грязи, и черезъ него несется конница.

Надъ головой замелькали подковы. Рядомъ билась, истекая кровью, Слетна и дергала задними ногами, и жалобно ржала, и вертѣла ощеренной мордой... Почему вдругъ стало больно въ груди, куда глубоко подъ самый вздохъ вдавилась золотая иконка, повѣшенная на прощанье матерью?... Слетна или другая лошадь ударила его и наступила на грудь острою подковой?.. Можетъ быть, не одна. А сколько?... Сознаніе исчезло.

Онъ упалъ на австрійской границѣ, и его подобрали свои и перенесли въ Тепилы. Тамъ онъ пролежалъ три дня, но его повезли дальше. Трясясь по дорогамъ, шелъ фургонъ, и каждый шагъ былъ мученіемъ для больной, растоптанной груди, но Левчукъ все-таки везъ его въ древній Львовъ. Левчукъ плакалъ, горько плакалъ, что то хорошее, святое дѣло, на которое онъ умолилъ-таки графа взять его съ собою, стоило жизни его пану.

— Тамъ вылечатъ, тамъ помогутъ!—твердилъ себѣ въ утѣшеніе вѣрный хлопъ, слушая на ухабахъ стоны раненаго, и везъ его въ замокъ Сапѣги, гдѣ они въ прошломъ году останавливались съ паномъ графомъ и куда съѣзжалось столько другихъ знатныхъ пановъ на совѣты и громко

спорили и кричали, и пили меды и венгржино, и пѣли славныя польскія пѣсни. Онъ понималъ, что для его графа нужна, нужнѣе всего на свѣтѣ теперь мать, но какъ извѣстить и вызвать старую пани—не зналъ. Самъ онъ былъ неграмотенъ. А тамъ дадутъ знать, и панъ Бугъ устроитъ такъ, что графъ Стась выздоровѣетъ и пойдетъ кончать святое дѣло, и побѣдитъ москалей, потому что за это время отчизна соберетъ настоящіе полки, какъ у самихъ враговъ, съ пушками и ружьями, а тѣхъ, что даже косы въ рукахъ держать не умѣли, какъ у пана воеводы Падлевскаго, прогонитъ.

Онъ и это скажетъ Сапѣгѣ, и магнаты поймутъ его. Они сами не видали, какъ сражаются тамъ за доброе дѣло, а онъ раскажетъ, не тая, все, все, что видѣлъ за эти три мѣсяца, скитаясь съ графомъ по лѣсамъ и болотамъ,— какъ голодали они и прятались днемъ, а ночью стучались въ окошки къ добрымъ людямъ на фольваркахъ, въ деревняхъ и селахъ, и тѣ когда помогали и выносили кусокъ сала и край хлѣба, а когда грозили выдать или донести по начальству. А на привалахъ онъ руками разрывалъ снѣгъ, чтобы Слетна могла пощипать хоть сухой прошлогодней травы; онъ воровалъ ей изъ стоговъ и сѣноваловъ сѣно и дѣлился съ нею своей порціей хлѣба, если не удавалось купить за большія деньги овса...

И Левчукъ, утирая полою слезы, брелъ рядомъ съ тряскимъ фургономъ и молился Ченстоховской Божьей Матери, чтобы за нанесенную ея образомъ рану она послала его пану не только полное исцѣленіе, но и много, много счастья и славы...

XXXV.

Толпою алчной и безпокойной
Насторожились тутъ злые сны,
И мягкій отсвѣтъ, и воздухъ знойный
Дыханьемъ страсти напоены.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Затаенная обида въ сердцѣ Зоси съ выѣзда за границу находила все большее удовлетвореніе. Въ отеляхъ, гдѣ останавливались Колычевы, за табльдотомъ разговоръ не-

премѣнно вертѣлся около двухъ темъ: войны федералистовъ съ сепаратистами въ Америкѣ и польскаго возстанія. Симпатіи были, конечно, на сторонѣ повстанцевъ. Ихъ величали героями и мучениками, а русскихъ—варварами и дикарями.

Зося ликовала. Если сановникъ, принадлежавшій къ верхамъ общества, могъ проявить столько неделикатности, чтобы въ первыя же минуты по ея пріѣздѣ въ его домъ нарушить всѣ правила и законы гостепріимства и оскорбить національныя чувства гостьи-родственницы, то не являлся ли онъ яркимъ доказательствомъ варварства, деспотизма и грубости москалей?.. И она сіяла улыбкой при похвалахъ маленькой угнетенной Польшѣ, которая со смѣлостью льва кинулась на неповоротливаго, державшаго ее подъ тяжелой пятою деспота. Европа апплодировала, по предсказанію Нивисскаго, каждой схваткѣ въ польскихъ и литовскихъ лѣсахъ. Услужливые корреспонденты „съ театра войны", какъ выражалась завербованная поляками „Силезская Газета", трубили о побѣдахъ и подвигахъ и безъ церемоніи обращались съ цифрами, уменьшая въ 10 разъ свои потери и прибавляя лишній ноль къ нашимъ. Зося читала перепечатки въ нѣмецкихъ цейтунгахъ и французскихъ монитёрахъ и заходила въ мѣстахъ остановокъ во всѣ католическіе соборы и церкви, горячо моля пана Бога о нашихъ пораженіяхъ и объ увѣнчаніи лаврами бѣлаго орла...

Послѣ курса водъ въ Виши доктора направили Колычева для какихъ-то имъ однимъ понятныхъ лечебныхъ комбинацій въ другой модный курортъ, гдѣ круглый годъ жизнь бьетъ ключомъ и больные теряются среди массы людей здоровыхъ, поглощенныхъ вихремъ удовольствій.

Иванъ Николаевичъ поправился вполнѣ и снова чувствуетъ себя мужчиной въ соку, хотя сѣдина и продолжаетъ свои завоеванія въ бородѣ и на вискахъ.

Пора бы возвратиться домой, но ни его, ни Зосю не тянетъ въ Россію. Зося окружена съ утра до вечера. Ее называютъ la blonde Polonaise. Ей присылаютъ приглашенія на всѣ пикники, bals champêtres и концерты, потому что дамы хотя и зеленѣютъ отъ зависти при видѣ ея туалетовъ, но сознаютъ, что безъ нея нечего разсчитывать ни

на одного изъ интересныхъ кавалеровъ шумнаго международнаго общества. Въ аппартаментахъ бельэтажа, гдѣ остановились Колычевы, даются реваншемъ изысканные lunch'и и обѣды, а потому хозяевамъ нѣтъ ни времени, ни возможности думать о деревенской глуши.

Но дочки Зося не забросила. Каждое утро, какъ бы поздно ни возвратилась она наканунѣ, она нарочно встаетъ пораньше, чтобы погулять и посидѣть на музыкѣ съ нею. Марши и вальсы, которые играютъ для развлеченія пьющихъ воду, доставляютъ дѣвочкѣ громадное удовольствіе, и она въ тактъ подпрыгиваетъ на рукахъ матери и Прасковьи.

Съ мужемъ Зося видится мало. Онъ спитъ до 11 ч. утра, а потомъ сразу послѣ завтрака идетъ вонъ въ то зданіе направо, гдѣ въ высокой прохладной залѣ стоятъ два огромныхъ стола съ приподнятыми сѣдалищами, откуда раздаются автоматическіе возгласы безукоризненно одѣтыхъ крупье:

— Messieurs, faites votre jeu!—и публика протягиваетъ золотыя монеты и шуршащія банковыя бумажки.

— Le jeu est fait!—Шипя и колотясь о высокіе борта деревянной тарелки, скачетъ бѣлый шарикъ...

— Rien ne va plus.

— Trente deux, rouge, pair et passe!—произноситъ автоматъ.

Выигравшіе тянутся къ ставкамъ, а остальное мягко загребаетъ длинная грабелька и сваливаетъ въ ящикъ сидящаго на тронѣ главнаго крупье.

И снова звучитъ голосъ:

— Messieurs, faites votre jeu...

Толпятся американцы, нѣмцы, французы, англичане, но больше всего русскихъ. Нарядныя барыни протискиваются сквозь толпу. Имъ даютъ дорогу, оглядываютъ ихъ тысячные туалеты, но пощады имъ нѣтъ. Поставь, а возьмешь, или проиграешь—твое дѣло, расплачивайся сама. И никто не жалѣетъ проигравшей. Кому какое дѣло, чѣмъ пополнится проигрышъ: сережками ли, подаренными къ свадьбѣ, или добрымъ именемъ мужа? Здѣсь въ этой залѣ теряется самое представленіе о томъ, что хорошо, что грѣшно, и

царитъ одна безраздѣльная жажда, одна мечта—выиграть поскорѣе и побольше.

Зосѣ противна эта толпа. Она попробовала играть, но ей не повезло и, проигравъ деньги, данныя ей мужемъ на бурнусъ, она закаялась ходить въ казино. Бурнусъ былъ тогда все-таки купленъ, но теперь Ивъ становится съ каждымъ днемъ раздражительнѣе и скупѣе, и ей приходится все чаще отказываться отъ многихъ желаній, а Жюли изощряется въ искусствѣ передѣлокъ старыхъ фасоновъ на новые...

... Іюльское утро. На широкой эспланадѣ играетъ оркестръ. Капельмейстеръ усердно машетъ бѣлой палочкой въ обтянутой бѣлой перчаткой рукѣ, и въ тактъ качается на стулѣ кормилица въ русскомъ кокошникѣ и опушенномъ лебяжьимъ пухомъ шугаѣ. Толстая дѣвочка на рукахъ у нея слѣдитъ внимательно за движеніями музыкантовъ. Публика съ улыбкой оглядывается на диковинный нарядъ кормилицы и на красавицу-мать, сидящую рядомъ. Музыка кончилась. Мамка и Зося выходятъ изъ рядовъ.

— Oh! this dear little baby!—восклицаютъ зубастыя длинныя англичанки въ вѣчныхъ ватерпруфахъ...

Пора бы домой, но въ паркѣ такъ хорошо, такъ душисто и прохладно, что Зося говоритъ Прасковьѣ: „Пойдемъ, еще погуляемъ“, и онѣ идутъ въ глубь, подальше отъ эспланады.

Кругомъ ни души. Цвѣтутъ липы. Жужжатъ пчелы...

Солнце бросаетъ золотыя круглыя пятна на песокъ дорожки, и Зосѣ кажется, она снова идетъ въ Колычевѣ съ письмомъ отъ Олеси въ рукахъ, мечтать на любимой скамьѣ о сказочно прекрасной виллѣ и о любви Стася...

Слѣва въ аллею свернуло столь обычное въ курортѣ кресло съ больнымъ. Фигура въ длинномъ черномъ сюртукѣ, катящая его, показалась Зосѣ странно знакомой, и она шла на нѣкоторомъ разстояніи сзади, ломая себѣ голову, кто бы это могъ быть. Слуга наконецъ обернулся... Это Левчукъ, дядька Стася... Зося помнила его еще съ Заполья съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ.

— Иди теперь домой!—говоритъ она Прасковьѣ, а сама прибавляетъ шагу и догоняетъ скорбный экипажъ. Сомнѣ-

ній нѣтъ. Это Левчукъ, а этотъ блѣдный человѣкъ въ креслѣ... „Стась!“—вырывается у нея... вырывается страстно, неудержимо, и Левчукъ останавливается.

Въ зеленой аллеѣ нарядная женщина стоитъ на колѣняхъ и, припавъ къ блѣднымъ, слабымъ рукамъ, лежащимъ безпомощно на одѣялѣ, цѣлуетъ ихъ, какъ безумная... Все, все забыто,—и мужъ, и дочь, и угрозы отца. Существуетъ одинъ человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ — герой ея дѣвичьихъ грезъ, герой-защитникъ дорогой отчизны, потому что другой причины его болѣзни быть не можетъ: онъ жертва звѣрей, зовомыхъ москалями. И Зося лобызаетъ эти блѣдныя руки, какъ руки святого мученика. Оба года со времени ихъ разлуки уже стерлись въ ея памяти. Они уже кажутся въ ея фантазіи годами неволи и заточенія въ ненавистномъ москальскомъ гнѣздѣ, а она себѣ тоже мученицей, жертвой чужого деспотизма и своей неопытности, изъ-за которыхъ она сгоряча сгубила лучшую пору жизни. Передъ отчизной она чиста. Она знаетъ,—отецъ не скупится на пожертвованія. Онъ самъ еще недавно писалъ ей сюда, чтобы она не посѣтовала впослѣдствіи на его настоящую щедрость въ святомъ дѣлѣ. Вотъ почему, вѣроятно, и мужъ такъ скупится... Пускай! За эти матерьяльныя лишенія судьба посылаетъ ей награду. Она привела ее невѣдомыми путями именно сюда и уготовала такую встрѣчу съ возлюбленнымъ, чтобы разсѣять послѣднія колебанія и укоры совѣсти...

Все это вихремъ крутится въ золотистой головкѣ нарядной куколки, пока Стась, приподнявъ слабой рукою ея подбородокъ, заглядываетъ въ налитые слезами синіе глаза. Левчукъ благоговѣйно сложилъ руки и твердитъ: „Панна Зося! Панна Зося!“

— Зося,—повторяетъ Стась,—какими судьбами?...

— Да, да! Это самъ панъ Бугъ привелъ меня сюда... Его Матерь направила сюда стопы мои, чтобы мы встрѣтились! О, если бы зналъ ты, какъ я тосковала по тебѣ, какъ молилась денно и нощно о твоемъ спасеніи! Меня заставляли забывать тебя, и я старалась побороть мое чувство и была примѣрной женою и матерью, но въ душѣ, о! какъ страдала и мучилась я по тебѣ! И Богъ видѣлъ и вознаградилъ меня!...

— А я здѣсь съ мамой,—отвѣчаетъ Стась.—Мнѣ теперь совсѣмъ хорошо, но вотъ онъ увѣряетъ, что я чуть не умеръ?

— Гдѣ же ты былъ раненъ? Когда?... куда?...

Левчукъ поправилъ одѣяло и отвѣтилъ: Подъ Тепиловымъ на Кобылянкѣ. Или панна Зося (онъ не можетъ себя заставить назвать ее пани) не читала объ этомъ?—Изъ кармана преданный слуга достаетъ помятый газетный листокъ.— Пусть панна возьметъ съ собою и прочитаетъ на досугѣ... А вотъ и пани графиня.

Старуха Запольская шла навстрѣчу. Ея глаза не могутъ еще различить чертъ женщины около кресла ея сына. Почему-то ей кажется, что это Олеся, которую она ждетъ съ часу на часъ изъ Варшавы. Узнавъ Зосю, старуха сильно обрадовалась и первымъ дѣломъ спросила:

— Кто же боленъ у тебя? Ради кого ты тутъ?

— Ради мужа...

И страннымъ вдругъ показалось Зосѣ это слово, и ея губы, произнося его, дрожали отъ негодованія...

Иванъ Николаевичъ принялъ извѣстіе о встрѣчѣ съ Запольскими довольно равнодушно. Хотя по наружности его отношенія къ женѣ и были весьма ровныя, но въ душѣ у него царила сильная тревога. Изъ Колычева получались плохія вѣсти. Хозяйство шло весьма неважно, и надежды, возлагавшіяся Романомъ на паровую молотилку и мельницу, не оправдались. Въ чертежахъ вышла ошибка, и присланныя части механизма не подходили другъ къ другу. На исправленіе этого недоразумѣнія требовался по крайней мѣрѣ трехмѣсячный срокъ, считая съ пересылкой и доставкой, и потому Романъ опасался, что придется нанимать еще рабочихъ, а ихъ доставать было крайне затруднительно, да и денегъ требовалось не мало.

Этотъ недохватъ въ деньгахъ испытывалъ и самъ Колычевъ теперь за границей. А начался онъ съ того утра, какъ онъ случайно зашелъ въ игорную залу. Не для игры, а просто посмотрѣть.

Играть онъ давно закаялся, памятуя, какъ проигралъ

однажды здѣсь же въ рулетку много лѣтъ назадъ послѣднія двадцать тысячъ изъ приданаго покойной жены.

Шарикъ прыгалъ въ вертящейся тарелкѣ. „Тринадцать!" подумалъ Колычевъ.

И крупье ужъ провозглашалъ: „Treize, rouge, impair"!

Снова завертѣлась тарелка. „Vingt sept!" прошепталъ Иванъ Николаевичъ. Дама въ черномъ покосилась на него и передвинула свой золотой съ сосѣдняго нумера на клѣтку 27-ю. „Vingt sept, noir, impair!" раздалось съ сѣдалища.

Иванъ Николаевичъ поставилъ самъ пять талеровъ еще разъ на тотъ же нумеръ, и нумеръ снова вышелъ. Дама въ черномъ подвинулась и дала Колычеву мѣсто. Онъ пробормоталъ „merci bien!" и сталъ играть. Его сосѣдка педантично слѣдовала его примѣру и повторяла его ставки. Когда передъ нимъ очутилась уже не только кучка золота, но зашуршали и банковыя бумажки, онъ всталъ и пересчиталъ деньги. Было—13,825 талеровъ. Онъ спряталъ ихъ въ боковой карманъ, вышелъ и закурилъ папиросу.

По дорогѣ попалась дѣвочка съ букетами алыхъ розъ. Иванъ Николаевичъ сунулъ ей не глядя монету и взялъ букетъ. Обернувъ ножку однимъ изъ выигранныхъ билетовъ, онъ вручилъ его дома женѣ.

— Вотъ тебѣ.

Зося милостиво приняла цвѣты, развернула стебли и, не разглядѣвъ бумаги, служившей имъ портбукетомъ, собиралась выкинуть ее въ окно.

— Стой! стой!.. Развѣ можно такъ швырять деньгами?

Зося вспыхнула. Деньги бывали ей вѣчно нужны, а Иванъ Николаевичъ все чаще просилъ ее быть поэкономнѣе. Въ данную минуту она рѣшительно не понимала, за что упрекаетъ ее мужъ, и, сморщивъ по осиному носикъ и приподнявъ брови, презрительно спросила:

— Тебѣ, кажется, каждаго клочка грязной бумаги становится жаль... Ты дѣлаешься настоящимъ Гарпагономъ со мною.

Но онъ расправилъ смятую ассигнацію и поднесъ къ ея глазамъ...

— Тысяча талеровъ!.. Ахъ, какъ кстати!—И она крѣпко

поцѣловала мужа.—Вотъ merci! Сейчасъ обрадую Жюли и пойду купить ту мантилью, которая меня давно соблазняетъ...

Она одѣлась и упорхнула, и вечеромъ щеголяла уже въ обновкѣ на эспланадѣ... Но это было давно, еще двѣ недѣли назадъ, а теперь...

Онъ вернулся къ игорному столу въ тотъ же день, и черная дама опять ставила свой золотой, куда двигалъ свою ставку Колычевъ. И ему везло вначалѣ. Нужно было тогда же остановиться, но онъ не могъ и проигрывалъ теперь систематично... его сосѣдка исчезла. Но онъ продолжалъ играть, и крупье знали его и берегли ему мѣсто, потому что рулетка высасывала изъ него уже вторую сотню тысячъ русскихъ рублей.

XXXVI.

Подъ сѣдой ракитой,
Въ темный илъ зарытый,
Черный и разбитый,
Дремлетъ старый челнъ,
А давно ль съ тобою
Ночью голубою
Тѣшились борьбою
Мы съ рядами волнъ?
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Послѣ встрѣчи со Стасемъ и графиней Зося забросила всѣ свои знакомства. Напрасно присылали ей приглашенія, напрасно модныя курортныя львицы заѣзжали съ визитами къ ней въ отель,—ея никогда не было дома. Она все время проводила у Запольскихъ. Уже на эспланадѣ и въ кафе начинали ходить легендарныя сплетни насчетъ ея отношеній къ красавцу раненому графу, но ихъ ушей онѣ достичь не могли. Польскій кружокъ держался особнякомъ.

Стась быстро поправлялся, хотя состояніе его духа, какъ и всѣхъ его близкихъ, было крайне подавленное. Олеся наконецъ пріѣхала, но безъ мужа. Онъ остался въ Филиппишкахъ утѣшать своихъ стариковъ родителей, потерявшихъ голову со времени бѣгства Элизы. Олеся была въ глубокомъ траурѣ. И трауръ царилъ и въ ея душѣ. Наступало разо-

чарованіе. Слагалось убѣжденіе, что дѣло снова проиграно, что не ихъ слабыя силы вернутъ униженной родинѣ былое славное мѣсто въ ряду самоуправляющихся державъ.

Не взвился бѣлый орелъ надъ Варшавой, не парилъ побѣдоносно на синемъ небѣ надъ родной равниной и не загоралась за верхушками зубчатыхъ лѣсовъ багряная царственная заря свободы... Аисты на крышахъ не щелкали красными клювами веселыхъ рѣчей своимъ птенцамъ о свергнутомъ Польшею ненавистномъ ярмѣ... Со дна болотъ, со дна застоявшихся водъ поднималась тина и мутила свѣтлую пелену, и вредныя испаренія сгущались въ черныя тучи. Бѣду несли онѣ съ собою, и бѣлый орелъ печально прятался за ними, аисты, грустно стоя на гнѣздахъ, глядѣли съ высоты на метущихся безъ толку, не понимающихъ другъ друга людей одного языка и одной вѣры, въ средѣ которыхъ началась междуусобная распря, полная ужаса и грязи, за власть, за торжество личнаго самолюбія и мелкихъ интересовъ, до наживы включительно. И въ этой борьбѣ ничтожествъ, облекавшихся въ тоги диктаторовъ и воеводъ, тонули благородные порывы, и великое патріотическое дѣло становилось глупымъ дѣтскимъ бунтомъ изъ за отнятой блестящей побрякушки. Въ разгоравшейся сварѣ будничные люди воровали другъ у друга печати народнаго представительства, сфабрикованныя такимъ же бунтаремъ-рѣзчикомъ, и прикладывали ихъ къ ложнымъ документамъ, которымъ никто не вѣрилъ, и къ фальшивымъ циркулярамъ, которыхъ никто не читалъ. Дозорцы караулили намѣченныя жертвы, и штилетники, вооруженные отравленными кинжалами, бросались изъ-за угла на враговъ и своихъ, заклейменныхъ подозрѣніями въ излишнемъ честолюбіи, а между тѣми, кто призывалъ на поле брани, не было согласія. Какъ мелкія банды, которыя, врасплохъ бросились на русскихъ въ ночь съ 10 на 11-е января и потомъ блуждали въ лѣсахъ, не зная ни пути, ни цѣли, такъ и весь польскій народъ бродилъ и метался, не сознавая ясно, зачѣмъ и для чего.

Въ иностранной прессѣ вмѣсто восхваленій маленькой странѣ, смѣло кинувшейся якобы спасать свою самостоятель-

ность, начали появляться порицанія. Терроръ, который все чаще и чаще проявлялся въ рядахъ повстанцевъ, возбуждалъ тревогу и негодованіе. Герои стали именоваться мятежниками и мученики—бунтовщиками. И тѣ же три державы, которыя въ апрѣлѣ прислали намъ вызывающую ноту съ шестью знаменитыми пунктами, въ августѣ уже забили отбой и стали отдавать должное долготерпимости Россіи...

Старуха Запольская, склоняясь сѣдою головой на свой бархатный молитвенникъ, молила Бога просвѣтить заблудшихъ людей на родной Вислѣ.

— Я это знала,—говорила она своимъ дѣтямъ,—и я васъ остерегала.

Стась горько улыбался и отвѣчалъ:

— Да! не стоило... Эта сволочь недостойна имени поляковъ.

Ему было особенно тяжело на душѣ. Онъ зналъ, — возврата въ родное Заполье быть не могло. Его имѣнье будетъ секвестровано правительствомъ, и онъ ликвидировалъ свои дѣла, пока еще было возможно.

Какъ офицеру, измѣнившему присягѣ, ему въ Россіи угрожало разстрѣляніе, и онъ былъ обреченъ на вѣчное изгнаніе. Но не это одно мучило его. Главное—мысль, что и мать свою онѣ лишилъ крова и тѣхъ удобствъ роскоши, въ которыхъ она жила всю жизнь, грызла его, и въ тысячный разъ спрашивалъ онъ себя: за что и ради чего?..

А мать повторяла:

— Я знала, что ничего не выйдетъ. Неужели могъ ты думать, я изъ эгоизма удерживала Олесю и тебя? Если бы я смѣла надѣяться на успѣхъ, развѣ я не послала бы тебя сама? развѣ не сказала бы: сынъ мой! надѣнь старые доспѣхи прадѣда твоего, иди и одолѣй врага!.. Верни отчизнѣ ея славу, ея исконныя права и земли!.. Развѣ я не принесла бы ради счастья родины въ жертву своей материнской скорби, своей любви, только бы знать Польшу свободной и славной?..

— Мамо, мамо! не терзай меня!

— Нѣтъ, слушай! дай высказаться мнѣ. Ты ушелъ и не сказалъ—куда. Я думала, тебя призываютъ въ полкъ, чтобы

усмирять мятежниковъ, а ты шелъ въ ихъ ряды. Зачѣмъ же не былъ ты откровененъ со мною?

— Я не смѣлъ. Мы всѣ давали клятву держать въ тайнѣ и не говорить ни женѣ, ни матери, куда идемъ. О, мамо! неужели ты не понимаешь, какъ самъ я кляну себя при мысли, что разорилъ тебя!

— Дѣло не въ разореніи, не въ потерѣ имущества; пойми и ты меня, что не корысть говоритъ во мнѣ. Но мысль, что наше старое Заполье перейдетъ къ новымъ и чуждымъ людямъ, что въ родовомъ гнѣздѣ поселятся пришлецы, что у нашей древней каплицы зарастутъ травою старыя плиты надъ могилами столькихъ поколѣній, и святотатныя руки растащутъ ихъ на фундаменты хлѣвовъ и амбаровъ, а вмѣсто бѣлой статуи Мадонны, которую разобьютъ на куски, повѣсятъ свои византійскіе образа,—вотъ отчего обливается кровью душа и хочется плакать и пасть на колѣни, моля: пощадите! пощадите!.. О, молодежь любимая и жестокая! Сколько горя, сколько бѣдъ кругомъ. Несчастна я, но ты вернулся живымъ, ты мнѣ остался... А тѣ, другія матери, матери убитыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти, ссылаемыхъ на вѣчную каторгу и казненныхъ!.. За что? за что?.. Несчастная Ванда Свентицкая, дочь которой сбѣжала:.. Ради чего такой позоръ?.. Пусть бѣснуется уличная лобузерія! Пусть потѣшается чернь и кричитъ и превозноситъ геройство Пустовойтовой, она на то и шла, она того и стоитъ, ея родня потворствовала ей, но Элиза? что сталось съ нею?.. Развѣ и безъ того мало было намъ горя, что вы, наши дѣти, усугубили его и еще разъ выставили напоказъ и обнажили на поруганіе всѣмъ народамъ тѣ язвы польскія, которыя привели насъ къ Тарговицѣ, которыя вычеркнули насъ изъ королевствъ Европы?.. Нѣтъ, пока не образумятся люди, пока не поймутъ, что не въ одномъ оружіи сила, а въ духѣ единенія и покорности избранной власти,—не возстановится Рѣчь Посполитая. Мы, сынку, это поняли... мы жили тихо и каждый работалъ за дѣломъ своимъ, а вамъ не терпѣлось, хотѣлось поскорѣе возстановить то, что утрачено. Но вѣдь не годы нужны для этого, не десятки лѣтъ, а вѣка. Пойми меня!..

— Я понимаю, мамо! — отвѣчалъ сынъ: — и слушай, что скажу тебѣ: если Польшѣ нужны были жертвы, чтобы образумить ее, чтобъ указать ей путь къ преуспѣянію, къ возстановленію былой славы и значенія,—я не жалѣю о томъ, что грозитъ мнѣ. Отсюда, изъ вѣчнаго изгнанія я буду слѣдить за ея успокоеніемъ. Она пойметъ, что не нашими ребячливыми начинаніями можно было добиться всего, о чемъ такъ горячо мечтали мы эти годы. На нашемъ пораженіи, на нашихъ тяжелыхъ примѣрахъ другіе, оставшіеся тамъ на родинѣ, научатся терпѣнію и станутъ стремиться исправить въ себѣ то, что теперь губитъ ихъ и чему мы, поляки, никакъ научиться не хотимъ. Мы всѣ фантазеры и эгоисты, мы не можемъ забыть свое маленькое я, даже тогда, когда дѣло идетъ о великомъ...

Кружокъ Запольскихъ, какъ и два года назадъ въ Веве, понемногу расширялся. Но въ немъ не было веселья, не царили шутки, не возвышались голоса. Къ нему примыкали тѣ польскіе эмигранты, которые, подобно хозяевамъ, обманулись въ ожиданіяхъ. Здѣсь обсуждались всѣ новости, приходившія изъ Варшавы, но даже побѣды въ стычкахъ съ правительственными войсками не вносили надежды. Тамъ понимали, что не хватало главнаго — вождей наверху, дисциплины внизу. А диктатуры Берга въ Варшавѣ и Муравьева въ Вильнѣ сопровождались такими сжимающими душу подробностями, что охота смѣяться и шутить, казалось, пропала навѣки.

Нивисскій отсутствовалъ. Онъ съ бандой Мѣрославскаго вошелъ въ предѣлы Россіи и жилъ подъ вымышленнымъ именемъ въ Варшавѣ въ домѣ графа Замойскаго, но ржондъ отвергъ его услуги, и онъ ругалъ въ письмахъ весь этотъ концертъ надъ концертами и пропадалъ со скуки, не осмѣливаясь задирать публично москалей.

Изъ всѣхъ, кто стоялъ близко къ Запольскимъ, оптимистически была настроена одна Зося да старый Левчукъ.

Въ газетѣ съ отчетомъ о дѣлѣ подъ Тепилами эта стычка на Кобылянкѣ была расписана чуть ли не блестящѣе Мараѳонской битвы и приводились слова Мѣдникова, выразившагося въ своемъ офиціальномъ отчетѣ, что „русскіе въ

Ординатскомъ и Глуховскомъ лѣсу встрѣтили врага достойнаго и способнаго на чудеса храбрости". Зося знала эту статью наизусть, и Стась въ ея глазахъ выросъ во всесвѣтно прославленнаго героя, въ польскаго Гарибальди, а Левчукъ мечталъ по выздоровленіи пана графа о должности фельдмаршала для него.

Первые шаги Стася съ помощью одной лишь палки повергли обоихъ въ молитвенный восторгъ. Зося не могла оторвать глазъ отъ его фигуры, отъ его красиваго лица. Его черты одухотворились. Физическія невзгоды разбудили дремавшій духъ, и молчаливый, сдержанный, еще недавно столь безсодержательный человѣкъ высказывалъ теперь твердое мнѣніе и говорилъ краснорѣчивыми оборотами. Какъ часто бываетъ, онъ словно хотѣлъ нагнать упущенные годы, и рѣчь его порой лилась неудержимо.

Зося заслушивалась его и думала: „Тихая вода зачала рвать берега... Что будетъ, когда онъ окончательно окрѣпнетъ?"

XXXVII.

И грѣхъ все ближе ползетъ ліаной.
Гдѣ ложь? гдѣ правда? Зажглась мечта.
Лобзанья чьи-то съ отравой пьяной
Впиваютъ жадно мои уста...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Былъ снова конецъ августа. Снова срѣзали золотыя грозди въ виноградникахъ, и Стась началъ свой траубенкуръ.

Съ утра, забравъ корзиночку съ назначенной докторомъ порціей тонкокожаго и душистаго винограда, онъ уходилъ на прогулку. Левчукъ былъ отставленъ отъ должности катальщика. Молодой человѣкъ радовался возстановленію самостоятельности въ своихъ передвиженіяхъ. Зося выходила ему навстрѣчу съ Прасковьей и дѣвочкой. Завидѣвъ издали его знакомый и дорогой обликъ въ концѣ желтѣющей уже слегка аллеи, она прибавляла шагу, и они гуляли вмѣстѣ. Лизочка очень полюбила Стася, который оказывался пре-

красной нянькой. Онъ самъ ласкалъ и бралъ ее на руки. То высоко подбрасывая ее кверху, то спуская почти до земли, онъ весело напѣвалъ:

Тоси, Тоси! видвидлони!
Росту ябки на яблони.
Ябки вельки, ябки малы,
А въ Кіевѣ хлопцы стары,
А мы таки младюсеньки,
Якъ яблоньки сладюсеньки...

И Лизочка хохотала и била въ ладоши и просила:

— Ябки, ябки! дядя, ябки!..

Рѣдкіе незнакомые прохожіе любовались ихъ группой и принимали за счастливыхъ родителей. А Иванъ Николаевичъ тѣмъ временемъ отсыпался тяжелымъ сномъ послѣ безсонно проведенной ночи и возбужденія въ игорномъ залѣ.

Женщина въ черномъ снова появилась. Онъ не зналъ ни ея имени, ни національности, но если она отсутствовала, ему было не по себѣ. Между ними существовалъ безмолвный контактъ, и они вели общую игру. Но она вдругъ безпричинно, казалось, исчезала, и начинался новый кругъ проигрышей.

Дурное расположеніе духа, вслѣдствіе недовольства собою, все увеличивалось, и онъ часто, сердясь на себя, рѣзко говорилъ съ женою, особенно когда она заводила рѣчь о деньгахъ.

Зося отвѣчала кротко. Ей нравилось считать себя его жертвой и имѣть право жаловаться на него Стасю и Олесѣ, и она плакала охотно даже тогда, когда дѣло вовсе того не стоило.

А отъ пана Романа все чаще получались обезкураживающія письма. Выяснилось окончательно, что не было уже никакой возможности выполнить контракты съ купцами на поставку не только муки, но и зерна, и приходилось платить многотысячную неустойку. Тонъ послѣдняго письма былъ крайне удрученный, но Колычеву казалось, что между строкъ таится еще какая-то другая, не высказанная тревога, и дѣло не только въ этой досадной необходимости платить непривычный штрафъ. Онъ не ошибался. Причина скрытой

тревоги была та вторая партія оружія, заказаннаго Валекомъ, которая уже третью недѣлю лежала сложенная въ бѣлой залѣ съ каріатидами. Сарай около новой мельницы оказался не подходящимъ мѣстомъ для патроновъ и пороха. Рабочіе то и дѣло крутили цигарки изъ газетъ, а нѣмецъ Карновичъ, перекочевавшій съ лѣсопилки, не выпускалъ изо рту своей носогрѣйки. Огонь могли заронить ежесекундно, и всѣмъ грозило взлетѣть на воздухъ. Поэтому временно панъ Романъ разрѣшилъ сложить ящики въ виллѣ.

Когда подкатила къ крыльцу тяжелая подвода съ уложенными въ длинные ящики ружьями, а въ короткіе—патронами и порохомъ, Романъ хвастливо цокнулъ:

— Цо-то! новая посуда и статуи изъ-за границы! Все моей цуркѣ подарки отъ мужа! Осторожнѣе, медвѣди! не разбейте!..

— Вишь ты! что за тяжесть!—ворчали мужики и пыхтѣли, стуча подкованными сапогами по штучному паркету.

Бѣлыя каріатиды съ удивленіемъ глядѣли на пыльныя укладки, скрывшія отъ нихъ знакомый узоръ лощенаго пола, а онъ по ночамъ зловѣще щелкалъ, точно негодуя на ихъ неряшливый видъ.

Но наединѣ съ Валекомъ панъ Романъ не цокалъ хвастливо.

— Чортъ бы побралъ вашу затѣю! — говорилъ онъ Домбровскому. — И откуда вы умудрились раздобыть опять эту уйму фузей? Все равно для славы ойчизны это капля въ морѣ! Довольно было и перваго транспорта!..

Валекъ въ отвѣтъ крутилъ усы.

— Отъ воеводы Жвирдовскаго за тотъ я благодарность получилъ. Ржондъ нашу заслугу отмѣтилъ. Мнѣ пишетъ Яновскій, что мы первые откликнулись на воззваніе Владислава Замойскаго. Вѣдь Цвѣрчакевичъ сидитъ въ Парижѣ и дѣйствуетъ, какъ улитка. Когда еще прибудутъ его запасы!

— Хорошъ толкъ въ нашихъ, которые валяются въ Колычевѣ! Нѣтъ, какъ панъ хочетъ, а пусть уберетъ свои укладки поскорѣе.

— По совѣсти самъ радъ буду, когда сбуду ихъ съ рукъ.

но какъ? Цѣпь моя разорвалася. Панъ самъ знаетъ, сколько теперь трусовъ развелось, какъ до дѣла дошло. На словахъ всѣ храбрые были, а теперь одинъ за другимъ отказываются. Я голову себѣ сломалъ, черезъ кого доставить ихъ хоть бы до Могилева. Эхъ жаль, что здѣсь пантофлевой почты нѣтъ, — жиды бы мигомъ дѣло сварганили!

Панъ Романъ задумался. Пантофлева почта? Ему вспомнился жидъ Брендель. Но какъ раздобыть его? Онъ написалъ Элизѣ и паннѣ Килинской, разсчитывая, что если не до одной, то до другой его письмо дойдетъ.

Время шло. Брендель не являлся...

Для безопасности Юшкевичъ выселилъ людей изъ подвальнаго этажа виллы и перевелъ въ людскія на старый дворъ. Домъ былъ запертъ; наглухо заколочены всѣ окна, даже въ подвалахъ, и ключъ лежалъ въ ящикѣ въ конторѣ. Но внутренняя тревога не давала старому поляку покоя. Среди ночи поднимался онъ и шелъ смотрѣть, не загорѣлось ли гдѣ. Его бѣлый холщевый балахонъ мелькалъ сквозь чащу кустовъ и шпалеръ во французскомъ саду. Ночныя парочки батраковъ съ молочными дѣвками, прятавшіяся тамъ отъ зоркихъ очей Прохора и Фроськи, обмирали со страха, видя бѣлую фигуру, но никто не догадывался, кто это, и въ усадьбѣ стали ходить слухи, что Арсеній Михайловичъ встаетъ изъ могилы и караулитъ свои сокровища. Полякъ, молъ, запретилъ Евграфу убирать покои, и вотъ старый баринъ самъ снимаетъ паутину и мететъ полы... Вспомнили кстати и исчезнувшій портретъ, и бѣлая вилла пріобрѣла снова такую славу, что и днемъ къ ней подходили, лишь творя крестное знаменіе. Двое смѣльчаковъ запрятались, было, для провѣрки слуховъ въ кусты, но едва увидѣли балахонъ Романа, бросились со всѣхъ ногъ на старый дворъ и до утра выстукивали зубами: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его...“

Эта постоянная тревога заставляла Романа дѣлать и не такія глупости. Тайкомъ отъ зятя, пользуясь его довѣренностью, онъ перезаложилъ Горки подъ вторую закладную и даже заложилъ въ тѣ же частныя руки часть Колычева. Полученныя деньги пошли на уплату процентовъ Александрѣ

Николаевнѣ, на мелкіе долги и разсчеты за лѣтніе мѣсяцы съ батраками. А между тѣмъ Иванъ Николаевичъ тоже требовалъ поминутно, то пять, то двѣнадцать, то четыре тысячи и въ послѣднемъ письмѣ снова каялся, что проигралъ всѣ посланныя недѣлю назадъ восемь тысячъ, которыми Романъ разсчитывалъ удовлетворить его хоть на одинъ мѣсяцъ.

О возвращеніи въ Колычево не было и рѣчи.

. . . .

Стась выздоравливалъ. Молодой организмъ бралъ свое, и жизненные соки бродили съ новой силой. Присутствіе Зоси, полной обаятельной женственности, зажигало кровь, и взоры молодого человѣка загорались все ярче. Нужна была громадная сила воли, чтобы сдерживать эти порывы, но катастрофа была неминуема, и ежечасное общеніе молодыхъ людей могло привести только къ одному естественному концу—къ паденію женщины, до сихъ поръ считавшей себя непорочной и непоколебимой въ супружеской вѣрности...

Неизбѣжное совершилось...

Проснувшись въ супружеской спальнѣ на другое утро послѣ первой своей измѣны, молодая женщина съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ разглядывала лежавшаго около нея мужа. Иванъ Николаевичъ спалъ свинцовымъ сномъ. Его вѣки были плотно опущены, и черныя, густыя брови надъ ними срастались на переносицѣ. Онъ былъ теперь, какъ двѣ капли воды, похожъ на Арсенія Михайловича въ гробу.

Зося смотрѣла на это знакомое лицо и спрашивала себя:

Какъ могла она принадлежать ему? Какъ будетъ это продолжаться? Хватитъ ли у нея духу глядѣть ему въ глаза послѣ совершившагося и неизгладимаго? Вѣдь то, что случилось вчера,—позоръ для женщины. Вѣдь за это отецъ обѣщалъ убить ее, какъ собаку, даже если мужъ пощадитъ. Но почему же она на себѣ позора не чувствуетъ? И кто это выдумалъ такое слово: позоръ... Позоръ—ея счастье, тѣ сладкія мгновенія?.. А вся ея трехлѣтняя жизнь бокъ о бокъ съ этимъ чужимъ по вѣрѣ, по духу мужчиной не по-

зоръ, не худшее прелюбодѣяніе, чѣмъ ласки дѣйствительно любимаго человѣка, ея единоплеменника и единовѣрца?.. Почему?..

Это все лишь бабьи толки, отжившіе предразсудки. Законъ нравственности и критерій добра и зла заложенъ природою въ сердцѣ каждаго. Богомъ дана человѣку совѣсть, и если она молчитъ и оправдываетъ, значитъ, и поступокъ въ себѣ ничего дурного не заключаетъ.

Три года она была вѣрна мужу. Она сумѣла убѣдить себя, что онъ дѣйствительно ей близокъ. Она ходила за нимъ во время его болѣзни, она ѣхала туда, куда онъ везъ ее. Она наконецъ была матерью его дочери... Если бы то случилось не вчера, а раньше въ Веве, Зузя могла бы быть дочерью Стася... Она вздохнула. Если женщина можетъ любить такъ дитя не любимаго, а только уважаемаго человѣка, то до какой же теплоты должно дойти материнское чувство, когда отцомъ ребенка является тотъ, о которомъ мечтаешь, какъ о божествѣ?

И, облокотившись на обнаженную бѣлую руку, Зося старалась замѣнить въ своемъ воображеніи это усталое, почти старое лицо, лежавшее на подушкѣ рядомъ, другими юными и безконечно милыми чертами.

Отъ ея пристальнаго взгляда Иванъ Николаевичъ проснулся.

— Что съ тобой? Почему тебѣ не спится?—спросилъ онъ, взглянувъ на часы.

И Зося очень спокойно и естественно отвѣтила:

— Сама не знаю. Вѣрно, съ вечера выспалась.

И, поцѣловавъ мужа въ щеку, прибавила:

— Ты спи, а я встану.

Иванъ Николаевичъ повернулся на другой бокъ и сразу захрапѣлъ, а она такъ же спокойно, какъ всегда, встала, накинула халатъ, потомъ позвонила камеристку и прошла въ уборную совершать свой утренній туалетъ. А тамъ принесли къ ней Лизочку, и она, тоже какъ всегда, поиграла съ дочкой, и день пошелъ своимъ чередомъ, словно ничего вчера не случилось. Но когда черезъ три часа она встрѣтилась въ паркѣ со Стасемъ, ея сердце билось безудержно

бурно и радостно, ея глаза сверкали золотыми огоньками, и все существо трепетало отъ внутренняго страстнаго восторга.

Стась сообщилъ ей, что для свиданій онъ только что нанялъ комнату на краю города, въ тихой, безлюдной улицѣ, сплошь застроенной чистенькими домиками, отдѣленными другъ отъ друга большими тѣнистыми садами. Зося выразила желаніе немедленно осмотрѣть свое новое жилище, гдѣ ждалъ ее земной рай въ объятіяхъ ея возлюбленнаго.

Никогда у красавца графа Станислава Запольскаго не бывало столь пылкой и угодливой коханки...

. . . .

XXXVIII.

Я не знаю, кто такая
И откуда ты,
Но я мну, тебя лаская,
Бѣлые цвѣты.
Сладко ихъ благоуханье,
Сладокъ ропотъ струй...
Что я пью въ твоемъ дыханьѣ—
Смерть ли? поцѣлуй?..
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Письмо Романа не достигло Элизы.

Огромный вѣковой паркъ въ древнихъ Филиппишкахъ спускался террасами къ Нѣману.

Тамъ, гдѣ рѣка круто заворачиваетъ на сѣверъ, на обрывистомъ берегу въ бельведерѣ надъ самой водой сидѣла ежедневно пара стариковъ, сгорбленныхъ и жалкихъ. Это были такъ еще недавно моложавая и цвѣтущая графиня Ванда и жизнерадостный графъ Францишекъ Свентицкіе.

Казимиръ стоялъ, прислонясь къ столбу, испещренному надписями тысячъ посѣтителей, за цѣлый рядъ вѣковъ перебывавшихъ въ этой старой каменной бесѣдкѣ, въ этомъ любимомъ уголкѣ Элизы, куда она, бывало, часами уединялась съ панной Анелей. Братъ смотрѣлъ въ даль, словно вопрошая сизую дымку: гдѣ сестра?..

Никакіе розыски не приводили ни къ какому резуль-

тату—дѣвушка пропала безслѣдно. Указанія Стася о встрѣчѣ съ ней въ еврейскомъ мѣстечкѣ не подтверждались...

Старая дѣва, пропагандистка ученій Конарскаго и Завиши, жила въ Вильнѣ и въ Филиппишки не являлась. Напрасно вызывали ее родители исчезнувшей дѣвушки. Она отмалчивалась, да и что могла бы она отвѣтить?

„Не знаешь ли ты,—спрашивала въ письмахъ дрожащимъ почеркомъ мать,—чего-нибудь? Не говорила ли тебѣ Элиза, куда она собралась, кто увезъ ее, кто былъ ея соблазнителемъ? Скажи ей, что мы съ отцомъ готовы простить ее, готовы безропотно нести позоръ, павшій на наши сѣдыя головы, только бы знать, что она жива. Мы не откажемъ ей въ своемъ согласіи ни на какой бракъ, даже если избранникъ ея окажется простолюдиномъ—хлопомъ, только бы она дала вѣсточку о себѣ... Посылаемъ пришедшее на твое имя письмо и умоляемъ: сжалься, отвѣть! укажи намъ, гдѣ искать наше несчастное, заблудшее дитя“...

Но панна Килинская молчала. Какъ могла она отвѣтить и указать, гдѣ искать Элизу? и былъ ли на свѣтѣ хоть кто-нибудь вообще, кто могъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ?

Одинъ Нѣманъ зналъ. Одинъ, принимавшій въ свое голубое лоно десятки рѣкъ и тысячи ручейковъ, онъ могъ отвѣтить сѣдовласой родительской скорбной четѣ:

„Не сидите и не ждите ея! Она не вернется. Ни вы оба, ни братъ ея съ женою, ея подругою, ни этотъ древній замокъ и паркъ не увидите ее!..

„Далеко, далеко отсюда принимаю я въ свои воды мелкій безыменный ручеекъ. Онъ беретъ свое начало на зеленой полянѣ съ зыбкою почвой, со свѣтлыми глубокими оконцами, въ которыя глядится высокое небо.

„Въ третьемъ изъ нихъ, считая съ востока отъ опушки зубчатаго лѣса, на илистомъ днѣ лежитъ тѣло женщины въ сѣрой чамаркѣ, опушенной черными смушками.

„Она летѣла стрѣлою на своемъ гнѣдомъ скакунѣ къ пану Ойржановскому со срочнымъ приказомъ. Но тучи заволокли небо, скрыли ясный мѣсяцъ, и звѣзды померкли,—и скакунъ сбросилъ лихую наѣздницу, запнувшись о корень.

„И лежала она до утра безъ памяти, а на утро нашли ее недобрые люди...

„Шли пьяные хлопцы съ косами на плечахъ, со хмелемъ въ буйныхъ головахъ, нашли въ кустахъ блѣдную дѣвицу— нашли, и обезчестили, и сгубили.

„Пришла въ себя, очнулась дѣвица и не перенесла позора... Недаромъ была вашей дочерью...

„Не стерпѣло гордое сердце обиды отъ братьевъ, за которыхъ билось съ такою любовью, не стерпѣло и сокрушилось, и застыло на днѣ чернаго омута, гдѣ подземныя воды баюкаютъ его:

„Спи, непокорное! Спи, скорбное! Не узнаетъ никто, какъ рушились твои надежды, какъ погасли пламенныя яркія мечты о равенствѣ и братствѣ“...

. . . .

Журчитъ старый Нѣманъ... Поютъ свѣтлыя струйки, и слушаютъ говоръ ихъ два сѣдыхъ человѣка и одинъ молодой, слушаютъ и не понимаютъ, и глядятъ въ туманную даль и спрашиваютъ ее глазами: гдѣ дочь? гдѣ сестра? гдѣ румяная, веселая забавница Элиза?..

. . . .

Панна Анеля тоже не разумѣла языка струекъ и не могла дать отвѣта пани Вандѣ, но пану Роману она отвѣтила и Бренделя разыскала...

Узнавъ, куда его посылаетъ ясновельможная панна Килинская, жидъ воздѣлъ руки къ небу и потомъ, присѣвъ на корточки, возопилъ:

— И если бы панна насыпала мнѣ такую кучу червонцевъ, что я могъ бы захлебнуться ими по самое горло,—я не пойду! Ой вай! У меня и посейчасъ болитъ шея, когда я только въ мысляхъ помяну имя Юшкевича...

Но панна Анеля недаромъ носила имя Килинской и дружила съ Конарскимъ. Она обладала настоящимъ ораторскимъ талантомъ. Ея пропаганда совращала самую умѣренную молодежь въ ряды повстанцевъ. Она знала отъ достовѣрныхъ людей, что нужда въ оружіи была въ этихъ рядахъ вопіющая, и каждое лишнее ружье, каждая щепотка пороха были цѣннымъ приношеніемъ на дорогой ея пылкому сердцу алтарь отчизны. И она заговорила...

Рѣчь ея лилась 10 минутъ,—но Брендель упорно твердилъ:

— Ой вай миръ! я не пойду, ясновельможная панна!

Она говорила 15 минутъ, — онъ качалъ рыжей головой на тонкой костлявой шеѣ и отвѣчалъ:

— Я не пойду!..

Она говорила полчаса,—и онъ думалъ:

„Славу Богу! она наконецъ кончила, и я могу теперь уйти“...

Но панна Килинская, оборвавъ рѣчь на полусловѣ, подошла къ старинному комоду щелкнула ключомъ и расправила на покрывавшей его вязанной бѣлой салфеткѣ передъ самыми глазами Бренделя радужную бумажку съ портретомъ великой русской государыни, которую уважаетъ пуще изображенія родной матери всякій честный еврей.

Она, мало того, пообѣщала, что отъ каждаго изъ пановъ, къ которымъ пойдетъ Брендель, онъ получитъ по такому же портрету, и прибавила:

— Вотъ те свентый кшижъ. Не стану же я по пустякамъ креститься передъ жидомъ?..

И онъ повѣрилъ и бережно у самаго сердца спряталъ царицынъ портретъ.

Черезъ десять дней Шлемъ Брендель уже шагалъ, какъ журавль, на своихъ худыхъ, но мускулистыхъ гачахъ, съ коробомъ черезъ плечо по направленію той губерніи, гдѣ спало теперь тревожнымъ, полнымъ злыхъ предчувствій сномъ старое Колычево, чуя его приближеніе.

XXXIX.

Слезы осеннія, позднія слезы
Падаютъ въ землю тяжелѣй свинца.
Съ черныхъ вѣтвей оголенной березы
Капля за каплей бѣжитъ безъ конца...
Свѣтлою радугой въ нихъ не играетъ
Теплый привѣтливый солнечный лучъ...
Темное небо онѣ отражаютъ
Небо холодное, полное тучъ.
(„Слезы“. М. К.).

M-me Супруненко соскучилась. Бабье лѣто захватило большую часть сентября, но теперь оно уже прошло окончательно, и природа плакала, какъ неутѣшно плачутъ не желающія стариться женщины по своей безвозвратно отлетѣвшей молодости.

Въ Алексѣевкѣ, откуда уѣздный Голіаѳъ правилъ своими филистимлянами, сирѣчь, смиренными обитателями перваго стана обширнаго уѣзда, было скучно и непривѣтно. Да и по пани Юзефѣ—Супруненко не называла ее Юзыней, какъ дворня, она знала немного по-польски и понимала разницу между сокращеннымъ, годнымъ только для дѣвушки и полнымъ, приличествующимъ женщинѣ именемъ, — она сильно соскучилась. А за время, прошедшее съ ихъ послѣдняго свиданія, накопился такой грузъ новостей, что тарантасъ былъ поданъ къ крыльцу и колокольчикъ становой дуги запѣлъ по дорогѣ къ березовой просѣкѣ знакомую, тревожную для мужицкихъ сердецъ пѣсню. Но зеленой эту просѣку въ тотъ поздній сентябрьскій полдень назвать было нельзя. Деревья стояли мрачными стѣнами, изрѣдка махая мокрыми сучьями, а подъ ногами гнѣдого иноходца и подъ колесами тарантаса шуршали печально лежавшіе ковромъ желтые и бурые листья.

На козлахъ сидѣлъ дежурный десятскій Маркеловъ, а рядомъ съ супругой бочкомъ чтобы не раздавить дражайшей половины, самъ. У самого въ боковомъ карманѣ лежало только что полученное секретное предписаніе вновь назначеннаго непосредственнаго начальства, уѣзднаго исправника Василія Ермолаевича Гречковскаго.

Супруненко бѣгло проглядѣлъ документъ, въ которомъ ему предлагалось новымъ начальникомъ усилить надзоръ за проживающими въ станѣ лицами римско-католическаго вѣроисповѣданія, „потому что до слуха моего, — гласила бумага, — дошли свѣдѣнія о сношеніяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ съ подозрительными лицами въ мятежномъ краѣ“.

Никакихъ слуховъ до желавшихъ быть чуткими ушей новаго исправника не доходило, но по свойству, обычному каждой новой метлѣ, отставной гвардіи поручикъ Гречковскій пылалъ рвеніемъ и усердіемъ къ службѣ и находилъ необходимымъ доказать особенную ретивость передъ губернаторомъ, который имѣлъ на занятую имъ вакансію своего кандидата и былъ крайне разочарованъ назначеніемъ его, Гречковскаго, по личному желанію самого министра Зеленаго. Написалъ оно свое секретное предписаніе на ура,

думая, авось оно окажется не лишнимъ и подтвердитъ его администраторскіе скрытые таланты.

Супруненко зналъ въ своемъ станѣ не только каждаго жителя, но „каждую блоху на каждой собакѣ“, какъ выражался Чупровъ въ моменты размолвокъ ихъ супругъ. Лицъ католической вѣры въ станѣ было всего трое: Юшкевичъ съ женою да Валекъ. Ни на одно изъ нихъ никакихъ поминаемыхъ въ секретномъ предписаніи подозрѣній падать не могло, и Супруненко нашелъ эту офиціальную бумагу вздоромъ.

— Ахъ, какая вы любезная, какая вы милая, добрая моя пани Супруненко!—встрѣтила пріятельницу пани Юзыня.— Мы такъ за вами соскучились, такъ давно до васъ съ Романомъ собираемся и все попасть не можемъ!..

И началась бесѣда въ гостиной, потомъ перешла въ столовую съ низкимъ кресломъ у окна и высокимъ самоваромъ на столѣ, и подъ шипѣніе и клокотаніе старой мѣдной посудины зажурчала ручьемъ о всякихъ самоновѣйшихъ уѣздныхъ новостяхъ.

Когда дамы уже перемыли и отскоблили косточки трехъ сосѣдокъ и перешли на четвертую, вошелъ Романъ.

— Что, пане, чего вы тучи мрачнѣе? — вопросилъ Супруненко. — Плохо пишутъ изъ деревни?

— Не изъ деревни, а изъ-за границы! — возразилъ Романъ.

Черезъ окно мелькнула фигура Бренделя.

— Это еще что у васъ за физіогномія? Ни дать, ни взять жидъ Янкель изъ „Тараса Бульбы“, — пробасилъ Голіаѳъ, питавшій большую слабость къ Гоголю за его похвальное знаніе русской провинціи.

— А такъ, факторъ. Образцы предлагалъ.

И рѣчь перешла на другое, на житье-бытье въ деревнѣ, на пребываніе Колычевыхъ за границей и т. д.

Супруненко только вчера прочелъ старый нумеръ „Голоса“, въ который ему случайно обернули въ лавкѣ колбасу и свѣчи, и, рѣшивъ быть по службѣ исполнительнымъ до точности, разсказалъ кстати,— разъ рѣчь зашла о Европѣ,— для провѣрки политическаго барометра Юшкеви-

чей, напечатанный въ фельетонѣ анекдотъ, какъ въ Вѣнѣ русская барышня заспорила съ полякомъ о вѣрѣ пѣвицы Патти. Барышня стояла за ея принадлежность къ іудейскому закону, полякъ увѣрялъ, что она христіанка. Проигравъ пари, барышня заплатила его лотерейнымъ билетомъ, стоившимъ 40 гульденовъ, а полякъ выигралъ на него 40 тысячъ и пожертвовалъ диктатору Лангевичу на ржондъ...

— Сорокъ тысячъ, сорокъ тысячъ! — разохалась пани Юзыня.—Сколько денегъ! Я думаю, они тамъ съ ума сошли отъ радости.

— Удивительная штука!—проворчалъ презрительно панъ Романъ.—Этимъ прорвамъ хоть сорокъ милліоновъ дай, они проглотятъ и не почувствуютъ. Туда же бунтовать полѣзли! Считали бы лучше, сколько куфелей пива въ день каждый изъ нихъ выпиваетъ, а то диктаторами величаются... Эхъ, молодца Дибича нѣтъ! Онъ имъ ужъ прописалъ бы диктаторство...

Панъ Романъ былъ золъ на ржондъ и ругался отъ души.

Супруненко удовлетворился вполнѣ: люди такъ разсуждающіе не могутъ быть опасны.

Гости напились чаю. Пани Юзыня снабдила пріятельницу двумя банками варенья и горшечкомъ маринованныхъ рыжиковъ, а Романъ сунулъ въ тарантасъ бутылку любимой становымъ старой вудки своего приготовленія, и колокольчикъ снова запѣлъ переливчатую пѣсню. Супруненко велѣлъ ѣхать не просѣкой, а въ объѣздъ черезъ село, чтобы лишній разъ напомнить мужикамъ о своей властной длани.

Дороѳей выскочилъ навстрѣчу начальству, а Агаѳонъ спрятался подальше въ клѣть, но начальство милостиво кивнуло старостѣ, и тарантасъ скрылся за косогоромъ.

Версты двѣ отъ Колычева на дорогѣ попался Брендель.

— А чи до Новаго далеко?—спросилъ онъ у Маркелова.

Становой велѣлъ остановиться.

— А чи до кого идешь?—спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— До пана Домбровскаго.

— А чи какое у тебя до пана дѣло?

Шлемка усмѣхнулся.

— Мало ли какія дѣла у честнаго еврея бываютъ,— отвѣчалъ онъ.

— Что?! — заревѣлъ Голіаѳъ. — Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать мнѣ? Ты знаешь, кто я?

— Пане пулковникъ... пане исправникъ... — схитрилъ жидъ.

— Я тебя научу, какой я исправникъ! Отвѣчай, откуда явился.

— Далибугъ, отъ пана Юшкевича.

— Это я и безъ тебя знаю, я тебя въ окно видѣлъ. Говори, откуда ты въ Колычево попалъ?

— Такъ зашелъ, просто зашелъ, съ товаромъ... У меня всякій товаръ есть: ленты, тесемки, пуговки, вѣера, булавки, чулки, зонтики, перчатки, духи, мыло... ахъ, какое мыло! Купите, пане пулковникъ! такого мыла вы никогда еще не нюхали... Розанъ, чистый настоящій розанъ на чистомъ розовомъ экстрактѣ...

Если бы Романъ не упомянулъ про образцы, — „эхъ, жаль, я не спросилъ какіе!“ упрекнулъ себя Супруненко,— если бы жидъ шелъ не отъ него и не къ Валеку, если бы въ правомъ карманѣ не лежало секретное предписаніе о наблюденіи за сношеніями лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія, становой велѣлъ бы показать себѣ это мыло, и оно, купленное или уступленное за лестное для жида знакомство съ особой становаго, очутилось бы въ мыльницѣ съ отбитымъ краемъ на умывальникѣ m-me Супруненко. Но хотя въ тарантасѣ и лежали гостинцы изъ Колычева, они доказательствами подкупности служить не могли, и становой сухо отвѣтилъ:

— Полѣзай на козла. Дома досмотрю, какое это такое розовое мыло, которымъ ты людей морочишь.

Жидъ взмолился.

— Ай вай! и куда же я съ паномъ пулковникомъ поѣду? И мнѣ вовсе не по дорогѣ! И я обѣщалъ быть у пана Домбровскаго!

— Успѣешь! — холодно отвѣчалъ пулковникъ и грозно прибавилъ: — аль оглохъ? Полѣзай на козла!

Жидъ присѣлъ на корточки и собирался закричать: гевалтъ! но властная длань схватила его за шиворотъ и водворила въ тарантасъ вмѣстѣ съ коробомъ. Маркеловъ стегнулъ иноходца, и жидъ, придерживаемый могучею рукою, затрясся ни живъ, ни мертвъ по дорогѣ въ Алексѣевку.

Пріѣхавъ домой, Супруненко велѣлъ Маркелову обыскать Шлемку въ своемъ присутствіи. Открыли коробъ, перерыли и перевернули вверхъ дномъ весь товаръ—ничего подозрительнаго не оказалось. Супруненко самъ вскрывалъ каждый запечатанный кусокъ мыла. Оно пахло, хотя розаномъ ли, разобрать было трудно, но выглядѣло невинно, какъ всякое мыло...

— Раздѣвайся! — приказалъ Голіаѳъ: — а ты смотри въ оба,—велѣлъ онъ десятскому.

Шлемка медленно снялъ свои доспѣхи и, вытрясая самъ каждую составную часть своего облаченія, почтительно твердилъ:

— А видите, пане пулковникъ, ничего нѣту...

Онъ быстро стащилъ чулки и вывернулъ ихъ на лѣвую сторону.

— Вотъ, пане пулковникъ, пусто!..—и поднесъ ихъ начальству къ самому носу. Супруненко даже попятился отъ кислаго запаха.

— Ладно, вижу... Маркеловъ, осмотри одежду... карманы.

Десятскій осмотрѣлъ.

— Все въ порядкѣ, ваше благородіе.

— И въ подкладкѣ ничего нѣтъ?

Десятскій подпоролъ ножичкомъ подкладку и засунулъ туда волосатую руку.

Ничего, вашего благородіе.

Жидъ стоялъ, какъ цапля, на одной ногѣ, поджимая другую отъ холода. „Ишь ты, весь въ веснушкахъ, точно крупой обсыпанъ“, подумалъ становой и скомандовалъ:

— Одѣвайся, а товаръ еще разъ мнѣ покажи, можетъ быть, моя Дарья Петровна что и отберетъ...

Шлемка сталъ радостно облачаться, приговаривая: „Ничего у меня, пане пулковникъ, нѣту. Я честный еврей... я не

контрабандистъ“... — но въ эту минуту изъ подошвы его стоптаннаго башмака выставился уголокъ письма.

Зоркіе глаза десятскаго, быстрѣе рысьихъ, усмотрѣли бѣлый лоскутокъ и, выхвативъ изъ рукъ Шлемки башмакъ, Маркеловъ вытащилъ сложенный вчетверо узкій конвертъ.

— Вотъ, ваше благородіе!

Жидъ затрясся...

— Ваше добродіе, это не мое... Я не знаю откуда оно... Это мнѣ подсунули... Господинъ полковникъ, не читайте... ей-ей! не стоитъ! Это пустяки... Это мнѣ одна паненка молитву написала... на счастье... ваше добродіе!

Но Супруненко уже читалъ письмо.

Это было посланіе панны Анели къ Валеку, благословлявшей его за труды на содѣйствіе народному ржонду. Поминался Юшкевичъ, говорилось о фузеяхъ и порохѣ... Супруненко, якшаясь съ Романомъ и Валекомъ, мараковалъ по-польски, да и латинскій алфавитъ былъ ему памятенъ еще со школьной скамьи...

— Въ холодную!—скомандовалъ онъ.

Маркеловъ далъ жиду напялить лапсердакъ и брюки и потащилъ за шиворотъ. Напрасно упирался Брендель и хватался за притолку... Черезъ пять минутъ онъ уже сидѣлъ въ темной, сырой клѣти и, согнувъ колѣни, каталъ по нимъ рыжую голову, тихо всхлипывая, какъ наказанный ребенокъ.

Становой кликнулъ Маркелова и распоролъ туфли. Тамъ была запрятана цѣлая корреспонденція и двѣ сторублевки. Супруненко сѣлъ за изученіе письма къ Валеку, и зрачки его раскрывались все шире и шире. Гвардіи поручикъ Гречковскій выросталъ въ его глазахъ, а съ нимъ выростала и его собственная карьера: въ туфляхъ Брендель несъ въ мирную русскую губернію цѣлый клубокъ польскаго заговора, но онъ сразу ухватилъ конецъ нити и оказался въ состояніи распутать сложную интригу, по первому намеку начальства.

. . . .

Когда Супруненко свернулъ въ село, въ концѣ колычевской просѣки показался Валекъ на Зефирѣ. Узнавъ отъ

Романа о прибытіи фактора, онъ поспѣшилъ домой по старой дорогѣ и сталъ поджидать Бренделя. Но тщетно ждалъ онъ его до вечера,—жидъ не являлся.

Подали ужинъ. Валекъ столовался у своего патрона. Данила Данилычъ не могъ куска проглотить въ одиночествѣ и любилъ застольную компанію. Сегодня они сидѣли вдвоемъ съ управляющимъ въ старой столовой. Данила Данилычъ былъ въ духѣ. Затянувшіеся было выборы приближались-таки, и званіе предводителя только официально не считалось пока за нимъ. Онъ весело болталъ о предполагаемыхъ празднествахъ, о новыхъ охотахъ, о только что купленной охотничьей лошади, которую сейчасъ лишь испытывалъ.

— Да, кстати! представьте себѣ, кого я только что обогналъ? Ѣдетъ нашъ Голіафъ и за шиворотъ рыжаго жида держитъ. Оглянулся... ба-ба-ба... старый знакомый. Тотъ самый жидъ-венгерецъ, котораго мы прошлой осенью въ Кожинѣ обрѣли, не онъ, такъ родной братъ его. И коробъ тотъ же... Впрочемъ, вѣдь васъ тогда съ нами не было... Интересно, въ чемъ онъ попался. Я хотѣлъ было спросить, да эта чортова кукла такъ неслась, что я ее едва осадить черезъ три версты успѣлъ. А тѣ съ дороги уже куда-то свернули...

Валекъ поблѣднѣлъ... Сомнѣній быть не могло... Этотъ рыжій жидъ былъ Брендель и былъ теперь въ рукахъ у становаго, который навѣрное его обыщетъ... Романъ успѣлъ сообщить ему, что жидъ говорилъ ему о письмахъ къ Валеку и къ другимъ знакомымъ Килинской лицамъ по сосѣдней губерніи, черезъ которыхъ она считала возможнымъ возстановить цѣпь отправителей.

Выйдя изъ-за стола, онъ снова велѣлъ осѣдлать Зефира и во весь духъ поскакалъ въ Колычево. Тучи заволакивали небо, но за ними свѣтила луна, да и Зефиръ давно изучилъ дорогу и летѣлъ, какъ стрѣла изъ лука.

На топотъ самъ Романъ вышелъ за ворота.

— Шкода!—прошепталъ Валекъ.

Они вошли въ контору.

— Брендель... я такъ и зналъ, не стоило связываться съ жидомъ,—вымолвилъ Романъ.—Въ чемъ онъ намъ нашкодилъ?

— Супруненку попался,—и Валекъ передалъ сообщеніе Софронова.

Романъ насупился.

— Цо-то! А вѣдь панъ становой разнюхаетъ...

— Не разнюхаетъ, а уже разнюхалъ... Надо спасаться... И чего эта старая дура Килинская расписывалась? На словахъ бы сказала... А можетъ быть, она только вамъ написала?.. Гдѣ ея письмо?

Увы, въ письмѣ къ Роману, начинавшемуся благословеніями и патріотическими любовными изліяніями, стояло: „То же самое пишу я и достоуважаемому пану Домбровскому. Радуюсь, что его уже въ 1846 году прославленное имя будетъ стоять и на новыхъ скрижаляхъ отечества, какъ человѣка, подобно его соименнику, прославившаго дорогую ойчизну. Съ Бренделемъ посылаю я списокъ лицъ въ М—ской губ., а также и письма къ нимъ, на которыхъ возлагаю самыя твердыя упованія...“

Сомнѣнія оставаться не могло. И списокъ, и письма съ адресованнымъ къ Валеку включительно были теперь въ рукахъ Голіаѳа, и онъ съ понятыми могъ нагрянуть ежесекундно и открыть складъ оружія. О подводѣ съ заграничными подарками знало все Колычево, и запертая ни съ того, ни съ сего вилла не могла не возбудить подозрѣній.

Романъ уже затопилъ печку и быстро сжигалъ содержимое высокой конторки.

— То же надо сдѣлать съ оружіемъ!—вымолвилъ Валекъ.

Юшкевичъ усмѣхнулся.

— Въ печку и въ каминъ не влѣзутъ укладки, какъ же сжечь ихъ?

— Виллу поджечь, панъ! Виллу!..

— Да панъ, далибугъ, съ ума сошелъ! Я ночи не сплю... Огня боюсь, а онъ говоритъ: жечь!.. Въ воду, въ прудъ ваши проклятые ящики бросить надо... И чѣмъ скорѣй—тѣмъ лучше! Времени терять нельзя!..

Поляки бросились въ садъ. Сквозь облетѣвшія черныя вѣтви свѣтила луна и бросала странную сѣть тѣней на устланную послѣдними листьями вѣковую аллею. Въ тишинѣ ранней осенней ночи гулко падали отдѣльныя капли

переставшаго дождя и шуршали на сѣдой травѣ. Издали слышалось грохотанье телѣги...

— Понятые!—мелькнуло въ умѣ обоихъ, но стукъ колесъ уже затихалъ за косогоромъ.

— Скорѣе... Скорѣе!..—торопилъ Валекъ, опережая Романа на своихъ длинныхъ ногахъ.

Старикъ пыхтѣлъ и едва поспѣвалъ за товарищемъ. Долго возился онъ съ ключомъ у подъѣзда. Наконецъ распахнулась дверь, и за ней другая въ залу. Залитыя сквозь верхнія окна яркимъ мѣсяцемъ бѣлыя каріатиды свысока смотрѣли на двухъ трясущихся людей, которые съ трудомъ толкали дрожавшими руками деревянные тяжелые ящики къ мраморной террасѣ... Увы!.. она была задраена досками на зиму и попасть на нее изъ комнатъ не было возможности...

Съ трудомъ, почти надрываясь, потащили оба одинъ ящикъ кругомъ дома и сбросили въ прудъ. Вода всплеснула и разошлась кругами. Лебеди взметнулись и закричали... Волны дошли до кулиги Арсенія Михайловича и вернулись обратно... За первымъ ящикомъ вынесли второй, потомъ третій... Высокіе голые клены съ удивленіемъ смотрѣли на темныя фигуры, на узкіе, какъ гробы, ящики и всплески принимавшаго ихъ въ свое лоно покрытаго серебристою рябью пруда...

Романъ выбился изъ силъ...

— Я не могу, панъ! обождемъ!

— Чего тутъ ждать? За Супруненкомъ панъ нешто стосковался... Ну, идемъ... времени терять нельзя... Намъ ихъ еще 12 остается...

Романъ попробовалъ встать, но ноги его не слушались. Вдали снова гремѣли колеса, или это только такъ показалось?

— А ну васъ къ самому пану дьяволу!—ругнулся Валекъ и побѣжалъ въ домъ.

— Куда панъ!.. куда...—пролепеталъ Романъ и заковылялъ въ виллѣ.

Валекъ былъ уже въ кабинетѣ. Сорвавъ со стѣны первый попавшійся портретъ, онъ угломъ рамы разбилъ стекло

въ книжномъ шкапу и выхватилъ какую-то книгу. Вырвавъ нѣсколько листовъ, онъ поджегъ ихъ спичкой и поднесъ близко къ обоямъ. Обои зажглись и потухли. Онъ сорвалъ второй портретъ, разломалъ рамы и, сложивъ въ маленькій костеръ, подложилъ еще заженной бумаги. Холстъ загорѣлся... полетѣли съ гвоздя третья и четвертая рама и упали въ костеръ, который все потрескивалъ веселѣе.

Съ книгой въ рукахъ перебѣжалъ полякъ въ противоположный уголъ дома и вырвалъ нѣсколько новыхъ листовъ, поджигая ихъ спичкой. Его фигура на мигъ отразилась въ проснувшемся вдругъ зеркальномъ потолкѣ гобеленовой гостиной, въ каминѣ, уставленномъ севрскими статуэтками, угольной, и огненныя змѣйки поползли по кружевнымъ гардинамъ, недавно лишь повѣшеннымъ Евграфомъ въ ожиданіи господъ.

Какъ безумный, выскочилъ Валекъ въ садъ...

Романъ сидѣлъ на травѣ. Голова его отказывалась работать. Сквозь щели ставней мелькалъ свѣтъ... Онъ понималъ, что Валекъ не даромъ говорилъ о поджогѣ, но ему теперь было все равно... Спасенья не было... Вообще не было... Колычево было заложено... Горки все равно что проданы... Нити заговора были въ рукахъ станового. Онъ сжегъ далеко не всѣ бумаги, которыя могли явиться обвиненіемъ противъ него, а въ душѣ царила апатія. Даже и поджогъ виллы не могъ спасти теперь... Онъ сжалъ голову руками...

— Скорѣе, панъ! скорѣе!—прошипѣлъ надъ нимъ сквозь зубы Валекъ:—сейчасъ загорится порохъ...

Онъ схватилъ Романа подъ мышки, поставилъ на ноги и потащилъ за собою.

Юшкевича вдругъ охватилъ безумный страхъ.

— Скорѣе! бѣжимъ, панъ! скорѣе!—взмолился онъ самъ и побѣжалъ впередъ по цвѣтнику.

А пламя изъ кабинета уже перекинуло въ переднюю и въ парадную и обюсоновую столовую... Уже замелькали огоньки на зеленомъ переплетѣ трельяжей въ боскетной и озарили зловѣщимъ отблескомъ словно запылавшій яркимъ румянцемъ ликъ вѣчно юной Милосской богини красоты.

Поляки были на террасѣ съ печально облетѣвшимъ хме-

лемъ, когда надъ старыми липами взвился къ небу огненный столбъ и съ оглушительнымъ трескомъ разсыпался милліонами искръ и раскаленныхъ галокъ.

На Колычевской колокольнѣ ударили въ набатъ, и перепуганные крестьяне и дворовые подъ вой собакъ и причитанія бабъ сбѣгались на пожарище, а въ конторѣ панъ Романъ Юшкевичъ, зажмуривъ глаза и заткнувъ уши, лежалъ на прорванномъ диванѣ лицомъ къ стѣнѣ...

. . . .

Валекъ мчался бѣшеной скачкой на своемъ Зефирѣ до почтовой станціи. Тамъ онъ получилъ лошадей и поскакалъ дальше за предѣлы губерніи, предоставивъ Романа его судьбѣ.

Но не даромъ говоритъ пословица, что какъ русскій человѣкъ прытокъ заднимъ умомъ, такъ и „полякъ мондръ по шкодѣ"...

Натворивъ непоправимую бѣду, Домбровскій теперь понималъ, что въ сущности поджогъ виллы былъ лишнимъ. Если письма Килинской были въ рукахъ русской власти,— заговоръ былъ открытъ. Да и Брендель врядъ ли станетъ молчать. Спасая свою шкуру, ради смягченія участи, онъ выдастъ и его, и Романа. А потому гибель дивнаго произведенія архитектуры и цѣлаго музея рѣдкостей являлась доказательствомъ лишь его величайшей растерянности... И вдругъ онъ ахнулъ! Его рука, такъ варварски поступившая, мстила за сердце... То волшебное жилище, ради котораго Зося измѣнила ему (онъ былъ такъ увѣренъ въ ея любви!), религіи своей и родинѣ, было стерто теперь съ лица земли, и златокудрая царевна его молодыхъ грезъ обречена опять за свое вѣроломство на бѣдность. Отъ Романа онъ слышалъ о запутанности и проигрышахъ Колычева и понималъ, что безъ Юшкевича избалованному москалю не выпутаться изъ бѣды и не спасти имѣнія, заложеннаго подъ большіе срочные проценты въ цѣпкія ростовщичьи лапы купца Сердюкова.

XL.

Довольно! прочь мечты больныя!
Скорѣй на волю, на просторъ,
Туда—въ поля мои родныя,
Въ завѣтный садъ и тихій боръ...
Туда, гдѣ жизнь не манитъ ложью,
Гдѣ сердце съ ней въ борьбѣ живетъ,
И гдѣ теперь надъ сжатой рожью
Вечерній благовѣстъ плыветъ...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Отведенный въ отелѣ подъ дѣтскую номеръ отдѣлялся отъ спальни проходной шкафной, гдѣ ютилась съ работою француженка камеристка, спѣшно перешивавшая нарядный лифъ. Несмотря на полное незнаніе языка, между ней и мамкою существовали самыя дружелюбныя отношенія, и обѣ женщины умѣли отлично понимать другъ друга.

Когда Прасковья, вернувшись съ прогулки, уложила Лизочку въ кроватку и вошла къ Жюли, та выразительно кивнула ей въ сторону спальни и махнула рукой, а потомъ подняла два пальца. Мамка только покачала головою и на цыпочкахъ черезъ спальню подошла къ запертой двери въ салонъ. Сквозь опущенную портьеру слышался смягченный польскій разговоръ. Зося что-то щебетала, но ее прерывалъ мужской голосъ и умоляюще настаивалъ: „Прошу... прошу!"

— Ахъ, ты! дьяволъ усатый опять уже съ нею! И чего баринъ смотритъ? Отвернуться не успѣетъ, этотъ тутъ какъ тутъ. Шагу барынѣ ступить не даетъ!

Вообще съ нѣкоторыхъ поръ Прасковьѣ все было не по душѣ. Ужъ больно зажились они за границей. Сердце ея стосковалось по мужу да по молочному братцу Лизочки, по курносому Митяйкѣ.

— И что-то онъ, мой касатикъ, тамъ дѣлаетъ? Небойсь меня и совсѣмъ позабылъ!

И, болтая со своей питомицей, она разсказывала ей о Колычевѣ, о своей избѣ, о сынѣ, а дѣвочка слушала голосъ кормилки и словно сочувственно хлопала большими глазами. Теперь стало еще скучнѣе. Барыню они почти не видятъ. Поминутно въ ихъ помѣщеніе шмыгаютъ поляки. Приходитъ

чуть ли не каждый день черный аббатъ въ широкополой шляпѣ, съ бѣлой плѣшинкой подъ нею, является траурная маменька съ худосочной дочкой, которой барыня тайкомъ отдаетъ свои ношенные наряды и шляпки, вертятся, щелкая каблуками, паны съ длинными усами и цокаютъ, словно колычевскій управляющій, а главное вотъ ужъ больше мѣсяца повадился этотъ графъ, котораго еще такъ недавно каталъ въ креслѣ слезливый лакей по дорожкамъ парка.

Изъ разговоровъ съ Зосею Прасковья узнала, что они давно, чуть не съ дѣтства знакомы, но тѣмъ не менѣе не по нутру было простой безхитростной женщинѣ его обращеніе съ ея госпожею. Да та и сама словно перерождалась въ его присутствіи. Все: пане, да пане!.. вертится, смѣется, а на дѣвчонку и не взглянетъ...

Съ аббатомъ у нея тоже какіе-то длинные разговоры. Въ церковь свою на конецъ города куда-то стала чуть не каждое утро бѣгать, а оттуда, она сама видѣла, уже который разъ графъ ее домой провожалъ. Глаза у нея не то заплаканы, не то горятъ, а онъ только усы свои тараканьи крутитъ.

Барину ни до чего дѣла нѣтъ. Онъ второй мѣсяцъ почти дома не бываетъ. Василій говоритъ, играетъ и будто ужъ чуть ли не все Колычево въ рулетку проигралъ... Легко сказать! такое имѣніе. Земли-то сколько!

Въ номеръ осторожно постучались. Маленькій chasseur, казачокъ по нашему, въ такой же, какъ у Ѳедьки, курткѣ съ пуговками подалъ письмо.

— A monsieur.

Это Прасковья поняла. Самому, значитъ. Почеркъ деревенскій и марки русскія. Что-то пишутъ? Каково-то тамъ на родинѣ? Хороши ли озими взошли?

Прасковья глубоко вздохнула, повертѣла русское письмо въ рукахъ и пошла искать Василія. Но его на мѣстѣ не оказалось. Онъ тоже съ нѣкотораго времени пропадать сталъ.

Въ эту минуту впорхнула Зося. Она была очень оживлена. Жюли подошла къ ней съ просьбой примѣрить лифъ. Зося согласилась съ нетерпѣливой гримаской.

— Ахъ, только поскорѣе, пожалуйста, я тороплюсь.

Прасковья подала ей письмо.

— Ахъ, это не мнѣ, это барину. Они еще не возвращались?

— Нѣтъ!

— Положи къ намъ на столъ. А что, Зузя спитъ?

— Да, слава Богу.

— Ну, и отлично. Ты покорми ее кашкой потомъ. Мнѣ некогда. Я сейчасъ ѣхать должна... Жюли, да не мучьте меня. Дайте мнѣ мантилью и шляпу. Я вернусь къ шести часамъ.

Она исчезла.

Въ пять часовъ появился Иванъ Николаевичъ.

— Барыня дома?

— Онѣ уѣхали на прогулку,—отвѣтила Жюли.

Колычевъ прошелъ въ свой номеръ. Въ глазахъ его мелькала тревога. Онъ досталъ изъ кармана бумажникъ и съ усмѣшкою осмотрѣлъ пустые кармашки.

— A sec!—прошепталъ онъ и подошелъ къ столу.—Экая линія подошла какая... Надо опять писать Роману. Чортъ знаетъ... въ банкѣ уже не осталось рубля... На третью сотню тысячъ пошло. Гм... этакъ и Колычево спустить недолго.— Его взглядъ упалъ на письмо.—Отъ кого это?

Быстро разорвавъ конвертъ, Иванъ Николаевичъ началъ читать кривыя и безграмотныя строки и вдругъ побагровѣлъ. Письмо было изъ Колычева отъ Евграфа.

Въ краткихъ, но тѣмъ болѣе ужасныхъ выраженіяхъ сообщалъ барину вѣрный Личарда, что „во вчерашнюю ночь сгорѣла вилла, пожаръ приключился около разсвѣта, загорѣлось со всѣхъ концовъ сразу и спасти ничего не пришлося. Не иначе, какъ поджогомъ загорѣлось. А кто поджегъ, тому Богъ судья, потому его, тоись, пана Романа, вашей милости тестя, на утро съ драгунами куда-то увезли, а со старою паней ударъ былъ, языка съ горя лишилася, и вся правая сторона безъ движенія. Дохтуръ былъ и говоритъ надежды нѣту. За послѣдніе два мѣсяца панъ много ящиковъ съ оружіями для своихъ поляковъ, сказываютъ, въ домъ свезли. Мы всѣ думали, что ваша милость изъ-за границы новыя мебели и статуи присылаете. А какъ загорѣлось,

порохъ, знать, рвало, потому какъ ракета, али пушка выпалила... Никого теперь въ усадьбѣ толкомъ не осталося, всѣ разбрелися. Домъ пановъ запечатали, и становой ключи увезъ. А какъ со скотомъ управимся, не знаю, дѣвки со страху разбѣжалися. Я съ внукой да съ парнишкой въ людскую перешелъ, туда же и старую паню перенесли. Пріѣзжайте, ваша милость, потому какъ безъ вашего наказа быть — и ума не приложу. Видно, Бога прогнѣвили, что постигло насъ такое горе. Земно кланяется вашей милости покорный до гроба слуга Евграфъ Птичкинъ“.

...Иванъ Николаевичъ три, четыре раза перечелъ письмо, и все еще не могъ прійти въ себя. Волненія въ Польшѣ казались такъ далеки отъ Колычева, что вообразить себѣ пана Романа причастнымъ къ нимъ и въ голову не приходило. Тесть тоже никогда ни словомъ не упоминалъ о польскихъ дѣлахъ. Онъ велъ свое дѣло въ глубочайшей тайнѣ, и даже жена его ничего до послѣдней минуты не подозрѣвала.

Первая мысль Колычева была — Зося. Какъ передать ей ужасное извѣстіе? Какъ сообщить ей этотъ тройной ударъ? Что Роману грозитъ въ лучшемъ случаѣ безсрочная каторга—онъ былъ увѣренъ... Въ казино и въ курортѣ все больше попадалось поляковъ, все чаще раздавались рѣзкія сужденія о Россіи, но, поглощенный игрою, онъ ихъ не слушалъ и съ Зосею, согласно уговору, о политикѣ не заикался. На ея отношенія къ Запольскимъ онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, зная, что его вторженіе въ эту область вызоветъ новую ссору. Знали ли тамъ о Романѣ?..

— Нѣтъ, я ничего не скажу ей!—рѣшилъ Колычевъ.— Надо прежде всего получить болѣе точныя свѣдѣнія, и онъ послалъ длинную депешу Игнатію Львовичу, прося сообщить всѣ подробности, а слѣдомъ отправилъ и полную нотаріальную довѣренность съ просьбой немедленно заложить Колычево и выслать ему хоть сколько-нибудь денегъ. Сестрѣ писать онъ не хотѣлъ. Ему было слишкомъ тяжело сознаваться передъ зятемъ въ своемъ легкомысліи.

А денегъ между тѣмъ въ домѣ не было почти ни талера. Онъ, путаясь и краснѣя, взялъ у Василія золотой и поставилъ на красное. Когда оно вышло, онъ поставилъ выигрышъ

на первую дюжину и взялъ еще шесть золотыхъ. Съ большимъ усиліемъ надъ собою заставилъ онъ себя отойти отъ игорнаго стола. Черная дама посмотрѣла на него съ удивленіемъ и тоже прекратила игру. А онъ почти бѣгомъ бѣжалъ домой, чтобы расплатиться съ камердинеромъ.

Такъ шелъ день за днемъ. Онъ выигрывалъ по мелочамъ и уходилъ. Крупье ухмылялись. Они знали по многолѣтнему опыту, что онъ излеченъ на время, что, проигравъ свыше 200 тысячъ, онъ радуется даже этимъ жалкимъ подачкамъ рулетки, но что, когда снова получитъ деньги изъ Москвы, этотъ русскій бояринъ спуститъ имъ съ тѣмъ же легкимъ сердцемъ и остатокъ своего состоянія.

. . . .

За тысячи верстъ, среди старыхъ опаленныхъ кленовъ лежала зловѣщая груда обуглившихся стропилъ, балокъ, кирпича и мусора и странно отражалась въ зеркалѣ пруда. Бѣлокаменныя ступени кое-гдѣ проглядывали сквозь черныя доски и только еще больше подчеркивали мрачность развалинъ. Свѣтловолосый мальчуганъ, оставшійся безъ призора, потому что ни дѣду, ни матери не до него, бродитъ одинъ около пожарища и, пачкая свой армячишка въ сажѣ, карабкается, чтобы разглядѣть, не сохранилось ли среди обуглившагося мусора хоть что-нибудь изъ столь знакомыхъ ему сокровищъ? Послѣднее время панъ не пускалъ никого въ виллу. Дѣдъ ругалъ поляка и просилъ, чтобы его впустили, потому что эти дорогіе покои требовали ухода, но панъ не слушалъ, топалъ и кричалъ на дѣда. Зачѣмъ дѣдъ не написалъ и не пожаловался, какъ обѣщалъ, барину? Будь Михалка грамотенъ, онъ бы самъ написалъ. И онъ ходилъ съ желѣзнымъ прутомъ и разрывалъ мусоръ. Въ кустахъ французскаго сада онъ нашелъ вчера голову статуи съ отбитымъ узломъ прически, но съ совершенно цѣльнымъ лицомъ. И онъ отнесъ ее въ избу къ Евграфу и положилъ рядомъ со склеенной вазой. Онъ слышалъ о томъ, что серебро и золото должны были расплавиться въ слитки, и искалъ ихъ на мѣстѣ бывшей столовой, вороша палкой пепелъ и доступные его дѣтскимъ силамъ обгорѣлые куски строительнаго матеріала.

За этими занятіями застали его Игнатій Львовичъ съ Софроновымъ. Получивъ депешу, мрачный докторъ обратился за совѣтомъ и помощью къ Данилѣ Данилычу. Бѣгство Валека огорошило жуира. Онъ считалъ себя словно виноватымъ передъ Колычевымъ, что не досмотрѣлъ за своимъ управляющимъ, который, заметая слѣды, по всему вѣроятію, помогъ Роману поджечь виллу, и по первому зову явился на пожарище.

— Эй ты, что ты тутъ дѣлаешь?—окликнулъ Михалку докторъ.

— Мародеръ!—отозвался Софроновъ.

Евграфъ, притащившійся слѣдомъ за господами, дернулъ внука за ухо.

— Пошелъ домой! Чего тутъ копаешь?

Видъ этихъ развалинъ надрывалъ душу старика.

— Батюшка баринъ, батюшка баринъ! И чего ты связался съ поляками!—шептали его ввалившіяся, добрыя губы, и онъ отеръ рукавомъ глаза.

— Ужасно! ужасно, точно могила.—Софроновъ снялъ картузъ и перекрестился. — Сколько хорошихъ минутъ, сколько человѣческаго труда и художественнаго боговдохновеннаго творчества тутъ похоронено.

— Да, не мало,—подтвердилъ Игнатій Львовичъ и сталъ излагать полученную отъ Колычева просьбу.

По конторскимъ свѣдѣніямъ оказалось, что денегъ не было ни гроша. Имѣніе уже было заложено, и что дѣлать—Игнатій Львовичъ не зналъ. Софроновъ принялъ горячее участіе и тотчасъ выдалъ доктору три тысячи на проѣздъ Ивана Николаевича.

— Вызовите его во что бы то ни стало. Только личнымъ присутствіемъ онъ можетъ еще хоть что-нибудь спасти.

. . . .

Когда пришло это второе письмо и выяснилась вся запутанность въ дѣлахъ, Иванъ Николаевичъ рѣшилъ объясниться съ Зосей на чистоту. Только о послѣдствіяхъ ареста Романа онъ положилъ умолчать. Относительно болѣзни пани Юзыни онъ ни минуты не сомнѣвался, вспоминая ея уходъ за собою, что Зося послѣдуетъ влеченію своего добраго

сердца и возьметъ на себя обязанности сидѣлки при безнадежно-больной матери. Но едва онъ заикнулся о возвращеніи въ Колычево, жена его отвѣтила:

— Что мнѣ тамъ дѣлать? Ты самъ говоришь, за мамой хорошій уходъ. Вилла сгорѣла,—гдѣ же мы помѣстимся?

— Какъ гдѣ? въ вашемъ домѣ,—отвѣчалъ пораженный неожиданнымъ протестомъ мужъ.

— Да тамъ для насъ и мѣста не будетъ. Я сама заболѣю и Зузя тоже. Вѣдь ты не знаешь, какъ въ этой старой чубаркѣ бываетъ зимою холодно. Отецъ насыпаетъ опавшій листъ вокругъ фундамента и на чердакъ, чтобы предохранить его хоть нѣсколько отъ мороза. Онъ не избалованъ, а мы всѣ простудимся на смерть. Я останусь тутъ съ дѣвочкой, а ты поѣзжай.

— Но, душа моя, пойми же,—мы не можемъ продолжать вести эту жизнь. Я скрывалъ отъ тебя, но отецъ твой давно жаловался на плохія дѣла, и жить на два дома мы совершенно не имѣемъ возможности. Я понимаю, ты такъ любила эту виллу, что тебѣ тяжело будетъ смотрѣть на пожарище,—но что же дѣлать, что дѣлать! Мы разорены.

— Разорены!? Это неправда... Отецъ былъ дѣйствительно, можетъ быть, излишне щедръ и давалъ негодяямъ изъ ржонда слишкомъ большія суммы изъ доходовъ съ имѣнія, но я никогда не повѣрю, чтобы его щедрость могла довести насъ до разоренія.

Колычевъ обомлѣлъ.

— Какія суммы? Какому ржонду?

— Какому ржонду?.. Да что ты съ неба, что ли, упалъ?.. Нашему народному ржонду въ Варшавѣ.

— Какъ?

Онъ сжалъ кулаки. Онъ думалъ, что Романъ уступилъ чьимъ-нибудь настояніямъ и отдалъ виллу подъ складъ оружія, но мысль, чтобы его деньги, русскія дворянскія деньги шли на поддержку мятежа въ Польшѣ, — никогда ему не приходила въ голову. Такъ, значитъ, Зося знала о сношеніяхъ отца съ бунтовщиками! Знала и молчала?!

— Какъ же смѣлъ твой отецъ брать эти деньги и давать мерзавцамъ на ихъ подлое дѣло?

Зося вспыхнула.

— Смѣлъ, потому что я ему позволила, и давалъ не на подлое, а на святое дѣло. Онъ не виноватъ, что эти люди оказались мерзавцами. Онъ самъ былъ повстанцемъ въ 31-мъ году и относился всю жизнь честно къ родинѣ. Всѣ деньги, которыя шли черезъ его руки, онъ давалъ на ойчизну и не хотѣлъ наживаться у твоего дяди, какъ ему совѣтовали многіе.

Колычевъ багровѣлъ все сильнѣе и сильнѣе.

— И это ты, ты говоришь такъ спокойно, такъ смѣло глядя мнѣ въ глаза!? Значитъ, и всѣ эти годы ты знала, что меня обворовываютъ, и молчала... Боже мой, Боже мой!.. Уходи... Дай мнѣ успокоиться... Я долженъ обдумать, что мнѣ теперь дѣлать...

— Игралъ бы поменьше, такъ о разореніи бы и разговора не было,—бросила Зося и позвонила Жюли.

— Дайте мнѣ плащъ и шляпу.

Она вышла. Она торопилась на свиданіе со Стасемъ.

Мысль, что ей грозитъ разлука съ ея коханымъ, казалась ей настолько недопустимой и невѣроятной, что она отгоняла ее и рѣшила пока вовсе не передавать этого разговора возлюбленному.

XLI.

И жизнь и смерть—и все такъ просто...
О, смѣйся, смѣйся же задорно...
Когда-нибудь въ землѣ погоста
Мы будемъ всѣ молчать упорно.
И воскъ, что пчелы собирали
Въ счастливый полдень съ липокъ стройныхъ,
Растопится слезой печали
Подъ хоръ молитвъ заупокойныхъ.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

А Иванъ Николаевичъ, хрустя пальцами, ходилъ и ходилъ изъ угла въ уголъ.

Если бы не Лизочка, онъ зналъ бы, что дѣлать. Его дядя подалъ ему примѣръ. Но жить нужно, нужно для нея.

Сознаніе, что эта женщина, бывшая его женою, боготво-

римою имъ не менѣе, если не болѣе первой, той, которой онъ клялся у гроба не искать замѣны, — женщина, казавшаяся ему ангеломъ, такъ самоотверженно ходившая за нимъ во время его болѣзни, все время, всѣ эти три слишкомъ года лгала и притворялась, — это сознаніе било какъ молотомъ по его мозгу, по сердцу и сжимало душу холодно-безпощадными тисками. Значитъ, уже тогда, когда онъ вѣнчался съ нею, она это знала. И знала, на что идетъ. Вѣдь она сама говорила, что Романъ обѣщалъ убить ее за бракъ съ нимъ, русскимъ. И она шла за москаля не по любви,—онъ усмѣхнулся,—нѣтъ, чтобы легче было пользоваться русскими деньгами для своихъ польскихъ цѣлей.

Все было комедіей, заранѣе искусно подстроенной. И ея слезы на могилѣ дяди, и это тайное вѣнчаніе, — вѣдь это она же сама тогда въ аллеѣ навела его на мысль принудительно повліять на отца Никиту, чтобы онъ не медля повѣнчалъ ихъ, не давъ опомниться ему... Комедіей было и ихъ возвращеніе въ родительскій домъ, и слезы ея и родителей. А онъ, какъ слѣпой дуракъ, шелъ въ эти сѣти и запутывался все больше и больше въ дѣлахъ, потому что, при его состояніи, даже проигранныя 200 тысячъ разореніемъ не угрожали. Нѣтъ, его разорили именно эти тайныя суммы, которыя утекали неслышно и незамѣтно, заставляя его невольно служить вражьей интригѣ, становиться невольнымъ измѣнникомъ царю и родинѣ. Онъ, Иванъ Колычевъ, предатель Россіи?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!..

Послѣ этого открытія они вмѣстѣ жить не могутъ. Онъ возьметъ дочь и увезетъ ее въ Россію къ сестрѣ своей. Сашенька не откажетъ. Она всю жизнь желала имѣть дѣтей, и онъ отдастъ ей свою русскую, да, да! русскую дѣвочку и скажетъ:

— Возьми и воспитай мою дочь! Искорени ты своею русскою добротою и великодушіемъ всю фальшь, влитую польской матерью въ ея жилы!

Онъ прошелъ въ дѣтскую. Лизочка только-что отъѣла кашку и стучала ложкой по столу. Отецъ взялъ ее на руки и страстно прижался губами къ ея бѣлой, нѣжной, сладко пахнущей шейкѣ.

— Радость моя!

Дѣвочка заболтала ножками и закричала:

— Ябки, папа! Ябки! ябки!

— Что она такое говоритъ?

Прасковья сердито отвѣтила:

— Это все тотъ, усатый, поетъ.—И, принявъ дѣвочку и подбрасывая, запѣла: „Тоси, тоси, видвидлони!“

Лизочка хохотала и била въ ладоши.

Колычевъ горько усмѣхнулся.

— Уже!.. дѣвочку нянчатъ по-польски, она научится польской рѣчи, польскимъ ухваткамъ и стихамъ, а тамъ и польскимъ взглядамъ? Нѣтъ, довольно. Скорѣе, скорѣе отсюда...

— Собирайся, мы завтра уѣзжаемъ.

Прасковья даже ротъ разинула.

— Слава тебѣ, Господи! Слава Тебѣ, Пресвятая Богородица...

Колычевъ позвонилъ и потребовалъ счетъ. Прикинувъ въ умѣ свои приблизительные расходы, онъ увидѣлъ, что присланныхъ денегъ далеко не хватитъ. Онъ запечаталъ въ конвертъ полторы тысячи для Зоси, заперъ тысячу двѣсти въ столъ, а триста положилъ въ бумажникъ и вошелъ въ игорный залъ. Дама въ черномъ была тутъ. Колычевъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Значитъ, онъ выиграетъ. Черезъ полчаса передъ нимъ уже лежало 18 тысячъ талеровъ, онъ всталъ. Денегъ было довольно. Хватитъ на всѣ расплаты и останется достаточно на дорогу.

Мысль работала спокойно. Что бы ни случилось, — хуже быть не могло. Они разойдутся, разойдутся полюбовно. Онъ вернетъ ей ея свободу и будетъ выплачивать 10.000 въ годъ. На это денегъ хватитъ. Во всякомъ случаѣ онъ будетъ трудиться, работать, станетъ батракомъ, если нужно, но деньги эта женщина имѣть будетъ. Что она съ ними дѣлать станетъ,—отнынѣ его не касается. Это ея личное дѣло...

Позвонили къ табльдоту. Зося не возвращалась. Онъ велѣлъ подать обѣдъ въ салонъ. Кельнеръ принесъ счетъ. Не было плачено три недѣли. Онъ расплатился и велѣлъ Василію укладывать вещи.

Узнавъ о сборахъ, Жюли постучалась и спросила, когда они ѣдутъ.

— Madame va rentrer. Elle vous donnera ses ordres,— отвѣтилъ Колычевъ.

Но француженка рѣшила не терять времени и принялась тоже разбирать шкапы и комоды и вытащила сундуки.

Зося вернулась. Увидавъ укладку уже въ полномъ ходу, она вся затряслась. Вотъ какъ! онъ не на шутку хочетъ увезти ее въ Россію? Ну, такъ она ему покажетъ. Пусть онъ себѣ уѣзжаетъ, скатертью дорога! она останется съ Зузей, и никакая сила не заставитъ ее покинуть Стася. Она скинула плащъ и сорвала съ рукъ намокшія перчатки. Въ эту минуту явился Василій съ приглашеніемъ пожаловать въ кабинетъ къ барину.

Зося влетѣла, какъ разъяренная оса.

— Въ чемъ дѣло? — спросила она, не садясь.

— Присядь, пожалуйста! дѣло не такъ просто. Вотъ,— подалъ онъ ей конвертъ, — тутъ полторы тысячи рублей. Больше дать тебѣ я въ эту минуту не могу. Счета въ гостиницѣ и въ магазинахъ уплачены, и если ты будешь благоразумна, денегъ тебѣ на полтора мѣсяца хватитъ. Ты выразила желаніе оставаться за границей,—я тебѣ не препятствую. Оставайся, но я завтра уѣзжаю съ Лизочкой въ Россію. Женщина, которая лгала и притворялась такъ хладнокровно три года, не можетъ быть воспитательницей моей дочери, и я ее увожу отъ тебя.

Зося окаменѣла. Никогда не приходила ей въ голову мысль, чтобы онъ осмѣлился такъ поступить съ нею. Она видѣла по его тону, что его рѣшеніе непоколебимо... Плакать, увѣрять въ любви его? Она только-что вырвалась изъ объятій Стася и говорить о любви къ мужу сразу послѣ пламенныхъ ласкъ возлюбленнаго было физически противно. Пусть его уѣзжаетъ, — Богъ съ нимъ! Но дочери онъ не получитъ. Развѣ Зузя не больше ея дочь, чѣмъ его? Развѣ не она ждала и носила ее девять мѣсяцевъ? Не она родила ее въ этихъ адскихъ мукахъ, съ раздирающими душу криками и стонами? Не она съ минуты ея появленія на свѣтъ нянчила и холила, и воспитывала ее? А онъ! при чемъ онъ

тутъ? За данное ею же ему физическое и нравственное счастье онъ отберетъ отъ нея ея дочь?.. Никогда!

И со злорадной насмѣшкой она отвѣтила:

— Твоей дочери я и не собиралась воспитывать. Зузя вовсе не твоя дочь.

Колычевъ не понялъ.

— Какъ не моя? Она твоя, я это знаю. Но вѣдь столько же и моя, и я моихъ правъ тебѣ на нее не уступлю. Она русская и вернется со мною въ Россію.

Но Зося уже закусила удила, и ничто остановить ее не было въ силахъ.

— Она не твоя дочь, повторяю тебѣ! — она громко и задорно засмѣялась.

Онъ вскочилъ и схватилъ ее за обѣ руки.

— Такъ чья же, говори, негодная полька?

— Она такая же негодная полька, какъ я... Она дочь графа Станислава Запольскаго. Я его любовница и была ею съ давнихъ поръ, еще до знакомства съ тобою...

— Ты лжешь... Бога ради, скажи, что ты солгала! — молилъ онъ и почти раздавилъ ей руки, глядя на нее жалобными, замученными глазами.

— Я повторяю тебѣ: Зузя,—слышишь? Зузя, а не Лиза,— дочь графа Запольскаго, и въ ея жилахъ нѣтъ капли москальской ненавистной крови.

— Клянись!

— Клянусь!—и она глядѣла ему прямо въ глаза съ ненавистью. Она также не опустила своихъ, какъ тогда на допросѣ у отца.

Колычевъ разжалъ руки.

— Пе-ре-кре-стись! — едва выговорили блѣдныя, сухія губы.

Зося перекрестилась.

Онъ не упалъ въ обморокъ, не сошелъ съ ума. Онъ спокойно сказалъ:

— Уходи...

Она вышла...

Прошелъ часъ.

Люди ходили по коридору, устланному нарядномъ ков-

ромъ. Гдѣ-то далеко въ концѣ трещалъ электрическій звонокъ. Сновали кельнеры съ подносами. Мелькали горничныя въ бѣлыхъ наколкахъ съ пышной плойкой. За закрытыми дверями Василій, Прасковья и Жюли укладывали сундуки и чемоданы. Иванъ Николаевичъ сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ.

Это было письмо къ сестрѣ.

„Мой другъ, единственный и дорогой, моя славная сестренка Санюшка!

„Не сѣтуй на меня, когда это посланіе, дойдя до тебя, окажется замогильною просьбой твоего несчастнаго и безпутнаго брата. Я много проигралъ въ рулетку, но не въ ней дѣло...

„Только-что узналъ я отъ той женщины, которую три года считалъ своею женою, что все время она обманывала меня, разоряя сперва съ отцомъ своимъ въ денежныхъ дѣлахъ, а потомъ съ любовникомъ, — прости за это ужасное, циничное для тебя слово, но другое мой умъ подобрать отказывается. Все же я перенесъ бы этотъ ударъ, какъ перенесъ и извѣстіе о пожарѣ колычевской виллы, подожженной моимъ полякомъ-тестемъ, дабы скрыть слѣды въ немъ сложеннаго для польскихъ мятежниковъ оружія, какъ перенесъ и свое разореніе. Я остался бы жить для дочери. Я хотѣлъ отвезти ее къ тебѣ и просить взять на себя ея воспитаніе; я зналъ, — ты бы съ радостью взялась за него, а я работалъ бы до изнуренія ради ребенка, котораго считалъ своимъ. Но дѣвочка, получившая при крещеніи имя Елизаветы Ивановны Колычевой, священное для насъ съ тобою имя нашей матери, оказалась дочерью любовника моей жены — Запольскаго. Ея мать сама мнѣ въ этомъ только-что созналась. Я не вызвалъ его... не стоитъ... Пусть ихъ живутъ!.. Но ты поймешь, что у меня послѣ этого охота жить прошла...

„Мнѣ больно, что, разоряя меня, отецъ моей жены подорвалъ и твое благосостояніе, и я не въ силахъ выплатить тебѣ твоей части по дядиному наслѣдству, какъ мнѣ того хотѣлось и какъ я обѣщалъ тебѣ. Напрасно Simon не далъ намъ раздѣлиться, пока еще я былъ богатъ. Теперь я уми-

раю нищимъ. Если бы та дѣвочка была моею,—это было бы ужасно, теперь это мнѣ, конечно, безразлично.

„Прощай же еще разъ. Прощай и прости. И если у тебя повернется языкъ и поднимется рука, помолись ты, добрая и чистая, за грѣшную душу твоего брата

Ивана Колычева“.

Онъ запечаталъ письмо, написалъ адресъ, наклеилъ на конвертъ марку и спряталъ его въ карманъ. Потомъ позвонилъ Василія и Прасковью.

— Вотъ вамъ за это время,—и онъ далъ имъ по 200 рублей, — а это, — онъ подалъ камердинеру запечатанный пакетъ, — про всякій случай. Мало ли что случиться можетъ. Сохрани до времени.

Не слушая благодарностей взволнованной прислуги, Колычевъ вышелъ.

У освѣщеннаго подъѣзда толпились кельнеры и портье. Изъ залы ресторана слышались веселыя рѣчи разодѣтыхъ, декольтированныхъ женщинъ, хлопаніе пробокъ и звонъ посуды. Широкими пятнами падалъ свѣтъ газовыхъ рожковъ на плиты тротуара. Иванъ Николаевичъ остановился на минутку и опустилъ письмо въ кружку.

— Оно пойдетъ черезъ четверть часа. Теперь три четверти десятаго. Письма берутъ въ десять, — любезно предупредилъ швейцаръ.

Колычевъ приподнялъ шляпу и пошелъ дальше.

Онъ шелъ по многолюднымъ, ярко освѣщеннымъ улицамъ. Въ раскрытыя двери кафе неслась музыка.

„Darum fällt es auch so schwer
Auseinander zu gehen,
Wenn die Hoffnung nicht wär
Auf ein Wiedersehen!...“

Выводилъ голосъ плясавшей на эстрадѣ тирольки, и хоръ подхватывалъ:

Lebe wohl! Lebe wohl!
Lebe wohl... Auf Wiedersehen!

Дѣвочка съ розами попалась навстрѣчу.

— Es sind meine allerletzten Rosen!—предложила она.

Онъ сунулъ ей монету и взялъ цвѣты.

Остановились два знакомыхъ господина, сосѣди по табльдоту; онъ любезно улыбнулся и раскланялся.

— Вы въ казино?

— Нѣтъ, просто провѣтриться!

— Да, чудная погода... А мы играть. До свиданья!

Они прошли мимо. Онъ вошелъ въ паркъ.

Тамъ, гдѣ кончилась послѣдняя расчищенная дорожка и начинались первыя оголенныя теперь деревья чернаго лѣса, онъ остановился, перекрестился, вынулъ револьверъ и, приложивъ его къ виску, спустилъ курокъ.

. . . .

На темно, темно-синемъ высокомъ небѣ водили хороводы золотыя звѣзды. Кроткими, но зоркими очами пронизывали онѣ сѣти безлистныхъ вѣтвей и свѣтили на скрытую подъ ними землю. Печально мерцали ихъ длинные лучи надъ чернымъ пожарищемъ и свѣтлымъ, отражавшимъ его прудомъ, и надъ обращеннымъ къ нимъ за тысячи верстъ блѣднымъ, оттѣненнымъ сросшимися бровями ликомъ того, чье счастье было погребено тутъ подъ обугленными развалинами, кто лежалъ, одинокій и обманутый, подъ сѣнью трепетавшихъ отъ страха и ужаса незнакомыхъ липъ и дубовъ на далекой, чужой сторонѣ.

. . . .

XLII.

На свѣтѣ страны есть: какъ дивные миражи
Въ минуты тихихъ думъ онѣ встаютъ изъ мглы.
Тамъ мирты, кипарисъ и лавръ стоятъ на стражѣ
У ногъ увѣнчанной чертогами скалы...
И край, другой есть край: низины и болота.
Кругомъ корчаги, пни, березы, ели, мохъ;
Унылая рѣка поетъ уныло что-то,
И тихо ей вторитъ унылый чей-то вздохъ.

(„Миражъ". М. К.),

Это былъ удивительный день. Солнце, вставая изъ-за горъ, легло чешуею блестокъ на зыби моря. Имъ въ отвѣтъ засверкали стекла отелей и виллъ по склонамъ Примор-

скихъ Альпъ, и зажглась гуща лавровыхъ и миртовыхъ кустовъ среди блѣдныхъ, словно осыпанныхъ пудрою, масличныхъ плантацій. Желтые грозди мимозы и жесткіе листья магнолій, лимоновъ и померанцевъ, омытые росою, тоже горѣли въ февральскихъ лучахъ, тихо колыхаясь и шепча имъ утренній привѣтъ, а они проникали все дальше, все глубже подъ сѣнь деревъ и подъ навѣсы маркизъ. Въ каждую щелку ставней, подъ каждую неплотно спущенную штору заглянули дѣловито солнечные взоры и весело отразились въ зеркалахъ, разбѣгаясь цѣлыми стаями зайчиковъ по стѣнамъ и мебели. Красивыя пестрыя пятна заиграли въ полутемныхъ спальняхъ на складкахъ цвѣтного шелка и бархата, на узорахъ и букетахъ фуляровыхъ юбочекъ, на мишурѣ и позументахъ корсажей. Солнечные лучи точно дѣлали послѣдній смотръ нарядныхъ, пестрымъ лоскутьямъ, сшитымъ для сегодняшняго карнавала въ фантастическіе костюмы.

И когда появились всѣ эти уборы въ шумной толпѣ, солнце привѣтствовало ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ, и ласкало и жгло человѣческія лица въ маскахъ и безъ масокъ, неслышно смѣясь забавнымъ шуткамъ пьерро и задорнымъ выходкамъ арлекиновъ, полишинелей и фолишоновъ, коломбинъ и субретокъ, полураздѣтыхъ нимфъ и вакханокъ. Оно нарочно дразнило мужскіе взгляды, освѣщая особенно ярко хорошенькое личико, или открытую шейку, или обтянутое шелковымъ трико колѣно, и вдругъ такъ сильно ослѣпляло цѣлившагося въ ихъ обладательницу денди, что его горсть мучнистыхъ бѣлыхъ шариковъ конфетти летѣла по ложному пути и осыпала пудрой шляпу зѣваки къ великому удовольствію окружающихъ.

Смѣялось солнце, веселились и смѣялись люди.

Это былъ безшабашно шумный, нарядный, веселый день.

Кажется никогда не выстраивалась такъ стройно процессія, никогда не стекалось со всѣхъ концовъ міра столько зрителей, не показывалось разомъ столько разубранныхъ и остроумно придуманныхъ колесницъ и не была такъ чутко, одобрительно и радостно настроена толпа.

Взрывы „браво!“ и апплодисменты вызвало появленіе

Нептуна съ безконечной, зеленой бородой, въ которой болтались запутавшіеся въ прядяхъ кораллы и молюски, золотыя рыбки и жемчужныя раковины. Передъ нимъ стояла громадная плетеная корзина и лежали верши, куда онъ погружалъ отъ времени до времени свой серебряный трезубецъ, передавая на его зубьяхъ въ толпу frutti di mare и вареныхъ креветокъ. Мальчишки жадно набрасывались на эти дары моря и вступали изъ-за нихъ тутъ же въ драку, подъ хохотъ и подзадориванья зрителей.

У ногъ водяного владыки возлежали прикрытыя зеленой дымкой вапера, наяды и плели гирлянды и вѣнки, кидая цвѣты кавалерамъ въ толпѣ, откуда въ отвѣтъ летѣлъ цѣлый душистый дождикъ мелкихъ букетиковъ и отдѣльно разсыпавшихся лепестковъ.

Съ молотомъ въ рукѣ, весь позолоченный, прихрамывалъ Вулканъ у наковальни и черные и красные чертенята вились кругомъ словно языки адскаго пламени.

Торжественно на высокомъ пурпуровомъ тронѣ возсѣдалъ Юпитеръ, окруженный сонмомъ олимпійцевъ низшаго порядка, а на углахъ колесницы, изъ облаковъ бѣлаго и голубого газа выглядывали въ разноцвѣтныхъ хитонахъ — лиловая Юнона, серебристо-голубая Діана, желто-золотая Минерва и какъ морская пѣна, залитая утренней зарею, розовая Венера.

А тамъ началось царство Флоры. Экипажи, одинъ наряднѣе другого, утопали въ цвѣтахъ. Цвѣты были повсюду,— на лошадяхъ, на сбруѣ, на ливреяхъ и шляпахъ кучеровъ и лакеевъ. Они обвивали гирляндами спицы колесъ, дверцы и кузова колясокъ. Цѣлыя груды ихъ наполняли внутренности экипажей. Хозяйки сами были одѣты большими цвѣтками. Промелькнула бѣлоснѣжная лилія, пестрый тюльпанъ, розовая гвоздика, ярко-оранжевая настурція въ бархатѣ всѣхъ красныхъ оттѣнковъ. Лиловая фіалка забросала зрителей своими темными ароматными букетиками въ два су, за нею потянулись розы всѣхъ колеровъ и оттѣнковъ, разливая благоуханіе и осыпая толпу новыми тучами цвѣтовъ.

Лестные эпитеты и сравненія летѣли въ отвѣтъ, сопро-

вождаемые и отвѣтнымъ градомъ букетовъ. Вдругъ на поворотѣ появилась синяя колесница.

Золотые колосья и васильки сплелись въ шатеръ надъ женщиной съ золотыми волосами. Она смѣялась всѣми ямками розоваго, слегка подрумяненнаго лица и синими васильковыми глазами. Подъ сѣнью качающихся колосьевъ и огромныхъ шелковыхъ цвѣтовъ съ зубчатыми, свернутыми въ трубки лепестками, словно капли росы, блестѣли и переливались брильянты на ея волосахъ, на шеѣ, рукахъ, на складкахъ затканнаго золотыми колосьями синяго платья. Цѣлое состояніе было въ этихъ камняхъ, и знатоки, щурясь въ кулакъ, оцѣнивали звѣзды и ожерелья, брошки и браслеты синеокой красавицы.

— Tiens! замѣтилъ сосѣду стоявшій впереди щеголь,— наши лоретки начинаютъ не на шутку понимать толкъ въ вещахъ! Обрати вниманіе на ея лѣвую руку. Я готовъ голову прозакласть, что этотъ браслетъ происходитъ изъ шкатулки какого нибудь стариннаго дворянскаго рода. Даже обидно за такую фамильную драгоцѣнность, которой приходится красоваться на рукѣ продажной женщины!

— Тоже и скажешь! продажной...

— А то нѣтъ? Вѣдь это же la blonde Zozo венгерскаго магната Корута. Видишь гербы на дверцахъ?

— Что ты путаешь? Это вовсе не Zozo. Та maîtresse en titre лорда Уейстера.

— Ну, братъ! и отсталъ же ты отъ курса! Это ужъ архидревняя исторія... Да развѣ ты не узнаешь ея? Лордъ, конечно, ея бы до такого эталяжа не допустилъ, ну, а левантины любятъ парадировать и тщеславію ихъ нѣтъ границъ. Ради тріумфа, они не то что любовницъ, и женъ раздѣть готовы.

Да, это былъ тріумфъ! Красавицу толпа привѣтствовала настоящими оваціями, осыпая ея колесницу цвѣтами и конфетти, а она отвѣчала дождемъ сладкихъ драже, букетами васильковъ, мишурными изящными колосьями и веселымъ серебристымъ смѣхомъ.

Съ разинутымъ ртомъ, оправляя монокль на широкой лентѣ, протискивался впередъ франтъ и не могъ оторвать

взгляда отъ васильковой феи. Его преувеличенно модный костюмъ выдавалъ иностранца, рабски слѣдовавшаго модѣ. Онъ держалъ подъ руку стройную хотя и не молодую и не красивую блондинку, съ красными припухшими вѣками, очевидно супругу, которая завистливыми и злобными глазами слѣдила за мелькавшими на корсо экипажами.

— Ахъ, куда ты тащишь меня, Grégoire! И безъ того въ этой толкотнѣ мнѣ всѣ кости поломали. Ну, чего интереснаго тутъ?

— Странно! какое поразительное сходство...

— Поздравляю!.. даже за границей у тебя есть знакомыя изъ этого міра? Боже мой, до чего вы, мужчины, развратны! и она надула блѣдныя губы и отвернула отъ мужа профиль, которымъ очень гордилась.

— На этотъ разъ, мой ангелъ, ты ошиблась. Тутъ развратенъ не мужчина, а женщина. Я зналъ ее не „въ этомъ мірѣ“, какъ ты выражаешься, а сперва молодой очаровательной, хотя и бѣдной дѣвушкой, а потомъ блестящей женщиной нашего круга.

— Ахъ такъ! И ты хочешь убѣдить меня, что она была раньше порядочной? Никогда этому не повѣрю. Она всегда была, значитъ, такой, и только прикидывалась до поры до времени нравственной... Лоретка—не можетъ не проявить себя... Господи! и когда подумаешь, что для этихъ женщинъ, безъ стыда и совѣсти, все лучшее въ мірѣ къ услугамъ: цвѣты, лошади, брильянты и самые красивые и интересные мужчины! Прямо зло беретъ... Я вполнѣ теперь понимаю, почему Зизи Меркулова разъ громко заявила: зачѣмъ я не лоретка?!

— Да... но на это надо имѣть данныя!.. процѣдилъ сквозь зубы супругъ, косясь на свою изжелта-зеленую тридцати пятилѣтнюю „молодуху“, съ которой совершалъ какъ разъ свадебное путешествіе.

Въ это время на корсо произошла заминка, и экипажи остановились. Женщина въ синемъ платьѣ обернулась и встрѣтилась глазами съ франтомъ. Онъ невольно снялъ шляпу, а она, задорно сверкнувъ бѣлыми зубами, бросила въ нее мѣткимъ ударомъ букетикъ колосьевъ.

— Панъ Григорій!

— Панна Зося!

— Maman! maman! раздалось сзади. Сквозь толпу протискивалась женщина съ разодѣтой, какъ куколка, дѣвочкой на рукахъ.

— Voilà notre petite mère! Hein? Es-tu contente, poupette? Vois-tu, maman est aujourd'hui la bonne feé aux dragées!..

— Holà..! Gare!..

Изъ экипажа усыпанная драгоцѣнностями рука протягивала коробку конфетъ. Ребенокъ, отстраняя коробку, рвался къ матери.

— Prends moi avec... Lisa veut aller hop-hop!

Но лошади дернули. Няня едва успѣла перехватить коробку. Дѣвочка залилась горькими слезами и спрятала на шеѣ женщины свою мокрую мордочку. Длинные черные локоны прыгали за ея плечиками отъ усиленныхъ рыданій.

— Tiens! cela a des enfants?.. вздохнула полногрудая матрона.

. . . .

Выше и выше поднималось февральское солнце. Печально смотрѣло оно черезъ сизую дымку на мертвый утонувшій въ снѣгу уѣздный городъ. Робко сквозь тусклыя двойныя рамы падалъ косой лучъ на зерцало, на столъ покрытый зеленымъ сукномъ, на шейныя цѣпи сидѣвшихъ за нимъ должностныхъ лицъ и на тѣснившуюся за перилами публику.

— Не напирай! Чего лѣзешь? Вѣдь все равно торговаться не станешь? удерживалъ приставъ нажимавшій на сосѣдей народъ.

-- А что идетъ-то? допрашивала какая-то чуйка.

— Лавка Мижуевская! сострилъ тулупъ.

— Я те лавку покажу! огрызнулась, показывая красный кулакъ, чуйка. — Смотри, какъ бы тебя самого съ торговъ не пустили.

— Не тѣ времена! отвѣтилъ другой тулупъ. Нонеча людьми не торгуютъ. Слава-те, Господи, спасибо Царю батюшкѣ! Довольно насъ допрежъ его, что скотину, въ энтой самой хороминѣ, съ торговъ скупали.—И онъ истово перекрестился.

Съ торговъ шло помѣстье Колычево, что при селѣ Колычевѣ, принадлежавшее покойному отставному гвардіи полковнику Ивану Николаевичу Колычеву.

„Земли 800 десятинъ; изъ нихъ подъ усадьбою 32 десятины. Домъ деревянный, старый, крытый желѣзомъ. Надворныхъ построекъ 14 и т. д.“

Длинный перечень имущества занималъ цѣлый столбецъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Торгующихся было заявлено двое: повѣренный жены тайнаго совѣтника Александры Николаевны Сотовой, въ дѣвичествѣ Колычевой, С-ской губерніи, Горскаго уѣзда, лекарь Игнатій Львовъ Яшневъ и 2-ой гильдіи купецъ Нилъ Абрамовъ Стратилатовъ.

По обоюдному согласію супруговъ Сотовыхъ было рѣшено не выпускать изъ рукъ этого послѣдняго клочка родовой земли. Остальныя 2000 десятинъ Колычевской вотчины оказались уже запроданными Романомъ купцу Сердюкову и пошли сразу за срочный долгъ ему. Разоренная усадьба потеряла за эти годы всякую цѣнность и требовала, для своего возстановленія и приведенія въ порядокъ, большихъ затратъ. Скотъ и птица перевелись, плодовыя деревья померзли, оранжереи и грунтовые сараи погибли безъ ухода. Какъ ни сторожилъ, ни грозилъ, ни уговаривалъ Евграфъ, но бывшіе дворовые безъ господъ разбѣгались, ища должностей на сторонѣ, и, уходя, каждый тащилъ, что могъ, изъ барскаго добра. На усадьбу, заклейменную преступнымъ польскимъ заговоромъ, охотниковъ было мало, а оставшаяся земля была хуже отошедшей къ Сердюкову, да и на ней имѣлось запрещеніе и масса мелкихъ долговъ.

Торги начинались съ оцѣночныхъ 17 тысячъ 633 рублей, но Игнатій Львовичъ имѣлъ полномочіе довести цифру до 25 тысячъ въ крайнемъ случаѣ.

Стратилатовъ надбавлялъ то по „бѣленькой“, то по сту рублей. Публика подзадоривала купца, который въ ожиданіи выгодной покупки хватилъ для храбрости и все болѣе разгорячался.

— 19 тысячъ и 850 рублей! выкрикивалъ аукціонистъ съ молоткомъ въ рукѣ.

— Эй, Абрамычъ, не скупись! накидывай!..

— Съ бѣленькой! раздавался козлиный тенорокъ.

— 19 тысячъ 875 рублей! поднимался молотокъ.

— 125 рублей! прибавлялъ Яшневъ.

— Радужная! козлилъ Стратилатовъ...

Наконецъ дѣло дошло до 25 тысячъ.

— Съ бѣленькой! захлебываясь выкрикнулъ купецъ, багровѣя отъ азарта.

Яшневъ молчалъ.

— Пять рублей! раздался дребезжащій старческій голосъ. Всѣ оглянулись на высокаго старика въ старинной синей бекешѣ, повидимому съ барскаго плеча.

— 25 тысячъ и 30 рублей! провозгласилъ аукціонистъ.

— Радужная!

— Валяй братъ! подзадоривали чуйки.

— Пять рублей!

— Ишь, старый хрычъ, не отстаетъ... Бѣленькая!

— Двѣ! перебилъ старикъ.

— Эй, сколько-жъ тамъ? Ваше высокоблагородіе, мы не можемъ такъ! называйте громче.

— А вы, почтеннѣйшій, не перебивайте, а слушайте: 25 тысячъ и 460 рублей.

— Радужная!

— Двѣ!

— Ишь валяетъ... Еще одна!

Старикъ все надбавлялъ. Яшневъ, слѣдя за нимъ поверхъ своихъ темныхъ очковъ, удивленно поднималъ брови.

— Ваше имя? спросилъ его приставъ.

— Мое, ваша милость, ни къ чему... а имѣнье на имя ея превосходительства генеральши Сотовой отписать извольте...

— Отъ генеральши Сотовой есть свой повѣренный.

Старикъ протиснулся къ Яшневу и что-то передалъ ему на ухо. Докторъ кивнулъ головой.

— 25 тысячъ и 760 рублей! выкрикнулъ аукціонистъ.

Стратилатовъ молчалъ.

— 25 тысячъ и 760 рублей! второй разъ.

— Бѣленькая! не вытерпѣлъ купецъ.

— Пятнадцать рублей! перебилъ Яшневъ, и снова началась къ удовольствію публики потѣха.

Наконецъ Стратилатовъ угомонился...

— 27 тысячъ и 50 рублей! Въ первый разъ! 27 тысячъ и 50 рублей—во второй разъ! 27 тысячъ и 50 рублей—въ третій разъ!.. Молотокъ стукнулъ о столъ...

Старая вотчина осталась за сестрою прежняго владѣльца.

Поздно вечеромъ въ сѣромъ домикѣ на Успенской улицѣ горѣлъ огонь въ зальцѣ и шумѣлъ на столѣ самоваръ.

Низко нагнувшись надъ книжками, сидѣли черномазые мальчуганы. Въ углу въ почтительномъ разстояніи прихлебывалъ чай высокій старикъ. Яшневъ въ халатѣ и съ мундштукомъ въ зубахъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Ну, Евграфъ Тимофѣевичъ, и повоевали же мы! а?.. а все спасибо тебѣ! выручилъ...

— Какже не выручить-то было? Вѣдь только подумаешь, что могилка моего батюшки-барина въ чужія руки перейти могла, такъ сердце и оборвется.

— Небойсь, все просадилъ сегодня?

— Нѣтъ-съ, еще сотни двѣ остаются. А потребуйся,—я бы и ихъ отдалъ.

— А самъ-то какже будешь нынче? Что если генеральша твои двѣ тысячи не вернутъ?

— Ихъ воля... обойдусь... деньги дѣло наживное... А только развѣ можно, чтобы вотчина дворянская да купцу досталась? Земля родовая,—ей въ роду и оставаться.

— Да вѣдь родъ-то, почитай, вымеръ!

— А барышня, Лизавета Ивановна? Онѣ вѣдь и тетенькѣ единственная законная наслѣдница.

— Ну, братъ, для нея покупать не стоило. Ей врядъ ли вернуться придется... Мать не отпуститъ...

И докторъ, выпустивъ клубъ дыма, испытующе взглянулъ на сильно за эти два года осунувшееся лицо вѣрнаго Личарды...

— Все можетъ быть... какъ знать! пробормоталъ старикъ.

. . . .

За окномъ крутилась метель; пытаясь заглянуть въ окно и подслушать, о чемъ говорятъ люди, налетѣлъ снѣжный смерчъ и ударился въ освѣщенныя стекла. Черезъ минуту

онъ уже крутился дальше по улицамъ, по старому большаку, до самой занесенной сугробами просѣки. Здѣсь, поднимая новые столбы жемчужной пыли, онъ съ новой силою ударился о заколоченныя ставни стараго дома и разбился на отдѣльные мелкіе вихри... Запѣли бѣлыя струйки, закружились хороводомъ и побѣжали вокругъ дома въ древній, окованный зимнимъ сномъ садъ, все дальше по широкой аллеѣ, черезъ прудъ къ кулигѣ съ крестами.

„Спите! пѣлъ вѣтеръ... Спите! сладко спать людямъ въ родной усадьбѣ... въ исконной родимой вотчинной землѣ...

Конецъ первой части.

Часть вторая.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Подъ покровомъ бѣлоснѣжнымъ
Тихо дремлетъ барскій дворъ.
Мѣсяцъ на небѣ безбрежномъ
Совершаетъ свой дозоръ.
И не вѣрится, что гдѣ-то
Жизнь кипитъ и бьетъ ключомъ,
И что люди въ шумѣ свѣта
Безпокоятся... о чемъ?

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Вотъ такъ морозецъ! Словно французъ изъ пушки пальнулъ.

И Кирилловна снова натянула съѣхавшую было съ плеча коричневую шубейку, хотя въ комнатѣ такъ и палило отъ жарко натопленной печки.

Барыня у круглаго стола, гдѣ подъ зеленымъ стекляннымъ колпакомъ ярко горѣла лампа, продолжала молча свое вязанье, но прислопившаяся къ притолокѣ босоногая Танька весело фыркнула на замѣчаніе бабушки. Ея локоть уже начинало сводить отъ усилій удержать подъ мышкой огромный клубокъ, привычные пальцы все медленнѣе спускали и поднимали петли грубаго чулка, и она рада была хоть на минуту перевести духъ. Но черные глаза старухи строго черезъ очки поднялись на нее, и дѣвочка, переступивъ босыми ногами, снова зашевелила спицами. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ комнатѣ царило мертвое молчаніе. и слышалось только легкое позвякиваніе иголокъ трехъ вязальщицъ, неутомимо, словно три Парки, поглощенныхъ работою.

За печкой что-то зашуршало. Осторожно, поводя усиками, показалась голова чернаго таракана. Убѣдившись, что

все благополучно и опасности ниоткуда не грозитъ, онъ поползъ по плинтусу и только что собирался перебраться отъ притолоки черезъ пустое пространство двери, какъ его открыли быстрые глаза Таньки.

— Ахъ! черный тараканъ, барыня!

Александра Николаевна, питавшая къ нимъ неодолимое отвращеніе, съ испугомъ вскочила.

— Дави его, дави!

Кирилловна во время удержала Таньку.

— Что вы, что вы, матушка! это не паукъ! Того задавишь— сорокъ грѣховъ отпустится, а таракана нельзя,—онъ къ прибыли, къ благополучію.

Виновникъ переполоха, словно почуявъ опасность, свернулъ въ темную гостиную, гдѣ и не замедлилъ скрыться.

— Что за вздоръ, Кирилловна! Какое благополучіе? Грязь, гадость. И откуда онъ взялся? Вѣрно, ты, Танька, изъ людской затащила?

— Нѣтъ, барыня, у насъ ихъ не видать.

— Никогда и небыло, а по-вашему пусть вздоръ, по-моему—къ благополучію. Старики никогда черныхъ таракановъ выводить не позволяли. Рыжіе другое дѣло, а черныхъ— нельзя.

— Неряхи твои старики были, вотъ и все. Разыщи его, Танька, и брось въ ведро.

Танька, довольная случаемъ оторваться отъ работы, усердно заползала на четверенькахъ подъ столами и стульями, но непріятель исчезъ безслѣдно.

Въ это время стѣна стараго дома снова треснула.

— Ишь ты, морозъ какой!—повторила снова Кирилловна.— Танька, чего долго возишься? Поди сюда... Такъ тебя тараканъ и будетъ ждать! Вильнулъ усами и убѣгъ. Подыми-ка мнѣ петлю. Что это, Господи, какъ Арефія долго нѣтъ. Еще мнѣ Митьку заморозитъ. Говорила, не бери мальчонка! нѣтъ, потащилъ!

Барыня въ отвѣтъ только вздохнула.

— Слышь ты,—шопотомъ уже продолжала Кирилловна:— выбѣги на крылечко, да послушай, не слыхать ли колокольчика!

— Валенки надѣнь!—громко прибавила барыня, и Танька въ восторгѣ отъ неожиданной свободы, буркнувъ „хорошо!“ бросилась изъ комнаты.

Напяливъ въ сѣняхъ стоявшія всегда наготовѣ валенки, она накинула на плечи тулупчикъ и, хлопнувъ дверью на блокѣ, шмыгнула на дворъ.

— Безрукая! — проворчала Кирилловна, взглянувъ на вздрогнувшую Александру Николаевну.

Танька узкой, протоптанной по глубокому снѣгу тропинкой побѣжала къ воротамъ. Мѣсяцъ выплылъ на самую середину неба и серебромъ игралъ на бѣлыхъ крышахъ служебъ и дома. Старыя липы простирали изъ-за стѣнъ свои длинные, словно окутанные ватою, сучья. Изгородь изъ высокихъ кустовъ боярышника сплошнымъ снѣжнымъ валомъ окружала дворъ. Напротивъ чернѣла березовая съ просѣкою роща и бросала длинныя рѣзкія тѣни черезъ дорогу.

Все было тихо, безлюдно, мертво.

Танька запрокинула голову и уставилась на мѣсяцъ, окруженный радужнымъ сіяньемъ. Вдругъ откуда-то издали послышался вой.

Собаки на селѣ отозвались громкимъ лаемъ. Кара въ сопровожденіи двухъ своихъ лохматыхъ щенковъ появилась изъ-за угла конюшни и, понюхавъ воздухъ, подняла морду къ небу и тоже завыла.

— Цыцъ, Кара! молчи, дура.

Танькѣ стало жутко, и она припустилась бѣжать къ дому.

Щенки, не обращая вниманія на воющую мать, устремились за дѣвочкой и, пока она съ трудомъ отворяла тяжелую дверь, проскользнули между ея валенокъ и кубаремъ вкатились въ спальню Александры Николаевны. Кирилловна не успѣла опомниться, какъ одинъ изъ нихъ, вспрыгнувъ съ разлета къ ней на колѣни, лизнулъ ея сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо, а другой очутился за спиной у барыни.

— Ахъ вы негодяи! Это Танька ихъ привела. Зелье дѣвчонка! сколько разъ говорила ей не пускать этой дряни въ комнаты.

— Оставь, Кирилловна, имъ вѣдь тоже холодно! Небойсь, рады погрѣться.

— Вотъ вы таракановъ боитесь, а щенятами грязными не брезгуете, все равно, что Танька, рады возиться съ ними.

— Ничего не слыхать, баунька!—проговорила вошедшая дѣвочка, едва переводя духъ и внося въ духоту комнаты струю морознаго воздуха.

— Чего Кара воетъ?—спросила барыня.

— Волка почуяла, изъ-за Кожина слыхать.

— То-то ты такъ скоро и вернулась!—замѣтила насмѣшливо Кирилловна.—Испугалась, что тебя съѣстъ?

— Только бы нашихъ не тронули! — пробормотала внучка.

— Глупая, да когда же волкъ лошадь съ колокольчикомъ тронетъ!

Танька со вздохомъ пристроила свой клубокъ, щенята, согрѣвшись въ комнатѣ, положили головы другъ другу на спину и мирно улеглись на коврѣ у ногъ Александры Николаевны, и снова три Парки принялись за работу, каждая въ ладъ спицамъ думая свою думу.

Танька мечтала о башмакахъ со скрипомъ, которые ей по заказу барыни долженъ былъ привезти отецъ, Кирилловна безпокоилась о своемъ любимчикѣ, ея девятилѣтнемъ братѣ Митькѣ, а Александра Николаевна вся ушла въ столь недавнее прошлое.

Восемь лѣтъ тому назадъ блестящая карьера Семена Михаиловича Сотова вдругъ прервалась. Пятой по счету, столь ожидаемой имъ звѣзды онъ такъ и не получилъ. На открывавшіяся высшія должности его не назначали, и онъ уже нѣсколько лѣтъ исполнялъ чужія обязанности, не получая никакихъ отличій по службѣ. Почему его стали обходить и выдвигать людей болѣе молодыхъ и, конечно, менѣе достойныхъ—было прямо необъяснимо. Тогда Семенъ Михайловичъ рѣшился на послѣднее, отчаянное средство: онъ самъ заговорилъ, что чувствуетъ себя утомленнымъ и что ему пора на покой. Ему не возражали и не удерживали. Возмущенный, онъ послалъ прошеніе объ отставкѣ, кото-

рому данъ былъ немедленный ходъ. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья ему назначили усиленную пенсію и произвели въ высшій чинъ. И онъ дѣйствительно заболѣлъ съ досады. Доктора посовѣтовали уѣхать поскорѣе на свѣжій воздухъ въ деревню. Сотовъ съ радостью ухватился за эту мысль и рѣшилъ весь остатокъ своихъ болѣе не цѣнимыхъ правительствомъ силъ и способностей посвятить на служеніе земскому дѣлу и привести въ образцовый порядокъ только что купленныя съ торговъ 800 десятинъ Колычева, чтобы доказать „имъ“, то-есть его министру и товарищамъ, что, не смотря на возрастъ, онъ по прежнему бодръ умственно и физически.

Отъ виллы въ то время оставались однѣ почернѣвшія, обугленныя развалины. Сотовымъ волей-неволею пришлось помѣститься въ сѣромъ домикѣ пана Романа. Съ теченіемъ времени они его немного перестроили, подновили, перекрыли крышу, оклеили комнаты новыми обоями, перевезли кое-какую мебель изъ Петербурга, и Семенъ Михайловичъ принялся хозяйничать. Много денегъ стоило это хозяйство. Доходу имѣніе не давало никакого, а поглощало средствъ безъ конца, потому что отставной сановникъ упрекая своихъ предшественниковъ, пана Романа и зятя, а равно и всѣхъ сосѣдей, въ рутинѣ, повелъ хозяйство по „настоящей англійской“ системѣ. Онъ сталъ сразу хвататься за всевозможныя новшества и ничего, понятно, кромѣ убытка, отъ нихъ не получалъ. За шесть лѣтъ на эти затѣи былъ ухлопанъ весь запасной капиталъ, и если бы не пенсія, имѣніе снова пошло бы съ молотка.

Овдовѣвъ два года назадъ, Александра Николаевна не тронулась съ мѣста. Она рѣшила дожить свой вѣкъ въ старомъ родовомъ гнѣздѣ, въ томъ домикѣ, гдѣ протекли послѣдніе годы ея безоблачнаго супружества и гдѣ каждый гвоздь, каждая картина были прибиты руками ея незабвеннаго Simon.

Въ хозяйство она пока не входила, — все, что можно было сдать въ аренду, она сдала мужикамъ, и хотя доходы были ничтожны, но убытковъ по крайней мѣрѣ не было, а получаемой ею послѣ мужа пенсіи хватало на жизнь и ежедневныя потребности.

Послѣ смерти барина Кирилловна выписала изъ Горокъ своего племянника Арефія, который и утвердился приказчикомъ на барскомъ дворѣ. Городскую прислугу разсчитали. Обязанности горничной исполняла дочка Арефія Танька. Она состояла въ полномъ распоряженіи Кирилловны, а та по прежнему поспѣвала всюду, и Александра Николаевна жила, не замѣчая отсутствія прежней многочисленной челяди. Къ внуку своему Митѣ, родившемуся за годъ до водворенія въ Колычевѣ, Кирилловна питала особую нѣжность, зато двѣнадцатилѣтній Танькѣ приходилось туго. Довольно было взглянуть на ея оттопыренный локоть, державшій клубокъ, и поймать испуганно жалобный взглядъ, какой бросала дѣвочка на бабушку, когда клубокъ укатывался въ уголъ, чтобы понять степень рабской покорности внучки. Зато Танька знала неизмѣримо больше своихъ деревенскихъ сверстницъ. Александра Николаевна, развлеченья ради, стала учить ее грамотѣ. За послѣдній гладко выученный урокъ она велѣла Арефію привезти дочери новые башмаки,и Танька съ замираніемъ сердца ждала его возвращенія изъ города...

Если бы кто-нибудь сказалъ Сашенькѣ, что она переживетъ мужа, что послѣ его смерти она будетъ въ состояніи двигаться, ѣсть, спать и если не съ интересомъ, то хоть равнодушно выслушивать другихъ людей,—она бы никогда этому не повѣрила.

Между тѣмъ время начинало брать свое. Она просыпалась уже безъ того остраго толчка въ сердце, когда вдругъ при первомъ мгновеніи пробужденія съ безпощадной ясностью рисуется снова невозвратимая потеря. Она уже не приходила въ отчаяніе при мысли, что минувшая ночь не унесла и крупицы ея горя, и что онъ не встанетъ, не войдетъ, не приласкаетъ ея. Медленно, страшно медленно тянулись часы, дни, недѣли, мѣсяцы,—но горе становилось тише, боль тупѣе, словно она уходила куда-то глубже, хотя и была неотступно при ней.

...Прошло добрыхъ полчаса. На дворѣ давно уже замолкшая Кара вдругъ разсыпалась мелкимъ радостнымъ лаемъ. Щенята отозвались. Кирилловна сама вышла на крыльцо и черезъ минуту вернулась съ радостнымъ лицомъ.

— Ѣдутъ! пойду, самоваръ раздую.

Лай смолкъ. Издали слышался колокольчикъ, то замирая, то заливаясь еще громче послѣ минутнаго перерыва. Тройка была еще очень далеко, и только благодаря мертвой тишинѣ ночи, звуки доносились на такомъ разстояніи. Когда, наконецъ, заиндевѣлые кони въѣхали во дворъ, у Кирилловны уже давно кипѣлъ самоваръ, и горѣли краснымъ пламенемъ дрова подъ плитою.

Съ ворчливо-добродушнымъ лицомъ встрѣтила она племянника и внука.

— Что, замерзъ, небойсь? садись къ печкѣ-то! —говорила она, раскутывая толстощекаго Митьку.— Поѣхали и пропали!..

— Ну, бaунька, не урчи... я тебѣ гостинца не забылъ,— говорилъ мальчикъ, дуя въ красные, иззябшіе пальцы.— Мы волка видѣли, такъ глаза и горятъ, ровно уголья! Страшный такой!..

Отецъ его, съ помощью жены своей Матрены и Таньки, разбирался въ саняхъ. Кромѣ обычныхъ закупокъ по хозяйству—крупы, гвоздей, керосину и пр., была не забыта и почта: пачка газетъ за двѣ недѣли, книжка „Русскаго Вѣстника“, выписываемаго по старой памяти и послѣ смерти Семена Михайловича, и нѣсколько писемъ. Одно изъ нихъ было съ заграничной маркой и штемпелемъ Парижа.

Когда почта очутилась на столѣ передъ барыней, она машинально взялась прежде всего за это письмо. Рука была четкая, но незнакомая. Александра Николаевна повертѣла его передъ глазами; не признавъ почерка, свободной спицей она вскрыла конвертъ, взглянула на подпись и—обомлѣла: Зося!?

Подпись была русская, но все письмо было написано по французски, совершенно другимъ почеркомъ, чѣмъ на конвертѣ. Неровныя словно ребенкомъ выведенныя буквы проскальзывали вдругъ между четкихъ строкъ, точно писавшая ихъ рука тряслась и не разъ отрывалась отъ работы.

„Милостивая Государыня! (Въ письмѣ стояло—Madame! но мы его лучше переведемъ по-русски). Прочтя мою подпись, вы, можетъ быть, не захотите дочитать письмо до конца,—но именемъ вашего покойнаго брата заклинаю васъ.

не бросайте начатаго чтенія. Не правда ли, вамъ кажется наглостью упоминаніе мною имени мужа, но ради его дочери, вашей крестницы (эти слова были подчеркнуты), умоляю васъ, выслушайте меня. Тамъ, куда онъ ушелъ по своему желанію, куда и я уйду вскорѣ, онъ убѣдился, что моя дочь была и его дочерью. Если я выдала Лизу за дочь графа Запольскаго, то только потому, что это было единственнымъ условіемъ, при которомъ онъ долженъ былъ отказаться отъ нея, отъ своихъ правъ на дѣвочку, а самой мнѣ разстаться съ нею—было выше моихъ силъ. Если бы я могла предвидѣть, что мои слова убьютъ—о, какъ страшно и сейчасъ это слово—да! убьютъ человѣка, я, клянусь вамъ, не произнесла бы ихъ. Но мнѣ тогда было всего двадцать два года. Я не взвѣшивала ни словъ, ни поступковъ своихъ, я была глупымъ, наивнымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, но не убійцей. Я глубоко уважала,—видите, я не лгу, я не говорю: любила,—вашего брата, я была несказанно благодарна ему, что онъ вырвалъ меня изъ того ничтожества, въ которое поставило меня мое происхожденіе, но ему было уже далеко за сорокъ, а Стася Запольскаго, вспомните, вы сами въ Веве находили неотразимымъ. За свое легкомысліе я была жестока наказана. Брошенная моимъ возлюбленнымъ ради пожилой, но богатой невѣсты, я близко узнала горе тогда и нищету теперь...

„И вотъ, послѣ десяти слишкомъ лѣтъ молчанія, я обращаюсь снова къ вамъ. У меня чахотка, и доктора предупредили меня, что жить мнѣ остается недолго. Если вы, милостивая государыня, согласны пріютить дочь вашего брата, послѣднюю представительницу рода Колычевыхъ, отвѣтьте мнѣ немедленно. Дѣвочка моя находится въ монастырѣ въ городѣ Б. За нее заплачено за два мѣсяца впередъ. Если же и васъ беретъ сомнѣніе въ законности носимаго ею имени, я должна буду обратиться къ представителямъ нашей единой истинной церкви съ просьбой принять въ ея лоно отвергнутаго всѣми ребенка, и когда моей дочери исполнится двадцать одинъ годъ, она произнесетъ монашескій обѣтъ. Обращаясь къ вамъ, я дѣлаю послѣднюю попытку вернуть моей дѣвочкѣ ея законныя права. Можетъ быть, она будетъ счастливѣе своей матери.

„Если въ вашемъ сердцѣ есть хоть капля состраданія къ чужому горю, то вы, сударыня, взявъ мою дочь, пожалѣете и меня. Какъ я жила, разставшись съ Запольскимъ, я знаю—не тайна для васъ, но я сама отдала свою трехлѣтнюю дѣвочку къ добрымъ сестрамъ въ Б., чувствуя, что ей не мѣсто въ моемъ домѣ. Тяжкой болѣзнью и нуждой искупаю я свою бурную юность, я не хочу оправдываться, но умоляю: сжальтесь! Во имя тѣхъ невозвратныхъ дней, которые мы вмѣстѣ провели когда-то, и которые я всегда считала нелицемѣрно лучшими въ жизни, умоляю васъ,— пусть дочь моя молится за грѣшную мать, не какъ за падшую женщину! Скройте отъ нея подробности и причины нашего разрыва и его послѣдствія... О смерти отца я ей сообщила, но не о самоубійствѣ его.

„Если вы дадите утвердительный отвѣтъ, дѣвочка будетъ вамъ доставлена въ Варшаву добрыми людьми, принимающими во мнѣ участіе. Взглянувъ на нее, вы сразу убѣдитесь, что она дочь вашего брата,—сходство прямо поразительное. Я очень сожалѣю, что, благодаря отсутствію фотографіи въ Б., мнѣ не удалось снять ее, и я не могу поэтому, для вашего убѣжденія, выслать ея портретъ, но я еще разъ клянусь, послѣдней предсмертной клятвой,—она носитъ свое имя законно.

„Дай Богъ мнѣ силы дожить до вашего отвѣта.

„Зося“.

Въ столовой давно отшумѣлъ самоваръ и стылъ заваренный Кирилловною чай, а Александра Николаевна все не выходила изъ спальни. Откинувшись на спинку дивана, съ раскрытымъ дважды прочитаннымъ письмомъ на колѣняхъ, она сидѣла не двигаясь, глядя въ одну точку. Кирилловна уложила наконецъ Митьку и послала Таньку принять самоваръ. Когда сіяющая дѣвочка въ новыхъ козловыхъ башмакахъ со скрипомъ вошла въ столовую, чай стоялъ не тронутымъ. Постоявъ немножко, она опрометью бросилась къ бабушкѣ.

— Баунька, а барыня чаю не пили! поди, опять плачутъ...

Кирилловна своей легкой походкой вошла къ барынѣ и застала ее въ той же позѣ, но безъ слезъ.

— Что это вы, матушка, такъ призадумались? Чай совсѣмъ застылъ.

Александра Николаевна очнулась, сложила письмо и покорно вошла въ столовую. Машинально налила она чашку чая и, выпивъ ее, приказала убирать. Она даже забыла выложить на подносъ ежедневные два куска сахара для старухи и Таньки.

Кирилловна, весьма чувствительная къ подобной непривычной невнимательности, съ изумленіемъ воззрилась на барыню и поняла, что дѣло нешуточное и неладное.

— Али что случилось? Не померъ ли кто изъ прежнихъ питерскихъ?

Она знала наперечетъ всѣхъ друзей Сотовыхъ и со свойственной ей живостью весьма интересовалась каждой мелочью ихъ жизни.

— А письмо отъ кого было?—прибавила она, замѣтивъ вскрытый конвертъ.

Александра Николаевна, несмотря на всю откровенность со старухою, рѣшилась пока промолчать и уклончиво отвѣтила:

— Изъ за границы. Ты ихъ все равно не знаешь.

Кирилловна окончательно обидѣлась и молча стала собирать со стола. Но барыня была такъ поглощена мыслями, что никакого вниманія на это не обратила. Вернувшись въ спальню, она снова перечла письмо.

Кирилловна, спавшая въ комнатѣ за кухней, давно кончила свои поклоны и улеглась въ высоко взбитыя перины, гдѣ ея маленькое, сморщенное тѣльце совершенно утонуло. Танька давно храпѣла за шкафомъ въ передней, а Александра Николаевна все еще ходила изъ спальни черезъ гостиную въ столовую и обратно, какъ часовой. Мысли ея понемногу разъяснились, и отвѣтъ на вопросъ, принесенный заграничнымъ письмомъ изъ водоворота Парижа въ глушь мирно и вяло дремавшей деревенской усадьбы, былъ готовъ: Лиза Колычева должна вернуться въ родовое гнѣздо. Послѣдній отпрыскъ стараго дворянскаго рода долженъ быть обратно пересаженъ на родную почву.

———

II.

От суетнаго свѣта мы оградились
Высокой каменной стѣной.
Мы цѣлыми ночами въ слезахъ молились,
Чтобъ міръ позабыть намъ земной.
На мраморъ холодный, на голыя плиты
Мы ницъ повергались крестомъ.
Въ насъ помыслы плотскіе навѣки убиты,
Мы страсти смирили постомъ.
(Изъ „Бѣлыхъ Инокинь“. М. К.).

Длинная, свѣтлая лента шоссе, безъ колей и выбоинъ. Высоко поднялись пирамидальные тополя. Двумя непрерывными цѣпями окаймляютъ они дорогу и тихо шелестятъ свой привѣтъ проѣзжающему омнибусу. Кое-гдѣ небольшія, аккуратныя рощицы буковъ и дубковъ прерываютъ зеленѣющія поля и хмелевыя посадки, отъ палокъ которыхъ цѣлый частоколъ голубыхъ тѣней ложится на бѣлую пыль шоссе. Вдалекѣ изъ-за холма вынырнула остроконечная темная крыша колокольни.

— Voilà les bonnes soeurs de B.,—говоритъ полной дамѣ поджарый сосѣдъ-старичокъ въ широкополой шляпѣ.— On sonne les vêpres.

Почтовая карета пріостанавливается. Кучеръ набожно снимаетъ свой клеенчатый цилиндръ. Фермерша съ огромной корзиной на колѣняхъ низко опускаетъ голову въ накрахмаленномъ чепцѣ. Въ тишинѣ звонитъ колоколъ тонкими двойными ударами, и словно въ ладъ ему трясутъ головами низкорослыя, съ подстриженными щеткою гривами лошадки и позвякиваютъ бубенчики на ихъ красныхъ хомутахъ. Благовѣстъ кончился.

— Allons!

Бичъ щелкнулъ. Колеса вновь застучали по полотну дороги, и снова замелькали тополя, жерди и полосы раздѣланныхъ тщательно полей. Но вотъ почтальонъ подноситъ къ губамъ трубу...

— Tra-ta-ta-ta-tam!

У дороги поднялась сѣрая каменная сплошная ограда. Низко перевѣсились черезъ нее вѣтви деревьевъ, только

что одѣвшіяся молодою зеленью. За ними видны какія-то зданія, съ длинными рядами оконъ. Стѣна прерывается домикомъ съ крыльцомъ по серединѣ и съ вывѣской „Hôtel des deux poiriers“.

По обѣ стороны крыльца два толстыхъ грушевыхъ дерева расправили шпалерами по стѣнамъ свои извилистые сучья и сѣткой заплелись на бѣлой штукатуркѣ. Блѣдные цвѣты съ розоватыми лепестками и кроваво-красными тычинками гроздями сидятъ на черныхъ вѣткахъ, и только кое-гдѣ, какъ пушокъ, пробиваются то здѣсь, то тамъ мелкіе, клейкіе листочки. Это единственная въ мѣстечкѣ гостиница.

Щелкнувъ бичомъ, кучеръ остановилъ лошадей.

— Holà!

На крыльцо выскочилъ малый въ зеленомъ фартукѣ, помогъ сойти Александрѣ Николаевнѣ и стащилъ съ крыши омнибуса ея чемоданъ. Подъ всеобщее и единодушное: „Bonsoir, madame!“ она разсталась со своими спутниками и по узкой клеенчатой дорожкѣ вошла въ коридоръ гостиницы.

Здѣсь въ бѣломъ чепцѣ и синемъ клѣтчатомъ передникѣ встрѣтила ее хозяйка отеля. Ея толстое, румяное, какъ опортовское яблоко, лицо засіяло отъ радости. По дорожному костюму, по кожаному чемодану опытный глазъ старухи сразу опредѣлилъ иностранку и барыню de bonne maison, и она, гремя ключами, быстро прошла въ верхній этажъ и отперла свою лучшую комнату.

— Vous serez ici comme chez le bon Dieu!

Бѣлый, чисто-начисто вымытый полъ. Подъ бѣлымъ же тюлевымъ пологомъ бѣлая кровать съ периной въ пестрой шелковой наволокѣ. Мягкое кресло у окна. Зеркало надъ каминомъ съ часами и парой бронзовыхъ канделябровъ. Письменный столъ съ такой же чернильницей и со спичечницей, сплошь набитой разноцвѣтными спичками. Старуха открыла боковую дверь.

— Voilà le cabinet de toilette de madame!

Это была трехугольная каморка съ умывальникомъ и вѣшалками по стѣнамъ, куда мигомъ водворился на складной тубаретъ чемоданъ Сотовой.

— On dîne à 6 heures. Madame descend pour la table d'hôte ou dois-je lui faire monter le dîner?

И все это ласково, съ сіяющей улыбкой на румяномъ лицѣ...

Александра Николаевна наскоро пообѣдала и справилась, когда и какъ можно проникнуть въ монастырь, гдѣ у нея воспитывалась племянница. Оказалось, что придется подождать утра. По старому строгому уставу послѣ всенощной посѣтители не допускались. Сотова вернулась къ себѣ и, сѣвъ въ кресло у окна, погрузилась въ думу.

Итакъ, завтра она увидитъ наконецъ свою племянницу. Полно! племянницу ли?.. А что, если Зося схитрила до конца, если въ этой Лизѣ Колычевой не было не только ничего колычевскаго, но и русскаго? Вѣдь не отрицала же Зося своей связи съ Запольскимъ?.. Какъ справиться съ этой трудной, взятой на себя задачей? Дѣвочкѣ уже почти 12 лѣтъ. Врядъ ли она знаетъ хоть одно русское слово...

А характеръ? Въ кого она пошла, если даже допустить, что она дочь брата? Хорошо, если, унаслѣдовавъ по свидѣтельству матери, черты лица отца, она вышла и нравственнымъ обликомъ въ него, а если нѣтъ? Если и она такъ же склонна къ фальши и пустотѣ, какъ ея мать?..

А вѣра? Какой она вѣры? По метрикѣ, конечно, православной, а по воспитанію? Католики, а монахини тѣмъ искуснѣе, умѣютъ опутывать юныя души...

И страшно становилось Александрѣ Николаевнѣ за свою отвѣтственность. Какъ уживется это молодое существо въ новой, непривычной для нея обстановкѣ, гдѣ все, все будетъ чуждымъ—и люди, и религія, и языкъ, и сама природа.

Что общаго между этимъ гладкимъ шоссе и проселкомъ, ведущимъ черезъ старые, насыпанные еще французами редуты, черезъ кожинское болото, гдѣ водятся въ изобиліи ужи, и черезъ Боровиковъ лѣсъ съ толстыми корчагами, между которыми зимою горятъ огоньки жадныхъ волчьихъ глазъ? А гостиница? убогая гостиница уѣзднаго города, гдѣ имъ неминуемо придется переночевать? Боже, какой контрастъ съ этимъ чистымъ комфортабельнымъ номеромъ! Александра Николаевна невольно улыбнулась, вообразивъ

себѣ длинную комнату съ подслѣповатымъ зеркаломъ и засиженными мухами картинками на тему пѣсни: „По всей деревнѣ Катенька красавицей слыла...“, надъ жесткимъ, словно камнями набитымъ, оборваннымъ клеенчатымъ диваномъ.

И вся наша русская провинціальная жизнь съ ея безалаберностью, сонливостью и грязью ярко представилась ей.

„Что могу я предоставить этой дѣвочкѣ, выросшей при совершенно необыденныхъ условіяхъ? Запереть въ Колычевѣ? Сломать снова привычную жизнь послѣднихъ лѣтъ и переѣхать въ Петербургъ?“ Александрѣ Николаевнѣ даже жутко стало при этой мысли.—Бросить изъ-за Зосиной дочери могилу мужа, все, что ей осталось единственно дорогого на свѣтѣ?.. Нѣтъ! никогда. Лучше оставить эту дѣвочку здѣсь въ монастырѣ и навѣщать ее иногда... А потомъ? Потомъ поручить добрымъ сестрамъ подыскать ей подходящаго мужа... француза?..

И въ тысячный разъ она упрекнула себя за легкомысліе. Поспѣшивъ тогда отвѣтить Зосѣ, она долго ждала отъ нея письма. Наконецъ въ мартѣ пришелъ на ея имя заказной пакетъ съ метрикой „законной дочери“ потомственнаго дворянина Ивана Николаевича Колычева и жены его Софіи Романовны, въ дѣвичествѣ Юшкевичъ, выданной изъ колычевской церкви по прошенію нѣкоего Завидича... Въ этомъ же пакетѣ находилась и копія съ нотаріальнаго завѣщанія Зоси, передававшей ей всѣ права на дочь свою, и извѣщеніе о ея смерти и погребеніи, засвидѣтельствованное конторой больницы—madame Sophie de Kolitcheff, décédée ce 28 mars.

Александра Николаевна тотчасъ же выслала денегъ, написала Лизѣ и уплатила еще за мѣсяцъ впередъ, увѣдомивъ начальницу, что сама пріѣдетъ черезъ двѣ недѣли, чтобы познакомиться съ племянницей.

Отвѣтъ былъ, конечно, по французски. Офиціально заученнымъ слогомъ и крупнымъ почеркомъ писала дѣвочка, выражая свое горе о сиротствѣ и льстя себя единственнымъ утѣшеніемъ повидаться съ теткой, „dont je me souviens toujours, et que jamais je n'avais cessé d'aimer et de respe-

cier". Фраза эта показалась Александрѣ Николаевнѣ прямо фарисейской, потому что Лиза никакъ ее помнить не могла. Ей было меньше года, когда Зося и Иванъ Николаевичъ гостили въ Петербургѣ. Къ чему же эти неискреннія и явно льстивыя слова? Неужели это польская угодливость?..

И съ ужасомъ представила себѣ Александра Николаевна снова ихъ будущую совмѣстную жизнь...

На другое утро, напившись вкуснаго café au lait изъ большой синей чашки съ бѣлыми шестиконечными крестами, Александра Николаевна вышла со вздохомъ изъ уютной столовой отеля, сплошь заставленной столиками подъ пестрыми скатертями, и отправилась по указанной хозяйкою дорогѣ въ монастырь.

Встрѣчные кидали ей свое: „Bonjour, madame!"

Ребятишки въ синихъ и черныхъ фартукахъ съ длинными рукавами и кожаными поясами играли на площади около обсаженнаго липами фонтана. Щелкая бичомъ, шелъ каменщикъ въ засыпанной известкою блузѣ и усерднымъ „holà!" подгонялъ запряженныхъ цугомъ першероновъ съ мохнатыми ногами, тащившихъ куда-то громадный сѣрый цоколь. У пороговъ низкихъ домиковъ съ завѣшенными пестрыми занавѣсками окошками виднѣлись торговцы, громко спорившіе и зубоскалившіе съ хозяйками въ бѣлыхъ чепцахъ,—но въ общемъ жизнь не кипѣла, не била ключомъ. Это была тоже провинція, тоже маленькіе домики и маленькіе интересы. Не было только грязи да свиней въ лужахъ.

Улица свернула въ гору, гдѣ и уперлась въ готическую арку старой, поросшей мхомъ ограды. Направо на цѣпочкѣ висѣлъ черный молотокъ. Ударомъ въ металлическую доску Александра Николаевна вызвала привратницу въ огромномъ бѣломъ капорѣ, затѣнявшемъ на половину ея лицо, и проникла во дворъ. Другая монахиня, оглянувъ ее пытливо съ ногъ до головы и скромно опустивъ глаза, провела въ parloir и вызвала третью.

— Вы желаете видѣть вашу племянницу? Я доложу начальницѣ!

Она неслышно выскользнула и безшумно притворила за собою дверь. Пріемная, полугостиная, полусѣни, съ ка-

меннымъ мозаичнымъ поломъ и сводчатымъ потолкомъ, была обращена глубокими окнами въ садъ. Тамъ бѣгали маленькія дѣти, чинно двигались монахини въ сѣромъ и подъ ручки вдвоемъ и втроемъ расхаживали дѣвочки постарше, всѣ въ одинаковыхъ синихъ платьяхъ. Которая же изъ нихъ Лиза?

Но напрасно вглядывалась Александра Николаевна,— ни одной похожей ни на брата, ни на Зосю не было.

— Madame!

Она обернулась. Передъ ней снова стояла монахиня, но уже не въ сѣромъ, а въ черномъ платьѣ.

— Вы та дама, которая должна была пріѣхать къ воспитанницѣ Елизаветѣ де-Колычевой?

— Да, сударыня!

— Ваши полномочія?

Александра Николаевна вынула изъ саквояжа завѣщаніе Зоси и свой паспортъ. Монахиня просмотрѣла документы.

— C'est cela! Я сейчасъ велю вызвать вашу племянницу. Faites venir Lisa!—приказала она въ дверь.

Лиза... Не Зузей, а Лизой звали здѣсь Зосину дочь!.. Съ замираніемъ сердца услышала это имя Александра Николаевна и вдругъ обомлѣла: въ раскрывшуюся дверь вбѣжала стройная, высокая дѣвочка.

— Ma tante!

Одного взгляда на взволнованное личико, одного звука голоса было довольно. Да, это была Лиза, Лиза Колычева, несомнѣнная дочь брата Вани: его сросшіяся дугами надъ сѣрыми глазами брови, его тембръ голоса. Та же улыбка... Съ горькими рыданіями прижалась она къ Александрѣ Николаевнѣ. Ничего искусственнаго. Нѣтъ, это плакало наболѣвшее горе оторванной отъ всего родного одинокой дѣтской души.

И безсознательно по-русски твердила Александра Николаевна, гладя прижавшуюся къ ней темноволосую головку:

— Дѣточка родная, успокойся! Вѣдь я пріѣхала за тобою. Мы никогда, никогда больше не разстанемся...

III.

Что намъ солнце, что бури предъ вѣчностью?
Мы при жизни слились съ безконечностью —
Нѣтъ у насъ родины, нѣтъ и семьи...
Мы томились когда-то сомнѣньями,
Но мы въ небо ушли съ пѣснопѣньями,
Имена позабыли свои.
Намъ свѣтятъ иныя надежды.
Осѣнили насъ бѣлыя крылія.
Мы чистыя лиліи,—
Отъ земли оторвали мы вѣжды.

(Изъ „Бѣлыхъ Инокинь“. М. К.).

Черезъ два дня дилижансъ увозилъ Александру Николаевну и Лизу Колычеву къ станціи желѣзной дороги.

Затуманенными отъ слезъ глазами смотрѣла Лиза вдаль, гдѣ словно вростая въ землю, все уменьшалась колокольня монастыря. Въ его старыя стѣны она вошла трехлѣтнимъ кудрявымъ ребенкомъ, и въ теченіе почти девяти лѣтъ онѣ замѣняли ей родной домъ. Много при ней перемѣнилось и учениць, и сестеръ-монахинь. Она была самой коренной воспитанницей монастырскаго пансіона, совершенно своей, потому что ея отлучки были весьма кратковременны и рѣдки.

Зося не лгала въ своемъ покаянномъ письмѣ. Какъ ни низко стояла она сама на ступеняхъ нравственности,—дочь для нея была святыней, и она тщательно скрывала передъ ея начальствомъ и свой образъ жизни, и причины, побудившія ее отдать ребенка подъ чужой кровъ. Она наѣзжала раза два въ годъ, всегда скромно одѣтая, и оставалась недолго. Остановившись въ той же гостиницѣ „Les deux poiriers“, она брала дѣвочку къ себѣ на одинъ-два дня и гуляла съ ней и бесѣдовала и не могла надышаться на нее.

Лизочка, прижимаясь къ своей petite mère, умоляла каждый разъ:

— Возьми меня съ собою! Мнѣ такъ скучно безъ тебя... Я хочу къ Жюли.

Но Зося отвѣчала:

— Ко мнѣ нельзя. Подожди, когда ты выростешь, мы будемъ жить вмѣстѣ...

— Отчего нельзя?

— Тамъ, гдѣ я живу, воздухъ нездоровый. Я живу въ большомъ душномъ городѣ, а тебѣ докторъ велѣлъ жить въ деревнѣ.

— Зачѣмъ же ты живешь въ городѣ, въ нездоровомъ городѣ? Ты сама заболѣешь. Переѣзжай въ деревню и возьми меня къ себѣ.

— Подожди, вотъ когда я разбогатѣю, я возьму тебя къ себѣ, и мы уѣдемъ далеко, далеко.

— Куда? Въ Россію?

— Да, въ Россію!—улыбалась Зося и цѣловала примолкавшую дѣвочку.

— Это очень далеко? Да?

— Да!

— Туда надо долго ѣхать и, вѣрно, дорого стоитъ?

— Да! вотъ я и коплю деньги.

— Значитъ, и ты русская?—спрашивала Лиза.

— Нѣтъ, я полька.

— Отчего же меня здѣсь всѣ называютъ русской?

— Отецъ твой былъ русскій.

— Разскажи мнѣ про papa!.. — И дѣвочка еще тѣснѣе прижималась къ матери и сѣрыми большими глазами вопрошающе смотрѣла на розовый, улыбавшійся ей сверху ротикъ.

Но улыбка исчезала съ него. Лицо матери становилось серьезнымъ, губы блѣднѣли и тихо шептали:

— Про papa? Что же разсказать тебѣ?

— Какой онъ былъ? Долго ли жилъ съ нами? Отчего онъ умеръ?

— Зося крѣпко обнимала свою дѣвочку и каждый разъ отвѣчала:

— Не спрашивай теперь... мнѣ больно говорить про это... Когда ты выростешь большая, я все разскажу тебѣ.

— Когда я пойду къ первому причастію? Да?

Зося кивала головкой, и разговоръ обрывался.

Какъ страусъ, прячущій въ виду опасности голову въ крыло, такъ отсрочивала и она свои объясненія, но Лиза каждое свиданіе ждала ихъ. Чуткая дѣвочка понимала, что о смерти отца лучше не говорить, и она выспрашивала мать

о немъ, о живомъ. Она жадно требовала разсказовъ о своемъ младенчествѣ, о томъ, гдѣ она родилась и какъ они жили въ Колычевѣ.

Зося понемногу оттаивала и говорила о старой усадьбѣ, о зеркальномъ прудѣ съ лебедями, о бѣлой виллѣ, о панѣ Романѣ и пани Юзынѣ, о старомъ Евграфѣ и о странномъ дѣдушкѣ, похороненномъ подъ вѣковымъ вязомъ.

— Онъ одинъ похороненъ тамъ?—спрашивала Лиза, думая и о могилѣ отца.

— Нѣтъ, рядомъ лежитъ и твой братецъ Арсикъ.

— Мой братецъ? У меня былъ братъ! О, мама, разскажи мнѣ, какой онъ былъ.

И мать снова крѣпко обнимала свою дѣвочку и грустно шептала:

— Я не знаю... я не видала его...

Передъ этими сѣрыми глазами она не умѣла лгать.

Тамъ, въ кошмарной жизни столицы и модныхъ курортовъ, въ кругу прожигателей и прожигательницъ состояній, здоровья, душевныхъ и физическихъ силъ, она была la blonde Zozo. На недостатокъ средствъ она сперва жаловаться не имѣла причины. Если Стась не умѣлъ оцѣнить ея любви и жертвъ, если онъ, считая себя передъ ними въ долгу, послушался матери и сестры и женился на безумно въ него влюбившейся сорокалѣтней владѣтельницѣ огромныхъ помѣстій въ Галиціи, милліонершѣ Лившецкой,—покинутая имъ коханка съ голоду не умерла. Она чуть не отравилась тогда съ горя, и не будь на свѣтѣ Лизочки,—почему-то со смерти мужа она уже не звала ее Зузей,—дневникъ происшествій моднаго курорта, куда она перекочевала съ Запольскими изъ N, обогатился бы новымъ скандаломъ, но забота о ребенкѣ, благодаря ея эгоизму, отторгнутомъ отъ родины и людей близкихъ, взяла верхъ.

Зося подсчитала свои средства, заложила брильянты и переѣхала въ Ниццу. Тамъ, оправившись отъ первой тревоги, она сдѣлала быструю карьеру. Нашелся богатый покровитель. Но напрасно опутывала она его своими чарами. Лордъ былъ хотя и вдовъ, однако вторично жениться не рѣшился. Онъ осыпалъ ее новыми брильянтами, выкупилъ

старые, окружилъ свою метрессу комфортомъ и роскошью, даже положилъ на ея имя небольшой капиталъ,—но дальше непошелъ.

А Лизочка подрастала. Ей шелъ уже четвертый годъ. Прасковья давно жила съ мужемъ въ Москвѣ, гдѣ на заработанныя ею у Колычевыхъ деньги была открыта мелочная торговля, и няньчила уже вторую сестренку своего Митяйки. При ея прежней питомицѣ оставалась Жюли. Это была типичная француженка, полюбившая дѣвочку до самозабвенія. Она возилась съ нею, какъ съ куклой, шила на нее, одѣвала и раздѣвала, кормила котлеткой и лакомствами и разсказывала цѣлыя исторіи про „papa“, про „château“ въ Россіи, котораго никогда не видала, но о которомъ много слыхала отъ Зоси и Александры Николаевны, про эту тетю, „жену министра“,—хотя Семенъ Михайловичъ никогда имъ не былъ,—про ихъ казенныя хоромы и т. п., все преувеличивая, перекрашивая и перевирая, благодаря пылкости своей южной фантазіи. Она же разсказывала Лизочкѣ и о добромъ Боженькѣ, и о Святой Дѣвѣ и водила ее смотрѣть священныя процессіи въ праздникъ Тѣла Господня и на представленія полишинеля и фокусниковъ и guignol во дни ярмарокъ.

Тѣмъ временемъ Зося веселилась со своимъ лордомъ въ той космополитической компаніи, гдѣ самыя строгія матроны сидятъ зачастую рядомъ съ блестящими представительницами полусвѣта, подъ крылышкомъ растакуэровъ и модныхъ львовъ. Но дѣвочка была удивительно смѣтливая. Лорда она ни разу не назвала papa. Онъ былъ для нея oncle Lo, а тотъ звалъ ее baby и приносилъ ей игрушки и фрукты. Онъ часто сажалъ ее на колѣни и заставлялъ пѣть пѣсенки. Чистымъ и мелодичнымъ голоскомъ пѣла Лизочка свой репертуаръ французскихъ и польскихъ пѣсенокъ, и солнце ласково смотрѣло на разодѣтаго кудряваго ребенка, и вѣтерокъ, шелестя фестонами маркизы, стихалъ, словно прислушиваясь къ наивнымъ мелодіямъ и словамъ.

И вотъ однажды oncle Lo исчезъ. Вмѣсто его сухопарой фигуры съ бакенбардами и чисто-начисто выбритыми усами, въ салонѣ, гдѣ раньше благоухали плаго изъ фіалокъ и букеты

любимыхъ имъ чайныхъ розъ въ широкихъ вазахъ, и гдѣ въ уголкѣ Лизочка любила устраиваться со своими куклами, появился новый толстый и черномазый дядя, съ широкой цѣпочкой на пестромъ жилетѣ, а въ вазахъ заалѣли тюльпаны и гвоздики. Онъ являлся во всякое время дня и ночи и называлъ Лизину маму—„Zozo“. При немъ на столѣ постоянно красовалось шампанское, и bébé — а не baby больше—часто пила изъ маминаго бокала. Мама смѣялась, а дядя шумно хлопалъ въ ладоши и подливалъ еще брызжущаго мелкими, словно колючими капельками вина и закармливалъ bébé пирожнымъ и конфетами. Но появлялась Жюли, и дѣвочку, несмотря на протесты, уводили спать...

За этимъ чернымъ дядей стали появляться и другіе, веселые, громкіе, которые тормошили, цѣловали и высоко подбрасывали кверху дочку Zozo... Одинъ ихъ нихъ особенно любилъ щекотать ее. Сперва дѣвочка весело встрѣчала его, но однажды, когда онъ засталъ ее одну въ салонѣ, его щекотка довела ее до истерики. Дѣтскій смѣхъ перешелъ сперва въ слезы, а потомъ въ громкіе всхлипы, а молодой, красивый дядя съ бѣлыми зубами и румяными губами, смотрѣлъ на нее все страшнѣе. Его гибкіе пальцы не только щекотали ее, но разстегивали пуговки и обрывали завязки... Лизочка забилась въ судорогахъ и неистово завизжала.

На этотъ крикъ вбѣжала Жюли. Силой вырвала она ребенка изъ рукъ гостя.

— C'est infâme! c'est pire qu'un assassinat! Mâtin, va! je te ferai flanquer à la porte! Forçat!... Galérien! — слышались ея возмущенныя рѣчи подъ неистовый плачъ Лизы.

Вечеромъ между нею и Зосей произошелъ бурный разговоръ и въ результатѣ въ одно прекрасное утро Лизочка была отвезена матерью въ тихій городокъ и очутилась въ кругу монахинь въ сѣрыхъ платьяхъ и дѣвочекъ въ одинаковыхъ синихъ. Зося сама отвезла ее.

Дѣвочку окружили ласками, любовались ея игрушками и ея длинныи темными локонами. А когда она запѣла, ее чуть не задушили поцѣлуями.

— Veux-tu bien rester chez nous? — спросила ее высокая

монахиня въ черномъ одѣяніи, съ добрымъ, но блѣднымъ, блѣднымъ лицомъ.—Ta maman doit alleren voyage, elle ne peut pas te garder auprès d'elle. Reste, nous allons jouer à la poupée, tu apprendras à chanter beaucoup, beacup de nouvelles jolies chansons? Hein?.. veux-tu?..

Зося уѣхала, уѣхала тайкомъ, а Лизочка осталась. Сперва на двѣ недѣли, потомъ еще на мѣсяцъ, потомъ на полгода, а потомъ изъ нихъ выросли цѣлыя восемь лѣтъ, тихихъ, однообразныхъ, какъ журчаніе фонтана на старомъ монастырскомъ дворѣ.

У ея подругъ бывали отпуски, но она и каникулы проводила въ пансіонѣ, изрѣдка гуляя съ сестрою Кларою, на которой лежала забота о ея духовномъ развитіи, по душистымъ полямъ и буковымъ и дубовымъ рощицамъ. У нея у одной висѣлъ на шейкѣ крестъ съ восемью концами, весь расписанный пестрой эмалью со странными, непонятными буквами. У другихъ дѣвочекъ были или гладкіе золотые четырехконечные крестики, или у тѣхъ, кого привозили изъ сосѣдней Лотарингіи, бѣлые эмалевые съ двумя перекладинками, а иногда и желѣзные, усѣянные золотыми блестками. Но она все-таки ходила со всѣми въ ту же церковь и сидѣла съ остальными малютками во время проповѣди священника на ступенькахъ алтаря.

Сестра Клара играла на органѣ. Ежедневно во время утренней и вечерней службы Лизочка слушала эти новыя священныя пѣсни. Ея сердце замирало отъ страннаго чувства, когда густыя волны переливались вонъ въ тѣхъ блестящихъ серебряныхъ, толстыхъ, какъ стволы молодыхъ дубковъ, трубахъ и замирали подъ стрѣльчатыми сводами, словно ударяясь въ розетку пестраго окна подъ самымъ потолкомъ. Они хотѣли вырваться на свободу, пролиться по старымъ аллеямъ, изъ вѣковыхъ каштановъ, перелетѣть черезъ высокую каменную ограду и растаять на просторѣ полей подъ синимъ небосводомъ вмѣстѣ съ пѣснями жаворонка, но сѣрыя стѣны часовни ревниво охраняли ихъ и не пускали на волю...

Въ часовню лучи падали сквозь красные, желтые и зеленые рисунки оконъ. Они бросали разноцвѣтныя красивыя

пятна на лица статуй святыхъ и на раку, гдѣ за стекломъ въ богатыхъ, усѣянныхъ драгоцѣнностями шелковыхъ и парчевыхъ одеждахъ возлежало восковое изображенiе святого Б., патрона монастыря.

Лизочка не могла безъ ужаса смотрѣть на его черепообразную голову, на худыя, костлявыя руки въ золоченой сѣткѣ митенокъ, на длинныя босыя ноги въ браслетахъ. Она не понимала, какъ можно ему молиться и прославлять его... Но зато съ восторгомъ въ недѣлю Пресвятой Дѣвы она убирала вмѣстѣ съ другими часовню Мадонны и украшала ее вѣнками едва распускающейся бѣлой акацiи, сирени и жимолости и бѣлыми левкоями, лилiями и нарцисами въ узкихъ, длинныхъ бокалахъ. Эти снѣжные душистые цвѣты среди зелени, эти кроткiя лампады и свѣчи около статуи, облаченной въ голубое и бѣлое, казались ей такими прекрасными, что, зажмуривъ и потомъ сразу открывъ глаза, она всякiй разъ надѣялась увидать ангеловъ въ нишѣ около священнаго изображенiя".

Каждый годъ дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ бѣлыми вуалями и вѣночками бѣлыхъ розъ на головѣ, съ высокими, увитыми бѣлыми лентами свѣчами въ рукахъ подходили къ алтарю, и аббатъ въ кружевномъ стихарѣ говорилъ хорошiя, теплыя рѣчи и благословлялъ ихъ и давалъ причастiе, а сестра Клара играла совершенно особыя мелодiи, и старый органъ пѣлъ могучими трубами о чистыхъ сердцахъ и непорочныхъ душахъ, о сошедшей на землю небесной любви.

Le ciel a visité la terre!
Mon bienaimé repose en moi.
Du saint amour c'est le mystère —
Oh, mon âme, adore et tais-toi!
Vous savez bien que je Vous aime,
Moi qui par Vous fus tant aimée.
Que tout autre amour que Vous même
Par Votre amour soit consumé...

И Лизѣ казалось, что дѣвочки, отходя послѣ причастiя отъ алтаря, уносятъ въ сердцѣ дѣйствительно частичку Божества и становятся похожими на ангеловъ, которые въ

облакахъ окружаютъ Мадонну, опирающуюся обнаженной ступнею на золотой рогъ молодого мѣсяца.

Изъ года въ годъ ждала Лизочка своей очереди. Дѣвочки подрастали, выходили изъ монастыря. Нѣкоторыя прямо замужъ, другія возвращались въ семьи. Каникулы—августъ и сентябрь—многія проводили тоже дома. Возвращаясь, онѣ привозили Лизочкѣ бездѣлушки и сувениры и разсказывали о родителяхъ, о братьяхъ и сестрахъ, о своихъ помѣстьяхъ и дачахъ.

— Отчего твоя мама не беретъ тебя хоть ненадолго домой? Она, вѣрно, очень бѣдная?..

Самолюбіе бывало больно задѣто, и Лиза, вспоминая разсказы Жюли, въ свою очередь, разсказывала о своемъ „замкѣ“ и о богатой, знатной теткѣ, женѣ министра далекой Россіи.

Французскія дѣти имѣли менѣе чѣмъ самое смутное представленіе о Россіи, хотя и умѣли показывать ее на географической картѣ. Но рядомъ съ пестрѣвшими надписями Австріей и Германіей, она со своими рѣдкими кружками городовъ казалась бѣлой пустыней, огромной, безбрежной и покрытой снѣжными пеленами отъ самаго Бѣлаго до Чернаго моря. И оба эти моря казались дѣвочкамъ въ дѣйствительности такими именно. Чѣмъ-то таинственнымъ вѣяло отъ ихъ именъ, и они служили еще большимъ подтвержденіемъ о холодѣ и унылости нашей родины, гдѣ на бѣлой почвѣ растутъ черные лѣса елокъ и клюквы и бѣгаютъ волки и медвѣди, въ шкуры которыхъ одѣтъ весь русскій народъ. И когда пріѣзжала Зося, Лиза все настоятельнѣе требовала подробностей о себѣ, о прошломъ, о всемъ русскомъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній она пристала къ матери, чтобы та показала ей русскую азбуку.

Зося очень удивилась.

— Онѣ говорятъ, что всѣ русскіе варвары, что у нихъ нѣтъ книгъ... а ты сама разсказывала, что въ Колычевѣ были цѣлые шкапы ихъ въ кабинетѣ papa, и дядя Simon читалъ тебѣ и тетѣ такія веселыя книжки, что вы обѣ смѣялись до слезъ. Онѣ не вѣрятъ... Привези мнѣ въ слѣдующій разъ русскую книжку...

Зося написала ей буквы, и Лиза всѣ запомнила и, складывая въ слоги, спрашивала:

— Est ce ainsi? b—a—ba? oui?.. Oh, comme celle là est difficile!.. Voyons, dis la encore! parle bien lentement, que je puisse la saisir... И, старательно сжимая зубы, она силилась произнести *щ* и выговорить твердое *л* и *ы*. Она и за уроками была очень пытлива и, чисто по-русски смѣтливая, своими классными отвѣтами часто поражала наставницъ.

Изъ Ниццы Зося послала ей „Елку“ Дараганъ, которую ей удалось выписать черезъ книжный магазинъ. И эта большая азбука съ рисунками изъ русской жизни, со странными буквами, съ группой царской семьи на крышкѣ переплета, сдѣлалась лучшимъ другомъ семилѣтняго ребенка. Она даже ночью клала ее подъ подушку и съ торжествомъ давала разсматривать насмѣшницамъ многочисленныя картинки ея. Поля съ колосистою рожью, красивые города и особенно церкви явно опровергали всѣ клеветы о русскомъ варварствѣ, о безлюдьѣ и нищетѣ далекой родины...

— Et ça,—c'est notre Tzar,—прибавляла она съ гордостью, показывая группу на обложкѣ,—notre Tzarine et leurs enfants.

Между тѣмъ началась война съ Пруссіей. Монастырь былъ обращенъ въ госпиталь. Родители поспѣшили разобрать воспитанницъ по домамъ, и только Лизочка оставалась подъ крыломъ добрыхъ сестеръ. Сестра Клара иногда и ее брала въ палаты, гдѣ на койкахъ, служившихъ прежде ея товаркамъ, лежали теперь перевязанные раненые, съ забинтованными руками и головами, или какъ тѣни бродили въ проходахъ на костыляхъ. Они всѣ любили эту дѣвочку съ вдумчивыми глазами и улыбающимся ртомъ... Они заставляли ее пѣть и ласкали, и смѣялись ея разсказамъ о невиданныхъ русскихъ чудесахъ, въ которыя Лиза вѣрила, какъ въ непреложную истину.

Зося въ это время находилась въ Римѣ, куда попала съ послѣднимъ своимъ покровителемъ, богатымъ евреемъ-антикваромъ, съ которымъ вскорѣ и разошлась. Но тутъ произошла у нея такая неожиданная встрѣча, что вся ея жизнь едва не пошла по новой колеѣ.

Данила Даниловичъ Софроновъ послѣ второго трехлѣтія

былъ снова забаллотированъ на дворянскихъ выборахъ и поѣхалъ утѣшаться за границу. На Корсо онъ столкнулся съ Зосей. Они оба весьма обрадовались другъ другу. Зося прежде всего обратилась къ нему по дѣламъ, такъ какъ все еще не теряла надежды хоть что-нибудь получить послѣ мужа. Ея соотчичи, служившіе въ уѣздномъ городѣ по сосѣдству съ Колычевымъ, давно сообщили ей настоящее положеніе дѣлъ. Она была очень довольна, что вотчина попала въ руки Сотовыхъ, и надѣялась,—Александра Николаевна не забудетъ со временемъ крестницы, она такая добрая. Но когда Софроновъ написалъ, по ея просьбѣ, о своей римской встрѣчѣ Семену Михайловичу, тотъ попросилъ передать „этой нашей бывшей свойственницѣ, что причина, настоящая (слово было трижды подчеркнуто) смерти моего несчастнаго шурина Ивана Николаевича Колычева доподлинно извѣстна женѣ моей, а его сестрѣ, ибо онъ изложилъ все въ собственноручномъ письмѣ къ послѣдней, помѣченнымъ 1-мъ октября 1863 г. девятью часами вечера, и самое имя бывшей супруги этого достойнаго, но, къ сожалѣнію, безхарактернаго человѣка и дорогого намъ покойника, ничего, кромѣ ужаса и отвращенія, въ сердцѣ моемъ и одинаково жены моей вызвать не можетъ, равно и къ дочерѣ сей особы было бы странно ожидать проявленія какихъ-нибудь чувствъ и родственныхъ заботъ съ нашей стороны“.

Зося, прочтя эти строки, поблѣднѣла:

— Это недоразумѣніе... Это можно выяснить!..

Но мысль, что есть на свѣтѣ люди, которымъ извѣстна истина, была кошмаромъ для нея. Тогда сразу ей удалось объяснить внезапное самоубійство мужа пожаромъ виллы и разстройствомъ дѣлъ. Такъ объяснили его и Запольскіе, и Игнатій Львовичъ, и всѣ сосѣди.

Фраза отставного сановника разрушала иллюзію.

Настоящая причина была даже не связь ея со Стасемъ, а тѣ слова, та ложь, съ помощью которой она рѣшила сохранить за собою Лизочку. И значитъ, всѣ ея тайныя мечты и надежды, что въ случаѣ ея смерти дѣвочка вернется въ родное гнѣздо на попеченіе Александры Николаевны, своей

единственной тетки и крестной матери, разсѣялись въ прахъ...

Первыя свиданія съ Даниломъ Даниловичемъ были такого характера, отъ котораго Зося давно отвыкла. Это не былъ охотникъ за женскимъ мясомъ. Съ ней говорилъ знакомый прежнихъ лѣтъ, равный съ равною, или, вѣрнѣе, почтительный почитатель, но и эта иллюзія быстро прошла. Привычки ли послѣдняго времени взяли верхъ, ея ли манеры и пошибъ камеліи,— у Софронова вдругъ открылись глаза. Увы! послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ старый жуиръ раскусилъ ту, чей образъ казался ему когда-то воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ достоинствъ женщины, чья златокудрая головка сіяла въ его мечтахъ, окруженная ореоломъ чистоты и недоступности. Данила Даниловичъ круто измѣнилъ свое обращеніе и занялъ временно пустовавшее мѣсто покровителя la blonbe Zozo...

А та не теряла надежды, что это положеніе содержанки бывшаго богатаго сосѣда лишь ступень къ ея возрожденію и востановленію ея репутаціи въ Россіи. Мали ли что было тамъ за границей! Кто это знаетъ!.. Ставши женою Софронова, она сумѣетъ завоевать снова уваженіе общества... Надо только его привлечь къ себѣ, непремѣнно самой посвятить въ свою тайну, околдовать довѣріемъ, чтобы, узнавъ отъ другихъ причину разрыва съ семьей мужа, онъ былъ уже тронутъ ея раскаяніемъ... Она впередъ умилялась, какая выйдетъ трогательная сцена, когда, ломая свои дивныя руки, распустивъ волосы (впрочемъ, достаточно ли они густы еще?), она на колѣняхъ будетъ говорить о прошломъ, о своей любви къ дочери и о безумномъ увлеченіи молодости?... Ей казалось, что онъ долженъ понять ее... что онъ вспомнитъ и ихъ первую встрѣчу въ аллеѣ, у коляски Лизочки, и то время, когда, послѣ паденія Колычева съ лошади, онъ ухаживалъ за ребенкомъ въ Новомъ... Если она грѣшна, какъ женщина,—какъ мать, она безупречна, и грѣшила-то она только для того, чтобы содержать прилично дочь, воспитаніе которой въ монастырѣ стоило дорого...

Все это было одной внѣшностью, эти ея наряды и кутежи съ послѣдствіями. Сердцемъ она оставалась прежней,

она всѣ эти годы ждала избавителя, надѣялась на чью-то сильную преданную руку, которая вырветъ ее изъ ненавистнаго омута...

И Зося разыграла свою сцену, какъ по нотамъ, только волосъ не распустила, а взбила ихъ еще пышнѣе, такъ что ихъ завитки окружили ея головку настоящимъ сіяніемъ...

— Заклинаю васъ! поѣдемте! вы увидите, вы сами убѣдитесь, взглянувъ на Лизу, чья она дочь...

Но она не вызвала ни жалости къ себѣ, ни состраданія къ дѣвочкѣ.

Софроновъ грубо оттолкнулъ ее и бросилъ ей въ лицо страшное русское ругательство. Послѣднее обаяніе ея исчезло, и его метресса стала ему сразу физически противна.

Заплативъ ей хорошо, по-барски, онъ ушелъ изъ только что нанятой для нея роскошной квартиры и больше не возвращался. Онъ не вѣрилъ ни ея раскаянію, ни укорамъ ея совѣсти. Онъ не вѣрилъ ни одному ея слову и старался забыть о самомъ ея существованіи. Въ одномъ онъ былъ убѣжденъ: ни одна русская женщина не была бы способна на такую іудину выходку, на такое преступленіе противъ своего ребенка.

Прошло снова четыре года. Зося была еще молода, но жизнь брала свое,—красота сдала. Она уже не пользовалась репутаціей перворазрядной звѣзды полусвѣта. Уже продавались и закладывались вещи, оставаясь все чаще не выкупленными. Жюли давно ее покинула и жила у какой-то актрисы въ Америкѣ. Пришлось отказаться отъ отдѣльной квартиры и экипажа и довольствоваться меблированной комнатой. Одно время она даже рѣшила бросить свое ремесло и отдала публикацію въ газеты о пріисканіи мѣста учительницы музыки или аккомпаніаторши. Выступать въ концертахъ она уже не могла. Что-то внутри ея оборвалось и погасло. Ея бѣглая игра была бездушна, деревянна и не производила прежняго чарующаго впечатлѣнія... Получивъ два-три грошевыхъ урока, она вскорѣ ихъ бросила,—она чувствовала, что трудовая, голодная жизнь не по ней, и снова пустилась въ рестораны и на бульвары, замѣнивъ Шопена и Мендельсона шансонетками.

Въ корень подорванное здоровье выбросило ее на панель. Она попала въ руки полиціи, но общество помощи польскимъ эмигрантамъ, къ которому она обратилась въ полномъ отчаянія посланіи, взяло ее подъ свое покровительство и помѣстило прежде всего на излеченіе въ госпиталь для бѣдныхъ, откуда она и написала свое покаянное письмо въ Колычево.

Лизочкѣ было почти двѣнадцать лѣтъ. Приближался тотъ возрастъ, когда дѣвочекъ во Франціи готовятъ къ первому причастію.

Лиза съ трепетомъ ждала этого бѣлаго торжества. Она слушала уроки Закона Божьяго вмѣстѣ съ прочими. Она училась литаніямъ и коллектировала картинки духовнаго содержанія, которыя раздаются во французскихъ школахъ за хорошія отмѣтки. И всѣ эти святыя сердца и чаши съ сіяніемъ, изображенія Богородицы-садовницы и Іисуса-Пастыря съ агнцемъ черезъ плечо, святого Франциска въ лѣсу и святой Маргариты со страшнымъ чудовищемъ у ногъ— умиляли ее.

Но самой ея любимой картинкой была святая Цецилія за клавишами. Она выучилась у сестры Клары играть на органѣ. Талантъ матери перешелъ къ ней, но ея красотой она не отличалась. Да и характеромъ тоже. Она шалила и была подчасъ невыносима, но никогда не лгала и не оправдывалась. Отдавая по вечерамъ сестрѣ Кларѣ отчетъ въ своемъ дневномъ поведеніи, она искренно раскаивалась и обѣщала исправиться и работать надъ собою, но была часто вспыльчива и излишне самолюбива.

На ея запросъ, когда же ей разрѣшатъ готовиться къ причастію, сестра Клара объяснила ей наконецъ, что она не католичка... Дѣвочка широко раскрыла сѣрые глаза.

Значитъ, всѣ обѣтованія католическихъ святыхъ ея не касаются? Значитъ, и она пойдетъ въ адъ, а въ лучшемъ случаѣ въ чистилище?

— Я не хочу! я не хочу! мнѣ не надо другой вѣры!... Какой же вѣры моя мать?

Отвѣтъ былъ: католической.

— Такъ окрестите же меня скорѣе! Я хочу быть той же вѣры.

— Когда тебѣ минетъ двадцать одинъ годъ! — отвѣчала сестра Клара. — Раньше ты собою распоряжаться не смѣешь.

Лиза разрыдалась. Двадцать одинъ годъ! да вѣдь это цѣлая вѣчность! столько времени ждать, пока она что-нибудь узнаетъ объ отцѣ... Нѣтъ, она при первомъ же свиданіи переговоритъ съ матерью.

На всякій случай запросили Зосю. Хотя начальница и стояла далеко отъ свѣта и грязи столичной жизни, но о Лизиной матери она уже кое-что провѣдала. У нея былъ однажды очень непріятный разговоръ съ одной изъ патронессъ монастырскаго пансіона, которая, встрѣтивъ Зосю въ пріемной, признала въ ней извѣстную всему Парижу камелію. Но дѣвочку такъ любили, что выбрасывать ее, изъ-за репутаціи матери, добрымъ сестрамъ казалось противорѣчіемъ христіанству, и втайнѣ начальница рѣшила оставить Лизу во что бы то ни стало, какъ можно дольше, и не возвращать ее Зосѣ, если даже та потребуетъ ее къ себѣ. Не значило ли это спасти юную душу?

Отвѣтъ Зося написала, какъ и Александрѣ Николаевнѣ, такимъ же неровнымъ дѣтскимъ почеркомъ съ больничной койки. Она заклинала сестеръ не торопиться съ окончательнымъ рѣшеніемъ и подождать пріѣзда той знатной русской тетки, которая по недоразумѣнію давно прошедшихъ лѣтъ не признаетъ дѣвочку своей наслѣдницей. Въ силу именно этихъ недоразумѣній она и помѣстила дочку въ монастырь и не брала ея къ себѣ, чтобы „меня не обвинили въ данномъ мною ей плохомъ воспитаніи“.

И когда явилась эта тетка, и начальница увидала Лизу, рыдающую въ объятіяхъ хотя и старомодной, но настоящей дамы, на душѣ у монахини стало тепло и свѣтло. Она сдавала дѣвочку къ хорошія руки. Если святая церковь и теряла готовую прійти на ея голосъ овцу, то посѣянныя тихой обителью добрыя сѣмена не пропадутъ безслѣдно и грѣхи матери не падутъ на сердце невинной отроковицы. Кто знаетъ, не зачтется ли все это на вѣсахъ у престола праведнаго Судіи во славу католическаго правовѣрія?

Лизочка въ своемъ чемоданчикѣ увозила цѣлую коллекцію новыхъ картинокъ и сувенировъ, потому что всѣ

съ мала до велика любили ее и за ея умные сѣрые глаза, и за быстрые отвѣты, и за веселый, хотя и вспыльчивый нравъ, а главное за правдивость и дивное музыкальное дарованіе.

На самомъ днѣ чемоданчика лежала азбука Анны Дараганъ, о чемъ и не подозрѣвала русская тетя Саша, сама до слезъ растроганная сердечнымъ прощаньемъ съ добрыми сестрами. Никогда бы не повѣрила она раньше, что подъ ихъ туго накрахмаленными пелеринами и капорами ютились такія великодушныя сердца и свѣтлыя, ясныя мысли.

IV.

И некому тамъ, слезы проливая,
Могилу сиротливую беречь...
И точитъ мраморъ капля дождевая,
Звучитъ, молясь, — чужая рѣчь.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы" М. К.).

Колеса поѣзда стучали быстрѣе и быстрѣе. Уже была близка граница. Сердце дѣвочки, одѣтой въ траурное платье, нетерпѣливо билось въ ладъ. Почти всю дорогу простояла она у окна, жадно слѣдя за мелькающими предметами и ландшафтами. На дворѣ была весна, и осыпанныя цвѣтами плодовыя деревья казались издали то огромными букетами, то отдыхающими розовыми и бѣлыми облачками на зелени полей.

Остановки на два-три дня въ большихъ городахъ доставляли Лизѣ громадное удовольствіе. Ниццу она помнила, какъ во снѣ, и высокіе дома и нарядные магазины ошеломляли ее. Тетя Саша закупала ей цѣлое приданое, потому что запасы надо было дѣлать и на будущее время. Насколько ея личные наряды мало интересовали ее всегда, настолько теперь ей доставляло прямо наслажденіе рыться въ лавкахъ, выбирая бѣлье, платья и шляпки для Лизы. Въ ней проснулось и съ каждой минутой разгоралось сильнѣе чисто материнское чувство къ этой оторванной отъ всего родного дочери своего покойнаго брата, и никогда неизвѣданная, теплая волна поднималась откуда-то изнутри

и разливалась въ сердцѣ, и хотѣлось цѣловать, ласкать, ходить и нѣжить это юное существо...

Жизнь сразу получила интересъ, цѣну и смыслъ, и Сашенька, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, стала вдругъ моложавой и бодрой, точно послѣдніе тяжелые годы вновь стерлись изъ памяти.

Лиза, пріученная въ монастырѣ къ большой простотѣ, была, конечно, въ восторгѣ отъ подарковъ и обновъ. Они подтверждали не только разсказы Жюли объ этой знатной и богатой родственницѣ, но прежде всего доказывали ея доброту, о которой иногда взволнованнымъ голосомъ говорила и мать. Дѣвочка съ каждой минутой все больше любила свою тетю Сашу. Было такъ хорошо, прижавшись къ ней, ходить подъ руку по улицамъ и смотрѣть на эти никогда невиданныя чудеса и было такъ весело обѣдать и завтракать за табльдотами, гдѣ сидѣли такіе милые и любезные кавалеры и дамы.

Но вотъ и граница. Тетя Саша сама подошла къ окошку и облокотилась на плечо Лизочки. Поѣздъ, замедливъ ходъ, шелъ по мосту, черезъ узкую рѣчку, на поверхности которой разливались янтарные отблески зари. Рѣзко на свѣтломъ вечернемъ небѣ вырисовывался полосатый столбъ съ надписью: „Граница“, а рядомъ часовой въ сѣрой шинели и кэпи.

Лизочка прочла слово по складамъ.

— Что это значитъ?

Тетя Саша удивленно раскрыла голубые глаза.

— Ты умѣешь читать по-русски? — Она была убѣждена, что дѣвочка позабыла, или, вѣрнѣе, никогда не умѣла говорить на родномъ языкѣ.

Лиза весело засмѣялась. Она нарочно до поры, до времени держала свои познанія втайнѣ, зная, что тѣмъ пріятнѣе удивить тетку.

— Я знаю всѣ буквы и умѣю читать, но словъ не понимаю... Это очень трудно выучиться говорить по-русски?

— Не знаю, иностранцы выучиваются трудно.

— Но я вѣдь не иностранка, я русская! — отвѣчала дѣвочка. — Ахъ, какіе смѣшные! кто это? — прибавила она.

Это были деревенскія бабы и дѣти въ лаптяхъ и тулупахъ, повязанныя платками, вышедшія съ корзинами и лотками навстрѣчу поѣзду.

Уже всѣ суетились и спѣшили вонъ изъ вагоновъ. Таможенный досмотръ, благодаря паспорту Александры Николаевны, сошелъ благополучно, а документы, которыми она запаслась въ русскомъ консульствѣ въ Парижѣ, тоже не представили затрудненій для пропуска Лизы, и онѣ вскорѣ очутились въ просторномъ бархатномъ купе.

Дѣвочку все занимало. И этотъ нарядный видъ вагоновъ съ иголочки, и русскія полукафтанья кондукторовъ съ малиновыми жгутами, и ихъ мерлушковыя круглыя шапки, а главное особенно ласково-почтительная предупредительность по отношенію къ Александрѣ Николаевнѣ, которая той казалась совершенно привычной и естественной. Даже поѣздъ катился какъ-то мягче, неслышнѣе, и вагоны скользили по рельсамъ, не спѣша и не кидаясь вправо и влѣво, какъ тамъ за узенькой, оставшейся уже давно далеко позади рѣчкой съ янтарными отсвѣтами первой родной зари.

— Я въ Россіи... Знаешь, тетя, я этому еще не вѣрю!— весело говорила Лиза. — Мама такъ хотѣла вернуться сюда и взять меня съ собою, но на это у нея, бѣдняжки, денегъ не было...

Тетка потупилась. Каждый разъ, когда дѣвочка говорила о матери, сердце ея возмущалось. Она дала невѣсткѣ слово исполнить ея послѣднюю волю и просьбу, и если дѣвочка дѣйствительно окажется ея племянницей не только по имени, но и по крови, никогда не сводить матери съ пьедестала. Но чѣмъ больше находила она сходства между Лизой и ея несчастнымъ отцомъ, тѣмъ громче поднимался въ ея душѣ ропотъ противъ этой жестоко-легкомысленной женщины, ложью убившей человѣка...

— Тетя, а ты... очень богата?

Александра Николаевна невольно улыбнулась.

— Нѣтъ, далеко не очень.

— Но ты вѣдь очень знатная,—ты жена министра.

— Нѣтъ, милочка. Твой покойный дядя Simon никогда министромъ не былъ.

— Онъ умеръ?

— Да!

— Какъ папа...

Дѣвочка въ первый еще разъ говорила объ отцѣ. Тетка закусила губу и вздохнула. Лиза подсѣла къ ней совсѣмъ близко.

— Тетя, скажи мнѣ, вотъ мы теперь ѣдемъ по Россіи,— папа здѣсь похороненъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ за границей, и его могила въ Германіи.

Она назвала тотъ курортъ, гдѣ произошла трагедія.

— Отчего же мы не заѣхали туда? Мы вѣдь ѣхали по Германіи?

— Милая моя дѣточка, я одна заѣзжала туда... а тебя везти я не хотѣла, тебѣ это было бы слишкомъ тяжело.

Лиза прижалась къ ея плечу и проговорила сквозь слезы:

— Ахъ, я такъ бы хотѣла хоть разъ помолиться на этой могилѣ!.. Мнѣ такъ жаль, что маму не похоронили съ нимъ рядомъ... Зачѣмъ они лежатъ врозь и такъ далеко, далеко другъ отъ друга?...

Александра Николаевна разрыдалась.

— Тетя, я сдѣлала тебѣ больно? Милая тетя, прости! Я никогда больше не буду разспрашивать тебя. Я и маму никогда не разспрашивала. Ей тоже это бывало больно...

Поздно вечеромъ на третьи сутки, послѣ нѣсколькихъ часовъ остановки въ Варшавѣ, которая уже потому понравилась Лизѣ, что о ней не однажды разсказывала мать, поѣздъ подходилъ наконецъ къ уѣздному городу, гдѣ надлежало ночевать. Александра Николаевна начала собирать вещи. Лиза помогала ей. Сильными, гибкими пальцами затягивала она ремни. Сердце ея снова стучало все громче и нетерпѣливѣе, словно опережая колеса. Но вотъ мелькнули огни семафоровъ. Цѣпи залязгали громче. Завизжали тормоза, и поѣздъ, встряхнувшись всѣми вагонами, остановился у освѣщенной платформы съ краснымъ станціоннымъ зданіемъ.

— Станція Горскъ. Поѣздъ стоитъ 10 минутъ...

Открылась дверь. Показалась маленькая, сморщенная старушка и высокій артельщикъ. Руки протянулсь за багажомъ. Самъ начальникъ станціи подошелъ высадить ея высокопревосходительство и кстати окинуть любопытнымъ взоромъ заграничную монастырку.

А она уже стояла противъ Кирилловны. Едва взглянула на нее та, объятья раскрылись сами собою.

— Матушка, Лизанька! Какъ есть отецъ-покойничекъ! Родненькая ты наша!

Дѣвочка очень хорошо знала ее по разсказамъ Жюли и матери еще съ ранняго дѣтства. Чѣмъ-то особеннымъ пахнуло на ея напряженно-чуткую душу отъ всей фигуры старушки, и она обвила ея шею руками и сказала по-русски:

— Здравствуй *Кириуовна*...

Этому она нарочно сюрпризомъ выучилась дорогой у Александры Николаевны... Кирилловна даже всхлипнула...

— Матушка!..

Дружба между обѣими была возобновлена и закрѣплена навѣки...

Оказалось, что въ гостинницѣ Пастухова, гдѣ разсчитывала остановиться по обыкновенію Сотова, ни одного свободнаго угла не оставалось. Засѣдала очередная сессія окружного суда, и всѣ помѣщенія были заняты съѣхавшимися членами, присяжными засѣдателями и свидѣтелями.

— Какъ же быть?

— А вотъ какъ!—къ пріѣзжимъ подошелъ пожилой господинъ въ синихъ очкахъ и съ сѣдѣющей бородой.— Ко мнѣ пожалуйте! Вашему высокопревосходительству хоть и тѣсны мои хоромы покажутся, ну да въ тѣснотѣ, лишь бы не въ обидѣ.

И докторъ приложился къ ручкѣ генеральши.

— А это барышня? Ну, бонжуръ мадмозель!

— Bonsoir, monsieur!—отвѣтила Лиза.

— Пожалуй, и бонсуаръ, правильно! Острая дѣвица... Да вы не раздумывайте, сударыня, у насъ уже все приспособлено. Комната моихъ мальцовъ въ вашемъ распоряженіи, а боярышню Нарышкину мы тоже какъ-нибудь пристроимъ

за то, что, спасибо ей, она ко мнѣ на совѣтъ додумалась прійти. Забирай вещи,—обратился онъ къ артельщику,—и ходу!..

Александра Николаевна не колебалась. Она знала, что при весеннемъ состояніи дорогъ путешествіе въ Колычево ночью, несмотря всего на 15 верстъ разстоянія, грозитъ непріятностями и крушеніями, а потому съ радостью согласилась на предложеніе Игнатія Львовича Яшнева. Голубая старая коляска, которую когда-то умудрился опрокинуть Михей Осторожный въ столь знаменательный для Ивана Николаевича вечеръ, доставила благополучно путешественницъ, несмотря на тряскую булыжную мостовую, къ докторскому домику на одной изъ главныхъ улицъ небольшого, едва послѣ проведенія желѣзной дороги просыпавшагося къ жизни уѣзднаго города.

„Боярышня Нарышкина“, то есть попросту—Кирилловна, носившая дѣйствительно всѣми словно забытое имя Наталіи, помогла раздѣться обѣимъ. Въ зальцѣ, которая служила доктору и пріемной, шумѣлъ самоваръ, и на раскрытомъ ломберномъ столѣ былъ приготовленъ чай и корзинки съ бубликами и хлѣбомъ. Но отъ всей обстановки вѣяло неуютностью. Не было въ домѣ хозяйки, и это сказывалось. Прислуживалъ единственный слуга Игнатія Львовича—Иванъ, который былъ и фельдшеромъ. Въ отсутствіе барина онъ весьма авторитетно принималъ больныхъ мужиковъ и бабъ, и надо отдать ему справедливость, лечилъ подчасъ крайне удачно, чѣмъ неистово бахвалился въ часы винныхъ возліяній и сердечныхъ изліяній.

Лиза осматривала стѣны. Среди нѣсколькихъ группъ и фотографій подъ довольно-таки пыльными стеклами,—видно было, что Ивану его фельдшерскія обязанности были много милѣе лакейскихъ,—ея вниманіе привлекла особенно одна. Двое юношей сидѣли обнявшись. Они были такъ похожи другъ на друга, что казалось, будто это всего одинъ человѣкъ, снявшійся, прислонясь къ зеркалу. Только свѣтлыя пуговицы на сюртукѣ лѣваго отсутствовали на черной курткѣ другого.

— Кто это?—спросила дѣвочка.

— Мои мальцы!—отвѣтилъ докторъ по-русски.—Вы ихъ въ дѣтствѣ знали, ихъ я тогда кутьками звалъ, или забыли?..

Александра Николаевна перевела.

— А трудно будетъ вамъ съ барышней безъ языка-то!—замѣтилъ Игнатій Львовичъ.

— Ничего, выучится понемногу. Она, оказывается, уже русскую азбуку знаетъ.

Игнатій Львовичъ устремилъ на Лизу свой обычный испытующій взглядъ поверхъ очковъ.

— Экая игра природы опять! Хоть бы что отъ матери взяла...

— Талантъ,—отвѣтила Сотова.

— О! это было лучшее въ покойницѣ. Ну, что жъ! по русской примѣтѣ,—счастлива дочь, коли въ отца лицомъ уродилась.

— Дай Богъ!

— А все-таки трудно вамъ съ нею придется. Какъ вы ее тутъ въ деревнѣ при нынѣшнихъ требованіяхъ воспитаете? Гувернантку выпишете? А то не лучше ли въ институтъ?

— Это изъ одной казны въ другую-то? Ни за что! Ей прежде всего силъ набраться надо. посмотрите, какая она длинненькая, да худенькая. Я попрошу васъ непремѣнно освидѣтельствовать ее завтра же. Вѣдь какъ никакъ, а мать умерла въ чахоткѣ.

Докторъ вздохнулъ.

— Ну, наслѣдственности тутъ быть не можетъ,—болѣзнь благопріобрѣтенная... А ужъ чую я, и избалуете же вы эту богоданную вамъ доченьку!..

Александра Николаевна засмѣялась.

— Это еще посмотримъ. А только объ институтѣ и не заикайтесь. Ни за что не отдамъ. Самому-то вамъ, небойсь, легко, скажете, безъ сыновей теперь?

— Что подѣлаешь. Обязанность прежде всего. Въ нашъ вѣкъ безъ диплома не пробьешься. И чѣмъ выше онъ,—тѣмъ легче выбиться въ люди. Мои вонъ оба на дорогѣ, слава Богу. Одинъ—Вася—медикъ, на второй ужъ курсъ перешелъ, а Лешка университетъ на горный промѣнялъ и

пока въ восторгѣ, только бы удержался. А забота большая, что и говорить. Ничего, пока что — славные ребята! — И, пыхнувъ папиросой, онъ украдкой бросилъ любовный взглядъ на фотографію.

Весеннее солнце ласковыми лучами свѣтило на поля, еще пока покрытыя сѣдою прошлогодней травой, и на особенно казавшіяся между ними яркими зеленыя озими. Весна здѣсь на сѣверѣ сильно запоздала, и черныя щетки неодѣтыхъ рощь и лѣсовъ вставали то здѣсь, то тамъ. Но жаворонки уже давно поднимались подъ легкія облака, и, словно незримый звонъ, звенѣли оттуда ихъ пѣсни первымъ привѣтомъ родного неба пріѣхавшей изъ-за дальнихъ горъ и рѣкъ землячкѣ. Дѣвочка напряженно смотрѣла по сторонамъ. Она держала тетку за руку и спрашивала, названіе каждой рѣчки, каждаго деревяннаго моста и поселка, мимо которыхъ проѣзжала коляска.

Неказиста была родина. Какъ бѣдны и убоги были избы, какъ грязны и плохи дороги. Въ бѣлыхъ оголенныхъ еще березахъ большака шумѣли на черныхъ гнѣздахъ черные грачи, и ихъ вереницы бродили и по изрытымъ бороздамъ полей. То тамъ, то сямъ виднѣлась убогая лошаденка въ истрепанномъ хомутѣ; выбиваясь изъ силъ, тащила она подъ грозные окрики первобытную соху и шелъ за нею, направляя и помогая, мужикъ въ изодранномъ тулупѣ.

Въ Алексѣевкѣ, гдѣ была когда-то становая квартира, пришлось сдѣлать передышку и покормить лошадей. Здѣсь кончалась столбовая, уже запущенная съ проведеніемъ рельсоваго пути, бывшая почтовая дорога и начинался проселокъ. Лизѣ очень понравился этотъ неожиданный привалъ, или „этапъ“, какъ она выразилась. Дѣвочка съ любопытствомъ вошла въ избу Кирсанихи, гдѣ всегда останавливалась Александра Николаевна, и оглядѣлась кругомъ. Большими, удивленными глазами смотрѣла она на черныя, закоптѣлыя стѣны, на божницу съ лампадкой, въ правомъ углу, на пестрыя лубочныя картинки, наколоченныя рядомъ, на огромную, вылѣзшую на середину горницы русскую печь и на полати, откуда съ неменьшимъ любопытствомъ глядѣли, свѣсившись, бѣлокурыя, спутанныя дѣтскія головенки.

Пока Кирсаниха раздувала самоваръ, Кирилловна раскладывала дорожный погребецъ. Головенки спрятались. На полатяхъ послышался шопотъ и шушуканье; черезъ двѣ минуты свѣсились чьи-то босыя, грязныя ноженки, и, нащупавъ пальцами привычныя выбоинки въ стѣнкѣ, съ полатей слѣзла семилѣтняя дѣвочка, а за нею еще трое ребятишекъ. Они окружили столъ съ погребцомъ.

— Что, сахару, небойсь?—добродушно-ворчливо спросила Кирилловна и сунула каждому по куску.

Лиза развязала узелокъ съ баранками и тоже одѣлила ребятъ.

— Такъ, матушка, такъ!—хвалила ее старушка и погладила по рукѣ.—Она у насъ французинька, ни слова порусски не понимаетъ,—объяснила она ребяткамъ.

Дѣти принесли котятъ и, несмотря на невозможность разговаривать другъ съ другомъ, всѣ разыгрались.

Александра Николаевна весело усмѣхнулась.

— Къ чему гувернантки пока! Предоставлю ей полную свободу это лѣто, она живо съ дѣтьми языку научится. А осенью посмотрю, что Богъ дастъ,—подумала она, глядя на дѣтскую группу.

Когда старая коляска свернула на проселокъ и лошади поѣхали тише, тетя Саша со вздохомъ сказала Лизѣ:

— Когда-то вотъ вся эта земля была нашей!

— А теперь?

— Теперь она продана богатому купцу, и только четверть прежняго Колычева принадлежитъ намъ.

— Кто же продалъ ее?

— Твой дѣдушка, отецъ твоей матери.

Александра Николаевна рѣшила посвятить по немногу Лизу въ прошлое, осторожно обходя всякіе обоюдоострые вопросы. Она предвидѣла, что какъ только дѣвочка начнетъ понимать по-русски, найдутся услужливые языки и сообщатъ ей многое, именно не въ томъ видѣ, какъ бы она хотѣла.

Изъ-за рощи выглянула колокольня Колычевской церкви. Тетка перекрестилась на сверкавшій на солнцѣ крестъ. Лиза послѣдовала ея примѣру, но та ее остановила.

— Ты крестишься по-католически, мы крестимся по другому.

Дѣвочка покраснѣла.

— Развѣ не все равно?

— Нѣтъ, ты православная, и нашъ крестъ проще. Смотри,—вотъ такъ!

Лиза послушно повторила крестное знаменіе. Кирилловна умилилась.

— Молись, матушка, молись, милая! Тутъ батюшка твой сколько разъ маливался.

А Лиза, раскрывъ сѣрые отцовскіе глаза, пристально всматривалась въ массу вѣкового парка, показавшуюся вдалекѣ. Окутанный легкой дымкой, онъ выплывалъ ей навстрѣчу, словно сказочный островъ на пеленѣ полей и луговъ. Вышедшая изъ береговъ Оболонь серебристой широкой лентой окаймляла его и скрывалась за косогоромъ села. Дѣвочка искала взглядомъ башенъ „замка", который, по ея понятіямъ, долженъ былъ нынѣ замѣнять сгорѣвшую виллу. И когда коляска въѣхала на старый дворъ и остановилась у крыльца бывшаго Романовскаго дома, она удивленно спросила тетку:

— А гдѣ же замокъ? Развѣ ты не живешь въ немъ?

Тетя Саша кротко улыбнулась и отвѣтила:

— Нѣтъ, милочка! замка давно не существуетъ. Но въ этомъ домѣ родилась и жила до замужества твоя мать, и мы съ дядей Simon новаго не построили. Ты должна будешь довольствоваться этимъ старымъ гнѣздомъ.

Лиза вошла нѣсколько разочарованная. Внутри, однако, было такъ уютно, такъ тепло, такъ весело смотрѣло сквозь кружево гардинъ весеннее солнце, такъ ласково ложилось свѣтлыми пятнами на букеты медальоновъ вышитаго ковра гостиной, такъ таинственно теплилась зеленая лампада передъ стариннымъ образомъ въ золоченомъ окладѣ, что дѣвочка вдругъ почувствовала себя дома.

Она быстро обѣжала всѣ семь комнатъ нижняго этажа и въ спальнѣ сразу остановилась. Надъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ бородатаго человѣка съ удивительно ей знакомыми глазами, со сросшимися, какъ у нея самой, дугами бровей и съ доброй улыбкой нѣсколько крупнаго рта.

— Тетя, кто это?—спросила она со странно вдругъ замеревшимъ сердцемъ.

Тетя Саша взяла съ туалета ручное зеркало и подала ей.

— Посмотри!

— Papa!..—вырвалось у Лизы... — Papa... papa... — повторяла она, не въ силахъ оторваться отъ этого лица, тщетно вызывая его въ своей памяти...

— Развѣ ты никогда не видѣла его карточки?—спросила растроганная Александра Николаевна.

Лиза покачала головой.

— Мамѣ было всегда такъ больно говорить про papa, что я не рѣшалась просить ее привезти мнѣ его портретъ...

Она вздохнула и прибавила:

— А маминаго портрета у тебя нѣтъ? Его здѣсь не видно...

Александра Николаевна взяла себя въ руки и отвѣтила:

— Отдѣльнаго нѣтъ, но есть группа съ тобою и съ твоимъ отцомъ, снятая въ Петербургѣ передъ вашимъ отъѣздомъ за границу. Я ее достану и подарю тебѣ. Хочешь?

Лиза захлопала въ ладоши.

— О, какое счастье! Я повѣшу ее надъ моей кроватью и буду смотрѣть, засыпая, на нихъ обоихъ, милыхъ вмѣстѣ...

V.

Душно. Зноенъ воздухъ пыльный
Пыльны листья. Пыльны травы.
Полны томности безсильной,
Дремлютъ ивы вдоль канавы.
А съ рѣки изъ-за оврага
Стонъ несется, хохотъ, визги,
И плыветъ ребятъ ватага,
И горятъ снопами брызги.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Августовскій полдень. Малина давно отошла, и поспѣли орѣхи. Таинственно и заманчиво выглядываютъ они изъ свѣтло-зеленыхъ курчавыхъ гнѣздъ на концахъ гибкихъ вѣтокъ, опушенныхъ сочными, слегка шершавыми листьями, съ правильными словно вытисненными рѣзцомъ жилками. Мохнатый хвостъ векши мелкнулъ на сосѣдней березѣ, и ловко разсчитаннымъ скачкомъ граціозный звѣрекъ пере-

летѣвъ сажени двѣ въ воздухѣ, бросается на высокій кустъ, чтобы запастись на зиму любимымъ лакомствомъ. Нѣсколько минутъ слышно щелканье скорлупы, и остренькая мордочка съ внимательно зоркими глазами усердно грызетъ спѣлый орѣхъ. Но чу!.. гдѣ-то шумъ. Орѣхъ падаетъ изъ переднихъ лапокъ, и пушистый рыжій хвостъ, только что торчавшій парусомъ кверху, вытягивается въ струнку, и векша снова перелетаетъ на высокое и болѣе безопасное мѣсто.

А шумъ приближается. Трещатъ сучья. Слышны голоса и шаги.

„Я хочу вамъ разсказать...—запѣваетъ высокій дискантъ.

„Разсказать, разсказать, какъ дѣвицы шли гулять...“ — подхватываютъ два другихъ дѣтскихъ голоса, изъ которыхъ одинъ, низкій и вѣрный альтъ, выводитъ красивую втору.

Изъ чащи показываются трое дѣтей, мальчикъ и двѣ дѣвочки, съ кузовками черезъ плечо. Это внукъ и любимецъ Кирилловны Митька съ Танькой и ея неразлучной подругой Лизой Колычевой.

Если бъ сестра Клара могла перенестись сюда, въ это тридесятое царство, имя которому русское приволье, она ни за что не признала бы въ вытянувшейся, загорѣлой и возмужалой дѣвочкѣ своей бывшей „pupille“. Тетя Саша осуществила свою педагогическую идею и предоставила Лизу самой себѣ, ни въ чемъ не стѣняя ея, и результаты ея системы получились блестящіе. Дѣвочка не только окрѣпла физически, но черезъ четыре мѣсяца пребыванія на родинѣ начала бѣгло говорить по-русски. Въ этой компаніи двухъ неиспорченныхъ русскихъ ребятъ она проводила цѣлые дни, наслаждаясь полной свободой и душой и тѣломъ отдыхая отъ строгаго заточенія и дисциплины. Уже съ утра, снявъ башмаки и чулки, она бѣжала купаться на рѣку, съ восторгомъ шлепая босыми ноженками то по холодной росѣ, то по теплымъ болотцамъ. Запасшись большимъ ломтемъ хлѣба, она исчезала на цѣлые часы или на старую мельницу, гдѣ они усердно удили гольцовъ и щукъ, или въ рощу за малиной, или въ ближайшій лѣсъ за грибами. Но любимымъ занятіемъ Лизы, которымъ она сумѣла заинтересовать и товарищей и которое такъ любила когда-то и ея мать, было блужданіе по старому, заброшенному саду.

Вообразивъ себя Робинзонами, дѣти отправлялись на розыски былого величія, и старыя деревья шумѣли вѣтвями и ласково нашептывали имъ чудныя сказки о недавнихъ сравнительно, но казавшихся дѣтскимъ сердцамъ стародавними, годахъ. Только незначительная часть парка, пересѣкаемая обѣими главными липовыми аллеями, поддерживалась и расчищалась,—остальное все было запущено, и даже во французскомъ, столь тщательно когда-то оберегаемомъ саду кусты, трельяжи и шпалеры съ нишами, гдѣ раньше ютились нимфы и амуры, представляли непроходимый лабиринтъ колючаго боярышника и жимолости. На мѣстѣ виллы высился поросшій густымъ бурьяномъ бугоръ. Никто никогда не подходилъ къ нему.

По приказанію Семена Михайловича были срублены обуглившіеся мертвые клены и пожарище разрыто. Когда скрученные отъ жара листы желѣза и обгорѣлыя стропила и балки, оставшіяся отъ прежнихъ оштукатуренныхъ подъ мраморъ стѣнъ, были растащены баграми и сброшены въ прудъ, а кирпичи и мусоръ выравнены, то оказалось, что нижній подвальный этажъ, выведенный подъ прочными каменными сводами, уцѣлѣлъ. Сотовъ велѣлъ заколотить наглухо окна и двери, и съ того дня ни одна человѣческая нога не ступала больше на расколотыя мраморныя ступени террасы. Сорныя травы и новые побѣги затянули зелеными сѣтками огромную насыпь, и образовался настоящій курганъ-могильникъ.

Прудъ мелѣлъ съ каждымъ годомъ. Кувшинки и бѣлокрыльники разрастались дружными, серебристыми семьями, затягивая все больше и больше водное зеркало, гдѣ одиноко плавалъ бѣлый лебедь. Его товарищъ погибъ черезъ годъ послѣ пожара. Стройные камыши съ черными бархатными шишками и сѣро-розовыя метелки высокаго тростника шептались все громче и все ближе подвигались къ бѣлымъ ступенямъ, гдѣ изъ щелей между мхами росли пучки остролистой осоки.

На кулигѣ подъ вязомъ кресты стояли прямо попрежнему. Ихъ было теперь четыре. Сперва рядомъ со внукомъ успокоилась наконецъ пани Юзыня, а потомъ легъ въ ногахъ своего батюшки барина и вѣрный Личарда Евграфъ.

За могилами, согласно строго, подъ угрозой вѣчной муки адской, выраженной въ духовной волѣ, ходила его внучка Агаша, съ опаской ступая по заплатанному березовому мостику, готовому ежеминутно рухнуть въ Оболонь.

Агашиному сыну Михалкѣ было уже 19 лѣтъ. Онъ былъ невысокимъ, коренастымъ парнемъ, съ узкимъ лбомъ и близко сидящими, острыми и холодными глазками. Съ колычевскими мужиками онъ дружбы не водилъ, а барышничалъ, скупая, гдѣ могъ, чесанный ленъ и пеньку, масло и творогъ, яйца и картофель и перепродавая ихъ другимъ, болѣе крупнымъ скупщикамъ. Въ долгъ онъ не вѣрилъ никому ни копѣйки и самъ расплачивался всегда наличными деньгами. Переданныя Яшневу старымъ камердинеромъ при покупкѣ Колычева деньги были давно уже возмѣщены Сотовыми съ большими процентами, и Михалка слылъ тысячникомъ.

До смерти Семена Михайловича онъ держалъ себя съ колычевскими господами крайне почтительно и каждый праздникъ являлся съ поздравленіемъ, получая отъ барина зелененькую, а отъ барыни ситцу на рубаху или платокъ на шею. Но Кирилловна сразу не взлюбила его. Какъ-то, однажды, еще при жизни Сотова, въ ожиданіи выхода Александры Николаевны, онъ вздумалъ расположиться въ кухнѣ со своей цыгаркой; старуха обозвала его „табашникомъ“ и попросила выйти курить свое зелье на крыльцо.

— А какъ же вы, Наталья Кирилловна, у господъ выдерживаете? Вѣдь баринъ, поди, курятъ тоже!—дерзко вопросилъ онъ.

Кирилловна даже остолбенѣла.

— Да ты что?.. да ты никакъ рехнулся! съ бариномъ себя равняешь! Да баринъ... да на немъ звѣздъ однѣхъ сколько... да онъ тебя за прадерзость твою въ Сибирь сослать можетъ...

Но Михалка, нарочно пыхнувъ ей махоркой въ самый носъ, нахально отвѣтилъ:

— А што толку въ звѣздахъ-то евоныхъ, развѣ што на елку повѣсить, потому все равно надѣвать ему ихъ некуда. Государь-то его въ отставку разжаловалъ да изъ Питера

выслалъ. Поди, молъ, посиди въ деревнѣ, миляй! ты мнѣ тутъ не ко двору больше. Вотъ тебѣ Богъ, а вотъ и порогъ!...—и онъ вышелъ въ сѣни, стуча франтовскими, подкованными сапогами, сплюнулъ въ ведро и громко окликнулъ проходившую по двору горничную:

— Доложите, Авдотья Степановна, барынѣ, што, молъ, внукъ Евграфа Тимоѳеевича очинно принять ихъ проситъ.

Передать объ этомъ разговорѣ Александрѣ Николаевнѣ Кирилловна не рѣшилась. Она сознавала, что въ словахъ Михалки была доля правды. Совѣты докторовъ пришлись какъ нельзя болѣе кстати, чтобы объяснить въ глазахъ людей причину сорвавшейся карьеры сановника. Слухи объ этомъ какъ-нибудь дошли черезъ привезенныхъ изъ Петербурга слугъ до Агаши, и Кирилловна горько вздыхала объ упрямствѣ генерала, который ни за что не хотѣлъ отказать своему лакею и двумъ горничнымъ, все болѣе зазнававшимся въ деревнѣ съ каждымъ днемъ.

Со смерти Сотова Евграфовъ правнукъ и наслѣдникъ понемногу эмансипировался Съ поздравленіями онъ являлся попрежнему, но дѣлалъ постоянно неожиданныя непріятности. То загонитъ отбившуюся телку изъ немногочисленнаго барскаго стада и явится съ жалобой на потраву, то не пуститъ матери на поденщину въ усадьбу, заставивъ ее ѣхать куданибудь съ собою по неотложному якобы дѣлу, то перебьетъ цѣну и т. д. По деревенскимъ обычаямъ его давно было пора оженить, но онъ на отрѣзъ объявилъ, что никому въ это дѣло мѣшаться не позволитъ.

— Потому, какъ по нашему дѣлу я къ купечеству вхожесть получилъ, то и жену подъ стать изъ хорошаго купецкаго семейства взять желаю и самъ подобрать сумѣю, а ужъ вы, мамаша, отъ вашего совательства меня ослобоните, потому хотя бы вы силкомъ меня въ церкву поволокли, а я попу прямо скажу, что это вамъ, а не мнѣ охота жениться.

Агаша только рукой махнула.

— Мало била тебя да за патлы въ дѣтствѣ трепала, оттого неслухомъ и вышелъ. А все дѣдушка причиною, очень ужъ набаловалъ, не будь тѣмъ помянутъ, царство ему небесное.

И Михалка зазнавался еще пуще. Какъ-то недавно онъ явился къ Александрѣ Николаевнѣ и очень вкрадчиво и настойчиво сталъ просить починить березовый мостикъ на кулигу. Не успѣла еще барыня ротъ открыть, какъ онъ уже прибавилъ:

— А если это вашему высокопревосходительству, такъ сказать, „непредвѣданный“ расходъ, то позвольте за всѣ милости покойнаго дядюшки вашего къ нашему семейству мнѣ по собственному усердію новый построить, а я ужъ такой прочный сооружу, чтобы не то, что ходьбу,—и ѣзду выдержать могъ бы.

Не предвидя себѣ ничего отъ этого непріятнаго, Александра Николаевна согласилась, и черезъ нѣсколько дней граціозная березовая арка надъ каналомъ исчезла навѣки. Ее замѣнилъ тяжелый настилъ изъ бревенъ и досокъ, а тамъ черезъ ровъ у вала былъ уложенъ второй такой же, срублены кусты боярышника и вмѣсто узкой тропочки, протоптанной къ могиламъ Евграфомъ, пролегла широкая проѣзжая колея черезъ паркъ въ село. Мужики по ней пока не ѣздили, но Михалка проѣзжалъ безъ опаски, избѣгая огромнаго крюка мимо всей усадьбы.

Арефій напустился на него за самоуправство и пригрозилъ пожаловаться исправнику, но Михалка клялся и божился что предупредилъ барыню, и она сама на проѣзжій мостъ согласіе дала. Александра Николаевна, боясь всякаго сутяжничества, махнула рукой и только запретила ѣздить другимъ и велѣла соорудить околицу.

Михалка, проѣзжая близко мимо пруда, каждый разъ смотрѣлъ на высокій бугоръ. Таинственный подвалъ манилъ его не меньше, чѣмъ въ дѣтствѣ. Онъ былъ увѣренъ, что въ немъ хранились никому неизвѣстныя, всѣми теперь позабытыя вещи изъ прежнихъ временъ, остатки того древняго величія, которое безъ устали разыскивали три пары дѣтскихъ рукъ и глазъ.

Куда-куда не заглянули за минувшіе мѣсяцы эти любопытные глаза! Не было ни одного уголка ни въ сараяхъ, ни въ амбарахъ, ни одного сундука и ящика въ мезонинѣ и на чердакѣ, гдѣ бы не порылись эти смуглыя ручки. Тетя

Саша сама давалась диву, когда Лиза съ торжествомъ приносила то старый альбомъ съ рукописными монологами и акварельными рисунками ея же подругъ, то какую-нибудь чашку или вазу, забытую когда-то кѣмъ-то на чердакѣ, то сѣдло или вожжи, извлеченныя изъ нѣдръ тарантаса, не употреблявшагося со временъ блаженной памяти Михея Осторожнаго.

Кирилловна, напротивъ, ворчала и бурлила, глядя на прорѣхи и вырванные углами куски изъ юбочекъ и передниковъ и посылая чуть не каждую недѣлю въ починку Лизину обувь.

— Ну и барышня! все на ней горитъ, не напасешься! Ты бы хоть тетеньку-то пожалѣла!

Но Лиза обнимала ее смуглой рукой за шею и говорила:

— Не урчи!..

Этому она научилась чуть не на второй же день отъ Митьки и убѣгала на новые поиски, веселая и оживленная, напѣвая перенятыя отъ Таньки пѣсни.

На сердцѣ у нея было такъ свѣтло и радостно, точно весь солнечный блескъ, вся нѣжившаяся на лѣтнемъ знoѣ листва переливалась и шумѣла въ ея груди, шепча умиленныя рѣчи о быломъ и блаженныя о настоящемъ и будущемъ, безъ единаго облачка, безъ единой заботы и думки. О „замкѣ“ она давно перестала жалѣть. И безъ него было хорошо.

Зато Александра Николаевна думала много, и думы ея не всегда были веселыми. Взявъ Лизу на свое попеченіе, она впервые пожалѣла объ ухлопанномъ ея супругомъ капиталѣ на спекуляціи и англійскую систему хозяйства. Пока она жива, ея трехтысячной пенсіи хватитъ на нихъ обѣихъ, но умри она сегодня, дѣвочка останется, если не безъ двора и кола, то, навѣрно, безъ гроша. Чтобы сохранить ей эти послѣднія 800 десятинъ родовой земли, надо не только найти возможность сводить концы съ концами, но и откладывать для фонда. И Александра Николаевна стала все больше сама входить въ дѣло. Вспоминая пани Юзыню, она рѣшила послѣдовать ея примѣру и завести образцовое молочное и птичье хозяйство. Желѣзная дорога

сократила впятеро разстояніе до Москвы и облегчала сбытъ битой птицы и масла...

Относительно воспитанія Лизы она съ приближеніемъ осени тоже начала не на шутку призадумываться. Былъ одинъ пунктъ, глубоко смущавшій ее: дѣвочка рѣшительно не взлюбила православнаго богослуженія.

На другой же день по ихъ возвращеніи изъ-за границы, приходившійся на воскресенье, Александра Николаевна взяла Лизу къ обѣднѣ. Дѣвочка пошла весьма охотно. Незнакомая обстановка, образа и золоченый иконостасъ были интересны. Но въ церкви было душно и пахло овчиной. Когда началась служба и мужики и бабы стали креститься широкими крестами, поминутно кладя земные поклоны, Лизѣ сдѣлалось не по себѣ. Возгласы священника и дьякона были непонятны, непонятны и отвѣты дьячка, пѣвшаго „Господи помилуй“, хотя она и уловила мотивъ своимъ музыкальнымъ ухомъ и мысленно подобрала ему втору; она искренно хотѣла молиться въ этой церкви, гдѣ вѣнчались ея родители, о чемъ она слышала еще отъ Жюли, повторяла съ точностью все, что дѣлала стоявшая рядомъ тетка. Нѣкоторое время все шло благополучно. Но вотъ раскрылись царскія двери, и дьячекъ козлинымъ теноркомъ затянулъ на клиросѣ „Херувимскую“. Запрокинувъ на спину свою примасленную голову съ тонкой, торчащей кверху косичкой, онъ старательно сталъ выводить такія фіоритуры и трели, что дѣвочка не выдержала и громко фыркнула.

Всѣ оглянулись. Лиза, красная, какъ кумачъ, тряслась отъ смѣха, тщетно сдерживая себя. Александра Николаевна укоризненно посматривала на нее и тихо сказала:

— Ты не умѣешь вести себя? Тебѣ смѣшно, а посмотри, какъ молятся другіе.

Лиза готова была провалиться сквозь землю, но смѣхъ не переставалъ душить ее, и тетка сразу послѣ „Херувимской“ увела племянницу, чтобы прекратить соблазнъ. Въ душѣ она не осуждала дѣвочку. Она сама возмущалась этимъ дьячкомъ и имѣла даже разговоръ съ замѣнившимъ умершаго отца Никиту отцомъ Никаноромъ, но дьячокъ былъ родственникомъ благочиннаго и смѣнить его не было возможности.

— —

Вернувшись домой, она прочла Лизѣ цѣлую нотацію и рѣшила не брать ее больше въ церковь, пока она не выучится по-русски. И вотъ шелъ уже пятый мѣсяцъ ея пребыванія въ Колычевѣ, уже дѣвочка бѣгло болтала на родномъ языкѣ и все-таки ни разу такъ и не выразила желанія сопровождать тетку въ церковь, хотя та не пропускала ни одной службы.

Съ отцомъ Никаноромъ, заходившимъ изрѣдка къ Сотовой, Лиза разговоровъ избѣгала. Онъ ей сильно не нравился. Она прямо не взлюбила его съ того раза, какъ однажды, проѣзжая мимо дома причта, кучеръ ихъ не закрылъ за собой околицы, а священникъ въ своемъ домашнемъ, довольно неопрятномъ подрясникѣ выбѣжалъ на крыльцо и, погрозивъ ему вслѣдъ кулакомъ, грубо закричалъ:

— Погоди, скоро крестить позовешь, такъ тебѣ околица эта въ копеечку вскочитъ! Научу тебя, рохля!

Лиза ничего не поняла, Танька объяснила ей, что теперь вмѣсто двухъ рублей отецъ Никаноръ возьметъ съ Селивана пять. Лиза тутъ же порѣшила упросить тетю Сашу взять этотъ расходъ на себя.

Но помимо этого случая самыя манеры, смѣхъ, грязные ногти, грубоватый голосъ и длинные волосы и борода колычевскаго пастыря не нравились дѣвочкѣ, и она не однажды со вздохомъ вспоминала своего аббата, съ гладкимъ, выбритымъ подбородкомъ, съ кроткимъ взглядомъ черныхъ глазъ и тихой вкрадчивой рѣчью. Она продолжала, прочтя по-русски вслухъ по желанію Александры Николаевны выученныя „Богородицу“ и „Отче нашъ“, молиться про себя и утромъ, и вечеромъ по-католически.

Это сильно озабочивало тетю Сашу, которая не знала, какъ быть, какъ заставить дѣвочку стать православной. При свиданіи съ Игнатіемъ Львовичемъ она сообщила ему свою тревогу.

— Трудно вамъ будетъ. Не справитесь. Не обойтись вамъ безъ института. И почему вы противъ? Сами вспоминаете свои учебные годы не безъ удовольствія, до сихъ

поръ съ подругами переписываетесь. Видите, какія тамъ прочныя связи образуются, а сюда какую еще гувернантку получите!

Но Александра Николаевна не сдавалась. Она рѣшила обратиться за хорошей воспитательницей къ одной изъ старыхъ пріятельницъ своихъ, начальницѣ строгаго института, и чистосердечно покаялась, что въ самой себѣ не находитъ способности противоборствовать Лизѣ рѣшительно ни въ чемъ.

„Чувствую,—писала она:—что не сумѣю никогда примѣнить къ ней не только наказанія, — даже и писать это слово непріятно,—но никакой строгой мѣры. Въ душѣ сознаю, что распускаю ее, а сердце всегда находитъ извиненіе всякому ея поступку. Одна надежда — напасть на чуткую и твердую руководительницу и, сдавъ ей на руки дѣвочку, лишь иногда смягчать слишкомъ строгіе приговоры“.

Отвѣтъ начальницы подтвердилъ мнѣніе мрачнаго доктора.

„Именно въ данномъ случаѣ я бы не колебалась, — писала она. — То, что для васъ, милая Сашетъ, составляетъ вопросъ, здѣсь было бы рѣшено само собою и безповоротно. Насколько наше сельское духовенство, увы, не всегда способствуетъ укрѣпленію вѣры своей паствы, настолько здѣшніе священнослужители на высотѣ своего призванія, и благолѣпіе институтскихъ церковныхъ службъ не можетъ не подѣйствовать благодѣтельно на душу вашей племянницы, повидимому, весьма чуткой ко всему прекрасному. Поручите ее мнѣ, и я отвѣчаю за ея православіе, и за воспитаніе въ чисто русскомъ направленіи. Интернатъ теперь во много разъ легче, чѣмъ въ наше съ вами время, и всѣ каникулы дѣвочка будетъ проводить подъ вашимъ крыломъ. Не сомнѣвайтесь, а рѣшайтесь, и вѣрьте, чѣмъ это случится скорѣе, тѣмъ легче будетъ для обѣихъ васъ“...

Александра Николаевна, прочтя письмо, глубоко, глубоко вздохнула и спрятала его въ столъ, но на другой же день случился одинъ незначительный фактъ, который поколебалъ-таки ея рѣшимость.

Лиза очень любила являться въ кухню къ Кирилловнѣ

передъ самымъ обѣдомъ батраковъ. Ржаныя лепешки на сметанѣ и жирныя лѣнивыя щи казались ей настоящимъ лакомствомъ. Она уже заранѣе предвкушала ихъ, какъ вдругъ крикъ на дворѣ привлекъ ея вниманіе. Годовалый мальчуганъ, тщетно цѣпляясь за траву, пытался подняться на ноги. Лиза, неравнодушная ко всему маленькому, бросилась на помощь. Вышитымъ передникомъ утерла она испачканную въ землѣ дѣтскую рожицу и потащила, несмотря на барахтанье, ребенка къ Кирилловнѣ.

Та только руками всплеснула:

— Охота тебѣ съ такою дрянью возиться! Стыдно, сударышня.

— Отчего стыдно? онъ маленькій! Кто онъ?

Кирилловна вырвала его изъ рукъ Лизы и посадила на лавку.

— Ѳеофашка Лукерьинъ, — буркнула она, отойдя къ плитѣ.

Лукерья была только что поступившая новая скотница.

— Ѳе-о-фаш-ка!—задумчиво повторила Лиза.—Это имя?

— Да, имя... Ну, уходи, уходи! Не слѣдъ тебѣ, барышнѣ, на кухнѣ вертѣться, не барское дѣло.

Лиза, недоумѣвая, вышла на крыльцо. Въ это время въ кухню начали входить работники и разсѣлись обѣдать. Когда вошла Лукерья, старушка сунула ей на руки мальчика и сурово прибавила:

— Ты бы хоть господамъ глаза грѣхомъ-то не мозолила!

Блѣдная Лукерья такъ и вспыхнула, молча приняла ребенка и сѣла за столъ. Ребенокъ, почувствовавъ себя у матери, развеселился и, что-то лепеча на своемъ никому не понятномъ языкѣ, сталъ тянуться къ общей мискѣ.

— Сиди ты смирно, отродье! Шутъ тебя возьми!.. — и Лукерья дала ему энергичнаго шлепка.

— Славно!—отозвался Селиванъ.—Ты бы его хорошенько заодно, зачѣмъ родился.

— Свиньямъ бы его скормить надо!—проворчала толстая Аниска, Лукерьина дочь, поступившая вмѣстѣ съ нею на маслобойню, въ качествѣ молочной дѣвки:—а то людямъ въ глаза глядѣть совѣстно.

Лукерья, стиснувъ зубы, съ досадой сунула за пазуху пару лепешекъ и встала изъ-за стола. Ребенокъ снова разревѣлся, а она, тряся его за плечики, вышла на крыльцо, при дружномъ хохотѣ батраковъ. Но тутъ она наткнулась на блѣдную, дрожащую Лизу. Какъ кошка, вцѣпилась дѣвочка въ руку работницы.

— Не смѣй! не смѣй!—кричала она въ изступленьи!—я не позволю.

Ей показалось, что Лукерья намѣревается исполнить совѣтъ Аниски.

— Полноте, барышня, успокойтесь. Я его снесу въ людскую, покормлю и укачаю, а то онъ тутъ только мѣшаетъ.

Лиза, не довѣряя ей, побѣжала слѣдомъ. Ее никогда не пускали въ людскую. Кирилловна строго наказала Танѣ не водить туда барышню.

— Мало ли чего наслушается! Слышь ты? И сама держи языкъ за зубами, а не то всѣхъ васъ сгоню со двора.

Дѣло касалось лишнихъ разговоровъ о прошломъ, и старуха чутьемъ понимала, что чѣмъ меньше о немъ пока узнаетъ Лиза, тѣмъ лучше и безопаснѣе для ея душевнаго мира.

Но тутъ барышня забыла обо всѣхъ увѣщаніяхъ, что ей не слѣдъ съ прислугой якшаться и т. д., и вбѣжала въ запретную избу.

Прежде всего ее поразилъ острый кислый запахъ никогда не провѣтриваемой комнаты. Рои мухъ бились подъ потолкомъ и на пыльныхъ окнахъ. Груды тряпья валялись на нарахъ. Изъ-подъ лавокъ сидѣвшія на яйцахъ индѣйки боязливо вытянули длинныя сморщенныя шеи. Сверху изъ-за огромной облѣзлой печи спускался длинный шестъ, къ концу котораго былъ привѣшенъ ящикъ изъ-подъ свѣчей. Лукерья отдернула линючій пологъ; на грязныя, игравшія роль перины лохмотья опустила она сына и сунула ему отвратительную соску изъ разжеванной ею ржаной лепешки. Лизѣ приходилось не разъ бывать въ крестьянскихъ избахъ, но нигдѣ никогда она не испытывала столь тягостнаго чувства. Пока, дергая за привязанную къ шесту веревочку, работница раскачивала зыбку, Лиза неотступно не сводила съ

нея глазъ. Лукерья сидѣла прямо, словно на вытяжкѣ, устремивъ взглядъ въ полъ. Лицо ея было угрюмо, точно тяжелая забота и тайный стыдъ мѣшали ей обернуться и перемѣнить позу.

„Чего она такая? Что съ ней?“ Дѣвочка набиралась духу, чтобы спросить эту мать, почему она стыдится такого маленькаго и въ сущности, будь онъ почище, хорошенькаго ребенка, но Ѳеофашка уснулъ, и Лукерья встала и оправила сбившійся платокъ. Все также не поднимая глазъ, покормила она индѣекъ и, плотно сжавъ губы, вышла въ дверь съ сурово-покорнымъ выраженіемъ еще не стараго, красиваго лица.

Лиза хотѣла послѣдовать за нею, но Ѳеофашка проснулся и запищалъ. Дѣвочка стала дергать веревочку, и подъ раскачиванье зыбки ребенокъ уснулъ, а Лиза сидѣла и думала думу. Сложная работа шла въ ея темноволосой, юной головкѣ.

„За что люди не любятъ людей? Ну, взрослыхъ, понятно, потому что они бываютъ дурны. Сестра Клара и сестра Тереза, иногда замѣнявшая ее, говорили, что любить люди умѣютъ только хорошихъ; Богъ любитъ и дурныхъ, но на то онъ и Богъ. Онъ все можетъ, а люди не могутъ и часто и не хотятъ, а тѣ, которые хотятъ,—это святые, со святой душой, и чѣмъ больше они любятъ дурныхъ, особенно враговъ своихъ, тѣмъ ближе становятся къ Богу и искупаютъ грѣхи другихъ. Но развѣ Ѳеофашка, такой маленькій, можетъ быть чьимъ-нибудь врагомъ? Развѣ онъ можетъ быть грѣшникомъ? А Кирилловна назвала его Лукерьинымъ грѣхомъ, это она отлично слышала... Положимъ, Кирилловна не родня ему, а за что же и Аниска, сестра его, хотѣла скормить его свиньямъ? И почему Лукерья сидѣла, все потупя глаза, точно, дѣйствительно, не смѣя смотрѣть людямъ въ лицо? Здѣсь есть что-то непонятное, какая-то тайна...

Ѳеофашка продолжалъ сладко посапывать, и Лиза осторожно вышла. На дворѣ ей попался Прохоръ. Восьмидесятилѣтній старикъ дворецкій, жившій въ селѣ на покоѣ у внучки, приходилъ иногда по старой памяти пообѣдать на барскую кухню. Онъ очень любилъ Лизу и часто, по ея

просьбѣ, разсказывалъ ей длинныя исторіи о старомъ житьѣ-бытьѣ, хотя она съ трудомъ понимала его шамканье.

— Прохоръ,—обратилась она къ нему,—скажи, ты знаешь сына Лукерьи, Ѳеофашку? Отчего никто не любитъ его?

— А я и не зналъ, что у Лукерьи есть Ѳеофашка... Ѳеофашку и любить нельзя.

— За что же? Кирилловна назвала его грѣхомъ. Какой же онъ грѣхъ... онъ младенецъ... Развѣ онъ можетъ грѣшить?

— Не онъ согрѣшилъ, мать его согрѣшила, не даромъ попъ его Ѳеофаномъ окрестилъ.

Лиза ровно ничего не поняла. Деревенскіе пастыри зачастую въ наказаніе матерямъ даютъ извѣстныя имена дѣтямъ, заклеймляя, такимъ образомъ, на всю жизнь, въ назиданіе прочимъ, ихъ незаконное рожденіе. Ни о чемъ подобномъ дѣвочка, конечно, и не подозрѣвала и обратилась вторично къ Кирилловнѣ, но та сухо отвѣтила:

— Не твоего ума дѣло. Много будешь знать—скоро состаришься.

Лиза не унялась. Едва вернулась изъ города Александра Николаевна, она пристала къ ней. Съ ужасомъ повѣдала она теткѣ о грязи и запущенности людской, объ отвратительномъ воздухѣ и зыбкѣ ребенка, о ненависти къ бѣдному ребеночку всѣхъ близкихъ.

— Тетя, милая! Нельзя ли вычистить людскую? Тамъ такъ гадко. А ему можно мнѣ перешить что-нибудь изъ моихъ платьевъ? У него такая противная, линючая рубашка.

Александра Николаевна обѣщала ей дать коленкору и ситцу и завтра же засадить Таню ей въ помощь, чтобы одѣть ребенка.

Лиза горячо обняла ее. За чаемъ она долго молчала и вдругъ, поднявъ голову, тихо заявила:

— А я теперь догадалась: Ѳеофашку Богъ даетъ дурной матери, которая чѣмъ-нибудь согрѣшила... Онъ тоже будетъ дурнымъ, а она все-таки, хоть и не хочетъ, а должна любить его и воспитывать. Ну, а если меня Богъ такъ накажетъ и пошлетъ такого ребенка, я его такъ любить буду, такъ любить...—Она не досказала. На глазахъ у нея были слезы.

Ложась въ постель, она особенно усердно помолилась и по-русски, и по-латински, и уснула съ влажными рѣсницами. А рядомъ въ образной тетя Саша долго стояла на колѣняхъ. Смутно было у нея на душѣ отъ Лизиныхъ словъ. Ужъ не пророчество ли? Все-таки она дочь своей матери... Удастся ли уберечь ее? Не слишкомъ ли непосильную задачу взяла она на себя? Не лучше ли отдать и впрямь дѣвочку въ институтъ, гдѣ до извѣстныхъ лѣтъ дѣвушки какъ-никакъ устранены отъ соблазновъ?.. И она вспомнила себя, свою юность и наивность и свой потому, какъ ей казалось, безоблачный бракъ.

Черезъ недѣлю изъ Колычева къ институтской начальницѣ летѣла просьба похлопотать о пріемѣ Лизы въ институтъ, а пока прислать для подготовки гувернантку. Лиза приняла это извѣстіе съ отчаяніемъ въ душѣ, но тетя Саша объяснила ей, что будетъ счастлива только тогда, когда она хорошо окончитъ курсъ, потому что безъ диплома жить теперь нельзя. Она обѣщала пріѣзжать каждое Рождество въ Петербургъ и брать ее на положенные три дня отпуска къ себѣ, а на лѣтнія каникулы присылать за ней Кирилловну. Лиза смирилась, но на душѣ у нея былъ камень.

. . . .

И, сидя съ Марьей Петровной, присланной для ея обученія, за русской грамматикой или съ отцомъ Никаноромъ надъ катехизисомъ, дѣвочка грустными глазами смотрѣла въ окно. Бѣлая пелена одѣла все кругомъ, и поля, и дворъ. Оголенные кусты и деревья казались траурно-черными на этомъ фонѣ... Это была та самая безотрадная Россія, которую рисовало когда-то далеко, далеко во Франціи дѣтское воображеніе, широкая, безбрежная, вся бѣлая, съ черными рисунками мертвыхъ лѣсовъ на непроницаемомъ для солнечныхъ лучей снѣжномъ, холодномъ покровѣ...

VI.

Вотъ наконецъ сбылись желанья,
И наступилъ блаженный часъ:
Здѣсь въ институтѣ для прощанья
Мы собрались въ послѣдній разъ...
(Изъ прощальнаго институтскаго гимна А. Рожнова).

А годы шли. Пять разъ лѣто смѣнялось осенью; пять разъ погружался институтскій древній садъ съ вѣковыми, заплатанными желѣзомъ и стянутыми обручами липами въ зимній сонъ; пять разъ по дорожкамъ настилали мостки, и безконечной процессіей бродили по нимъ парами дѣтскія и дѣвичьи фигурки въ безобразныхъ клёкахъ и обшитыхъ рюшами капорахъ. Въ эти унылые часы прогулокъ изъ-за высокой рѣшетки къ нимъ доносились дразнящіе звуки городской, вольной жизни—стукъ экипажей, говоръ уличной толпы, звонки конокъ и обрывки военной веселой музыки. Эта жизнь была такъ близко, всего лишь въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ, и все-таки недоступно далеко для обособленнаго, замкнутаго въ себѣ институтскаго міра со строгими правилами и законами, ихъ же не прейдеши.

Повѣяла шестая весна. Снѣгъ сошелъ. Мостки исчезли, и ожилъ старый садъ. Клейкіе зеленые листочки одѣли липовыя вѣтви, одуванчики позолотили лужайки. Младшіе классы дѣлали изъ стеблей цѣпи и пачкали ихъ сокомъ передники, за что и терпѣли возмездіе, а старшіе гадали по отцвѣтшимъ головкамъ какъ сойдутъ экзамены. Если за ночь сжатый бутонъ, поставленный въ воду, раскрывался въ бѣлый пушистый шарикъ,—результатъ обѣщалъ быть блестящимъ; если бутонъ увядалъ,—ждать хорошаго было нечего, и сердце падало, и душа робѣла передъ экзаменаціоннымъ столомъ съ кучкой бѣлыхъ билетовъ...

Но вотъ пережиты и эти страхи и тревоги. Іюньское солнце яркими лучами врывается въ широко распахнутыя окна и ложится длинными косыми полосами на красный бархатъ церковныхъ перилъ и оклады образовъ. Огромный вышитый коверъ, блестящія ризы духовенства, шелестъ шелковыхъ шлейфовъ классныхъ дамъ, шитые мундиры,

звѣзды и ленты сановниковъ около высокой внушительной maman, въ синемъ бархатномъ платьѣ и бѣлой наколкѣ, и тѣсные ряды бѣлыхъ передниковъ и пелеринокъ въ бѣломъ, дивномъ по своей архитектурѣ и живописи храмѣ сливаются въ ласкающее глазъ, торжественно-стройное, неизгладимое впечатлѣніе. Это послѣдняя совмѣстная церковная служба для тридцати дѣвушекъ, это „бѣлый праздникъ“ Лизы Колычевой, о которомъ она мечтала съ дѣтства.

Въ честь ея поются концертные священные напѣвы, въ честь ея и ея подругъ выходитъ на амвонъ любимый, глубокопочитаемый духовникъ.

— Други мои!—обращается къ нимъ въ послѣдній разъ задушевный, проникающій въ душу голосъ, и слезы выступаютъ невольно на глаза,—какъ часто и громко роптали вы на стѣсненіе воли вашей въ этихъ стѣнахъ, и вотъ она вамъ возвращается навсегда. Но мы отдаемъ ее не неразумнымъ младенцамъ, какіе поступили когда-то сюда,—долгіе годы наставницы и наставники развивали вашъ умъ, обогащая его знаніями, воспитывали вашу душу, призывая къ послушанію законамъ совѣсти, блюли ваше сердце, оберегая его отъ недобрыхъ сѣмянъ. Берегите же сами теперь эти столь тщательно взлелѣянныя души и сердца. Въ дальнѣйшей, свободной отнынѣ жизни не будетъ съ вами наставниковъ и руководительницъ, на которыхъ такъ часто вы сѣтовали за строгость и совѣты, но въ тяжелые часы испытанія, въ скорбныя минуты искушеній вспоминайте все, чему учили васъ тутъ; многое, что здѣсь казалось вамъ лишнимъ, скучнымъ, ненужнымъ, можетъ быть, спасетъ васъ тамъ отъ непоправимыхъ, необдуманныхъ поступковъ. И если поколеблется сердце, смутится душа,—осѣните себя крестнымъ знаменіемъ и, какъ отецъ евангельскаго отрока, обратившійся ко Христу за исцѣленіемъ сына, воскликните: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!..“

Еще нѣсколько задушевныхъ словъ пастыря, и начался торжественный благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ государю и всему царствующему дому, а затѣмъ и „начальствующимъ здѣ, учащимъ и *учившимся*“... Длинной вереницей потянулись присутствовавшіе ко кресту, и медленно попарно стали выходить воспитанницы въ актовую залу.

А тамъ уже стоялъ во всю ея ширину вытянутый столъ, покрытый малиновымъ сукномъ, и весело играли лучи лѣтняго солнца на бѣлыхъ высокихъ стѣнахъ, на бронзовыхъ рамахъ царскихъ портретовъ и на мраморныхъ доскахъ, гдѣ золотыми буквами красовались даты всемилостивѣйшихъ посѣщеній русскихъ императоровъ. Вмѣстѣ съ лучами врывался и ароматный воздухъ изъ пригрѣтаго тепломъ сада и смѣшивался съ благоуханіями куреній и запахомъ мастики, употребляемыхъ въ исключительно торжественные дни институтской жизни.

Гости съ начальницей во главѣ расположились за столомъ въ креслахъ, а за ними размѣстились родственники выпускныхъ. Спѣли „Боже, Царя храни“!

Лиза давно разглядѣла свою тетю Сашу. Сердце ея билось отъ восторга, и она разсѣянно слушала рѣчь инспектора, хотя и очень любила его старческое высокое чело съ юношески блестѣвшими подъ нимъ глазами...

„И всему, чему мы научили васъ въ этихъ стѣнахъ, идите и научите другихъ! Да будетъ ученье ваше проникнуто вѣрою въ пользу его, и тогда радостенъ и плодотворенъ окажется и трудъ и принесетъ свой урожай на родной русской нивѣ“, закончилъ онъ свое напутствіе.

Началась раздача дипломовъ. Медали и шифры были получены уже наканунѣ, и за ними удостоившіяся ихъ ѣздили не во дворецъ по обычаю, а въ Смольный институтъ, гдѣ, по случаю кончины императрицы Маріи Александровны, состоялась раздача наградъ.

Словно золотой сонъ, вспомнился вдругъ Лизѣ этотъ яркій вчерашній день, появленіе въ церкви государя, въ сопровожденіи всей царской фамиліи, его колѣнопреклоненная при пѣніи вѣчной памяти въ Бозѣ почившей августѣйшей супругѣ фигура и слезы въ кроткихъ синихъ глазахъ... Какъ сонъ, были тѣ мгновенія, когда чей-то незнакомый, слышный на всю огромную бѣлую залу съ колоннами голосъ произнесъ: „Елизавета Колычева“, и она, выйдя изъ ряда, прошла эти страшные на виду у всѣхъ нѣсколько шаговъ, низко, низко присѣла и получила изъ рукъ одѣтой въ глубокій трауръ цесаревны холодную, тяжелую ме-

даль со странной надписью надъ озаряющимъ виноградникъ солнцемъ: „посѣти виноградъ сей“... Робко цѣлуя протянутую милостивую руку, она подняла глаза и встрѣтила ласковый, чарующій взглядъ прекрасныхъ, темныхъ очей и тутъ же почувствовала, что, сколько бы ни прожила на свѣтѣ, забыть его не будетъ силъ... А тамъ другая крупная бѣлая и давно знакомая царская рука подала ей портретъ, и дѣвушкѣ стоило громаднаго усилія, чтобы не разрыдаться отъ счастья...

Вотъ и сейчасъ снова раздалось: „Елизавета Колычева“.

Лиза вышла на середину зала, съ низкимъ реверансомъ приняла она изъ рукъ почетнаго опекуна свой аттестатъ. Maman, ласково улыбаясь, протянула ей евангеліе въ синемъ переплетѣ и, промолвивъ: „je te félicite, chérie!“ подставила пухлую, надушенную щеку для поцѣлуя...

Лиза вернулась на мѣсто, и вдругъ ея блаженно-радостное настроеніе смѣнилось грустью.

„Неужели я уже отрѣзанный ломоть? Неужели этотъ милый, величественный и столь расположенный ко мнѣ графъ, эта maman, инспекторъ, учителя, классныя дамы, эти мои почти сестры въ бѣлыхъ пелеринахъ, эта зала и старый, залитый солнцемъ садъ стали вотъ съ этой самой минуты навѣкъ чужими, какъ та начальница во Франціи, какъ монахини въ бѣлыхъ капорахъ, какъ часовня съ серебряными трубами стараго органа?.. Отчего мнѣ такъ жутко? Точно боюсь я чего-то? Чего же?..“

— Берегите кристальную чистоту сердца вашего! — прозвучали ей въ отвѣтъ послѣднія слова привѣтствія графа, которое она пропустила, занятая своими грустными мыслями, но вмѣстѣ съ другими она присѣла въ отвѣтъ ровнымъ, красивымъ придворнымъ поклономъ, а сановникъ въ залитомъ золотомъ мундирѣ склонилъ расчесанную на англійскій проборъ голову и отвѣтилъ величественнымъ жестомъ правой руки.

— Ну, слава Богу, кажется, конецъ!—шепнула стройная брюнетка.

— Что ты! еще гимна не пѣли...

Лиза дала камертонъ.

Прощай, камлотовое платье!
Прощай, нашъ милый институтъ!
Намъ открываетъ жизнь объятья
И насъ зоветъ на вольный трудъ...

Maman встала и, обнявъ на ходу Лизину тетю Сашу, вышла въ сосѣднюю залу. За нею съ поклономъ удалились и почетные гости. Выпускныя бросились къ родственникамъ. Начались объятія, поцѣлуи... Радость свиданья и близкой свободы разсѣяли остатки грусти. Лиза представляла тетѣ Сашѣ своего друга Дашеву.

Кругомъ слышались возгласы: „Ахъ, мамочка! ты сама пріѣхала!“ „Пріѣзжай за мной, папа, завтра въ девять часовъ, мы всю ночь все равно спать не будемъ“...

Позавтракавъ въ послѣдній разъ въ институтской столовой, дѣвушки по обычаю отправились отслужить молебенъ въ Казанскій соборъ. Чинно размѣстились онѣ на клиросѣ, и стройные звуки дѣвичьихъ голосовъ пронеслись и замерли подъ высокимъ куполомъ. Лизѣ снова вспомнились трубы органа. О католичествѣ она давно перестала сожалѣть. У нея оказалось необыкновенно красивое контральто, и, когда на клиросѣ изъ груди ея вырывались бархатныя ноты и сливались съ голосами другихъ въ полные звучные аккорды, ей казалось, что на могучихъ, плавныхъ взмахахъ крылъ она уносится высоко, высоко, туда, гдѣ съ облаковъ смотритъ на землю самъ Господь-Саваоѳъ, окруженный сонмомъ небесныхъ силъ...

Пріятельница тети Саши сдержала слово: Лиза возвращалась въ Колычево именно той русской дѣвушкой, какою были и онѣ обѣ въ свое время...

Съ трехъ часовъ дортуары старшаго класса были полны шума и движенія,—воспитанницы одѣвались къ выпускному обѣду.

Въ послѣдній разъ снимали онѣ камлотовое казенное платье, съ которымъ прощались утромъ, и надѣвали „вольное“, одинаковое для всѣхъ изъ легкой бѣлой шерстяной матеріи.

— Душка, причеши меня, — обратилась Мезенцова, та

самая брюнетка, которая не могла дождаться конца акта, къ серьезной Дашевой. — Полно, брось! есть о чемъ горевать! Удивительная печаль! Ну, да, жили вмѣстѣ, вмѣстѣ съ тоски помирали, а теперь вѣдь — „передъ нами жизни даль лежитъ свѣтла, необозрима“, а ты меланхольничаешь. Это отецъ Павелъ тебя растравилъ. Положимъ, и у меня во время его проповѣди глаза оказались на мокромъ мѣстѣ, но всему свой чередъ. Постой, — остановила она подругу, укладывавшую ей косы вѣнкомъ на головѣ: — mesdames, какъ вы полагаете, насчетъ чолокъ? Не рискованно́? а?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчали нѣкоторыя, уже успѣвшія подрѣзать и завить волосы на лбу.—Слава Богу, мы теперь вольныя птицы...

— Или вѣрнѣе пони, — поправила Мезенцова и вдругъ высокимъ чистымъ сопрано запѣла:

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Чернобурую лисицу...

— Это зачѣмъ тебѣ?—перебила Дашева.

— Да на шубу, — равнодушно отвѣтила она при дружномъ хохотѣ всего дортуара.

— А что, mesdames, Гриневъ будетъ на обѣдѣ? — поинтересовался кто-то.

— Спроси у Лизы или у Дашевой, онѣ должны знать,— ехидно замѣтила Мезенцова. — Я вотъ слышала, какъ онъ опять ломался и увѣрялъ, что не будетъ, чтобы его нарочно упрашивали! Такой актеръ...

— Ольга, ты несправедлива.

— Ну, конечно! А онъ очень справедливъ и главное честенъ? Очень, не правда ли, благородно женатому человѣку увлекать незамужнихъ дѣвицъ?

— Ольга, ты бредишь! Никого онъ не увлекалъ и никто за него замужъ и не пошелъ бы...

— Нисколько не брежу, а говорю чистѣйшую правду, какъ кристальность вашихъ сердецъ,—возразила Мезенцова, до смѣшного вѣрно подражая голосу важнаго графа...

Въ пять часовъ въ большой нижней залѣ, гдѣ такъ еще

недавно шли экзамены и столько переживалось трепета и страха, за длиннымъ столомъ сидѣли тридцать дѣвушекъ въ изящныхъ бѣлыхъ платьяхъ съ одинаковыми бутоньерками изъ розъ и ландышей у корсажей. Между бывшими ученицами размѣстились учителя и классныя дамы. Во главѣ сидѣла maman. Отъ ея полной величественной особы вѣяло счастливымъ сознаніемъ, что еще новый ввѣренный ея попеченіямъ выводокъ вылетаетъ изъ родного гнѣзда во всеоружіи знаній и непоколебимой морали.

Въ видѣ особаго отличія она усадила рядомъ съ собою лучшихъ ученицъ — Дашеву и Колычеву, но онѣ обѣ дорого бы дали за право отказаться отъ этой чести и очутиться на дальнемъ концѣ стола, гдѣ рядомъ съ Мезенцевой сидѣлъ ихъ кумиръ — Гриневъ. Ольга немилосердно кокетничала съ нимъ, строя глазки, а онъ красивымъ жестомъ проводилъ по своимъ кудрявымъ волосамъ и что-то говорилъ ей съ насмѣшливой улыбкой.

Когда кончился обѣдъ съ традиціоннымъ застольнымъ гимномъ, съ безчисленными рѣчами въ стихахъ и прозѣ, съ громкими тостами и тушами расположившагося подъ окнами военнаго оркестра, всѣ высыпали въ садъ, и бѣлыя платья выпускныхъ смѣшались съ зелеными и коричневыми остальныхъ.

Солнце еще не сѣло, но, скрытое крышей институтскаго зданія, играло на крестѣ церкви и на высокихъ вершинахъ деревьевъ. Мягкія тѣни скользили по сочнымъ лужайкамъ, а въ главной аллеѣ изъ дуплистыхъ вѣковыхъ липъ было прохладно и сумрачно.

Обыкновенно въ день акта полагался балъ, но, въ виду траура, онъ былъ отмѣненъ. Молодыя дѣвушки ходили, обнявшись, по дорожкамъ. Къ Лизѣ и Дашевой приблизился Гриневъ.

— Pardon, mesdames! я, можетъ быть, нарушаю интимную бесѣду? Но мнѣ хочется разспросить васъ о вашихъ планахъ на будущее. Вы остаетесь обѣ здѣсь, конечно?

Дашева вспыхнула. Она впервые говорила со своимъ „кумиромъ“ безъ надзора классной дамы, но Лиза спокойно отвѣтила:

— Вѣра остается, она поступаетъ на высшіе курсы, а я уѣзжаю въ деревню.

— На лѣто, конечно?

Нѣтъ, навсегда. Мнѣ придется жить тамъ и зимою.

— Развѣ вы идете на мѣсто?

— Нѣтъ, я ѣду къ теткѣ, замѣняющей мнѣ родителей.

— Что же вы будете дѣлать тамъ? Вы такая способная, талантливая, вы умрете тамъ со скуки!

— Ничуть, я найду себѣ занятіе. Я, во-первыхъ, открою школу, а, во-вторыхъ, заведу церковный хоръ изъ крестьянъ... Если бы вы слышали, какой у насъ тамъ козелъ-дьячокъ!

Гриневъ сорвалъ вѣтку и, граціозно помахивая ею, покосился на Лизу.

— И для того, чтобы обучать деревенскихъ ребятъ грамотѣ и мужиковъ пѣнію, вы окончили институтъ съ медалью? Стоило того!..

— А что же, по-вашему, мнѣ слѣдовало бы дѣлать?

— Какъ что? Это спрашиваете вы? вы? моя гордость, — я смѣю это говорить теперь,—и не только гордость въ прошломъ, но, мнѣ казалось, и въ будущемъ... Для чего же открыты высшіе курсы? Кому же поступать туда, въ такомъ случаѣ?.. Господи! сколько женскихъ поколѣній тщетно добивались этого своего священнаго права—быть равными съ мужчинами по образованію, сколько русскихъ жизней было погублено въ этой борьбѣ—и теперь, когда открыта наконецъ широкая дорога въ царство свѣта и науки, лучшія представительницы нашего времени сворачиваютъ съ завоеваннаго пути и бѣгутъ зарываться въ тину провинціальныхъ дрязгъ и сплетенъ... Вѣдь это ужасно! вѣдь это умственное самоубійство...

Лиза широко раскрытыми глазами смотрѣла на разгорячившагося собесѣдника.

— Къ чему вы смущаете и искушаете меня? Неужели, если бы я зависѣла только отъ самой себя, я бы тоже не соблазнилась возможностью дальше развиваться и учиться? Но моя тетка ждетъ, не дождется меня. Она уже не молода... А я,—я еще почти не жила домашней жизнью. Едва выйдя изъ французскаго монастыря, я снова попала въ

интернатъ. Неужели вы не понимаете, какъ меня тянетъ въ семью, какъ манитъ старая усадьба?

Гриневъ пожалъ плечами.

— Кому судьба даетъ, съ того и спрашиваетъ! Вѣрно, вы забыли евангельскую притчу о талантахъ? Или вы рѣшили зарыть ихъ въ землю этой усадьбы.

Онъ снова провелъ по курчавымъ волосамъ.

А сердце у Лизы билось... Ей льстило вниманіе молодого учителя, и она раскраснѣлась отъ удовольствія. Это была, въ сущности, ея первая побѣда, и эти мужскіе, устремленные на нее съ интересомъ глаза зажигали и ея взглядъ веселыми искорками. Здѣсь не было любви, — а только предчувствіе ея, впервые пробудившееся сознаніе ея близкой возможности и своего обаянія...

И Гриневъ невольно любовался ею...

— Да, жизнь даетъ вамъ многое, но будьте въ ней осторожны!—задумчиво произнесъ онъ, словно въ униссонъ ея мыслямъ.—Знаете,—прибавилъ онъ черезъ минуту: — въ васъ ужасно мало институтства.

— Чего?—переспросила Лиза.

— Да какъ вамъ сказать! — удивительно вы непосредственны и естественны, безъ тѣни жеманства и излишней застѣнчивости.

— Merci за комплиментъ!—отозвалась проходившая мимо Мезенцева.—Слышите, mesdames?—monsieur Гриневъ находитъ всѣхъ институтокъ излишне застѣнчивыми и жеманными!

— Только не васъ,—поспѣшилъ онъ поправиться.

— А меня? а меня?—обступили его другія...

Взошелъ мѣсяцъ. Его блѣдный ликъ смотрѣлъ сквозь густую сѣнь сада на горѣвшій огнями древній дворецъ, гдѣ воспитывались сотни будущихъ русскихъ женъ и матерей, скромныхъ дѣятельницъ и труженицъ на народной нивѣ. Изъ-подъ развѣсистыхъ липъ неслись стройные звуки народнаго гимна. Въ послѣдній разъ пѣли его здѣсь тридцать русскихъ дѣвушекъ, которыя завтра выйдутъ отсюда навѣки.

И въ эту іюньскую ночь въ тихомъ саду среди шумной

столицы знакомыя слова звучали торжественной клятвой любви и готовности душу свою положить за счастье и покой того человѣка, для котораго уже вербовались новые убійцы...

— Ну, и наговорилъ тебѣ Гриневъ сегодня чепухи! — замѣтила Мезенцева, подымаясь подъ руку съ Лизой въ дортуаръ.—Я кое-что слышала, невольно, конечно,—подслушивать не мое амплуа. Что это значитъ: „не зарывайте вашего таланта?" Опять трескучая фраза, что твое сосновое полѣно!

— Ахъ, полно! ему просто казалось, что я непремѣнно поступлю на высшіе курсы!

— Вотъ ерунда! Онъ бы мнѣ еще посовѣтовалъ! Я ни за какія коврижки больше книги не возьму въ руки. Довольно! Отзвонила—и съ колокольни долой! Честь и мѣсто новенькимъ... Ну, душки-медамочки, — обратилась она къ другимъ, уже наполовину раздѣтымъ: — вспомнимъ сѣдой обычай старины: садитесь въ кружокъ и выкладывайте на прощанье всѣ свои секреты!

— Полно, Оля! Не дурачься. Секретовъ и тайнъ у насъ никогда не бывало, а если и бывали, ты же первая ихъ разбалтывала. А вотъ проститься другъ съ другомъ, забыть всѣ мельчайшія непріятности и ссоры — это слѣдуетъ непремѣнно. Пусть воспоминаніе объ институтѣ будетъ навсегда священно для насъ! Со своей стороны, я смѣло говорю—это были мои лучшіе годы!.. и Богъ вѣсть, что ожидаетъ тамъ...

Дашева вся оживилась, произнося свою маленькую рѣчь, и если бы Гриневъ видѣлъ ее въ эту минуту, онъ бы и на нее залюбовался непремѣнно.

— Странно... Мы, пока сидѣли въ этихъ классахъ и дортуарахъ,—тихо послѣ наступившаго было молчанія заговорила Оленина:—все мечтали о волѣ, а теперь почему-то жаль разставаться со всѣми этими надоѣвшими комнатами и людьми... Чувствуешь, что они стали родными... Мнѣ ужасно жаль всѣхъ васъ, mesdames!..

Она вытерла глаза...

— Такъ что жъ тутъ страннаго? Мы дни и ночи жили вмѣстѣ. Мы привыкли другъ къ другу... знаемъ хорошо каждую изъ насъ, и нашихъ классныхъ дамъ, и учителей, а тамъ... Богъ знаетъ, какіе попадутся люди... — возразила Дашева.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Вы всю душу растравите!..—взмолилась Мезенцева.—Мнѣ тоже страшно стало... Лучше пусть Лиза споетъ что-нибудь на прощанье. Лизочка спой!..

— Что ты? нельзя. Мы другихъ перебудимъ...

— Не бѣда, намъ все можно, мы сегодня выпускныя...

— Спой, Лиза, твою французскую молитву. Она такая хорошая! Подъ нее такъ спокойно становится...

— Да, да! Спой, спой, Лиза!.. спой!—пристали остальныя...

Le ciel a visité la terre...

раздалось въ казенномъ дортуарѣ, и черезъ раскрытыя окна сквозь защищавшіе ихъ прутья рѣшетки звуки кантики вырвались на волю...

Бѣлая ночь смотрѣла на кружокъ бѣлыхъ дѣвушекъ. Сегодня онѣ справляли свой бѣлый праздникъ Это сегодня было книгой съ бѣлыми, еще неисписанными страницами, но „завтра“ уже занималось въ полуночной зарѣ, вставало въ легкой румяной дымкѣ лѣтняго дня, перваго дня новой, невѣдомой страшной жизни...

... А въ это время вблизи института скользила лодка съ гребцами.

— Я тебѣ говорю, держи право!—сердито буркнулъ красивый брюнетъ-медикъ въ сюртукѣ нараспашку. — По-моему,—продолжалъ онъ, — ни подъ Краснымъ мостомъ, ни подъ Семеновскимъ не мѣсто. Лучше Каменнаго не выберешь, такъ и скажи Тарасу...

— Да подушки-то готовы?

— Четыре,—одна въ Троицкомъ, остальныя на Гончарной. Всего семь пудовъ. Осторожнѣе опускайте... Лучше бы поближе къ плоту, который мы видѣли, легче провода соединить оттуда будетъ вамъ.

— А ты самъ не будешь?

— Некогда. Мнѣ диссертацію защищать въ четвергъ... А тамъ ходу... Въ провинціи людей мало стало.

— Счастливецъ ты, Васька!

— Не завидуй... Тсс! слышишь, поютъ...

Vous savez bien que je vous aime...

лилось изъ окна. Гребецъ поднялъ весла, и лодка почти остановилась.

— Институтка вѣрно... Словъ не поймешь, а славно! голосъ прекрасный. Отвѣтить ей, что ли?

— Ты съ ума спятилъ! сцапаютъ за нарушеніе общественной тишины и порядка. Валяй дальше. Я у Лѣтняго сойду...

На пустынныхъ набережныхъ было безлюдно. Недвижные, какъ изваянія, городовые провожали глазами залитую нѣжнымъ отблескомъ зари лодку со студентами. Околодочный подошелъ къ периламъ Цѣпного моста и наблюдалъ, какъ она причалила, какъ впился багоръ въ дерево плота.

— „Арестовать ихъ?“ но студенты вели себя крайне свободно. Одинъ выскочилъ, пожалъ руку товарищу и размашисто вбѣжалъ по ступенямъ. Околоточный зѣвнулъ и проводилъ его сонными глазами.

Лодка повернула въ Екатерининскій каналъ. Черная пасть Казанской площади поглотила ее... Подъ низкими сводами было темно и жутко. Сверху просачивалась каплями сырость. „Тюрьма“... и вспомнились недавно покинутыя стѣны каменнаго мѣшка. Гребецъ оглянулся. Сзади уже выросталъ другой полукругъ; перламутровою рябью дрожали и переливали на водѣ отблески озареннаго восходящимъ солнцемъ облака. Онъ вздохнулъ могучей грудью. „Къ свѣту“... И когда сузилась и словно ушла въ воду полукруглая щель, черезъ которую онъ въѣхалъ съ противоположнаго конца, весла погрузились въ золото волнъ и понесли лодку къ уже осмотрѣнному Каменному мосту. На него сворачивали по набережной, громыхая и несясь вскачь, пустые ломовые.

Гребецъ улыбнулся. При этомъ адовомъ шумѣ и движеніи вниманіе полиціи поневолѣ сосредоточивалось на землѣ, а

не на водѣ. Выборъ былъ крайне удаченъ, да и мостъ этотъ короче всѣхъ на Гороховой. И, насвистывая только что слышанный изъ окна мотивъ, онъ положилъ весла и закрутилъ папироску.

Это была послѣдняя рекогносцировка для заложенія мины на пути слѣдованія государя изъ Царскаго Села въ Зимній дворецъ передъ его лѣтней поѣздкою въ Крымъ...

VII.

Все дремлетъ. Ни единый звукъ
Не слышенъ въ тишинѣ полдневной,
И лишь порой летящій жукъ
Гудитъ одинъ о чемъ-то гнѣвно.

Бросаютъ листья на песокъ
Узорно-золотыя пятна.
И сводъ небесный такъ высокъ,
И ширь родная необъятна!..

(„Въ зной". М. К.).

Снова стучатъ колеса почтоваго поѣзда. Снова сокращается съ каждымъ ихъ поворотомъ разстояніе до Горска. Лиза стоитъ у открытаго окна вагона, и передъ ней проносятся деревни и лѣса. Откуда-то издалека выбѣгаютъ изъѣзженныя дороги и, перебравшись по ветхимъ мостикамъ черезъ овраги и рѣчки, нѣкоторое время вьются рядомъ съ рельсами, а потомъ вдругъ круто сворачиваютъ и словно ждутъ вмѣстѣ со сторожемъ у шлагбаума, когда пройдетъ поѣздъ, чтобы потеряться на другой сторонѣ желѣзнаго пути, среди рощъ и косогоровъ.

Между серебристыми полосами зацвѣтающей ржи зеленѣютъ изумрудно-яркія ленты яровыхъ и сѣрыми скрижалями ложатся вспаханныя подъ паръ поля. Кое-гдѣ попадается мужикъ съ бороною. Давъ на минуту передохнуть мохнатой лошаденкѣ, онъ заслоняетъ ладонью глаза отъ солнца и смотритъ вслѣдъ чугункѣ, а Лиза машетъ ему отъ восторга платкомъ и кричитъ: „Богъ въ помощь!"

Сердце полно неизъяснимаго блаженства. Она радуется каждому мелькающему телеграфному столбу, привѣтствуетъ каждое дерево и кусть, и они тоже киваютъ ей зелеными сочными вѣтвями: „Здравствуй! здравствуй! въ добрый часъ"...

Бывало, пріѣзжая на каникулы, она старалась дорогой

намѣтить и запомнить особенно красивую березу или осину, чтобы посмотрѣть какова она будетъ въ осеннемъ уборѣ, при ея возвращеніи въ Петербургъ. Она всегда загадывала: узнаю — годъ выйдетъ счастливый; не узнаю — хорошаго ждать нечего. А теперь этого ужъ не надо... медаль и дипломъ лежатъ на днѣ чемоданчика, гдѣ была уложена когда-то „Елка“ Анны Дараганъ.

Наконецъ дверь купе пріотворилась.

— Станція Горскъ, поѣздъ стоитъ 10 минутъ!—возвѣщаетъ кондукторъ. Александра Николаевна сняла свой бѣлый фуляръ, чтобы замѣнить его шляпой, но мягкія дѣвичьи руки обвились вокругъ ея шеи, и милый, счастливый голосъ шепчетъ:

— Теточка, вѣдь я же навсегда... навсегда! Больше никуда ѣхать не надо!

— Пусти, чуть не задушила! — улыбается тетка! — Дай ленты хоть завязать.

Но Лиза уже снова у окна. Вотъ артельщикъ Иванъ, а рядомъ съ нимъ, несмотря на зной, знакомая коричневая атласная шубейка.

— Теточка, Бога ради, поскорѣе!

— Ну, иди, иди! Да все ли тутъ? — Александра Николаевна пересчитываетъ вещи:—разъ, два, три... а мѣшокъ? Лиза! мѣшокъ сѣрый у тебя?

Лизѣ не до мѣшка. Она душитъ въ объятіяхъ Кирилловну, она готова чмокнуть отъ восторга рыжую усатую физіономію станціоннаго жандарма.

— Ты понимаешь, Кирилловна, я навсегда? Больше въ институтъ не вернусь!

— Ахъ ты, Лизушенька моя дорогая! И не чаяла я дожить до счастья такого! Ахъ ты, краля моя ненаглядная! И какъ выросла-то! Совсѣмъ барышня-невѣста!.. скоро замужъ пора!

— Ну, ужъ это—ахъ оставь! Дай мнѣ въ Колычевѣ наблаженствоваться сперва. Ты съ кѣмъ пріѣхала?

— Да съ Митей, сударышня. Присталъ: „пусти, баунька, замѣсто Селивана, я самъ хочу барышню привезти“. Дѣлать нечего пустила.

— На какихъ лошадяхъ?

— Да на твоихъ,—въ корню Разбойникъ, Пташка и Касатка на пристяжкахъ.

— А колокольчикъ мой?

— Твой сударышня, все твое,—и дуга, и вожжи...

— Пойдемъ же скорѣе!

— Погоди, вонъ тетенька ищутъ что-то.

Александра Николаевна, раскраснѣвшаяся отъ волненія, искала все еще сѣрый мѣшокъ, который сама первый же и подала въ окно артельщику. Наконецъ дѣло выяснилось, и ворча на Ивана, она спустилась на платформу.

— И чего ты молчишь? Я ищу, а онъ ни слова...

А Лиза уже на перронѣ... Она здоровается съ лошадьми. Обѣихъ пристяжныхъ она помнитъ еще стригунками съ увѣшанными репейникомъ хвостами. На козлахъ такъ и сіяетъ въ новой, нарочно къ этому дню сшитой голубой сатиновой рубахѣ пріятель ея дѣтства, шестнадцатилѣтній Митя. Его шляпа лихо заломлена на бекрень и, подбоченясь лѣвой рукой, онъ въ одной правой держитъ малиновыя шелковыя вожжи.

— Ну, садись, садись! ужо въ Колычевѣ съ лошадьми нацѣлуешься,—добродушно урчитъ Кирилловна.

— Что же? все сдѣлала, ничего не забыла?—спрашиваетъ Александра Николаевна, усаживаясь поудобнѣе въ старой фамильной коляскѣ.—Почемъ крупа-то?

— По рублю шести гривенъ! Даже гроша съ фунта не скинулъ въ уваженіе, разбойникъ. Ужъ я его стыдила-корила, а онъ, душегубъ, знай свое твердитъ: времена плохи... Ему-то плохи! Наживается со всякаго, и съ продавца и съ покупателя... Да! ужъ вырастилъ нещечко Евграфъ Тимоѳеичъ, не тѣмъ будь помянутъ, пригрѣлъ змѣныша! Такого подлеца, какъ внучекъ его Михайла, я и не видывала. Чистый коршунъ!

Но Лизѣ Михалка вовсе не интересенъ. Она не слушаетъ дальнѣйшаго хозяйственнаго доклада. Не все ли равно, смазана ли дегтемъ новая толевая крыша, прибиты ли какія-то планки къ дверямъ,—она ласково отвѣчаетъ на поклоны встрѣчныхъ; ее заранѣе тѣшитъ толпа чумазыхъ ребятишекъ,

которые на перекресткѣ караулятъ коляску, чтобы, прицѣпившись къ задней оси, прокатиться на даровщинку; она ждетъ знакомыхъ ухабовъ на Петербургской и купающихся въ лужѣ свиней на Московской улицѣ... Все это свое родное, все говоритъ, что сейчасъ кончатся послѣдніе домики незатѣйливаго русскаго уѣзднаго города, и тройка выѣдетъ на старый большакъ, и Митя, перебравъ и натянувъ струнами вожжи, заставитъ пристяжныхъ скрутить длинногривыя шеи, и Разбойникъ ляжетъ въ хомутъ, и звонко зальется переливчатый колокольчикъ подъ золоченой дугою, и побѣгутъ навстрѣчу рощи, луга и яровые со звенящими въ бездонной синевѣ незримыми жаворонками... А въ лицо повѣетъ вѣтеръ, и сердце замретъ и встрепенется, и душа растворится въ безбрежномъ родномъ просторѣ...

Хозяйственный докладъ снова возобновился. Кирилловна во всѣхъ подробностяхъ излагала, сколько въ отсутствіе генеральши вывелось новыхъ цыплятъ, когда отелилась купленная въ прошломъ году тиролька, и т. д. Лиза вдругъ обернулась.

— А сколько щенятъ у Кары?

— Девять было,—отозвался съ козелъ Митя:—да четырехъ утопили...

— Опять!—жалобно упрекнула Лиза.

— А ты бы всѣхъ оставила? Скоро у насъ и то чистая псарня будетъ. И пятерыхъ дѣвать некуда.

— Всѣхъ разберутъ, — флегматично возразилъ Митя; вонъ—инспекторша Адріанова просила пару, въ Алексѣевку обѣщали, да и Евграфовы набиваются.

— Ну, эти и подождутъ, а инспекторшѣ дать можно,—отвѣтила Кирилловна.

— Какая инспекторша?—спросила Лиза.

— А въ прогимназіи, что въ прошломъ году открыли, начальника жена. Славная, говорятъ, барыня!

— Что же, если славная, я сама ихъ къ ней отвезу,—вызвалась Лиза, но Александра Николаевна прищурилась.

— Если Аннѣ Павловнѣ нужны щенки, она сама пришлетъ за ними, а тебѣ ѣздить незачѣмъ. Она тебѣ не компанія!—прибавила тетка по-французски.

Лиза вопросительно посмотрѣла на нее, но по лицу видно было, что прямого отвѣта сразу не дождешься, и она снова погрузилась въ молчаливое, радостное созерцаніе мелькающихъ знакомыхъ видовъ.

Наконецъ коляска свернула на деревенскую улицу. У крайней избы совершенно уже дряхлый и облысѣвшій Прохоръ стоялъ безъ шапки, опираясь на палку, и шамкалъ беззубымъ ртомъ тихое „добро пожаловать, ваше высокопревосходительство"...

А тамъ началась и березовая аллея съ пыльными заросшими крапивой канавами, и въ концѣ ея слѣва показались тесовыя на старыхъ каменныхъ столбахъ ворота, изъ которыхъ одна новая створка золотомъ горѣла рядомъ съ другой, успѣвшей обвѣтриться прошлогодней, а за ними выглянулъ сѣрый домъ съ мезониномъ.

Митя лихо обогнулъ перенесенную его стараніями уцѣлѣвшую во французскомъ саду и обсаженную имъ собственноручно цвѣтами вазу и подкатилъ къ крыльцу по свѣже усыпанной пескомъ дорогѣ. Первыя минуты это былъ невообразимый хаосъ звуковъ. Веселые возгласы Лизы, чмоканья и громкія привѣтствія сбѣжавшейся дворни, лай обезумѣвшихъ отъ радости собакъ, фырканье взмыленной тройки,— все слилось въ гулъ и стонъ и нарушило покой безмятежно дремавшей усадьбы. Лиза, не снимая ватерпруфа, бросилась было въ комнаты, но Кирилловна ее на этотъ разъ не пустила.

— Нешто такъ годится, сударышня? Дай впередъ тетенькѣ войти, хлѣбомъ-солью тебя встрѣтить!

Притихшая дѣвушка, съ помощью разодѣтой въ жаркую пунцовку Тани, сняла верхнее платье и вдругъ замѣтила, что обои въ передней новые. Степенно вошла она въ гостиную соединенную еще Семеномъ Михайловичемъ аркой съ бывшей смежной романовской столовой и потому носившую имя залы, и остановилась. Обивка была новая и обои тоже нарядные. Александра Николаевна, еще одѣтая по дорожному, встрѣтила ее хлѣбомъ-солью и благословила образомъ Смоленской Божьей Матери.

— Ну, вотъ ты и дома! Дай же намъ Господь еще много лѣтъ вмѣстѣ прожить, а теперь пойдемъ къ тебѣ.

— Да развѣ, тетя, я не буду больше спать у тебя?

— Нѣтъ, Лизочекъ, стара я стала, по ночамъ часто не сплю, да и похрапываю иногда, тебѣ мѣшать буду. А свой уголокъ всегда пригодится... Тебя я устроила въ угольной.

Она открыла дверь въ бывшую когда-то спальню пани Юзыни. Лиза такъ и ахнула. Это было именно то, какъ она рисовала себѣ „свою“ комнату, если бы ей случилось имѣть таковую. Вся голубая, съ низкой кретоновой мебелью, усѣянной букетами полевыхъ цвѣтовъ, съ голубымъ фонарикомъ и письменнымъ столомъ у окна, въ которое врывались грозди наливающихся цвѣтовъ сирени. Но не изящныя, вновь купленныя вещи трогали ее. Сюда было снесено все, что сохранилось лучшаго и завѣтнаго отъ прошлаго,—огромное psychée чернаго дерева, со врѣзанными амурами слоновой кости, севрскій письменный приборъ и саксонскія вазы и куколки, головка Грёза, случайно уцѣлѣвшая, и коверъ, занавѣски и покрывала, шитыя еще въ Горкахъ сѣнными дѣвушками: за всѣ эти вещи любители предлагали Сотовой огромныя деньги.

Въ слезахъ бросилась Лиза на шею теткѣ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ отдаешь ты мнѣ все это? Развѣ я стою?

— Стоишь, милая, стоишь!—отвѣчала та, сама растроганная.

— Что же я-то подарю тебѣ?—спохватилась Лиза, пересмотрѣвъ свои сокровища и заставивъ тетку посидѣть на каждомъ стулѣ. Впрочемъ, подожди!

Она раскрыла чемоданчикъ, достала оттуда футляръ и и съ комически-торжественнымъ лицомъ вручила его Александрѣ Николаевнѣ.

— Это тебѣ принадлежитъ, твое по праву!..

Въ футлярѣ была ея золотая медаль.

И дни полетѣли. Быстро втянулась Лиза въ новую жизнь, для нея, однако, очень хорошо знакомую. Каждое лѣто два съ половиною мѣсяца она проводила въ Колычевѣ и съ каждымъ годомъ все крѣпче привязывалась къ нему. Родная почва притягивала ее къ себѣ сотнями незримыхъ корешковъ. Точно воздухъ, который она вдохнула въ ми-

нуту своего появленія на свѣтъ, напоилъ ея сердце любовью, окружавшей ложе ея матери.

О родителяхъ дѣвушка знала многое,—всю счастливую эпоху ихъ супружества, и тѣнь Зоси могла быть спокойна: ея золовка постояннымъ усиліемъ воли сумѣла скрыть отъ Лизы ужасныя послѣдствія ея преступнаго легкомыслія. Смерть Ивана Николаевича, по понятіямъ дочери, произошла отъ разрыва сердца при извѣстіи о пожарѣ виллы, подожженной не Романомъ, а Валекомъ, которому слѣпо довѣрился бѣдный дѣдушка, пострадавшій, благодаря измѣнѣ и клеветѣ пріятеля, и умершій до суда въ губернской тюрьмѣ. Въ такомъ свѣтѣ узнала Лиза причины трагическаго разоренія Колычевыхъ. И она вѣрила и горячо молилась за покойныхъ родителей и за пана Романа съ паней Юзыней, мирно покоившейся рядомъ съ внучкомъ на прадѣдовской кулигѣ.

Эти семейныя подробности были сообщены ей тетей Сашей два года назадъ, когда она въ послѣдній разъ пріѣзжала на каникулы. При переходѣ въ выпускной классъ институтокъ на лѣто не распускаютъ. Тѣмъ милѣе казалась теперь Лизѣ старая усадьба. Немного перемѣнъ нашла она въ строѣ ея жизни. Такъ же хлопочетъ тетка въ своемъ стариннаго покроя ситцевомъ платьѣ, съ головой, повязанной бѣлымъ фуляромъ, который она снимаетъ только за обѣдомъ, такая же у нея маленькая косичка, свернутая сѣдымъ узелочкомъ на затылкѣ. Но Лиза знаетъ—Александрѣ Николаевнѣ не до нарядовъ.

Ея высокопревосходительство сама поспѣваетъ всюду,— и на полевыя работы, и въ птичникъ и въ маслобойню, съ которой снова имѣется все возрастающій доходъ. Дѣло ведется по старинѣ: „колычевская генеральша“, какъ зоветъ Сотову весь уѣздъ, врагъ всякихъ новшествъ.

Машинъ, кромѣ вѣялки русскаго производства, она не признаетъ, да пашутъ у нея старыми, сохранившимися съ Романовскихъ временъ плугами.

— Все это хорошо у нѣмцевъ,—говоритъ она, перелистывая присылаемые ей изъ магазиновъ каталоги:—они дѣлаютъ машины, они ихъ и чинить умѣютъ. А мнѣ какая

выгода отъ этихъ заморскихъ жней и косилокъ? Съ мѣста батраки испортятъ, а тамъ отправляй ихъ, да жди, пока въ Москвѣ починятъ? Нѣтъ, ужъ лучше я лишній разъ помочь созову.

И колычевцы шли охотно на эту помочь. Хотя за девятнадцать лѣтъ, протекшихъ со дня ихъ раскрѣпощенія, многіе разбрелись, кто въ Москву, кто въ „губернію", кто въ Питеръ, гдѣ между прочимъ пристроился и Агаѳонъ, но оставшіеся поддерживали добрыя отношенія съ усадьбой, и бабы и мужики часто навѣдывались къ барынѣ то за лекарствомъ, то за рублишкомъ, который потомъ отрабатывали на поденщинѣ, или уплачивали ягодами и грибами. Въ церкви они почтительно сторонились, давая ей дорогу и наклоняя съ безмолвнымъ привѣтомъ свои напомаженныя головы. Они даже гордились „своей генеральшей" за то, что не только она сумѣла сберечь остатки вотчинной земли, но и осѣла на ней прочно, повидимому, до конца своихъ дней.

Лизѣ эта крестьянская помочь была что твой праздникъ. Она дѣятельно помогала Кирилловнѣ раскладывать по тарелкамъ орѣхи, маковники, рожки и пряники, разставляла по раскинутымъ на козлахъ, покрытымъ столешниками доскамъ пироги, жаркія и штофы, и сама была не прочь полакомиться лепешками и гостинцами. Страсть къ простымъ деревенскимъ угощеніямъ она сохраняла и въ институтѣ. Какъ часто въ дортуарѣ, когда кончался вечерній обходъ и классная дама исчезала къ себѣ, вполнѣ убѣжденная, что ввѣренныя ея надзору дѣвицы спятъ сномъ праведницъ, на кроватяхъ Лизы и ея сосѣдокъ Олениной и Дашевой шелъ горой колычевскій пиръ. Рожки, маковники, пряники, казавшіе съ голодухи милѣе конфетъ отъ Ballet и Berrin, запивались водой изъ умывальныхъ крановъ, разведенной патокой или присланнымъ изъ деревни вареньемъ. Съ какимъ упоеніемъ повѣствовала тутъ Лиза объ этой деревнѣ, о сложенной изъ кирпичей печуркѣ, на которой варилось въ мѣдномъ тазу это самое варенье въ вѣковой аллеѣ подъ дружный аккомпаниментъ пчелъ, гудѣвшихъ въ вершинахъ.

Эти ночныя пиршества, эти разсказы о далекой милой

вотчинѣ нѣсколько унимали тоску по родинѣ, грозившую первое время даже здоровью нервной дѣвочки. Едва ея сиротѣвшая съ младенчества душа раскрылась навстрѣчу домашнему уюту,—онъ снова ускользалъ отъ нея, и милые обои тети Сашиной спальни съ лиловыми цвѣточками по сѣрому фону замѣнились выбѣленными суровыми стѣнами огромнаго дортуара. Не подходила къ ея кровати полная, мягкая фигура въ ночной кофточкѣ и обшитомъ ручной вышивкой чепчикѣ, чтобы перекрестить на ночь, укрыть и плотнѣе подоткнуть вязаное одѣяло, не вспрыгивалъ и не свертывался клубкомъ въ ногахъ сѣрый полосатый котъ Кротикъ, не мигалъ синій огонекъ лампадки и не навѣвала за ставнями листва стараго сада сладкихъ сновъ о видѣнномъ имъ счастьѣ. Снились уроки, экзамены, и сердце билось тревожно и щемило отъ горя, и умъ напрягался, исчисляя недѣли, дни и часы до радостнаго дня отъѣзда на каникулы или до прибытія на Рождество тети Саши.

Она брала дѣвочку на три блаженныхъ дня изъ института въ гостиницу, откуда онѣ вдвоемъ объѣзжали старыхъ важныхъ дамъ, вдовъ и супругъ бывшихъ сослуживцевъ Семена Михайловича. Хотя особеннымъ весельемъ эти визиты не отличались, но Лизѣ доставляло удовольствіе быть внѣ казенной обстановки, ходить въ „вольномъ платьѣ“ и выслушивать искреннія похвалы своей игрѣ на роялѣ и тѣмъ незатѣйливымъ романсамъ, которые она пѣла груднымъ мягкимъ контральто. Три дня рождественскаго отпуска проходили удивительно быстро. Тетя Саша, поцѣловавъ въ послѣдній разъ свою дѣтку и навезя ей цѣлыя корзины сластей, исчезала за стеклянной дверью швейцарской, и снова тянулась сѣрая жизнь подъ сѣрымъ петербургскимъ небомъ.

Но, несмотря на свою тоску, дѣвочка ни разу не обмолвилась о ней ни словомъ, ни строчкой въ письмахъ. Она знала, что и тетка скучаетъ не меньше. Она чувствовала, что была ея единственной отрадой и цѣлью жизни, хотя и не сознавала, сколько было въ этой привязанности безысходнаго горя о смерти безвременно и несправедливо сгубленнаго любимаго брата!

— — — — — — — — —

Два послѣднихъ года прошли, однако, много веселѣе. Къ нимъ поступилъ Гриневъ, замѣнившій очень опытнаго, но вовсе неинтереснаго преподавателя словесности. Молодой, увлекательный и самъ увлекающійся, онъ внесъ въ казенно-затхлую атмосферу свѣжую, живительную струю.

Его уроки были часто вдохновенными импровизаціями. Они будили дремавшую душу, они зажигали свѣтильникъ мысли. Образы родныхъ героевъ вставали, какъ живые, передъ глазами очарованныхъ краснорѣчіемъ лектора дѣвушекъ, онѣ входили подъ его эгидой въ закрытыя до того для нихъ сокровищницы поэзіи и познавали міръ вѣчной, незапятнанной красоты.

Онѣ, благодаря ему, научились находить ее даже въ монотонной, размѣренной жизни института, и ихъ древній историческій дворецъ и старый липовый садъ населился исчезнувшими, заманчивыми образами прошлаго, а самая суровость режима получила вдругъ смыслъ: она была искусомъ, подготовленіемъ къ жизни, къ труду, къ самостоятельной работѣ, безъ которыхъ воля не казалась уже заманчивой.

Когда Гриневъ, разбирая „Горе отъ ума", громилъ Софью и весь ея кругъ кисейныхъ барышенъ за пустоту и легкомысліе, у Лизы впервые зародился вопросъ: „Кѣмъ же стану я по выходѣ изъ института? Другія—сироты и дѣти бѣдныхъ родителей—будутъ давать уроки, пойдутъ въ гувернантки, кто побогаче и поразвитѣе—поступитъ на высшіе курсы, а я?... Послѣдовать примѣру послѣднихъ, бросить тетю одну въ Колычевѣ еще на лишніе два года?... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! довольно...

Можно и въ деревнѣ найти дѣло и случай приносить пользу!"

И она стала строить планы о деревенской школѣ, съ увлеченіемъ посвящая въ нихъ никогда въ деревнѣ не бывавшую Дашеву, а та благоговѣйно ей внимала и одобряла всѣ подробности обученія и воспитанія крестьянскихъ ребятъ.

VIII.

Цвѣтетъ жасминъ. Вокругъ балкона
На солнцѣ млѣетъ пышный хмель,
И слышно, какъ въ кустѣ піона
Жужжитъ пчела и бьется шмель.
Хозяйка, вышивки капота
Откинувъ съ бѣлыхъ, полныхъ рукъ,
Лѣниво разбираетъ что-то,
Аккордъ—и льется пѣсня вдругъ...
(„Старинный романсъ". М. К.).

Очутившись въ Колычевѣ, Лиза вдругъ забыла и Гринева, и свои планы о трудовой, строго разъ навсегда налаженной жизни. Несмотря на выработанное сообща съ Дашевой распредѣленіе дня, заготовленное нарочно въ видѣ институтскаго стѣнного росписанія уроковъ, по которому слѣдовало вставать ровно въ $6^{1}/_{2}$ часовъ утра, несмотря на категорически отдаваемое съ вечера приказаніе Танѣ будить съ восходомъ солнца, чтобы, вспомнивъ старину, сбѣгать босикомъ по росѣ на рѣчку для купанья, ее никакъ не могли добудиться. Просыпаясь въ своей залитой голубоватымъ отсвѣтомъ комнаткѣ, куда черезъ спущенныя шторы врывался ароматъ распустившейся давно сирени, Лиза, взглянувъ на подаренные ей къ выпуску эмалевые часики, каждый разъ убѣждалась, что солнце не только уже встало, но и успѣло выпить всю утреннюю росу.

Лѣниво потягивалась она на своей новой изящной кровати и любовалась уютомъ своего уголка, лѣниво одѣвалась и шла пить кофе на хмелевую террасу, гдѣ ожидали ее густыя желтыя сливки и нарочно по ея вкусу свѣже выпеченные крендельки. Водолазъ Сократъ и лягавая Кара ждали ея появленія и умильно заглядывали ей въ ротъ, слѣдя за каждымъ кускомъ. Лиза по-братски дѣлилась съ ними, а потомъ, зная, что до обѣда всѣ заняты своимъ дѣломъ, шла въ старый садъ по вѣковой аллеѣ, по никогда не зараставшей тропинкѣ черезъ лужокъ въ старый пріютъ мечтаній. Собаки съ веселымъ лаемъ бѣжали за нею...

Но если бы пани Юзыня стояла теперь на террасѣ, она бы не сказала вслѣдъ насмѣшливое: „графиня!" Лиза

не умѣла граціозно раскачиваться на ходу, не умѣла подбирать платье, чтобы выставлять на показъ ножку. Карауловъ не принялъ бы ее за саксонскую куколку изъ коллекціи Арсенія Михайловича. Отъ ея фигуры въ вышитомъ собственноручно малороссійскомъ костюмѣ вѣяло чисто отечественнымъ здоровьемъ. Она была высока ростомъ и очень стройна, но осиной таліей не щеголяла, и въ ея манерахъ и походкѣ была нѣкоторая „индолентность", которой отличалась когда-то и тетя Саша.

Лиза со времени возвращенія въ Колычево ни разу не раскрыла книги, не подошла ни къ роялю, ни къ флютгармоніи: ей не хотѣлось ни читать, ни пѣть, ни играть, ей нравилось это полное бездѣлье. Натура требовала отдыха послѣ зимняго напряженія. И она цѣлыми часами лежала на еще нескошенной травѣ и смотрѣла въ синее небо, по которому мѣрно плыли бѣлыя облака.

„Это кучевыя — cumula! — вспомнила она ихъ латинское названіе.—Боже, какъ хорошо! Никогда больше не буду сдавать экзамена по космографіи и метеорологіи. Какое блаженство!".

И дни, блаженные лѣтніе дни шли за днями. Начался покосъ, въ которомъ принимала участіе вся усадьба. Лиза помогала тоже гресть сѣно. Натрудивъ ладони до мозолей, она бросалась на свѣже-сметанную копну и съ закинутыми подъ голову руками наслаждалась запахомъ увядающихъ травъ... Она выискивала среди нихъ скошенные и вянущіе колокольчики и ромашки и связывала букеты, которые, потомъ въ прохладной водѣ, украшали вазы сѣраго домика. Ее тѣшило смотрѣть, какъ черезъ два-три часа эти обреченные, было, на смерть цвѣты снова набирались жизни и подымали головки навстрѣчу солнечнымъ лучамъ, падавшимъ черезъ раскрытыя окна на столы и этажерки гостиной.

„Воскресли?.. милые, милые!" думала она, цѣлуя ихъ, словно дорогихъ, подвергавшихся несправедливому отношенію друзей... Никакихъ писемъ отъ подругъ, торжественно обѣщавшихъ въ день выпуска писать „часто", она не получала и отлично понимала, что и другія переживаютъ то

же сладкое сознаніе возможности ничего не дѣлать. Тѣмъ больше удовольствія доставилъ ей конвертъ, надписанный рукою Дашевой.

„Ты помнишь, какъ мы называли
Тюрьмой высокій нашъ дворецъ,
Какъ счастья и свободы ждали,
И вотъ дождались наконецъ!..“

(Такъ начиналось письмо скромной ея подруги, имѣвшей слабость писать стихи). „Не знаю, какъ тебѣ, но мнѣ кажется что воля, была тамъ, а не здѣсь, въ этой чужой семьѣ, куда я взяла на лѣто мѣсто, чтобы заработать на взносъ за лекціи на курсахъ. Конечно, ты въ раю своемъ, Колычевѣ, не можешь даже представить себѣ, какое мученье вѣчно слѣдить за собою, чтобы не сотворить чего-нибудь недостойнаго титула гувернантки двухъ доводящихъ до отчаянія въ душѣ сорванцовъ, маменькиныхъ сынковъ. Но вѣдь это и есть та педагогическая дѣятельность, тотъ вольный трудъ, къ которому мы готовились всѣ эти годы. Ахъ, скорѣе бы на курсы! Я чувствую, что это единственное мое призваніе. Хотя Гриневъ звалъ на нихъ тебя, но не меня...

„Вѣдь педагогика не моя сфера: я не люблю дѣтей и не могла бы возиться съ цѣлой школой босоногихъ ребятъ, о которой ты мечтала съ такимъ упоеніемъ. Ты, вѣроятно, уже осуществила свои мечты, и я уже воображаю тебя капраломъ изъ Беранже на колычевскомъ лугу, съ лозою въ рукѣ, твердящею: „буки-азъ, буки-азъ! счастье въ грамотѣ для васъ!“

Лиза вздохнула:

„Счастливица... Она идетъ на курсы“... и вдругъ ей сдѣлалось стыдно за свою лѣнь. Вѣдь прошелъ почти мѣсяцъ, а она еще и палецъ о палецъ не ударила, чтобы привести слово въ дѣло.

„Нѣтъ, довольно! Сегодня же переговорю съ тетей о школѣ...“

— Барышня-а!.. Ау-у! — раздался голосъ Тани.

— А-у!—откликнулась Лиза и спрятала письмо въ карманъ.

— Къ намъ гости-и!.. — продолжала Таня, приближаясь. Лиза поднялась съ копны, оправила платье, выбрала изъ косы приставшіе къ волосамъ травинки и пошла на голосъ. Запыхавшаяся Таня бѣжала къ ней изъ аллеи.

— Кто?—спросила барышня.

— Инспекторша Адріанова съ маменькой ихней!

Лиза вспомнила о высказанномъ теткою нежеланіи, чтобы она знакомилась съ этой дамой, но Таня тутъ же сообщила, что „тетенька сами за ней послали“.

Съ хмелевой террасы доносились голоса. Лиза застала Александру Николаевну въ обществѣ двухъ очень элегантныхъ барынь. Старшая курила пахитоску, манерно откинувшись на спинку плетенаго кресла, а младшая что-то убѣдительно доказывала тетѣ Сашѣ, не успѣвшей даже смѣнить своего ситцеваго рабочаго костюма. И все-таки изъ всѣхъ трехъ настоящей барыней была она.

— Умоляю васъ, не отказывайте! И безъ того у насъ такъ мало жизни, такой застой всюду. Всѣ куда-то разбрелись. Дворяне исчезли, кругомъ ни одного помѣщика изъ прежнихъ. Одно купечество и арендаторы. Намъ надо сплотиться, образовать свой интеллигентный кружокъ, съ высшими запросами къ жизни, чѣмъ вѣчныя уѣздныя сплетни. Не бойтесь меня! Увѣряю васъ, я вовсе не такая легкомысленная, какъ кажусь.

— Помилуйте, откуда вы взяли?..—защищалась хозяйка.

— Да, да! я знаю. Обо мнѣ говорятъ очень дурно.

Въ эту минуту Лиза уже поднималась по ступенямъ.

— А вотъ и барышня, пусть она сама насъ разсудитъ...— и madame Адріанова протянула ей обѣ руки въ безукоризненныхъ шведскихъ перчаткахъ. — Elle est adoràble! — бросила она черезъ плечо матери.

Лиза сконфузилась и присѣла передъ старухой.

— Марья Ивановна Родіонова,—отрекомендовалась та.— Вотъ, душенька, моя дочь, Анна Павловна Адріанова, да и я тоже пріѣхали просить васъ участвовать въ концертѣ въ пользу недостаточныхъ сельскихъ учителей нашего уѣзда.

— Ахъ, maman! и совсѣмъ не въ ихъ пользу! вы все путаете. Я слышала о вашемъ голосѣ и пріѣхала просить

васъ пѣть у насъ, но совсѣмъ не въ пользу учителей, а школы, которую собирается открыть одинъ учитель изъ подчиненныхъ мужа у себя на родинѣ. Онъ вовсе не изъ нашего уѣзда и даже не изъ нашей губерніи, но это рѣшительно никакой роли не играетъ. Дѣло не въ томъ, гдѣ будетъ новая школа, лишь бы она была въ Россіи и была поставлена на раціональныхъ началахъ. А этотъ Коровкинъ очень дѣльный и передовой человѣкъ. Или вы боитесь этого слова? Но увѣряю васъ, онъ не нигилистъ! Нѣтъ, нѣтъ! Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно покойны. Я сама ненавижу ихъ, и для меня синія очки и пледы одинаковы противны и въ мужчинѣ, и въ женщинѣ...

Анна Павловна говорила очень быстро. Она именно щебетала. Вся ея наружность молодой, начинающей полнѣть брюнетки съ усиками, съ острымъ носикомъ, съ черными, какъ крупная смородина, глазами, мелькавшими изъ-подъ низко начесанной на лобъ челки, сильно напоминала снѣгиря, когда онъ поетъ свою заученную пѣсенку, прыгая съ жердочки на жердочку.

— Концертъ мы устроимъ въ началѣ сентября, когда всѣ съѣдутся, и жизнь войдетъ въ колею, когда вернутся ученики и полкъ изъ лагеря, а пока будемъ къ нему усердно готовиться. У васъ какой голосъ?

— Контральто,—отвѣтила Лиза.

— Ахъ, какая прелесть! Я обожаю низкіе голоса. У меня сопрано, хорошее драматическое сопрано, я смѣло это говорю. Я врагъ всякаго лицемѣрія и ломанья. Есть у васъ дуэты? Я знаю почти всѣ. Пойдемте, попробуемте.

Черезъ минуту Анна Павловна, скинувъ свои перчатки, уже безцеремонно рылась въ Лизиныхъ папкахъ.

— Ахъ! „Не искушай меня безъ нужды!“ Споемте, дуся!..

Какъ ни зарекалась Александра Николаевна не допускать Лизу до знакомства съ Адріановой, о которой ходили весьма неблагопріятные слухи, — ее называли чуть не Мессалиной и приписывали ей сразу трехъ возлюбленныхъ, двухъ поручиковъ мѣстнаго полка и сына городского головы Шемаева, — но послѣ посѣщенія старухи Родіоновой, вдовы виднаго чиновника, она сочла себя обязанной отдать

ей визитъ и въ слѣдующее же воскресенье поѣхала съ Лизой въ Горскъ, благо лошади были свободны.

„Взгляну собственными глазами. Гдѣ въ домѣ нелады— сразу чувствуется. Можетъ быть, и навѣты одни. Мало ли съ чего иной разъ люди злые слухи распускаютъ“.

Танѣ былъ отданъ приказъ приготовить визитный туалетъ, шитый въ Петербургѣ еще до переселенія въ Колычево.

Лиза весело расхохоталась, увидавъ старомодный фасонъ, но на тетѣ Сашѣ онъ казался ничуть не страннымъ, напротивъ, что-нибудь болѣе современное, съ перетянутыми колѣнями, навѣрно менѣе гармонировало бы съ ея фигурой, и дѣвушка сама созналась, что „теточка—одна прелесть...“ Александра Николаевна тоже осталась довольна Лизой. Ее тѣшило дѣлать визиты съ хорошенькой племянницей.

— Вотъ и привелъ Богъ тебя въ свѣтъ вывозить! — говорила генеральша, усаживаясь въ коляску.

— Съ Богомъ, матушки! — твердила на крыльцѣ Кирилловна.—Экія обѣ красавицы! одна другой лучше.

Таня побѣжала открыть ворота, и тройка лихо покатила въ городъ.

Инспекторъ Адріановъ занималъ отдѣльный флигель при зданіи прогимназіи. Вся обстановка дышала уютностью. Было много солнца, цвѣтовъ и растеній. У оконъ распѣвали чижи и канарейки. На роялѣ лежали груды нотъ, на столахъ книжки толстыхъ журналовъ. Въ этой кретоновой гостиной бывало всегда людно. Аннетъ Родіонова сдѣлала нѣкоторый mésaillanse, выйдя за учителя словесности того моднаго пансіона, гдѣ воспитывалась послѣдніе годы, и хотя ея чиновная родня и косилась сперва на этотъ бракъ, но зато теперь старалась исправить faux-pas племянницы, и Петръ Петровичъ Адріановъ дѣлалъ понемногу карьеру. Назначеніе въ Горскъ было лишь транзитное, — впереди было обѣщано мѣсто директора въ столичной гимназіи.

Супруги жили мирно, каждый по-своему. Супругъ проводилъ дни и ночи за картами, и въ его кожаномъ кабинетѣ ходили цѣлыя облака табачнаго дыма надъ столами винтеровъ, вырываясь при случайномъ сквознякѣ клубами

на улицу. Винтъ былъ только-что занесенъ изъ Москвы и вытѣснялъ ералашъ и преферансъ. Пока въ кабинетѣ раздавалось „два пики“ и „два трефы“, рядомъ въ салонѣ играли, пѣли и вели умные разговоры. Благодаря своимъ средствамъ, Анна Павловна вела открытый домъ, поставивъ себѣ задачей, во что бы то ни стало соединить въ немъ все уѣздное общество.

Въ прежніе годы полковыя дамы мѣстнаго полка строго держались особнякомъ, но почти трехлѣтнее отсутствіе ихъ мужей на турецкой войнѣ съ медленнымъ обратнымъ передвиженіемъ во-свояси стерло антагонизмъ либерально настроенныхъ гражданскихъ властей и строго консервативнаго полковаго міра. У Адріановыхъ появлялось охотно все офицерство съ командиромъ, страстнымъ винтеромъ, во главѣ.

Духъ войска былъ угнетенный. Берлинское вмѣшательство въ наши дѣла, запрещеніе, полученное неизвѣстно откуда вдругъ подъ самымъ Царьградомъ, войти и прибить надъ воротами по примѣру Олега свой русскій щитъ, еще не было изжито, еще ни у кого отъ Скобелева до послѣдняго рядового не прошло разочарованіе, не переболѣло сердце. Горечь обиды находила откликъ и въ частныхъ домахъ, и въ крестьянскихъ избахъ. Ненависть къ именамъ Бисмарка и Андраши сказывалась иногда въ смѣшныхъ мелочахъ. Миронъ Шемяевъ назвалъ ихъ именами своихъ собакъ, и хотя прислуга упорно звала ихъ Бишкой и Кондрашкой, но онъ, гуляя по городу, пронзительно свистѣлъ.

— Бисмаркъ... фью!—и кричалъ грозно:—кушъ, Андраши!—вызывая громкое одобреніе мѣстныхъ патріотовъ и отводя свою удалую душу.

Самъ Адріановъ считалъ себя, конечно, либераломъ, но говорить ему за картами почти не приходилось. Зато его супруга бойко трещала о правахъ человѣка вообще и женщины въ особенности и постоянно повторяла:

— Какъ только насъ переведутъ въ Петербургъ, сейчасъ же записываюсь въ бестужевки. Въ нашъ вѣкъ женщина всегда должна итти впереди. Мужчины властвовали достаточно, они блестяще доказали свою полную несостоя-

тельность. Теперь нашъ чередъ. Но пока мы должны учиться, учиться и учиться, чтобы „они“ не имѣли основанія попрекать насъ и въ дальнѣйшемъ нашей неразвитостью. А потомъ мы имъ и докажемъ!...

Эти разсужденія ничуть не мѣшали ей, хотя и платонически, увлекаться и стройной фигурой блондина поручика Флинта, и черными глазами и усами полкового адъютанта и Донъ-Жуана—Левкевича, и шатеномъ, только что поступившимъ преподавателемъ Коровкинымъ, и покровительствовать обоимъ братцамъ Шемаевымъ. Сердце Анны Павловны было, какъ стручокъ, раздѣлено на много перегородокъ. Мужъ предоставлялъ ей полную свободу, зная по опыту, что слово и дѣло идутъ всегда у его супруги врозь, и спокойно козырялъ, пока рядомъ съ цыганской страстью раздавалось:

Вѣкъ юный, прелестный, друзья, улетитъ,
И все въ поднебесной измѣной грозитъ...

. . . .

Когда колычевская коляска подъѣхала къ крыльцу, изъ окна выставилась кудлатая голова и чей-то басъ возвѣстилъ такъ громко, что подъѣзжавшимъ было слышно на улицѣ.

— Анна Павловна-съ, гости!

Это и былъ Миронъ Даниловичъ Шемаевъ, младшій сынъ городского головы. Оба они съ братомъ Степаномъ были завсегдатаями у Адріановыхъ. Оба благоговѣйно внимали умнымъ рѣчамъ и спорамъ образованныхъ людей, и оба втайнѣ вздыхали, что прогимназія не была открыта въ тѣ времена, когда ихъ обучали грамотѣ. Теперь они, особенно старшій щеголь Степанъ, хватались за каждую книгу и безо всякой системы набивали голову провѣренными и непровѣренными истинами, упиваясь и Шпильгагеномъ и Дюма въ переводахъ, и Шопенгауромъ и Спенсеромъ, и Бѣлинскимъ и Писаревымъ, и Пушкинымъ и Некрасовымъ, соглашаясь съ каждымъ и не понимая, кто же правъ?

Аннѣ Павловнѣ нравилась роль просвѣтительницы этихъ спавшихъ до ея появленія провинціальныхъ богатырей, и она рекомендовала имъ то статью Каткова, то очеркъ Щед-

рина, о которыхъ и сама-то, и то вскользь, читала лишь краткія рецензіи, и неукоснительно потомъ вопрошала:

— Прочли? Не правда ли, какъ хорошо изложено и вѣрно схвачено?

И оба молодца, стыдясь признаться, сколько во всемъ этомъ багажѣ было для нихъ непонятнаго и неусвоеннаго, также неукоснительно отвѣтствовали:

— Удивительно вѣрно-съ и хорошо-съ!

Благодаря лагерямъ, полкъ изъ города отсутствовалъ, и послѣ обѣдни на воскресный пирогъ къ Адріановымъ прибыли только Шемаевы и Коровкинъ, тотъ самый учитель, который мечталъ о школѣ своего имени на мѣстѣ родины.

Петръ Петровичъ Адріановъ, живой и юркій блондинъ съ рыжеватыми бачками, выскочилъ въ прихожую, приложился къ ручкамъ обѣихъ дамъ, чѣмъ привелъ Лизу въ крайнее смущеніе, и проводилъ ихъ въ кретоновую гостиную.

— Неточка! ея высокопревосходительство!

— Ахъ, а maman вчера только уѣхала на Кавказъ! Какая жалость!—привѣтствовала гостей Анна Павловна.

Перезнакомивъ ихъ съ присутствующими, она, несмотря на протесты, велѣла снова накрыть завтракъ, и Александра Николаевна, сама себѣ удивляясь, очутилась передъ тарелкой съ кускомъ жирной кулебяки, а Лиза пила изъ гранитнаго бокальчика какую-то удивительную терновку приготовленія Петра Петровича, и кругомъ шла оживленная бесѣда, гдѣ Неточка и Петичка, оба наперебой ухаживали за гостями.

„Нѣтъ, рѣшительно, они оба очень милые и какіе радушные и гостепріимные. И все у нихъ такъ нарядно и семейственно,—думала про себя Сотова.—Все это злые языки напрасно болтаютъ“.

Въ результатѣ послѣ этого визита она со спокойной совѣстью стала отпускать Лизу къ инспекторшѣ, и вскорѣ обѣ подружились настолько, что не проходило недѣли, чтобы одна изъ нихъ не оставалась на ночевку у другой. Онѣ разучивали дуэты, играли въ четыре руки, мѣнялись книгами и вмѣстѣ выбирали покупки и фасоны. Лиза, бывая у Адріановыхъ, каждый разъ собиралась перетолковать съ

Петромъ Петровичемъ о своей школѣ и каждый разъ забывала въ сутолокѣ объ этомъ казавшемся ей столь важномъ дѣлѣ своей жизни.

IX.

Мы вдвоемъ сидѣли въ залѣ.
Вы у старыхъ фортепьянъ
Пѣли пѣснь о „Черной шали"
И романсъ про талисманъ.
И я видѣлъ,—рядомъ съ вами
Вдругъ прадѣдовскій портретъ
Поклонился бѣлой дамѣ,
Скромно нюхавшей букетъ...

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Послѣ именинъ Анны Павловны 25-го іюля Лиза осталась на цѣлые три дня въ Горскѣ. 27-го въ день Смоленской Божьей Матери было традиціонное „уваловское" гулянье. Степанъ Шемаевъ, съ перваго же взгляда влюбившійся въ Лизу, предложилъ проѣхаться въ подгородную рощу, чтобы посмотрѣть на народъ. Въ числѣ гостей на этотъ разъ были и оба „полковыхъ предмета" Анны Павловны, урвавшіеся подъ благовидными предлогами изъ лагеря, поручики Флинтъ и Левкевичъ.

Въ рощѣ, принадлежавшей въ дофранцузскія времена къ усадьбѣ помѣщика Увалова, по поросшимъ муравою аллейкамъ двигалась расфранченная, нарядная толпа. На полянкахъ были раскинуты столы и скамейки и кипѣли самовары. Звеня посудой, бѣгали услужающіе. Бойкія торговки нарасхватъ распродавали бублики, баранки и ватрушки и столь любимыя Лизой деревенскія сласти. Сборщики на построеніе храмовъ сновали съ образками, поясками и крестиками и взимали щедрую дань.

При появленіи Адріановой и Лизы, въ сопровожденіи офицеровъ и братьевъ Шемаевыхъ, расторопный малый въ ситцевой розовой рубахѣ и бѣломъ передникѣ мигомъ очистилъ столъ, и вся компанія разсѣлась за самоваромъ. Степаша хозяйничалъ, распаковывая нарочно наканунѣ привезенныя изъ Москвы конфеты и закуски.

— Какъ оригинально!—говорила Анна Павловна.—Я въ

первый разъ въ жизни на такомъ демократическомъ гуляньѣ. Я чувствую себя народной...

— Учительницей, — подсказалъ Левкевичъ, намекая на ея симпатію къ Коровкину.

— Cessez!—произнесла Анна Павловна и ударила его по рукѣ.—Это Lise собирается стать ею.

— Какъ? вы хотите итти въ народъ, какъ наши нигилисты?

Лиза удивленно раскрыла глаза.

— Въ какой народъ? Я просто хочу открыть въ Колычевѣ школу.

— Ну, это далеко не просто, — возразилъ Флинтъ.—На это вамъ потребуется много хлопотъ, нужно спеціальное разрѣшеніе и удостовѣреніе благонадежности вашей личности.

— Къ чему?

— Какъ къ чему? Да чтобы вы прежде всего не вздумали заниматься пропагандою.

— Между дѣтьми? Да развѣ это возможно?

— А еще бы нѣтъ! Вещь самая обыкновенная.

— Ну, въ этомъ отношеніи безпокойства относительно моей особы совершенно лишнія. Я институтка и боготворю государя.

— Бростье, Lise, неужели весело спорить о школахъ? Мнѣ онѣ и всѣ эти разговоры объ ученикахъ по сихъ поръ надоѣли,—и Анна Павловна кокетливо провела по своей слегка открытой полной шеѣ.—Давайте лучше чай пить. Глядите! всѣ такъ пьютъ,—вѣрно, такъ вкуснѣе.

Анна Павловна налила чай на блюдечко и, громко откусивъ сахаръ, стала пить вприкуску.

— Не такъ блюдечко держите, — поправилъ Флинтъ:— смотрите, вотъ какъ надо!—Онъ поставилъ его на всю пятерню.—Вотъ такъ!

— Ахъ, какая прелесть! — воскликнула барынька и тотчасъ же, подражая, стала громко прихлебывать съ блюдечка.

Шемаевы сконфузились. Ихъ присные никогда чая иначе и не пивали и, попавъ въ салонъ къ Адріановой, они обжигали себѣ пальцы и губы съ непривычки пить его прямо изъ стакановъ.

— А мужики и не такъ пьютъ-съ,—доложилъ Степанъ, чтобы скрыть смущеніе.—Я самъ видѣлъ, какъ по тятенькинымъ дѣламъ во Ржевъ намедни ѣздилъ, виситъ въ ямщицкой на ниточкѣ кусочекъ сахара съ потолка, каждый лизнетъ его, а потомъ чаю глотокъ. Это у нихъ называется вприлизку-съ...—И, испугавшись, что это слово слишкомъ близко къ имени Лизы, покраснѣлъ до ушей.

— Что вприлизку! многіе такъ и вприглядку пьютъ,—подтвердилъ его братецъ.

— А мы на войнѣ такъ зачастую вприглядку пивали,—задумчиво промолвилъ Флинтъ.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. Чай оставался, а сахаръ вышелъ. Маркитанты съ обозомъ въ тылу застряли, а мы впередъ ушли и почти мѣсяцъ старыми запасами пробавлялись. Наконецъ и чай изсякъ. Заваривали виноградный листъ и тѣмъ и согрѣвались, а о сахарѣ только думали. Ну, и выходитъ чай впридумку.

— Я думаю, ужасно тяжело на войнѣ?—сказала сочувственно Лиза.

— Да, нелегко... особенно въ госпиталяхъ.

— Ахъ, Флинтъ! бросьте... Охота вспоминать. Довольно этой ужасной войны. Слава Богу, цѣлыхъ три года ни о чемъ, кромѣ Краснаго Креста и плѣнныхъ турокъ, и разговоровъ не было. Надоѣло... Поговоримъ о чемъ-нибудь повеселѣе,—перебила, надувъ и безъ того полныя губки, инспекторша.—Левкевичъ, да чего вы молчите? Куда это вы оборачиваетесь?

— Онъ хорошенькихъ высматриваетъ,—выдалъ Флинтъ.

— Гдѣ ихъ тутъ высмотришь! Прежде до войны больше попадалось. Не знаю, куда онѣ дѣвались. Помнишь Андрюша?

Оба многозначительно переглянулись.

— Это нарядъ виноватъ,—замѣтила Лиза.—Посмотрите, ни одного сарафана. А по-моему, лучше малороссійскаго костюма ничего для лѣта быть не можетъ.

— Я и то любуюсь,—отвѣтилъ галантно Левкевичъ.

Дѣйствительно, по аллеямъ, гдѣ мѣрно и чинно двигалась нарядная толпа, такъ еще недавно характерные, ма-

терчатые сарафаны и жаркія пунцовки были окончательно вытѣснены басками и полушалками, казавшимися уродливыми на неграціозныхъ фигурахъ деревенскихъ франтихъ. Это была совершенно другая воскресная толпа, чѣмъ когда-то въ Колычевѣ...

Среди гуляющихъ бросался въ глаза Михалка съ рыжей бородкой и въ шелковомъ цилиндрѣ. Онъ шелъ подъ руку съ супругой, въ сопровожденіи обоихъ своихъ отпрысковъ,Данички и Танички, мальчика и дѣвочки, которая ковыляла, держась за зеленый, пышный тюникъ своей матери. Михалка очень гордился и супругой, которую взялъ изъ сосѣдняго уѣзднаго города съ 12-ю тысячами въ приданое, и ея нарядомъ. Это была тихая, кроткая женщина. Она вся ушла въ заботу о дѣтяхъ и словно стыдилась и своего дамассе платья, и шитаго стеклярусомъ фаеваго доломана, съ висѣвшими почти до земли рукавами, а главное нелѣпой шляпы съ огромнымъ розаномъ и малиновыми завязками. Эту шляпу привезъ ей мужъ изъ Москвы нарочно для сегодняшняго гулянья, и она рѣшилась обновить ее только послѣ долгихъ споровъ и слезъ.

Она чувствовала себя ужасно неловко.

„Залетѣла ворона въ высокія хоромы. Не къ добру! И чего Михайло Демьянычъ тиранитъ меня съ нарядами? Все равно, всякій знаетъ, кто мы такіе?“

Авдотья Тарасовна не ошибалась. Михалку зналъ весь свой уѣздъ, да и въ сосѣднемъ о немъ тоже были наслышаны. Его пріятели, мелкіе купчики съ женами въ платочкахъ, только ухмылялись.

— Глянь-ко, Евграфиха-то какъ выпялилась! Ровно пава! А у самого-то цѣпь какая пущена.

— Грабитъ, живодеръ, чего жъ ей не пялиться?

— Поди, шляпка-то съ Кузнецкаго. Самъ видѣлъ, какъ онъ намедни изъ Москвы картонку везъ.

— Что шляпка! онъ у судейши, говорятъ, фортупьяны торгуетъ.

— А я ему ужо такія фортупьяны отфортупьяню, что небу жарко станетъ! Аспидъ этакій... опять цѣны на цѣлковый съ пуда сбилъ!

—

И конкуррентъ-скупщикъ Мижуевъ яростно сплюнулъ.

— Чаво плюешься?—раздался голосъ подвыпившаго мѣщанина Климухина, мѣстнаго богослова и спорщика.— Сегодня Смоленская празднуетъ, а ты плеваться...

Яркая шляпка Авдотьи Тарасовны, снова прошедшей по аллеѣ, бросилась ему въ глаза. Онъ уперъ руки въ боки, и такъ и впился въ нее глазами.

— Фу ты, ну ты!.. Ишь какую колокольню на себя нагромоздила! Нѣтъ, мать, не по твоему обличью! Да встань изъ гроба покойный родитель Тарасъ Дормидонычъ, да онъ бы сейчасъ, сею самой минутою сорвалъ бы энту башню съ головы единородной доченьки, да такъ бы её простоволосую сквозь честной народъ домой и прогналъ бы. И по дѣломъ... Потому коли на гулянье церковное наши бабы по-басурмански ряженыя повадились, такъ это всему православію посрамленіе, а нѣмцамъ угода... Это послѣ царьградскаго-то ихняго вмѣшательства завистнаго!.. Вотъ тутъ и я плевать самъ готовъ.

— Тише ты, чуть въ господъ не попалъ!—остановилъ его одинъ изъ собесѣдниковъ.

Климухинъ оглянулся. Малороссійскій костюмъ Лизы бросился ему въ глаза.

— Кто это?

— Аль не узналъ? Генеральши колычевской племянница.

— Матушка родная... Красавица моя писанная...

Онъ протиснулся къ самому столу Адріановой и бухнулся Лизѣ въ ноги, скинувъ шапку.

— Радуйся, невѣсто неневѣстная!—раздался его іерихоноподобный басъ. Кругомъ собралась толпа. Лиза вспыхнула. Разговоры стихли. Климухинъ, какъ сталъ на колѣни, такъ и лежалъ, уткнувшись лбомъ въ траву.

Шемаевъ подскочилъ.

— Ты съ ума спятилъ? Встань сейчасъ?

— Оставь, не замай!—отвелъ его рукою мѣщанинъ. Онъ встряхнулъ волосами и продолжалъ, стоя на колѣняхъ.— Ты что? сынъ головы? ну, и сиди съ ней рядомъ, а ей поклониться хочу, слышишь? А за то поклониться, что она первая изъ дворянокъ русскихъ нѣмецкое платье обезьянье

на родной нарядъ обмѣнила. Исполаете деспо-та. Мно-о-га-а-я-а лѣ-та!—докончилъ онъ, всталъ, обмахнулъ платкомъ колѣни и, еще разъ поклонившись Лизѣ въ поясъ, отошелъ въ сторонку...—Ишь взъѣлся! Развѣ я въ обиду? Я въ уваженіе, потому нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко, яко видѣста очи мои сами наше спасеніе отъ языцевъ...—бормоталъ онъ, теряясь въ безмолвно глазѣвшей толпѣ.

Адріанова весело расхохоталась.

— Hein? Lise, vous voilà l'héroine du peple!

— Что жъ, а вѣдь онъ правъ!—подхватилъ Левкевичъ.— Елизавета Ивановна является, дѣйствительно, піонершей въ распространеніи родного костюма, по крайней мѣрѣ я въ Горскѣ его еще никогда на публичномъ гуляньѣ не видалъ.

— Богъ съ вами! его который годъ во всѣхъ журналахъ модныхъ печатаютъ, можетъ быть, у насъ случайно на него охотницъ не находилось. Я за себя благодарю,—продолжала Адріанова:—онъ ужасно полнитъ и портитъ фигуру.

— Не нахожу!—покрутилъ усъ Левкевичъ, покосясь на Лизу.

— Что это значитъ—невѣста неневѣстная? Что онъ хотѣлъ сказать этимъ?—раздумчиво произнесъ Степаша.— Климухинъ у насъ ничего на вѣтеръ не говоритъ, что напророчитъ,—то непремѣнно сбудется...

— А то,—подхватила Анна Павловна:—что наша милая барышня скоро невѣстой станетъ.

— Ну, нѣтъ! какъ разъ наоборотъ!—вспыхнула Лиза.— Невѣста неневѣстная—это вѣчная дѣва, и я останусь въ браковкахъ.

— Не похоже!—улыбнулся Левкевичъ и стрѣльнулъ черными глазами.

— Charmeuse!—съ кокетливой досадой шепнула Адріанова.—Я, ей-ей, начинаю ревновать...

Толпа продолжала глазѣть. Лиза встала.

— Поѣдемте, Бога ради. Съ меня довольно.

Левкевичъ свернулъ калачикомъ руку, но Лиза гордо прошла къ пролеткѣ Адріановой. Оба поручика бочкомъ усѣлись на передней скамеечкѣ.

— А все-таки, знаете,—замѣтилъ Флинтъ:—меня эта сцена задѣла за живое. Вѣдь это голосъ народный. Трогаетъ, когда такъ непосредственно, хотя бы и въ такихъ пустячныхъ мелочахъ сказывается патріотизмъ. Къ сожалѣнію, мы, русскіе, вовсе не умѣемъ выказывать его...—Онъ задумчиво прищурился.

Лиза сочувственно ему улыбнулась.

— Вы такой патріотъ? Я думала, вы нѣмецъ.

— Нѣтъ, я православный, у меня мать русская была.

— Къ сожалѣнію, вашъ голосъ народный былъ на этотъ разъ голосомъ пьянаго!—съязвила инспекторша.

— Что жъ, in vino veritas!—заступился Левкевичъ.

Сзади Степаша, катя на своемъ иноходцѣ, жалъ руку брату отъ избытка чувствъ.

— Вѣришь ли, такой я еще не встрѣчалъ! Какъ увидалъ,—недаромъ сразу сердце захолонуло. Чего ужъ! Даже Климухина за живое задѣла!

— Не про насъ, братецъ! не нашего прихода!—басилъ въ отвѣтъ Мироша.

— Знаю, а все неволенъ я надъ собою! Скажи она слово мнѣ,—въ воду брошусь, въ огонь пойду.

— Дома сиди!—вотъ что тебѣ скажетъ. Что ей отъ твоей воды да огня? Ты ее лучше въ покоѣ оставь, потому и отъ тятеньки съ маменькой похвалы не дождешься. Неровня намъ, да и капиталовъ никакихъ.

И онъ ударилъ вожжей иноходца.

Степаша только вздохнулъ богатырской грудью.

Домой всѣ вернулись веселые и возбужденные и начали наперебой посвящать Петра Петровича въ подробности выходки Климухина.

Эхма! поди прочь!
Поди прочь, берегись!
Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку
Да пониже поклонись!

Пропѣлъ, кривляясь передъ Лизой, инспекторъ и сразу увлекъ въ кабинетъ Флинта.

— А мы будемъ пѣть!—рѣшила Анна Павловна.—Lise, спойте что-нибудь.

Лиза чувствовала себя какъ-то особенно приподнято. Она подошла къ роялю и откинула крышку.

— Что же спѣть мнѣ?

Это былъ обычный Зосинъ вопросъ: что же сыграть мнѣ? Съ той же интонацiей, тѣмъ же привычнымъ Зосѣ жестомъ вытерла и ея дочь въ послѣднiй разъ свои пальцы платкомъ и положила его на пюпитръ около подсвѣчника.

„Ночи безумныя, ночи безсонныя...“

Грудные, низкiе звуки, словно пѣвучая вiолончель, ударили по сердцу слушателей. Откуда у этой институтки, у этой кисейной барышни могла взяться скрытая страстность, такое томленiе по неизвѣданнымъ мукамъ наслажденiя, такое раскаянiе и тоска по чаду жизни? Или сохранили мозговыя извилины впечатлѣнiя младенческаго возраста—одуряющiй запахъ гвоздикъ, игру шампанскаго въ хрустальныхъ бокалахъ, поцѣлуи жадныхъ мужскихъ губъ? Или говорила наслѣдственность? Но щеки Лизы горѣли, глаза, полуприкрытые длинными рѣсницами, были затуманены, и ея голосъ странно волновалъ, маня и обѣщая.

Рядомъ въ кабинетѣ Флинтъ подъ впечатлѣнiемъ ея пѣсни пошелъ не съ той масти и подвелъ своего партнера Петра Петровича въ большомъ шлемѣ, вызвавъ цѣлый потокъ самыхъ краснорѣчивыхъ упрековъ, а на улицѣ подъ окномъ останавливались, заслушиваясь, прохожiе.

У подъѣзда двое мужчинъ ждали конца романса.

Чудный голосъ!—прошепталъ старшiй.—Это она... Вотъ кстати и познакомишься.

— Ну, фатенька, кстати ли, потомъ увидимъ, а голосъ дѣйствительно есть.

— Музыкантша—по матери.

— А по отцу?

— Симпатична, какъ самъ покойный!

— Увидимъ... Я его хорошо помню. Ну, звони! Слышишь, какъ ладоши отхлопываютъ.

Они вошли. Это былъ посѣдѣвшiй и облысѣвшiй Игнатiй Львовичъ и сынъ его, только что окончившiй медико-хирургическую академiю, Василiй Яшневъ.

Ихъ появленіе было встрѣчено шумными привѣтствіями. Инспекторъ съ картами въ рукѣ выглянулъ изъ кабинета.

— Ба-ба!—знакомыя все лица! Къ намъ, ваше медицинство, пожалуйте! А то поручикъ Флинтъ разучился играть въ винтъ. Мы его дамамъ на подержаніе сдадимъ.

Лиза смотрѣла исподлобья на вошедшихъ. Ей было досадно, что они оторвали ее отъ пѣнья и нарушили только что настроившееся желаніе пѣть, когда всѣ фибры напряжены, когда звуки сами собою рвутся изъ души и складываются все въ новыя и новыя сочетанія, полныя необычной, еще ни разу никѣмъ не переданной выразительности и мысли. Такъ поется только въ рѣдкія вдохновенныя минуты.

— Я нарушилъ ваше пѣніе?—обратился Яшневъ къ Лизѣ—извиняюсь и прошу, пожалуйста, не лишите меня удовольствія слышать васъ.

— Lise, continnez de grâce! Яшневъ, садитесь ко мнѣ и не мѣшайте!—капризно вымолвила Анна Павловна и сразу сама прибавила:—Вы надолго? или опять на побывку?

Яшневъ усмѣхнулся.

— Не будемъ мѣшать барышнѣ...

Лиза нетерпѣливо обернулась.

— Я не знаю, что пѣть...

— „Разстались гордо мы...“—подсказалъ Левкевичъ.

Первые фразы прозвучали довольно шаблонно. Нарушенное настроеніе сказывалось, но мелодія увлекла, и голосъ окрѣпъ и съ каждымъ тактомъ звучалъ увѣреннѣе и полнѣе. Лиза не смотрѣла ни на кого, но каждому изъ бывшихъ въ комнатѣ мужчинъ казалось, что слова романса относятся именно къ нему.

Яшневъ пристально наблюдалъ ее. Да, лицо ея было ему знакомо. Смутныя воспоминанія заронились въ душѣ. Бѣлая зала... ласковый голосъ человѣка, высоко поднимавшаго его къ себѣ на плечо... какія-то забытыя игрушки... желтая рубашка... статуя безъ рукъ съ гордымъ профилемъ, и вихрастый мальчикъ, удерживающій его руку съ мячикомъ: „Не трожь! она дорогая... нельзя...“

— Бисъ! бисъ!—раздалось кругомъ. Степанъ Шемаевъ, краснѣе варенаго рака, надрывался изо всѣхъ силъ.

— Что же вы не аплодируете?—обратился къ Яшневу Флинтъ.

— А развѣ барышня ставитъ это непремѣннымъ условіемъ, чтобы продолжать?

— Не барышня, а таковъ обычай.

Яшневъ пожалъ плечами.

— Я врагъ всякихъ обычаевъ.

— Да, я забылъ, что вы...—Флинтъ осѣкся.

— Нигилистъ?—прищурился молодой врачъ.

— Я этого не говорю.

— Но думаете.

— Господи! они опять ужъ ссорятся!—всплеснула пухлыми руками Анна Павловна.—Какъ сойдутся, такъ и сцѣпятся. Бросьте, Флинтъ! Лучше попросите Lise спѣть арію Вани изъ „Жизни за Царя". Мужъ слыхалъ Лавровскую, но увѣряетъ, что передъ этимъ исполненіемъ и она спасуетъ. Шерочка, спойте! Дуся!...—и она чмокнула Лизу въ щеку.

Лиза замѣтила ироническую улыбку Яшнева и, хмурясь, опять подошла къ роялю. Никогда ей еще не пѣлось такъ, какъ сегодня... Какъ удары молота, упали четыре ноты: „Отоприте!.." И на мощный, властный призывъ открывалась душа слушателей.

Оба Шемаевы сидѣли истуканами. Флинтъ мечтательно прислонился къ косяку окна. Левкевичъ кусалъ губы. Анна Павловна сжимала ручки кресла своими похожими на виноградины пальчиками въ кольцахъ, и даже винтеры, отложивъ карты, подошли на цыпочкахъ къ двери. На улицѣ съ догоравшей полосою лѣтней зари, стояла уже цѣлая толпа, съ затаеннымъ дыханіемъ слушая эту пѣсню готоваго отдать жизнь за своего царя русскаго сердца.

Яшневъ одинъ продолжалъ иронически улыбаться. Онъ давно былъ побѣжденъ красотою голоса, давно готовъ былъ подъ силой его обаянія повѣрить и словамъ, полнымъ страстной вѣры въ царское величіе, и только громаднымъ усиліемъ воли маскировалъ свое впечатлѣніе.

„Бабство!—думалъ онъ на зло надвигавшейся размягченности:—ишь нюни распустили!—онъ окинулъ всѣхъ злобнымъ взглядомъ черныхъ отцовскихъ глазъ.—Вотъ она,

толпа... Надо знать секретъ овладѣть ею, и всѣ, какъ бараны, пойдутъ за тобой... Да, да! непремѣнно и музыку учитывать слѣдуетъ“.

На рукоплесканія бывшихъ въ комнатѣ отозвались съ улицы. Лиза вскочила.

— Нѣтъ, это ужасно... Съ меня довольно публичности. Я больше пѣть не стану!—и она ушла въ столовую.

Флинтъ подошелъ къ окну.

— Расходитесь! чего стали? Дикари!—пробурчалъ онъ сквозь бѣлокурые усы.

— Мы ничего, мы только послушали!—отвѣчали голоса.

— Уходите! уходите!—высунулся Мироша.—Чего стоите, идолы!

— Ну, ты, чего фуфыришься! Туды же! въ хоромы пустили, бариномъ себя возмнилъ!—огрызнулась какая-то чуйка, но толпа понемногу стала расходиться.

На террасѣ, выходившей въ садъ, Лиза, разгоряченная и возбужденная, обмахивалась платкомъ на приступочкѣ. Степанъ Шемаевъ подавалъ ей на блюдцѣ стаканъ.

— Успокойтесь, барышня! Братъ ихъ прогналъ. Чистые скоты, съ вашего позволенія. А только если вамъ пѣть охота-съ, мы съ братомъ рояль сюда приволокемъ! Сдѣлайте милость, прикажите...

Но Лизѣ были досадны ухаживанія влюбчиваго купчика. Ей хотѣлось выслушать мнѣніе того, кто одинъ не апплодировалъ ей, одинъ улыбался иронически во время ея аріи. Что ей было за дѣло до другихъ?

Подошелъ Левкевичъ.

— Можно присѣсть?—Онъ сѣлъ на ступеньку у ея ногъ.— Да, я долженъ сознаться, что не помню, когда испытывалъ подобное наслажденіе. Ваше мѣсто въ оперѣ. Вы сразу стали бы знаменитостью. Подумайте, какое блаженство чувствовать себя властительницей надъ людьми, сознавать, что однимъ звукомъ голоса можешь заставить цѣлую толпу дѣйствовать сообразно минутному желанію, если хотите, даже капризу?

— Я не властолюбива...

— Ой ли? позвольте усомниться!—раздался насмѣшливый голосъ въ дверяхъ.

— Почему вы думаете?—обернулась Лиза и въ упоръ взглянула на Яшнева. Онъ былъ очень красивъ, гораздо лучше, чѣмъ на фотографіи, которую она помнила съ дѣтства.—Вы видите меня впервые.

— Ошибаетесь. Мы съ вами очень старые знакомые. Я помню васъ еще у кормилицы.

Лиза такъ и вспыхнула.

— Вы помните меня грудной? Значитъ вы видали и моихъ родителей?

— Какъ же! Я цѣлую зиму прогостилъ съ братомъ въ Колычевѣ и даже пѣлъ вамъ какія-то польскія пѣсенки... Къ сожалѣнію, ни словъ, ни мотива я не помню...

— А виллу вы помните?

— Отлично. Но она вѣдь сгорѣла, кажется!

— Да, уцѣлѣлъ только подвалъ... Мы дѣтьми какъ-то пробрались туда за щенятами нашей собаки, но далеко забираться боялись. Туда всѣ боятся ходить, а меня такъ онъ интересуетъ. Можно по немъ возстановить весь планъ зданія? Вѣдь туда всѣ боятся ногою ступить, начиная съ тети. А меня этотъ старый домъ страшно интересуетъ. Говорятъ, это было какое-то чудо?..

— Кажется. Я малъ и глупъ былъ, поэтому судить не могу, да и теперь не придаю значенія обстановкѣ. Помню, что разбилъ мячомъ какую-то вазу и что за это старый камердинеръ грозилъ мнѣ розгами. Какъ его звали?

— Евграфъ!—подсказала Лиза.

— Да, да...

Лиза зарумянилась.

— А у васъ развѣ нѣтъ охоты вспомнить старину? Тетя, навѣрно, будетъ вамъ очень рада.

— Съ удовольствіемъ. Меня самого бы заняло взглянуть на ваше пепелище.—Фатька еще въ прошлый пріѣздъ звалъ меня нанести вашей тетушкѣ визитъ, да я съ важными дамами ненавижу якшаться.

— Ахъ, тетя вовсе не важная. Она воплощеніе простоты. Такъ, значитъ, вы пріѣдете?

— Счастливецъ!—вздохнулъ комично Левкевичъ.—Я

цѣлый день за Елизаветой Ивановной ухаживаю, а приглашенія не удостоился. А это, что Цезарь...

— Не срамитесь, поручикъ! Цезарь, одерживая свои побѣды, видѣлъ галловъ впервые, а я барышню еще въ колыбелькѣ укачивалъ и пѣлъ ей что-то про Вислу.

— Какъ такъ?—Лиза разсмѣялась.—Нѣтъ, вы непремѣнно должны пріѣхать! А васъ, господа, я тоже всѣхъ приглашаю. Тетя будетъ вамъ очень, очень рада.

Приглашеніе вышло не совсѣмъ ловкое, но настолько желанное, что его сразу приняли и порѣшили въ слѣдующее же воскресенье отправиться цѣлымъ пикникомъ въ Колычево.

Когда гости разошлись, и Лиза очутилась наверху въ отведенной ей комнатѣ, она распахнула настежь окно и усѣлась на подоконникъ. Іюльское ночное небо такъ и искрилось и переливало звѣздами. Изрѣдка вспыхивала зарница, за крышами сосѣднихъ домовъ, и на мгновеніе потухали звѣзды, и блѣднѣлъ опрокинутый куполъ. Откуда-то урывками доносилась гармоника, и собаки вдругъ заливались затяжнымъ лаемъ... Потомъ снова наступала тишина.

Лиза думала о встрѣчѣ съ Яшневымъ, и она волновала ее. „Невѣста неневѣстная!“ вспомнилось ей. „Или это предсказаніе?“ Она вспыхнула. „Фу, какъ глупо! какая я легкомысленная! Поговорила съ мужчиной и уже мечтать о немъ готова?.. Нѣтъ, неправда!... вовсе не о немъ: о дѣтствѣ, объ отцѣ распросить, о мамочкѣ...“ И она прослезилась.

А внизу на стеклянной террасѣ Анна Павловна дѣлала шопотомъ сцену Левкевичу:

— Гадкій! гадкій! Измѣнникъ! Увидѣлъ свѣженькую дѣвочку и растаялъ. Флинта я согласна уступить ей, а васъ— и думать не смѣйте! А она кокетка... да, да! пустая кокетка! И это наука мнѣ: нечего было вызывать васъ изъ лагеря. И въ Колычево вы не поѣдете... Слышите? Я вамъ запрещаю... Дуся!.. Дуся!.. Дуся!.. — прибавила она, уже тая отъ нѣжности.

X.

Просыпается садъ.
Колокольчику въ ладъ
Зазвенѣлъ онъ цвѣтками лиловыми:
„Выходи! выходи!..“
Чье-то сердце въ груди
Застучало надеждами новыми.
„Это онъ... Это онъ!..“
А малиновый звонъ
Ближе, ближе поетъ, заливается.
Позабыта печаль,
И узорная шаль
На ступеняхъ крыльца развѣвается...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

— Ничего, что я ихъ всѣхъ пригласила? — спрашивала Лиза тетку по возвращеніи въ Колычево.

— Ничего, конечно! Только ты ужъ сама позаботься, чтобы гости не скучали. Мнѣ не до того.

Дѣйствительно, Александра Николаевна почти не бывала дома. Были послѣднія числа іюля, и въ полѣ шла дѣятельная уборка. Хотя запашка была и не особенно велика, но собственными силами было не управиться и приходилось по обыкновенію созывать „помочь“, что и было условлено съ колычевскими бабами заранѣе.

Но въ одно прекрасное утро на барскій дворъ явился Михалка и потребовалъ свиданія съ генеральшей.

— А я къ милости вашей! — развязно заявилъ онъ.

— Что скажешь? — спросила Сотова, „тыкая“ по старой памяти правнука бывшаго камердинера.

— А такъ что наслышаны мы, что помочь вамъ требуется. Вотъ я и зашелъ предложить себя.

— Какъ такъ? развѣ ты жать умѣешь?

— Наилучшимъ образомъ! — усмѣхнулся Михалка: — и не токмо жать, а и снопы вязать, да не жгутомъ соломеннымъ, а проволокой.

— Ничего не понимаю. Какой проволокой?

— А такъ, по-аглицки. Потому случай мнѣ вышелъ у помѣщика Рикина американскую машину, жнею-сноповязалку за должокъ евонный себѣ пріобрѣсти, ну, и хочу, значитъ, изъ нея профитъ извлечь. Въ одинъ день, зна-

чить, мы у васъ духомъ все соберемъ, съ чѣмъ вы и въ недѣлю не управитесь. И недорого возьму, всего полторы красненькихъ въ день.

— Сколько же времени ты работать будешь? Вѣдь это мнѣ дорого встанетъ.

— Да не дороже помочи. Вы подсчитайте! Однѣми деньгами, что бабамъ отдать придется, да закуски, да сласти, да вино. А тутъ, ну, недѣлю проработаемъ... Зато чисто и безъ возни.

— Нѣтъ, я ужъ съ бабами сговорилась. Въ будущемъ году другое дѣло, а нынче не могу. Я слово держать привыкла.

— Какъ угодно-съ! — И Михалка тутъ же, еще не выйдя изъ комнаты, дерзко напялилъ картузъ. — Счастливо оставаться!..

Сотова вспыхнула. Уже давно тонъ Михалки ей не нравился, но безъ скупщика было не обойтись. Онъ былъ ея посредникомъ въ сношеніяхъ съ масляными лавками въ Москвѣ и велъ дѣло выгодно и ловко. Кромѣ того, онъ имѣлъ много точекъ соприкосненія съ усадьбой, и Александра Николаевна его немножко начинала побаиваться. Еще недавно онъ выпросилъ у нея въ аренду ту часть запущеннаго парка, которая была теперь отрѣзана вновь проложенной имъ колеею, пообѣщавъ чуть не клятвенно не вырубать ни одного дерева.

— Не извольте безпокоиться, это я арендую не изъ корысти, а для своего блезиру, чтобы гулять дѣтямъ было гдѣ. И онъ дѣйствительно расчистилъ давно заросшія дорожки, но тутъ же сразу на мѣстѣ своей собственной усадьбы началъ новую стройку.

Съ женою Михалки, Авдотьей Тарасовной, Сотова встрѣчалась каждый праздникъ въ церкви, ласково отвѣчала на ея почтительное „здоровканье“ и гладила бѣловолосыя головенки дѣтишекъ. Кривыя ножки дѣвочки заставили ее однажды дать совѣтъ матери сажать ребенка въ горячій песокъ и дѣлать ванны изъ морской соли, и Евграфиха съ благодарностью приняла это къ свѣдѣнію.

Черезъ день послѣ визита Михалки Александра Нико-

лаевна послала на село за помочью, но оказалось, что всѣ бабы были подряжены на спѣшную работу Михайлой Демьянычемъ. Сотова разсердилась не на шутку.

— Этого еще не хватало! Онъ не мытьемъ, такъ катаньемъ хочетъ вынудить меня плясать по своей дудкѣ?

Она послала Арефія въ городъ подрядить работницъ на базарѣ, но ихъ оказалось мало, да и работали онѣ скверно.

Однако Сотова рѣшила все-таки не сдаваться.

Въ такомъ настроеніи пріѣздъ названныхъ гостей былъ не особенно кстати, но мысль, что отказъ огорчитъ Лизу, разглаживала морщины на миловидномъ до сихъ поръ лицѣ тети Саши. А Лиза сама полола дорожки и цвѣтникъ. Ей хотѣлось показать свое Колычево въ возможно блестящемъ видѣ, и Митя вставалъ нарочно пораньше и тоже подстригалъ изгородь и расчищалъ доступъ къ подвалу.

Когда упала послѣдняя защищавшая входъ вѣтка и была отколочена старая полусгнившая дверь, они вдвоемъ спустились по шаткимъ ступенькамъ. На нихъ пахнуло грибной сыростью, и летучая мышь, словно мѣшокъ, свалилась съ потолка. Митя отшвырнулъ ее ногою въ уголъ.

— Ишь, гадина! Какъ она сюда попала?

— Вѣрно, черезъ щель.

— Неужто вы, барышня, туда дальше отважитесь? Вонъ Михайло Демьянычъ сказываютъ, что тутъ стараго барина не разъ видывали. Все онъ кругомъ ходитъ да домъ сгорѣвшій ищетъ.

Лиза пожала плечами.

— Какіе пустяки! Вѣдь помнишь, вошли же мы съ тобой туда за щенятами.

— Мы съ вами дѣтьми были. У насъ еще ангельская душа тогда была... А теперь я ни въ жисть туда дальше не ступлю.—И Митя, торопливо перекрестившись, поднялся обратно.

Лизѣ тоже невольно стало жутко, и она прибавила шагу и снова дѣятельно взялась за скребокъ.

Одна Кирилловна хмурясь глядѣла на эти приготовленія.

— Тетеньку жалѣть надо! У нея и такъ заботъ полонъ ротъ, а ты гостей созываешь... Пирожки-то съ чѣмъ дѣ-

лать? — прибавила она уже мягко: — со всѣмъ или односортные?..

Когда изъ-за косогора послышались первые звуки колокольчиковъ, тетя Саша только еще кончала одѣваться. Со вздохомъ облеклась она въ свой воскресный нарядъ. Обѣдню она сегодня пропустила, чтобы избѣжать встрѣчи съ Михалкой. Все равно молитва до Бога не дойдетъ, разъ сердце озлоблено,—и она заперлась въ образной. Прочтя положенное на день евангеліе, она раскрыла четью-минею въ старомъ кожаномъ переплетѣ. Знакомый шрифтъ, образный языкъ, шуршанье старыхъ орденскихъ закладокъ успокоительно подѣйствовали на нервы. Кротко теплилась восковая свѣчка у аналоя, и ровно горѣли огни въ разноцвѣтныхъ лампадахъ, отражаясь въ стеклахъ кіотовъ и въ алмазахъ, изумрудахъ и аметистахъ старинныхъ окладовъ. Это были броши и серьги ея бабушекъ и прабабушекъ. Она и сама передѣлывала въ свое время кое-что изъ своихъ драгоцѣнностей на вѣнчики и оплечья ризъ, но это было раньше: теперь она бережно хранила остатки для Лизы въ приданое.

Подъѣхала первая разубранная лентами и бляхами тройка; изъ экипажа вышли супруги Адріановы и братья Шемаевы.

— Офицеры отстали!—радостно сообщилъ Степаша.

— Еще бы имъ за нашимъ коренникомъ угнаться! — хвастливо добавилъ Миронъ.

— А Яшневы?—спросила Лиза.

— О нихъ ничего не знаемъ,—мы съ той поры не видѣлись.

День ли вдругъ померкъ, холодкомъ ли потянуло,— только сразу скучно стало, и Лизѣ пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы не выдать своего разочарованія. Она, однако, старалась быть любезной хозяйкой, и гости остались очень довольны. Послѣ обѣда рѣшили осмотрѣть подвалъ; но едва дошли до половины дороги, полилъ дождь и пришлось спѣшно вернуться въ комнаты. Лиза шла рядомъ со Степашей, ногъ подъ собою не слышавшимъ отъ счастья, ощущая на своей рукѣ, какъ святыню, ея загорѣлую ручку.

— Видно, не судьба мнѣ,—говорила задумчиво дѣвушка,—попасть въ родное гнѣздо! Подумайте, я родилась тамъ, въ этомъ сгорѣвшемъ домѣ, вижу каждый день тѣ

ступеньки, по которымъ меня грудную сносили въ садъ, и не могу даже себѣ представить какъ выглядѣла эта вилла. Василій Игнатьевичъ обѣщалъ указать мнѣ ея старый планъ и на мѣстѣ объяснить расположеніе комнатъ, и, конечно, забылъ о своемъ обѣщаніи.

— Хотите, я ему напомню и потороплю его пріѣхать?

— Да его въ городѣ нѣтъ,—вмѣшался Мироша.—Онъ въ „губерніи“ о мѣстѣ хлопочетъ. Отецъ его нарочно въ отставку подалъ, чтобы сыну свою должность здѣшняго земскаго врача уступить.

У Лизы радостно упало сердце.

— Значитъ, и наша колычевская больница, которую земство у тети купило, тоже въ его вѣдѣніе поступитъ?

— А то какъ же? Это главный больничный пунктъ и будетъ, такъ и на послѣднемъ собраніи порѣшили.

— Вотъ и отлично,—замѣтила Александра Николаевна:—я его еще мальчикомъ, этого Васеньку, помню. Онъ премилый.

— Ну, нѣтъ,—возразилъ Флинтъ:—вы его съ братомъ спутали. Онъ далеко не милый.

— Еще бы! вы его не терпите... исторія извѣстная!—усмѣхнулась кокетливо Анна Павловна.

— За что же?—спросила Лиза, сразу почувствовавъ антипатію къ бѣлокурому поручику.

— А за то, что это волкъ въ овечьей шкурѣ.

— Чистая фантазія! — пожалъ плечами Петръ Петровичъ.—Врачъ онъ во всякомъ случаѣ прекрасный, я на себѣ испыталъ.

— Просто Флинту досадно, что еще новый соперникъ въ Горскѣ ему явится, и барышни не его одного умными рѣчами упиваться будутъ,—подлилъ яду Левкевичъ, особымъ умственнымъ багажомъ не славившійся...

Небо прояснилось, и подали экипажи. Когда стихъ послѣдній отзвукъ колокольчиковъ удалявшихся троекъ, Лиза всплеснула руками.

— Господи, а школа? Я опять забыла переговорить съ Адріановымъ!

— Не бѣда, еще успѣешь.

- Ахъ, мнѣ такъ стыдно жить безъ дѣла! Позволь мнѣ хотъ по хозяйству помогать тебѣ, теточка?

— Полно! я еще не такая развалина. Веселись, пока можно. Мнѣ не трудно, если бы только не эти непріятности.

А непріятности продолжались. Погода испортилась окончательно, и уборка затягивалась. Арефій почесывалъ затылокъ.

— Эхъ,—говорилъ онъ по секрету женѣ своей,—и напрасно барыня Евграфову отказали: давно бы ужъ убравшись были, а теперь откуда я батрачекъ возьму? Колычевки его пуще огня боятся. Онъ у нихъ весь ленъ и всю кудель впередъ скупилъ и цѣны полуторныя посулилъ, а которая его ослушается, у той ни волокна не возьметъ. И мужикамъ ведро поставилъ, чтобы, знамо, они бабъ къ намъ не пущали.

— А не сказать ли барынѣ, чтобы и она имъ другое поставила? Они, Евграфово-то слакавъ, давно, поди, и обѣщаніе свое позабыли, а тутъ на свѣжее-то, небось, такъ и накинутся.

— А ты поди, сунься-ка съ этимъ къ генеральшѣ! Она тебя такъ отпоетъ... и не подступишься.

— Да ты не къ самой, пусть Танька барышнѣ разскажетъ, а та ужъ домекнется, какъ тетеньку уломать...

И Таня, раздѣвая вечеромъ барышню, сообщила и разъяснила ей настоящее положеніе дѣла. Лиза тотчасъ же вихремъ влетѣла къ лежавшей въ постели теткѣ.

— Какая гадость! Какая гадость!—Подумай, мужики изъ-за водки насъ разорить согласились!—выпалила она, забираясь на кровать Александры Николаевны и натягивая на голыя ножки свою короткую юбочку. Вѣдь—это неблагодарность! И какой мерзавецъ этотъ Михалка! Вѣдь онъ кругомъ grand oncle Арсенію обязанъ.

— Въ чемъ дѣло? что съ тобой?—удивилась тетка.

Лиза передала разговоръ съ Таней.

— И знаешь, тетя, онъ поклялся, что выживетъ насъ отсюда, и что Колычево все перейдетъ въ его руки.

— Пустяки! Какъ это онъ сдѣлать можетъ? Если онъ будетъ продолжать такъ бахвалиться, я напишу губерна-

тору, его живо урезонять въ кутузкѣ,—отвѣтила Сотова, все еще блаженно вѣровавшая въ прежнія устои.

— Ахъ, теточка! я сама не знаю, почему я такъ боюсь его. Но ты все-таки поставь мужикамъ ведро водки.

— Полно, Лиза! развѣ это дворянское дѣло на такія вещи пускаться.

— Такъ возьми тогда его машину. Зачѣмъ ты отъ нея отказалась?

— Ну, нѣтъ! Я теперь хоть и въ затрудненіи, но отъ слова моего и впредь не откажусь. Разъ я обѣщала бабамъ,— я не могла входить въ сдѣлку съ Михайлой. Ну, а теперь довольно. Иди спать. Меня эти разговоры только волнуютъ. Мнѣ спать пора. Завтра погода разгуляется, такъ мнѣ на цѣлый день работы хватитъ...

На другой день погода дѣйствительно разгулялась. Александра Николаевна велѣла заложить одноколку и приготовить корзинку со съѣстнымъ.

— Къ обѣду меня не жди!—крикнула она изъ воротъ Лизѣ:—я поздно возвращусь.

Лиза со вздохомъ вернулась въ комнаты. Подошла къ флютъ-гармоніи, взяла два-три аккорда,—нѣтъ, не игралось.

„Попѣть развѣ?—она стала перебирать ноты.—Что бы спѣть такое?“

Все надоѣло...

„Да, что это было такое хорошее, о чемъ мнѣ сегодня ночью вспомнилось? Письмо Дашевой?.. Ахъ, нѣтъ! Таня мнѣ между прочимъ вчера вечеромъ сообщила, что больницу отстраивать начали, и что молодой Яшневъ назначенъ дѣйствительно на мѣсто отца. Значитъ, онъ скоро пріѣдетъ...“

XI.

Шепчутъ вязы, шепчутъ ивы,
Налетаютъ вѣтерки,
Шепчутъ дивные разсказы про отжитый вѣкъ счастливый
И колышутъ тростники.
Незнакома, позабыта
У людей родная быль.
Обветшали стѣны дома, и ступени изъ гранита
Раскололись въ прахъ и пыль.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“ М. К.).

Солнце наконецъ справилось съ послѣднимъ слоемъ облаковъ и брызнуло цѣлымъ снопомъ жаркихъ лучей въ окна террасы. Лиза захлопнула крышку рояля и вышла въ садъ. Кое-гдѣ на липовыхъ вѣткахъ еще сверкали алмазныя тяжелыя капли. Уже въ густой сѣни аллей показывались блѣдные осенніе тона, но все кругомъ радостно сіяло, и быстро высыхали лужи, и свѣтлѣли изрѣшетенныя дождемъ дорожки цвѣтника.

Лиза направилась къ материнскому „пріюту мечтаній“. По дорогѣ ее догналъ лохматый Сократъ и, лизнувъ ей на ходу руку, понесся съ радостнымъ лаемъ впередъ. Омытыя дождемъ, ярко бѣлѣли теперь на солнцѣ мраморныя разбитыя ступени, и огромный бугоръ ощетинивался надъ ними цѣлымъ лѣсомъ репейника и крапивы. Семья пестрокрылыхъ щеглятъ порхала въ ихъ заросляхъ, весело щебеча затѣйливые напѣвы. Прудъ за это лѣто почти на половину заросъ бѣлокрыльникомъ, и надъ его зелеными, сердцевидными листьями шелестѣли пышныя, уже слегка желтѣющія метелки тростника. Одиноко плавалъ черноклювый лебедь. Онъ былъ совершенно ручной и, издали завидѣвъ Лизу, красиво изогнулъ шею и, словно воздушное бѣлое облако, держался въ ожиданіи ея у самаго берега. Лиза достала изъ кармана хлѣбъ и стала бросать ему куски. Прошло полчаса... Вдругъ на вершинѣ бугра появилась высокая фигура.

Яшневъ.. Сердце Лизы дрогнуло.

— Здравствуйте!—крикнулъ онъ черезъ прудъ.

Сократъ съ неистовымъ лаемъ помчался навстрѣчу, но

Лиза отозвала его и, придерживая за ошейникъ, пошла въ обходъ. Они сошлись у липовой аллеи.

— Здравствуйте!—какъ это вы нашли меня? — спросила она, едва сдерживая радостную улыбку.

— По нюху, вѣрнѣе—по указанію вашей востроносой Кирилловны.

— Почему востроносой?—смутилась Лиза.—Я никогда не замѣчала, что у нея носъ острый.

— И носъ, и взглядъ! Особа вообще острая. Я ее и раньше видѣлъ и былъ пораженъ ея сходствомъ съ копчикомъ, а онъ тупымъ клювомъ и глазомъ, какъ сами знаете, не отличался. Вы, кажется, обидѣлись? — прибавилъ онъ и прищурился.

— Ничуть!

Лиза почувствовала, однако, что надо взять себя въ руки, и приняла то холодное выраженіе, которое, по ея мнѣнію, должно было поставить всякаго излишне смѣлаго собесѣдника въ надлежащія рамки.

— И такъ, я тутъ и явился по первому вашему зову.

— По моему зову?

— Да, переданное мнѣ Шемаевымъ. Вы отдали приказаніе сему Садку привлечь меня въ Колычево, и чемъ свѣтъ вы на ногахъ, и я былъ бы у вашихъ ногъ, если бы было суше. Однако шутки въ сторону. Какъ же мы попадемъ въ этотъ интересный подвалъ? Я обошелъ всю насыпь, а входа не видалъ?

Лиза пошла впередъ.

Впрочемъ,—остановилась она:—надо сперва зайти домой за огаркомъ, тамъ вѣдь тьма кромѣшная?

— На этотъ счетъ не безпокойтесь,—у меня восковыя спички есть. А вы этой тьмы кромѣшной не боитесь?

— Не знаю! я думаю, не боюсь.

Она отыскала дверь въ кустахъ и распахнула ее. Сократъ спустился первый и, громко нюхая землю, скрылся въ темнотѣ. Яшневъ сошелъ по ступенькамъ и подалъ руку Лизѣ.

— Опирайтесь крѣпче,—сказалъ онъ, съ улыбкой заглядывая ей въ глаза.—Что? страшно?

— Ничуть!

— А если тамъ ютятся разбойники?

— Какіе пустяки!

— А привидѣнія?

— Еще большіе...

Онъ зажегъ спичку. Узкій коридорчикъ упирался въ стѣну.

— Постойте, — сказалъ Яшневъ:—по - моему, тутъ направо должна быть дверь въ кухню. Я не разъ убѣгалъ въ это подземное Еремѣево царство и помню его довольно живо. Надо сознаться, я былъ порядочнымъ обжорою въ дѣтствѣ.

Дверь въ кухню оказалась дѣйствительно направо. Онъ толкнулъ ее. Она, словно застонавъ на ржавыхъ петляхъ, открылась и задула огонь спички. Яшневъ зажегъ новую и вошелъ вмѣстѣ съ Лизой. Въ огромной комнатѣ подъ слоемъ сѣрой пыли бѣлесоватой громадою выдѣлялась плита. На полкахъ стояли какіе-то черные предметы. Сократъ шнырялъ по угламъ, принюхиваясь къ полу.

— Ишь, мерзавецъ! чуетъ, что тутъ когда-то вкусно пахло.

Лиза молчала. Ей было жутко и стоило большихъ усилій не показать вида, что она робѣетъ. Яшневъ обошелъ кухню.

— Вотъ эта дверь вела наверхъ черезъ коридоръ въ буфетную.—Онъ попробовалъ открыть ее, она не подалась.— Гм... я понимаю. Ходъ загроможденъ обрушившимся потолкомъ и балками настолько плотно, что здѣсь безъ притока воздуха и остановился огонь. Да, постройка была на совѣсть. Надъ этой кухней помѣщалась голландская столовая. Здѣсь вотъ прямо надъ ними стоялъ овальный дубовый столъ, который разстягивался на 48 персонъ. Это я помню отлично... А тутъ,—онъ прошелъ въ уголъ,—былъ удивительный каминъ изъ бѣлыхъ съ синимъ изразцовъ. Я и его помню, потому что рисунокъ ни на одномъ не повторялся, хотя было всего два сюжета—мельница и море, но каждый разъ они были изображены иначе, и это насъ съ братомъ очень забавляло. Рядомъ съ этой парадной столовой была другая, поменьше,

семейная или обюссоновая. А вотъ тутъ,—онъ провелъ Лизу черезъ коридоръ въ большую комнату съ почернѣвшими койками вдоль стѣнъ,—была людская. Эти же нѣсколько дверей вели въ отдѣльныя комнаты для болѣе почетныхъ слугъ, изъ которыхъ въ мое время считался главнымъ Евграфъ, хотя онъ и жилъ уже не тутъ, а только приходилъ по утрамъ обметать пыль, и его фракъ висѣлъ одинъ въ его бывшей каморкѣ. Вотъ она...

Онъ распахнулъ крайнюю дверь. Спичка бросала красноватый свѣтъ на пыльныя деревянныя нары и табуретки. На стѣнѣ была приколочена ржавыми гвоздиками вырѣзанная изъ моднаго журнала картинка съ двумя дамами въ пышныхъ кринолинахъ и дѣвочкой, катившей обручъ. Лиза подошла поближе.

— Какія курьезныя шляпки! Интересно какого года?

Яшневъ хотѣлъ сорвать картинку со стѣны.

— Оставьте! Смотрите: Magazin des dames et des demoiselles... 1861 года... Время ее пощадило, и не намъ разрушать.

Яшневъ улыбнулся.

— Преклоняюсь передъ вашей волей!.. А знаете,—вѣдь тутъ цѣлая громадная квартира. И смотрите, какъ все отлично сохранилось. При малѣйшей надобности это помѣщеніе можно прекрасно использовать.

Онъ остановился. Точно какая-то мысль зародилась въ его головѣ, и онъ внимательно обошелъ и другія комнаты.

— Настоящій дворецъ!

Открылась еще одна послѣдняя дверь, но едва они вошли въ нее, она съ шумомъ захлопнулась и наступила полная темнота. Огонь погасъ. Яшневъ потянулъ дверь къ себѣ, но часть ручки осталась у него въ рукахъ, а другая со звономъ упала по ту сторону на полъ. Сократъ нюхалъ воздухъ и яростно царапалъ землю. Яшневъ шарилъ рукою по полу, ища оброненную коробку спичекъ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Весь полъ покрытъ какой-то липкою грязью... Гдѣ вы?—окликнулъ онъ Лизу.

— Здѣсь,—отвѣтила она.—Что случилось?

— Я сломалъ замокъ въ дверяхъ и ихъ не открыть.

Лиза стояла недвижно. Она боялась пошевелиться или прислониться къ стѣнѣ. Ее охватилъ безумный ужасъ. Ей казалось, что, кромѣ нихъ, есть еще кто-то въ этой комнатѣ, что тамъ изъ невидимыхъ теперь угловъ какія-то тѣни чутко настораживаются, крадутся толпою... подползаютъ все ближе и ближе... Уже протягиваются страшныя цѣпкія и косматыя лапы, которыя сейчасъ обхватятъ, сдавятъ, задушатъ... Хотѣлось крикнуть, но не было голоса.

Спички отыскались. Огонь вспыхнулъ. Тѣни всколыхнулись, ударились въ бѣгство, скользнули по потолку и спрятались. Комната освѣтилась неровнымъ тусклымъ свѣтомъ. Она была нѣсколько крупнѣе предыдущихъ, но стѣны ея обросли грибами и наростами плѣсени. Съ потолка висѣли длинные, безобразные клочья паутины. Печь въ углу расползлась по швамъ, и нѣсколько выпавшихъ кирпичей валялись рядомъ на полу. Среди липкой грязи стояли сундуки и полусгнившіе чемоданы. Очевидно это была кладовая. Лиза оглядѣлась.

— Нѣтъ ли другой двери?

— Нѣтъ, повидимому. А надо отсюда какъ-нибудь выбраться. Если бы найти какой нибудь крючокъ и пропустить въ отверстіе дверной ручки, чтобы притянуть дверь къ себѣ? Она открывается сюда вовнутрь.

Онъ приложилъ глазъ къ скважинѣ, попробовалъ просунуть палецъ,—отверстіе было слишкомъ мало. А минуты шли... Лизѣ казалось, что это не минуты, а часы... Сердце билось и дышать было трудно... Яшневъ обошелъ комнату. На стѣнахъ торчали гвозди и висѣли какія-то лохмотья. Онъ передалъ спички Лизѣ и потянулъ гвоздь обѣими руками. Тотъ сразу обломился.

— Труха ржавая! Какая тутъ сырость, однако! Но что же дѣлать наконецъ? Вѣдь мы буквально погребены заживо? Никто не знаетъ гдѣ мы, и насъ могутъ еще долго не хватиться.

— Который часъ?—спросила Лиза.

— Безъ четверти часъ.

— Обѣдъ въ два, и до тѣхъ поръ Кирилловна и не по-

думаетъ искать меня, а Таня помогаетъ въ полѣ. Что же дѣлать?

Спичка догорала. Лиза собиралась зажечь новую.

— Будьте экономнѣе. Спичекъ уже немного!—предупредилъ Яшневъ.

Огонь снова потухъ... Только свѣтился кончикъ папиросы, то вспыхивая у рта молодого человѣка, то опускаясь книзу въ его рукѣ. Наконецъ онъ бросилъ окурокъ.

Они стояли близко другъ отъ друга. Лиза слышала его дыханіе, и ей снова сдѣлалось страшно. Ему стоило только протянуть руку, чтобы обнять и привлечь ее къ себѣ, и она сама не знала, хотѣлось ей этого, или нѣтъ. Сердце ея стучало все чаще и страннѣе, и ей казалось, что онъ слышитъ его біеніе. Сократъ жалобно скулилъ около ея ногъ, положивъ морду на лапы. Она не выдержала и зажгла спичку. Снова отступила темнота, и зловѣще насторожились сбившіяся въ кучи тѣни. Красноватый отблескъ упалъ на красивую голову съ блестящими мелкими завитками волосъ и бороды, и мертвенно блѣднымъ казалось это мужское лицо въ ихъ рамкѣ.

Яшневъ вдругъ подошелъ къ Лизѣ вплотную и, заглянувъ ей въ самую глубь зрачковъ, вымолвилъ:

— Какая вы смѣлая! Другая бы давно металась въ истерикѣ или лежала въ обморокѣ. А вы молодецъ! Дайте мнѣ вашу руку.

Онъ не поцѣловалъ этой смуглой, загорѣвшей руки, а только пожалъ крѣпко, по-мужски.

— Да съ вами можно имѣть дѣло! Однако надо же предпринять намъ что-нибудь. Не ожидать же помощи извнѣ?

Онъ колѣномъ надавилъ дверь—она не подалась.

— Разбить ее?

— Чѣмъ?

— Да этимъ кирпичемъ!

Лиза подала ему одинъ изъ валявшихся кирпичей, но отъ перваго же удара онъ разсыпался въ песокъ.

Ее вдругъ осѣнила мысль. Она сняла съ руки массивный, хотя и узкій браслетъ.

— Вотъ возьмите! это porte-bonheur, который мнѣ подарили

въ 16 лѣтъ. Можетъ быть, онъ дѣйствительно принесетъ мнѣ счастье и выдержитъ,—воспользуйтесь имъ вмѣсто гвоздя... Только торопитесь, всего осталось двѣ спички.

Яшневъ просунулъ раскрытую браслетку въ отверстіе, потянулъ разъ, другой,—и дверь открылась. Сократъ первый съ громкимъ лаемъ бросился вонъ. Яшневъ пропустилъ Лизу впередъ и вышелъ послѣднимъ. Когда они взобрались по расшатаннымъ ступенькамъ наверхъ, у Лизы вдругъ закружилась голова и подкосились ноги. Яшневъ подхватилъ ее и бережно опустилъ на траву.

— Вы меня сглазили,—прошептала Лиза.

— Ничего, отдохните! Это дѣйствіе свѣжаго воздуха. Мы надышались міазмами погреба и землянымъ газомъ. Это легкое отравленіе. Я сильнѣе васъ, и то меня шатаетъ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Странно!..—тихо говорила Лиза:—мнѣ кажется, что прошла цѣлая вѣчность съ той минуты, какъ мы встрѣтились сегодня, какъ я увидала васъ на этомъ бугрѣ... Цѣ-ла-я вѣч-ность...—медленно, раздѣльно, точно во снѣ повторила она и, положивъ на колѣни локти, ладонями сжала голову.

Онъ съ улыбкой глядѣлъ на нее. Нѣсколько времени оба молчали.

— Есть не часы, а минуты, которыя стоятъ десятковъ лѣтъ,—заговорилъ онъ и, скинувъ шляпу, расправилъ волосы.—Однѣ сближаютъ людей, другіе рушатъ то, что человѣкъ считалъ для себя неколебимымъ и священнымъ, и создаютъ ему новый неожиданный міръ. Это минуты откровенія... Лучшія, или, вѣрнѣе, самыя важныя минуты жизни. Я,—какъ-то особенно мягко и задушевно продолжалъ онъ,—тоже чувствую, что не скоро забудутся эти пережитыя нами вмѣстѣ, гдѣ вы такъ стойко держали себя, и если вамъ когда-нибудь понадобится поддержка,—вспомните обо мнѣ.

Онъ вертѣлъ въ рукахъ ея браслетъ.

— Вотъ вашъ porte-boheur. Позвольте я застегну его.

Лиза протянула руку, но браслетъ былъ погнутъ, и замокъ не закрывался.

— Довѣрьте мнѣ этотъ символъ счастья, — разсмѣялся онъ весело:—я попробую починить его.

Прошло еще нѣсколько времени. Наконецъ они встали.

— Боже мой! на что я похожа!—опомнилась Лиза. Ея ботинки, несмотря на галоши, были мокры насквозь. Подолъ на цѣлую четверть пропитался липкой грязью, а въ волосахъ запутались клочья паутины.—Что скажетъ Кирилловна?

— Однако вы старушку не на шутку побаиваетесь! Признаюсь, она и мнѣ внушаетъ уваженіе.

Они тихонько направились домой. Ноги Лизы слушались плохо. Нервная приподнятость перешла въ прострацію. Молодая дѣвушка охотно приняла руку своего спутника.

— Вы не церемоньтесь! крѣпче опирайтесь,—говорилъ онъ.

Сократъ, широко размахивая пушистымъ хвостомъ, то уносился впередъ, то возвращался, пытаясь лизнуть хозяйку въ лицо. Онъ, видимо, наслаждался возвращенной свободой. Подходя къ дому, они услышали голосъ Кирилловны, громко кричавшей:

— Шуга! шуга!

Старушка, стоя на ступенькахъ хмелевой террасы, размахивала полотенцемъ. У ногъ ея прятался подъ крылья клохчущей насѣдки цѣлый выводокъ цыплятъ, а надъ ними въ воздухѣ кружилъ ястребъ. Лиза невольно остановилась... Да! Кирилловна сама была похожа на какую-то большую хищную птицу... „Странно... я раньше не замѣчала этого“, подумала молодая дѣвушка и направилась быстрѣе къ дому. Старушка встрѣтила ее злобными глазами.

— Слава Богу, наконецъ отыскалась!—проворчала она, загоняя насѣдку подъ террасу.—И гдѣ это ты пропадала. Тетеньки нѣтъ, такъ и тебя нѣтъ? Обѣдъ стынетъ, все пересохло и перестояло. Батюшки!—всплеснула она обнаженными по локоть худыми, сморщенными руками,—гдѣ это ты такъ перемазалась? Куда это вы, сударь, ее водить изволили?—обратилась она уже совсѣмъ свирѣпо къ Яшневу.

— Не твое дѣло!—отвѣтила Лиза.—Пришли мнѣ Таню. Я переодѣнусь.

— Тани нѣтъ, я сама подамъ тебѣ.

— А мнѣ позвольте щеточку, Наталья Кирилловна.

— Въ передней на вѣшалкѣ!—сухо отвѣтила она.

Оставшись наединѣ съ Лизой, она такъ и пронзила ее своимъ острымъ взглядомъ.

— Давно знаешь его?

— Давно.

— Это что жъ, не та, инспекторша, познакомила развѣ?

Лизу досадовало любопытство старухи.

— Нѣтъ, не она.

— А гдѣ ты была съ нимъ сейчасъ?

— Въ подвалѣ.

Кирилловна даже ротъ раскрыла.

— Да ты что морочишь меня, мать моя? Одна съ мужчиною въ темномъ подвалѣ? Да что тетенька-то скажетъ?

— Не знаю. Давай же мнѣ платье и чулки.

— Да что ты тамъ съ нимъ дѣлать могла? Да ты съ ума сошла никакъ... Да если это люди узнаютъ, да что про тебя болтать пойдутъ?...

— Не знаю и знать не хочу, а ты вотъ сама лучше болтай поменьше и дай мнѣ переодѣться... Я озябла... Дай мнѣ все бѣлье, я переодѣнусь съ головы до ногъ.

Кирилловна быстро подала требуемое и помогла Лизѣ одѣться. Растирая ея отсырѣвшія ноги, она вдругъ нѣжно припала къ нимъ губами.

— Будь ты, касатка моя, осторожнѣе съ мужчинами. Не слѣдъ тебѣ, барышнѣ, ровно замухрышкѣ какой, съ ними наединѣ гулять. Одна ты у тетеньки!..

За обѣдомъ она уже весело прислуживала обоимъ, и Яшневъ даже осмѣлился спросить ее: что значитъ „шуга“?

— А слово вѣщее такое; оно годится и на ястреба, и на всякую бѣду, и на злого человѣка,—отвѣтила она бойко.— Скажешь его, полотенцемъ махнешь—все пропадетъ... Ихъ три такихъ есть: шуга, веда, сагана...

— Жаль, что мы ихъ раньше не знали, — улыбнулся Яшневъ.—Мы, вѣрно, скорѣе изъ западни бы вырвались. Вы знаете, мы уже съ барышней рѣшили, что намъ тамъ и помереть придется.

И Василій Игнатьевичъ нарочно, сгущая краски, началъ разсказывать о старой кладовой. Кирилловна только охала и крестилась. Лиза весело смѣялась.

— Это еще что! — продолжалъ молодой человѣкъ. — А вотъ подъ Парижемъ въ кладбищѣ подземномъ разъ двое заблудились, такъ оно куда хуже вышло. Они со свѣчами пошли, да свѣчи-то у нихъ догорѣли, а когда ихъ на утро сторожа разыскали, онъ въ свои двадцать лѣтъ сѣдымъ, какъ лунь, оказался, а она, помѣшанная, костями мертвыми играла...

— Здравствуйте!—раздался въ дверяхъ голосъ тети Саши. Всѣ вздрогнули. Кирилловна даже тарелку уронила.

— Съ нами крестная сила! Да что съ вами?

Александра Николаевна, совсѣмъ измученная, присѣла къ столу.

— Хоть плачь!.. Какъ безъ рукъ—нѣтъ людей, да и конецъ.

И, возобновивъ знакомство съ Яшневымъ, она разсказала о проискахъ Михалки.

— Подождите, сударыня,—возразилъ молодой человѣкъ:— дайте мнѣ основаться тутъ, я этого своего бывшаго сверстника живо образумлю.

— Такъ это вѣрно, что васъ сюда назначаютъ?

— Бумага пошла въ управу, и дѣло мое разрѣшится на ближайшихъ дняхъ.

Когда отъ крыльца отъѣхалъ старый докторскій кабріолетъ, всѣ стояли, провожая его, и даже Кирилловна ласково крикнула вслѣдъ:

— Счастливаго пути!

А Лиза присѣла на ступеньки и, глядя на огненную черточку вечерней, догоравшей въ просѣкѣ зари, долго прислушивалась къ стуку колесъ... Цѣлая вѣчность! она понимала, что еще вчера для нея было возможно не думать о немъ, что могъ явиться другой и отвлечь ее, но что отнынѣ всѣ помыслы, всѣ мечты, всѣ силы, вся ея жизнь— получили одинъ смыслъ и интересъ — его личность, его близость и расположеніе. Его голосъ одинъ имѣлъ для нея значеніе, и куда бы этотъ милый голосъ не позвалъ, она безъ возраженія всюду послѣдуетъ за нимъ: на счастье, на горе, на блаженство и на вѣчную муку.

XII.

Ненастный день. Не спорится работа.
И книга валится изъ рукъ.
Закрыто фортепьяно. Вдругъ—
Чу! Колокольчикъ... въ гости ѣдетъ кто-то...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Черезъ два дня въ колычевской гостиной снова сидѣли гости, на этотъ разъ настолько важные, что Лиза тотчасъ же распорядилась послать за теткой въ поле. Это былъ самъ полковой командиръ Николай Владиміровичъ Трынинъ съ супругою Луизой Ѳедоровной.

Молодая дѣвушка внимательно выслушала разсказы полковника о пребываніи на Дунаѣ и угощала полковницу чаемъ.

Полковница, урожденная баронесса фонъ-Маусъ,—о чемъ она неукоснительно, какъ бы вскользь, сообщала каждому новому знакомому, — была сухопарая, высокая остзейка, очень красивая въ профиль и непріятная en face. Ея сѣрые, холодные глаза словно невзначай скользили по предметамъ, быстро запечатлѣвая въ куриномъ мозгу, неспособномъ ни на какую отвлеченную мысль, всѣ внѣшнія подробности. Зато малѣйшій намекъ на сенсаціонность или скандалъ находилъ тотчасъ же свой откликъ въ чопорной душѣ, и острый взглядъ подмѣчалъ всякую трещину на чужой чашкѣ и потертость посторонняго локтя. Дѣтей у нихъ не было, но многочисленная нѣмецкая родня вѣчно присылала къ нимъ, то барышню повеселиться на полковыхъ балахъ, то тетеньку подышать воздухомъ, то юношу отбывать повинность подъ ферулой Трынина.

За завтракомъ послѣ полкового ученья все офицерство садилось за огромный круглый столъ, уставленный всякими форшмаками и яствами, обильно приправленными лукомъ, перцемъ и „собачьимъ сердцемъ", т. е. горчицей.

Слышались вѣчно неизмѣнныя, набившія всѣмъ оскомину шутки полковника объ адмиральскомъ часѣ, о томъ, что Луиза Ѳедоровна забыла налить ему въ очередь рюмку, а потому всѣ могутъ пить не въ очередь, что „желонеръ и

жонглеръ профессіи разныя", что „адъютантъ не диллетантъ и штатскій франтъ не имѣетъ правъ на аксельбантъ", и т. п. плоскости. Но Луиза Ѳедоровна ихъ очень любила и, слушая, кокетливо поджимала губки. Она строго наблюдала, чтобы салфетки подавались туго накрахмаленными, тарелки—грѣтыми и всѣ кушали съ аппетитомъ. Никакіе служебные разговоры не допускались, зато всякимъ городскимъ сплетнямъ открытъ былъ полный просторъ, и небыло въ Горскѣ сколько-нибудь виднаго дома, которымъ бы не интересовались въ командирской столовой. Наводить справки и выспрашивать Луиза Ѳедоровна была мастерица и умѣла съ великой виртуозностью даже молчальникамъ развязать языкъ при надобности.

Отъ кого-то она уже прослышала о визитѣ молодого Яшнева и допытывала теперь Лизу, какъ онъ ей понравился.

— А вы *снаете*,—она, какъ многіе даже вполнѣ обрусѣвшіе нѣмцы, выговаривала передъ согласными з какъ с,—а вы *снаете*, что онъ нагилистъ?

Лиза вспыхнула.

— Этого быть не можетъ!

— Да, да! я навѣрно *снаю*. Вы не смотрите, что онъ безъ синихъ очковъ и пледа, но онъ никогда не ходитъ въ церковь и не крестится. И потомъ онъ такой *слой*, *слой*... онъ жестокій. У нашей одной ротной командирши пропалъ котенокъ,—ему мальчишки вѣдь ловятъ кошекъ и собакъ,—такъ онъ этого котенка три дня въ маслѣ купалъ. Да, да! налилъ полную миску и пустилъ плавать, а самъ его нарочно еще масломъ кормилъ... Котенокъ умеръ. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ?

— Для вивисекціи, матушка!—перебилъ полковникъ,—для науки. Не ребенка же ему было въ маслѣ держать!

— А зачѣмъ это ему нужно? Точно и такъ лечить нельзя? Это пустяки, онъ просто *слой*. Другой братъ добрый, а онъ *слой*. Очень жаль, что его братъ уѣхалъ на Уралъ. Онъ на *слатопромышленныхъ* пріискахъ на три года мѣсто получилъ. Онъ очень добрый, а этотъ *слой*.

Лиза едва сдерживала себя, чтобы не подать вида, какъ задѣвали ее эти слова. „Сама ты злюка!" подумала она и радостно вздохнула, заслышавъ шаги возвратившейся тетки.

Александра Николаевна наскоро переодѣлась. Едва показалась въ дверяхъ ея полная, осанистая фигура, полковникъ, шаркая мягкими пѣхотными ногами, вперевалку направился къ ней черезъ гостиную и приложился къ ручкѣ.

Луиза Өедоровна, поджавъ губы, критическимъ окомъ окинула ея костюмъ. Лиза со вздохомъ облегченія поднялась съ кресла и ушла къ себѣ.

— Устали, ваше высокопревосходительство? все хозяйствуете?—спросилъ Трынинъ.

— Да, поневолѣ приходится. Свой глазъ всегда вѣрнѣе.

— Неужели вы сами *ѣздите* въ поле?—спросила полковница.—*Расвѣ* у васъ нѣтъ *прикасчика*? Вы такая важная генеральша?

— При чемъ мое генеральство? Теперь каждый часъ дорогъ.—И она разсказала о своихъ затрудненіяхъ.—Такая бѣда! поневолѣ вздохнешь по крѣпостному времени, тогда такихъ задержекъ и бывать не могло: людей было достаточно.

— Помилуйте,—возразилъ полковникъ:—зачѣмъ же вы раньше не обратились ко мнѣ? Я вамъ завтра же сколько угодно людей пришлю: солдатъ послѣ лагерей отпускаютъ охотно на вольныя работы!

Александра Николаевна такъ и просіяла.

— Неужели правда!

— А вы не знали? Я пришлю вамъ пятнадцать или двадцать человѣкъ и кашевара съ ними, подберу нарочно лучшихъ работниковъ, и вамъ никакихъ съ ними хлопотъ не будетъ. Пища у нихъ будетъ своя, а относительно платы сами съ ними столкуетесь. Только прошу, не слишкомъ ихъ балуйте и располагать ими можете до конца мѣсяца.

Такое легкое и быстрое разрѣшеніе мучившаго ее вопроса привело Сотову въ радужное настроеніе. Она угостила гостей на славу, заставила Лизу играть и пѣть, сама повела и показала имъ садъ и птичникъ и дружески на прощанье расцѣловалась съ сухопарой полковницей. Та любезно пригласила и ее, въ свою очередь, и, подставивъ Лизѣ щеку, вымолвила:

— Въ Горскѣ не у однихъ Адріановыхъ веселятся. Послѣ войны и у насъ танцы и спектакли въ модѣ. Я жду на

зиму мою племянницу, баронессу Клотильду фонъ-Маусъ, дочь моего младшаго брата. Надѣюсь, вы другъ другу понравитесь.

— Фу, какая тошнотворная жердь!—вырвалось у Лизы, едва полковницкая коляска съ кучеромъ изъ солдатъ, въ смѣшно сидѣвшей на бритой головѣ поярковой шляпѣ, скрылась изъ вида.—Поздравляю эту „Колотилду", если она на тетеньку похожа.

— Фи, Лиза! какъ ты выражаешься! Она, напротивъ, очень милая. А самъ полковникъ одна прелесть. Я расцѣловать его готова. Только гдѣ же мы размѣстимъ солдатъ?

— Удивительная забота,—возразила призванная на совѣтъ Кирилловна:—солдатъ человѣкъ походный, заснетъ и въ болотѣ, а не то что на сѣновалѣ.

— Что ты, что ты! Это нельзя! Еще огонь изъ трубки заронятъ, а въ людской и такъ тѣснота.

— Знаешь гдѣ, тетя? въ старомъ подвалѣ.

Арефій выпучилъ глаза.

— Что вы, барышня? тамъ всякая нежить водится.

— Никого тамъ нѣтъ,—и она разсказала о своемъ посѣщеніи.—Я даже очень рада этому. Пусть они его хорошенько вычистятъ и уберутъ, а я потомъ въ немъ школу открою. Не перечь мнѣ, теточка! Ты увидишь, какъ все отлично будетъ. А Михалкѣ это такой носъ, что я плясать готова.

И она, обхвативъ Кирилловну, закружила ее по комнатѣ.

На утро 16 солдатъ въ бѣлыхъ гимнастеркахъ, съ шинелями въ закрутку и мѣшками на плечахъ выстроились передъ барскимъ крыльцомъ.

— Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!—отчеканили они вышедшей къ нимъ хозяйкѣ.

Кирилловна тотчасъ же приняла ихъ подъ крылышко и напоила чаемъ. Лиза впорхнула веселая и оживленная.

— Гдѣ вашъ старшой?

Выступилъ бравый, хотя и приземистый, черномазый малый и отрекомендовался унтеромъ Вороновымъ.

— Вотъ что, голубчикъ Вороновъ, пойдемте, посмотрите, хорошо ли вамъ тутъ будетъ.

Черезъ какіе-нибудь три-четыре часа и тетя Саша, и Кирилловна убѣдились въ практичности Лизинаго проекта. Когда отколотили доски и впустили въ окна свѣтъ, оказалось, что этотъ старый, 17 лѣтъ стоявшій безъ употребленія подвалъ вполнѣ пригоденъ для жилья. Отрядивъ десятерыхъ изъ своей команды въ поле въ помощь къ Арефію, унтеръ вмѣстѣ съ остальными принялся мести, скрести, мыть и колотить въ отведенной имъ квартирѣ. На полкахъ кухни нашлась цѣлая батарея кастрюль и котловъ, а въ шкапахъ вороха прочей посуды, и, когда бѣлобрысый Андрейчукъ, поплевавъ на какую-то крышку, потеръ ее тряпкой, сквозь многолѣтнюю грязь и копоть заблестѣла мѣдь.

— Ровно твое золото!—сунулъ онъ ее подъ самый носъ Кирилловнѣ.

Та словно на двадцать лѣтъ помолодѣла и серной носилась изъ своей кухни въ подвалъ, перетаскивая неожиданныя богатства, которымъ ея хозяйственное сердце радовалось совершенно по-дѣтски.

Да и вся усадьба точно ожила. Снова, какъ въ давно прошедшіе годы, зазвенѣли голоса, зашаркали по дорожкамъ ноги. Кусты репейника и крапивы ложились рядами подъ ударами косъ и топоровъ, и въ прудѣ отражались опять квадраты старыхъ подвальныхъ оконъ.

Михалка, возвращаясь подъ вечеръ съ поѣзда, въѣхалъ на мостъ съ кулиги и невольно остановилъ лошадь. На знакомомъ мертвомъ бугрѣ шевелились бѣлыя фигуры.

— Навожденіе!—прошептали его поблѣднѣвшія губы, и онъ со всей силы хлестнулъ пѣгашку и ни живъ, ни мертвъ добрался домой.

— Сотиха-то губернатору нажаловалась!—встрѣтила его Авдотья Тарасовна:—онъ ей полкъ на подмогу прислалъ. Кто ей отъ помочи завтра откажется, знать, того пороть будутъ...

Михалка женѣ, конечно, не повѣрилъ, но понялъ, что на этотъ разъ въ расчетѣ ошибся, и что его подвохъ не удался. Онъ тутъ же рѣшилъ отыграться на бабьемъ довѣріи и заплатить за кудель и ленъ лишь треть посулен-

наго впередъ, въ наказаніе за легкомысленность колычевокъ, давшихъ себя переманить съ вѣрнаго заработка.

За время пребыванія въ усадьбѣ солдатики не только управились въ полѣ и на гумнѣ, но заготовили и дрова на зиму и расчистили фруктовый садъ и тѣ запущенныя дорожки, которыя помнила тетя Саша. Подвалъ былъ приведенъ въ блестящій видъ, и даже та страшная кладовая, гдѣ провела Лиза нѣсколько роковыхъ для нея минутъ, совершенно преобразилась. Въ ней за сложенными рамами оказалась вторая дверь, которую, несмотря на всѣ усилія, такъ и не удалось отпереть. Вѣрно, она тоже была завалена мусоромъ пожарища. Въ ящикахъ оказались какія-то полуистлѣвшія матеріи, расползавшіяся отъ одного прикосновенія, но зато въ самомъ большомъ былъ запакованъ цѣлый столовый сервизъ пестраго стариннаго рисунка. Чемоданы были пусты и рѣшительно ни на что не годны, но солдатики съ радостью завладѣли ими. Висѣвшіе на стѣнахъ лохмотья оказались ливреями. Съ хохотомъ напяливала ихъ молодежь и потѣшалась ихъ крупными, зелеными отъ сырости пуговицами и казавшимися нелѣпыми фалдами и обшлагами.

Впечатлѣніе отъ этой солдатской помочи на селѣ было громадное. Когда колычевцы убѣдились, что ихъ отказъ ничуть не разорилъ господъ, они почесали затылки, а когда Михалка при первомъ же расчетѣ обсчиталъ бабъ, то гнѣвъ ихъ обрушился на тѣхъ же Оринъ и Акулинъ, зачѣмъ онѣ поддались искушеніямъ скупщика. Двѣ-три изъ нихъ, въ томъ числѣ и Домна, внучка Прохора, рѣшились въ сумерки пробраться на барскій дворъ и совсѣмъ по крѣпостному бухнулись Сотовой въ ноги.

— Чтобъ ему, рыжему дьяволу, въ нашихъ льнахъ удавиться!—вопили онѣ:—мы и сами не больно вѣрили ему и другихъ остерегали, да нешто одна противу сорока пойдешь? Дѣвонки наши ажъ рехнулись, какъ онъ свои турусы распустилъ. И того, и сего наобѣщалъ, и денегъ, и угощеньевъ, а какъ мужикамъ еще и ведро выставилъ, тѣ, виницa нахлеставшись, и совсѣмъ озвѣрѣли. До смерти заколотить пообѣщали, кто супротивъ міра пойдетъ. Мы и

шелохнуться боялись, хоть и чуяли, что это одинъ подвохъ... Ужъ вы, матушка, будьте милостивая! Не взыскивайте съ насъ, глупыхъ! Одна вы у насъ кормилица! заступа наша вѣковѣчная! Ужъ берите насъ на работу снова, когда понадобится, мы вамъ и словечкомъ перечить не будемъ!

Александра Николаевна обласкала и обнадежила бабъ, и онѣ съ гостинцами для ребятъ за пазухой вернулись во-свояси.

Въ воскресенье она съ Лизой отправилась въ церковь. Толпа, какъ ни въ чемъ не бывало, вѣжливо разступилась передъ помѣщицей. Ставъ на свой коврикъ, Сотова горячо поблагодарила Бога за нежданно посланнаго ей избавителя въ густыхъ эполетахъ, а Лиза усердно молилась, чтобы земская управа не задерживала бумаги и „онъ“ поскорѣе получилъ обѣщанное мѣсто. Она сразу по уходѣ солдатъ откроетъ школу, и жизнь получитъ наконецъ тотъ смыслъ и цѣль, о которыхъ она мечтала еще на институтской скамьѣ. Она будетъ развивать духъ и разумъ, а онъ врачевать недуги. Что же можетъ быть лучше? рука объ руку со своимъ избранникомъ она будетъ служить родному народу...

И на душѣ у нея было свѣтло и хорошо, точно дѣйствительно слова отца Никанора: „Миръ вамъ!“ вливали его въ сердце вмѣстѣ съ красивой второй отвѣчавшаго на клиросѣ солдатскаго хора: „И духови твоему!“

XIII.

И, прервавъ блаженства грезы,
Содрогнется ясный сводъ,
И, какъ огненныя слезы,
Звѣзды падаютъ съ высотъ...
(„Звѣзды“. М. К.).

Когда тетя Саша послѣ обѣдни предложила Лизѣ сдѣлать Трынинымъ визитъ сегодня же, не откладывая въ долгій ящикъ, благо и лошади, и Митя свободенъ, она съ покорностью согласилась. Домъ полковника стоялъ въ двухъ шагахъ отъ докторскаго, и хоть въ окнѣ промелькнетъ, быть можетъ, „его“ красивая голова.

У Трыниныхъ было въ сборѣ все полковое общество. Луиза Өедоровна весьма обрадовалась визиту Сотовой и церемонно перезнакомила „генеральшу“ съ другими дамами. Лизу нѣсколько шокировала развязная манера нѣкоторыхъ изъ нихъ, нарочно ухарски курившихъ папиросы и дававшихъ понять, что имъ, въ сущности, „полковница“ нисколько не импонируетъ, а „генеральша“ такъ еще меньше. Зато одна привлекла всѣ ея симпатіи. Это была неловко одѣтая, скромная барынька, жена штабсъ-капитана Мартынова. Видно было, что ея присутствіе въ этомъ стрекочущемъ обществѣ пытка для нея. Наконецъ, она не выдержала и встала.

— Ужъ отпустите меня, Луиза Өедоровна, у меня душа не на мѣстѣ. У Сонечки второй день жаръ.

— Я и не думаю держать васъ, милая Марья Антиповна, я никого не задерживаю. Уходите, если вамъ нужно.

— Такъ ужъ вы извините.

Она встала и, поспѣшно раскланявшись, вышла. Лиза въ окно видѣла, какъ черезъ минуту, высоко подобравъ платье и обнаруживъ свои стоптанные каблуки, она переходила черезъ лужи.

Поджатыя губы полковницы и ехидныя улыбочки остальныхъ говорили, что, не будь тутъ Сотовой съ Лизой, вся компанія пустилась бы въ жестокую критику вышедшей, и только присутствіе постороннихъ сдерживаетъ острое желаніе посплетничать и мѣшаетъ выносить соръ изъ полковой избы. Колычевскія дамы встали, въ свою очередь. Луиза Өедоровна на прощанье заявила:

— 8-го сентября нашъ полковой *„праздникъ“*, и я надѣюсь, вы не откажете пріѣхать на балъ. Впрочемъ, вамъ будетъ послано офиціальное приглашеніе.

Александра Николаевна поблагодарила. Лиза присѣла, и онѣ ушли, сославшись на визитъ къ Адріановымъ.

— Благодарю покорно! Недоставало этихъ баловъ! Все общество ихъ — сплошной ужасъ. Я ни за что не поѣду.

— Нельзя, Лизанька! Ты обидишь полковника, а мы ему очень обязаны. Подумай, что бы я дѣлала безъ его солдатъ?

———

— Чего онѣ перемигивались, когда вышла Мартынова? Воображаю, какъ онѣ костятъ теперь насъ съ тобою.

— Въ провинціи всегда такъ. Безъ сплетень и жизни нѣтъ.

Въ окнахъ докторскаго домика было пусто, но когда они вошли къ Адріановымъ, Лиза уже изъ передней уловила голосъ Яшнева, говорившаго: „Ради спасенія тысячъ нечего церемониться съ единицами? Да, это я говорилъ и не отрицаю".

— Ловлю васъ на словѣ,—произнесъ Коровкинъ.

Разговоръ оборвался. Лиза, сдерживая радостную лучистость взгляда, уже здоровалась съ Анной Павловной.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—обрадовалась та.

— Вотъ убѣдите вы,—обратилась она къ Лизѣ,—этого несноснаго упрямца взять на себя роль чтеца въ нашемъ концертѣ. Онъ ломается хуже всякаго приготовишки.

Лиза вспыхнула.

— Какъ такъ? вы отказываетесь? Почему?

— Не терплю этихъ всѣхъ любительски-мучительскихъ затѣй, только деньги изъ публики выкачиваютъ.

— Какъ мило, Lise! обидьтесь! У насъ всѣ согласны участвовать, и наши учителя, и жена мирового, и дочь исправника, и Lise, и я, — одинъ вы не хотите...

— Если у тебя, матушка, всѣ участвуютъ, то кто же слушать-то будетъ? Не другъ же съ друга вы деньги собирать будете, — возразилъ инспекторъ. — Бросьте лучше всю эту затѣю. Еще и школу-то разрѣшать ли?

— Помилуйте, почему же нѣтъ?—вмѣшался Коровкинъ.

— А потому, что на это вотъ какъ нынче смотрятъ!—и Петръ Петровичъ комично скосилъ глаза.

Лиза весело разсмѣялась.

— А я вотъ тоже хочу школу открыть и цѣлое лѣто все собиралась посовѣтоваться съ вами, какъ это устроить.

Василій Игнатьевичъ вскинулъ на нее глаза и прищурился. Петръ Петровичъ поправилъ пенснэ.

— На что это вамъ, милая барышня, школа понадобилась? Коровкинъ, вонъ, имя свое на родинѣ увѣковѣчить хочетъ, а вы-то для чего ее затѣвать вздумали?

— Какъ для чего?—изумилась Лиза.

— Совсѣмъ не для прославленія себя,—обидѣлся Коровкинъ,—а для пользы дѣла.

— Э, полноте, батенька! Вотъ барышня, институтка наивная, можетъ въ пользу отъ школы сельской вѣровать, а вы мнѣ зубы не заговаривайте. Знаю я эти школы. Много отъ нихъ, подумаешь, пользы! Научатъ читать по складамъ да писать чуть не іероглифами, а потомъ вышли паренекъ или дѣвчонка изъ школы и все позабыли. Развѣ это толкъ? Забава да слава одна.

Лиза обомлѣла.

— И это вы, вы, Петръ Петровичъ, говорите? Вы, инспекторъ, отрицаете пользу образованія для крестьянъ?

Адріановъ расшаркался.

— Я-съ, собственной моей персоной. Потому въ томъ видѣ, какъ эти школы нынче поставлены, никакой пользы отъ нихъ быть не можетъ. Русскій мужикъ и безъ школъ не пропадетъ.

— Ошибаетесь, — тихо промолвилъ Яшневъ: — это ваши министерскія школы народу ни къ чему, но я зналъ другія, которыя имѣли бы громадный успѣхъ и будущность.

— Это вы воскресныя-то разумѣете? Да имъ давно фью-ю вышло...

— Да, ихъ, на несчастье, прикрыли. Но тамъ преподаваніе шло не безъ пути.

— Ну ужъ, отъ такого пути подальше бы уйти... и то онъ многихъ на владимирку вывелъ. Слава Богу, что ихъ прикрыли.

— Такъ если школы плохи, отчего же не попытаться поставить ихъ по-новому? Я много надъ этимъ думала. Мнѣ такъ хочется поставить школу хорошенько. Я душу бы вложила въ нее, вонъ какъ Толстой въ Ясной Полянѣ. Я даже помѣщеніе нашла. Знаете, — обернулась она къ Яшневу:— тотъ подвалъ. Онъ приведенъ теперь въ блестящій видъ.

— Подвалъ?!—Петръ Петровичъ расхохотался.—Ахъ вы, наивная дѣвица! Да неужто вы полагаете, что вамъ учебное начальство школу въ подвалѣ разрѣшитъ? Да съ васъ прежде всего потребуютъ свѣдѣній о кубическомъ объемѣ

воздуха и площади свѣта школьнаго помѣщенія! Частная школа должна строго удовлетворять требованіямъ гигіены. Нѣтъ, бросьте! Это я вамъ добрый совѣтъ даю. Не тѣ времена. Хлопотъ не оберетесь. Да и къ чему вамъ съ чумазыми ребятишками возиться? Вы цвѣточекъ, вамъ цвѣсти дана жизнь, радоваться. — И, прищелкивая пальцами, онъ запѣлъ:

Ахъ ура! ура! ура!
На балы, мамзель, пора.
Свищутъ флейты и свирѣли, —
Книжки въ печку полетѣли.

Въ продолженіе этой инспекторской рацеи Яшневъ улыбался все презрительнѣе и презрительнѣе.

— Вотъ она, наша Русь русская, — тихо вымолвилъ онъ наконецъ. — Человѣкъ, посвятившій себя педагогикѣ, какъ отъ чумы, окуриваетъ отъ нея каждаго, кто готовъ взяться за нее по призванію, а не ради карьеризма. Бросьте, Елизавета Ивановна, отсюда вы помощи не получите. Поищите другихъ путей.

Онъ взялся за шляпу.

— Куда, куда вы! — взмолилась Анна Павловна. — Lise намъ пѣть будетъ!

— Нѣтъ, Анна Павловна, намъ домой пора. У насъ вѣдь завтра рабочій день. Вѣдь мы сегодня только визитируемъ, — возразила Сотова.

— Вы въ Колычево? — спросилъ Яшневъ. — Позвольте проводить васъ. У меня больной по дорогѣ есть въ Алексѣевкѣ.

Когда они усѣлись, и коляска выѣхала на шоссе, Александра Николаевна откинулась въ уголъ и закрыла глаза. Тихо поскрипывая старыми рессорами, катился экипажъ. Былъ уже шестой часъ. Августовское солнце стояло низко, задѣвая краемъ зубчатыя вершины придорожнаго лѣса, и онъ бросалъ длинныя тѣни на изрытыя колеи. Лиза молчала. Яшневъ, съ разрѣшенія дамъ, курилъ, отводя рукой клубы дыма. Вдругъ онъ вынулъ изъ кармана небольшой пакетъ и подалъ его молодой дѣвушкѣ.

— Вашъ браслетъ. Онъ починенъ. Позвольте, я застегну.

Отъ прикосновенія его пальцевъ какая-то теплая, никогда еще неизвѣданная волна разлилась по ея рукѣ и ударила въ сердце.

— Ну, теперь все снова въ порядкѣ, и моя совѣсть чиста: я вернулъ вамъ вашъ талисманъ. Надѣюсь, его отсутствіе не принесло вамъ несчастія?

Лиза улыбнулась.

— Merci!

„Милый, милый!—подумала она:—онъ и не подозрѣваетъ, насколько дороже сталъ мнѣ этотъ обручъ“...

— Неужели вы не на шутку думаете о народной школѣ?—спросилъ черезъ минуту Яшневъ, особенно пытливо всматриваясь въ нее.

— Думала, но послѣ сегодняшнихъ разговоровъ, кажется, перестану.

— Напрасно. Можно похлопотать черезъ земство, я коекого въ управѣ знаю. А только относительно подвала этотъ шутъ правъ. Придирокъ не избѣжать. А вы, ей-ей, молодецъ. Я такого направленія въ институткѣ не ожидалъ... мысли у васъ не тряпками и кокетствомъ заняты? Это какъ-то съ понятіемъ кисейной барышни не вяжется.

— Я вовсе не кисейная барышня! — вспыхнула Лиза. — Это совершенно ложное и устарѣлое представленіе объ институткахъ.

Сзади по дорогѣ слышался колокольчикъ. Разстояніе все сокращалось. Лиза пыталась оглянуться.

— Кто это?

— Шемаевы!—отвѣтилъ, обернувшись съ козелъ, Митя.— Эхъ, милыя! — и онъ натянулъ вожжи.

Круче изогнулись шеи пристяжныхъ, и старая коляска покатилась еще быстрѣе. Александра Николаевна проснулась. Иноходецъ сзади наддавалъ, и не прошло десяти минутъ, какъ съ дверцей поровнялись оба купчика въ щегольскомъ тильбюри, запряженномъ буланымъ степнякомъ, съ бѣлоснѣжной гривой и хвостомъ.

— Ахъ, какая прелесть! — вырвалось у Лизы.

Нѣсколько времени оба экипажа ѣхали рядомъ. Степаша

не спускалъ разгоравшихся глазъ съ Лизы, хотя присутствіе Яшнева и рѣзануло его по сердцу въ первую минуту.

— Наше вамъ почтеніе!—улыбнулся тотъ.—Куда это вы на семъ буцефалѣ несетесь?

— А вы куда?—спросилъ за брата Миронъ.

— Къ страждущему. Въ Алексѣевкѣ быкъ вчера пастуха ободралъ.

— А мы лошадь пробуемъ.

— Опять новая? Эхъ, господа купцы! Никакого вамъ, счастливцы, горюшка нѣтъ! Одна забота, чтобы кто на конѣ не обогналъ. А каково кругомъ живется — дѣла ни малѣйшаго. Вотъ она, гдѣ наша сила богатырская пропадомъ пропадаетъ.

— Это что же такое? По вашему, мы, значитъ, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга? такъ, что ли? — обидѣлся Мироша.

Лиза засмѣялась.

— Неправда, каждому свое. Я увѣрена, что и вы, Миронъ Захаровичъ, да и братъ вашъ тоже много хорошаго дѣлаете, да никто объ этомъ не знаетъ.

— Чего это?—отозвался Степаша.

— Да благотвореніями занимаетесь, — иронически пояснилъ Яшневъ: — царю и отечеству на пользу.

— Вы бы лучше имя царское не поминали такъ-съ,— вымолвилъ серьезно Степанъ. — Потому его такъ... употреблять не пристало...

— Почему это? Развѣ, по вашему, я недостаточно почтительно произнесъ его?

— Да, почтительнѣе не мѣшало бы.

Лиза бросила быстрый взглядъ на купчика.

— Вы ошибаетесь, Степанъ Захаровичъ, докторъ ничего неуважительнаго не сказалъ.

Степаша осѣкся. Яшневъ протянулъ ему портсигаръ. Онъ отказался, но Миронъ, переложивъ вожжи въ лѣвую руку, взялъ папиросу.

— А вы, Степанъ Захаровичъ?.. Или—хлѣбъ-соль пополамъ, а табачокъ врозь?.. Плохой знакъ. А хотите, я сейчасъ при Елизаветѣ Ивановнѣ скажу, въ чемъ тутъ разгадка?

— Въ чемъ?—спросила заинтересованная Лиза.

— Въ томъ, что я въ глазахъ Степана Захаровича зачумленный: я, по его мнѣнію, нигилистъ.

Александра Николаевна окинула молодого доктора серьезнымъ взглядомъ.

— Не нахожу... очень ужъ не похоже...

Круглый ликъ Степаши покраснѣлъ, какъ помидоръ.

Коляска въѣзжала на улицу Алексѣевки. По указанію Яшнева, Митя остановился, докторъ, захвативъ свой мѣшокъ съ инструментами и бинтами, сошелъ. Снявъ шляпу, онъ почтительно пожалъ руки дамамъ.

— До свиданія, если позволите, я на дняхъ загляну.

— Само собою, — пригласила Сотова. — Будете устраиваться, не стѣсняйтесь; у насъ и переночевать можно. До свиданія,—обратилась она тутъ же и къ братцамъ:—спасибо за компанію. Трогай, Митя! ужъ поздно.

Послѣ такого категорическаго прощанія эскортировать Лизу долѣе было неудобно, и иноходецъ повернулъ къ городу, Яшневъ скрылся въ избѣ. Сотова со вздохомъ откинулась въ уголъ.

— Эхъ, молодость, молодость! Вотъ ты какая побѣдительница, Лизанька! Этотъ Степанъ-то, видно, не въ шутку тобой полоненъ, да и Яшневъ, кажется, неравнодушенъ. Который же изъ двухъ тебѣ по душѣ?

Лиза зардѣлась и разсмѣялась.

— Ни тотъ, ни другой!

Тетка одобрительно кивнула головой.

— И дѣло! оба тебѣ не пара. Подожди лучше. Замужество не шутка. Это я, вѣрно, въ сорочкѣ родилась, сразу на настоящаго напала и за всю свою жизнь съ моимъ голубчикомъ Simon ни взгляда косого, ни слова дурного не испытала. А сколько у другихъ тяжелаго кругомъ бывало! сколько недоразумѣній да измѣнъ другъ другу!

И, вспомнивъ Зосю, она замолкла. Лиза тоже хранила молчаніе. Навстрѣчу неслись кусты и рощи, мелькали поляны и просѣки. Сжатыя полосы и спѣлыя нивы разбѣгались радіусами отъ дороги, и бѣлый туманъ вставалъ съ луговъ. Изъ-за расплывшейся на горизонтѣ тучи выгляды-

вала заря и разливала темное золото по сизому небу. Лиза откинулась въ свой уголъ. Прямо передъ нею свѣтилась звѣздочка.

„Не пара!.. Онъ не пара? почему?.. Если около этой звѣзды сейчасъ выступитъ другая, хоть самая блѣдная—мы пара!..“ загадала она.

Небо все темнѣло, и звѣзды загорались то здѣсь, то тамъ, но около избранной Лизою было пусто.

„Ахъ, скорѣй! скорѣй!“ твердила она про себя.

Но звѣзда сіяла одиноко ровнымъ, яркимъ, не мигающимъ свѣтомъ, въ лучахъ котораго меркли всѣ ближайшія къ ней. И вдругъ гдѣ-то высоко вспыхнула другая, еще блестящѣе, и, описавъ дугу, полетѣла и, слившись на мгновенье съ тою, погасла въ послѣднемъ пламенномъ лобзаньѣ. Дѣвушка замерла.

„Это пророчество? какое? Надо было шепнуть желаніе, и оно сбылось бы. А теперь — все конечно, все пропало... Счастья нѣтъ и не суждено...“

XIV.

Стоялъ непрерывный ропотъ зеленый
Въ паркѣ той ночью при шумѣ дождя,
Черныя тучи вились, проходя,
Качали вѣтвями липы и клены:
„Мы знаемъ, мы знаемъ!.. будутъ пролиты
Горькія слезы подъ сѣнью аллей!..“
Низко поникла листва тополей,
И въ страхѣ надъ прудомъ бились ракиты.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Они шли вдвоемъ по липовой аллеѣ. Былъ конецъ августа, и въ воздухѣ уже чувствовалась осень. Безшумно срывались желтые листья и, слегка раскачиваясь въ воздухѣ, падали на песокъ и на зеленую отаву лужаекъ.

Яшневъ только что осмотрѣлъ больницу, которую спѣшно ремонтировали, чтобы открыть къ 15-му сентября, и теперь воспользовался приглашеніемъ Сотовой и зашелъ въ усадьбу.

Лиза одна была дома. Она кончила вокализы и репетировала арію Вани изъ „Жизни за царя“ для концерта неугомонной Адріановой, когда вдругъ на террасѣ появилась

высокая и темная фигура молодого врача. Лиза увидѣла въ зеркалѣ его отраженіе и, не допѣвъ фразы, встала изъ-за рояля и пошла къ нему навстрѣчу.

„Не пара?.. пусть не пара, но другого мнѣ не надо и не будетъ“, говорила она себѣ.

За эти дни она мало спала. Нервы были приподняты. Она ждала его. Онъ просилъ разрѣшенія быть, значитъ, онъ будетъ, и это одно было важно въ жизни. Надо было ѣсть, пить, отвѣчать тетѣ Сашѣ и Кирилловнѣ, отдавать приказанія Танѣ, ласкать Сократа и Кару, но это дѣлали ея руки и языкъ, привычно, автоматично, а душа горѣла и сердце ныло однимъ желаніемъ, одною мечтою: онъ обѣщалъ, онъ будетъ. И когда онъ будетъ, случится что-то, и это станетъ началомъ другой, лучшей жизни, полной и осмысленной...

Сдерживая свое волненіе, она прошла нѣсколько шаговъ до стеклянной двери, въ прорѣзѣ которой когда-то появилась ея мать впервые подъ руку со столь нежеланнымъ въ этомъ домѣ москалемъ-мужемъ. Они поздоровались все тѣмъ же крѣпкимъ, уже привычнымъ теперь рукопожатіемъ. Онъ испытующимъ, докторскимъ глазомъ окинулъ ее.

— Вамъ не по себѣ? вы осунулись, и рука у васъ холодная...

— Нѣтъ, я здорова.

Она позвонила Таню и велѣла подать закусить. Яшневъ былъ голоденъ и съ аппетитомъ ѣлъ все, что подавали, болтая о больницѣ и о тѣхъ передѣлкахъ, которыя никакъ не желалъ исполнять подрядчикъ. Она слушала его внимательно, склонивъ головку на бокъ. Косой лучъ солнца, только что перебиравшагося на западную сторону дома, горѣлъ розовымъ пятномъ на раковинѣ ея уха и золотилъ отдѣльные выбившіеся волоски ея темной, густой, низко сбѣгавшей косы. Длинныя черныя рѣсницы были опущены, и сросшіяся дуги бровей красиво оттѣняли бѣлый, немного назадъ откинутый лобъ.

Яшневъ нѣсколько разъ пристально всматривался въ это знакомое теперь лицо, и каждый разъ она поднимала сѣрые, выразительные глаза и встрѣчала взглядъ его черныхъ, словно бездонныхъ райковъ, слегка прикрытыхъ тяжелыми вѣками.

„Ты моя!—говорилъ этотъ властный взглядъ:—я знаю, но я еще этого не скажу... рано...“

„Я твоя!—отвѣчали сѣрые глаза.—Бери меня... приказывай... у меня нѣтъ больше воли... я пойду за тобою на край свѣта...“

И черныя рѣсницы опускались, точно испугавшись выданной тайны.

Наконецъ Яшневъ закурилъ и всталъ изъ-за стола.

— Пройдемтесь!—предложила Лиза.

Они шли по аллеѣ. Оба высокіе и стройные, какъ молодые стволы.

— Что вы пѣли,—спросилъ онъ:—когда я помѣшалъ вамъ?

— Арію Вани изъ „Жизни за царя“. Развѣ вы не узнали?

— Нѣтъ, я ни разу не слыхалъ этой оперы.

— Какъ? вѣдь она самая популярная.

— А я ея все-таки не слыхалъ.

— Почему? Развѣ такъ трудно билеты достать? Насъ возили изъ института.

— Потому-то я, вѣрно, ея и не слышалъ, что я не институтка. Да, признаться, опера меня вообще мало интересуетъ.

— Опера?.. вы, значитъ, не любите музыки?

— Напротивъ... но я не люблю никакихъ условностей, а опера ими полна... Музыка мнѣ слишкомъ глубоко дѣйствуетъ на душу.

— Но какъ же вы не любите арій изъ оперы? Помните, я пѣла ее у Адріановыхъ, и ей даже съ улицы апплодировали?

— Апплодировали не ей, а вамъ. Повѣрьте, что бы вы вашимъ голосомъ ни запѣли, вамъ будутъ апплодировать... и это вы должны всегда помнить.

Она смутилась и потупилась.

— Скажите,—спросилъ онъ черезъ минуту:—вы еще не бросили мысли о школѣ?

— Нѣтъ, напротитъ! Жду не дождусь, когда вы научите меня, какъ дѣйствовать.

— Чему же вы собираетесь учить тамъ?

— Какъ чему? прежде всего грамотѣ, а потомъ Закону Божію, географіи, исторіи...

— А сами вы достаточно сильны по этимъ наукамъ?

— Я кончила институтъ съ золотой медалью,—со скромнымъ достоинствомъ подтвердила она.

— И будете обучать, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней, а въ седьмой отдыхалъ; что на Руси порядка не было, земля была велика и обильна, но славяне призвали князей, и миръ водворился, и Русь процвѣтать начала. И на картѣ будете эту Русь показывать, и границы по тѣмъ землямъ указателемъ проводить, которыя и посейчасъ русскими себя признавать не согласны. Такъ вѣдь?

Лиза широко раскрытыми глазами смотрѣла на своего собесѣдника.

— Я васъ не понимаю.

— Очень жаль! Я только хочу сказать, что если вы ребятамъ этимъ старымъ хламомъ головы набивать собираетесь, то, ей-ей, хлопотать о школѣ не къ чему.

— Какъ такъ?

— Да очень просто! Неужели вы въ ваши восемнадцать лѣтъ не потрудились ни разу отнестись критически ко всей этой трухѣ, ни разу не спросили себя: да полно, такъ ли это все было? Есть ли въ этомъ смыслъ и логика? Да позвольте, неужели вы настолько наивны, что даже подобный, любому ребенку впору естественный и простой вопросъ не возникалъ у васъ: какъ такъ Богъ сотворилъ свѣтила только въ четвертый день? Ну, а въ первые-то три дня откуда же были безъ нихъ день и ночь?

Лиза опѣшила. Яшневъ, крутя бородку, съ усмѣшкой смотрѣлъ на нее.

— Ну-съ, а какъ же это славяне отправились за морекъ норманамъ просить князей? На какомъ же языкѣ они объяснялись? и какъ могъ народъ сразу покориться иноземцамъ, которые ни аза по-славянски не мараковали?.. Вонъ вы Польшу, Туркестанъ, Финляндію и Кавказъ съ его 60-ю разноязычными племенами русскими величать привыкли; васъ учили, что всѣ эти страны были облагодѣтельствованы русскими, сумѣвшими завоевать ихъ, а я доподлинно знаю, что каждая изъ нихъ къ богу своему на своемъ непонятномъ намъ, русскимъ, языкѣ денно и нощно вопіетъ о

ниспосланіи своимъ нареченнымъ благодѣтелямъ труса, потопа, огня, меча, междоусобныя брани и нашествія иноплеменниковъ, которые насъ за всѣ благодѣянія наши себѣ подъ нози покорили бы, а ихъ объявили бы вновь независимыми. Вотъ въ вашихъ жилахъ течетъ польская кровь. У васъ и дѣдъ, и бабка, и мать были чистокровные поляки. Скажите, если бы дѣдъ вашъ былъ казненъ русскими на вашихъ глазахъ за то, что любилъ не Россію, угнетавшую его родину, а до послѣдняго издыханія оставался вѣренъ этой презираемой и преслѣдуемой Польшѣ, чтобы вы дѣлали? Какъ бы отнеслись къ нему? Вы — русская по фамиліи и вѣрѣ? Вы бы должны были рукоплескать палачу, казнившему измѣнника? Вѣрно?..

Лиза молчала. Она стояла, прислонясь къ стволу. Блѣдными губами она прошептала:

— Но вѣдь этого никогда не было? Этого и быть не могло!

Онъ усмѣхнулся, и его вѣки еще тяжелѣе опустились на темные райки.

— Видите ли, вамъ 18 лѣтъ, а васъ держатъ какъ ребенка. Вы живете подъ стекляннымъ колпакомъ, не вѣдая, что творится въ двухъ шагахъ отъ васъ. И вы считаете себя въ правѣ браться за чужое воспитаніе и обученіе? Повѣрьте мнѣ, васъ обучали люди, знавшіе многое, что считали сами за лучшее скрывать отъ васъ. Васъ обманывали, завѣдомо умалчивая или искажая истину, потому что находили, со своей точки зрѣнія, такъ выгоднѣе и спокойнѣе. Ну, а вы?.. Не зная и сотой доли того, что долженъ знать всякій сознательный человѣкъ, имѣете ли вы нравственное право браться руководить чужою душой, чужимъ разумомъ, въ которыхъ, быть можетъ, всѣ эти никогда не возникавшіе у васъ вопросы давно уже сами проснулись, или же были заронены кѣмъ-нибудь постороннимъ? Какой авторитетъ будете имѣть вы у своихъ учениковъ, если на ихъ пытливыя исканія станете отвѣчать готовыми отвѣтами педагогическаго катехизиса, преемственно переданнаго древними схоластиками: не твоего ума дѣло... много будешь знать,—скоро состаришься... долби и не разсуждай... Вѣрьте мнѣ, никакого

проку отъ вашего преподаванія не будетъ. Вы думаете, что педагоги вродѣ Адріанова авторитеты для гимназистовъ? Нисколько. Всякій мало-мальски развитой мальчуганъ презираетъ его въ душѣ и учится всей этой требухѣ только во избѣжаніе журнальнаго частокола и чтобы поскорѣе отвязаться отъ неизбѣжнаго школьнаго кошмара...

Лиза молчала. Она чувствовала, какъ что-то внутри ея рухнуло. Она вдругъ показалась себѣ такой неразвитой, необразованной, что ей стыдно стало за свою самонадѣянность. Вѣдь и Гриневъ находилъ, что ей нужно пополнить образованіе и итти на курсы. Дашева это лучше поняла. Но вѣдь еще не поздно: курсы открываются 15-го сентября, еще можно поспѣть. И робко поднявъ глаза на Яшнева, она сказала:

— Я и сама сознаю, что мой институтскій дипломъ недостаточенъ. Я думаю, лучше всего поступить мнѣ на курсы...

— Ну, знаете,—пожалъ плечами докторъ:—это было бы отличнымъ дѣломъ, живи вы въ Петербургѣ, но теперь вамъ придется ломать для нихъ всю жизнь. Мнѣ кажется, есть иной, болѣе легкій и столь же дѣйствительный путь для самообразованія—это серьезное чтеніе. Скажите, вы много уже читали и любите серьезные книги?

До сихъ поръ Лизѣ казалось, что она любитъ читать. Въ институтѣ она пользовалась каждой удобной и неудобной минутой, читая явно въ рекреаціи и тайкомъ во время уроковъ и въ дортуарѣ, съ рискомъ ежеминутно попасться классной дамѣ и быть записанной въ штрафной журналъ. Она читала все, что ни попадалось ей подъ руку, по-русски и по-французски и даже по-нѣмецки, но это были или романы, или путешествія, или классики. Можно ли было назвать эти книги серьезными? И она снова робко отвѣтила:

— Я люблю читать, но то, что читала до сихъ поръ, особою серьезностью не отличалось.

— По крайней мѣрѣ откровенно. Ну-съ, если бы вы рѣшили теперь приняться за болѣе основательное чтеніе, я могъ бы отъ времени до времени снабжать васъ надлежащимъ матеріаломъ. Мнѣ было бы даже крайне интересно прослѣдить тѣ вопросы, которые пробудятся въ вашей душѣ

подъ его вліяніемъ. На меня вы дѣлаете впечатлѣніе дѣвушки одаренной, но совершеннаго ребенка, глядящаго на жизнь сквозь чужія, навязанныя вамъ очки, и меня интересуетъ, какъ будетъ совершаться постепенная эволюція вашего міровоззрѣнія, когда раздвинется завѣса, мѣшающая видѣть вамъ предметы и жизнь въ ихъ широкомъ свѣтѣ. Если хотите, я привезу вамъ кое-что въ слѣдующій разъ. А пока,—онъ взглянулъ на часы:—мнѣ пора на постройку. Да, одинъ вопросъ: какъ относится ваша достоуважаемая тетушка къ выбору книгъ для вашего чтенія?

— Никакъ!—Лиза улыбнулась.—Тетя, какъ и во всемъ, предоставляетъ мнѣ полную свободу.

— Значитъ, никакого контроля? Тѣмъ лучше! А то обыкновенно надъ барышнями, подобными вамъ, трясутся и запираютъ подъ замкомъ всякую опасную книжку, боясь раньше замужества посвятить ихъ въ прозу, или, вѣрнѣе, въ правду жизни.

. . . .

Когда онъ свернулъ налѣво по поперечной аллеѣ къ селу, Лиза обхвативъ стволъ послѣдней въ ряду липы, долго смотрѣла ему вслѣдъ; ея взглядъ не могъ оторваться отъ его стройнаго облика, исчезавшаго въ дымкѣ полуяснаго осенняго дня. Да, она не даромъ ждала его такъ нетерпѣливо! Онъ дастъ ей тотъ смыслъ жизни, котораго она давно жаждетъ.

Онъ сумѣетъ руководить ею и подготовить ее къ настоящей плодотворной дѣятельности... Боже мой! какое счастье найти такого руководителя здѣсь, въ этой глуши! Она всѣмъ сердцемъ благодарила судьбу за явное благоволеніе къ ней. И онъ не обманется,—она будетъ достойной его ученицей и оправдаетъ его мнѣніе о своей одаренности.

XV.

„Какъ у нашихъ у воротъ...“
Звучитъ все лише и задорнѣй,
И, ободряемая дворней,
Танюша лебедью плыветъ.
То поманитъ улыбкой сладкой,
То ласково сверкнетъ глазкомъ.
А парень вертится волчкомъ,
И роетъ землю каблукомъ,
И мчится бѣшеной присядкой...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Впервые мысль о прошломъ, о панѣ Романѣ и его судьбѣ забродила въ этой темной головкѣ. Лиза съ нетерпѣніемъ ждала тетку съ работы и, не выдержавъ, пошла ей навстрѣчу. Ей неудержимо захотѣлось немедленно разспросить ее, куда дѣлся дѣдъ, о которомъ она ни отъ кого не слышитъ ни слова, несмотря на его долголѣтнее управленіе Колычевымъ. Какъ ни пыталась она иногда разспрашивать Прохора, но беззубый, шамкающій ротъ старика тайны не выдалъ. Крестьяне тоже словно воды въ ротъ каждый разъ набирали. Только однажды довелось услышать Лизѣ, что „крутенекъ старикъ панъ былъ, ни правому, ни виноватому спуску не давалъ, да слава те, Господи, спасибо царю-батюшкѣ, отошли тѣ времена на вѣки вѣчные“...

Лихая пѣсня слышалась вдали. Это шли съ работы батраки и солдатики.

Днемъ я хлѣба не пекла, печи не топила...

выводилъ запѣвало, теноръ Андрейчукъ.

Въ городъ съ ранняго утра мужа проводила...

подхватывалъ хоръ.

Два лукошка толокна отнесла къ сосѣду...

продолжалъ теноръ.

Накупила я вина, созвала бесѣду...

откликались ему остальные голоса.

Завтра солдатики возвращались въ городъ. Усадьба снова опустѣетъ. Начнется тихая, однообразная жизнь, но Лизѣ эта тишина казалась отнынѣ желанной. Ей предстоитъ большой трудъ. Она будетъ читать не только то, что Яшневъ будетъ приносить,—она напишетъ Дашевой,

чтобы та высылала ей всѣ курсовыя лекціи, и она такимъ образомъ окончательно пополнитъ свои умственные недохваты.

На дорогѣ показалась кучка бѣлыхъ солдатскихъ гимнастерокъ, среди которыхъ рѣзко выдѣлялись цвѣтныя рубахи батраковъ и пестрыя платья работницъ. Поровнявшись съ барышней, всѣ скинули шапки.

— Гдѣ барыня?—спросила Лиза.

— Онѣ въ объѣздъ черезъ Кожино ѣдутъ,—отвѣтилъ Митя.

Лиза дала пройти рабочимъ и тихонько пошла сзади. Она видѣла, какъ отъ бѣлыхъ рубахъ отдѣлилась одна, и тотчасъ пестрый сарафанъ Аниски тоже пропустилъ остальныхъ впередъ. Работники скрылись за поворотомъ, и рукавъ рубахи обнялъ станъ батрачки.

Лиза еще замедлила шагъ и свернула на межу, чтобы не нарушить воркованіе парочки. Черезъ поля она добралась до лазейки въ боярышникѣ, которая такъ и не заростала. На расчищенныхъ солдатами дорожкахъ французскаго сада было темно и сыро. Ниши въ шпалерахъ, гдѣ когда-то стояли чугунныя узорныя скамьи со сторожившими ихъ нимфами и амурами, были пусты. Лизѣ вдругъ сдѣлалось жутко. Ей даже подумалось, что въ одной изъ нихъ притаилась какая-то фигура, и она, прибавивъ шагу, почти бѣгомъ направилась домой. Фигура проводила ее глазами до поворота и, держась сторонкой, вернулась къ той же лазейкѣ.

Въ уютной столовой стараго дома тетя Саша сидѣла за чаемъ. Въ углу у отдѣльнаго столика пристроилась со своей расписной чашкой Кирилловна.

Лизѣ ужасно хотѣлось навести разговоръ на прошлое, но она рѣшительно не знала, какъ подступиться къ теткѣ. Ей почему-то казалось, что первая же фраза нарушитъ миръ этихъ стѣнъ, гдѣ такъ успокоительно шумѣлъ стариннаго фасона самоваръ и мягко покачивался маятникъ въ длинномъ стеклянномъ футлярѣ. На колѣняхъ у Кирилловны громко мурлыкалъ полосатый любимецъ Кротикъ. Со двора доносились звуки гармоники и топотъ пляшущихъ ногъ.

— Экъ стараются!—улыбнулась старуха,—на послѣдкахъ-то.

Барыня подняла голову.

— А вѣдь скучно, пожалуй, безъ нихъ теперь покажется? Опустѣетъ Колычево.

— Да что жъ подѣлаешь, матушка, коли ихъ назадъ требуютъ. Дѣло они все дочиста передѣлали, только бы болтались зря. Это въ тѣ времена, была не была работа, людскія да застольныя дворовыми кишѣли. У иного и дѣла-то всего было, что на ларѣ поджавшись сидѣть да всю жизнь одинъ чулокъ вязать. А къ чему столько людей? Были бы руки здоровыя да охота, такъ долго ли съ работой управиться-то?

Тетя Саша вздохнула.

— А все-таки какъ я Горки вспомню, тепло жилось...

— Какъ ни тепло при тетенькѣ вашей, царство ей небесное! А вотъ здѣсь въ Колычевѣ тепла, поди, не много было. Развѣ на конюшнѣ у поляка горячо порой бывало.

Лиза подняла голову. Кирилловна осѣклась. Она сбросила кота съ колѣнъ и засуетилась.

— Экъ его забираетъ! Надо пойти посмотрѣть. Это Андрейчукъ.

Она вышла.

— Тетя, — тихо сказала Лиза, едва закрылась за Кирилловной дверь: — это она на покойнаго дѣдушку намекала? на маминаго отца?

— Не знаю, голубчикъ.

— Тетя, отчего объ немъ никто со мною говорить не хочетъ. Вѣдь я ужъ не маленькая. Если и было въ его жизни, что скрывать нужно, отчего ты сама мнѣ этого не разскажешь? — Она встала и поцѣловала тетку. — Онъ былъ замѣшанъ въ польскомъ возстаніи?

Александра Николаевна отвѣтила на поцѣлуй Лизы.

— Да!

— Его казнили?

— Съ чего ты взяла? Кто это сказалъ тебѣ?

— Тетя, умоляю, скажи: его казнили? Да?.. за что?

— Лиза, ты напрасно затрагиваешь эти старые вопросы. Къ чему бередить затянувшіяся раны?

— Я хочу знать правду, тетя! — Она стала на колѣни и обняла ее за талію. — Неужели ты думаешь, что хорошо вѣкъ оставаться слѣпыми, какъ новорожденные котята!.. Я понимаю, дѣдушка былъ замѣшанъ въ польскихъ дѣлахъ, и его казнили... разстрѣляли... а можетъ быть,—она поблѣднѣла,—повѣсили?..

Александра Николаевна подняла за подбородокъ ея бѣлое, какъ платокъ, лицо.

— Если ты непремѣнно хочешь знать истину,—его приговорили къ смертной казни, но онъ самъ въ тюрьмѣ покончилъ съ собою.

— Самъ?.. самоубійствомъ?.. Ужасно!—прошептала Лиза и вскочила на ноги. — И все-таки лучше, чѣмъ если бы казнили... не такъ позорно .. Но что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ заготовлялъ оружіе для польскихъ бандъ и пряталъ въ виллѣ, а когда это открылось, онъ вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ, тоже полякомъ, конечно, съ цѣлью скрыть слѣды, поджегъ ее... Ну, теперь ты знаешь все. Не выспрашивай меня больше. Мнѣ тяжело, дѣтка!

Она встала и прошла къ себѣ въ спальню.

Часы тикали. На дворѣ дробно стучали ноги плясавшихъ людей, и гармоника съ переборами охватывала залихватскую пѣсню. А Лизѣ казалось, что это дробь барабановъ, крики толпы, громыханіе позорной телѣги и лязгъ цѣпей...

— Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой, Боже мой!... слава Тебѣ, что онъ не допустилъ себя до этого, что Ты сжалился надъ нимъ и далъ ему силы поднять на себя руку, чтобы избѣжать позора...

И она упала мокрымъ отъ слезъ лицомъ на свои протянутыя на столъ руки. Въ сердцѣ ея кровь приливала словно къ горячей открывшейся ранѣ, и она до боли любила и жалѣла поминаемаго до сихъ поръ лихомъ дѣдушку-поляка.

XVI.

О, фея бѣдная! пройдетъ немного лѣтъ:
Въ рукѣ послушно-святотатной
Заблещетъ здѣсь топоръ,
И твой исчезнетъ слѣдъ,
И садъ погибнетъ ароматный.
А трупы древнихъ липъ распилятъ на дрова.
Сгоритъ въ печахъ твоя аллея.
Какія зазвучатъ здѣсь пѣсни и слова?..
Не смѣйся,—плачь, шалунья-фея...
(„Фея". М. К.).

Надвинувъ коломянковый картузъ на бекрень, Михайла Демьянычъ шелъ по старой аллеѣ вдоль парковъ въ свою усадьбу, начавшую быть извѣстной въ уѣздѣ подъ именемъ Евграфовки. Въ головѣ подъ картузомъ роились невеселыя думы. Сотова съумѣла на этотъ разъ уйти изъ-подъ его власти, а ему необходимо было, чтобы именно въ данное время она ощущала давленіе его мощнаго кулака. Нужно было, чтобы арендуемая имъ заглохшая часть колычевскаго парка находилась всецѣло въ его безконтрольномъ распоряженіи и тогда отъ старыхъ вязовъ и кленовъ не останется и слѣда: они отлично пригодятся на первое время на дрова для... онъ держалъ остальное въ тайнѣ.

Съ увитаго бобами крылечка Авдотья Тарасовна замѣтила его фигуру.

— Мамонька, Михаилъ Демьянычъ идутъ! — крикнула она въ полуоткрытую дверь. Дѣти робко прижались къ ней, но она сложила шитье и, взявъ ихъ за руки, пошла навстрѣчу.

— Иванъ Якличъ были тутъ, сидѣли, ждали да уѣхали,— сообщила она, поровнявшись съ нимъ.

— Что за отвѣтомъ пріѣзжалъ, небось?

— Не сказывали, а только просили заѣхать завтра утречкомъ. Они въ Москву собираются.

— И я поѣду. Ты мнѣ чемоданъ приготовь. Рубаху въ запасъ да сюртукъ новый положи. Може, я тамъ недѣли двѣ задержусь.

Онъ вошелъ въ горницу. Хотя къ срубу, строенному по плану Зоси, уже была прибавлена новая изба, соединявшаяся

сѣнцами со старой, но Евграфовъ находилъ помѣщеніе не по рангу себѣ и любилъ помечтать вслухъ, какъ выстроить новый двухъэтажный домъ съ „залой“, гдѣ будетъ стоять горка съ серебромъ.

На полкѣ въ углу около стараго образа красовалась съ одной стороны склеенная изящная голубая ваза, съ другой — голова статуи съ отбитымъ узломъ прически.

— Убери ты идолицу поганую!—говаривала не однажды Агаша, но ея сынокъ только ухмылялся.

— Ничего вы, маменька, не понимаете! Это сувениръ, а ихъ наравнѣ съ иконами почитать слѣдуетъ, потому они тоже священны. Крестишься на образъ, а не на вещь, рядомъ лежащую. Это моимъ дѣтямъ о прежнихъ господахъ на память. Дѣтей смолоду старыя времена уважать учатъ, тогда они изъ повиновенія ни въ жисть не выйдутъ.

— Тебя вонъ, стало, вѣрно, недостаточно учили,—ворчала старуха.—Неслухъ! вотъ погоди,—вырастутъ свои, такъ покажутъ.

Но Михалка сверкалъ въ отвѣтъ зелеными глазами.

— Ну, это мы еще поглядимъ! Я не изъ тѣхъ, кого не слушаются.

На столѣ пыхтѣлъ самоваръ. Михайла Демьянычъ снялъ картузъ, повѣсилъ его на гвоздь и усѣлся въ единственное кресло. Остальные размѣстились на лавкахъ. Нѣсколько минутъ шло молчаливое чаепитіе. Слышно было только, какъ трещалъ на зубахъ сахаръ, да Даничка, поставивъ локти на столъ, усердно дулъ на блюдце.

— А Сотиха-то знатно выкрутилась!—прервалъ молчаніе самъ. — Не то что въ полѣ, съ садомъ управились,—дорожки, на осень глядя, расчистили. Въ подвалѣ даже стекла вставили, вѣрно, отъ старыхъ оранжерей запасныя рамы нашли. Налей-кось еще!—и онъ протянулъ чашку къ женѣ.

— Что жъ вы заходили къ ней.

— Чего я полѣзу? Экъ спросила, дура! Просто въ садъ зашелъ. По старому плану дорожки хоть и проведены, а статуевъ-то и нѣту!

— Гдѣ жъ ихъ взять? Мало ли чего не найти теперь. Сколько добра-то на пожарѣ сгибло,—замѣтила Агаша.

— Многое сгибло, а многое есть еще, да искать не умѣютъ. Вотъ кабы барыня замѣсто ссориться, мою бы руку держала, я бы и не то что статуи, а мало ли что указалъ ей. Да теперь кончено. Она первой на рожонъ полѣзла, такъ пусть и кается.

— Полно тебѣ!—возразила мать.—Чего ты крысишься-то? Чего озорничаешь? Живъ былъ бы покойникъ дѣдъ, развѣ позволилъ бы тебѣ? Небось, живо скрутилъ бы!

— А чего она другимъ людямъ жить не даетъ? Мало ей, что ли? Отъ царя три тысячи пенсіи получаетъ да съ имѣнія, почитай, не меньше! Куда ей?

— Какъ куда? А племянница? Тоже, поди, приданое надо?

— Какое ей приданое? Такую кралю и такъ возьмутъ. Вонъ Шемаевъ говорилъ намедни, только бъ отдали, а онъ ее, въ чемъ мать родила, взять готовъ.

— Такъ и пойдетъ она за купца!

— А чѣмъ же купецъ не женихъ? Гдѣ они изъ дворянъ нонеча-то? Офицеры голоперые нешто? Кто всей землей кругомъ володѣетъ-то? Нашъ братъ, а не ихніе. Эхъ, подумаешь, не купи тогда енералъ Колычева...

— Что жъ, не тебѣ досталось бы?

— А то не мнѣ? Да я вотъ клянусь,—онъ перекрестился на образъ:—ничье оно, какъ мое, будетъ!

— Чего Иродъ крестишься? слушать противно. Глаза отъ зависти зеленые стали. Тьфу!—и старуха опрокинула на блюдечко пустую чашку и положила сверху огрызокъ сахара.—Тебѣ бы вѣкъ на барыню молиться,—отъ щедротъ ея же дяденьки да братца-покойника и богатство наживать сталъ. Мало тебѣ? аль не помнишь, какъ махонькій со мною въ избѣ курной голодалъ? Господа ему и землю, и денегъ дали, и даже домъ отстроили, ровно игрушечку, а онъ спитъ и видитъ измором взять ихъ. Да на что тебѣ, кащей ты этакій, богатство ихнее? Да ты въ глаза глядѣть имъ долженъ, да дѣтей своихъ учить, какъ бы угодить имъ, да молиться о нихъ...

— Кончили, маменька?—спросилъ побѣлѣвшій отъ злобы сынъ:—ну, и идите себѣ, а я такихъ разговоровъ въ дѣт-

скомъ присутствіи себѣ не желаю. Я тутъ хозяинъ, мнѣ покойникъ имущество завѣщалъ, а вы у меня, значитъ, по моему сыновнему благорасположенію, на хлѣбахъ живете. Потому и перечить въ своемъ домѣ никому не позволю.

— Иродъ! Иродъ! — завопила Агаѳья.—Мать родную кускомъ попрекаетъ! Чтобъ тебѣ самому того же отъ дѣтей твоихъ дождаться!

И, утирая кончикомъ завязаннаго подъ подбородкомъ платка заплаканные глаза, старуха вышла.

Даничка и Таничка снова робко прижались къ матери и испуганно глядѣли на отца. Авдотья упорно и тупо молчала, Михалка крутилъ папиросу.

— Знай сверчокъ свой шестокъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Ну, чего вы, щенки, къ матери жметесь? Иди сюда, Данька!

— Не хочу!—заявилъ мальчикъ.—Ты ругаешься...

— Ха-ха-ха! Бабкинъ внукъ... Дай мнѣ дѣвчонку!—обратился онъ къ женѣ.

Авдотья посадила Таню къ нему на колѣни.

— Ну, вотъ умница, сиди! Тебѣ что изъ Москвы привезти? Куклу?

— Тутлу—повторила дѣвочка.

— Соли морской привезите,—повторила Авдотья:—вся вышла, а ножки у нея и впрямь лучше стали, посмотрите,—и она показала начавшія дѣйствительно выпрямляться ножки ребенка.

— Барскія затѣи,—процѣдилъ Михалка. — Ну, да ужъ ладно, куплю, коли вспомню... А только если мнѣ одна штука удастся,—эхъ, и заживемъ же мы съ тобою, Тарасовна! Пусть маменька по сѣрости своей никакого сочувствія не испытываетъ, а ты у меня барыней жить будешь... Къ дѣтямъ губернанку возьму... Ты что думаешь, я даромъ, что-ли, судейшѣ двѣ красненькихъ за фортупьяны отдалъ? Слышь, Танька! важно на нихъ жарить будешь! Только бы удалось...

XVII.

Ты помнишь. какъ намъ рисовали,
Бывало, пылкія мечты
Сіяніе люстры въ бальномъ залѣ
И шелкъ, и ленты, и цвѣты,
Воздушно легкіе наряды,
Ряды веселыхъ юныхъ паръ,
Улыбки нѣжныя и взгляды,
Волшебнѣе волшебныхъ чаръ?
(„Евины внучки". М. К.).

8-го сентября квартировавшій въ Горскѣ полкъ справлялъ свой праздникъ. Въ былыя времена при прежнемъ командирѣ на балъ приглашались однѣ военныя семьи. Нынче направленіе было другое, и, благодаря отчасти Адріановой, въ залѣ офицерскаго собранія рядомъ съ мундирами виднѣлись и фраки, а въ карточной за однимъ столомъ съ командиромъ винтили „шпаки" и „стрюцкіе".

Если бы кто-нибудь сказалъ зимою въ институтѣ Лизѣ, что возможность потанцовать не представится ей высшимъ блаженствомъ, что отпечатанное на бланкѣ приглашеніе на первый свой большой балъ ей захочется бросить въ печку, она бы ни за что этому не повѣрила.

Оба полковыхъ адониса рады были случаю повторить свой визитъ въ старую усадьбу и 30-го августа, прифрантившись и надушившись, направились на казенномъ рысакѣ въ Колычево.

Лиза не пошла въ церковь, хотя и собиралась помолиться за государя въ день его ангела. Она заснула подъ самое утро, просидѣвъ всю ночь надъ романомъ Чернышевскаго, принесеннымъ Яшневымъ наканунѣ въ числѣ прочихъ книгъ. Докторъ забѣжалъ буквально на минуту, пожалъ ей руку и передалъ довольно увѣсистый пакетъ. Лиза проводила его по желтѣющей уже аллеѣ, и вернувшись домой, нетерпѣливо развязала книги.

Тутъ была „Исторія цивилизаціи Англіи" Бокля, Дарвинъ, Джонъ-Стюартъ Милль, „Самодѣятельность" Смайльса и „Что дѣлать" Чернышевскаго. Лиза раскрыла Бокля,— показалось интересно, прочла двѣ страницы Дарвина,— очень ужъ научно. „Самодѣятельность" она проглотила

сразу и засѣла за „Что дѣлать". Форма романа, путанное изложеніе, поминутныя отступленія и обращенія къ читателю охлаждали интересъ, но она рѣшила не откладывать книги.

„Онъ принесъ,—значитъ, интересно, значитъ, надо прочесть, понять, изучить"...

И она добросовѣстно читала и старалась уловить смыслъ эзоповскаго языка, разобраться, почему эта книга подъ запретомъ, почему въ институтѣ самое заглавіе ея пользовалось репутаціей пугала? Читала и не понимала. Все самыя обыкновенныя вещи: проповѣдь личнаго и общественнаго счастья, какъ и вездѣ въ романахъ. Что жъ тутъ такого? Героиня казалась ей скучной и сентиментальной, герои придуманными. Одинъ Рахметовъ заинтересовалъ было. Она отъ души жалѣла о своей глупости и неразвитости. она готова была плакать о своемъ разочарованіи.

„Нѣтъ, я не доросла! я дѣйствительно отсталая, замаринованная институтка. Я не въ силахъ углубиться, отсюда и непониманіе. Когда увижу „его", попрошу разъяснить мнѣ, въ чемъ дѣло. Развѣ трудъ не старое условіе счастья? Развѣ уваженіе къ личности не встрѣчается въ каждой настоящей семьѣ? Вѣдь и въ институтѣ и эти отсталые учителя, и классныя дамы не твердили развѣ ежедневно, что въ трудѣ смыслъ и не только цѣль, но и отрада жизни? Что же новаго въ этомъ знаменитомъ романѣ? То, что мужъ жертвуетъ собою ради вспыхнувшаго у жены чувства къ другому? Что жена, лишь слегка поломавшись, мирится съ его комбинаціей ложнаго самоубійства? Да, вѣдь, все это верхъ эгоизма. Неужели она поступаетъ настолько хорошо, чтобы слѣдовать такому примѣру? Счастье на лжи и фальши?.. Богъ съ нимъ. Все должно быть основано на правдѣ, а ея-то въ романѣ и нѣтъ. Это не жизнь, а вымученная фантазія, скучная, вялая, хотя и хочетъ рисовать радости жизни, потому что много говорится о танцахъ и музыкѣ".

Нѣтъ, Лиза бы жить такъ въ какихъ-то стеклянныхъ, общихъ домахъ ни за что бы не согласилась. Это вышло бы вродѣ института... Довольно... Лучше пожертвовать своею любовью и помнить данный въ церкви супружескій обѣтъ,

какъ Татьяна Пушкина... Сравнить ее съ этой приторной, нудной Вѣрой Павловной... „Боже, какое извращеніе“, подумала она и заснула.

А въ окно уже брезжилъ свѣтъ осенняго утра и снилось ей, что ей тоже приходится строить свою жизнь на такой же фальши... Никогда... никогда...

Таня вошла разбудить барышню. Вставленная съ вечера въ подсвѣчникъ цѣлая свѣча догорѣла до основанія. Изъ-подъ подушки высовывался кончикъ книги.

— Барышня—позвала горничная.

— Я спать хочу. Отстань.

— Къ обѣднѣ сами разбудить приказывали. Тетенька уже чай кушаютъ.

— Отстань! у меня голова болитъ.

— Оставь, Таня!—послышался голосъ изъ смежной столовой.—Я помолюсь за насъ обѣихъ.

Тетя Саша ушла въ церковь, а Лиза снова уснула, на этотъ разъ крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

— Барышня! гости...—раздался шопотъ Тани надъ ея ухомъ. Лиза сѣла въ кровати и протерла глаза.

— Какіе гости? такую рань?

— Гдѣ тамъ рань, уже двѣнадцать часовъ пробило... Офицеры, что намедни съ Адріановыми были.

Лиза велѣла провести ихъ въ кабинетъ, а сама спѣшно одѣлась.

Тетя Саша задержалась у матушки, и ей поневолѣ приходилось разыгрывать любезную хозяйку, хотя мысли ея были полны Чернышевскимъ.

Левкевичъ, крутя длинный усъ, щелкнулъ адъютантскими шпорами, а Флинтъ вручилъ ей приглашеніе. Къ удивленію адонисовъ, молодая дѣвушка вовсе имъ не была обрадована.

— Право, не знаю, свободна ли будетъ тетя.

— Ничего, васъ Анна Павловна шапронировать можетъ.

— Да у меня и платья бальнаго нѣтъ.

— Это вамъ живо портниха адріановская сошьетъ,— утѣшилъ Левкевичъ, близко знакомый съ порядками инспекторскаго дома.

— Едва ли она успѣетъ... Да тетѣ и такъ хлопотъ много...

Но вернувшаяся тетя Саша не поддержала племянницы. Напротивъ, она очень любезно поблагодарила молодыхъ людей въ утвердительномъ смыслѣ, и приглашеніе было принято. Левкевичъ тутъ же взялся прислать портниху, о чемъ, оказывается, у нихъ уже впередъ было условлено съ Анной Павловной, и Лизѣ оставалось только вздохнуть въ отвѣтъ.

— Что съ тобою?—замѣтила Александра Николаевна по отъѣздѣ офицеровъ.—Здорова ли ты?

— Совсѣмъ здорова, а только ужасная неохота тащиться на этотъ глупѣйшій балъ.

— Господи, какія чудныя нынче барышни! Я на твоемъ мѣстѣ до потолка отъ восторга прыгала бы.

— Да вѣдь скучно будетъ. Одна полковница чего стоитъ.

— Не съ нею же ты танцовать будешь?..

Портниха пріѣхала на другой же день. У Сотовой былъ заготовленъ цѣлый запасъ матерій изъ Петербурга, а кружевъ были полныя картонки еще съ тетушкиныхъ временъ. Но Лизу не интересовали ни фасонъ, ни отдѣлка, и когда порниха спросила ее: „вамъ, барышня, платье съ декольте или только „колуверомъ“ дѣлать?“ она машинально, не отрываясь отъ книги, отвѣтила:

— Пожалуйста, съ колуверомъ.

По-горски, это оказался „col ouvert“, т. е. маленькій вырѣзъ на груди, который былъ сразу отмѣненъ тетей Сашей, и Лиза все съ тою же книжкой въ рукахъ мѣрила, пожимаясь плечами отъ холода, открытый бальный лифъ изъ воздушныхъ старинныхъ кружевъ и нетерпѣливо отвѣчала на всѣ вопросы: „Мнѣ все равно! дѣлайте, какъ знаете“.

Для чего, или, вѣрнѣе, для кого ей было наряжаться? Его, кому единственному во всемъ Божьемъ мірѣ ей нужно было и хотѣлось нравиться, все равно на балу не будетъ, и потому вовсе не интересно, удастся ли платье?

А оно удалось, удалось на славу, и когда Лиза вошла съ тетей Сашей въ офицерское собраніе, всѣ взгляды устремились на нее. Она была очаровательна своей простотой

безыскусственностью, отсутствіемъ сознанія производимаго ею впечатлѣнія. Ее окружили, засыпали приглашеніями, а она разсѣянно улыбалась и чуть не тремъ кавалерамъ пообѣщала одну и ту же кадриль.

Но при первыхъ же звукахъ оркестра сердце ея дрогнуло. Она любила танцы сами по себѣ, за ихъ движеніе, за ритмъ, за возможность летѣть точно на крыльяхъ, и ея ножки въ бальныхъ туфляхъ съ переплетомъ дѣлали свое дѣло помимо ея воли легко и граціозно.

„Что бы подумалъ онъ, глядя на меня теперь?—мелькнула мысль въ ея темной головкѣ съ вѣткой живыхъ розъ за разгорѣвшимся маленькимъ ухомъ. — Какой бы я ему, вѣрно, показалась пустою и ничтожной?“ Но, вспомнивъ, что у Чернышевскаго героиня тоже увлекалась танцами, она успокоилась.

А балъ шелъ, какъ всякій балъ. Вальсы смѣнялись польками, польки кадрилями, потомъ былъ кадриль-монстръ и, наконецъ, мазурка. Стучали каблуки. Гремѣли шпоры. Барыни и барышни порхали бабочками. Туалеты къ концу вечера теряли свѣжесть и прически портились.

Лиза прошла въ отведенныя дамамъ комнаты. Передъ зеркаломъ вертѣлись двѣ полковыя львицы и Адріанова, а въ углу въ креслѣ сидѣла штабсъ-капитанша Мартынова, столь понравившаяся ей на визитѣ у Трыниныхъ. При входѣ Лизы барыни переглянулись и замолчали. Очевидно, она только что служила темой ихъ разговора.

— Какая вы сегодня душка!—чмокнула ее Адріанова.— Хотя я готова въ сущности возненавидѣть васъ, — вы отбили у меня всѣхъ кавалеровъ.

— Не только у васъ, chère Анна Павловна,—обернулась m-me Павловичъ:—но и у Нины Васильевны тоже.

Она ехидно указала глазами на даму, пудрившую у туалета подведенное, длинное, какъ у лошади, лицо.

— Ну, что касается меня, я по нимъ не вздыхаю. Съ меня ихъ по сейчасъ довольно. А вотъ вы, Агриппина Ивановна, я думаю, завтра за докторомъ пошлете.

— За кѣмъ? за молодымъ Яшневымъ?—спросила та, и обѣ воззрились на Лизу.

— Онъ въ уѣздѣ. Нѣтъ, за его отцомъ.

— Фи! онъ не интересенъ. Сынъ лучше. Не правда ли, Lise?—спросила Адріанова, а львицы такъ и впились въ нее глазами.

— Не знаю, какъ для кого,—спокойно возразила Лиза.— Тетя предпочитаетъ Игнатія Львовича.

Она подошла къ трюмо и стала оправлять прическу. Въ двери постучались.

— Mesdames! Mazourka générale!—раздался голосъ дирижера. Барыни выпорхнули. Лиза осталась.

— Вы не танцуете?—спросила ее Мартынова.

— Танцую, но тамъ такъ душно! Мнѣ хочется отдохнуть. А вы?... Я не видала васъ въ залѣ.

— Я не танцую, куда мнѣ! Изъ лѣтъ вышла, да и не то на умѣ.

— Развѣ вы старше Агриппины Ивановны? Я бы не сказала!

— Не старше годами. Ей далеко за сорокъ, а какъ она отплясываетъ! Нѣтъ, у меня и безъ баловъ хлопотъ довольно. Я бы ни за что здѣсь не была, да нельзя, командирша обидится. Вѣдь у меня пятеро ребятъ. Крутишься, крутишься, чтобы концы съ концами сводить. До танцевъ ли тутъ? Ну, покажешься, къ ужину выйдешь, а то на виду у всѣхъ въ залѣ цѣлый вечеръ сидѣть и свое крашеное-перекрашеное, каждой собачонкѣ въ городѣ примелькавшееся платьишко напоказъ выставлять,—удовольствіе неважное.— Она улыбнулась.

— Вотъ, глядя на васъ, милая барышня, и сама себѣ вспоминаюсь. Такая же была, какъ съ мужемъ пятнадцать лѣтъ назадъ встрѣтилась... а теперь? Дадутъ мнѣ развѣ тридцать три года? А все наша жизнь армейская... Эхъ, милочка, не увлекайтесь вы офицерами, плохо за ними... съ хлѣба на квасъ перебиваемся, а тутъ эти клубы да вечера, да вычеты на нихъ... отъ жалованья одни гроши на руки выдаютъ. Горько...

Лиза сочувственно посмотрѣла на нее. Конечно, она казалась много старше и Адріановой, и обѣихъ львицъ. Она вся точно полиняла, хотя черты сохранили изящество линій.

— А большія дѣти у васъ?

— Старшему четырнадцать лѣтъ, въ гимназію, слава Богу, ходитъ. Спасибо полковнику, онъ за него платитъ. Они, вѣдь, оба добрые, ну, и бываешь у нихъ поневолѣ. А со слѣдующей дѣвочкой чистая бѣда: въ институтъ бы готовить надо, она уже на баллотировку записана, да готовить некому.

— Lise! куда вы пропали?—ворвалась Адріанова.—Флинтъ васъ по всему городу ищетъ. Идемте танцовать, дуся...

Мазурка гремѣла попрежнему. Свѣчи отъ жары оплывали въ люстрахъ и кинкетахъ, но Лизѣ показалось, что онѣ горятъ особенно ярко и звуки несутся задорнѣе и упоительнѣе. Въ дверяхъ стоялъ во фракѣ и въ элегантномъ бѣломъ жилетѣ Яшневъ. Сердце у нея замерло. Онъ здѣсь? какими судьбами?... Она скользила объ руку съ бѣлокурымъ поручикомъ и платьемъ задѣла молодого доктора. Онъ поклонился однимъ наклономъ своей красивой, курчавой головы...

„Боже, какъ весело! Какъ хорошо, что я послушалась тети!..“ Все озарилось, все сразу пріобрѣло смыслъ...

Въ антрактѣ онъ подошелъ къ ней.

— Ну что, какъ вамъ нравится нашъ уѣздный beau-monde? вы, кажется, очень веселитесь?

— Очень!—отвѣтила Лиза, глядя на него откровенно счастливыми глазами.

Агриппина Ивановна толкнула подъ руку Нину Васильевну.

— Regardez et admirez! Вотъ онѣ питерскія,—прямо безъ стѣсненія. Даже скандалезно.

— Чего тетенька-то превосходительная зѣваетъ? Удивляюсь!

Анна Павловна тоже повела плечами.

— Однакожъ! Надо предупредить ее хоть по дружбѣ,— она убьетъ свою репутацію.

Лиза, вовсе не подозрѣвая себя мишенью бальныхъ наблюденій, продолжала весело болтать съ красивымъ докторомъ. Удивляло ее очень, какъ онъ попалъ на этотъ балъ при столь явно высказанной вслухъ антипатіи матери-ко-

мандирши? Но приглашенія посылались всѣмъ лицамъ въ городѣ, состоявшимъ на земской или государственной службѣ, и она не подозрѣвала, что эта строгая матрона дорого бы дала быть на ея мѣстѣ и пользоваться вниманіемъ „слого" нигилиста.

За ужиномъ они сидѣли рядомъ и продолжали бесѣдовать. Лизѣ очень хотѣлось поговорить о прочитанномъ, но Яшневъ всякій разъ переводилъ разговоръ на другое. Она не понимала почему, но въ концѣ концовъ покорилась...

Подали шампанское.

— За здоровье того, кто любитъ кого!—предложилъ Яшневъ послѣ всѣхъ оффиціальныхъ тостовъ.

Она вспыхнула и чокнулась.

— Я пью за здоровье тети...

— А я за все человѣчество!..—но въ его голосѣ прозвучала злая, насмѣшливая нотка.

Тостъ былъ подхваченъ. Офицеры подходили къ дамамъ. Дамы черезъ столъ протягивали другъ другу бокалы. Лиза чокнулась съ Мартыновой.

— За вашихъ дѣтей!

— А я за того, кого вы изберете.

Она улыбнулась, но ея глаза остались грустными попрежнему. Она издали слѣдила за мужемъ. Она видѣла, какъ все больше и больше багровѣла его плѣшивая голова, и сердце ея ныло все больнѣе. О, этотъ женскій, тревожный взглядъ, слѣдящій за любимымъ человѣкомъ, когда онъ начинаетъ поддаваться дѣйствію вина! Опять запьетъ?.. что дѣлать? Подойти, отнять бокалъ? Она знала, что это невозможно, позорно. И развѣ онъ не имѣетъ права на это сегодня? на это непонятное женщинамъ особое мужское удовольствіе? Вѣдь на него онъ внесъ, какъ и всѣ товарищи, деньги... Что изъ того, если онъ отнялъ ихъ у дѣтей.

Лиза поглядѣла на нее. Скорбное выраженіе ея лица хватило ее за душу. Ей неудержимо захотѣлось высказать ей свою симпатію.

— Можно мнѣ завтра зайти къ вамъ? Мнѣ очень хочется познакомиться съ вашими дѣтьми.

— Милости прошу!—вся вспыхнувъ, отвѣтила Мартынова.

XVIII.

Съ этихъ поръ все рѣже, рѣже
Ты звучишь, какъ райскій смѣхъ.
Рѣчь все та же, звуки тѣ же,
Но родишь ты смерть и грѣхъ.
(„Слово“. М. К.).

— Боже мой, Боже мой!—говорила на другой день Лиза тетѣ Сашѣ, возвращаясь въ Колычево.—Я никогда въ жизни не предполагала, чтобы офицеры жили такъ бѣдно! Милая тетя, подумай: у Мартыновыхъ пятеро дѣтей и всего двѣ комнаты. Марья Антиповна буквально все дѣлаетъ сама. Прислуги у нихъ только одинъ денщикъ. Теперь ея старшую дѣвочку надо готовить въ институтъ, а ей совершенно некогда. Знаешь, тетя, не взяться ли мнѣ за нее?

— Что жъ, возьмись, Лизанька, дѣло доброе. Но какъ это устроить?

— Я приглашу ее къ намъ погостить, а если родители не согласятся, буду два раза въ недѣлю ѣздить давать ей уроки... Ты ничего противъ этого имѣть не будешь?

— Конечно, нѣтъ. Только какъ же ты и со школой управишься, или ты раздумала открывать ее?

Лиза вспыхнула.

— Меня всѣ отговариваютъ, пророчатъ, будто ничего изъ этого не выйдетъ.

Въ эту минуту онѣ проѣзжали мимо докторскаго дома. Внизу окна были завѣшены, но наверху изъ комнаты „мальцовъ“, гдѣ ночевала когда-то Лиза съ тетей Сашей, за коляской слѣдили двѣ пары мужскихъ глазъ.

— Эта?

— Да!

— Что же, ничего себѣ. Не щуплая, въ самомъ аккуратѣ. А какъ насчетъ приварочныхъ?

— Пентюхъ! на кой чортъ онѣ? Не въ нихъ дѣло.

— Самъ ты пентюхъ, какъ я погляжу!—говорившій откинулъ со лба длинную прядь мочально-бѣлокурыхъ волосъ и закурилъ папиросу.—На кой чортъ она, лучше спрошу я, коли безъ гроша за душою? Пойми—въ комитетѣ полное

оскудѣніе. Съ твоимъ мурломъ не за личиками, а за аржанами охотиться надо. А ты для всякой дѣвчонки фракъ напяливаешь. Мало ихъ въ коммунѣ видывалъ, что ли?

— Скажи на милость: тебя сюда для чего отрядили,— нотаціи читать, или же о дѣлѣ договориться?

— Оттого и нотаціи, что дѣла отъ тебя ни вижу, ни слышу.

— А ты не торопись,—она и есть дѣло. Безъ нея ни типографіи, ни лабораторіи намъ, какъ ушей своихъ, не видать.

— Да говори ты, шутъ, толкомъ. Довольно эзоповщины, здѣсь не предварилка.

— Эхъ, ты ругаться здоровъ, какъ послушаешь! Ты вотъ лучше „Горе отъ ума“ въ памяти поднови. Что Молчалинъ Лизѣ въ послѣднемъ актѣ проповѣдуетъ, или, вѣрнѣе, въ чемъ исповѣдуется?

— Да когда жъ ты въ Молчалина, идіотъ естественный, превратился?

— Э, батюшка, это ты да подобные тебѣ до сихъ поръ простой истины одолѣть не въ состояніи, что время вашихъ нечесанныхъ патлъ и издали, какъ маяки, видныхъ синихъ очковъ давно стало достояніемъ исторіи. Вы все напроломъ лѣзете. Стѣна,—бей въ нее лбомъ, а что отъ того ничего, кромѣ синяковъ да роговъ на лбу не выйдетъ, вамъ невдомекъ. Вы вонъ за грязные ногти да нечищенные зубы ратуете и своею грязью все дѣло губите. А я хоть и въ обходъ, а навѣрняка иду. Что за прокъ сразу всѣ карты на конъ? Нѣтъ, я вонъ сперва и за тетенькой, и за востроносой дуэньей, и даже за ея водолазомъ поухаживалъ, а теперь дѣло въ шляпѣ. Отъ меня зависитъ,—захочу, завтра же она мнѣ сама на шею бросится, а я тѣмъ времечкомъ подъ ея воркованья всѣ наитайнѣйшія дѣла наши оборудую... То-то... Ну-съ, а пока сдѣлай мнѣ милость, позволь, я тебѣ гриву сбрею, да и изъ гардероба моего позаимствуй нужное. И то ужъ въ городишкѣ кое-что пронюхивать начинаютъ, а какъ тебя въ такомъ видѣ отсюда выходящимъ замѣтятъ,—пиши всей затѣѣ пропало. Тебя кто впустилъ-то вчера?

— А старый, лысый чортъ какой-то. Вѣрно, родитель твой.

— Да, онъ. Хорошо, что не Иванъ.

Яшневъ досталъ ножницы, накинулъ гостю простыню на плечи и быстро остригъ его. Тотъ равнодушно курилъ, предоставляя товарищу полную свободу дѣйствій. Изъ сосѣдней комнаты слышались слабые стоны и скуленіе.

— Что у тебя тамъ? Я всю ночь спать не могъ, пока ждалъ тебя?

— Собака. Я ее для опыта надъ дѣйствіемъ желудочнаго сока подвергъ операціи. Надо морфія дать. Вчера я, вѣрно, забылъ, отправляясь на балъ.

Онъ вышелъ, а гость всталъ, стряхнулъ остатки волосъ и, открывъ платяной шкапъ, сталъ безъ церемоніи въ немъ рыться.

— Бѣлье у тебя гдѣ?—крикнулъ онъ гнѣвно.—Немогу я безъ манишки твои жилеты надѣвать!

— Сейчасъ!—Яшневъ вернулся, вытирая руки въ полотенце.

— Вотъ, батюшка, многіе находятъ въ женщинѣ сходство съ кошкою, а, по-моему, у нея есть чисто собачьи черты.

— Лается?

— Какое! наоборотъ! мучишь ее, вырѣзываешь заживо, трубки вставляешь, сокъ выкачиваешь, о она тебѣ же руки лижетъ.

— Охота тебѣ съ мерзостью этой возиться. Какъ ты можешь мученья эти вѣкъ свой выносить?

Яшневъ расхохотался.

— Ахъ, что за нервная у тебя, подумаешь, натура! Какъ же это ты въ террористы записался?

— Я отъ всякаго активнаго участія впередъ отказался, такъ имъ и въ комитетѣ заявилъ. Мое дѣло подготовка акта, выработка деталей, а исполнителей и безъ меня хоть отбавляй. Одна наша Сонечка чего стоитъ.

— А ты ее давно видалъ?

— Давно, она теперь съ тѣмъ, съ Тарасомъ.

— Что же, новое что затѣваютъ?

— Пока ничего, затишье. Распропагандировываютъ петербургскихъ рабочихъ.

— Отказались отъ липецкой программы?

— Кто, мы? Нѣтъ, братъ! ты давненько, видно, никого не видалъ. Программа осталась и останется та же. Со средствами собраться надо, а то на всѣ эти желѣзнодорожныя авантюры страсть что денегъ ухлопано. Тоже вотъ подъ Каменнымъ мостомъ въ Питерѣ сколько пудовъ динамита даромъ въ воду брошено.

— Чего жъ не достануть?

— Доставали, самъ Тарасъ ѣздилъ, да якоря-то эти, какъ ихъ, кошки, что ли, коротки оказались. Прѣснякова-то потомъ сцапали на Васильевскомъ. (Яшнева передернуло). Чай, слышалъ? Онъ двоихъ — дворника и городового уложилъ... Не сдобровать ему... Да, да! рѣдѣетъ, рѣдѣетъ у насъ... Плохи дѣла, братъ!

— Ну-съ, я выфрантился,—пойдемъ, погуляемъ. Покажи мнѣ свой забытый людьми и Богомъ городенокъ.

— Пойдемъ, да смотрѣть-то въ сущности нечего.

— А знаешь что? Сведи меня куда-нибудь въ гости, Мнѣ смерть побуффонить хочется. Представь меня, знаешь, какой-нибудь этакой барынькѣ. Давно я около нихъ не вертѣлся. Свои мадамши надоѣли. Чего-нибудь свѣженькаго, этакъ съ турнюрчикомъ да съ чолочкой? А?

— Въ провинціи, братъ, это болѣе чѣмъ просто, да проврешься ты, того и гляди.

— Я?! да я тебѣ такое „Боже, царя храни“ спою, что самъ исправникъ шапку сниметъ.

Яшневъ исполнилъ просьбу пріятеля и свелъ его къ Адріановымъ. Анна Павловна пришла отъ него въ восторгъ, а Петръ Петровичъ, наскоро просмотрѣвъ ученическія тетради и скомкавъ экстренно созванную педагогическую конференцію, устроилъ винтъ.

Гость забиралъ взятки, тянулъ пиво, курилъ папиросы хозяина и выпилъ съ нимъ брудершафтъ. Оба остались въ восхищеніи другъ отъ друга.

Яшневъ тоже настолько былъ успокоенъ умѣніемъ своего товарища держать себя въ обществѣ, что предложилъ ему съѣздить вмѣстѣ въ Колычево, чтобы познакомиться съ Лизой и осмотрѣть намѣченное для пользы революціи помѣщеніе.

На Лизу ихъ визитъ произвелъ странное впечатлѣніе. Ей этотъ товарищъ съ иронически прищуренными глазками и сдержанными манерами показался непріятнымъ.

„Чего онъ притворяется точно, говоритъ сквозь зубы... онъ, должно быть, совсѣмъ другой на самомъ дѣлѣ", думала она, слушая его разглагольствованія о Женевѣ и Цюрихѣ.

— Кстати,—перебилъ его Яшневъ: — позвольте мнѣ показать моему пріятелю подвалъ. Онъ инженеръ и увѣряетъ меня, что это еще небывалый въ строительныхъ анналахъ случай, чтобы при такомъ пожарѣ могъ уцѣлѣть цѣлый этажъ. Вы позволите мнѣ провести его туда?

— Съ удовольствіемъ. Я и сама пройду съ вами, мнѣ интересно слышать мнѣніе свѣдущаго человѣка.

Она сходила въ кабинетъ за ключомъ.

Товарищъ, котораго Яшневъ отрекомендовалъ Александромъ Ивановичемъ Фроловымъ, оказался дѣйствительно знающимъ и опытнымъ архитекторомъ. Онъ во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣлъ помѣщеніе, обошелъ всѣ закоулки, провѣрилъ дымоходы и поминутно цѣдилъ сквозь зубы:

„Оч-чень инте-рес-но... весь-ма наста-ви-тельно... ни-какъ не могъ пред-по-ла-гать...".

— Pardon, а эт-та дверь куд-да?—спросилъ онъ, останавливаясь у двери въ кладовой, которую не смогли открыть солдатики.

— Не знаю,—отвѣчала Лиза.

— Тамъ должна быть еще и не одна комната, судя по длинѣ насыпи; вы никого не знаете, кто могъ бы указать, что тамъ?

Лиза вспомнила, что вилла, по разсказу тети Саши, служила складомъ оружія. А что если оно и было сложено тамъ? Но она промолчала, не желая выдавать семейной тайны...

. . . .

— Чортъ возьми! да это настоящая находка! — говоритъ Фроловъ, возвращаясь вдвоемъ съ Яшневымъ въ кабріолетѣ. — Тутъ на все мѣста хватитъ. Молодецъ Васька! я тебѣ медаль за усердіе отъ комитета выхлопочу. Однѣхъ

прокламацій что заготовить можно. А чуть что, — и концы въ воду—прудъ подъ рукою... Геніально!

— А какъ тебѣ барышня моя нравится?

— Ничего, только съ нею ты наскочишь.

— На что? дуралей, да я ее вокругъ пальца обовью.

— Ошибешься въ расчетѣ. Не таковская, не наши мадамши. Эта мыслитъ. Эхъ, Васенька, вивисекторъ и врачъ ты, можетъ быть, и превосходный, да физіономистъ-то плохой. Вѣрь моему слову,—не та кровь... боярская!

— Кровь? Ахъ, ты ослица валаамская! Да въ ея жилахъ такая повстанская кровь течетъ, что мы передъ нею агнцы невинные.

И онъ разсказалъ Фролову біографію Лизы, которую зналъ отъ отца.

— Въ такомъ случаѣ беру свои слова назадъ. Дѣло козырное.... Помогай тебѣ судьба!

XIX.

Они сидѣли въ уютной портретной,
Онъ сочинялъ мадригалъ ей въ альбомъ.
На ручку бѣлую, въ думѣ завѣтной,
Она склонилась пылающимъ лбомъ.
Надъ ними въ бронзовой, выцвѣтшей рамѣ
Старикъ сердито глазами моргалъ,—
Въ альбомъ вонъ этой напудренной дамѣ
Писалъ когда-то и онъ мадригалъ...
(Изъ „пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Снова началось осеннее ненастье. Дождь съ изморосью размягчалъ почву и портилъ дороги. Сообщеніе съ Горскомъ поддерживать было трудно. Колеса и лошади увязали въ грязи, и комья глины облѣпляли ноги пѣшеходовъ.

Въ такую погоду всего охотнѣе сидится дома. Тетя Саша, отбывъ утренній удой, садилась за хозяйственные счеты въ кабинетѣ, а Лиза въ своей комнатѣ за книжки. Музыку она совсѣмъ забросила и не пѣла, ссылаясь на сипоту.

Съ Яшневымъ они видѣлись очень часто. При больницѣ у него была небольшая квартирка, гдѣ онъ ночевалъ, а къ обѣду приходилъ въ старую усадьбу. Тетя Саша привыкла къ нему, а Кирилловна въ немъ просто души не чаяла, особенно послѣ того, какъ онъ вылечилъ ее отъ отека ногъ.

Но страннымъ образомъ ни та, ни другая ни смотрѣли на него, какъ на возможнаго жениха для Лизы.

Сама Лиза такъ умѣла теперь сдерживать себя, что даже самому злонамѣренному глазу не удалось бы открыть ни малѣйшей перемѣны въ ея лицѣ, когда онъ пожималъ ея руку или неожиданно входилъ въ комнату. Слѣдить за собою Лиза стала послѣ второго же визита къ Мартыновой, къ которой зашла, чтобы условиться насчетъ занятій съ ея дочкой.

Марья Антиповна даже прослезилась.

— Господи, какая вы хорошая! Голубушка, да я въ ножки поклониться вамъ готова, а только отпустить къ вамъ Соню не могу. Она у меня за помощницу. Сама я на кухнѣ, а она съ малышами. Все-таки дѣвочки, на солдата оставлять не годится. Будь мальчики — другое бы дѣло, а дѣвочекъ нехорошо.

Лиза согласилась пріѣзжать разъ въ недѣлю съ ночевкою, чтобы въ эти два дня репетировать все задаваемое на недѣлю, и отъ Мартыновыхъ прошла къ Аннѣ Павловнѣ сговориться съ нею насчетъ еженедѣльнаго ночлега.

Та встрѣтила ее съ распростертыми объятіями.

— А я, дуся, думала, вы на меня за Яшнева дуетесь.

— Что такое?

— Зачѣмъ я тогда на балу при дамахъ о немъ помянула... Я даже съ Левкевичемъ изъ-за васъ поссорилась.

— Ничего не понимаю!

— Боже, какая вы скрытная! но напрасно. Пусть вы меня въ свои сердечныя дѣла не хотите посвящать, но ваши глаза такъ выразительны, что я все, все угадала, да и не одна я. Полковница говорила мнѣ послѣ бала, что, будь вы ея родственница, она не позволила бы молодому человѣку такъ явно завлекать васъ.

— Но, слава Богу, я не баронесса фонъ-Маусъ, и это ея не касается.

Заводить послѣ такого разговора рѣчь о ночевкѣ Лизѣ не хотѣлось, и, холодно простившись съ инспекторшей, она вернулась къ Мартыновой. Та живо устроила дѣло. У домовой хозяйки оказалась свободная комната, и Лиза ее тутъ

же наняла на всю зиму. И Александрѣ Николаевнѣ, можетъ быть, когда ночевать придется, такъ оно и кстати.

Къ ея великому изумленію, взятыя ею на себя обязанности никакого сочувствія у Яшнева не встрѣтили.

— Лишняя обуза. Охота вамъ. Это такое болото сплетенъ, вся наша военщина. Увидите, что, кромѣ чернѣйшей неблагодарности, ничего не дождетесь.

— Да я никакой благодарности и не хочу, я просто взялась за эти уроки, что совершенно за программу спокойна и знаю ее. Пусть, по вашимъ понятіямъ, это все требуха, но безъ нея дѣвочку на казенный счетъ не примутъ.

— Конечно, первое условіе всякаго бюрократическаго учрежденія слѣпое повиновеніе существующей ерундѣ. Ну, желаю успѣха...

И то, что Лиза, не взирая на погоду и слякоть, ѣздила аккуратно по средамъ на занятія, злило его. Дѣвчонка съ норовомъ... а время шло. Пора было бы приняться за оборудованіе подвала, но Лиза словно начинала ускользать изъ рукъ, и онъ не зналъ, какъ подступиться къ ней съ этимъ вопросомъ.

Хотя она читала не отрываясь все, что онъ давалъ ей, хотя Дашева высылала аккуратно лекціи и списки рекомендуемыхъ на курсахъ сочиненій авторитетовъ, но вся эта новая ученость плохо укладывалась въ ея головѣ. Писарева, разрушавшаго свѣтлый міръ, созданный Гриневымъ, она прямо возненавидѣла.

„Господи, вотъ несчастный человѣкъ! Ему была недоступна никакая красота? Онъ былъ или слѣпымъ, или настолько озлобленнымъ, что ему доставляло удовольствіе, какъ дѣтямъ, ломать все прекрасное съ досады“.

Дарвинъ смущалъ ее, и она не разъ, краснѣя, захлопывала его „Происхожденіе видовъ“. Было что-то въ его ученіи, отъ чего на душѣ становилось гадко и стыдно, точно ее раздѣвали въ присутствіи постороннихъ. „Фу, какая я еще глупая! Это остатокъ институтства. Вѣдь и Дашева поминаетъ Дарвина въ своемъ спискѣ...“

Часто въ эти ненастные дни тетя Саша звала ее почитать ей вслухъ. Лиза попробовала читать Бокля, но послѣ

первыхъ же двухъ страницъ Александра Николаевна откровенно зѣвнула.

— Скучно, Лизанька! нѣтъ ли чего поинтереснѣе? Какого-нибудь романа, что ли? Вонъ въ „Нивѣ“ хорошій въ прошломъ году шелъ!

— Тетечка,—смѣялась въ отвѣтъ Лиза:—это все такой шаблонъ, впередъ знаешь, чѣмъ кончится. Я терпѣть ихъ не могу.

Тетя Саша вздыхала.

— Да, вы теперь другія. Насъ за ваши умныя книжки звали бы синими чулками. Вы точно профессора,—о чемъ говорить съ вами даже не знаешь. Придетъ Василій Игнатьевичъ, вмѣсто того, чтобы попѣть да поиграть му, вы съ нимъ философствуете. Какъ не надоѣстъ,—не пойму!

По средамъ Лизу обыкновенно сопровождала Кирилловна, которая всякій разъ забѣгала провѣдать въ казармахъ „дѣтушекъ“, т. е. тѣхъ солдатиковъ, которые проработали три недѣли въ Колычевѣ. Каждый разъ она привозила имъ домашнихъ гостинцевъ, и каждый разъ также на долю Мартыновыхъ перепадало кое-что изъ колычевской кладовой или маслобойни. Тетя Саша посылала дѣтямъ то варенья, то смоквы, то битой птицы или кадочку масла, а Лиза привозила всякихъ печеній и крендельковъ. Александра Николаевна сама надумалась пополнить тощій дѣтскій гардеробъ и усердно перешивала и перекраивала свои старые наряды на юбочки и платьица четырехъ „мартышекъ“, какъ звалъ штабсъ-капитанъ своихъ дочекъ. Самъ онъ въ присутствіи Лизы подтягивался, былъ воздержаннѣе къ вину, и на поблекшихъ губахъ Марьи Антиповны все чаще мелькала довольная улыбка, и на душѣ у молодой дѣвушки становилось все спокойнѣе и радостнѣе отъ сознанія, что ея жизнь проходитъ не безъ пользы.

Эти занятія, конечно, не остались тайною въ уѣздномъ городкѣ.

Полковница хоть и поджимала губы, но въ душѣ одобряла Лизу, зато обѣ львицы называли ее за глаза не иначе, какъ „гувернанкой“. Анна Павловна относилась также критически:

„Не дѣло свѣтской дѣвушкѣ съ ребятами возиться, точно какой-нибудь замарашкѣ!“

Очевидно, въ эти минуты всѣ высокія слова о женской самостоятельности и равноправіи испарялись изъ-подъ пышнаго шиньона инспекторши.

Лиза ни на кого не обращала вниманія, и это бѣсило кумушекъ. Съ Яшневымъ ихъ больше никогда вмѣстѣ не видали, знали, что онъ часто бываетъ въ усадьбѣ, и со дня на день ожидали помолвки или какого-нибудь скандала, но проходили дни, летѣли недѣли, и все оставалось по старому.

4-го ноября въ петербургской Петропавловской крѣпости на лѣвомъ бастіонѣ Іоанновскаго равелина снова были воздвигнуты двѣ висѣлицы. Когда подвели къ нимъ осужденныхъ, и палачъ накинулъ саванъ на перваго, второй въ послѣдній разъ обвелъ взглядомъ мутное небо мутнаго, безцвѣтнаго зимняго дня, и вдругъ ему вспомнилось другое утро, лѣтнее, золотое, съ перламутровыми бликами на волнахъ канала, съ тихой и нѣжной женской пѣсней, лившейся изъ открытаго окна. И снова тотъ схваченный тогда мотивъ запѣлъ въ душѣ и стало такъ жаль, такъ безумно жаль своей молодой обреченной на немедленный конецъ жизни...

А мотивъ этотъ звучалъ въ это же утро за тысячи верстъ отъ сырого, туманнаго Петербурга, въ старомъ домикѣ въ старой усадьбѣ...

Лиза, кончивъ свои вокализы, вдругъ распѣлась.

„Vous savez bien, que je vous aime...“

Вспомнилась ея любимая кантика, но не образъ Христа возникъ передъ умственнымъ взоромъ. Черные, полуприкрытые тяжелыми вѣками глаза снова заглянули ей въ самое сердце, и страстью человѣческой, сладкой, грѣховной забилось оно. Голосъ вдругъ окрѣпъ, и мощныя, какъ звуки серебряныхъ трубъ монастырскаго органа, полились послѣдующія строфы причастнаго стиха.

Тетя Саша, отдававшая въ сосѣдней комнатѣ хозяйственныя распоряженія Кирилловнѣ, остановилась на полусловѣ, точно очарованная.

— Что это ты пѣла, Лизочка?--спросила она, когда та смолкла.

— Кантику перваго причастія, развѣ ты ея не узнала?

— Ты такъ ее спѣла, что я ее приняла за старинную любовную балладу.

Лиза сконфузилась... Да, она любила, любила съ каждымъ днемъ крѣпче и беззавѣтнѣе. И то, что онъ бывалъ почти ежедневно и ни словомъ не заикался о своемъ чувствѣ, даже не выражая его теперь крѣпкимъ пожатіемъ руки, начинало тревожить ее. Ей хотѣлось изъ его яркихъ губъ слышать подтвержденіе своихъ догадокъ, до боли хотѣлось его поцѣлуя и ласки. Она винила себя за излишнюю сдержанность и показную холодность...

День шелъ какъ всѣ будніе дни. Тетя Саша занялась коровникомъ. Лиза, окончивъ гаммы и экзерсизы, сыграла на фисгармоніи свою любимую ораторію Генделя, строго молитвенное настроеніе которой имѣло свойство успокаивать нервы, а потомъ сѣла за книжки, чтобы приготовиться къ уроку у Мартыновой, но ей не работалось. Въ десятый разъ переворачивала она ту же страницу, подзубривая нѣмецкую грамматику,—это были только буквы и слова безо всякой связи и смысла.

Настали раннія сумерки, когда на блѣдномъ, зимнемъ небѣ блекнутъ послѣднія краски, когда снѣгъ за окномъ принимаетъ темносиніе и фіолетовые тона, а черезъ сѣть черныхъ, оголенныхъ вѣтвей начинаютъ зажигаться первыя робкія звѣзды.

Лиза подошла къ заколоченной на зиму двери терассы и стала пристально вглядываться въ аллею. Между черными стволами двигалась знакомая фигура.

— До свиданія, Лизокъ, я ухожу къ батюшкѣ,—раздался за ея спиной голосъ тетки.

— Куда ты, тетя? Вонъ идетъ Василій Игнатьевичъ.

— Что дѣлать! прими его сегодня одна. Я обѣщала. Матушкѣ опять хуже.—И Александра Николаевна вышла.

Черезъ пять минутъ Яшпевъ уже здоровался съ Лизой.

Она велѣла подать закуску и чай. Отъ ѣды онъ отказался, но чай пришелся кстати.

— А знаете, я очень радъ, что застаю васъ одну, безъ тетушки,—сказалъ онъ, едва затворилась дверь за Таней.— Мнѣ надо серьезно переговорить съ вами.

У Лизы захолонуло сердце.

— Въ чемъ дѣло?

— Вы очень рѣшительный человѣкъ и на васъ можно вполнѣ положиться. Въ этомъ я давно убѣдился. Если бы я обратился къ вамъ съ просьбой, требующей абсолютной тайны, согласились бы вы исполнить ее?

— Это зависитъ отъ того, кого эта тайна касается.

— Касается меня, моихъ ученыхъ изслѣдованій. Видите ли для моихъ занятій мнѣ необходимы опыты.

— Вивисекціи?—перебила Лиза.—Неужели правда, что вы мучите несчастныхъ котятъ?

— И котятъ, и кроликовъ, и крысъ, и собакъ, и лягушекъ, чтобы на ихъ страданіяхъ научиться, какъ облегчать страданія людей! Да, мучу! Но, кромѣ того, я занимаюсь и химіей и опытами надъ новѣйшими примѣненіями ея въ той же медицинѣ. И вотъ для этихъ цѣлей мнѣ необходимо получить ключъ отъ подвала, изъ котораго вышла бы идеальная опытная лабораторія.

— Но для чего же дѣлать изъ этого тайну? Вамъ довольно сказать слово, и тетя Саша предоставитъ его всецѣло въ ваше распоряженіе.

— А глаза любопытствующихъ? вашей дворни, напримѣръ? Я бы предпочелъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Топить печку и заниматься буду по ночамъ. Днемъ некогда, да къ тому же мнѣ требуется полная тишина.

Онъ крутилъ бороду и пристально смотрѣлъ на Лизу. Она подняла голову.

— Вы все-таки лучше разрѣшите мнѣ сообщить объ этомъ тетѣ. Только ей одной. Она умѣетъ молчать.

Яшневъ пожалъ плечами.

— Если бы была какая-нибудь возможность, я самъ предпочелъ бы дѣйствовать откровенно, но именно этого нельзя. Впрочемъ, я не настаиваю. Васъ, какъ я вижу, затрудняетъ исполненіе столь странной, по вашему просьбы? Что жъ дѣлать! Я подыщу другое помѣщеніе. Я обратился къ вамъ потому, что надѣялся на вашу отзывчивость. Я ду-

малъ, что вы, которая такъ хорошо понимаете всѣхъ другихъ и спѣшите имъ на помощь, откликнитесь и на мою бѣду и выручите меня,—въ больницѣ уголка лишняго нѣтъ, и мои занятія уже порядочно оттого пострадали.

Лиза встала и вышла. Черезъ минуту она вернулась съ ключомъ.

— Вотъ!—протянула она его Яшневу.

Но онъ вмѣстѣ съ ключомъ взялъ и ея руку и поцѣловалъ.

— Спасибо, моя хорошая, моя славная...

Лиза закрыла глаза и поблѣднѣла. Чьи-то губы подъ слегка коловшимися усами прижались къ ея полуоткрытому рту. И вдругъ тотъ утренній порывъ, безумная, неудержимая потребность мужской ласки заставила ее обвить руками и покрыть поцѣлуями эту милую, курчавую голову.

— Наконецъ... наконецъ-то! Какъ удивится тетя!..—очнулась она.

Онъ обнялъ ее за талію.

— Милая, милая... только не это! только не банальное, ужасное жениховство. Я его не вынесу. Я врагъ всякихъ условностей, этой глупой свѣтскости и неизбѣжной обрядности. Мнѣ страшно при одной мысли о выставленіи себя на показъ въ такомъ интимномъ дѣлѣ, и я еще разъ прошу, нѣтъ, даже не прошу, а требую абсолютной тайны до поры, до времени. Во-первыхъ,—о немедленномъ супружествѣ и рѣчи пока быть не можетъ. Намъ придется подождать не менѣе года, и мало ли кто другой можетъ понравиться и оказаться болѣе выгодной и подходящей партіей...

— Не смѣйте, не обижайте меня...—зажала ему Лиза ротъ рукою.—Для меня нѣтъ и быть не можетъ другого. А насчетъ тайны... о, Боже мой! да развѣ я стремлюсь къ публичности? Я только посвятила бы въ мое счастье тетю...

— Нѣтъ, родная! я прошу, принести мнѣ эту жертву. Такъ гораздо свободнѣе и лучше. А видѣться мы будемъ, видѣться и узнавать другъ друга. Я знаю, я требую многаго, но я тоже знаю, на какую самоотверженность, на какія жертвы способна любящая дѣвушка... А ты вѣдь любишь меня?

— Вася... Вася... — шептали дрожащія губы, и сѣрые глаза темнѣли подъ его поцѣлуями.

XX.

Тихая, синяя ночь свой покровъ,
Затканный блестками звѣздныхъ міровъ,
Надъ усталой землей развернула,
„Спи!“ ей шепнула.

И, покой со вселенной дѣля,
Задремала покорно земля,
Онѣмѣли лѣса и поляны,
Спятъ океаны...
(Изъ „Бѣлыхъ Инокинь“. М. К.).

Съ этихъ поръ для Лизы началась новая жизнь. Откуда взялась у нея удивительная способность притворства? Она прониклась убѣжденіемъ, что тайна не ея, что она поручена ей и если она выдастъ ее взглядомъ или словомъ, то сгубитъ свое счастье и утратитъ навѣки довѣріе дорогого ей человѣка. И она со спокойной совѣстью шутила съ домашними, ѣздила на уроки и не только танцовала на полковыхъ вечерахъ, но даже участвовала въ спектакляхъ и концертахъ, позволяя ухаживать за собою всей горской молодежи съ Левкевичемъ во главѣ.

У двоихъ изъ нихъ ухаживанье это приняло серьезный оборотъ. Это были Степанъ Шемаевъ и Флинтъ.

Степаша вдругъ остепенился. Онъ началъ не на шутку готовиться на аттестатъ реальнаго училища и проводилъ дни и ночи надъ учебниками.

— Ишь ты, въ ученые записался!—охала маменька.—Да брось ты! Куда твоей дурацкой головѣ. Всѣ равно толку не будетъ.

Тятенька, напротивъ, даже гордился имъ. Самъ онъ былъ не силенъ въ грамотѣ, но числился тѣмъ не менѣе въ 600 тысячахъ.

Миронъ отсталъ отъ брата и, махнувъ рукою, ходилъ одинъ на купеческія вечеринки, закатываясь оттуда съ пріятелями на конецъ города къ заѣзжимъ арфисткамъ и хористкамъ, а Степаша зубрилъ и ломалъ голову надъ теоремами и хронологіей. Онъ мечталъ, сдавъ экзаменъ, отбыть воинскую повинность и поступить въ Москвѣ въ коммерческую академію или уѣхать на практику въ Лондонъ и Парижъ, чтобы хоть какъ-нибудь приблизиться по образованію къ Лизѣ.

— Эхъ, чѣмъ судьба не шутитъ! и за нашего брата графини выходили!..

Флинтъ тоже вдругъ измѣнился. Его давно уже не удовлетворяла сѣренькая жизнь армейскаго офицера. Способный и серьезно подготовленный, онъ по окончаніи училища не выбралъ гвардейской вакансіи только изъ-за недостатка средствъ. По отцу онъ принадлежалъ къ обѣднѣвшему остзейскому дворянству, но по матери былъ православный, и ей-то поручикъ съ нѣмецкимъ лицомъ и нѣмецкой фамиліей былъ обязанъ своимъ русскимъ духомъ и любовью къ Россіи. Яшневъ чуялъ въ немъ врага и не рѣшался на порученную ему организацію военной пропаганды въ Горскѣ. Онъ зналъ, что отъ этихъ зоркихъ сѣрыхъ глазъ уберечься трудно. За послѣдніе мѣсяцы Флинтъ все рѣже показывался и у Адріановыхъ и въ товарищескомъ кругу. Онъ усердно готовился въ академію и мечталъ о Лизѣ, какъ о будущей женѣ. Ни онъ, ни Степаша ни пропускали ни одной среды у Мартыновыхъ.

. . . .

Уложивъ дѣвочекъ въ спальнѣ, а сына Тишу за буфетомъ во второй комнатѣ, которая служитъ и столовой, и гостиной, и кабинетомъ штабсъ-капитану, Марья Антиповна устраиваетъ чай съ привезенными изъ Колычева гостинцами. Ярко горитъ дешевенькая лампа подъ бѣлымъ колпакомъ. Паръ отъ самовара бросаетъ прозрачныя тѣни на грошовые обои и выцвѣтшія фотографіи. Окна, до половины затянутыя ситцевыми занавѣсками, чернѣютъ своими верхними стеклами, а черезъ нихъ морозная зимняя ночь заглядываетъ въ уютную, согрѣтую тепломъ и женскими голосами комнату. Лиза подъ аккомпаниментъ штабсъ-капитанской гитары спѣла нѣсколько романсовъ и слушаетъ теперь разглагольствованія Степаши и Флинта о нигилистахъ.

„Въ сущности, всѣ вы милые и хорошіе люди,—думаетъ она, обводя присутствующихъ любовнымъ взглядомъ: и я сама люблю васъ за то, что вы такъ хорошо говорите о Россіи и государѣ. Да, да! я согласна съ вами, намъ тоже надо сплотиться, чтобы отстаивать его отъ тѣхъ темныхъ силъ...“

— Господи,—вдругъ говоритъ она вслухъ:—какъ это они могутъ жить на свѣтѣ, глядѣть на все прекрасное вокругъ,

двигаться, говорить, съ такими страшными мыслями на умѣ, съ такими тайнами на душѣ?

И тутъ же умолкаетъ, спрашивая себя: „вѣдь живу же я со своими никому изъ присутствующихъ, да что я,—самой тетѣ Сашѣ невѣдомыми мыслями? Но въ нихъ ничего дурного нѣтъ. Это не моя тайна, и если я блюду ее, то ради только его... моего яркаго свѣточа, моего ненагляднаго умника. Пусть я не согласна съ его любимыми книжками, но онѣ все-таки не остались безъ вліянія на мое развитіе, онѣ дали толчокъ моему мышленію и озарили многое, скрытое отъ меня до тѣхъ поръ".

И она съ улыбкой слѣдитъ за рѣчью увлекшагося Флинта, и радуется, что всѣ пересыпанные въ ней термины, „умныя слова", какъ звали ихъ въ институтѣ, вполнѣ доступны и усвоены ею.

„Да, да! Всѣ вы милые,—и Флинтъ, и Степаша, и Левкевичъ, и Мартыновы, но онъ—онъ неизмѣримо лучше всѣхъ... И какъ жаль, что его нѣтъ здѣсь въ эту минуту около меня..."

Сколько разъ ни просила она Яшнева зайти на эти средовыя бесѣды, тотъ упорно отказывался.

— Къ чему? Я ненавижу этихъ пошлыхъ, будничныхъ людей, ихъ избитые разговоры съ готовыми выраженіями, всю эту провинціальную обывательщину. И удивляюсь, какъ можно выносить ихъ!

— Я не только выношу, я люблю ихъ. Они всѣ, право, очень и очень милые люди. За что ты ихъ такъ презираешь? Какихъ же любишь ты?..

. . . .

Сіяетъ на небѣ серебряный мѣсяцъ. То закатится за набѣжавшую тучку и позолотитъ ея затѣйливые кружевные края, то выплыветъ снова и стоитъ, какъ побѣдитель, въ радужномъ вѣнцѣ. Сіяетъ надъ тихимъ, утонувшимъ въ сугробахъ городомъ и надъ одинокой усадьбой, гдѣ въ старомъ подвалѣ молодой ученый что-то толчетъ въ ступкахъ и переливаетъ въ ретортахъ. Лизѣ строго запрещенъ входъ туда, и она покорно обходитъ его теперь мимо, и только, ложась спать, раздвинетъ занавѣску и креститъ сквозь

окно ту сторону сада, гдѣ невидимо ни для кого работаетъ возлюбленный. А мѣсячный лучъ, тщетно пытаясь заглянуть въ низкія окна, уже бѣжитъ дальше, блеститъ по стальнымъ рельсамъ мимо заиндевѣлыхъ сторожевыхъ будокъ и одѣтыхъ парчею полей и горитъ надъ далекой и шумной столицей, надъ людными улицами съ широкими тротуарами. Онъ заглядываетъ въ лица пѣшеходовъ. Вотъ блеснулъ и загорѣлся на мигъ въ глазахъ дѣвушки въ скромной надвинутой на лобъ шапочкѣ.

Заложивъ руки въ рукава своей не модной, поношенной шубки, идетъ эта дѣвушка мѣрнымъ, ровнымъ шагомъ съ Песковъ на Садовую. Тамъ сегодня рѣшительное засѣданіе. За тѣ двѣ ноябрьскія висѣлицы на Іоанновскомъ бастіонѣ прольется наконецъ кровь того, кого точно оберегаетъ невидимая сила.

Вѣдь легко сказать: въ какой-нибудь годъ съ небольшимъ шесть покушеній—и никакихъ результатовъ, ни одной царапины даже! Что мѣшаетъ? Кто препятствуетъ? Почему въ роковую минуту то осѣчка, то неисправность проводовъ, то измѣненіе маршрута?.. При жизни императрицы, говорили, она своей горячей вѣрой и молитвою спасала царственнаго супруга. Положимъ, это обычное низменное суевѣріе, но послѣ ея смерти эта лѣтняя неудача съ динамитомъ у Каменнаго моста! Сплошная глупость, подумаешь, изъ-за чего: у Тетерки, у главнаго участника, не было часовъ, простыхъ, грошовыхъ, которые за какіе-нибудь три-четыре рубля можно пріобрѣсти въ любой кассѣ ссудъ. И никто не догадался, и вышло запозданіе непростительное и непоправимое.

Кто же виноватъ? Неужели онъ, тотъ, кому она всецѣло отдала себя, чью власть признала надъ собою не только какъ заговорщица, она — Софія Перовская, для которой до сихъ поръ всѣ мужчины были лишь товарищами, а теперь...

И она рисуетъ себѣ нервное лицо и властный взглядъ, и суровый диктаторскій голосъ. Нѣтъ для него людей и нѣтъ ихъ страданій. Все это нестоящіе вниманія пустяки. Сегодня Прѣсняковъ, Гольдштейнъ, завтра Михайловъ, Оловенникова, при чемъ тутъ имена? Что значатъ люди передъ идеей и дѣломъ? Это тѣ же лягушки, крысы и кролики,

страданія которыхъ необходимы для вивисектора. И если нужна будетъ ея жизнь и его жизнь, ни она, ни онъ не задумаются ни на секунду. Это жертва для общаго блага, для далекой и все-таки неизбѣжной цѣли, которой они добьются цѣною какой угодно и въ какомъ угодно количествѣ пролитой крови, пока не прольется та, нужная имъ для успѣха ихъ дѣла, царская кровь...

И дѣвушка улыбается.

Ей вспомнились вдругъ нѣкоторыя подробности изъ недавняго прошлаго. Вотъ она выноситъ икону на пожарѣ — подумаешь: она и икона! — чтобы якобы отстоять сосѣдній домъ, гдѣ находится ихъ конспиративная квартира. Не дай Богъ, ворвутся пожарные, и подкопъ подъ николаевскимъ полотномъ откроется... Вотъ, перешагнувъ черезъ спящихъ у ея двери жандармовъ, она, уже арестованная, скрывается и, разыгравъ любимую роль безтолковой бабы, садится безъ билета въ поѣздъ и добирается благополучно до Петербурга...

„Ахъ, — она чуть снова не сказала: Боже мой!“ — какъ обрадовались ей тамъ, какъ сверкнули черные глаза „Тараса“, когда она неожиданно явилась въ товарищескомъ кружкѣ.

И дѣвушка идетъ и улыбается свѣтлому мѣсяцу и яркому снѣгу, и на сердцѣ ея поютъ тѣ же струны безпредѣльной женской любви, какъ за многія сотни верстъ у другой русской дѣвушки, тоже готовой отдать душу за сочлена грознаго тайнаго сообщества, за такого же аггела злого, подпольнаго, но ей невѣдомаго царства.

XXI.

Паркъ окутанъ словно ватой.
Въ блесткахъ инея горятъ
И боярышникъ косматый,
И березъ плакучій рядъ.
Серебристой бахромою
Нависаетъ капель съ крышъ.
Надъ усадьбою нѣмою —
Сонъ, безмолвіе и тишь.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Прошло почти три мѣсяца. Былъ тихій морозный день конца января. Передъ тѣмъ стояла оттепель, но теперь снова повернуло на морозъ. Снѣгъ осѣлъ, уплотнился.

Жемчужной бахромой свисала капель съ крышъ, и солнце весело блестѣло въ алмазныхъ блесткахъ и румянило иней на вѣтвяхъ. Садъ, словно очарованный, въ пушистомъ, розоватомъ уборѣ манилъ въ причудливую чащу, разукрашенную волшебствомъ зимы.

Лиза уже больше недѣли не видалась съ Яшневымъ и недоумѣвала, что съ нимъ.

— Въ округѣ, вѣрно, — говорила тетя Саша въ отвѣтъ Кирилловнѣ, вновь жаловавшейся на ноги.

— Пойду въ больницу, навѣщу Прохора!—рѣшила Лиза.— Можетъ быть, тамъ разузнаю, гдѣ Василій Игнатьевичъ.

Ей собрали пакетъ изъ чая, сахара и булокъ, и она быстро пошла по аллеѣ къ селу.

До переселенія Яшнева въ Колычево въ саду расчищали только главную аллею, по которой и гуляла иногда Сотова, но теперь, для сокращенія пути, разметалась и поперечная, и по ней ходили въ церковь, удивляясь, какъ это раньше до того не додумывались.

„Приду, ему сейчасъ же доложатъ, онъ непремѣнно придетъ самъ!“ думала Лиза и ласково отвѣчала на поклоны встрѣчныхъ мужиковъ, возившихъ лѣсъ, и ребятишекъ въ армякахъ и зипунахъ съ чужого плеча.

Она вошла въ сѣни больницы и спросила „слабую“ палату. Теперь эта постройка „Хранца Карлыча“ не пустовала. Наоборотъ, мѣстъ иногда не хватало, и похвалиться чистотою воздуха помѣщеніе не могло, но Лиза смѣло открыла дверь въ комнату, уставленную рядами коекъ, и присѣла около Прохора разбитаго уже второй мѣсяцъ параличомъ. Къ ней подошелъ фельдшеръ.

„Опять новый! — подумала Лиза: — какъ они тутъ часто мѣняются“—и вслухъ спросила:

— Гдѣ докторъ? Мнѣ надобно видѣть его.

— Его уже четвертый день нѣтъ. Онъ поѣхалъ въ объѣздъ, и мы сами ждемъ его.

„Странно!—мелькнуло у нея въ умѣ.—Это въ первый разъ, что онъ не предупредилъ меня“.

— Такъ ужъ вы побалуйте старичка,—продолжала она:— заварите ему чайку лишній разъ!—и она хотѣла сунуть

двугривенный въ руку фельдшера, но тотъ вдругъ пожалъ ея собственную руку, и монета звякнула объ полъ. Лиза страшно сконфузилась, но не менѣе былъ сконфуженъ и человѣкъ въ бѣломъ халатѣ.

— Помилуйте-съ,—бормоталъ онъ:—у насъ этого не полагается.

Гибкимъ движеніемъ поднялъ онъ деньги и вручилъ барышнѣ.

„Какой онъ деликатный! совсѣмъ не похожъ на фельдшера...“

Она встала, простилась съ Прохоромъ и, кивнувъ ему еще разъ издали головою, вышла. Фельдшеръ распахнулъ передъ нею двери и долго смотрѣлъ ей вслѣдъ.

„Что жъ, у него губа не дура:—думалъ онъ:—настоящая королевна!..“

А Лиза шла не оглядываясь. Неужели онъ уѣхалъ въ округъ, не простясь, не сказавшись?.. Калитка хлопнула и пропустила ее въ аллею. Черезъ высокій, образовавшійся при расчисткѣ валъ была видна протоптанная тропинка.

„Куда это!“ подумала дѣвушка. Домой возвращаться не хотѣлось, и она пошла по слѣду между высокими наметенными сугробами и очутилась у подвала. Кругомъ все было затянуто бѣлой пеленой, изъ-подъ которой только мѣстами торчали запорошенные инеемъ сучки и вѣтви кустовъ. Полное безмолвіе царило кругомъ. И вдругъ, вѣрно, спугнутыя ею, снялись откуда-то двѣ вороны и, размахивая тяжелыми черными крыльями, съ рѣзкимъ и злымъ карканьемъ закружились надъ французскимъ садомъ.

Лиза вздрогнула и хотѣла повернуть обратно, но въ это время за дверью подвала послышался шумъ. Точно передвигали что-то тяжелое.

„Онъ тутъ! онъ занимается, и, чтобы его не отрывали и не мѣшали, онъ велѣлъ говорить, что уѣхалъ...“

Потребность видѣть его немедленно, сейчасъ же, сію же минуту услышать дорогой голосъ, взглянуть въ милые властные глаза была неодолима, и дѣвушка постучалась.

— Кто тамъ? Ѳедька, ты? чего тебѣ, лѣшій, не сидится?—раздался незнакомый голосъ, и дверь распахнулась.

На порогѣ стоялъ чужой, облаченный въ рабочую блузу юноша. Оба опѣшили.

— Эй, чего ты двери открылъ? Вѣдь сквозитъ чертовски...—прозвучалъ сердитый баритонъ Яшнева, и онъ самъ въ такой же блузѣ показался въ коридорчикѣ.

— Лиза... Лизавета Ивановна!.. Какими судьбами?..

Лиза молчала и старалась улыбнуться. Яшневъ открылъ дверь въ Евграфову комнату.

— Войдите сюда... осторожнѣе! не зацѣпитесь...

На полу въ коридорѣ стояли какіе-то ящики. Пахло свинцомъ и сѣрой.

— Что это такое? Кто эти люди?—спросила Лиза, очутившись съ глазу на глазъ съ возлюбленнымъ.

На Яшнева падалъ свѣтъ изъ полузанесеннаго снѣгомъ подвальнаго окна. Лицо его было покрыто какой-то сѣрой пылью. Онъ вытеръ его сырымъ полотенцемъ, висѣвшимъ тутъ же, и пытливо впился въ поднимавшіеся къ нему вопросительно дѣвичьи глаза. Въ душную атмосферу плохо провѣтриваемаго помѣщенія она внесла съ собою точно струю другой жизни, и когда скинула шубу и шапочку, отъ нея пахнуло ея любимыми духами „Kiss me quick“. Она, улыбаясь, исподлобья глядѣла на него, а онъ невольно залюбовался ею, ея женственностью, несмотря на нѣсколько крупную фигуру.

За эти три мѣсяца ихъ сближенія ея вліяніе на него, къ его собственному удивленію, возрастало съ каждымъ днемъ. Случайныя встрѣчи наединѣ были нечасты и кратки. Они обмѣнивались рѣдкими ласками и поцѣлуями, но зато онъ почти ежедневно бывалъ въ сѣромъ домикѣ въ присутствіи Александры Николаевны. Лиза пѣла и играла ему, и тетя Саша заслушивалась этой одухотворенной музыки. Но когда молодые люди начинали спорить, „мудрствовать“, она не вступала въ ихъ разговоръ. Ея мысль не успѣвала слѣдить за нитью ихъ бесѣды, и она предавалась собственнымъ размышленіямъ.

И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе чувствовалъ Яшневъ къ Лизѣ не одно физическое влеченіе, до сихъ поръ имъ только допускавшееся подъ именемъ любви. Онъ скучалъ, если

долго не видѣлъ ея. Ему хотѣлось вѣчно слышать ея голосъ, и онъ уже не чувствовалъ прежней власти надъ нею. Она была совсѣмъ другая, чѣмъ онъ воображалъ ее сперва. Въ ней психика преобладала надъ физикой, какъ выражались въ его мірѣ.

И именно дорогъ былъ ея полный контрастъ съ тѣми, другими женщинами, съ которыми онъ до сихъ поръ встрѣчался, легко сходился и также просто разрывалъ, когда онѣ начинали надоѣдать своей распущенностью и ухарствомъ, своимъ отрицаніемъ всякихъ женскихъ достоинствъ, сохраняя при этомъ всѣ женскіе недостатки — безпомощность, растерянность и сварливость, эту женскую способность мелочныхъ дрязгъ и попрековъ, неряшливость внѣшнюю и внутреннюю. Все то, что отъ ея чистаго ума съ затаенной религіозностью, отъ ея культа царской власти отскакивала вся его пропаганда, всѣ попытки сбить ее съ рутинной дороги и заставить итти по новому пути на поклоненіе новымъ богамъ,—какъ ни странно, придавало ей особую цѣнность въ его глазахъ.

Она возвращала ему его книги и, краснѣя до слезъ, сознавалась, что не доросла до нихъ, что онѣ слишкомъ умны для нея. Напрасно онъ спорилъ, убѣждалъ, горячился. Она оставалась при своемъ.

— Ужасная вы институтка, до смѣшного, до абсурда! — говорилъ онъ, выходя изъ себя.

А она, обдавая его лучистымъ свѣтомъ своихъ правдивыхъ глазъ, отвѣчала:

— А вотъ въ институтѣ даже учителя находили, что во мнѣ мало институтства... Только, по-моему, какъ я вѣрю и думаю — такъ много легче жить на свѣтѣ, чѣмъ по этимъ книгамъ. А ужъ относительно царя... О, если бы вы знали, какое это чудное чувство и какъ искренно я сожалѣю тѣхъ, кто не испытываетъ его...

И у него все меньше хватало духа разубѣждать ее. Это было хуже всякой вивисекціи, и всѣ его намѣренія бросить съ нею телячьи нѣжности и начать дѣйствовать такъ, какъ привыкли въ томъ, его мірѣ, рушились въ ея присутствіи.

Очутившись теперь наединѣ съ нею послѣ цѣлой недѣли

разлуки, послѣ цѣлаго ряда безсонныхъ ночей, онъ страшно ей обрадовался. Его нервы были расшатаны. Напряженное состояніе при усиленной работѣ надъ доставленнымъ ему изъ Петербурга для провѣрки новымъ ядовитымъ составомъ сразу перешло въ размягченность физическую и душевную. Ему стоило протянуть руку, чтобы привлечь къ себѣ молодую довѣрчивую дѣвушку, и онъ протянулъ и привлекъ ее.

— Милая... милая... милая... Зачѣмъ ты пришла? я такъ радъ!.. Вѣдь я умолялъ тебя не приходить сюда...—шептали его губы, прижимаясь къ ея улыбавшемуся рту.

— Ахъ, если бъ ты зналъ, какъ я соскучалась по тебѣ! Что ты тутъ работаешь? Кто эти люди?

Онъ заглянулъ ей въ самую глубь зрачковъ.

„Сказать или не сказать? Была не была!..“

— Это мои товарищи по работѣ, люди моей вѣры и моихъ убѣжденій...

— Какихъ?—она осторожно расправляла его усы.

— Тѣхъ, которыхъ держусь я, которыя мнѣ бы такъ хотѣлось привить и тебѣ,—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея ладонь.

— Но я упрямая, безтолковая институтка? Да?

— Да! которая мучитъ меня, лишаетъ меня величайшаго счастья на свѣтѣ.

— Какого счастья?

Она глядѣла тревожно, словно вдругъ насторожившись. Ея тревога сообщалась и ему. За стѣной послышался шумъ. Онъ прислушался.

— Кто эти товарищи? Какъ они сюда попали и въ чемъ тебѣ помогаютъ?—переспросила она.

Мысль, что тамъ въ двухъ шагахъ за тонкой комнатной переборкой лежитъ страшная смѣсь, способная при малѣйшей неосторожности разнести эти своды и стѣны, изувѣчить это живое, дивное тѣло, теплоту котораго онъ чувствовалъ сквозь ткань ея платья, обдала его варомъ. Онъ вздрогнулъ.

„Нервная баба!“ выругалъ онъ себя мысленно, но всетаки всталъ и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, отошелъ къ противоположной стѣнѣ. Онъ машинально искалъ на себѣ портсигаръ и спички. Ни того, ни другого не было. Курить

въ подвалѣ не полагалось, и они, онъ и тѣ двое пріѣзжихъ, выходили курить на воздухъ и курево держали въ наружной выемкѣ въ стѣнѣ за дверью. Его тянуло къ папиросѣ.

— Пойдемъ! ты напрасно пришла!—сказалъ онъ вдругъ измѣнившимся тономъ.

Лиза глядѣла на него въ недоумѣніи.

— Уходи-же скорѣй! я говорю тебѣ, уходи!—почти крикнулъ онъ.

Лиза встала.

— Прости! я не знала, что мѣшаю...

Она надѣла шапочку. Онъ трясущимися руками подавалъ ей шубку и съ искаженнымъ лицомъ открылъ дверь.

— Иди скорѣй... я провожу тебя... ты напрасно приходила...

У выхода онъ замѣшкался, доставая папиросы, и догналъ ее уже на тропинкѣ между сугробами. Они шли точно по снѣговой траншеѣ.

— Лиза, никогда, слышишь ли, никогда не смѣй приходить сюда! Я запрещаю.

Она шла, закусивъ губу, готовая расплакаться отъ чувства внезапной, незаслуженной обиды. Онъ выгналъ ее, выгналъ, какъ любопытную, назойливую дѣвчонку... Черезъ минуту она пересилила себя.

— Все-таки я попрошу объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло?

Она остановилась и обернулась къ нему лицомъ. Онъ съ наслажденіемъ затягивался дымомъ папиросы.

— Прежде всего въ томъ, что я неручаюсь за себя. Ты слишкомъ соблазнительна, и твоя близость лишаетъ меня разсудка. Другое дѣло, если бы ты была согласна на свободную любовь и на вытекающій изъ нея единственный бракъ, который я признаю.

— Какая любовь? Какой бракъ?—Она вся замерла, не понимая, думая, что плохо разслышала слова Яшнева.

Онъ докурилъ и бросилъ окурокъ.

— Я говорю о любви, лишенной предразсудковъ, которая на вашемъ языкѣ именуется гражданскимъ бракомъ. Я предлагаю тебѣ этотъ бракъ, чуждый цѣпей и лицемѣрія, гдѣ обѣ стороны сохраняютъ полную свободу и самостоятель-

ность. Мы оба мучимся. Я самъ томлюсь по твоимъ ласкамъ и поцѣлуямъ... а жизнь уходитъ, и никто не поручится, что мы когда-нибудь пожалѣемъ о потерянныхъ напрасно дняхъ. Конечно, если окажутся послѣдствія, никто не помѣшаетъ намъ продѣлать и комедію церковнаго брака, но пока это совершенно лишнее...

Лиза широко раскрытыми глазами глядѣла на него.

— Что? Что ты сказалъ?... За кого же ты принимаешь меня?... Боже мой... Боже мой!

Она закрыла лицо руками и вдругъ рѣшительно, безъ оглядки пошла впередъ.

— Лиза!—окликнулъ онъ ее. Она ускорила шагъ.—Лиза! постой! куда ты?

Она была уже на верхушкѣ снѣжнаго вала. Она не замѣчала, что плакала и что слезы застывали на ея щекахъ. Онъ догналъ и, схвативъ за руку, не пускалъ ее.

— Боже мой, Боже мой! — вырвалось у него безсознательно. — Что я надѣлалъ. Слушай... постой... я ничего не сказалъ... если хочешь, все останется по старому... я пошутилъ...

Ихъ фигуры ясно вырисовывались на фонѣ снѣжнаго сада. Вдали ѣхали сани, но они ихъ не видѣли. Сильнымъ движеніемъ высвободила она руку.

— Такъ не шутятъ... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Все кончено... такъ нельзя... Я не могу... Я каюсь, каюсь, что пришла... Оставь... оставьте меня...

Она сбѣжала съ вала. А онъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она шла по старой аллеѣ къ старому дому нервнымъ, все ускоряющимся шагомъ.

„Надо догнать ее...“

— Куда ты, чортъ тебя дери, запропастился? — раздался голосъ изъ траншеи.—Скоро стемнѣетъ, а ты время на амуры тратишь! Спички у тебя?—Это былъ Фроловъ.—А молодецъ дѣвка! сама явилась. Да ты ее что-то больно скоро спровадилъ.—Онъ гадко усмѣхнулся.

— Молчи, оселъ!

Яшневъ сжалъ кулаки и, едва пересиливъ себя, крупными шагами вернулся въ подвалъ.

— Ну, что жъ, по-моему готово!—обратился онъ къ другому товарищу, разсматривавшему какой-то темный цилиндрическій предметъ,—сегодня и испробуемъ,

— Гдѣ? не тутъ же! надо мѣсто подходящее выбрать,—возразилъ Фроловъ.

— Мало ли его кругомъ. У меня ужъ полянка намѣчена. Вы сидите тутъ, а я мужика подряжу, якобы на волчью ночную охоту. Кстати этихъ кавалеровъ и попугаемъ, а то больно воютъ часто.

Онъ снова вполнѣ владѣлъ собою и только избѣгалъ взгляда Фролова.

— Ладно,—отвѣтилъ тотъ.—А потомъ я съ Кондратомъ типографію оборудую и ходу въ Питеръ. Тамъ, небойсь, обрадуются...

— Погоди... взорветъ ли...

— Непремѣнно!—возразилъ, улыбаясь, молчавшій до тѣхъ поръ юноша.—Я ужъ вижу. Недаромъ Техникъ васъ такъ хвалилъ. И чего вы въ эту глушь забрались? Ѣхали бы съ нами!

— Васъ тамъ и безъ меня довольно. Тутъ сподручнѣе. Я вѣдь не активистъ,—я только аптекарскій гезель...

XXII.

Что-то надвинулось черное,—
Горе ль? вечерняя ль тьма?
Карканье злое, задорное
Все не идетъ изъ ума...
(„Наканунѣ“. М. К.).

Лиза вернулась домой сама не своя. Ужасный, циничный смыслъ предложенія Яшнева терзалъ ее.

„Такъ вотъ какъ онъ на меня смотритъ!.. жить съ нимъ...“

Она мучительно вспыхнула, произнося эти слова про себя.

„Сама, сама виновата! Нечего было итти и стучаться къ нему. Онъ же запрещалъ, предупреждалъ... онъ зналъ себя... а я сама навязалась, и онъ въ правѣ, какъ всякій мужчина, оскорбить такую дѣвушку, которая вѣшается имъ на шею... Да по его понятіямъ онъ и не думалъ оскорблять... люди

его толка смотрятъ на бракъ по Дарвину... По дѣломъ, по дѣломъ!..“ злобно шептала она, вѣшая въ передней шубку на вѣшалку.

А жить надо было. Надо было садиться за обѣдъ, слушать тетку и отвѣчать на ея разспросы о Прохорѣ.

— Что же, Василій Игнатьевичъ въ объѣздѣ?—спросила Александра Николаевна.

Лиза отвѣтила: „да!“ а въ душѣ твердила: „подлая, подлая, обманщица и лгунья! Тетѣ Сашѣ я вру въ глаза...“

Она не выдержала, вскочила и, припавъ къ ея плечу, разрыдалась.

— Что съ тобой, дѣвочка? что съ тобою?—встревожилась та.—Это ты, вѣрно, глядя на Прохора, разстроилась? Полно, онъ, можетъ быть, еще поправится. Вѣдь недаромъ про Василія Игнатьевича мужики говорятъ, что онъ не докторъ, а чудодѣй... А я, Лизокъ, что тебѣ разсказать хочу. Подумай, съ чѣмъ ко мнѣ давеча Кирилловна подъѣхала! угадай, новость тебя касается.

Лиза печально покачала головой.

— Не можешь? Въ Горскѣ носятся слухи, что весною тебя Степанъ Шемаевъ сватать собирается. Что ты на это скажешь?

Но Лиза только вздохнула въ отвѣтъ...

Цѣлый вечеръ она сидѣла у тети Саши.

„Сказать ей все, или не сказать? Нѣтъ, я дала слово молчать, Пусть онъ человѣкъ дурныхъ принциповъ, — я не доносчица“.

Особенно нѣжно распростившись съ Александрой Николаевной на ночь, она ушла къ себѣ... Легла... сна не было. Она прислушивалась къ безмолвной тишинѣ. Зимняя звѣздная ночь глядѣла къ ней въ щелку занавѣсокъ. Она знала,— ихъ были миріады теперь на небѣ, но ея звѣзда сорвалась тогда въ августѣ и закатилась навѣки. Счастье, короткое и неполное, прошло и не вернется... Не вернутся ихъ разговоры и мимолетныя горячія ласки... Сердце ныло.

„Сама виновата... сама“...—И она напряженно всматривалась въ чащу снѣжнаго сада, за которой таился старый подвалъ, гдѣ онъ работалъ теперь съ людьми своего толка.

А въ это время товарищи вмѣстѣ съ Яшневымъ шагали по Кожинскому лѣсу. Осторожно несъ Фроловъ свой узелокъ.

— Скоро ли? у меня рука затекаетъ.

— Давай мнѣ,—вызвался юноша.—Я понесу оба.

Въ своемъ короткомъ дубленомъ полушубкѣ съ пестро вышитой оторочкой и высокихъ валенкахъ, съ выбивавшимися свѣтлыми кудрями изъ-подъ сѣрой мерлушковой шапки, онъ смахивалъ на Ваню изъ „Жизни за царя".

Яшневъ любовался его красивымъ, еще безбородымъ лицомъ съ едва пробивавшимися усиками, съ большими карими глазами. Самъ онъ шелъ съ ружьемъ черезъ плечо и несъ другое наперевѣсъ. За поясомъ у него въ мѣшкѣ болтался маленькій „приманный" поросенокъ. Всѣ аксессуары волчьей ночной охоты были соблюдены въ точности.

— Напрасно мы сани такъ далеко отставили,—продолжалъ брюзжать Фроловъ.

— Ничего, моціонъ полезенъ. Мы восемь сутокъ просидѣли взаперти,—возразилъ врачъ.

Черезъ полчаса они добрались до цѣли. Это была небольшая полянка. Яшневъ скинулъ ружья и бросилъ поросенка подъ дерево.

— Какъ на грѣхъ, ни одного „лупуса"... Ничего... подберутъ... Погоди! дай разрядить ружье.

— Послѣ!—отозвался юноша. Сперва попробуемъ снаряды, а тамъ отсалютуемъ обоими сразу, если выйдетъ успѣшно.

— Ну, ладно! Коли это васъ потѣшитъ.

На небѣ взошелъ мѣсяцъ. Звѣзды поблѣднѣли и померкли, зато тучки такъ и загорались и, проплывая вблизи мѣсячнаго сіянія, сверкали золотомъ по краямъ. Деревья, разубранныя инеемъ, стояли бѣлой, завороженной толпою. Ели казались гигантскими шатрами. Иногда пушистый комъ срывался съ вершинной вѣтки и, не долетѣвъ до земли, разсыпался алмазными блестками. Было такъ тихо, что хрустящіе по снѣгу шаги казались гулкими.

— Начинать, что ли?—спросилъ Фроловъ.

— Начнемъ,—отвѣтилъ Яшневъ.—Ну, Кондратъ, валяй!

Только осторожнѣе, братъ, чтобъ ни тебя, ни насъ не задѣло. Кидай, какъ можешь, дальше!

Фроловъ съ Яшневымъ отошли къ опушкѣ.

Кондратъ быстрыми, упругими шагами отбѣжалъ отъ нихъ въ противоположную сторону и занесъ правую руку съ узелкомъ назадъ. Черезъ минуту раздался взрывъ... Лѣсъ ахнулъ въ отвѣтъ. Эхо перекатилось по окрестности и снова замерло. Снѣгъ взвился столбомъ и крутился въ мертвомъ, недвижномъ воздухѣ.

— Важно!—крякнулъ одобрительно Фроловъ.

Кондратъ молчалъ и восторженно глядѣлъ на Яшнева. Снова хрустя по снѣгу, они двинулись втроемъ впередъ къ мѣсту взрыва.

— Вы... вы геній!—прошепталъ взволнованный юноша и, незамѣтно для Фролова, пожалъ обѣими руками руку врача. Тотъ отвѣтилъ ему улыбкой.

— Въ Петербургѣ, когда мы пробовали, у насъ ничего не вышло, а это!.. О, если бы меня выбрали теперь въ метальщики!

— Ну, братъ! и поопытнѣе тебя найдутся, — процѣдилъ Фроловъ:—слишкомъ много чести.

Яшневъ разглядывалъ глубокую, взрывшую снѣгъ и землю воронку, съ вывороченными комьями мха и прошлогодней сѣдой травы.

— По-моему, Техникъ въ одномъ только ошибался: надо вставлять не одну, а двѣ трубки съ сѣрной кислотой—и вертикальную и горизонтальную, для обезпеченія взрыва по всѣмъ направленіямъ, какъ бы снарядъ ни упалъ. Остальное у него все вѣрно и, какъ всегда, научно обосновано. Раствореніе нитроглицерина въ пироксилинѣ, онъ самъ убѣдился, вещь легкая. Все это на мѣстѣ оборудовать не трудно. Мое дѣло—гремучій студень. Но и его лучше бы тамъ же заготовить. Способъ, рекомендуемый изъ-за границы, какъ вы видѣли, я тщательно провѣрилъ, и Николаю Ивановичу самому не трудно будетъ заготовить смѣсь въ нужномъ количествѣ. Если же не удастся почему-нибудь, пусть сообщитъ, я не отказываюсь, но береженаго—судьба бережетъ, и подвергать такіе препараты случайностямъ

перевозки—рискъ для самой пользы успѣха. Ну-съ, для вѣрности испробуемъ и второй снарядъ. Этотъ послабѣе. Фроловъ, бросай-ка ты... Твой чередъ!..

— Нѣтъ, слуга покорный! пусть Кондратъ упражняется, а я покритикую.

Вторично отбѣжалъ юноша въ сторону и закинулъ назадъ руку съ бѣлымъ узелкомъ. Раздался новый взрывъ. Снова ахнулъ лѣсъ и отвѣтило эхо, но столбъ снѣжной пыли крутился вблизи Кондрата, и онъ самъ лежалъ распростертый на снѣгу, по которому были разбросаны какія-то темныя пятна.

— Чортъ знаетъ, что такое!—выругался Фроловъ:—что съ нимъ?

Яшневъ наклонился надъ раненымъ. Изъ правой руки его ручьемъ била кровь. Кисть была наполовину оторвана и болталась на лохмотьяхъ мускуловъ и кожи. Безбородое лицо было тоже сплошь залито кровью. Юноша лежалъ, какъ трупъ, безъ стона, безъ сознанія.

Врачъ схватилъ горсть снѣга и вытеръ это только что бывшее столь прекраснымъ, юношески румянымъ лицо съ живыми карими глазами. Теперь оно было сплошь покрыто ссадинами съ черными, словно обожженными краями. Носовымъ платкомъ стянулъ онъ изувѣченную руку повыше локтя и сорвалъ съ себя теплый шарфъ.

— Держи!—крикнулъ онъ Фролову:—а я забинтую.

Но тотъ стоялъ, шатаясь, какъ пьяный, и стучалъ зубами. Видъ ранъ и крови вызывалъ у него всегда дурноту...

— Баба!—злобно, съ ненавистью прошипѣлъ Яшневъ и, придерживая одинъ конецъ шарфа зубами, сталъ бинтовать изуродованную конечность.—Слушай ты, будь хоть на что-нибудь годенъ, бѣги за санями, пусть подъѣдутъ сюда. Скажи, что ружье разорвало. Да не сбейся, иди по слѣду.

XXIII.

Скорбно склонились надъ раненымъ сестры;
Путаетъ мысли горячечный бредъ.
Докторъ подходитъ: „Раздѣньте!“ — И острый
Въ рану вонзился ланцетъ.
(Въ „Красномъ Крестѣ“. М. К.).

Черезъ часъ къ больницѣ подъѣхали деревенскія сани. Раненаго внесли и уложили въ спальнѣ доктора. Онъ все еще не приходилъ въ себя. Яшневъ написалъ записку и послалъ отцу въ городъ. Предстояла ампутація, но одинъ онъ ее дѣлать не рѣшался.

Сидя у постели Кондрата, онъ глазъ не отрывалъ отъ его забинтованной головы. Случай съ нимъ являлся большой помѣхой. Опыты хотя и были почти окончены, но разрывъ второго снаряда былъ не изслѣдованъ, и почему онъ разорвался такъ близко, — былъ ли виною метальщикъ, или капсюль,—Яшневъ рѣшить не могъ. Провѣрить себя снова?— но безъ Кондрата, который былъ несравненно дѣльнѣе Фролова, и думать нечего было возобновлять работу... Типографія тоже стояла не разобранная. Раскупоренъ былъ только ящикъ съ прокламаціями, но о распространеніи ихъ въ уѣздѣ пока рѣчи быть не могло. Надо было выжидать конца намѣченной цѣли.

„Ѳедьку притяну!“ рѣшилъ онъ.

Ѳедька былъ тотъ самый фельдшеръ, который такимъ подозрительнымъ показался вчера Лизѣ и скрывался отъ полиціи, занявъ временно вакантную должность въ колычевской больницѣ. „Пусть повозится пока, а мнѣ необходима еще одна провѣрка. Онъ все-таки лучше Фролова. Вмѣстѣ кое-какъ справимся... Только какъ съ этимъ несчастнымъ быть? Тутъ нуженъ неусыпный уходъ... Экій бѣдняга! Поди и двадцати лѣтъ досчитаться не успѣлъ. Какъ бы устроить его?“

„Лиза!..—мелькнуло въ умѣ.—Она бы не задумываясь приняла на себя эту заботу...“ Но вспомнилась утренняя сцена. Къ ней больше ходу не было. А если все-таки толкнуться и попытаться? Не къ ней прямо, а къ Александрѣ

Николаевнѣ?“ И онъ уже рисовалъ себѣ, какъ было бы хорошо для всѣхъ, если бы обитательницы сѣраго домика взяли на свое попеченіе бѣднаго Кондрата.

Уже разсвѣло, когда пріѣхалъ старикъ-докторъ.

— Въ чемъ дѣло, сынку?—обратился онъ къ Василію Игнатьевичу.—Кого ты тутъ кромсать порѣшилъ?

— Слушай, фатенька, дѣло не шуточное и требуетъ абсолютной тайны.

— Да что это, женщина согрѣшившая?

— Не женщина, а вьюнышъ двадцатилѣтній. Видишь ли, для всѣхъ другихъ,—у него ружье на волчьей охотѣ разорвало, ну, а тебѣ я прямо сознаюсь: мы тутъ кое-какіе опыты химическіе производили. Ему руку почти оторвало, обѣ кости расколоты. Думаю чикнуть кисть...

— Какой же тутъ разговоръ? Хочешь жизнь спасать, о рукѣ думать не приходится.

Осмотрѣвъ раненаго, Игнатій Львовичъ окинулъ сына пытливымъ взглядомъ.

— Чѣмъ?—спросилъ онъ, указывая на ссадины.—H_2SO_4? не безъ того?

Тотъ кивнулъ головой.

— Что жъ это за опыты?... съ запалами, что ли?

— Не твое дѣло, старина! Ты врачъ и твое дѣло врачевать тѣло, а не терзать допросами чужую душу.

Игнатій Львовичъ молча совершалъ ампутацію, но сердце его было полно подозрѣній на сына. Онъ отлично чуялъ, что этотъ малецъ, уже въ дѣтствѣ любившій точить поварскіе ножи и присутствовать при рѣзнѣ на птичникѣ, мягкостью души не отличался, но чтобы сынъ могъ заниматься заготовкой взрывчатыхъ веществъ съ преступными цѣлями, ему въ голову не приходило, хотя его революціонныя идеи и не были тайной для него. Онъ внимательно осмотрѣлъ обѣ комнаты, служившія квартиркой, но ничего сколько-нибудь подозрительнаго не нашелъ.

„Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ попачкались немного и недостаточно осторожничали“, рѣшилъ онъ и, когда Василій Игнатьевичъ сталъ жаловаться на недосугъ и невозможность удѣлять больному достаточно времени и намекнулъ на ко-

лычевскихъ помѣщицъ, старикъ самъ вызвался сходить въ сѣрый домъ.

Черезъ полчаса Александра Николаевна была уже у постели Кондрата. Тотъ очнулся и недоумѣлымъ взглядомъ осматривался кругомъ. Надъ нимъ склонялся лысый и сѣдой старикъ въ очкахъ, а рядомъ стояла полная дама съ такой добротою въ каждой чертѣ, что онъ сразу полюбилъ ее.

— Кто вы?.. гдѣ я?..

— У хорошихъ людей и въ хорошихъ рукахъ,—отвѣтилъ старикъ.

— Не лучше ли перенести его къ намъ?—предложила шопотомъ Александра Николаевна Василію Игнатьевичу.— Кабинетъ у насъ совершенно свободенъ, и мы съ Кирилловной и Лизой отлично бы могли походить за вашимъ товарищемъ.

Яшневъ былъ тронутъ. Но что скажетъ Лиза? Узнаетъ ли она этого юношу, котораго мелькомъ видѣла вчера. Какъ отнесется къ его ежедневнымъ посѣщеніямъ? Ему было теперь страшно досадно за вчерашнюю выходку. Дѣвушка приняла эти слова за личное оскорбленіе, несмываемое и незабываемое, и для нея будутъ пыткой встрѣчи съ нимъ... Нѣтъ, надо вывернуться, надо снова заслужить довѣріе и заставить ее простить. Потерять ее навсегда?.. Ни за что! онъ найдетъ выходъ. Онъ готовъ на формальное предложеніе, на ненавистную комедію церковнаго брака. Пусть это будетъ искупительной жертвой его счастья, но онъ не откажется отъ Лизы, не уступитъ ее никому.

А женская ласка и забота необходимы Кондрату. Подобно многимъ ампутированнымъ, онъ еще и не подозрѣваетъ о своемъ увѣчьи. Какъ приметъ онъ извѣстіе объ утраченной рукѣ? Какъ примирится съ такимъ оборотомъ дѣла? И „злой" вивисекторъ съ глубокой жалостью смотрѣлъ на забинтованную конечность и корилъ себя, зачѣмъ самъ предложилъ пробу этого второго снаряда.

Вернувшись домой, Александра Николаевна тотчасъ же распорядилась приготовить комнату для больного. Лиза поблѣднѣла. Руку оторвало на охотѣ?.. Если оторвало у

другого, такъ же легко могло бы оторвать и у него. И она вообразила себѣ истекающаго кровью Яшнева. Нѣтъ... нѣтъ! Слава Богу, онъ цѣлъ и невредимъ. Но если его товарища перенесутъ сейчасъ къ нимъ, то вѣдь и онъ придетъ вмѣстѣ. Онъ будетъ, конечно, навѣщать больного, имъ придется неизбѣжно встрѣтиться, подать другъ другу руку?..

„Господи! Господи! какъ же такъ?..“ — И она, не находя отвѣта, старалась заглушить хлопотами свою тревогу и дѣятельно помогала Кирилловнѣ стлать постель въ зеленомъ кабинетѣ.

Со всѣми предосторожностями несли раненаго. Мужики шли въ ногу. Носилки свернули черезъ калитку въ аллею, и Кондратъ, прикрытый одѣялами и шубой Игнатія Львовича, смотрѣлъ въ мелькавшее между оголенными вѣтками небо и ничего не понималъ, что съ нимъ, гдѣ онъ. Ему казалось, что онъ плыветъ по рѣкѣ, и шаги людей были плескомъ мѣрно ударявшихся въ его лодку волнъ, которыя баюкали и укачивали его. У воротъ столпилась дворня и, сочувственно вздыхая, провожала взглядами носилки...

— Родненькій ты нашъ!—встрѣтила его на крыльцѣ Кирилловна:—и какъ это тебя угораздило!

Лиза была въ передней. Она, не поднимая глазъ, отвѣтила на поклонъ Яшнева, но руки ему не протянула. Ей стоило большой работы надъ собою, чтобы не разрыдаться. Кондрата она сразу узнала по его каримъ глазамъ, и глубокая жалость къ только вчера еще цвѣтущему, теперь искалѣченному юношѣ хватила ее за душу.

Доктора и фельдшеръ устроили больного. Александра Николаевна подсунула подъ голову пышно взбитую подушку.

— Ну, вотъ и отлично! Вы тутъ будете, юноша, что у Христа за пазухой... Такъ, такъ! боярышня Нарышкина, это дѣло. Кушайте, юноша! Эта особа не дастъ вамъ умереть съ голоду.

Какимъ-то особеннымъ тепломъ пахнуло въ душу молодого человѣка отъ новой обстановки. Даже боль въ ампутированной рукѣ утихла. Съ жадностью выпилъ онъ теплый бульонъ, поданный Кирилловной въ большой старинной

чашкѣ. Послѣдніе дни они въ подвалѣ питались всухомятку, изрѣдка согрѣваясь чаемъ, и теперь онъ почувствовалъ себя ребенкомъ, окруженнымъ баловствомъ домашнихъ и, сладко потянувшись подъ свѣжей тонкой простыней, закрылъ глаза и крѣпко заснулъ.

Наступили тихіе, однообразные дни. Утро смѣняло ночь, вечеръ день. Въ комнатѣ больного дежурили по очереди четыре женскихъ фигуры, и онъ ясно, даже съ закрытыми глазами, различалъ ихъ руки теперь. Мягкіе пальцы Александры Николаевны съ материнской заботливостью осторожно накладывали шелковистые ветошки на израненный лобъ. У Кирилловны рука была жестче и тверже. У Тани— робкая и нерѣшительная. Но больше всего онъ любилъ руки той, четвертой женщины, необыкновенно точныя и ловкія. Онъ улыбался Лизѣ, какъ старый знакомый, но гдѣ и когда видѣлъ ее — вспомнить не могъ. Онъ былъ безконечно слабъ и большею частью лежалъ въ забытьѣ.

Вѣсть о несчастьѣ на волчьей охотѣ достигла Горска очень скоро, и досужіе языки, конечно, раззвонились въ полное удовольствіе. По самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, разорвало не одно, а два ружья, и у Кондрата были ампутированы обѣ руки по самыя плечи. Больше всего интересовались, кто онъ. Никто не видѣлъ этихъ товарищей Яшнева и никто не зналъ, какъ и откуда они очутились на охотѣ. Адріанова первая рѣшилась непремѣнно все разузнать самолично и съѣздить въ Колычево. Узнавъ объ этомъ, слѣдомъ устремилась полковница, а за нею и обѣ львицы, и въ одинъ пасмурный февральскій полдень въ гостиной стараго дома оказался цѣлый раутъ. Но посѣтительницы отъ хозяевъ ничего не добились. Узнали только, что раненаго зовутъ Кондратіемъ Виссаріоновичемъ Чермакомъ и что ему 18 лѣтъ. Двери въ кабинетъ были плотно закрыты и повидать интереснаго субъекта, даже предложивъ себя въ сестры милосердія, такъ и не удалось.

А онъ все чаще приходилъ въ себя. Дѣтски-любопытными глазами осматривался онъ въ этой до мельчайшихъ подробностей знакомой теперь комнатѣ съ бархатистыми зелеными обоями и такой же триповой мебелью краснаго

дерева, съ мягкимъ пушистымъ ковромъ и бликами игравшаго на всемъ зимняго, низкаго солнца. На стѣнахъ висѣли портреты и фотографическія группы, гдѣ всегда повторялось все то же лицо съ чиновничьими бакенбардами и гладко зачесанными височками. Можно было даже прослѣдить, какъ постепенно сѣдѣли эти бакенбарды, какъ рѣдѣли височки и какъ все важнѣе съ годами становилась осанка и физіономія на группахъ, гдѣ фигура занимала все болѣе центральное положеніе. И это лицо странно волновало и раздражало его.

— Кто это? — спросилъ онъ однажды у Лизы.

— Мой дядя, Семенъ Михайловичъ Сотовъ. Это его кабинетъ и здѣсь все осталось нетронутымъ со времени его смерти.

— Онъ умеръ... Какъ странно болятъ у меня сегодня пальцы на забинтованной рукѣ, особенно указательный,— добавилъ онъ.

Лиза вздохнула.

„Болятъ пальцы на отрѣзанной рукѣ... Бѣдный, бѣдный мальчикъ! какъ приметъ онъ извѣстіе, что сталъ калѣкой?..“

— Сядьте ближе ко мнѣ. Мнѣ хочется видѣть васъ, мнѣ сегодня много, много лучше.

Лиза собрала свои мотки и сѣла къ постели больного.

— Я не знаю, хорошо ли разговаривать вамъ.

— Я буду молчать, только не уходите.

Она сидѣла и вышивала, а онъ слѣдилъ за ея иголкой и за цвѣтной шерстинкой, укладывавшейся крестиками по канвѣ. Полное сознаніе еще не возвращалось. Контузія отозвалась на мозговой дѣятельности, и Кондратъ не отдавалъ себѣ отчета, почему онъ боленъ и что привело его въ эту обстановку. Теперь было просто физически хорошо и покойно. Прошлое, болѣе отдаленное, вспоминалось ярко, но все недавнее скрывала какая-то плотная, непроницаемая пелена. И комнатѣ этой въ прошломъ не находилось мѣста, но Лиза была знакома.

— А вы кто такая? — спросилъ онъ снова.

Лиза улыбнулась и назвала себя.

Онъ пристально всматривался въ нее.

— Вы не гимназистка У—ской гимназіи?

— Нѣтъ, я N—ская институтка.

— Но я васъ видѣлъ... Когда?..

Лиза не знала, что отвѣчать, и изъ осторожности молчала.

— Я знаю навѣрно, что видѣлъ. Вы были въ бобровой шапочкѣ... Конечно, вы шутите... Мы вмѣстѣ катались на конькахъ въ У.

— А вы оттуда?

— Да, я родился и выросъ около У. Это очень древній городъ. У насъ тамъ домъ, а рядомъ въ уѣздѣ имѣнье.

Лиза опустила вышиванье.

— У васъ есть родители?

— Да, и мать, и отецъ. У меня еще три брата и три сестры. Сперва идемъ мы, четыре брата... я младшій... потомъ сестры... Мы очень дружны съ Соней... между нами всего годъ разницы... Вы развѣ не знаете Соню? она такая серьезная... Ее еще звали въ гимназіи Рыжикомъ.

— Нѣтъ, я не знаю вашей сестры.

— Не знаете!.. я думалъ, вы ее помните... Соню Ершову. Софью Яковлевну Ершову... У насъ еще домъ на Воскресенской улицѣ... сѣрый съ зеленой крышей и съ бѣлыми столбиками подъ окнами... Неужели не помните?.. Вѣдь мы же катались?.. Гдѣ... Ахъ, Боже мой! отчего я ничего сообразить не могу!

— Вамъ не надо такъ много разговаривать... Это вредно... Спите лучше...

— Закройте мнѣ рукою глаза. У васъ такія добрыя, славныя руки... Отъ нихъ сейчасъ легче становится.

Она положила ему руку на глаза, и онъ заснулъ.

„Кто онъ? Если его сестра Ершова, почему же его фамилія Чермакъ? Или они отъ разныхъ отцовъ? Разспросить Яшнева?..“ Нѣтъ, они встрѣчались, какъ посторонніе, между ними было все кончено навѣки, и ни въ какіе разговоры она съ нимъ ни за что не вступитъ. При постороннихъ она холодно протягивала ему руку, а онъ сразу выпускалъ ея неподвижныя пальцы, не смѣя пожать и задерживать ихъ въ своей рукѣ, — наединѣ она ограничивалась небреж-

нымъ кивкомъ головы и тотчасъ же выходила изъ комнаты.

По средамъ она продолжала ѣздить къ Мартыновымъ, но теперь уже одна, чтобы не отрывать другихъ отъ дежурства у больного. Вечеромъ у штабсъ-капитана собиралась прежняя компанія, но Лиза не пѣла и не шутила. Ея мысли оставались въ зеленомъ колычевскомъ кабинетѣ, и она знала, что Кондратъ хотя и въ надежныхъ рукахъ, но чувствуетъ и сознаетъ ея отсутствіе.

XXIV.

Съ койки уноситъ его лихорадка
Словно на крыльяхъ въ покинутый домъ.
Хатой родной обернулась палатка,
Милыя лица тѣснятся кругомъ.
(Въ „Красномъ Крестѣ“ М. К.).

Съ нѣкоторыхъ поръ Флинтъ сталъ еще внимательнѣе и предупредительнѣе къ Лизѣ и являлся раньше всѣхъ къ чаю. Однажды онъ засталъ ее одну въ гостиной Марьи Антиповны. Соня кончила урокъ, остальныхъ не было дома. Лиза сидѣла у окна, перелистывая старые журналы. Поручикъ подсѣлъ къ ней.

— А знаете, вы сильно похудѣли! Вѣрно, ночныя бдѣнія даютъ себя знать. Скажите, вамъ нисколько не страшно сидѣть возлѣ больного по ночамъ?

— Нисколько! Мнѣ безумно жаль его. Если бы вы видѣли, какъ онъ изуродованъ. А онъ былъ такой красивый.

— Развѣ вы его раньше видѣли? — спросилъ онъ съ изумленіемъ.

Лиза потупилась.

— Нѣтъ, я такъ предполагаю.

Флинтъ прищурился.

— А все-таки я нахожу, что Яшневъ довольно безцеремонный господинъ. Навязать вамъ въ домъ такого больного. Товарищъ его, — такъ и возился бы съ нимъ самъ. Вы-то при чемъ?

— Какъ при чемъ? Въ больницѣ мѣста нѣтъ, а у него — ходить некому. Въ земскихъ больницахъ персоналъ едва со своими больными справляется. Какъ же было не предло-

жить свои услуги? Это было болѣе чемъ естественно. У насъ и комната и руки свободныя есть.

Онъ вдругъ взялъ ея руку и благоговѣйно поцѣловалъ.

Лиза вспыхнула.

— Что вы дѣлаете?

— То, что долженъ дѣлать каждый,— какъ къ святынѣ, прикладываться къ рукамъ русскихъ дѣвушекъ, которыя всюду поспѣваютъ на помощь. Это я еще на войнѣ испыталъ, меня такія же дѣвичьи руки выхаживали, когда я во Фратештахъ въ госпиталѣ въ тифѣ лежалъ. А потомъ, когда я выздоровѣлъ и на ноги всталъ, ихъ уже червь могильный вмѣсто моихъ точилъ. Такъ я имъ своего долга и не заплатилъ.— Онъ отошелъ къ другому окну.— Вотъ видите ли, много я женщинъ знаю, со многими болтаю, а ни одной вотъ этой моей тайны душевной не открывалъ, а вамъ такъ и тянетъ душу распахнуть. Ужъ очень вы хорошая.

Онъ замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что, если не взять себя сразу въ руки, онъ объяснится въ любви Лизѣ, а дѣлать это теперь передъ академіей считалъ невозможнымъ. Не Лизѣ быть женою армейскаго поручика. И, справляясь съ собою, онъ старался не глядѣть въ ея сторону.

— Полноте,— раздался голосъ Лизы.— Это все такія пустяки, говорить не о чемъ. Если ужъ на то пошло, мнѣ ужасно хотѣлось бы сдѣлать что-нибудь особенное... совершить какой-нибудь подвигъ.

Флинтъ улыбнулся.

— Быть второй Іоанной д'Аркъ? Спасти отечество и самой сгорѣть на кострѣ? Нѣтъ, время такихъ подвиговъ миновало. По-моему, истинное геройство вовсе не въ томъ, чтобы совершить что-нибудь выдающееся, за что неминуемо тотчасъ же воспослѣдуетъ и награда въ видѣ безсмертной славы, а вотъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ дѣлать безо всякой рисовки все, что требуетъ этотъ день и часъ, не гнушаясь мелочностью дѣла. Если бы каждая женщина умѣла откликнуться на каждый обращаемый къ ней за помощью взглядъ,— о, Боже мой! да на землѣ бы рай насталъ, тотъ рай, къ которому весь вѣкъ стремятся люди и достичь не умѣютъ. И знаете, за что я такъ люблю Россію? У насъ

больше всего такихъ женщинъ, и какъ бы тяжело намъ, русскимъ, ни приходилось, но съ ними мы можемъ смѣло смотрѣть бѣдѣ въ лицо, — онѣ отстоятъ насъ, онѣ душу свою отдадутъ за дѣло, безъ лишнихъ словъ и громкихъ фразъ.

Лиза сидѣла, опустивъ голову.

„Да, этотъ любитъ женщинъ по другому. У него не повернулся бы языкъ обратиться ко мнѣ съ тѣми, ужасными словами. Если бы онъ вдругъ, вотъ сейчасъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе стать его женою, что бы я отвѣтила?.. Конечно, да!.. а тотъ... о, какъ бы онъ былъ отмщенъ.

Но дверь открылась, и въ комнату вошла Марья Антиповна, и Лиза стала помогать ей хозяйничать...

Когда, вернувшись на другой день въ Колычево, она вошла къ Кондрату, тотъ встрѣтилъ ее капризнымъ тономъ:

— Вы уѣзжали, и мнѣ сразу сдѣлалось хуже. У меня невыносимо болитъ указательный палецъ. Скоро ли мнѣ перебинтуютъ руку?..

Руку ему бинтовали уже не однажды, но съ нимъ каждый разъ дѣлалось дурно. Доктора были со своей докторской точки зрѣнія въ восторгѣ отъ операціи. Грануляція шла быстро, и распады тканей не вызывали лихорадки, но мозговыя явленія внушали опасенія, и ручаться за полное возвращеніе сознанія не было возможности.

Это очень озабочивало Василія Игнатьевича. Что станется съ несчастнымъ искалѣченнымъ и слабоумнымъ юношей? Куда дѣть, куда пристроить его? Никакихъ ближайшихъ подробностей объ немъ онъ не зналъ и поручилъ Фролову навести справки въ комитетѣ. Но пока оттуда отвѣта не приходило.

Зато больной становился съ каждымъ днемъ откровеннѣе съ Лизой. Онъ разсказывалъ объ У., о своемъ дѣтствѣ въ имѣніи „Большіе Мхи“, о матери, объ отцѣ, о сестрахъ, о гимназіи, но тутъ нить воспоминаній вдругъ обрывалась. Сразу начинала болѣть голова и клонило ко сну. Точно нервы извѣстнаго мозгового центра наотрѣзъ отказывались служить. Лизѣ все это казалось очень страннымъ, но разспрашивать сама она не смѣла, боясь за его покой.

Съ другими женщинами Кондратъ былъ очень вѣжливъ, но молчаливъ, и когда на смѣну Лизы входилъ кто-нибудь изъ нихъ, онъ закрывалъ глаза и сразу притворялся спящимъ. Лиза все чаще брала на себя дежурство и рѣдко пользовалась отдыхомъ и свѣжимъ воздухомъ.

Жизнь ея вся сосредоточилась въ этой комнатѣ. Она все болѣе привязывалась къ своему больному, и то, что совершалось за стѣнами зеленаго кабинета, казалось далекимъ и совершенно чужимъ и неинтереснымъ.

Наступила и прошла масленица съ шумными катаньями по деревенской улицѣ, съ перезвонами колокольчиковъ и бубенцовъ, съ визгомъ ребятъ и дѣвушекъ, слетавшихъ на салазкахъ по косогору на ледяную гладь Оболони, и съ блиннымъ чадомъ изо всѣхъ трубъ и дверей, но Лиза даже не замѣтила ея. Въ прощеное воскресенье въ четыре часа дня ударилъ первый великопостный колоколъ къ вечернѣ.

„Говѣть?“...

Тетя Саша всегда говѣла на первой недѣлѣ, но Лиза рѣшила отложить говѣнье. Мысль говорить на исповѣди о своихъ душевныхъ дѣлахъ съ о. Никаноромъ страшила ее, а скрыть ихъ—она считала противнымъ церковнымъ догматамъ. Она вспомнила своего институтскаго духовника, даже того католическаго аббата, съ этими было бы легче, они бы поняли, но о. Никаноръ...—и она дала себѣ отсрочку.

„Авось успокоюсь и соберусь съ духомъ на Страстной“.

XXV.

Мой вѣночекъ, свѣжій и душистый,
По волнамъ плыви! плыви!
Сердцу радости дай чистой!
Счастье дай въ любви!

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Вернувшись въ субботу отъ причастія, Александра Николаевна настояла, чтобы Лиза вышла провѣтриться.

— Такъ нельзя! посмотри, на что ты похожа. Иди и прогуляйся, а то долго-ли свалиться...

Лиза сложила свое вышиванье и покорно вышла.

Въ старой аллеѣ липы стояли недвижно, и ихъ темные, дуплистые стволы, словно траурныя колонны, рѣзко чернѣли на бѣломъ фонѣ лужаекъ. На душѣ было холодно и пусто, но Лиза упорно увѣряла себя, что это пустяки. Она впервые послѣ разрыва съ Яшневымъ шла по знакомой дорогѣ, по которой тогда бѣжала отъ него въ слезахъ, и ей опять казалось, что въ жизни ея прошла новая вѣчность.

Послѣднее время она сильно работала надъ собою.

Съ того разговора съ Флинтомъ она нарочно была съ нимъ любезнѣе и сердечнѣе. Она искренно хотѣла забыть Яшнева и пріучала себя къ мысли, что „то конечно и отлично, Флинтъ гораздо лучше, добрѣе и болѣе подходящая партія“, и она разспрашивала его о родныхъ и объ академіи, а у поручика все веселѣе блистали стальные глаза и все успѣшнее шла подготовка къ экзаменамъ.

Марья Антиповна замѣчала все и сочувствовала такому обороту дѣла. Конечно, изъ академіи дорога отличная, не то что армейская захолустная карьера. И мысль, что Лиза нашла счастье въ ея домѣ, тѣшила и радовала добрую женщину.

Лиза шла по аллеѣ, опустивъ голову, поглощенная мыслями... Сердце все-таки не хотѣло сдаваться...

„Флинтъ, собственно фонъ-Флинтъ... Андрей Карловичъ фонъ-Флинтъ“. И вспомнилась полковница, урожденная „фонъ-Маусъ“. Почему эти нѣмецкія фамиліи такъ рѣжутъ ухо? и было жаль своей русской... „Колычева... звучно и красиво... А фонъ-Флинтъ... Елизавета Ивановна фонъ-Флинтъ...“

— Это счастливый случай, и я его не упускаю,—раздалось надъ ея ухомъ.

Лиза отпрянула. Яшневъ нагналъ ее незамѣтно и шелъ теперь рядомъ.

— Я давно ждалъ его. Намъ надо объясниться.

— Въ чемъ? Между нами все кончено.

Она хотѣла пройти мимо, но онъ не отставалъ.

— Нѣтъ, неправда. Не кончено, а только начинается. Я умоляю выслушать меня... Въ тотъ день я былъ сумасшедшимъ, я восемь ночей не спалъ, работая въ отравленномъ воздухѣ, и повторяю: тѣ слова говорилъ не я, а мой пере-

работавшійся мозгъ, мои перетянутые нервы. Я ихъ беру назадъ. Я умоляю забыть ихъ и считать никогда не говоренными.

Онъ говорилъ спѣшно и обрывисто, точно боясь, что не успѣетъ высказаться. Лиза упорно смотрѣла подъ ноги.

— Ни забыть, ни считать ихъ не говоренными вами я не могу. Вы ихъ сказали, сказали послѣ того, какъ я довѣрчиво пришла къ вамъ. Значитъ, вы сознавали, что хотѣли сказать, и считали возможнымъ обратиться съ ними ко мнѣ именно въ ту минуту. Я васъ не виню, я одна виновата. Вы смотрите на женщину съ этой вамъ присущей точки зрѣнія, я ея не понимаю и считаю для себя... она остановилась,—унизительной и недопустимой. Поэтому говорить мы другъ съ другомъ можемъ только на разныхъ языкахъ... и я прошу: оставьте меня!

— Лиза, я и умоляю простить мнѣ, что заставилъ пережить тебя это униженіе. Я готовъ, чѣмъ хочешь, загладить эту обиду. Я сейчасъ же, если ты согласна простить и примириться, иду къ Александрѣ Николаевнѣ просить офиціально твоей руки... Милая... милая... милая... кому нужны эти наши страданія, когда въ нашихъ рукахъ наше счастье? Дорогая, пойми! У меня свои взгляды, у тебя — твои. Развѣ не можемъ мы жить вмѣстѣ, взаимно ихъ уважая? Со своей стороны я согласенъ на всевозможныя уступки. Ты знаешь, я никогда не скрывалъ отъ тебя ни своего невѣрія, ни своей нелюбви ко всѣмъ обрядностямъ, считая ихъ жалкимъ лицемѣріемъ и комедіей, которой слабые люди обманываютъ себя, не дерзая трезво глядѣть на жизнь, но ради тебя я готовъ вѣнчаться съ трезвономъ и архіереями, только бы имѣть послѣ того право считать тебя своею. Для меня лично всѣ эти хожденія вокругъ аналоя подъ „Исаія ликуй!“ не играютъ никакой роли. И безъ нихъ моя связь съ тобою была бы достаточно крѣпка, свята и нерушима, но это нужно для тебя, и я больше не протестую. Лиза, дай же мнѣ право загладить мою вину... Скажи, что ты меня простила, и разрѣши сейчасъ же пойти и переговорить съ твоей теткой.

Лиза стояла, все также не поднимая глазъ. Голова слегка

кружилась и сердце, стучало, какъ тогда въ темной кладовой. Онъ снова былъ такъ близко...

„Чего же надо мнѣ?... онъ согласенъ, онъ готовъ вѣнчаться въ церкви... Стоитъ сказать одно слово, и то счастье, которое я считала утраченнымъ, снова вернется... А Флинтъ?...“

Яшневъ нагнулся къ ней и, взявъ за руку, притянулъ къ себѣ.

— Лиза!...

Все спуталось и исчезло. Розовое ли облако зимняго дня алѣло сквозь кружевной узоръ оголенной липовой аллеи, или же розовымъ свѣтомъ была залита жизнь?...

— Пойдемъ къ тетѣ...

Они вошли вдвоемъ подъ руку. Тетя Саша сидѣла въ своей спальнѣ. Она увидѣла ихъ изъ окна идущими по аллеѣ, и въ первый разъ мысль, что онъ можетъ стать Лизинымъ женихомъ, пришла ей въ голову. Не успѣла она еще дать себѣ отчета, хорошо ли это,—они уже стояли оба подлѣ нея.

. . . .

— Только объ одномъ умоляю тебя, тетя, не говори никому. Мы оба не хотимъ гласности, не хотимъ офиціальныхъ поздравленій. Дай намъ освоиться съ нашимъ счастьемъ.

Тетя Саша молчала. По обычаю нужно было бы встать, снять образъ со стѣны и благословить жениха съ невѣстой. Но Лиза, цѣлуя ей руки, просила: „подожди! подожди!...“ Ей самой страшно стало. Ей казалось кощунствомъ это благословеніе...

— Я потомъ объясню все!—шепнула она теткѣ на ухо.

— Относительно приданаго...—начала та.

Яшнева передернуло.

— Нѣтъ, нѣтъ! меня этотъ вопросъ вовсе не интересуетъ. Я прошу не подымать его.

Александра Николаевна совсѣмъ растерялась.

— Господи, да что жъ это такое! Да вы оба сумасшедшіе! Да развѣ у людей такъ дѣлается?

Лиза, плача и смѣясь, обнимала ее.

— Да, да! теточка... Мы оба сумасшедшіе... мы оба съ ума сошли отъ счастья...

Вечеромъ она въ первый разъ за это время сѣла къ роялю.

— Можно? Больного не встревожитъ? — спросила она жениха.

— Конечно, нѣтъ! Можетъ только благотворно повліять...

„Vous savez bien que je vous aime..."

Василій Игнатьевичъ оцѣпенѣлъ. Гдѣ онъ слышалъ этотъ мотивъ?... Лиза никогда его при немъ не пѣла, боясь выдать себя теткѣ послѣ ея замѣчанія, но теперь она себѣ дала полную волю и вложила въ него всю душу, все бившееся неизъяснимымъ блаженствомъ сердце.

При первыхъ же звукахъ пѣнья Кондратъ встрепенулся.

— Откройте дверь!—приказалъ онъ дежурившей Танѣ.

Черезъ переднюю звуки полились въ зеленый кабинетъ. Они нѣжили слухъ, они били по струнамъ души, полные горячей страсти, безудержнаго ликованія и радости жизни...

Кондратъ съ удивленіемъ озирался кругомъ.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ Таню.

— У генеральши Сотовой,—отвѣтила растерявшаяся горничная.

— Генеральши Сотовой?.. я ея не знаю. Какъ я попалъ къ ней?

— Васъ на охотѣ ружье поранило.

Кондратъ наморщился.

— Ружье? Какое ружье?

Въ эту минуту изъ гостиной донесся голосъ Яшнева, умолявшій Лизу повторить кантику.

— Яшневъ! — крикнулъ Кондратъ.

Лиза, Василій Игнатьевичъ, тетя Саша бросились къ нему. Онъ сидѣлъ на постели. Повязка сползла, и всѣ поджившія, покрытыя струпьями раны обнажились.

— Что такое? что вамъ, Кондратій Виссаріоновичъ?

— Гдѣ я? Почему я забинтованъ? Гдѣ Фроловъ? Вы его услали въ Петербургъ? Отчего я остался? Вѣдь меня ждутъ...

— Уходите,—шепнулъ Яшневъ Сотовой,—и уведите Лизу. Намъ надо съ нимъ остаться вдвоемъ.

XXVI.

Ночь пришла. На небѣ звѣзды засверкали,
И на дно проникли свѣтлые лучи.
Въ сердцѣ сокрушенномъ умерли печали
И воскресли грезы, ярки, горячи.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“, М. К.)

Въ эту ночь Яшневъ самъ остался дежурить у Кондрата. Тетя Саша, отсчитывая усердные поклоны „за рабу Божію дѣвицу Елизавету и нареченнаго жениха ея, раба Божія Василія“, слышала изъ смежной съ кабинетомъ образной, что они бесѣдовали вполголоса. Рабъ Божій Василій уговаривалъ больного, какъ нянька, а тотъ твердилъ: „Ужасно! ужасно! Но ради дѣла нужны жертвы, и я готовъ утѣшаться хоть этимъ“.

Сотова зажала уши, чтобы не слушать невольно чужихъ разговоровъ и, поправивъ наскоро нагорѣвшую свѣтильню въ лампадкѣ, заторопилась въ спальню. Лиза въ ночномъ халатикѣ сидѣла у нея на кровати.

— Что тебѣ, Лизокъ?—спросила тетка.

— Тетя, я такъ счастлива! Мнѣ хочется поговорить съ тобою. Лягъ скорѣе, такъ удобнѣе. Вотъ въ чемъ дѣло,— продолжала она, когда Александра Николаевна натянула на себя пуховое стеганое еще въ Горкахъ одѣяло:—ты знаешь, тетя, вѣдь Василій Игнатьевичъ,—она стѣснялась звать жениха при теткѣ уменьшительнымъ именемъ,—невѣрующій. Но это ничего, тетя? Да?

— Охъ, Лизанька! всѣ мужчины невѣрующіе. Покойный дядя Simon только и дѣлалъ всю жизнь, что надъ попами издѣвался. Такъ это принято у нихъ. Въ душѣ они совсѣмъ другіе. Небойсь, какъ плохо становилось, самъ въ Петербургѣ къ Спасителю ѣздилъ и на домъ тѣхъ же поповъ звалъ молебны пѣть. Это у нихъ только наружное, а вѣрятъ они въ душѣ не меньше нашего.

— Нѣтъ, Василій Игнатьевичъ и въ душѣ не вѣритъ. Но я знаю, меня онъ переубѣждать не станетъ. Я на этой же недѣлѣ говѣть хочу.

— Когда же свадьба ваша, Лизанька? Объясни ты тол-

комъ. Почему это вы порѣшили помолвку втайнѣ держать? Что же это за странности непонятныя?

— Ахъ, тетя, право, такъ лучше. Онъ ненавидитъ сплетни и толки. Его будутъ раздражать визиты и неизбѣжные разговоры. Онъ говорилъ, что перспектива офиціальнаго жениховства прямо страшитъ его. Зачѣмъ же подвергать его непріятностямъ лишнее время?

— Такъ-то такъ! но вѣдь нужно же подумать о приданомъ, надо же запасти бѣлье, платья... Наконецъ, квартиру пріискать. Гдѣ же вы жить будете?

— Да тутъ же съ тобою, тетя! Неужели ты думаешь, я соглашусь жить врозь. Или я уже тебѣ надоѣсть успѣла? Вѣдь и его служба здѣсь же въ двухъ шагахъ при больницѣ, такъ чего же удобнѣе. И знаешь, именно потому, что все такъ чудесно складывается, я вижу, что это судьба... Тетя, скажи: а тебѣ онъ нравится?

Александра Николаевна вздохнула. Нѣтъ, онъ ей не нравился, т. е. не самъ по себѣ, а какъ мужъ Лизы. Почему? она себѣ объяснить не могла, но чтобы не огорчать милой дѣточки, такъ довѣрчиво прижимавшейся къ ея плечу, такъ задушевно заглядывавшей ей въ глаза, она ее поцѣловала и отвѣтила:

— Очень.

Лиза чуть не задушила ее поцѣлуями.

— Ну, иди спать, дружокъ!

Она еще разъ перекрестила племянницу и отпустила ее.

Лиза передъ сномъ молилась передъ своимъ образомъ Смоленской Божьей Матери, озареннымъ синимъ огонькомъ лампадки.

„Господи, благодарю Тебя за посылаемое мнѣ, недостойной рабѣ Твоей, столь великое счастье! А я, Господи, постараюсь обратить къ Тебѣ его сердце. Научи же меня великой мудростью Твоею, чѣмъ поколебать его, чѣмъ рушить его сомнѣнія, чѣмъ убѣдить его мятежный разумъ! Да озарится онъ свѣтомъ правды Твоей, да расцвѣтетъ въ душѣ его вѣра въ Тебя, всеблагой и всевѣдущій!"

И, перекрестивъ подушку, она легла.

— Милый, милый!—шептали губы, улыбаясь.—И я могла

думать, чтобы промѣнять его на Флинта... Развѣ можно сравнивать ихъ?...

Когда на другой день, подойдя послѣ обѣдни ко кресту, Лиза сообщила отцу Никанору о своемъ намѣреніи говѣть на слѣдующей недѣлѣ, священникъ благословилъ ее и сказалъ:

— Отлично, поговѣйте, барышня, въ нашей убогой церкви. Вы тамъ въ институтѣ привыкли къ благолѣпной обстановкѣ, а Богъ одинъ вездѣ, и молиться Ему и безъ пѣвчихъ и концертовъ можно, и подвига въ такой молитвѣ гораздо больше будетъ.

Лиза была тронута.

„Онъ правъ. Вѣдь Богъ создалъ не только одно прекрасное... Нѣтъ, Онъ все создалъ прекрасно, и это мы сами не умѣемъ смотрѣть на все съ должной стороны“.

Она медленно шла домой по аллеѣ. Вдругъ сзади раздались быстрые шаги. Ее догонялъ Яшневъ. Видъ у него былъ нѣсколько разстроенный.

— Я сейчасъ изъ подвала. Тамъ видимо, былъ кто-то. Замокъ испорченъ, ключъ не дѣйствуетъ. Я не знаю, какъ быть.

— Надо позвать слесаря. Вотъ старикъ Агаѳонъ—отличный слесарь. Хочешь, я пошлю за нимъ?

— Но тогда все откроется. Придется сознаться, что я всю зиму пользовался помѣщеніемъ.

— Чего жъ тутъ страшнаго? Скажемъ тетѣ. Я ей покаюсь, что вы, милостивый государь, уже не со вчерашняго дня мой избранникъ—и все. Полно, милый! Стоитъ ли волноваться и такими пустяками портить наши блаженные дни?

Онъ улыбнулся ей и вдругъ порывисто обнялъ и поцѣловалъ.

— Тише, сумасшедшій! могутъ увидѣть!

— Ну, эта публика, онъ ударилъ палкой по дуплистому стволу старой липы, — не насъ первыхъ наблюдаетъ и не выдастъ. Могу себѣ вообразить, чего, чего за свою долгую жизнь онѣ не навидались и не наслушались...

Они шли рядомъ. Яшневъ сообщилъ Лизѣ, что теперь Чермакъ уже знаетъ о своемъ увѣчьѣ.

Лиза усмѣхнулась.

— Мнѣ кажется, что это не его имя. Его фамилія не Чермакъ, а Ершовъ и онъ родомъ изъ У... Онъ самъ говорилъ мнѣ, что его родители Ершовы и отецъ его какой-то отставной чиновникъ.

Яшневъ насторожился.

— Ну, это онъ говорилъ въ бреду?

„Надо будетъ этотъ вопросъ выяснить, однако", подумалъ онъ про себя.

— Какъ же принялъ онъ страшную новость?

— Говоря твоимъ языкомъ,—съ покорностью волѣ Провидѣнія.

— Несчастный! что будетъ онъ дѣлать теперь?

— И не такіе калѣки живутъ! Конечно, о медицинской карьерѣ думать ему больше нечего...

— Онъ готовился въ медики? Значитъ, онъ пріѣзжалъ къ тебѣ, чтобы посовѣтоваться?..

Яшнева озарила мысль.

— Да, и поработать въ лабораторіи, что для всякаго готовящагося къ медицинѣ страшно важно... Ну, да, вѣдь, есть и другія дороги... Какъ-нибудь устроится. Поживемъ—увидимъ.

Когда Лиза принесла повинную относительно своего самоуправства съ подваломъ, Александра Николаевна даже не пожурила ее.

„Что жъ, дѣло ихъ молодое. Они другіе, чѣмъ мы были въ наше время. Я отъ тетушки скрыть не сумѣла бы, да и мимо бы ходить боялась..." и, вздохнувъ, она велѣла позвать слесаря.

А Лиза вышла смѣнить Кирилловну у Кондрата. Больной принялъ ее сдержанно.

— Вамъ лучше? — спросила она, оправляя сползшее одѣяло.

— Не знаю. Это безразлично теперь.

— Зачѣмъ говорите вы такъ?

— А вы развѣ не знаете, что у меня отнята правая рука? Правая рука,—повторилъ онъ и стиснулъ зубы.—Какая насмѣшка! Въ двадцать лѣтъ уже стать ни къ чорту негоднымъ.

Лиза молчала, не находя, чѣмъ его успокоить.

— Вотъ вы молчите, вы даже слова не умѣете найти мнѣ въ утѣшеніе!—злобно бросилъ онъ ей.

— Что же сказать мнѣ!.. Надо утѣшать себя, что такія несчастія нерѣдки, они могутъ случиться съ каждымъ на охотѣ, особенно ночью... Лучше было не ѣздить на нее.

— На охоту?—онъ иронически осклабился.—О это такая увлекательная вещь подобная охота! Выслѣдить, приманить, а потомъ затравить звѣря, какъ лютѣйшаго, злѣйшаго врага своего. Что жъ, я готовъ не жаловаться, я готовъ дать ампутировать и вторую руку, только бы услыхать, что нашлись другіе счастливчики, которымъ удалось то, ради чего я лишился куска костей и мяса. Нѣтъ, видѣть звѣря, истекающаго кровью, кто всю жизнь не только самъ, но и чьи предки только и дѣлали, что пили чужую, людскую кровь—это такое блаженство, ради котораго ничего не жаль!

Лиза удивленно слушала его.

— Да, вѣдь, это... это какая-то кровожадность!

— А съ его стороны не кровожадность? Милліоны голодающихъ, изможденныхъ людей ради тысячи какой-нибудь не сытыхъ просто, а пресыщенныхъ.

— Кого? волковъ?

— Да, да! волковъ! потому что имени людей они не стоятъ. Они понятія не имѣютъ, что такое человѣкъ настоящій, живущій трудомъ, бѣдствующій, когда они сами утопаютъ въ роскоши.

„Онъ бредитъ, вѣрно", подумала Лиза и приложила руку къ его лбу съ поджившими черными ссадинами.

— Да, подержите такъ руку, я по крайней мѣрѣ не вижу этого противнаго лица.

— Какого?

— Того человѣка съ бакенбардами. Это тоже волкъ.

— Богъ съ вами! дядя Simon былъ самымъ мирнымъ чиновникомъ, ничего волчьяго въ немъ не было.

— Напротивъ, онъ высасывалъ народную кровь не только вѣкъ свой, но и послѣ смерти продолжаетъ пить ее. Вѣдь, тетка ваша, вѣрно, получаетъ громадную пенсію, подите еще съ арендой вдобавокъ?

Лиза сдвинула брови и сняла руку съ его лба.

— Это никого не касается, это жалуется государемъ.

— Какой убѣдительный аргументъ, подумаешь!—процѣдилъ онъ.

— Значитъ, и я, по-вашему кровопійца, потому что живу у тети и пользуюсь ея пенсіей тоже?

— Конечно!

— И ваши родители тоже?—не унималась потерявшая равновѣсіе дѣвушка:—вы, вѣдь, мнѣ разсказывали, что вашъ отецъ на пенсіи.

— Когда я это говорилъ вамъ?—всполошился больной.— Ничего подобнаго! Мой отецъ никогда чиновникомъ не былъ и быть не могъ. Онъ мѣщанинъ и нажился на подрядахъ. И я ушелъ отъ него, чтобы не ѣсть этого хлѣба, пропитаннаго народною кровью... Я навѣки порвалъ съ семьею, гдѣ мои идеи величались богохульными, возбуждали однѣ насмѣшки, перешедшія въ притѣсненія, гдѣ не щадилась ни человѣческая личность, ни достоинство. Я бросилъ этихъ затхлыхъ людишекъ и ушелъ.

— Куда?—спросила Лиза. Это былъ новый этапъ его біографіи, до котораго онъ еще не доходилъ, и ей хотѣлось знать и конецъ. Но Кондратъ оборвалъ разговоръ и отвернулся къ стѣнѣ.

— Оставьте меня... я хочу спать...

Она осталась и сѣла къ окну. Вышивать не хотѣлось.

„Странный онъ все-таки! Надо все разсказать Васѣ“.

XXVII.

А тѣ звуки растутъ и растутъ,
Призывая на Божескій судъ,
Гдѣ не страшны ни смѣхъ, ни угрозы,
Гдѣ сосчитаны стоны и слезы.

(„Колоколъ“. М. К.).

Къ обѣду пріѣхали Флинтъ и Шемаевъ. Поручикъ вошелъ съ торжествующей улыбкой, ожидая ласковаго пріема отъ дѣвушки, дарившей его послѣднее время все большимъ вниманіемъ, но она вышла только къ обѣду и вела себя крайне сдержанно. Раза два онъ поймалъ ея взглядъ, устре-

мленный на Яшнева, и видѣлъ, какъ тотъ улыбнулся ей подъ своими черными, слегка завитыми усами... „Что-то неладное!.. Они словно хорошо спѣлись!“ и онъ сталъ еще наблюдательнѣе. Сразу послѣ кофе Яшневъ ушелъ. Онъ торопился въ подвалъ. И разговоръ началъ обрываться, точно Лиза тяготилась имъ.

А она дѣйствительно чувствовала себя неловко. „Какъ могла я даже ставить ихъ на одну доску! Флинтъ настоящій истуканъ... то ли дѣло глаза моего Васи, его бездонныя, черныя очи...“ И чтобы не стѣснять себя разговорами, она сѣла за рояль и запѣла:

„Очи черныя, очи страстныя...“

Весь вечеръ она не вставала изъ-за рояля и пѣла и играла все, что ее просили. И оба ея поклонника замирали отъ восторга, слушая ее, но въ душѣ у Флинта сверлилъ червякъ. Степаша, ревновавшій и къ нему, и къ Яшневу, упивался теперь музыкой. Вѣдь, слушать ее никому не воспрещается. Дверь къ Кондрату была прикрыта. Уже поданъ былъ самоваръ, когда вдругъ въ передней раздался голосъ Игнатія Львовича, пріѣзда котораго никто за музыкой не замѣтилъ.

— Слышали, господа, какой ужасъ!—кричалъ онъ изъ передней, отряхая снѣгъ съ шапки:—государя убили!..

— Господи, съ нами крестная сила!

Александра Николаевна вышла въ переднюю и, крестясь, такъ и опустилась на стулъ. Лиза поблѣднѣла. Кирилловна, подававшая самоваръ, высунула голову изъ столовой и всплеснула руками.

— Откуда вы знаете?—спросилъ Флинтъ, тоже входя.

— Мы винтили у Адріановыхъ, когда принесли депешу полковому командиру. Бомбой на Екатерининскомъ каналѣ, во второмъ часу дня сегодня, и его величество, не приходя въ себя, скончался въ Зимнемъ дворцѣ въ три съ четвертью часа.

— Да кто же этотъ злодѣй?—вырвалось у Шемаева.

— Кто! конечно, изъ нигилистовъ. Какой вопросъ!

Всѣ прошли обратно въ гостиную. Лиза, облокотясь на

рояль, плакала навзрыдъ. У Александры Николаевны такъ и текли слезы, но она даже не вытирала ихъ.

— Есть какія-нибудь подробности?

— Пока никакихъ. Командиръ послалъ запросъ въ главный штабъ со срочнымъ отвѣтомъ, но при мнѣ его еще не приходило.

— Надо ѣхать!—сказалъ Флинтъ.—О, Господи! неужели не переловятъ и не передушатъ всѣхъ этихъ злодѣевъ!

Они простились и вышли со Степашей въ переднюю. Тамъ было темно. Пока поручикъ разыскивалъ свою саблю и пальто, дверь изъ кабинета отворилась. На порогѣ стояла бѣлая фигура съ наброшенной на плечи простынею. Таня, смѣнившая Лизу, исчезла со своего поста и въ числѣ прочей дворни слушала на кухнѣ разглагольствованія фельдшера Ивана, съ которымъ прибылъ старикъ Яшневъ, и больной съ трудомъ самъ сползъ съ постели и ощупью добрался до двери. Онъ давеча ясно разобралъ слова: „государя убили", и теперь ему захотѣлось еще разъ услышать подтвержденіе ихъ. Флинтъ невольно отшатнулся при его появленіи.

— Кого убили?—раздался надтреснутый голосъ.

Степаша шарахнулся въ сторону.

— Съ нами крестная сила! Кто это?

— Кого убили?—повторилъ больной.

Флинтъ зажегъ спичку. Ярко освѣтилъ красный огонекъ обезображенное лицо, гдѣ шрамы казались клеймами.

— Царь-Освободитель палъ отъ руки убійцы!—глухо, точно сдерживая рыданіе, вымолвилъ Степаша.

— Не я!.. Не я!..—вырвалось изъ безкровныхъ губъ калѣки, и, не выдержавъ, онъ во весь ростъ грохнулся на полъ.

Произошелъ переполохъ. Сбѣжались люди. Лиза, вся заплаканная, съ мокрымъ платкомъ въ рукѣ, суетилась тутъ же. Больного подняли и уложили. Игнатій Львовичъ хлопоталъ надъ нимъ съ помощью Ивана.

Во время суеты снова отворилась входная дверь, и въ переднюю прошла высокая, вся занесенная снѣгомъ, фигура отца Никанора.

— —

— Правда ли,—раздался его голосъ:—убили? Государя убили?—обратился онъ къ проходившей Лизѣ.

Она кивнула головою, и прислонившись лицомъ къ притолкѣ, еще безутѣшнѣй зарыдала въ отвѣтъ. Священникъ перекрестился широкимъ крестомъ.

— Упокой, Господи, душу новопреставленнаго раба Твоего...

— Раздѣньтесь, батюшка! присядьте!—предложила Александра Николаевна.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, если правда, такъ въ церковь поспѣшу лучше. Панихиду справить надо. Покаралъ насъ грѣшныхъ Господь. За наши злодѣянія опять пролилась невинная кровь праведника!..—и, смахнувъ слезу, онъ низко поклонился пояснымъ поклономъ и вышелъ.

Мятель разыгрывалась. Снѣжные вихри бѣжали по дорогѣ, наметая новые гребни на сугробы, заваливая ухабины и пронизывая холодомъ встрѣчнаго. Какъ острыми иглами, жгли кожу отдѣльныя снѣжинки, и горячія слезы, катившіяся противъ воли изъ глазъ, застывали крупными жемчужинами на бородѣ деревенскаго попа. А онъ, ничего не замѣчая, двигался впередъ. У избушки пономаря, того самаго Ѳомки, который помогалъ когда-то дѣду Ѳедотычу звонить на похоронахъ Арсенія Михайловича, онъ постучался въ окошко.

Опустилось стекло.

— Кто тамъ?—раздался сердито сиплый басокъ, но, узнавъ фигуру священника, Ѳомка тотчасъ же слащаво поправился:

— Ахъ, это вы, ваше преподобіе! милости просимъ, пожалуйте!

— Самъ ты лучше въ церковь пожалуй. Бери фонарь и ударь похоронный: царя убили.

Черезъ четверть часа со старой колычевской колокольни пронесся первый протяжный звонъ и слился, рыдая, съ завываніемъ снѣжнаго бурана. Гулко прозвучалъ онъ по всей далекой окрестности. Въ каждой избѣ, въ каждой лачугѣ дрогнули сердца... Руки поднялись для крестнаго знаменія: набатъ? пожаръ?..

Нѣтъ! за первымъ ударомъ раздался второй, еще протяжнѣе, еще печальнѣе, еще зловѣщѣе.

— Умеръ кто-то!..

Душа заныла острой болью, чуя бѣду неминучую. Змѣя-тоска засосала подъ ложечкой, и съ недобрымъ предчувствіемъ, кутаясь наскоро въ зипуны и полушубки, повалилъ по зимней ночной улицѣ народъ въ свой ветхій храмъ... А тамъ по серединѣ уже стоялъ низкій черный престолъ со вновь затепленнымъ сорокоустомъ, и тихо мерцали въ сумракѣ лампады у блеклыхъ иконъ. Въ черныхъ ризахъ вышли изъ алтаря священнослужители, и, еле сдерживая рыданія, обратился отецъ Никаноръ къ толпѣ:

— Царь нашъ батюшка, освободившій васъ двадцать лѣтъ назадъ отъ помѣщичьей власти, палъ въ городѣ Санктъ-Петербургѣ сегодня, во второмъ часу дня отъ руки злодѣйской. Помолимся же, братіе, за упокой его ангельской души, пріявшей нынѣ взамѣнъ царскаго вѣнецъ терновый! Да упокоитъ ее Господь Вседержитель въ селеніяхъ праведныхъ и да отвратитъ Онъ лицо Свое отъ каждаго, чье сердце не содрогнется отъ ужаса за совершившееся!

Громкія рыданія были отвѣтомъ. Замелькали, забѣгали огоньки по рядамъ богомольцевъ, и, какъ одинъ человѣкъ, упали всѣ на колѣни. Въ этой толпѣ были и Степаша, и Флинтъ, и Александра Николаевна съ Лизой. Тщетно, отрывая мокрый платокъ отъ наплаканныхъ докрасна глазъ, искала она взглядомъ жениха,—его въ церкви не было.

Когда похоронный перезвонъ пролился въ темноту зимней ночи, онъ долетѣлъ и до подвала, гдѣ Яшневъ, прибиралъ свои реторты и ступки, остававшіяся еще запачканными послѣ отъѣзда обоихъ членовъ „народной воли“. Типографскій станокъ, шрифтъ и формы стояли не распакованными. Уѣхавшіе должны были сообщить о результатахъ работъ въ Петербургѣ и прислать нужныхъ людей для оборудованія тайной типографіи и печатанія новыхъ прокламацій, такъ какъ, Яшневъ наотрѣзъ отказался устроить это на свой рискъ и страхъ и ждалъ отвѣта изъ комитета. Ударъ колокола оторвалъ его отъ работы.

— Что за притча? Это не набатъ... звонъ не частый... напротивъ... Что случилось?

Онъ накинулъ пальто, заперъ подвалъ и поспѣшилъ въ село. Оно точно вымерло, зато церковь такъ и горѣла огнями, и ея окна ярко свѣтились сквозь падавшія хлопья въ окружающей темнотѣ. Онъ позвонилъ у больницы.

— Что случилось?—спросилъ онъ у впустившаго его сторожа.

— Государя... уби-ли...—отвѣчалъ тотъ, отирая полой слезы.

Сквозь запертыя двери палатъ слышались оханья и всхлипы больныхъ. Яшневъ взялся по привычкѣ за дверную скобу, чтобы сдѣлать вечерній обходъ, и вдругъ повернулся на каблукахъ и быстро, точно убѣгая отъ кого-то, прошелъ къ себѣ.

Онъ прижался лбомъ къ холодному стеклу окна, выходившаго на церковь...

„Свершилось! свершилось!“ Но не радостью билось сердце, и не съ ликованіемъ побѣды смотрѣли въ темную ночь черные райки... Что-то зловѣщее, грозно-скорбное глядѣло оттуда въ отвѣтъ и нагоняло дрожь и тоску, и насторожившаяся, испуганная душа замирала отъ страннаго трепета...

XXVIII.

Разгораются угли въ каминѣ
Льется въ сумерки трепетный свѣтъ.
То скользнетъ онъ по темной картинѣ
То заглянетъ въ стекло на портретъ.
Разгорается пламя все ярче,
Все яснѣе портретъ сквозь стекло,
И въ душѣ все сознаніе ярче:
„Сколько счастья на вѣкъ утекло!“
(„У камина“. М. К.).

Шемаевскій иноходецъ шелъ ровнымъ шагомъ, слегка переваливаясь съ боку на бокъ. Сани, не смотря на сугробы, летѣли стрѣлою по накату дороги. Оба сѣдока молчали. Башлыкъ Флинта закрывалъ почти вплотную его лицо, но Степаша даже не поднялъ воротника и подставлялъ нарочно вѣтру богатырскую грудь. Оба думали свою думу, но у обоихъ она была объ одномъ и томъ же.

Именно потому, что за послѣдніе мѣсяцы крамола словно поутихла и притаилась, сегодняшняя катастрофа казалась тѣмъ неожиданнѣе и ужаснѣе. У Адріановыхъ, гдѣ знали всегда самые новѣйшіе слухи и новости изъ высшихъ сферъ, съ которыми старуха Родіонова умѣла ловко сохранять связи, громко говорили о предстоящихъ реформахъ, задуманныхъ государемъ для успокоенія смуты. На ушко даже произносили слово „конституціонная форма правленія“,—а вслухъ болтали о какихъ-то комиссіяхъ, которыя на подобіе редакціонныхъ въ шестидесятыхъ годахъ внесутъ новый строй въ политическую жизнь нашей родины. Но отъ Горска смута казалась за тридевять земель. И, возвращаясь въ этотъ памятный вечеръ изъ Колычева, оба молодыхъ человѣка испытывали одинаковое тревожное чувство. Изъ суммы общихъ только что пережитыхъ впечатлѣній вдругъ одинаково рельефно для обоихъ выплылъ образъ калѣки въ темной передней и его вопль: „не я! не я!“ И оба послѣ долгаго молчанія сразу задали другъ другу вопросъ: „Кто этотъ субъектъ?..“

— Да, я васъ хотѣлъ спросить,—сказалъ Степаша: — вы образованнѣе меня и больше на свѣтѣ живали, — какъ это ружье, неужели, разорвавшись, могло такъ искалѣчить человѣка и руку оторвать? Развѣ на войнѣ такое случалось?

Флинтъ пожалъ плечами.

— На моихъ глазахъ не случалось, но я допускаю,— если оно разорвалось на куски...

— А чего онъ завопилъ: не я! не я!

— Кто его знаетъ... Можетъ быть, въ бреду.

— Не знаю почему, а чуется, — наживутъ колычевскія барыни бѣду съ нимъ. И откуда этотъ пріятель докторскій взялся? Чего онъ имъ-то его навязалъ? Надо бы Лизаветѣ Ивановнѣ шепнуть, чтобы поосторожнѣе была...

— Елизаветѣ Ивановнѣ шепчи теперь, не шепчи,—толку не будетъ, — горько усмѣхнулся Флинтъ:—ей и свѣту въ окнѣ только отъ Яшнева.

— Вы думаете?...—Степаша туго натянулъ возжи, и иноходецъ зашатался еще быстрѣе. — А коли бы за этимъ голубчикомъ надзоръ бы учинить, мнѣ чуется, многое за нимъ

бы открылось, о чемъ никто и не подозрѣваетъ... Не спроста на панихиду-то не пожаловалъ. Какъ въ такой день, въ такой часъ въ церковь не прійти? Ты тамъ, какъ хочешь, въ Бога не вѣруй, а чтобы за невинно убіеннаго царя не захотѣть креста положить, это, батюшка мой, явно себя къ злодѣямъ сопричислить и всѣмъ показать, что, молъ, я ихъ поля ягода...

Яшневъ упорно не ходилъ на ежедневныя панихиды,— тѣмъ усерднѣе была Лиза. Свое говѣнье она снова отложила до Страстной, потому что свѣтлый день причастія не вязался съ ея душевнымъ настроеніемъ. По ея предложенію составился даже наконецъ небольшой церковный хоръ изъ нѣсколькихъ парней и мальчиковъ и когда въ первые на одной изъ панихидъ раздалось тихое и стройное „аминь"... всѣ колычевцы какъ-то особенно умиленно опустились на колѣни и руки сосредоточеннѣе и медленнѣе начинали класть привычные кресты. О. Никаноръ всякій разъ во время кажденія привѣтствовалъ Лизу отдѣльнымъ поклономъ, а она со слезами на глазахъ подавала камертонъ.

Даже и на эту панихиду Яшневъ не показался, несмотря на просьбы и убѣжденія невѣсты. Онъ отговаривался состояніемъ Кондрата, у котораго дѣйствительно проводилъ всякую свободную минуту. При своемъ паденіи раненый ушибъ больную руку, и у него снова началось безсознательное состояніе и жаръ.

Между тѣмъ газеты приносили все новыя свѣдѣнія о ходѣ слѣдствія. И ихъ жадно читали. О. Никаноръ, получивъ „Голосъ" изъ помѣщичьяго дома, читалъ его вслухъ желающимъ слушать, а потомъ передавалъ грамотеямъ на селѣ. Самымъ бойкимъ изъ нихъ былъ слесарь Агаѳонъ, когда-то претерпѣвшій лошадиную обиду отъ Романа. Онъ исполнилъ свое давнишнее желаніе и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Петербургѣ, сильно импонируя теперь своимъ односельчанамъ разсказами о томъ, какъ „строилъ Литейный мостъ и ходилъ по дну рѣчному въ воздушномъ колоколѣ". Грамотѣ онъ выучился на больничной койкѣ. Рядомъ съ нимъ лежалъ товарищъ по его же артели, взявшійся просвѣтить темнаго человѣка, членъ „Земли и Воли", и въ ру-

кахъ Агаѳона перебывала и „Сказка о четырехъ братьяхъ", и „Хитрая механика", и прочія брошюры запретной литературы, но страннымъ образомъ бывшаго бунтаря тянуло не къ нимъ, а къ священному писанію. Ему грамота казалась такимъ высокимъ и таинственнымъ даромъ, который грѣшно растрачивать на вещи земныя, какъ на уравненіе богатства и передѣлъ земли, и онъ съ пренебреженіемъ возвращалъ книги своему просвѣтителю. „Это про господъ, а не про насъ. Намъ не годится о такихъ пустякахъ читать, мы еще и Божьяго-то не читали".

Совершившееся теперь злодѣяніе окончательно озлобило его противъ этихъ непрошенныхъ благодѣтелей, и онъ карающе обзывалъ ихъ стрикулистами и крамольниками, совершенно забывая, что отъ нихъ слышалъ подтвержденіе своимъ прежнимъ бунтарскимъ мыслямъ, будто помѣщики объѣли мужика и несправедливо пользуются землею, напоенной потомъ и кровью мужицкой... Но теперь эта пролитая ими царская кровь, запекшаяся на булыжникахъ набережной Екатерининскаго канала, искупила всѣ страданія мужицкія и несправедливости помѣщичьи. Мужикъ и баринъ были квиты, и были одни злодѣи на свѣтѣ,—тѣ люди, вышедшіе и изъ мужицкой, и изъ барской среды, у которыхъ поднялась рука на царя-мученика, и не было казни, достойной для нихъ... Такъ думали въ избахъ села Колычева, и это же повторялось и въ малиновой гостиной стараго помѣщичьяго дома, гдѣ кроткое, незлобивое сердце Сотовой было ожесточено.

— Пусть всѣхъ переловятъ и перевѣшаютъ! Туда имъ и дорога...

Лиза сдвигала тоже темныя брови и утвердительно кивала головою. За эти дни она перебирала всѣ свои институтскія воспоминанія о посѣщеніяхъ государя. Она снова рисовала себѣ веселыя шпалеры бѣлыхъ перелинокъ и сотни дѣтскихъ и дѣвичьихъ лицъ съ восторженно сіявшими глазами... Боже, какъ замирало сердце, когда эти глаза случайно встрѣчались взоромъ съ царскими, кроткими и все-таки повелительными очами! Особенно ярко воскресала традиціонная поѣздка 1-го іюля въ загородный дворецъ. Какъ

удачно попала она тогда въ послѣднюю минуту въ царскій шарабанъ, одна изъ всего института, и очутилась рядомъ съ государемъ. Какъ ласково улыбнулся онъ ей и похвалилъ за ловкость...

А потомъ 19 февраля, въ день двадцатипятилѣтія его царствованія этотъ громадный соединенный хоръ воспитанницъ всѣхъ учебныхъ заведеній, спѣвшій въ Бѣломъ залѣ Зимняго дворца кантату, сочиненную принцемъ Ольденбургскимъ:

Царь-отецъ благословенный,
Лепту ты прими дѣтей...

Какъ билось ея сердце, когда государь съ милостивой улыбкой разсматривалъ и хвалилъ поднесенный ему вышитый коверъ, гдѣ и ея руками былъ исполненъ одинъ зеленый листъ.

Въ мартѣ онъ пріѣзжалъ „благодарить“ ихъ. До выходныхъ „парадныхъ“ дверей провожали его обыкновенно дѣти и по традиціи подавали ему сами шинель. Но на этотъ разъ сопровождавшій государя лейбъ-казакъ сурово отстранялъ ихъ отъ сѣраго знакомаго одѣянія съ бобровымъ воротникомъ, и царскій черный сетеръ Медоръ сердито ворчалъ, когда онѣ пытались все-таки подойти поближе. Завидѣвъ спускавшагося по лѣстницѣ императора подъ руку съ начальницей, Лиза отчаяннымъ голосомъ, сама потомъ удивляясь своей храбрости, крикнула: „Ваше императорское величество! Вашъ казакъ намъ шинели не даетъ!“.

— Отдай! — приказалъ улыбаясь императоръ, и онѣ съ кѣмъ-то втроемъ, стоя на стульяхъ, подали ее ему на плечи.

Государь вынулъ изъ кармана платокъ и показалъ его воспитанницамъ.—Вотъ этотъ платокъ мнѣ вышивали въ вашемъ институтѣ, и я его всегда бралъ на охоту, а теперь посмотрите, на что онъ похожъ!

Платокъ сносился, и по серединѣ въ батистѣ зіяла прорѣха.

Черезъ мѣсяцъ былъ готовъ новый, съ тѣми же звѣрями по угламъ, и Лиза сдѣлала свою порцію стежковъ въ хвостѣ пушистой лисицы...

Все это были мелочи, но для дѣтской души онѣ служили источникомъ счастья. Онѣ не только скрашивали монотонную институтскую жизнь, но придавали ей новый смыслъ.

Дѣти чувствовали себя дѣйствительно на царскомъ попеченіи и цѣнили воспитаніе, получаемое на царскія деньги. Отъ своего инспектора онѣ знали, что нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ роскошныхъ заведеній, гдѣ получаютъ даромъ пріютъ и образованіе столько дѣвушекъ, и какъ ни тягостна бывала подчасъ дисциплина казенныхъ стѣнъ, но, выходя изъ нихъ, душа сохраняла совершенно особое умиленно-теплое чувство къ государю и ко всей его семьѣ. И теперь Лиза еще болѣе ярко и остро испытывала его.

Ей очень хотѣлось побесѣдовать объ этомъ съ женихомъ, но она его почти не видала. Кондрату становилось все хуже. Онъ не приходилъ въ себя и снова бредилъ. Но теперь бредъ его повернулъ съ прежняго пункта. Теперь онъ постояно твердилъ о разныхъ химическихъ составахъ, произносилъ сложныя формулы и т. д. Ни Таня, ни Кирилловна, ни даже тетя Саша не слѣдили за его рѣчами, но Лиза, оставаясь у его изголовья, вслушивалась невольно въ эти казавшіяся по первому впечатлѣнію безсмысленными фразы, а онѣ выходили довольно связными наставленіями о приготовленіи нитроглицерина и пироксилина и о снаряженіи бомбъ...

Въ первый же разъ, когда они остались съ Яшневымъ наединѣ, Лиза спросила жениха: „Почему Кондратъ бредитъ химіей?“

— Онъ находится подъ впечатлѣніемъ петербургскаго извѣстія, и мозгъ его работаетъ снова только въ одномъ этомъ направленіи.

Въ гостиной было свѣжо и Лиза прошла въ свою комнату за платкомъ. Яшневъ послѣдовалъ за нею.

— Можно войти?

— Пожалуйста! вѣдь ты еще ни разу не былъ у меня.

Онъ вошелъ и сѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Тебѣ нравится моя комната?

Онъ оглядѣлся.

— Да, очень мило!..

Но это прозвучало весьма холодно.

Лиза внимательно посмотрѣла на него. Онъ сильно похудѣлъ за послѣднее время. Подъ глазами легли черноватыя тѣни отъ безсонныхъ ночей. Тяжелыя вѣки устало закрывали райки. У Лизы даже сердце упало. „Боже мой, какъ онъ измѣнился! Какъ же я раньше этого не замѣчала?“

Она подошла къ нему и, взявъ обѣими руками милую курчавую голову, повернула къ свѣту и заглянула ему въ глаза:

— Вася, что съ тобой? Ты боленъ?

Вся тревога женской беззавѣтно любящей души вылилась въ ея вопросѣ, въ этомъ жадно устремленномъ на него взглядѣ. Онъ обнялъ ее за талію и прижался къ ней.

— Нѣтъ, я здоровъ.

— Но ты чѣмъ-то озабоченъ? Чѣмъ? скажи мнѣ? Мы вмѣстѣ обдумаемъ и обсудимъ, какъ помочь дѣлу?

— Помочь нельзя... у Кондрата гангрена, и я послалъ за фатеромъ.

Онъ всталъ и обошелъ комнату.

— Какъ у тебя уютно здѣсь!

— Да, я люблю свой уголокъ. Я рѣшила и послѣ нашей свадьбы устроить тутъ нашу спальню.

Она вся вспыхнула. Въ первый разъ она говорила о будущемъ гнѣздѣ. Онъ какими-то отсутствующими глазами смотрѣлъ передъ собой.

— Здѣсь... развѣ мы будемъ жить здѣсь?

— А то гдѣ же? У тебя въ твоей квартиркѣ тѣсно, а отсюда всего два шага до больницы. Тетя отдастъ тебѣ подъ кабинетъ мезонинъ, тамъ двѣ комнаты, и ты можешь туда перенести и лабораторію... Конечно, старый кабинетъ былъ бы удобнѣе, но онъ принадлежалъ дядѣ Simon, и тетя дорожитъ каждой вещью. Видишь, какъ я хорошо все придумала. Да ты не слушаешь меня! Куда ты смотришь такъ?... Ахъ, на портретъ бѣднаго государя. Я получила его изъ его собственныхъ рукъ. Нравится тебѣ рамка?

Она сняла ее со стѣны и подала ему, но онъ не взялъ ея въ руки.

— Я вижу и такъ... очень хорошо!

Лиза благоговѣйно поднесла портретъ къ губамъ. Двѣ крупныя слезы выкатились у нея изъ глазъ и брызнули на стекло. Она отерла ихъ платкомъ.

— Смотри, точно портретъ самъ заплакалъ! Ахъ, Вася, Вася! Какіе ужасные люди должны быть эти убійцы! Вѣдь чтобы совершить такое преступленіе, сколько времени надо было обдумывать и подготовлять его! Я увѣрена, что это дѣлали не сами тѣ, кто бросалъ бомбы... Эти попались, а тѣ, навѣрно, гдѣ-нибудь скрываются, и, по-моему, они еще хуже... Но каково имъ?.. я думаю, они теперь раскаиваются, что пошли на такое дѣло. Какъ ты полагаешь?

Его вѣки только еще усталѣе прикрыли райкц. Онъ досталъ портсигаръ.

— Можно курить у тебя? или перейдемъ въ гостиную?..

Лизинъ вопросъ остался безъ отвѣта.

XXIX.

Визжитъ пила, вторитъ рубанку.
Кудрями ниспадаютъ стружки.
На гробъ, готовый спозаранку,
Оборкой обошьютъ подушки...
Пусть жизнь и грезы отлетѣли,
Но подъ глазетовымъ покровомъ
Лежитъ въ послѣдней онъ постели
Съ загадкой на лицѣ суровомъ...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Къ обѣду прибылъ Игнатій Львовичъ. Онъ тотчасъ же прошелъ къ Кондрату. Ужасные ожоги были обнажены. Больной спалъ.

— Пусть себѣ спитъ... будить не къ чему.

Старому врачу было ясно, что спасенія быть не могло и, осматривая черезъ полтора часа жалкій обрубокъ недавней мускулистой руки, онъ убѣдился, что его предположеніе вѣрно. Гангрена шла быстро. Начиналось зараженіе крови и красныя зловѣщія полосы ползли по предплечью.

— Летальный исходъ!—пробормоталъ онъ.

— А если повторить ампутацію?

— Отхватить по самое плечо?.. Сдается, это будетъ только напраснымъ излишнимъ мученьемъ.

— Врачъ до послѣдней минуты не долженъ терять надежды, пока не испытаетъ всѣ средства! Неужели мнѣ напоминать это тебѣ, фатенька?

— Тогда зови Ивана.

Пасмурный день быстро темнѣлъ. Пришлось зажигать огни. Хотя лампы собрали со всего дома, но доктора все-таки находили, что свѣта недостаточно.

— Непремѣнно надо кого-нибудь поставить со свѣчами у изголовья...

Но кого? оба фельдшера требовались при врачахъ. Персонала свободнаго въ больницѣ не было. Попросить кого-нибудь изъ дворни? Русскіе слуги боятся крови и инструментовъ... Яшневъ вышелъ и черезъ двѣ минуты вернулся съ Лизой. Она храбро взялась выручить изъ бѣды.

— Обморока не будетъ?—спросилъ Игнатій Львовичъ:—истерики не зададите?

Она покачала головою—нѣтъ, но губы ея немного побѣлѣли.

— Въ такомъ случаѣ надѣньте передникъ и повяжите голову полотенцемъ, возьмите подсвѣчники и станьте сюда. Если страшно станетъ, можете закрыть глаза, но прошу не шевелиться и молчать.

Больной лежалъ подъ хлороформомъ. Маска изъ марли была уже снята, но отъ воздуха, напоеннаго сладковатымъ запахомъ, замирало сердце. Кругомъ все было затянуто простынями, и клеенка лежала на постели, спускаясь въ тазъ.

Началась операція. Лиза храбро держала свои подсвѣчники, а сердце точно поднималось въ груди и билось подъ самымъ горломъ, и дышать становилось все труднѣе и труднѣе. Она видѣла жалкій обрубокъ человѣческой конечности, перетянутый бинтомъ у самаго плеча, видѣла, какъ блеснулъ ножъ въ смуглой старческой рукѣ, какъ отдѣлилась кожа, а за нею мускулы, и показалась кровь, какъ тотчасъ же повисли на жилахъ пинцеты и заработала съ легкимъ сотрясеніемъ острая, тонкая пила. Черезъ двѣ минуты,—а можетъ быть и черезъ два часа, Лиза опредѣлить бы не могла,—фельдшеръ опускалъ въ тазъ какой-то кусокъ

мяса... Она закрыла глаза, и когда снова открыла ихъ, больной уже лежалъ забинтованный, и Василій Игнатьевичъ держалъ у его лица банку съ эфиромъ. Фельдшеровъ не было.

Кондратъ обвелъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и вдругъ остановилъ его въ упоръ на Яшневѣ.

— Вы знаете,—сказалъ онъ очень явственно и раздѣльно:—если бы стеклянную трубку съ H_2SO_4 не вкладывать въ каучуковый футляръ, а просто обернуть ватой, она бы билась во всякомъ направленіи, какъ бы ни упалъ снарядъ. Надо непремѣнно подать эту мысль. Технику... тому... Николаю Ивановичу... Конечно, при переноскѣ снаряда потребуется еще больше осторожности, но зато эффектъ будетъ вѣрный... А чтобы проводы легче воспламенялись, не жалѣть сурьмы...

Онъ закрылъ вѣки и впалъ въ безпамятство... Игнатій Львовичъ, словно пораженный громомъ, не сводилъ съ него глазъ.

Лиза вдругъ побѣлѣла. Какой-то острый лучъ блеснулъ въ ея мозгу, и она, какъ подкошенная, опустилась на полъ. Подсвѣчники покатились по ковру, и свѣчи потухли...

Василій Игнатьевичъ бросился къ ней. Онъ нагнулся надъ ея мертвеннымъ лицомъ и, забывъ присутствіе отца, прижался губами къ судорожно сведенному рту.

— Лиза... Лиза...—молилъ онъ вполголоса.

Она черезъ минуту открыла глаза.

— Ничего... милый... это пройдетъ... но я ничего не понимаю.

— И не надо... Фатенька, дай валерьянки...

Игнатій Львовичъ подалъ рюмку. Лиза выпила и потомъ, вдругъ вся вспыхнувъ, разомъ поднялась на ноги. Старикъ серьезно поверхъ очковъ смотрѣлъ на нее и на сына.

Тотъ кусалъ губы, словно собираясь съ духомъ.

— Ну, да!—выговорилъ онъ черезъ минуту:—можешь меня поздравить. Она обѣщала стать моею женой.

— Вотъ какъ! Это для меня ново...

Старикъ отошелъ къ больному и нагнулся надъ нимъ.

Синеватыя тѣни пробѣгали по клейменому лицу. Черты сводила мелкая и частая судорога.

— —

— Этому плохо...—вымолвилъ онъ:—да оно и лучше. Останься съ нимъ!—приказалъ онъ сыну:—а барышню я провожу въ постельку.

Онъ властно взялъ Лизину руку и, продѣвъ подъ свою, довелъ ее до ея комнаты и позвонилъ Таню.

— Мы измучили васъ!—простите... Это вѣчная докторская привычка не соразмѣрять силъ сестеръ милосердія съ нашими. Вотъ такъ!.. лежите недвижно и дайте успокоиться нервамъ, они вамъ еще потребуются.

Къ утру Кондрата не стало. До послѣдней минуты оба врача не отходили отъ его постели. Оба, каждый по-своему, боялись, чтобы вырывавшіяся у него отдѣльныя фразы не долетѣли до посторонняго слуха. Когда онъ вытянулся, и тѣло его приняло послѣднее неподвижное положеніе, Игнатій Львовичъ накрылъ его съ головою простыней и перекрестилъ. Василій вздрогнулъ и отвернулся къ окну, глядя на занесенный уже таявшимъ снѣгомъ дворъ. На его плечо опустилась, смуглая, морщинистая рука.

— Кто онъ?

— Не знаю.

— Паспортъ у него есть?

— Не знаю.

— Гдѣ его одежда?

— У меня на квартирѣ.

— Пойдемъ. Это надо выяснить немедленно... Вообще я долженъ поговорить съ тобою.—Понимаешь ли ты, чѣмъ, какими непріятными осложненіями грозитъ эта смерть вотъ этому самому дому, вотъ этой самой дѣвушкѣ, которая, къ великому своему горю, имѣла несчастіе полюбить тебя?—спрашивалъ старикъ, идя рядомъ съ сыномъ по пустынному саду.

Талый снѣгъ размякалъ подъ ихъ шагами. Узенькіе ручейки бѣжали по краямъ аллеи. Въ вѣтвяхъ щебетали и дрались воробьи, и черныя галки ссорились около старыхъ гнѣздъ.

— Да,—продолжалъ онъ:—почему судьба привела именно тебя ей на дорогу, а не Лешу,—если ужъ она должна была увлечься кѣмъ-нибудь изъ обоихъ васъ, столь похожихъ

по внѣшности? Зачѣмъ пришлось какъ разъ ему законтрактовать себя на три года именно теперь, и почему не удалось даже пріѣхать проститься со мною? Кто знаетъ, будь судьба милостивѣе, молодому сердцу не предстояло бы пережить все то, что предстоитъ нынѣ.

— Что такое? я тебя, фатька, не понимаю.

Отецъ усмѣхнулся.

— Но я-то хорошо тебя понимаю, и не только тебя, но и еще очень многое. И знай,—хоть ты и плоть отъ плоти моей, хоть и душу свою я за тебя отдать бывалъ готовъ, но противъ чести и совѣсти даже ради тебя не пойду.

Онъ обернулся и указалъ на старый домъ, сквозившій черезъ оголенную чащу сада.

— Ее ты мнѣ оставишь въ покоѣ... Она не для тебя.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—отвѣтилъ сынъ... и вдругъ у него прозвучали въ ушахъ слова, слышанныя въ дѣтствѣ въ боскетной у подножія дивной статуи: „Не трожь... нельзя... она дорогая"... Да, да!.. дорогая, и онъ никогда никому ее ни за какія блага въ мірѣ не уступитъ. Его черные райки вызывающе сверкнули подъ тяжелыми вѣками...

Въ карманѣ полушубка Кондрата отыскался бумажникъ, а въ немъ и выданный изъ N-ской мѣщанской управы видъ на имя мѣщанскаго сына Кондратія Виссаріонова Чермака для проживанія во всѣхъ городахъ Россійской имперіи. Прописанъ онъ былъ въ городѣ С.-Петербургѣ, во 2-мъ участкѣ Литейной части. Все обстояло въ порядкѣ.

— Какъ видишь, опасенія твои были болѣе чѣмъ напрасны,—насмѣшливо вымолвилъ сынъ.

Старикъ пожалъ плечами.

— Очень радъ! но все-таки я остаюсь при своемъ убѣжденіи: этотъ N—скій мѣщанинъ былъ близокъ съ кружкомъ цареубійцъ и умеръ не отъ несчастнаго случая на охотѣ,—въ чемъ ты и самъ мнѣ сознался,—но отъ разрывного снаряда. И если этотъ снарядъ былъ взорванъ здѣсь и въ твоемъ присутствіи, то и ты принималъ въ его изготовленіи благосклонное и дѣятельное участіе... Я не берусь указать адресъ вашей лабораторіи,—онъ поправилъ очки,—

но что она гдѣ-нибудь въ этихъ краяхъ,—не сомнѣваюсь, хотя квартирка твоя и внѣ подозрѣній... Конечно, при вашей кружковской дисциплинѣ вы умѣете отрекаться отъ самыхъ очевидныхъ уликъ, да я и не собираюсь тебя допытывать. Это дѣло твоей совѣсти. Но дѣло моей—оберечь и предостеречь невинную дѣвушку, которая готова отдать себя явному, или нѣтъ—тайному, что во много разъ хуже,—злодѣю, и я до этого не допущу. Я предупрежу ея тетку...

— Отецъ, ты не сдѣлаешь этого! Я умоляю тебя... Пойми,—она все для меня, и я для нея—тоже.

— Я еще разъ повторяю: это мой долгъ, моя священнѣйшая обязанность. Я самъ буду еще худшимъ преступникомъ, если, зная о твоемъ преступленіи, скрою отъ нея истину. Она слишкомъ чиста, слишкомъ далека отъ вашихъ коверканныхъ воззрѣній, чтобы примириться съ ними.

— Ошибаешься! она многое знаетъ, многое читала...

— И ты былъ, само собой разумѣется, ея просвѣтителемъ?—онъ поблѣднѣлъ.—А!.. значитъ, все по программѣ?

— То есть?

— То есть—сперва книжки, разговоры, а тамъ и...—онъ остановился.—Неужели же ты и на это пошелъ?

— На что—на это?

— На то, чтобы соблазнить и лишить ее чести, какъ это у васъ водится и принято? Развѣ есть для васъ что-нибудь запретное и святое, стоящее пощады?

Яшневъ опустилъ голову. „Выходъ!—мелькнула мысль—Этотъ старый шутъ дѣйствительно способенъ испортить все дѣло,—пойдетъ и донесетъ теткѣ“. У него даже потемнѣло въ глазахъ. Онъ откинулъ волосы и отошелъ къ окну по привычкѣ.

— Ну да, если хочешь—по программѣ. Но дальше-то не по моей, а по ея. Наша свадьба назначена въ Ѳоминое воскресенье, на Красную Горку, что ли, по вашему? И тетка ея объ этомъ знаетъ. Тебѣ я говорить пока не хотѣлъ,—почему?.. ей-ей, не знаю. Но если ты теперь отправишься въ ихъ домъ съ докладомъ, ты, какъ видишь, окажешь весьма сомнительную услугу молодой дѣвушкѣ, о чести которой такъ горячо хлопочешь. Неужели,—продолжалъ онъ съ иро-

нической улыбкой,—я ради себя иду къ попамъ? Мнѣ сдается, что, дѣлая это, я именно исполняю „долгъ чести“, какъ это именуется въ кодексѣ вашихъ столбовыхъ изреченій?

Игнатій Львовичъ весь осунулся.

— Дочь своей матери!—тихо вырвалось у него.—Недалеко яблочко отъ яблони откатилось.

Онъ махнулъ по-старчески рукою и сталъ протирать стекла очковъ, устремивъ куда-то вдаль свои темные зрачки...

XXX.

Шумно сегодня въ гостиной нарядной,
Звуками музыки зала полна.
Здѣсь въ образной тишина,
Кротокъ не меркнущій отблескъ лампадный.
Слезы сверкнули на ризѣ старинной?
Нѣтъ! Это жемчугъ, алмазы, эмаль,—
Радости, муки, печаль
Тѣхъ, что когда-то смѣялись въ гостиной.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Кондрата похоронили по церковному обряду въ оградѣ колычевской церкви. Хотя гробъ и былъ открытъ, но на лицѣ покойника лежалъ бѣлый платокъ, и подходившіе для послѣдняго цѣлованія крестьяне такъ и не могли разглядѣть его заклейменныхъ ожогами чертъ.

Игнатій Львовичъ уѣхалъ еще до похоронъ въ городъ. Лизу поразило и очень огорчило, что онъ ни словомъ не привѣтствовалъ ее, какъ будущую невѣстку.

„Вѣрно, нашъ бракъ ему не по душѣ. Почему? Вѣдь до сихъ поръ я, кажется, всегда пользовалась его симпатіей. Или онъ боится за сына и ревнуетъ его ко мнѣ? Или сердится, что Вася, не спросясь его, сдѣлалъ предложеніе?“

Когда она высказала свои сомнѣнія жениху, онъ какъ-то особенно нѣжно, словно виновато, поцѣловалъ ей руку.

— Не обращай на фатера вниманія, онъ иногда невмѣняемъ. Ему, видишь ли, непремѣнно хотѣлось видѣть тебя за братомъ.

— Почему?—удивилась Лиза.—Не все ли ему равно?

— Онъ считаетъ его болѣе пригоднымъ для семейной жизни, а я, по его мнѣнію, непремѣнно составлю твое несчастье, у меня вѣдь очень тяжелый характеръ.

— Не замѣчаю!..

Настало Благовѣщенье. Былъ чисто весенній, яркій и теплый день. Послѣ обѣдни все Колычево высыпало на успѣвшую уже просохнуть улицу. На завалинкахъ разряженныя дѣвушки кликали весну и пѣли хоромъ:

Благослови, Боже,
Весну кликати,
Зиму провожати!
Лѣта дождатися!
Вылети, сизая галочка!
Вынеси золотые ключики,
Замкни зимоньку студеную,
Отомкни намъ лѣто красное...

И словно въ отвѣтъ падали съ голубого неба золотые ключи-лучи, и звенѣли пѣснями жаворонковъ надъ просыхающими полями, а имъ навстрѣчу ребята выпускали изъ клѣтокъ зимовавшихъ чижей и зябликовъ и нарочно наканунѣ изловленныхъ воробьевъ...

О недавнихъ похоронахъ не было и помину. Умеръ человѣкъ, зарыли, и никому на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было больше дѣла до него. Только за постной кулебякой у о. Никанора шла о немъ бесѣда и даже не о немъ, а объ его паспортѣ, не мѣшаетъ, дескать, переслать его на мѣсто выдачи. Урядникъ, запивавшій рябиновкой каждый кусокъ, вызвался передать его исправнику. Не разглядывая, онъ спряталъ бумагу въ карманъ.

— Вотъ и отлично. Почемъ знать? Можетъ, и не бобыль былъ. Все свои узнаютъ, а то еще кто за него, какъ за живого, молится, пожалуй... Чего грѣхъ на душу брать!

. . . .

До свадьбы оставалось уже меньше мѣсяца, и тетя Саша рѣшила, что откладывать дольше объявленіе помолвки не слѣдуетъ. Лиза вопросительно взглянула на Яшнева.

— Что же, разъ вы находите такъ лучше, я дольше спорить не стану. Можетъ быть, и мнѣ самому будетъ легче, а то эта вѣчная боязнь не проговориться, не выдать себя— крайне тягостна.

Лиза просіяла. Именно теперь, когда кончился страшный

кошмаръ ежечаснаго ожиданія смерти, когда были пережиты похоронныя хлопоты, когда не нужно было ходить больше на цыпочкахъ и говорить вполголоса, чтобы не тревожить раненаго, ей хотѣлось вздохнуть полной грудью и отдаться своему молодому счастью.

Тетя Саша улыбнулась.

— Ну, вотъ и отлично! Тогда ужъ разрѣшите мнѣ устроить все по-человѣчески, а то у меня все время на сердцѣ кошки скребли. Вамъ все равно, а Лизѣ безъ благословенія не годится.

Она прошла въ образную и вернулась оттуда со старинной иконой трехъ святыхъ—Гурія, Самона и Авива, покровителей брачной жизни, и позвонила Таню и Кирилловну.

— Поздравьте нареченныхъ!—умиленно произнесла она, осѣнивъ Лизу и Василія Игнатьевича этимъ образомъ, которымъ осѣнила ее самое старуха Гречихина, когда Семенъ Михайловичъ пріѣхалъ съ формальнымъ предложеніемъ.

Вѣсть о сватовствѣ доктора разнеслась по селу. Всѣ вдругъ повеселѣли и стали судить-рядить. Многіе, конечно, увѣряли, что уже его предвидѣли.

— Вмѣстѣ за больнымъ ухаживали, это онъ ихъ, упокойничекъ, и соединилъ.

Михалка, прослышавъ новость, ехидно улыбнулся.

— На то и шло... Недаромъ его навѣщала...—но, вдругъ спохватившись, примолкъ.

Ему было не до того. Онъ хлопоталъ о постройкѣ винокурни и ссориться съ усадьбой разсчета не было. Напротивъ, онъ всю зиму усиленно ухаживалъ за Александрой Николаевной и цѣнъ на ея продукты не сбавлялъ, такъ что она по своей добротѣ забыла даже свою осеннюю непріятность. Согласія на вырубку арендуемой имъ части парка она однако не давала, и Михалкѣ приходилось строиться на собственной землѣ. Это сильно стѣсняло его грандіозные замыслы, но онъ не терялъ надежды переубѣдить „Сотиху" и возвести за кулигою не только винокурню, но и спиртоочистительный заводъ, отъ котораго его чуткій носъ впередъ обнялъ вмѣстѣ съ виннымъ духомъ и немалую выгоду.

Когда новость о помолвкѣ Лизы и Яшнева достигла Горска, тамъ взволновались. Полковыя дамы намѣчали ей Левкевича, Адріанова—Флинта, полковница вступила въ таинственную переписку съ однимъ изъ кузеновъ, безземельныхъ бароновъ фонъ-Маусъ, страстныхъ агрономовъ въ душѣ, и прочила его въ женихи будущей владѣлицѣ Колычева, и вдругъ—такой аффронтъ... Степаша покидалъ въ печку физику Краевича и задачникъ Евтушевскаго, слѣдомъ полетѣлъ и Малининъ съ Буренинымъ, а вмѣсто нихъ на письменномъ столѣ появилась четвертная съ домашней перцовкой. Къ вечеру Мирошѣ удалось-таки затащить его на Московскую улицу, въ таинственно завѣшанную комнату, гдѣ самъ онъ провелъ столько незабвенныхъ часовъ подъ аккомпаниментъ гитары съ ярко-зеленой лентой на ручкѣ.

Зато Флинтъ окончательно забаррикадировалъ двери отъ товарищей и ушелъ съ головою въ зубрежку. Мысль, что Лиза достается Яшневу, сводила его съ ума. Онъ чуялъ, что такъ или иначе молодой врачъ прикосновененъ къ партіи „народной воли“, или „какъ ихъ тамъ этихъ дьяволовъ величаютъ“, и какъ открыть ей глаза, какъ удержать отъ этого брака, не зналъ. Никакихъ явныхъ доказательствъ у него въ рукахъ не было. Кондратъ былъ похороненъ, и его слова: „не я... не я...“ ничего не объясняли... Онъ хотѣлъ писать ей, просить десять минутъ разговора наединѣ,— но приходилось ссылаться только на собственныя догадки и подозрѣнія, а что онѣ въ глазахъ влюбленной невѣсты не имѣли бы никакого вѣса,—было болѣе чѣмъ ясно...

Въ первую же среду онъ прошелъ къ Мартыновымъ. Лиза была оживлена, весела, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ явно избѣгала его взгляда и разговора, что подступа къ ней не было. Она сама винила себя въ душѣ, зачѣмъ подала было надежду молодому человѣку, однако пускаться въ объясненія считала неудобнымъ.

Флинтъ не досидѣлъ даже до чая и, сославшись на спѣшную работу, наскоро простился. Съ этихъ поръ къ Марьѣ Антиповнѣ онъ уже не показывался, да и Лиза о немъ не разспрашивала.

Молодая дѣвушка была теперь поглощена приготовленіями къ предстоящей свадьбѣ, столько было разговоровъ, вопросовъ, покупокъ и хлопотъ, что она не читала „Голоса“ и не слѣдила за процессомъ цареубійцъ. Ей казалось только, что въ то время, когда она такъ безгранично счастлива, когда весь міръ словно слился въ блаженно-весеннюю улыбку съ голубымъ небомъ и золотымъ солнцемъ, казни быть не можетъ и не будетъ,—и эта мысль умиляла ее. „Пусть они величайшіе грѣшники, новые искаріоты,—но ихъ надо простить... И ихъ, конечно, помилуютъ, и это смягчитъ души другихъ, неразысканныхъ, невѣдомыхъ и приведетъ ихъ къ раскаянію“...

Яшневъ молчалъ. Онъ переживалъ тяжелые дни. Имена Желябова и Кибальчича были ему незнакомы, онъ и не могъ знать ихъ. Настоящія фамиліи главарей были извѣстны лишь весьма немногимъ, но людей этихъ онъ зналъ, не разъ встрѣчался съ ними, раздѣлялъ ихъ взгляды и вѣру и преклонялся передъ ихъ готовностью жертвовать идеѣ всѣмъ и всѣми,—другими и собою. Онъ былъ удрученъ теперь и ихъ судьбою, и проигрышемъ дорогого ему дѣла, но ни слова не говорилъ съ Лизой. Онъ боялся ея, боялся выдать, насколько близки ему эти люди.

На ея категорическій вопросъ: неужели ихъ повѣсятъ?— онъ усмѣхнулся.

— Непремѣнно! иначе быть не можетъ!... Это вполнѣ логично. Такъ и надо!

Лиза даже отшатнулась.

— И если бы ты былъ въ числѣ судей, ты бы не заступился?

— Нѣтъ! щадить враговъ глупо и безцѣльно. Это та же война, а на войнѣ другъ друга не щадятъ.

— Вася... это жестоко!

Онъ поцѣловалъ ее, и вдругъ волна безумной радости бытія охватила его. Онъ свободенъ, свободенъ! Ни одна нить, связывавшая его съ этими обреченными на казнь „Тарасомъ“ и „Техникомъ“, не захвачена, и его личное счастье, обладаніе этой чудной дѣвушкой съ темнѣющими подъ его поцѣлуями сѣрыми глазами, близится съ каждой минутой.

„Что жъ, каждому свое, и въ инстинктѣ самосохраненія я столь же мало виноватъ, какъ въ самой принадлежности человѣка къ міру животному". Онъ весело тряхнулъ кудрями и перевелъ разговоръ на обивку новой мебели въ своемъ кабинетѣ, зная, что доставитъ этимъ интересомъ къ будущему гнѣзду удовольствіе Лизѣ.

Когда возникъ вопросъ о шаферахъ, Лиза заявила, что непремѣнно желаетъ позвать Шемаева и Флинта. Яшневъ согласился на Левкевича и Коровкина, потому что ему было рѣшительно все равно, кто будетъ „вывихивать себѣ руки, держа надъ нимъ вѣнецъ". Адріанову пригласили ему въ посаженныя матери.

Получивъ приглашеніе, Степаша затопалъ ногами.

— Ни за что! ни за что! да это издѣвка!—вопилъ онъ, стуча по столу кулакомъ, такъ что рюмки и стаканы звенѣли, точно со страху, на подносѣ. Но Миронъ налилъ ихъ снова до краевъ.

— Чего ты, аль взаправду рехнулся? А ты имъ докажи, что тебѣ вовсе наплевать!.. Еще подумаютъ да надсмѣхаться станутъ, что вотъ, молъ, какъ тебя разобидѣли. Нѣтъ, шалишь! Садись и отпиши: благодарю, молъ, за честь, и глазомъ не моргни, чтобъ, значитъ, ни ей, ни тому невдомекъ, что тебя обошли. Полно, братъ! Еще и не такая отыщется!.. Валяй за ея здоровье...

Флинтъ тоже готовъ былъ отказаться, но, раздумавъ, отвѣтилъ холодно-вѣжливымъ письмомъ, что охотно принимаетъ прглашеніе и „польщенъ" имъ.

XXXI.

Близъ древней церкви есть могила;
Дубовый крестъ на ней истлѣлъ,
И черезъ ветхія перила
Желтѣетъ ярко чистотѣлъ.
Но въ окна церкви льется пѣнье,
Звучатъ священныя слова,
Что намъ не страшны смерть, ни тлѣнье,
Что память вѣчная жива.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Въ Вербное воскресенье вся компанія шаферовъ съ Адріановыми отправились въ Колычево поздравить нареченныхъ.

Лиза была воплощеніемъ счастья. У Флинта сердце падало каждый разъ, когда онъ ловилъ тотъ упоенный взоръ, которымъ она смотрѣла на жениха, а несчастный Степаша глоталъ слезы, усиленно запивая ихъ всѣмъ, что стояло на столѣ, мѣшая наливки и шипучки, сантуринское и лафитъ, квасъ и домашнюю брагу.

Разговоръ, конечно, коснулся совершившейся наканунѣ казни.

— Все-таки жаль ихъ...—сказала Лиза:—я до послѣдней минуты ждала помилованья... Я думала судьи будутъ добрѣе.

Яшневъ молча каталъ шарики изъ хлѣба.

— Ну, нѣтъ!—возразилъ Флинтъ.—Мы еще, слава Богу, не всѣ потеряли разсудокъ, не всѣ подпали подъ власть этого лжеученія, всецѣло основаннаго на софизмахъ, чтобы щадить людей, цѣль которыхъ лить кровь, прикрывая свое личное честолюбіе громкими словами „любовь къ родинѣ“. Какъ ни кричали они на судѣ о подвигахъ самопожертвованія,—цѣли у нихъ были самыя узкія и эгоистическія...

Яшневъ въ упоръ посмотрѣлъ на поручика.

— Въ чемъ же тутъ эгоизмъ?

— Въ чемъ? Въ фанатической настойчивости, во что бы то ни стало, доказать свою правоту и виновность, или, вѣрнѣе, ослѣпленность другихъ, хотя этихъ другихъ милліоны.

— Но если по ихъ убѣжденіямъ, эти милліоны въ новыхъ условіяхъ, при новомъ строѣ жизни были бы въ милліонъ разъ счастливѣе?

— Что это за „новый строй“? и кому онъ нуженъ?

— Нуженъ каждому, кто хочетъ открыто исповѣдывать свои убѣжденія, свою вѣру. За что теперь приходится гнить въ казематахъ...

Александра Николаевна собиралась вмѣшаться, она боялась всякихъ споровъ, но Флинтъ, сидѣвшій рядомъ, быстро уловилъ ея движеніе. Въ его интересахъ было дать высказаться Яшневу, и онъ нарочно собирался разжечь и подзадорить его, чтобы открыть Лизѣ глаза. Она сидѣла неподвижно, не пропуская ни слова, и ободренный поручикъ набросился снова на противника.

— Ну, и слава Богу, пусть себѣ гніютъ, но гніютъ-то не за исповѣдыванія, а проповѣдыванія, и это огромная разница. Моей вѣры личной никто не коснется, если я не смущаю другого, не подрываю жизни общества, прочно и вѣками сложившагося.

— Прочно?... Вотъ въ томъ-то и суть, что не прочно, что стоитъ явиться, какъ вы выражаетесь, любому фанатику, и прочные вѣковые устои начинаютъ прямо ходуномъ ходить, пока не обрушатся. И тогда люди въ недоумѣніи озираются и спрашиваютъ: какъ это мы жили на такихъ гнилыхъ подпоркахъ? какъ давно не свалились въ болото предразсудковъ и не задохлись въ тинѣ лицемѣрія?..

— Тина лицемѣрія... болото предразсудковъ... Подумаешь, какія страшныя слова... Ну, а на той сторонѣ нѣтъ лицемѣрія, нѣтъ предразсудковъ?... Развѣ не есть уже предразсудокъ, что человѣкъ не смѣетъ имѣть предразсудковъ? развѣ не лицемѣріе, будто человѣкъ имѣетъ право вѣровать, какъ хочетъ? Это вы, батенька, невиннымъ и неопытнымъ дѣвочкамъ очки втирайте своимъ отсутствіемъ лицемѣрія и предразсудковъ!..

Лиза вспыхнула.

— Мнѣ кажется, Василій Игнатьевичъ тутъ ни при чемъ, онъ говорилъ не о себѣ... Мнѣ вотъ тоже жаль этихъ казненныхъ, хотя я вовсе не сторонница ихъ ученія, избави меня Богъ! Но все-таки было бы лучше, если бы ихъ пожалѣли.

— А они, по-вашему, жалѣть умѣютъ?.. Хотите я разскажу вамъ, какъ они жалостливы и милостивы, какъ справедливы и вѣротерпимы?..

Яшневъ прищурился.

— Что же, съ чужихъ словъ говорить легко, да вѣдь мало убѣдительно.

Флинтъ злорадно усмѣхнулся.

— Ошибаетесь, я говорю по собственному опыту изъ пережитаго лично мною... У насъ въ ротѣ вольноопредѣляющійся былъ. Подозрительнымъ онъ мнѣ сразу показался, я съ него рѣшилъ не спускать глазъ. Оказывается, я не ошибся. Онъ собирался пропагандой между солдатиками

заняться, да сразу попался, фельдфебель мнѣ тутъ же донесъ. Я его притянулъ, какъ на духу, во всемъ покаяться заставилъ и всѣ его брошюры тутъ же при немъ въ печкѣ сжегъ. Мальчишка былъ, хоть и двадцать второй годъ ему значилось, но больше семнадцати дать нельзя было.

— Что же вы потомъ съ нимъ сдѣлали?—спросила Сотова.

— Да ничего. Годъ онъ служилъ въ полку, а я какъ нянька по пятамъ за нимъ ходилъ, и никто ни о чемъ не догадывался, потому что я ему слово далъ, ради его матери, пощадить его, если онъ ничѣмъ дальнѣйшимъ себя не скомпрометируетъ. Уходя изъ полка, онъ со слезами благодарилъ меня, и отъ матери тоже я благодарственное письмо получилъ, что не сгубилъ ея молокососа: потому все это было одно напускное. И все-таки не сдобровалъ молодецъ. Поступилъ, отбывъ повинность, въ медико-хирургическую академію. Тамъ нашлись прежніе его пріятели, обвинили въ ренегатствѣ, узнавъ о перемѣнѣ его взглядовъ и настроенія, и въ одинъ прекрасный день его нашли застрѣлившимся.

— Можетъ быть застрѣленнымъ?—спросила Адріанова.

— Нѣтъ, самъ застрѣлился!—принудили... такъ спокойнѣе, для нихъ. Онъ мнѣ письмо прислалъ, умоляя приготовить и утѣшить мать... Вотъ вамъ образчикъ понятій этихъ людей о личной свободѣ, о правѣ каждаго исповѣдывать открыто свою вѣру.

— Ужъ не техникъ ли этотъ, Николай Ивановичъ... какъ его?—ну! Кибальчичъ, что ли, его къ тому принудилъ, вѣдь онъ тоже изъ медиковъ былъ? — заявилъ осоловѣвшій Степаша.

Эти слова ударили Лизу по сердцу. Гдѣ она раньше слыхала? о техникѣ Николаѣ Ивановичѣ? Да, да... отъ Кондрата... Онъ бредилъ имъ послѣ операціи...

— А вы его не знали? — спросила Яшнева Анна Павловна.

— Кого?

— Да этого злодѣя Кибальчича?

— Нѣтъ, не зналъ!—отрекся Яшневъ.

Лиза облегченно вздохнула. Ну, да, конечно, не могъ же отвѣчать ея женихъ за случайныя знакомства: Кондратъ зналъ Кибальчича. Это другое дѣло.

— А правда, что они всѣ подъ чужими именами живутъ? — спросила Александра Николаевна.

— Да развѣ вы процесса не читали? Чуть не у каждаго по нѣсколько паспортовъ было, и тотъ же Кибальчичъ подъ именемъ Ланского жилъ. Вѣдь имъ вѣчно скрываться надо...

— Господи, что это за жизнь тогда! Вѣдь это ни шагу, ни минуты нѣтъ спокойной! Какъ можно жить такъ? Неужели такой жизнью соблазниться можно?

— Къ сожалѣнію... и не одни юноши соблазняются, а масса молодыхъ дѣвушекъ. Вѣдь эти герои умѣютъ такъ говорить, такъ увлекать, что неопытныя души въ нихъ, какъ въ Бога, вѣрить начинаютъ и, только связавъ свою судьбу съ этими волками въ овечьей шкурѣ, начинаютъ понимать, кому принесли въ жертву себя, свою душу и тѣло...

Намекъ былъ довольно прозрачный. Лиза вспыхнула и смѣрила Флинта гордымъ взглядомъ.

— Положимъ,—поправилъ Петръ Петровичъ:—не имъ,—я заступаюсь всегда за дамскій полъ,—а идеѣ, хотя весьма, къ сожалѣнію, ложной, и мнѣ очень жаль, что всѣ эти молодыя жизни пропадаютъ безрезультатно.

Александра Николаевна вздохнула.

— Да, когда подумаешь, сколько добраго могло бы выйти, положи они эти свои силы и способности на настоящее хорошее дѣло, а теперь кто изъ народа имъ, цареубійцамъ, повѣритъ!

И, сложивъ салфетку, она поднялась изъ-за стола.

Адріанова обняла Лизу за талію.

— Знаете, дуся, кто вамъ жениха напророчилъ?—спросила она нѣжно.

— Кто?

— Климушинъ, помните, тотъ мѣщанинъ, который вамъ сказалъ: радуйся, невѣста неневѣстная! Вы сразу, какъ вернулись съ гулянья, съ Василіемъ Игнатьевичемъ и познакомились. Правда какъ странно?

— Да, да... удивительно странно.

„Пусть Флинтъ осуждаетъ меня,—думала Лиза, раздѣваясь въ тотъ же вечеръ.—Адріанова права: это моя судьба, и я сумѣю переработать Васину душу, несмотря на его невѣріе, на его сочувствіе тѣмъ людямъ. Вѣдь удалось же мнѣ заставить его признать церковный бракъ, и такъ будетъ и дальше. Не я поддамся его ученію, а онъ... Я заставлю его уйти подальше отъ этихъ ужасныхъ людей, я сумѣю защитить его отъ ихъ мести".

Сидя на постели, она расчесывала на ночь свою густую темную косу и вспоминала весь обѣденный разговоръ, и вдругъ ея рука съ гребенкой упала на колѣни. „У нихъ по нѣсколько паспортовъ,—вспомнила она слова Флинта.—Значитъ, у нихъ принято жить подъ чужимъ именемъ? А Вася живетъ подъ своимъ! вотъ и доказательство, что онъ не изъ нихъ... А Кондратъ, который зналъ Кибальчича, изъ нихъ. Это теперь ясно... Онъ самъ говорилъ, что его сестру зовутъ Ершовой... Онъ просто жилъ по фальшивому виду... И не только жилъ, но и похороненъ... Вѣдь на крестѣ стоитъ „Кондратій Чермакъ". А что если написать въ У., спросить его сестру, о которой онъ столько разсказывалъ: есть ли у нея такой братъ и гдѣ онъ?.."

. . . .

Въ чистый понедѣльникъ Лиза начала говѣть. Она съ умиленіемъ вошла въ церковь, рѣшивъ забрать себя въ руки и не замѣчать никакихъ недочетовъ деревенскаго богослуженія. Но увы, ни молиться, ни сосредоточиться не было никакой возможности. Взадъ и впередъ, усиленно и дѣловито стуча сапогами, сновали деревенскіе мальчуганы. Это былъ ихъ праздникъ. Къ Пасхѣ церковь приводилась въ порядокъ. Мылись окна и двери, чистились подсвѣчники и лампады, для чего на паперти стояли докрасна накаленныя жаровни, около которыхъ и вытапливался весь накопившійся за годъ воскъ. Тутъ же стояло разведенное мѣловое молоко, и вычищенная на совѣсть утварь вносилась шумно, съ блескомъ и трескомъ въ церковь, а ей на смѣну шла съ не меньшей суетою другая, и слова евангелія и богослуженія терялись и пропадали для богомольцевъ. И

Лиза снова съ грустью вспоминала институтское говѣніе, стройное пѣніе и безмолвную тишину бѣлаго храма.

По окончаніи службы она прошла на могилу Кондрата. Этотъ крестъ начиналъ все больше и больше смущать ее. Нѣтъ, нѣтъ! тотъ, кто лежитъ подъ нимъ, не Кондратій Чермакъ. Это тоже сынъ убитой горемъ матери, какъ тотъ вольноопредѣляющійся Флинта. И она, вѣрно, тоже томится въ неизвѣстности въ томъ сѣверномъ древнемъ городкѣ, про который онъ ей разсказывалъ, и кто знаетъ, въ эти великіе дни Страстной недѣли какія молитвы возсылаются ею о здравіи и спасеніи блуднаго сына?

И Лизѣ рисовались и эта мать, и сестры, и отецъ въ церкви далекаго уѣзднаго города, еще, вѣроятно, занесеннаго снѣгомъ, и огонекъ свѣчки у темнаго образа въ старинномъ окладѣ, которая догораетъ какъ разъ, можетъ быть, въ эту минуту, поставленная матерью за здравіе живого раба Божія Кондратія...

Ласковый весенній вѣтерокъ пахнулъ ей въ лицо. На ближнемъ кустѣ еще оголенной черемухи раздалась звенящая долгая трель зяблика, полная свѣтлой радости, и вдругъ оборвалась. Птица, замѣтивъ Лизу, испугалась и, быстро замахавъ пестрыми полосатыми крыльями, отлетѣла въ сторону. Лиза вздрогнула.

„Написать или не надо? Какъ жаль, что Вася уѣхалъ въ округъ и я не могу съ нимъ посовѣтоваться! Можетъ быть, лучше пусть тамъ въ У. думаютъ, что ихъ сынъ живъ. А если они знаютъ, съ кѣмъ онъ дружилъ? если подозрѣваютъ, что онъ состоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ казненными, что и его ожидаетъ та же участь? Что, если при каждомъ новомъ арестѣ сердце ихъ обливается кровью, и они, зная, что у него какой-нибудь фальшивый паспортъ, думаютъ: это онъ... Развѣ, какъ ни горько будетъ извѣстіе объ его смерти, не явится оно и утѣшеніемъ? Развѣ не легче имъ будетъ узнать, что онъ умеръ отъ несчастья на охотѣ, окруженный дружескимъ участіемъ и заботливымъ уходомъ, чѣмъ рисовать его себѣ въ саванѣ на висѣлицѣ?..“

И, придя домой, она написала письмо въ городъ У., на

Воскресенскую улицу, Софіи Яковлевнѣ Ершовой въ собственный домъ и отправила его на почту съ Арефіемъ, который ѣхалъ въ городъ за предпраздничными покупками.

XXXII.

Торжествомъ напоенъ,
Въ небесахъ разливается звонъ,
И по мертвой землѣ отдалось:
„Христосъ... Христосъ... Христосъ"...
— Воскресъ!.. воскресъ!.. воскресъ!..—
Отвѣчаетъ проснувшійся лѣсъ.

(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Лиза была особенно радужно настроена. Василій Игнатьевичъ вернулся въ субботу и по ея настоянію пошелъ съ ней на заутреню.

Онъ все еще чувствовалъ себя виноватымъ передъ нею за наброшенную на нее тѣнь въ глазахъ отца, и хотя старикъ сразу послѣ похоронъ Кондрата офиціально пріѣхалъ поздравить ее, но былъ весьма сдержанъ и бывалъ въ Колычевѣ неохотно. Сыну онъ вручилъ двѣ тысячи на обзаведеніе, но тотъ отклонилъ ихъ.

Тѣмъ нѣжнѣе обращался молодой человѣкъ съ Лизой.

„Не все ли равно? пойду,—рѣшилъ онъ, разъ ей удовольствіе", и снисходительно улыбнувшись, онъ согласился.

Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ на пасхальной службѣ,—онъ сказать бы не могъ. Во времена оны, когда онъ еще жилъ въ Горскѣ у отца вмѣстѣ съ братомъ, его самого захватывала всегда предпраздничная суета. Онъ любилъ запахъ окорока въ печкѣ и куличей, красилъ яйца и протиралъ сквозь сито творогъ. Онъ охотно шелъ къ 12 евангеліямъ и и возвращался съ бережно укрываемой свѣчой, отъ которой на весь годъ зажигалась неугасимая лампада передъ благословенной иконой его покойной матери. Онъ любилъ ходить на выносъ плащаницы и на утреннее погребенье и съ замираніемъ сердца ждалъ перваго „Христосъ воскресе", а послѣ розговѣнъ встрѣчалъ непремѣнно восходъ солнца, чтобы убѣдиться, какъ оно играетъ, вставаючи въ Свѣтлое Воскресенье. И его заспаннымъ глазамъ казалось тогда

дѣйствительно, что, показываясь надъ крышами уѣзднаго городка, солнце играло, то опускалось, то снова выплывало и обдавало землю горячими и яркими весенними лучами... Но это было давно, и съ тѣхъ поръ все стерлось и поблекло, и было все равно—встаетъ ли солнце, или идетъ снѣгъ на Пасху.

И теперь, пока шелъ онъ рядомъ съ Лизой сразу за духовенствомъ въ праздничныхъ глазетовыхъ ризахъ, въ крестномъ ходѣ вокругъ стараго храма, по усыпанной пескомъ и ельникомъ дорогѣ, онъ едва сдерживалъ презрительную гримасу, глядя на ряды наскоро сколоченныхъ столовъ, гдѣ на расшитыхъ полотенцахъ красовались куличи, пасхи и яйца, ждавшіе освѣщенія. „Какая ненужная и чисто языческая обрядность! Къ чему эта снѣдь? При чемъ эти булки, эти горки творога и имя Христа? Не все ли равно, съѣсть бѣлое или окрашенное старыми тряпками яйцо?“

А люди благоговѣйно крестились кругомъ, и старыя бабушки со своими адъютантами, суетливыми мальчишками, не сводили глазъ съ хоругвей и иконъ, съ красной восковой свѣчи о. Никанора, и на старыхъ и юныхъ лицахъ, озаренныхъ трепетными огоньками собственныхъ тоненькихъ свѣчекъ, сіяли радость и торжество.

И Лиза сіяла тоже какой-то особенной внутренней радостью. Когда крестный ходъ остановился, и передъ запертыми дверями храма о. Никаноръ съ дьякономъ и нѣсколько осипшимъ дьячкомъ пропѣли „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ“, она, оставивъ жениха, замѣшалась въ толпу и, оттуда грянуло ликующее, стройное „и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!“ обученнаго ею маленькаго хора. И кругомъ стало еще радостнѣе и свѣтлѣе. Ярко горѣли плошки и смоляныя бочки, и темное небо искрилось и переливало весенними звѣздами, и старый колоколъ гудѣлъ торжественно, а мелкіе, съ „Ивановной“ включительно, звонко и дробно ему подпѣвали и призывали всю спящую окрестность принять участіе въ великомъ свѣтломъ праздникѣ. Неслышно па призывъ выходили изъ земли былинки. Соки подымались по корнямъ кустовъ и

деревьевъ, и подъ корою бѣлыхъ, серебрившихся въ темнотѣ апрѣльской ночи березъ бродили сладкія струйки.

„Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!“ раздавалось въ блиставшей огнями церкви. Блеклые образа сверкали въ отвѣтъ вычищенными вѣнчиками, ярко алѣли мужскія рубахи и, какъ крупные желтые цвѣты, колыхались концы жаркихъ пунцовокъ, которыми дѣвушки, вопреки городской модѣ, повязали-таки свои расчесанныя, напомаженныя головы.

Лиза съ сіяющими глазами повернулась къ жениху.

— Христосъ воскресе! прозвучалъ вызывающе ея низкій милый голосъ, и онъ, поддавшись невольно его обаянію, радостно улыбнулся.

Какъ оно вырвалось, онъ самъ не зналъ, но онъ отвѣтилъ:

— Воистину воскресе: — и осторожно трижды поцѣловался сперва съ невѣстой, а потомъ съ зардѣвшейся не хуже Лизы Александрой Николаевной, и на душѣ было подѣтски весело, словно тамъ, играя, взошло лучезарное солнце...

А у Лизы улыбка не сходила съ губъ... „Милый, милый,—думала она, слушая евангеліе о томъ, какъ „вначалѣ было Слово, и Слово было у Бога“:—я тоже найду слово и проложу въ его сердцѣ новую дорогу къ тому Слову, чтобы Оно вѣчно пребывало съ нимъ... Онъ станетъ снова вѣрующимъ. Вѣдь если его отецъ религіозный, значитъ и его воспитывали въ вѣрѣ, и его атеизмъ — вліяніе книгъ и товарищей. Посмотримъ, кто изъ насъ окажется на дѣлѣ сильнѣе...“

На третій день праздника Яшнева снова вызвали въ округъ, а черезъ часъ послѣ его отъѣзда привезли изъ города почту. Среди многихъ поздравленій вспомнившихъ наконецъ объ ея существованіи подругъ лежало одно съ незнакомымъ почеркомъ и штемпелемъ У.

Лиза поблѣднѣла и, забравъ свою корреспонденцію, ушла къ себѣ въ комнату.

„Милостивая Государыня! Я не знаю, кто вы, но что вы человѣкъ хорошій, вижу изъ вашего обращенья ко мнѣ и рѣшаюсь быть съ вами вполнѣ откровенной.

„Да, у насъ былъ братъ, но не Кондратій, а Дмитрій, и мы, т. е. я лично, были съ нимъ очень и очень дружны съ дѣтскихъ лѣтъ. Къ великому несчастію и моему, и еще больше своему, съ седьмого класса гимназіи онъ подпалъ подъ сильное вліяніе своего товарища, страшнаго негодяя, котораго до тѣхъ поръ самъ первый осуждалъ. Онъ началъ плохо учиться, пересталъ ходить въ церковь, а дома сдѣлался грубъ съ отцомъ. Поминутно выходили непріятности и сцены, и въ одинъ прекрасный день онъ не вернулся вовсе изъ гимназіи. Напрасно наводили справки, ни его, ни этого товарища его въ городѣ не оказалось, и съ тѣхъ поръ ихъ обоихъ никогда больше никто изъ насъ не видалъ. Уходя, онъ, оказалось, забралъ изъ письменнаго стола отца всѣ его наличныя деньги и оставилъ слѣдующую приблизительно записку: „Я не воръ, я взялъ то, что принадлежитъ не вамъ, а всему русскому народу, который платитъ эти деньги за вашъ ему совершенно ненужный трудъ, отнимая ихъ у своихъ нищихъ и голодныхъ дѣтей. Я верну эти деньги не вамъ, а ему, и верну ихъ сторицею. Не пытайтесь искать меня,—вы все равно не разыщете меня никогда. Я не вашъ и быть вашимъ не желаю“.

„Я не знаю, есть ли у васъ братья и сестры, но вы поймете, что испытали мы всѣ. О матери нашей я не говорю. Митино имя больше у насъ въ домѣ не поминается. Отецъ запретилъ произносить его. Мы убѣждены, что онъ примкнулъ къ нигилистамъ, и съ ужасомъ и трепетомъ слѣдимъ съ прошлаго года за газетами, боясь прочесть его имя въ числѣ арестованныхъ или казненныхъ... Если вы что-нибудь о немъ знаете, какъ бы ни было оно страшно, — напишите смѣло. Хуже того, что нами передумано и перечувствовано, оно все-таки быть не можетъ. Мать изныла. Еще недавно это была бодрая женщина и дѣятельная хозяйка, а теперь почти старуха... На всякій случай прилагаю Митину фотографію. Если она окажется схожей съ тѣмъ, кого вы разумѣете, сомнѣній быть не можетъ.

Софія Ершова“..

Лиза стала разглядывать карточку. Это былъ, несомнѣнно, Кондратъ, но не изувѣченный и перевязанный, за которымъ

она ухаживала съ любовью и состраданіемъ. Такимъ онъ въ сущности только мелькнулъ передъ нею тогда, открывъ ей дверь въ подвалъ. Однако она успѣла хорошо его разсмотрѣть, и его лицо, особенно каріе быстрые глаза врѣзались ей въ память. Теперь она сопоставляла отрывки изъ его бреда съ тѣмъ, что стояло въ письмѣ. Очевидно, онъ ушелъ изъ дома, презирая отца-чиновника, считая его такимъ же народнымъ кровопійцей, какъ и дядю Simon. „Волкомъ" называлъ онъ его... Говоря про охоту, онъ разумѣлъ травлю всѣхъ властью облеченныхъ лицъ... Конечно, онъ недаромъ поминалъ и Кибальчича, который, вѣроятно, покровительствовалъ ему... Можетъ быть, кто-нибудь изъ товарищей и указалъ ему на Васю, и онъ пріѣхалъ готовиться подъ его руководствомъ въ академію... Да вѣдь Вася же и говорилъ это... Можетъ быть, онъ и самъ знаетъ, кто Кондратъ, но по-мужски считаетъ подлостью выдать его... Конечно, и это естественно, и съ мужской точки зрѣнія иначе и быть не можетъ. „Господи, какой онъ хорошій! какой добрый! Сколько въ немъ благородства, скрытаго великодушія и рыцарства... Милый... милый... милый"...

И Лиза тотчасъ же сѣла за отвѣтъ въ У.

Все, что можетъ вложить чуткое дѣвичье сердце для смягченія горечи извѣстія о смерти дорогого другимъ человѣка, дышало изъ ея теплыхъ и нѣсколько наивныхъ строкъ.

Она описывала несчастный случай на охотѣ, какимъ онъ рисовался ей самой, болѣзнь Кондрата, его разговоры съ нею, тѣ, гдѣ онъ разсказывалъ ей съ такой любовью о родномъ домѣ и родной семьѣ; говорила про то, что никогда ихъ братъ не оставался въ одиночествѣ, а былъ постоянно окруженъ лаской и заботой и пользовался самоотверженнымъ уходомъ врачей, „моего жениха и его папаши", что онъ пріѣхалъ готовиться подъ ихъ руководствомъ въ медико-хирургическую академію, и совершенно умалчивала о подозрѣніяхъ, которыя возникли у нея при произнесенной имъ въ бреду кличкѣ Кибальчича.

Письмо кончалось описаніемъ похоронъ и могилы несчастнаго страдальца. „Къ сожалѣнію,—прибавляла Лиза,—

жилъ онъ по чужому паспорту, но въ этомъ винить его не надо. Свидѣтельства отъ гимназическаго начальства онъ не имѣлъ, а теперь такъ строго насчетъ видовъ на жительство, что необходимо было имѣть хоть какой-нибудь. Что дѣлать! Примиритесь поневолѣ, если на его крестѣ написано не его имя, но я обѣщаю вамъ устроить такъ, чтобы здѣшній священникъ поминалъ его подъ его собственнымъ, и буду и сама молиться за упокой раба Божія Дмитрія".

Она нѣсколько разъ вытирала слезы, дописывая послѣднія строки, но ей казалось, что въ далекомъ и ставшемъ ей неожиданно близкимъ У. онѣ принесутъ утѣшеніе и несчастнымъ родителямъ и братьямъ, и сестрамъ. И она запечатала конвертъ и снова вручила письмо Арефію для немедленной отправки, а сама, накинувъ шарфъ и пелеринку, взяла пучокъ уже зазеленѣвшей въ стаканѣ священной вербы и крашеное яйцо и направилась на кладбище.

— Куда ты?—окликнула ее гулявшая по аллеѣ тетка.

— На могилку Кондрата, теточка! Мнѣ хочется похристосоваться съ нимъ.

Почему-то ей казалось неудобнымъ и ненужнымъ посвящать Александру Николаевну въ свою тайну. Эта тайна—тайна усопшаго, и ея не слѣдуетъ касаться. Мало ли какъ посмотритъ тетя Саша на причастность Мити Ершова къ революціонерамъ. Какъ ни громадна вина его, но онъ спитъ теперь вѣчнымъ сномъ, съ разрѣшительной грамотой въ уцѣлѣвшей рукѣ, и если священникъ данной ему отъ Бога властью отпустилъ ему всѣ вольныя и невольныя прегрѣшенія, не людямъ бередить чужую память и возбуждать надъ свѣжей могилой кривые толки и нареканія, въ которыхъ мертвый оправдаться не въ состояніи.

Хотя погода стояла и свѣжая, но уже пробивалась молодая трава. Жаворонки такъ и звенѣли надъ лугами. Зяблики и скворцы пѣли въ наливавшихся почками вѣтвяхъ свои весеннія переливчатыя трели.

Солнце золотило кресты на старыхъ церковныхъ куполахъ и золотомъ горѣло въ молодой душѣ: „скоро я войду подъ нихъ для того, чтобы выйти счастливой женою безконечно любимаго человѣка на счастливую лучезарную жизнь..."

Лиза рисовала себѣ утреннее вѣнчаніе въ старой знакомой церкви, разубранной ради торжества вѣтвями съ первыми, чуть зеленѣющими листочками, и было что-то высоко умилительное въ этой картинѣ... Да, да... Какъ ни противился Вася, но если заутреня произвела на него видимое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе будетъ онъ растроганъ обрядомъ вѣнчанія... А тамъ... Она улыбнулась. Тихія, сладкія грезы зароились передъ ея затуманеннымъ взглядомъ, грезы дѣвичьей души, гдѣ рядомъ съ чертами любимаго человѣка рисуются чьи-то маленькія свѣтлокудрыя головки,—ангеловъ ли у подножья Сикстинской Мадонны, или будущихъ собственныхъ дѣтей? Кто отвѣтитъ? Какая дѣвушка сознается?

Но яркимъ румянцемъ, розовой зарею новой жизни горитъ въ предчувствіи неизвѣданнаго счастія дѣвичье лицо въ эти тихія, свѣтлыя минуты одиноко грезящей, невинной души...

XXXIII.

Съ букетомъ розъ въ фатѣ воздушной
Грядешь ты голубицей въ храмъ,
Чтобъ чувству новому послушной
Не возвратиться къ старикамъ.
Отдавъ всѣ розы для букета,
Осиротѣлъ душистый кустъ,
И безъ дочерняго привѣта
Очагъ сталъ холоденъ и пустъ.
(„Гряди, голубице!“ М. К.)

Да, это было настоящее и полное торжество, это Лизино вѣнчаніе на Красную Горку!

Сама природа словно захотѣла принять участіе въ немъ, и солнце взошло, играя, какъ на Пасхѣ. Когда колычевская барышня, выходя изъ обновленной старой коляски, ступила атласнымъ башмачкомъ на настилъ свѣжей травы, набросанной на паперти, яркіе лучи брызнули изъ-за набѣжавшаго было облака такъ горячо, такъ золотисто, что окутанный бѣлой тюлевой фатою дѣвичій обликъ оказался весь пронизаннымъ лучезарнымъ сіяньемъ.

Яшневъ ждалъ у аналоя. Онъ только наканунѣ вернулся изъ округа и, по настоянію о. Никанора, долженъ былъ сразу исповѣдаться и причаститься, потому что иначе вѣн-

чаться было нельзя. Все это онъ продѣлалъ крайне неохотно и небрежно и теперь, стоя въ ожиданіи невѣсты на виду глазѣвшей толпы, чувствовалъ себя, какъ на жаровнѣ. Запоздай Лиза, кажется, еще на пять минутъ, женихъ непремѣнно сбѣжалъ бы.

Но она вошла подъ руку съ полковымъ командиромъ, своимъ посаженнымъ отцомъ, и въ сопровожденіи шаферовъ и Мартыновой съ дочерью... Пѣвчіе, выписанные изъ Горска, грянули: „Гряди, голубице!“ Онъ взглянулъ на нее, на ея обращенные къ образамъ, словно молящіе о помощи глаза, и волна безумнаго счастья захлестнула его съ головой.

„Чортъ съ ними!..—если нужно имъ, пусть себѣ ломаютъ комедію, потерпѣть недолго!“

И хотя онъ дѣйствительно „лба ни разу не перекрестилъ“, какъ передавали потомъ, но вытерпѣлъ весь искусъ до конца, изрѣдка косясь на стоявшую рядомъ дѣвушку въ облакѣ старинныхъ, многоцѣнныхъ кружевъ подъ бѣлой, прозрачной дымкой подвѣнечнаго вуаля.

Тетя Саша настояла, чтобы Лиза вѣнчалась во всѣхъ фамильныхъ драгоцѣнностяхъ, изъ которыхъ одна была въ высшей степени своеобразна и передавалась изъ рода въ родъ по женской линіи. Это былъ вѣнокъ изъ померанцевыхъ жемчужныхъ цвѣтовъ и золотыхъ листиковъ, залитыхъ ярко-зеленой эмалью.

Когда его увидала пріѣхавшая одѣвать невѣсту Марья Антиповна, она такъ и разахалась...

— Ахъ! ахъ! къ чему? вѣдь жемчугъ подъ вѣнцомъ приноситъ несчастье! ахъ, лучше бы не надо! вѣдь жемчугъ—слезы!..

Но тетя Саша, испытавшая на себѣ могущество родового талисмана, сняла сама вѣнокъ съ вѣнчальнаго образа и надѣла его на головку племянницы, приколовъ крупными брильянтовыми шпильками.

Какъ ни ратовали Яшневъ съ Лизой за самую скромную свадьбу, но она на славу вышла пышной. Съѣхался чуть ли не весь Горскъ, и Александра Николаевна не ударила въ грязь лицомъ. На селѣ шелъ пиръ горой.

— „Пусть вспоминаютъ,—думала Сотова, отдавая при-

казаніе Арефію хорошенько угостить крестьянъ:—меня не станетъ—къ нимъ лучше относиться будутъ“.

И она по-барски тряхнула стариной, и на деревенской улицѣ шло разливанное море; молодухи и дѣвушки даже, совершенно ужъ по былому, явились на барскій дворъ величать молодыхъ, и Лиза цѣловалась съ каждой и угощала ихъ вишневкой, а Яшневъ одаривалъ деньгами...

А въ залѣ гости пировали тоже.

Степаша совершенно осовѣлъ. Онъ неистово кричалъ: „горько!“ и каждый разъ при поцѣлуѣ молодыхъ выпивалъ свой бокалъ до дна. Ему доставляло какое-то странное наслажденіе видѣть, какъ недругъ обнимаетъ и цѣлуетъ ту, на которую онъ самъ готовъ былъ молиться, и было до слезъ жаль и ее, и себя, и хотѣлось безъ конца мучиться и терпѣть это острое чувство почти физической боли...

Флинтъ тоже поднималъ каждый разъ свой бокалъ. Ему было тоже больно, но онъ сдерживалъ себя и даже старался улыбаться.

А у Лизы было такъ хорошо и легко на душѣ. Она весело обходила гостей. Для каждаго у нея находилось доброе слово, и она улыбалась и полковницѣ, и львицамъ, и Адріановой

„Какія онѣ милыя! какія добрыя!“

Хотѣлось обнять весь міръ. И она смѣясь цѣловала мужа на эти крики „горько“ и радостно заглядывала ему въ глаза.

„Надо и Флинта приласкать“, мелькнуло у нея въ умѣ и, взявъ полный бокалъ, она подошла къ нему.

— Ну, Андрей Карловичъ, чокнемся. Выпейте за исполненіе одного моего горячаго желанія...

— Какого?—спросилъ тотъ.

— Чтобы намъ всегда, всегда остаться добрыми друзьями, какими мы были до сихъ поръ.

Флинтъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Я не нищій,—тихо проговорилъ онъ,—и милостыни не принимаю... Я пью за ваше счастье и пью до дна, чтобы вы не обманулись въ немъ.

И выпивъ свой бокалъ, онъ взялъ его за ножку и разбилъ о каблукъ.

Вопреки первоначальному плану, помѣщеніе новобрачныхъ было устроено въ мезонинѣ, а кабинетъ Семена Михайловича перенесли въ бывшую Лизину комнату, чтобы уступить тотъ, въ которомъ помѣщался Кондратъ, „новому барину“.

— Такъ удобнѣе!—рѣшила тетя Саша.— Все какъ никакъ, вы будете сами по себѣ. У тебя будетъ свой будуаръ рядомъ со спальней, захотите—сойдете, нѣтъ—можете кушать наверху, ѣду и туда подадутъ, а у него свой уголокъ внизу, въ сторонѣ, и больнымъ удобнѣе, чѣмъ по лѣстницѣ лазить, и ходъ прямо изъ передней... Такимъ образомъ ни я васъ, ни вы меня стѣснять не будете. А тамъ къ зимѣ можно будетъ и кое-что надстроить.

Пока она только прибавила балкончикъ надъ хмелевой террасой, и у Лизы получился собственный уголокъ мечтаній на свѣжемъ воздухѣ.

Когда разъѣхались послѣдніе гости и за косогоромъ затихъ перезвонъ колокольчиковъ, новобрачные стояли вдвоемъ надъ старымъ цвѣтникомъ, и древнія дуплистыя липы протягивали къ нимъ свои еще не распустившіяся, нѣмыя вѣтви, словно безмолвствуя о грядущей судьбѣ двухъ неразрывно связанныхъ жизней.

XXXIV.

Ни коня, ни лани не взято съ собою...
„Господинъ, сказала ласково жена.
„Я тебя обула; быть твоей рабою
„Вѣрною до смерти я тебѣ должна.
„Я тебѣ клялася вѣчною любовью!
„Заколи-жъ на жертву ты меня богамъ.
„Пусть они моею утолятся кровью.
„А тебя побѣдно вынесутъ къ брегамъ“...

(„Киви“. М. К.“).

Прошла недѣля. Какъ она прошла, что дѣлалось въ это время не только на бѣломъ свѣтѣ, но и въ двухъ шагахъ отъ нея,—Лиза не знала и отвѣтить не сумѣла бы.

Все скрывалось за какимъ-то розовымъ туманомъ, и стыдливый и счастливый румянецъ сходились, словно зори на

небѣ, на ея взволнованномъ лицѣ. Надо было говорить мужу „ты" въ присутствіи постороннихъ, и стыдно было смотрѣть на нихъ, и тетя Саша какъ-то особенно любовно ласкала прижимавшуюся къ ея мягкому плечу головку вдругъ выросшей и ставшей дамой ея еще недавней „дѣточки".

Въ углу новой розовой спальни,—голубая мебель стояла въ будуарѣ рядомъ,—сверкала вѣнчальная икона въ жемчужномъ вѣнкѣ и словно охраняла эмалевыми листочками святость вновь заложеннаго семейнаго очага, а за окнами распускались другіе свѣжіе и душистые листочки на кустахъ и деревьяхъ и цвѣли въ рабаткахъ цвѣтника раздобытые Митей къ свадьбѣ гіацинты и нарциссы.

Несмотря на медовые дни, Яшневъ не бросалъ больницы. Онъ съ утра отправлялся въ село и оставался въ амбулаторіи иногда до трехъ-четырехъ часовъ, такъ что Лиза туда посылала ему завтракъ. Ей доставляло совершенно особое удовольствіе мазать бутерброды и аппетитно укладывать въ корзину, точно въ далекомъ-далекомъ дѣтствѣ, когда она съ помощью Жюли готовила въ Ниццѣ обѣды своимъ кукламъ.

Молодой врачъ, принимая и обходя больныхъ, былъ попрежнему внимателенъ. Онъ такъ же ловко и осторожно накладывалъ перевязки и терпѣливо выслушивалъ длинныя бабьи повѣствованія о разныхъ болѣстяхъ, но фельдшеръ, не смѣнявшійся послѣ „Ѳедьки", замѣчалъ, что глаза у него поблескивали и шутилъ онъ даже, чего прежде не бывало. Жизнь, счастье, молодость—брали свое. Непривычная комфортабельная обстановка, вопреки ожиданіямъ и убѣжденію объ ея ненужности и стѣснительности, на дѣлѣ ничуть не тяготила, напротивъ! Сидя въ удобномъ, мягкомъ креслѣ, въ новомъ кабинетѣ, съ Лизой на колѣняхъ, онъ даже замѣчалъ въ себѣ никогда раньше не подозрѣваемыя буржуйскія наклонности.

„Воображаю, что бы сказали они! Ничего, пусть! потѣшимся пока, а тамъ я все-таки передѣлаю ее по своему. Съ ней надо дѣйствовать исподволь"... И каждое утро, уходя въ больницу, онъ съ удовольствіемъ думалъ о возвращеніи въ свое гнѣздо.

Въ одинъ изъ такихъ дней на колычевскій дворъ въѣхалъ почтовый тарантасъ. Кирилловна, заслонивъ отъ солнца рукою глаза, тщетно всматривалась въ пріѣзжихъ.

Это были двѣ дамы въ черномъ, старая и молодая, но обѣихъ она рѣшительно никогда въ жизни не видала.

„Полно! къ намъ ли? не ошиблись ли?“

— Вамъ кого, сударыни?—вѣжливо обратилась она къ гостьямъ.

— Елизавету Ивановну Колычеву,—отвѣтила младшая.

— А, молодую барыню!—Кирилловна особенно гордо вымолвила это.—Сейчасъ я доложу имъ. Пожалуйте!

И, впустивъ обѣихъ въ переднюю, серной взбѣжала на лѣсенку.

— Лизанька-матушка! гости къ тебѣ...

Лиза тотчасъ же сошла.

— Софія Ершова, а это мама моя, Екатерина Дмитріевна. Мы рѣшили сами пріѣхать помолиться на могилѣ брата, укажите намъ ее, пожалуйста.

Лиза растерялась. Ей и въ голову не приходило, что кто-нибудь изъ У. соберется въ Колычево за тысячу слишкомъ верстъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! войдите пожалуйста, оправьтесь!—заторопилась она.

На голоса вышла тетя Саша. Лиза окончательно потеряла голову.

— Я мать того молодого человѣка...—начала старушка и вдругъ разрыдалась.

— Какого молодого человѣка?—спросила, ничего не соображая, Александра Николаевна.

— За которымъ вы такъ самоотверженно ухаживали во время его болѣзни,—докончила дочь.

— Кондратія Виссаріоновича?

— Ахъ, нѣтъ! это не его имя. Его звали Дмитріемъ, Дмитріемъ Яковлевичемъ Ершовымъ!—и молодая дѣвушка, конфузясь и путаясь, стала объяснять грустную исторію покойнаго брата.

Тетя Саша слушала ее со слезами на добрыхъ голубыхъ, слегка выпуклыхъ глазахъ. Ей до боли было жаль обѣихъ,

особенно мать, которая сидѣла, сгорбившись въ три погибели, безучастно, словно отсутствуя.

Когда дѣвушка кончила разсказъ, старуха обратила къ Сотовой выцвѣтшее, обрюзгшее лицо.

— Шестеро ихъ у меня осталось,—выговорили словно черезъ силу запекшiяся и безкровныя губы:—но я объ нихъ теперь ни секунды не думаю, а тотъ, что ушелъ, и какъ только ушелъ еще живой отъ насъ, сердце мое съ собою унесъ. Такъ вотъ вынулъ и унесъ, и нѣтъ безъ него мнѣ ни свѣту, ни жизни... Чего, чего я не передумала, не перестрадала за эти два года... но чтобы онъ даже отъ имени своего, ради тѣхъ людей, отрекся и подъ чужимъ жилъ,— въ голову не приходило. А онъ и умеръ, и похороненъ, какъ чужой, и нѣтъ теперь власти на свѣтѣ, которая бы мнѣ сына, хоть мертваго, вернула... Развѣ дадутъ мнѣ на крестѣ, что онъ Ершовъ, мужа моего Якова Степановича Ершова сынъ, написать? Развѣ согласится священникъ его на панихидѣ надмогильной рабомъ Божiимъ Дмитрiемъ помянуть?.. Никогда и ни за что!.. Кто же виноватъ? Господи, кто виноватъ?.. Да будь они прокляты, трижды, сотни, тысячи разъ прокляты эти злодѣи, эти звѣри, эти изверги окаянные, что отъ матерей дѣтей родныхъ отнимаютъ... Пусть судьба покараетъ ихъ не въ нихъ самихъ, а вотъ въ дѣтяхъ ихъ, чтобы они поняли, познали, почувствовали, каково мнѣ!.. Злодѣи! злодѣи!..

Съ ней началась истерика. Лиза и тетя Саша забѣгали, захлопотали. Уложивъ ее на диванъ, Лиза стала на колѣни и терла ей виски одеколономъ и махала платкомъ въ сморщенное, жалкое, залитое слезами лицо. Дочь ея тихо плакала, положивъ голову на сложенныя на спинкѣ стула руки въ черныхъ поношенныхъ перчаткахъ. Александра Николаевна гладила ее молча по плечу, не зная, что бы сказать въ утѣшенiе. А въ дверяхъ стоялъ Яшневъ. Онъ ничего не понималъ, но не смѣлъ окликнуть жену и разспросить, въ чемъ дѣло. Тетя Саша первая оглянулась и сдѣлала ему знакъ подойти и помочь старушкѣ.

Едва врачъ взялъ ее за руку, она вдругъ очнулась и испуганно уставилась на него.

— Кто это? Кто это?

— Мой мужъ,—отвѣчала Лиза:—другъ вашего сына.

— Другъ?.. другъ... изъ тѣхъ?.. не хочу!.. не хочу!.. Будь онъ проклятъ! проклятъ! трижды проклятъ!..—и въ новой истерикѣ она упала на подушки дивана.

Лиза отшатнулась. Эти выкрики ударяли ее по сердцу. „Проклятъ? Вася проклятъ? за то, что такъ самоотверженно ходилъ за ея сыномъ!?“ Она въ ужасѣ глядѣла на мужа, а онъ, не выпуская руки несчастной, властно и спокойно говорилъ:

— Успокойтесь! я вамъ говорю и прошу, успокойтесь!

И словно его приказаніе было неотклонимо, бившаяся въ рыданьяхъ женщина начала понемногу затихать.

— Это мать и сестра Кондрата!—шепнула ему Лиза.

Яшневъ кивнулъ головою.

— Я догадался.

Младшая Ершова отерла слезы и, не отрывая глазъ, теперь смотрѣла на него.

— Не сердитесь на маму,—тихо сказала она:—не принимайте къ сердцу ея слова! Она во всякомъ новомъ человѣкѣ видитъ врага, т. е. соблазнителя Мити... Скажите, вы хорошо знали его? Ваша невѣста,—впрочемъ, кажется, вы теперь уже повѣнчаны,—ваша жена писала мнѣ, что вы пріютили его у себя, чтобы помочь ему готовиться къ экзаменамъ?

Яшневъ поднялъ вопросительно брови.

— Кто писалъ вамъ?

— Я,—отвѣтила, краснѣя, Лиза.

— Вотъ какъ?—Это для меня ново.

По тому, какъ онъ вынулъ портсигаръ и чиркнулъ спичку, она видѣла, что мужъ недоволенъ ею.

„Онъ сердится? за что“?..

Онъ дѣйствительно былъ встревоженъ. Эта свалившаяся, какъ снѣгъ на голову, родня покойника, память и впечатлѣніе отъ смерти котораго начинали наконецъ понемногу затихать, являлась крайне некстати. Чортъ знаетъ, какіе опять поднимутся разговоры и толки! Онъ и то боялся, узнавъ, что паспортъ былъ отосланъ на мнимую родину этого юноши, какъ бы не вышло какого-либо камуфлета, но пока оттуда никакихъ подозрительныхъ запросовъ не поступало,—это онъ

точно зналъ черезъ своихъ въ полиціи людей, и вдругъ пожалуйте, такой сюрпризъ. И чего Лизѣ писать понадобилось, да еще не предупредивъ его? Это еще что за таинственность?

А мать, уже слегка успокоившаяся, твердила о панихидѣ, о томъ, что она, вопреки мужа, спѣшила помолиться, какъ слѣдуетъ, на его могилкѣ „за раба Божія Дмитрія“.

Вотъ не хватало! Да она сразу науськаетъ всю полицію. Аресты послѣ 1-го марта не только не прекратились, напротивъ, раскрываются все новыя и новыя нити и хватаютъ и виноватыхъ, и правыхъ, всякаго, кого только можно заподозрѣть въ прикосновенности къ уже арестованнымъ. Нѣтъ, надо сразу положить конецъ этимъ сентиментальностямъ, и онъ, дымя папиросой, спросилъ:

— Откуда же вы вынесли убѣжденіе, что умершій былъ непремѣнно вашимъ сыномъ, сударыня?

— Какъ откуда? Да ваша собственная жена подтвердила, что узнаетъ его по фотографіи. Моя дочь нарочно послала ей карточку.

— Отчего же ты мнѣ не показала ее?

— Тогда тебя не было, а потомъ я, право, забыла.

Онъ видѣлъ по глазамъ Лизы, что она не лжетъ.

— А все-таки интересно взглянуть! Нужно сказать вамъ, сударыня, что жена моя видѣла Кондратія Виссаріоновича только мелькомъ. Разорвавшееся на охотѣ потомъ ружье такъ обожгло его, что всѣ черты измѣнились, и я самъ съ трудомъ узнавалъ его.

— А вы давно познакомились съ братомъ?—спросила Сонечка.

Яшневъ не смущаясь отвѣтилъ:

— Не очень!—Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ моимъ товарищемъ погостить и поохотиться. Принеси же эту карточку,— обратился онъ къ Лизѣ.

Тетя Саша молчала. Все казалось ей непонятнымъ и страннымъ. Какъ и откуда могла знать Лиза адресъ и писать совершенно незнакомымъ людямъ, а когда написала, почему держала отъ нея втайнѣ и не только отъ нея, но и отъ Василія Игнатьевича?..

Положеніе было очень натянутое, и только ушедшая въ свое горе мать не чувствовала, или, вѣрнѣе, не сознавала его.

Принявъ отъ Лизы фотографію, Яшневъ отошелъ къ окну. Съ перваго же взгляда онъ узналъ такъ называемаго Кондрата, и досада его еще выросла. „Чортъ знаетъ, что такое! Что тутъ дѣлать?“

— Знаете,—обратился онъ къ пріѣзжимъ:—или это очень давнишняя карточка, или мой товарищъ былъ не вашимъ сыномъ. Я сходства не нахожу.

Лиза обомлѣла.

— Какъ? помилуй, Вася... Я сразу признала.

— Что ты могла признать,—нетерпѣливо перебилъ онъ:—когда ты его до этого несчастнаго случая почти въ глаза не видала. Пусть Александра Николаевна посмотритъ,—развѣ эта карточка сколько-нибудь похожа...

Александра Николаевна взяла портретъ и сразу вернула.

— Я судить не могу.

— А я могу!—разгорячилась Лиза:—я видала его тогда въ подвалѣ и отлично его разсмотрѣла и запомнила...

Она чуть не плакала. Ей было обидно, что мужъ не вѣритъ ей.

— Помнишь тогда, когда ты работалъ съ ними обоими, и я пришла къ тебѣ?

Лиза не видѣла, какъ тетя Саша привстала и снова сѣла. Ей неудержимо хотѣлось оправдаться и, не стѣсняясь болѣе присутствіемъ Ершовыхъ, она разсказала всю исторію съ перепиской, всѣ свои подозрѣнія и весь бредъ больного. Яшневъ нѣсколько разъ пытался остановить ее, но она, словно закусивъ удила, спѣшила со своимъ разсказомъ.

— Господи, я вѣдь не хотѣла ничего дурного, напротивъ, я готова хоть сейчасъ итти къ о. Никанору и, какъ на духу, все сказать ему, только бы онъ отслужилъ панихиду, какъ слѣдуетъ.

— Такъ тебѣ этотъ попъ и повѣритъ!—язвительно ввернулъ мужъ.—Ты можешь увѣрять и говорить, что тебѣ угодно, а я категорически отрицаю всякое сходство оригинала этой фотографіи съ моимъ товарищемъ Кондратіемъ Чермакомъ и весьма сожалѣю, что моя жена, благодаря

своей необдуманности, потревожила совершенно незнакомыхъ людей.

— Да откуда же онъ зналъ тогда всѣ эти подробности,— допытывалась, чуть не плача, Лиза.—Какъ могъ разсказывать такъ, если самъ не былъ Ершовымъ?

— Откуда? Слышалъ когда-нибудь отъ дѣйствительнаго Ершова, а потомъ, какъ попугай, повторялъ въ бреду. При мозговыхъ потрясеніяхъ и не такія еще удивительные случаи въ клиникахъ наблюдать приходилось... Да, а когда онъ приходилъ окончательно въ себя, что же, онъ подтверждалъ тебѣ свои разсказы?

— Нѣтъ... напротивъ...—вспомнила Лиза:—онъ увѣрялъ что онъ сынъ подрядчика...

— Ну, такъ подумай сама, что это все значитъ?...

— Такъ, значитъ,—раздался тихій голосъ:—мы пріѣхали напрасно? Значитъ, быть можетъ, сынъ мой... мой Митя еще и живъ?.. Живъ!..

Она крикнула это „живъ". Это былъ торжествующій вопль самки, у которой было отняли дѣтеныша и издали снова показали его, поманили надеждой вернуть того, кто считался навѣки и безнадежно утраченнымъ. И вотъ явилась надежда, возродилась мечта о возможности разыскать и возвратить къ себѣ блуднаго сына, и если онъ живъ, то и ей, матери, еще стоило жить.

Яшневъ даже вздрогнулъ. „Э! чортъ съ ней! пусть надѣется"! Но по мѣрѣ того, какъ прояснялось и словно расцвѣтало на глазахъ у всѣхъ лицо старухи Ершовой, Лизины черты все больше вытягивались и обострялись. Выраженіе дѣлалось жестче, губы сжимались плотнѣе. Видимо, она боролась съ собою, чтобы не расплакаться. Наконецъ она не выдержала и встала.

— Я очень и очень извиняюсь передъ вами,—обратилась она къ младшей Ершовой:—что моя необдуманность явилась невольной причиной вашего путешествія... Я была убѣждена, что покойникъ былъ вашимъ братомъ. Простите меня, если можете... Мнѣ нехорошо...

Она вышла изъ комнаты и поднялась въ мезонинъ.

Александрѣ Николаевнѣ было очень не по себѣ, но со

свойственнымъ ей гостепріимствомъ и воспитанностью она задержала своихъ случайныхъ гостей, накормила и напоила ихъ.

Старушка ожила окончательно и разболталась о домѣ и семьѣ, весьма зажиточной, „которой ни по чемъ и расходы по такому нежданному-негаданному пикнику“... „Вѣдь я даже деньги привезла, чтобы расплатиться съ вами за хлопоты и похороны“, говорила она весело, но дочь молчала. Она, сама не зная почему, твердо вѣрила Лизѣ. Ей она пришлась по сердцу, и было теперь больно, что изъ-за нихъ молодая женщина попала въ неловкое положеніе. Она готова была пойти разыскать ее, но Лиза даже не сошла къ обѣду, и Таня принесла обратно нетронутыя кушанья.

Дѣвушку неудержимо тянуло на эту неизвѣстную могилу, но она не смѣла и заикнуться о томъ, глядя на развеселившуюся и разомъ помолодѣвшую мать.

Какъ не оставляла Александра Николаевна ночевать Ершовыхъ, но старушка торопилась домой въ обратный путь...

— Поди, мой старикъ-то какъ обрадуется! Почитай, не хуже меня! Теперь и имя Митино самъ поминать начнетъ. Вы передайте вашей супругѣ,—обратилась она къ Яшневу:— что я нисколько на нее не сѣтую... Напротивъ, она, сама того не подозрѣвая, сердце отца къ сыну обратила, а ради этого и не за тысячу верстъ съѣздить можно.

Когда онѣ сѣли наконецъ въ свой тарантасъ и отдохнувшія почтовыя лошади свернули за ворота, Яшневъ вздохнулъ отъ души и поднялся къ женѣ.

Александра Николаевна посмотрѣла ему вслѣдъ и тоже вздохнула, но это не былъ вздохъ облегченія,—это былъ первый вздохъ забившагося тревожнымъ предчувствіемъ стараго, любящаго сердца.

— Ну, гора съ плечъ!—говорилъ Яшневъ, шагая изъ угла въ уголъ по будуару жены. Онъ подошелъ и хотѣлъ поцѣловать ее, но Лиза отвела его рукой.

— Не надо! я лгунья...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—не лгунья, а крайне легко-

мысленная особа. Какъ можно было вступать въ эту переписку, не предваривъ меня?

— То-есть?..

— То-есть... Да неужели ты не понимаешь, въ чемъ дѣло? Тебѣ будетъ очень пріятно, если меня арестуютъ?

— Тебя? за что?

— За сношенія съ человѣкомъ нелегальнымъ, жившимъ по чужому и, можетъ быть, даже фальшивому виду.

— Значитъ, Чермакъ?..

— Не Чермакъ, а какъ его тамъ—Дмитрій, что ли? Ершовъ, и присланная тебѣ фотографія его собственная.

— Я не понимаю, какъ же могъ ты...

— Отрицать истину и опровергать твои слова? Шкуру спасая, душа моя, собственную шкуру свою, вотъ эту самую, и ты, какъ преданная и любящая жена, не поставишь, надѣюсь, въ вину мнѣ, что ради ея спасенія я изобразилъ тебя не совсѣмъ въ выгодномъ для тебя свѣтѣ.

— Но если тебѣ не было жаль меня, какъ же не пожалѣлъ ты несчастной матери и сестры?

— Это ты не пожалѣла ихъ, а не я... Да ты развѣ не видала, какъ ожила старуха при мысли, что ты даромъ потревожила ихъ? Да, я думаю, она теперь ногъ отъ счастья подъ собою не чуетъ, полагая, что ея сокровище еще гдѣ-нибудь околачивается на бѣломъ свѣтѣ. Воображаю, какой сорокою трещитъ она теперь всю эту обратную дорогу!..

Лиза промолчала. Она не въ состояніи была ни размышлять, ни думать. Она чувствовала въ сердцѣ почти физическую боль отъ этой первой супружеской обиды. Розовый туманъ понемногу разсѣивался, и изъ-за него рисовалась сѣренькая, будняя жизнь...

. . . .

Старуха Ершова дѣйствительно всю дорогу до Горска трещала сорокой. Дочь иногда давала отрывистые отвѣты, но зато ямщикъ съ любопытствомъ слушалъ возбужденно лившуюся рѣчь. Многое было ему не совсѣмъ ясно, но главное онъ схватилъ: эти барыни ѣздили поклониться могилкѣ того барина, котораго ранило ружьемъ на охотѣ,

думая, что это сынъ старухи, а онъ оказался чужимъ. Впрочемъ, онъ ясно слышалъ, какъ та, помоложе, сказала: „А я все-таки еще не увѣрена. А вдругъ это Митя, а не Чермакъ?..“.

На другой день этотъ же самый ямщикъ везъ домой Михаила Демьяновича, неожиданно вернувшагося изъ Москвы. Дѣло съ Сотихой все еще не улаживалось и приходилось строить не усовершенствованный спиртоочистительный, обѣщавшій громадную наживу, заводъ, а только одну обыкновенную винокурню, и Михалка былъ не въ духѣ. Но ямщикъ Яшка былъ знакомый и балагуръ, и они дорогой разболтались, и тотъ разсказалъ, какой приключился со вчерашними барынями случай, какъ онѣ чуть не отслужили панихиду не по своему, а по чужому.

Михайло Демьяновичъ очень этимъ проишествіемъ заинтересовался и выспросилъ Яшку во всѣхъ подробностяхъ.

Черезъ три дня на родину Чермака летѣла казенная бумага съ печатью и со строгимъ приказомъ обстоятельно провѣрить возвращенный изъ Колычева паспортъ умершаго при ампутаціи правой руки мѣщанскаго сына Кондратія Виссаріоновича Чермака за нумеромъ такимъ-то.

XXXV.

Горе и кручина помутили мысли,
Шагъ, — и прудъ въ объятьяхъ сердце схоронилъ.
Оттого такъ грустно вѣтви тамъ повисли,
Папоротникъ перья до земли склонилъ.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Старый садъ давно одѣлся новой листвою, и узорныя тѣневыя пятна и золотые просвѣты опять пестрили песокъ аллей. Мягко шелестѣли молодые шелковистые листы липъ. Пчелы еще не вились и не гудѣли въ ихъ чащѣ, но зато пѣночки, малиновки и чижи такъ и заливались и щебетали наперебой свои лучшія пѣсни.

Словно весь этотъ вѣковой паркъ звенѣлъ и пѣлъ тысячами голосовъ о радости, о счастьи, объ уютѣ родныхъ гнѣздъ, о новыхъ зародившихся подъ его сѣнью жизняхъ, которыя сумѣютъ, въ свою очередь, основать новыя семьи

и продолжить до скончанія вѣковъ самый смыслъ земного существованія съ тихими грезами и свѣтлыми надеждами.

Лиза бродила по саду. Единственный и неизмѣнный спутникъ ея Сократъ носился между деревьями, спугивая трясогузокъ и горихвостокъ. Тетя Саша была въ полѣ, а мужа она только что проводила въ округъ и ждала его къ вечеру слѣдующаго дня. Она шла, собирая ландыши, въ изобиліи росшіе на тѣнистыхъ частяхъ лужаекъ, и незамѣтно для себя очутилась у подвала... Сократъ нюхалъ усиленно чей-то слѣдъ и вдругъ съ неистовымъ лаемъ бросился къ двери. Замокъ былъ снятъ. Очевидно, въ подвалѣ былъ кто-то... Лиза отозвала собаку.

— Кушъ!—приказала она Сократу. Онъ легъ, протянувъ морду на переднія лапы, но не спускалъ съ двери глазъ и глухо ворчалъ.

„Кто бы это могъ быть?—думала молодая женщина.— Неужели Вася?.. Нѣтъ, не онъ. Ему тамъ дѣлать нечего, его лабораторія вѣдь въ прежней квартирѣ при больницѣ... Сократъ чуетъ чужого,—вонъ какъ у него шерсть дыбомъ стоитъ...

Прошло нѣсколько минутъ. Дверь осторожно открылась, и изъ нея, точно нюхая воздухъ, выставилась бѣлобрысая голова съ острой рыжеватой бородой клиномъ. За головою показалось и туловище въ розовой ситцевой рубахѣ и синемъ жилетѣ, на которомъ болталась золотая цѣпь съ печаткой, такъ и сверкнувшая на солнцѣ. Лиза сразу узнала Михалку. Она плотно держала Сократа за ошейникъ, и онъ, весь дрожа, сидѣлъ, какъ вкопанный.

Михалка не могъ видѣть ея изъ-за пышной заросли донника, но она сама отлично видѣла его сквозь вѣтви и внимательно слѣдила за всякимъ его движеніемъ. Оглядѣвшись хорошенько, онъ бережно положилъ на землю свой коломянковый картузъ, точно боясь разсыпать его содержимое, и сталъ навѣшивать замокъ. Въ эту минуту Сократъ вырвался-таки изъ Лизиныхъ рукъ и, бросившись съ наскока на скупщика, схватилъ его за грудь. Тотъ закричалъ благимъ матомъ, но Лиза уже шла на выручку.

Рысьи глазки Михалки такъ и забѣгали,—онъ попался впросакъ.

Напрасно старался онъ оторвать водолаза отъ своей жилетки, тотъ крѣпко впился въ сукно зубами, и никакіе окрики хозяйки не дѣйствовали! Только когда она взяла разъяреннаго пса за ошейникъ, онъ выпустилъ жертву.

Лиза заглянула въ картузъ. Онъ весь былъ наполненъ какими-то странными на видъ кусочками, то блестящаго, то матоваго свинца.

— Что это такое?—спросила она.—Откуда вы это взяли?

— Это-съ... я въ подвалѣ нашелъ,—неувѣренно выговорилъ Михалка.

— Какъ и зачѣмъ вы туда попали?

— Помилуйте-съ, такъ... мимо шелъ... вижу, замочекъ качается, я попробовалъ—не запертъ... я и вошелъ... Все-таки любопытно, столько лѣтъ не бывалъ...

— Но это-то зачѣмъ взяли?

— Такъ-съ, на забаву дѣткамъ... если угодно-съ, я верну! Вотъ извольте! Куда только высыпать прикажете?

Онъ оглядѣлся, сорвалъ большой листъ лопуха и высыпалъ на него свинецъ. Лиза взяла одинъ изъ кусочковъ въ руки. На немъ стояла какая-то опрокинутая точно буква или іероглифъ.

— Что это такое?—спросила она опять.

Михалка усмѣхнулся, и его зеленые глазки такъ и завертѣлись.

— Это-съ? вѣроятно, ничего важнаго... я дома показать хотѣлъ.

— Да откуда вы взяли этотъ свинецъ?

— Изъ ящика... ихъ тамъ нѣсколько штукъ стоитъ. Желаете взглянуть? Развѣ вы не видали? Я полагалъ-съ, вы тамъ нерѣдко у супруга бываете,—и онъ прищурился и тихо добавилъ:—я однажды зимою еще, домой ѣдучи, съ дороги видѣлъ, какъ вы сюда итти изволили... Какъ разъ въ тотъ день, какъ упокойничка потомъ ночью ружье ранило... Коли вы женишка тутъ навѣщать изволили, такъ неужто у супруга не гащивали?.. Я думалъ, онъ уже давно васъ во всѣ свои тайности посвятить соизволилъ.

— Какія тайности?—вспыхнула Лиза.

Михалка успѣлъ окончательно оправиться и напялилъ

на бекрень картузъ, что сразу дало ему особенно нахальный видъ.

— Разныя-съ... тутъ вотъ зимой у нихъ что-то готовилось, по ночамъ труба дымила, да огонь горѣлъ, передъ самымъ это несчастьемъ, значитъ, было... Ну, а теперь бумажки эти да печатки... Счастливо оставаться!—добавилъ онъ и хотѣлъ уйти.

— Стойте!—остановила его Лиза. Сократъ тоже снова насторожилъ уши.—Объясните толкомъ, на что вы намекаете.

Она чувствовала, что вся кровь сперва ударила ей въ щеки, а потомъ отлила къ сердцу, и она стала бѣлѣе своего батистоваго платья. Михалка покосился на водолаза, а потомъ съ кривой и гадкой усмѣшкой воззрился на нее.

— Да неужто на самомъ дѣлѣ вамъ ничего неизвѣстно-съ?.. Странно,—отъ крали такой секреты имѣть-съ!.. Я бы на мѣстѣ супруга вашего вамъ бы давно всю душу и сердце наизнанку вывернулъ, потому коли бы мнѣ бѣда грозила, чтобы, значитъ, и вы со мною на край свѣта итти бы должны были.

Глаза Лизы такъ и сверкнули подъ плотно сдвинувшимися бровями.

— Прошу васъ оставить вашъ тонъ и эти загадки и отвѣчать прямо. Вы въ чемъ-то подозрѣваете Василія Игнатьевича, и я, какъ его жена, требую, чтобы вы сказали сейчасъ же: въ чемъ?

— Много будете знать, скоро, барынька моя, состаритесь. Ну-съ, а вамъ лучше подольше молодой да красавицей оставаться. Еще какъ красота-то въ жизни пригодится! Я первый охочъ до нея. Прошу запомнить.

— Молчите! какъ вы смѣете? Я запрещаю вамъ!..

— Али собачку опять натравите? Такъ за это и отвѣтить можно. А коли правду знать хотите, тоже лучше рѣчи такія со мной оставьте да ручку пожалуйте... Я ручку-то со всѣмъ своимъ удовольствіемъ поцѣлую, да не ручку одну, а щечки, и губки алыя... и, такъ и быть, кусочекъ великаго секрета супруга вашего открою, чтобы знать вамъ, чьей женою стать изволили, чье дитя подъ сердцемъ, еще того сами пока не вѣдаючи, уже, пожалуй, зачали...

— Молчи, мерзавецъ! — вырвалось у Лизы. — Негодяй, хамъ! Какъ ты смѣешь!

Она вся тряслась.

— Полно, сударыня! я хамъ, да не измѣнникъ русскій, а вы вотъ и дочка и внучка измѣнницкая, да и замужемъ за крамольникомъ находитесь... Счастливо оставаться!..

Онъ быстро повернулся на своихъ подкованныхъ каблукахъ и скрылся изъ виду, а Лиза какъ стояла, такъ и упала на траву. Она очнулась оттого, что что-то влажное и теплое коснулось ея щеки. Это Сократъ съ жалобнымъ скуленіемъ лизалъ ее въ лицо. Она обняла вѣрнаго пса за шею и горько разрыдалась. Острое, больное чувство обиды сжимало грудь, и слезы лились, не принося облегченія. Гадливость, женскій стыдъ, негодованіе — такъ и кипѣли, но вдругъ слезы разомъ высохли, рыданія смолкли... „Крамольникъ,—пронеслось въ головѣ.—Крамольникъ... бумажки, печатки?.. Что это значитъ?..“

Она сжала голову ладонями и встала, шатаясь. Въ травѣ что-то блеснуло. Это былъ тотъ кусочекъ свинца, который она только что разглядывала. Она подняла его и надавила на руку выпуклый іероглифъ. На тѣлѣ ясно отпечаталась буква ж. Она взяла съ листа лопуха еще нѣсколько кусочковъ, и каждый выдавилъ другую букву. Ясно—это былъ шрифтъ для печатанія. Губы сжались еще тѣснѣе. Со щекъ снова сошла вся краска, но она рѣшительно направилась къ двери. Замокъ не былъ запертъ и легко открылся.

Лиза спустилась въ подвалъ. На полу въ коридорѣ стояли ящики. Это были тѣ самые, которые она видѣла зимою. Тогда Василій Игнатьевичъ еще остерегалъ ее, чтобы она о нихъ не запнулась... Съ одного доски были сняты, и онъ до краевъ былъ наполненъ свинцовыми буквами. Тайная типографія!..

Она хотѣла пройти въ кухню за молоткомъ или чѣмъ-нибудь тяжелымъ, чтобы отколотить, какъ ей казалось, плотную крышку слѣдующаго, но едва она попробовала отогнуть одну ея изъ досокъ, крышка сама откинулась. Ящикъ былъ наполненъ какими-то бумагами. Лиза прочла одну, и странное впечатлѣніе точно отъ чего-то дьяволь-

скаго, преступнаго зашевелилось въ душѣ. Это были прокламаціи.

„Я читаю то, за что вѣшаютъ людей, писавшихъ это, и арестовываютъ тѣхъ, кто читаетъ и вѣритъ написанному. Какъ это сюда попало? Кто напечаталъ эти листки?“ „Крамольники!“ прозвучало въ ушахъ, и разомъ все стало ясно... Къ нимъ, къ крамольникамъ, принадлежалъ и онъ—мужъ, этотъ человѣкъ, на котораго она молилась, которому прощала все, подъ впечатлѣніемъ чьихъ ласкъ исчезъ послѣдній слѣдъ еще столь недавно нанесенной имъ же обиды. Въ пылу страсти она снова прижималась къ нему, осыпала поцѣлуями его милыя, сильныя руки, руки, которыя можетъ быть, печатали вотъ эти самыя воззванія къ бунту противъ царя, къ мятежу и убійствамъ?.. Господи! да что жъ это такое?

Она прислонилась къ стѣнѣ. Михалка все зналъ... Очевидно, онъ давно, всю зиму уже подглядывалъ и слѣдилъ. Онъ донесетъ, навѣрно, донесетъ... и шрифтъ забралъ, чтобы имѣть—какъ это называется? да, да... вещественное доказательство... и явится полиція, и всѣхъ арестуютъ. Лиза даже похолодѣла... Арестуютъ... кого? Его, мужа... и ее... и тетю Сашу... Развѣ станутъ разбирать?.. Боже, Боже мой!.. Нѣтъ, надо принять мѣры, надо скрыть всѣ слѣды... Какъ?..

Черезъ десять минутъ ея ловкіе, гибкіе пальцы уже выбирали изъ ящика шрифтъ и складывали въ розостланный на полу носовой платокъ. Лиза связала его въ узелокъ и попробовала поднять,—онъ былъ очень тяжелъ. Она отбавила буквъ и осторожно, держа обѣими руками платокъ за углы, вынесла изъ подвала. Ей пришлось вернуться много разъ... она не сумѣла бы сказать, сколько. Вода расходилась кругами. Лебедь, ожидая подачки, плавалъ у самаго берега, пытался каждый разъ схватить быстро опускавшіеся на дно свѣтящіеся кусочки свинца, и разочарованно махалъ крыльями, словно бѣлыми распущенными по вѣтру парусами, а она все уходила и возвращалась, не замѣчая его, методично, машинально, пока послѣдняя литая буква не скрылась въ тинѣ.

Она собрала и возвращенныя Михалкой, всѣ аккуратно

до единой, и сбросила ихъ тоже въ воду, а потомъ вернулась въ подвалъ. Ея лицо, руки и платье были черны отъ свинцовой пыли, но она этого не замѣчала. Сильнымъ и напряженнымъ движеніемъ сгребла она бумаги изъ ящика съ прокламаціями и набила ими топку плиты, потомъ отыскала спички и подожгла. Забѣгали огоньки. Листки скручивались, чернѣли, а она все втискивала новые, пока ящикъ не опустѣлъ. Оставалось еще два, съ частями станка и формами. Лиза попыталась оторвать доски отъ крышекъ, но онѣ не подавались. Она обошла подвалъ. Въ одной изъ комнатъ стояли какія-то ступки и реторты. Она осматривалась, ища глазами предметъ, способный замѣнить молотокъ, и, отыскавъ тяжелый пестикъ, принялась имъ отколачивать гвозди. Работа подвигалась медленно, но она съ удивительной настойчивостью продолжала свое дѣло. Всѣ металлическія части станка, несмотря на тяжесть, она перетаскала въ прудъ, а деревянныя и доски отъ ящиковъ сунула подъ плиту, и наконецъ послѣдняя щепка превратилась въ уголья, сгорѣло все, что могло горѣть... Отъ грозныхъ уликъ ничего не осталось...

Лиза еще разъ обошла всѣ уголки. Въ кухнѣ нашла вѣникъ. Она подмела полъ и, собравъ соръ до послѣдней щепотки, бросила тоже въ печку.

— Все, кажется?..

Она прошла въ лабораторію. Стояли какія-то жестянки, банки... понюхала... Острый запахъ сѣры и еще чего-то... Можетъ быть, тоже какая-нибудь улика?.. Она собрала въ подолъ тюника все, что стояло на столахъ, вынесла и сбросила въ воду... Потомъ вернулась, и ступки, колбы и реторты тоже были брошены слѣдомъ... на всякій случай... Если онъ прокламаціи печаталъ, Богъ его знаетъ, что онъ тутъ готовилъ, и вдругъ... глаза широко открылись... Кондратъ... они вмѣстѣ вѣдь тутъ работали... его раны... оторванная рука... Господи... да вѣдь это?..

Ружье тутъ ни при чемъ, онъ пострадалъ при опытахъ... Кибальчичъ... онъ бредилъ Кибальчичемъ... онъ говорилъ о бомбахъ, разсказывалъ, какъ начинять ихъ... капсюли... латунныя трубки... каучуковый чехолъ... Они ихъ готовили

сами... тутъ, вотъ тутъ, въ этомъ подвалѣ, когда она къ нимъ постучалась... Вѣдь Яшневъ и не скрывалъ, что Кондрать былъ не одинъ. Она сама слышала ихъ голоса... Быть можетъ, самъ Кибальчичъ былъ тутъ...

Сердце почти не билось. Разсудокъ ясно, остро, усиленно работалъ, а въ душѣ было такъ холодно, пусто, пусто до жуткости... Крамольникъ...

Все поведеніе Василія Игнатьевича съ самой минуты несчастія съ Кондратомъ вспомнилось ей. Она понимала и объясняла теперь каждый моментъ, толковала каждое слово, анализировала каждое выраженіе обоихъ.

„Не я!“ вскрикнулъ раненый, узнавъ о катастрофѣ съ государемъ?.. Да, не отъ его оторванной руки палъ царь-Освободитель... но въ этомъ убійствѣ близкое непосредственное участіе принималъ и онъ... и ея мужъ... Сомнѣній не оставалось никакихъ...

Въ душѣ холодъ и пустота усиливались. Лизу начинала бить нервная дрожь, но она справилась съ нею и еще разъ оглядѣлась. Все было пусто и прибрано, ни отъ типографіи, ни отъ лабораторіи никакихъ слѣдовъ. Она собрала послѣднія силы, поднялась по ступенькамъ, захлопнула за собою дверь въ подвалъ и навѣсила замокъ. Онъ замыкался механически, но открыть его можно было лишь съ помощью ключа, и если Михалка попалъ въ подвалъ, то у него долженъ былъ имѣться поддѣльный ключъ...

Лиза медленно прошла на мраморныя ступени, чтобы провѣрить, не осталось ли оброненной ею буквы или пузырька,—ничего. Вода лежала темнымъ зеркаломъ. Со дна вставали длинныя травы и недвижно тянулись къ поверхности. Бездонной казалась глубина. Точно этимъ змѣевиднымъ травамъ не было начала, и онѣ росли изъ невѣдомой пучины, неизмѣримой, безмолвной и таинственной...

Только одинъ шагъ... Вода разойдется кругами, дойдетъ до камышей, снова вернется... Все будетъ кончено... она сомкнется надъ ея головою навѣки... Нѣтъ!.. бросятся искать, закинутъ сѣти, невода, трупъ выловятъ, доищутся, причины, доищутся слѣдовъ... можетъ быть, зацѣпятъ букву или реторту, и все раскроется, и тетя Саша... Она снова

вздрогнула, вообразивъ весь позоръ и ужасъ, которые упадутъ на имя, на милую, сѣдую голову этой невинной, беззавѣтно любившей ее женщины... А горе, ея горе? какъ перенесетъ она его одинокая, всѣми, конечно, покинутая?...

Какъ ни тяжела, ни ужасна будетъ съ этихъ поръ ея, Лизина собственная жизнь, но она должна и будетъ жить для той, кто замѣнилъ ей и мать, и отца...

Она побрела домой. Сократъ съ радостнымъ лаемъ снова носился между деревьями. Кругомъ благоухалъ старый садъ. Ландыши и фіалки выглядывали изъ сочной травы. Одуванчики золотили лужайки, и пчелы, и бабочки, и жуки, сверкая крыльями, носились надъ ними. Вдали заливался соловей, и откликалась кукушка,—но Лиза ничего не видѣла, не слышала. Жизнь оборвалась и потеряла смыслъ. „Жена крамольника съ залитыми царской кровью руками...“ ни онъ, ни она не имѣли въ сущности права жить на бѣломъ свѣтѣ... И какъ могъ онъ, зная за собою такую вину, вѣнчаться съ нею?.. Вѣдь если у нея родится ребенокъ,—онъ, о которомъ втайнѣ она молила Бога, будетъ потомкомъ государственнаго преступника, правнукъ измѣнника, дитя крамольника... Ужасно, ужасно!.. И никто не остановилъ никто не открылъ ей во-время глаза?.. Тетя,—но развѣ она знала?.. Его отецъ?..—отчего онъ такъ холодно отнесся къ ней, когда она стала объявленной невѣстой?.. Онъ зналъ, можетъ быть, и думалъ, что и она знала и все-таки шла за его преступнаго сына... Почему Степаша, Флинтъ, которые такъ любили ее, молчали и даже согласились быть шаферами... Нѣтъ, они не молчали, они не разъ намекали, но она не хотѣла сама слушать, не вѣрила и сердилась на нихъ и заступалась за Яшпева...

XXXVI.

И не смерть, такъ что же, съ долей своей горькой
Свыклась бы ты развѣ? Иль кляла бы часъ,
Гдѣ на небѣ счастье занималось зорькой,
Да въ ненастныхъ тучахъ свѣтлый лучъ погасъ?
(„Горькая“. М. К.).

Придя домой, Лиза ужаснулась на свое платье... Оно было запачкано и разорвано... Не все ли равно?.. Нѣтъ,

нельзя сказать никому, гдѣ она была... Она сочинитъ что-нибудь, скажетъ на Сократа, что онъ ее уронилъ въ канаву... и она позвонила Таню и небрежно сказала:

— Дай мнѣ переодѣться, посмотри, какъ Сократъ меня отдѣлалъ!

— Ахъ, онъ негодяй такой! Новое платье...—но фразы Таня не докончила.

Молодая барыня вдругъ зашаталась и, ухватившись за спинку супружеской кровати, едва удержалась на ногахъ. Ее знобило, и зубы громко стучали. Призванная на помощь Кирилловна помогла раздѣть и уложить ее.

— Что это съ тобою, матушка? Эхъ, барина-то нашего нѣту!—начала было причитать старушка, но Лиза закрыла глаза.

— Я хочу спать... оставьте меня...

Обѣ вышли.

„Неужто, Господи, такъ скоро?“ подумала Кирилловна и, придя въ свою каморку, съ молитвою зажгла свѣчку передъ образомъ Знаменья Божьей матери и положила поклонъ за „рабу Божію Елизавету и грядущее чадо ея“...

Насталъ вечеръ, и прошла ночь. Наступило утро. Усадьба проснулась и зажила повседневною жизнью, а въ розовой спальнѣ на нарядной кровати лежала безъ сна молодая женщина и широко раскрытыми глазами глядѣла передъ собою.

„Господи! зачѣмъ Ты не посылаешь мнѣ смерти! Зачѣмъ не далъ вчера силы броситься самой въ ту воду, гдѣ я схоронила слѣды его преступленія!“

Тетя Саша вошла, поздоровалась, пощупала лобъ, поцѣловала и вздохнула...

— Ты лучше полежи.

— Полежу, тетя... — И она закрыла глаза. Тетка тихо вышла...

Около полудня въ переднюю вошелъ Михалка.

— Куда лѣзешь?—встрѣтила его Кирилловна.

— Нельзя ли барынѣ молодой доложить.

— Нельзя. Онѣ нездоровы.

— Скажите, очень, молъ, надо. И для болѣзни ихней даже лучше будетъ. Прошу непремѣнно принять.

— Говорятъ тебѣ, нельзя.

— Да вы имъ только скажите,— вчерашняго, молъ, касается.

— Чего вчерашняго?—насторожилась Кирилловна, вспомнивъ объ испорченномъ новомъ платьѣ.

— Идите, Наталья Кирилловна, доложите, потому время не терпитъ.

— Выгони ты его, матушка, въ шею! — посовѣтовала Кирилловна вмѣсто доклада Лизѣ.

Но та вся побѣлѣла и всетаки приказала позвать его. Она сидѣла въ капотѣ на диванѣ и, слыша его шаги по лѣстницѣ, думала: „Пусть я не боюсь его... онъ ничѣмъ меня больше обидѣть не можетъ, но онъ что-то знаетъ, чего я еще, быть можетъ, не знаю, а я хочу знать все".

— Просимъ прощенья!—началъ Михалка:—по дѣлу! Не бойтесь,—прибавилъ, онъ замѣтивъ тотъ жестъ отвращенія, съ которымъ Лиза невольно отодвинулась въ уголъ дивана:— я васъ не трону... А только если вы желаете, чтобъ секретъ супруга вашего другимъ не открылся, я васъ пришелъ попросить: уговорите тетеньку подписать вотъ этотъ контрактецъ.

— Какой контрактъ? Что такое?

— На землю эту, что я въ аренду взялъ и рубить деревья не смѣю. Потому она мнѣ до крайности нужна. Вамъ, сударыня, слово сказать стоитъ, и я человѣкомъ богатымъ стану, а въ благодарность, вотъ вамъ крестъ,—онъ перекрестился на образъ въ жемчужномъ вѣнкѣ,—я не заикнусь о подвалѣ и навѣки о немъ позабуду... Иначе... — онъ остановился.

— Что иначе?—надменно подхватила Лиза.

— Да вотъ бумажечку одну, что вчера изъ ящика у меня, да печаточекъ нѣсколько, что въ карманѣ нашлися, кому слѣдуетъ покажу, и тогда какъ бы супругу вашему сибирскихъ рудничковъ дальнихъ подъ землею увидать не пришлось бы!

Лиза молчала. Слово „шантажъ" было ей незнакомо, но она понимала, что Михалка, пользуясь обстоятельствами, вступаетъ съ нею въ торгъ и хочетъ дать ей какую-то взятку; она надавила кнопку звонка.

— Выведи этого кавалера,—приказала она появившейся на зовъ Танѣ,—и чтобы мнѣ впредь о немъ не докладывали...

Михалка повернулся на каблукахъ.

— Мое почтеніе-съ! запомнимъ-съ!

Онъ сѣлъ въ свою одноколку и покатилъ за ворота.

Лизѣ было все равно. Пусть грозитъ.

Она сидѣла и ждала все напряженнѣе, все сосредоточеннѣе, и какъ прошли новые часы, какъ пережила она ихъ,—но они прошли, и они были пережиты, и ни разу въ теченіе ихъ не шевельнулось въ душѣ намека на возможность оправданія, извиненія только вчера еще любимаго человѣка... Наконецъ, уже къ вечеру раздался на дворѣ шумъ колесъ, хлопнула дверь внизу, и изъ прихожей послышался знакомый и столь недавно милый и дорогой голосъ:

— А молодая барыня дома?

— Онѣ второй день нездоровы и не выходятъ,—отвѣтилъ голосъ Тани, и тотчасъ же по лѣстницѣ застучали быстрые, энергичные шаги.

Дверь открылась, въ прорѣзѣ показалась статная фигура. Сіяя улыбкой, съ особенно бѣлыми на пыльномъ лицѣ зубами и съ загорѣвшимся радостью взглядомъ, Яшневъ шелъ къ женѣ и хотѣлъ обнять ее, но она отстранилась.

— Не надо... оставь!

— Что съ тобою? что за капризы?.. Ничего не понимаю!

— Поймешь... Приведи себя въ порядокъ, отдохни. Мнѣ надо объясниться съ тобою серьезно и на чистоту. Я подожду. Время терпитъ.

Она говорила очень ровно, не повышая тона, но ея твердость показалась мужу странной.

— Сцена?.. что жъ, изволь! Но въ такомъ случаѣ разрѣши мнѣ подкрѣпиться сперва. Я не ѣлъ съ утра.

— Сдѣлай одолженіе. Въ столовой, вѣроятно, уже все приготовлено.

Онъ взглянулъ на нее исподлобья, вымылся, переодѣлся и сошелъ внизъ. Прошло еще полчаса,—она не шевелилась. Настали сумерки. Розовые цвѣта обоевъ и обивки переходили въ сѣрые. У образа догорала лампадка, и потрескивалъ фитиль. Въ окно врывались обрывки гдѣ-то далеко въ чащѣ

сада лившейся пѣсни соловья, и майскій жукъ гудя пролетѣлъ нѣсколько разъ мимо. Липы не шелестѣли, словно замеревъ на мѣстѣ... Снова раздались его шаги, но не торопливые, а тяжелые, точно онъ нарочно замедлялъ ихъ, оттягивая непріятное объясненіе.

— Въ чемъ дѣло?—началъ онъ, усѣвшись поудобнѣе въ кресло и закуривая новую папиросу.

— Я была въ подвалѣ... я знаю все...

— Что это „все"?—прищурился онъ.

— Что ты и твои товарищи печатали прокламаціи и готовили тѣ самыя бомбы, которыми былъ убитъ императоръ.

— Вотъ какъ! Это для меня новость!—онъ даже какъ-то весело, какъ ей показалось, усмѣхнулся.—Значитъ, по-твоему бомбы были приготовлены здѣсь въ Колычевѣ, а потомъ перевезены въ Петербургъ? Какая геніальная идея!.. и какая удивительная, наивная неосторожность съ моей стороны. Вѣдь бомбы могли разорваться по дорогѣ? И въ такой дикой глупости ты удостаиваешь обвинять меня... Извини, пожалуйста, я не идіотъ.

Онъ иронически поклонился.

— Конечно, я не техникъ, не химикъ, я никогда не видала, какъ изготовляются эти снаряды, я не знаю,—можно ли перевозить ихъ, но что ты и бывшіе съ тобой товарищи принимали дѣятельное участіе въ подготовленіи убійства 1-го марта, это я знаю навѣрно, и ты меня не разубѣдишь.

— Что же дальше?

— Дальше... дальше то, что послѣ этого быть твоею женою я не могу, да и не хочу.

Это было сказано все тѣмъ же спокойнымъ и твердымъ голосомъ, точно самая обыкновенная фраза. Онъ снова усмѣхнулся.

— Вотъ какъ. Какъ же ты это сдѣлаешь? Велишь выгнать меня изъ этой комнаты, изъ этого дома?

— Я сама уѣду... ты можешь остаться!

— Ну, это дудки! Уѣхать безъ моего разрѣшенія ты не можешь. Отдѣльнаго паспорта у тебя нѣтъ и безъ моего

согласія тебѣ его не выдадутъ. Поэтому совѣтую тебѣ успокоиться.

— Да я и не волнуюсь,—вставила она.

— Тѣмъ лучше; но если я ради тебя пошелъ на церковную комедію, то вовсе не для того, чтобы ты же черезъ какой-нибудь мѣсяцъ съ небольшимъ бросила меня сама. Мы съ тобою ходили подъ Исаія ликуй и связаны неразрывно, и куда бы ты ни уѣхала, въ моей власти вытребовать тебя обратно отовсюду. Тебя вернутъ и отправятъ ко мнѣ, коли я того пожелаю, по этапу... Такъ-то, душа моя!.. Вотъ тебѣ сразу и оборотная сторона медали въ законномъ бракѣ. Въ томъ, другомъ, гражданскомъ, который я тогда предлагалъ тебѣ, обѣ стороны сохраняютъ самостоятельность и свободу дѣйствій, а здѣсь... Но ты сама потребовала аналой и вѣнцы, поэтому и кайся... Я твой законный вѣнчанный мужъ, и отъ правъ своихъ на тебя отказываться не намѣренъ.

— А я тебѣ повторяю,—я ихъ надъ собою не признаю больше, и никакой законъ не можетъ принудить меня считать себя женою цареубійцы.

Онъ поблѣднѣлъ.

— А! значитъ, ты порѣшила донести на меня, если ссылаешься на свою правоту передъ закономъ? Но, вопервыхъ позволь узнать мнѣ, на чемъ основаны твои обвиненія? Я не имѣю еще до сихъ поръ чести знать, какимъ образомъ ты дошла до своего убѣжденія, что мужъ твой преступникъ. На чемъ построенъ этотъ выводъ?

— Въ подвалѣ была устроена типографія... Я сама видѣла шрифтъ и прокламаціи. Да и не я одна.

— Кто же сопутствовалъ тебѣ въ столь любознательныхъ поискахъ и помогъ выслѣдить меня?

— Скупщикъ Михайло Евграфовъ. Онъ дѣйствительно давно уже выслѣживалъ тебя и попался мнѣ на мѣстѣ преступленія. Я уничтожила всѣ слѣды. Шрифтъ, твои банки и посуда изъ лабораторіи выброшены въ прудъ, ящики и прокламаціи сожжены... Слѣдовъ нѣтъ.

Онъ давно уже всталъ и, заложивъ руки въ карманы, ходилъ изъ угла въ уголъ. Лиза смотрѣла на него, какъ на совершенно посторонняго человѣка. „Неужели онъ былъ

когда-нибудь моимъ мужемъ, и я любила его? Когда же это было...“

— Кто помогалъ тебѣ?—остановился онъ передъ нею.

— Никто! я сдѣлала все сама...

— Одна? одна?.. — его глаза странно расширились, она никогда не видала ихъ такими большими. Улыбки уже не было, но губы какъ-то кривились. — И послѣ этого ты будешь увѣрять меня, что не жена мнѣ больше, что готова оттолкнуть меня?.. Ну, да, да, я... — онъ чуть не сознался, не подтвердилъ, что ея подозрѣнія основательны, но спохватился.—Лиза!.. То, что сдѣлала ты, могла сдѣлать только любящая, безгранично преданная жена... Лиза...

Она небрежнымъ движеніемъ отстранила его.

— Ты жестоко ошибаешься... Любви къ тебѣ у меня не осталось... ни... ни...—она подыскивала слово, — нисколько. Я даже не могу себѣ представить, что я тебя, убійцу государя, любила... Нѣтъ, нѣтъ! Это былъ не ты, а кто-то другой, какимъ я воображала тебя. Теперь это все равно... И то, что я сдѣлала, я сдѣлала вовсе не для тебя, а для тети Саши, ради нея, нея одной я таскала эти тяжести и жгла руки... и надѣюсь, все уничтожено до тла... А что до тебя, — ты для меня не существуешь, да никогда и не существовалъ... Повторяю, тебя я любить не могла бы и ни за что твоею женою стать не согласилась бы. Вотъ и все... Нѣтъ! я еще хотѣла сказать что-то...

Она схватилась за лобъ.

— Лиза... Лиза...

Онъ съ влажными, словно уже начинавшими плакать глазами протянулъ къ ней обѣ руки, но она вскочила и взялась за скобку двери...

— Не подходи... оставь меня... Я повторяю, — я больше не жена тебѣ. Я ухожу отъ тебя, и если ты вздумаешь требовать меня обратно, — я все разскажу на чистоту, и мнѣ повѣрятъ. Да! вотъ что еще: потрудись сегодня же заявить тетѣ, что мое здоровье требуетъ спеціальнаго леченія, назначь какой-нибудь курортъ. Убѣди ее передать хозяйство Арефію, и тамъ я ей все открою... Я въ первую минуту хотѣла покончить съ собою, но духу не хватило... Ты дол-

женъ понять, да и не можешь не видѣть, что я не шучу. А теперь прошу тебя,—уйди!.. Я больше не могу...

И во весь ростъ она грохнулась на коверъ, который съ такимъ удовольствіемъ подбирала къ обивкѣ, устраивая вмѣстѣ съ тетей Сашей едва шесть недѣль назадъ свое новое гнѣздо.

На шумъ сбѣжались. Яшневъ самъ поднялъ жену и перенесъ на кровать. Запыхавшаяся Кирилловна терла ей виски, а Таня разувала ея ледяныя ноги. Тетя Саша смотрѣла укоризненно на Яшнева, а онъ совершенно растерялся. Испытавъ тщетно всѣ средства привести Лизу въ сознаніе, онъ попросилъ послать въ городъ за отцомъ. Митя взялся доставить записку и сломя голову, поскакалъ верхомъ въ Горскъ.

XXXVII.

Это что бѣлѣетъ? пыльный
Саванъ стараго чехла,
Или призракъ замогильный
Всталъ, кивая изъ угла?
Лучъ потухъ... узоры таютъ,
И средь жуткой тишины
Въ мертвомъ воздухѣ витаютъ
Потревоженные сны...
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы“. М. К.).

Всю ночь Игнатій Львовичъ не отходилъ отъ Лизы.

Тетя Саша, встревоженная, осунувшаяся, не прилегла ни на минуту. Ей непонятно было состояніе племянницы, которая пришла на время въ себя и упорно отворачивалась отъ мужа. „Поссорились! Вѣрно, онъ Лизаньку не на шутку обидѣлъ“. И вспоминалась собственная замужняя жизнь безъ вспышекъ и сценъ, ровная, спокойная, какъ долгій лѣтній безоблачный день, медленно склонявшійся къ такому же безмятежному закату.

Молодой супругъ почевалъ у себя въ кабинетѣ, но онъ тоже не ложился. Онъ тщательно разбиралъ бумаги и многое бросалъ въ затопленный имъ собственноручно каминъ. Извѣстіе о наблюденіи Михалки встревожило его, и онъ счелъ благоразумнѣе уничтожить всякія улики, — онъ усмѣхнулся,—не ради себя, а ради старухи?!- На сердцѣ было

странно пусто и особенно легко, точно его вовсе не было, но мысль работала отчетливо. Онъ раза два подымался въ мезонинъ и прислушивался, но изъ спальни не доносилось ни звука. Открыть дверь онъ не рѣшался, она скрипѣла. „Опять забыли смазать", вспомнилъ онъ съ досадою и снова спустился, стараясь неслышно ступать въ своихъ мягкихъ туфляхъ. Въ каминѣ бумаги догорѣли, превратились въ пепелъ. На черныхъ обрывкахъ бѣлѣли отдѣльныя слова и буквы, онъ разбилъ ихъ кочергою и подлилъ спирту изъ бутылки. Пламя вспыхнуло и взвилось синимъ языкомъ, унося въ трубу послѣдніе слѣды пепла. Все сколько-нибудь опасное было уничтожено безслѣдно...

„Ну, а дальше?"—спросилъ онъ себя.—Дальше, болѣзнь Лизы... разлука... жизнь безъ нея... Какая жизнь? Больница... разъѣзды по округу... дома—наука, опыты... Вѣдь жилъ же онъ такъ до сихъ поръ, ну, и будетъ жить снова... Наконецъ, и то дѣло, ради котораго онъ ею осужденъ, развѣ оно кончено? Развѣ цѣль достигнута? Развѣ эти казни казнили идею?.. Никогда!.. И если судьба сберегла пока его, то онъ не въ правѣ теперь, когда порѣдѣли ряды борцовъ, отказываться отъ служенія тому, за что погибли другіе. Пряча концы въ воду, онъ сберегаетъ не просто свою яшневскую шкуру. Нѣтъ! онъ въ душѣ своей сберегаетъ тѣ завѣты, которые, выждавъ немного, слѣдуетъ передать другимъ, новымъ борцамъ, потому что они найдутся и разыщутъ старыхъ, уцѣлѣвшихъ, и придутъ къ нимъ, какъ къ пророкамъ, и скажутъ: научите насъ, и мы научимъ другихъ!.. Нѣтъ! идея жива, и ради нея надо жить и беречь свою жизнь.

Былъ четвертый часъ утра, и солнце уже встало, и верхушки старыхъ липъ уже были пронизаны золотистыми снопами лучей, и цѣлые хоры птичьихъ голосовъ неслись изъ обрызганной росою чащи привѣтомъ новому, радостному, Богомъ посланному дню, когда у воротъ съ облупленными каменными столбами остановились два тарантаса.

Пастухъ, выгоняя стадо, только что приложилъ длинную помятую трубу къ губамъ, чтобы проиграть мозолистыми пальцами на клапанахъ утреннюю обычную руладу, но разинулъ ротъ отъ удивленія и не издалъ ни звука.

— Эй, малый! вели-ка отпереть крыльцо и разбуди людей. Мы по дѣлу!—крикнулъ ему бравый жандармскій офицеръ.

Работникъ бросился къ кухнѣ и постучался въ окошко Кирилловны. Она полураздѣтая выбѣжала на дворъ и остолбенѣла. Передъ домомъ стояли незнакомые люди съ портфелями подъ мышкой и военные въ полной формѣ.

— Потрудитесь впустить насъ. Мы по дѣлу.

Дверь распахнулась. Яшневъ, заслышавъ шумъ, самъ открылъ ее.

— Вы лекарь горскаго уѣзднаго земства Василій Игнатьевичъ Яшневъ?—обратился къ нему высокій и худощавый товарищъ прокурора съ золотымъ пенснэ на горбатомъ носу.

— Да.

— Потрудитесь провести насъ въ вашу комнату.

— Пожалуйте.

Онъ провелъ ихъ въ кабинетъ.

— Въ чемъ дѣло? Какое мнѣ предъявляется обвиненіе?

— Вы объ этомъ немедленно узнаете. Господинъ ротмистръ, приступите къ обыску, тѣмъ временемъ я буду допрашивать господина Яшнева.

Пока шелъ допросъ, ротмистръ съ помощью двухъ жандармовъ занялся обыскомъ. Все было перерыто и перевернуто вверхъ дномъ. Письма и литографированныя записки, брошюры, книги были опечатаны. Ящики письменнаго стола, шкапы и даже ножки стульевъ и креселъ усердно, точно на докторскомъ пріемѣ, выстукивались и осматривались въ поискахъ за секретными помѣщеніями для обличительныхъ документовъ. Ножичкомъ подпарывалась обивка, но, кромѣ волоса и пружинъ, ни въ спинкахъ, ни въ сидѣніяхъ ничего не оказывалось. Усердный унтеръ даже за зеркало каминное заглянулъ и вытащилъ съ торжествомъ какой-то клочокъ бумажки, оказавшійся счетомъ „портного изъ Парижа“ на Московской улицѣ города Горска за передѣлку старой шубы Семена Михайловича, гдѣ въ полученіи денегъ „съ Полна“ расписался по довѣренности „осипши Гайловь“. Опытный глазъ полицейскаго былъ разочарованъ результатами: ничего сколько-нибудь компрометирующаго не оказывалось.

— Вы обвиняетесь, — говорилъ между тѣмъ товарищъ прокурора хозяину досматриваемыхъ вещей:—что вмѣстѣ съ двумя пріѣзжими неизвѣстными лицами, которыхъ вы называли своими товарищами, изготовляли и печатали вотъ эти прокламаціи?

Онъ вынулъ и, не выпуская изъ рукъ, показалъ одинъ изъ захваченныхъ третьяго дня Михалкою листковъ. Яшневъ усмѣхнулся.

— Обвиненіе, ни на чемъ не основанное,—ни я, ни мои товарищи предъявленнаго вами листка не печатали.

— Однако шрифтъ у васъ былъ. Вотъ эти самыя буквы хранились у васъ. Узнаете ихъ?

Онъ показалъ спрятанные Михалкой кусочки свинца.

— Нѣтъ, я ихъ не знаю.

— Понятые тутъ, — обратился товарищъ прокурора къ ротмистру.

Жандармскій унтеръ-офицеръ выглянулъ въ дверь и отчеканилъ:

— Такъ точно!

— Потрудитесь указать намъ дорогу въ то помѣщеніе, гдѣ у васъ хранятся ящики съ этими вещами.

— Никакихъ вещей у меня, подобныхъ предъявленнымъ сейчасъ, не хранится и никакихъ ящиковъ нѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ я прошу указать мнѣ дорогу въ это помѣщеніе.

— Въ какое? Я не понимаю. У меня есть казенная квартира въ двѣ комнаты при больницѣ, и я охотно укажу туда дорогу.

— Это не при больницѣ. По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, это уцѣлѣвшій отъ пожара этажъ или подвалъ прежняго барскаго дома.

— Ахъ, это! Но тамъ ничего нѣтъ. Зимою я тамъ устроилъ себѣ было опытную лабораторію, думая заниматься фармакологіей и вивисекціей, но оказалось неудобно, темно, и теперь съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ, я перенесъ свои пожитки въ квартиру при больницѣ. Ничего не имѣю противъ... Пожалуйте.

Онъ надѣлъ шляпу и сапоги и вышелъ черезъ гостиную

на хмелевую террасу. Оба дюжихъ жандарма, словно два тѣлохранителя, пошли съ нимъ рядомъ, а товарищъ прокурора, ротмистръ и понятые сзади. Наверху заслышали ихъ шаги и бряцаніе оружія, и произошелъ переполохъ. Александра Николаевна, накинувъ наскоро платокъ и ровно ничего не понимая, смотрѣла съ новаго балкона вслѣдъ странной процессіи, пока та не скрылась подъ низкими вѣтвями прадѣдовской аллеи. „Господи! да что жъ это такое!"

Въ понятыхъ былъ Михалка. Онъ торжествовалъ заранѣе, но вида не показывалъ. Яшневъ презрительно сощурился, замѣтивъ его. Онъ тоже въ душѣ торжествовалъ, вѣря заявленію Лизы, что улики уничтожены. Вторымъ понятымъ былъ Агафонъ. Онъ исправлялъ замокъ зимою и недоумѣвалъ, въ чемъ теперь дѣло. Быть, такъ сказать, заодно со всѣмъ начальствомъ противъ доктора ему не нравилось. Яшнева крестьяне высоко цѣнили и за искусство его, и за обхожденіе съ паціентами, и за самоотверженный, безкорыстный уходъ въ трудныхъ случаяхъ, и старый бунтарь отъ души сожалѣлъ „барина", попавшагося въ непріятную исторію, и всецѣло былъ на его сторонѣ. „Навѣты одни... быть ничего такого не можетъ... не похожъ на таковскихъ... на стрикулистовъ длинногривыхъ!.. Я ли на нихъ ни насмотрѣлся!"

Когда Яшневъ открывалъ замокъ, у него мелькнула мысль: а что, если Лиза чего-нибудь не замѣтила? не прибрала или обронила?..

Спустились,—коридоръ былъ пустъ, ящики исчезли.

— Вотъ тутъ была моя лабораторія.

Онъ провелъ самъ власти въ комнату, гдѣ помѣщались его реторты и колбы. Столы и полки были пусты. Нигдѣ ничего.

Каждая комната, каждый уголокъ были обшарены. Всякая табуретка и столъ обслѣдованы. Только подъ плитою чернѣли угольки, покрытые пепломъ.

— Вы что-нибудь тутъ готовили?—спросилъ товарищъ прокурора, оправляя пенснэ.—Откуда эти угли?

— Нѣтъ, готовить не готовилъ, а раза два топилъ для тепла,—спокойно отвѣчалъ врачъ.—Да ни къ чему, слишкомъ холодно все-таки было. Я повторяю, я перенесъ свою лабораторію въ больницу.

Михалка такъ и ерзалъ отъ удивленія. Что за навожденіе? Куда же дѣвались тѣ три ящика со свинцомъ и ящикъ съ прокламаціями? Онъ въ тотъ же вечеръ... какое! даже не вечеръ, а черезъ три-четыре часа, разставшись съ Лизой, учредилъ самый тщательный надзоръ за подваломъ. Какъ можно было незамѣтно унести такую тяжесть?

Товарищъ прокурора былъ взволнованъ.

— Мы, сдается мнѣ, сѣли въ лужу съ этимъ подваломъ. Повидимому, это былъ опять ложный слѣдъ,—шепнулъ онъ ротмистру.

— А эта дверь куда?—спросилъ тотъ вмѣсто возраженія.

Яшневъ пожалъ плечами.

— Сказать не могу. Я знаю, что еще осенью работавшая въ усадьбѣ воинская команда пыталась открыть ее, но не сумѣла.

У Михалки екнуло сердце. Неужели попали-таки туда и туда перетащили ящики? Эта дверь снилась ему и во снѣ. Она вела, по его воспоминаніямъ, во вторую половину подвала, и за ней находилась обширная кладовая, куда складывались вещи изъ барскихъ покоевъ, считавшіяся временно лишними или просто изъятыми изъ употребленія.

Когда всѣ усилія открыть ее снова оказались тщетными, на сцену появились топоры и ломы. Ухнуло желѣзо и вонзилось въ облупленныя филенки. Ломы, подведенные подъ низы, довершили дѣло, и съ грохотомъ упалъ деревянный щитъ, много лѣтъ охранявшій забытое помѣщеніе. Жандармъ заглянулъ первый въ черное отверстіе и такъ и попятился.

— Съ нами крестная сила!

Група привидѣній стояла въ дальнемъ углу. Другія отдѣльныя выглядывали изъ-за нагроможденныхъ ящиковъ. Они стояли неподвижныя, бѣлыя, словно ожидая смѣльчака, который отважится переступить порогъ ихъ царства, чтобы броситься и придушить его.

Власти сами, видимо, струхнули, но Михалка просунулъ между ними бѣлобрысую голову и мигомъ разрѣшилъ всѣ сомнѣнія.

— Не извольте сумлѣваться,—это статуи...

Дѣйствительно, эти были статуи изъ французскаго сада.

Ихъ всегда убирали сюда на зиму. Нимфы съ кувшинами и цвѣтами, амуры съ колчанами и стрѣлами, боги, богини и фавны съ удивленіемъ глядѣли на людей, словно припоминали, что видѣли имъ подобныхъ когда-то, но успѣли забыть о самомъ ихъ существованіи.

А въ темнотѣ засвѣтились огарки. Люди, при красноватомъ, невѣрномъ миганіи огоньковъ, въ сырости и могильномъ холодѣ вскрывали одинъ за другимъ нагроможденные другъ на друга скользкіе сундуки. Но вмѣсто шрифта и прокламацій, то находился тщательно упакованный богемскій хрусталь, и товарищъ прокурора съ разгорѣвшимся взоромъ знатока щелкалъ по витымъ и шлифованнымъ ножкамъ бокаловъ и наслаждался издаваемымъ ими нѣжнымъ пѣвучимъ звономъ, то извлекались на свѣтъ французскіе фоліанты, то полуистлѣвшіе обрывки парчи и бархата... Картины, прислоненныя къ стѣнамъ, были сплошь покрыты плѣсенью, но когда услужливая рука стирала ее, изъ чернаго фона рѣзко выступала или дивная оголенная ножка, или шлемъ съ пушистымъ перомъ, или кусокъ пейзажа, блиставшій лазурью южнаго неба.

Подняли, наконецъ, крышку послѣдняго суднука, и всѣ съ любопытствомъ столпились вокругъ! Въ немъ оказалась цѣлая коллекція серебряныхъ кое-какъ убранныхъ вещей, потемнѣвшихъ отъ многолѣтней сырости. То было фамильное серебро Колычевыхъ, слитковъ котораго напрасно искалъ бѣлоголовый правнукъ Евграфа, разрывая желѣзной палкой мусоръ пожарища. Теперь онъ таращилъ глаза, силясь понять, какъ попало оно сюда изъ шкапа голландской столовой, гдѣ хранилось подъ узорнымъ и хитрымъ замкомъ за стѣнками тяжелаго, какъ желѣзо, моренаго дуба... Это было дѣло рукъ папа Романа. Старикъ въ страхѣ пожара, бродя по дому, сносилъ все, что ему казалось поцѣннѣе, въ подвалъ подъ каменные своды. Они ему рисовались безопаснѣе штукатуренныхъ подъ мраморъ стѣнъ жилыхъ этажей. Благодаря ему, канделябры и кубки, вазы и корзины, столовые и чайные сервизы, пріобрѣтенные въ теченіе двухъ сотенъ лѣтъ, носившіе вензеля чуть не всего стариннаго рода, уцѣлѣли въ сохранности.

Представитель прокуратуры настолько увлекся, что совершенно забылъ цѣль и причину, приведшія его въ подвалъ. Онъ смаковалъ каждый орнаментъ и фасонъ, а протиснувшійся ближе всѣхъ къ нему Михалка съ разбѣгавшимися рысьими глазами прикидывалъ въ умѣ, сколько бы можно было получить съ Александры Николаевны и Лизы по закону за указанную цѣнную находку? Другіе тоже бродили по кладовой, разглядывая сокровища и щупая матерію на составленной сюда старой мебели, разукрашенной бронзой и фарфоровыми медальонами.

О Яшневѣ всѣ позабыли. Захоти онъ, —бѣжать было бы болѣе чѣмъ легко. Но онъ о побѣгѣ не думалъ. Глядя на этихъ увлекавшихся чужими богатствами людей, онъ стоялъ равнодушно въ той старой кладовой, гдѣ провелъ впервые наединѣ съ Лизой цѣлые два часа, гдѣ зародилась ихъ любовь, а вмѣстѣ и мысль о лабораторіи... и странная апатія все болѣе и болѣе охватывала его. Что изъ того, если уничтожены улики? Прошлаго не вернешь. Лиза ушла изъ-подъ его власти... Пусть обѣляютъ его правосудіе и слѣдствіе,—у нея доказательства были въ рукахъ, она видѣла ихъ собственными глазами, сама уничтожала... любовь ея утрачена и никогда не вернется... Если бы даже онъ измѣнилъ всѣмъ прежнимъ убѣжденіямъ, перешелъ въ ея вѣру,—онъ для нея былъ и останется цареубійцей... И жизнь ради идеи, та жизнь, которая ему до обыска представлялась нужной, вдругъ въ этой темной комнатѣ показалась теперь безъ любимой женщины прямо невозможной и безцѣльной, и страстно и безумно хотѣлось вернуть тѣ столь еще недавніе медовые дни въ собственномъ, новомъ, нарядномъ и уютномъ гнѣздѣ, подъ крышей Колычевскаго дома... А если бы взять въ посредницы Александру Николаевну?.. И онъ пріободрился...

Первымъ пришелъ въ себя ротмистръ...

— Мнѣ кажется, обыскъ можетъ считаться законченнымъ?... Брр... однакожъ и холодно тутъ...

— Да, да!—спохватился товарищъ прокурора.—Потрудитесь внести въ протоколъ, что не смотря на полученныя свѣдѣнія, никакихъ уликъ, ничего возбуждающаго подо-

зрѣнія при самомъ тщательномъ осмотрѣ и обслѣдованіи указаннаго помѣщенія найдено не было. А ужъ мы ли не были аккуратны?..

Онъ съ важностью снялъ и снова вздѣлъ пенснэ на свой горбатый носъ и обвелъ въ послѣдній разъ огорченно-восхищеннымъ взглядомъ соблазнительную для его коллекціонерскаго сердца кладовую. Идя рядомъ съ Яшневымъ по аллеѣ, онъ предлагалъ ему не имѣющіе значенія вопросы, а самъ обдумывалъ, какъ бы это устроить такъ, чтобы откупить у владѣлицы хоть какую-нибудь бездѣлку изъ найденныхъ рѣдкостей?

Подвалъ былъ снова запертъ, но ротмистръ нашелъ нужнымъ приложить и печати.

Тѣмъ временемъ старый домъ проснулся и прибирался. Александра Николаевна велѣла подать самоваръ и послала въ кабинетъ стаканы съ чаемъ...

Но Лиза снова лежала въ забытьи, точно въ тяжеломъ, свинцовомъ снѣ, съ черными кругами подъ закрытыми рѣсницами, а у ея постели, закинувъ на спинку кресла лысую голову, дежурилъ ея свекоръ и съ грустью и укоромъ глядѣлъ на это застывшее, напряженное лицо.

Что произошло между ними? Въ чемъ дѣло? Неужели это она донесла, и обыскъ у его сына дѣло ея мести? За что?.. Вѣдь знала же она, за кого идетъ... Василій говорилъ тогда, что ей извѣстно многое... И чѣмъ это кончится? Что ждетъ его „мальца"?.. Поселеніе, каторга, а, можетъ быть, и того хуже... И старое отцовское сердце болѣло, и онъ ненавидѣлъ эту свою невѣстку, сгубившую мужа...

За дверью послышался шорохъ. Щелка осторожно раздвинулась и костлявая рука со скорченными, какъ у птицы, когтистыми пальцами поманила его. Это была Кирилловна.

— Ничего не нашли... Только говорятъ, все пропавшее колычевское серебро на много тысячъ отыскалось,—шепнула она, когда онъ вышелъ къ ней.—Обманулся рыжій дьяволъ-то!

— Какой рыжій дьяволъ?—спросилъ, недоумѣвая и ничего не соображая, врачъ.

— Да Евграфовъ, потому это по его, подлеца, доносу, вороны-то слетѣлись... Эхъ, шугнуть-то ихъ я не успѣла...

Игнатій Львовичъ перекрестился... Хоть одно съ плечъ: не она...

Въ кабинетѣ шелъ допросъ съ очной ставкой. Яшневъ только пожималъ плечами и отрицалъ всякую причастность къ типографіи, гдѣ печатались предъявленныя Михалкой прокламаціи, и онъ не лгалъ. Типографія не была оборудована и такъ и стояла нераспакованная, а прокламаціи были изъ Петербурга. Михалка стоялъ на своемъ и ссылался на Лизу, но о допросѣ ея рѣчи не могло быть: власти сами поднялись осторожно наверхъ и послѣ категорическаго заявленія мрачнаго доктора вернулись съ извиненіями обратно.

Дѣло для Яшнева, повидимому, оборачивалось крайне благопріятно, но жандармскій ротмистръ настаивалъ тѣмъ не менѣе на арестѣ, который былъ заранѣе предрѣшенъ. Наканунѣ изъ N-ской губерніи пришло увѣдомленіе, что возвращенный паспортъ Чермака былъ найденъ подложнымъ, а что настоящій мѣщанскій сынъ Кондратій Виссаріоновъ Чермакъ проживаетъ безвыѣздно, пьянствуя, на родинѣ уже шестой десятокъ лѣтъ... Въ городъ У. было послано другое увѣдомленіе частнаго характера на имя Софьи Яковлевны Ершовой, обращавшейся въ ту же N-скую управу за справкой. Поэтому освобожденіе Василія Игнатьевича, какъ человѣка, имѣвшаго сношенія съ неизвѣстнымъ лицомъ, проживавшимъ по подложному виду, не представлялось допустимымъ.

Подъ охраною тѣхъ же жандармовъ Яшневъ сѣлъ въ тарантасъ. Никто не вышелъ проводить его. Въ образной тетя Саша рыдала, положивъ голову на аналой. Кирилловна причитала въ своей каморкѣ. Дворовые испуганно глядѣли изъ оконъ людскихъ, и только Сократъ и Кара съ лаемъ выбѣжали за ворота, стараясь ухватить за морды все прибавлявшихъ ходу лошадей...

А наверху лежала въ нарядной спальнѣ блѣдная, суровая женщина. Сознаніе къ ней только что вернулось, но въ душѣ не было ничего.

Жесткимъ, страннымъ взглядомъ смотрѣла она на темный ликъ стариннаго письма, украшенный жемчужнымъ вѣнкомъ съ эмалевыми листочками. Ни теплоты, ни вѣры не было въ

сердцѣ. То, что не могли сдѣлать проповѣди ученыхъ, ихъ философскія догмы,—сдѣлала рука хама. Она разрушила всѣ сокровища женственно-чистой и благородной натуры, стерла навѣки филигранно-нѣжный рисунокъ жизненной сказки о благости Божеской и добротѣ человѣческой...

Міръ пустъ. Бога нѣтъ и не было...

Иначе—какъ же допустилъ бы Онъ весь этотъ ужасъ крушенія?..

. . . .

ЭПИЛОГЪ.

Скоро, скоро
Лебедь бѣлый
Тщетно ринется впередъ
И безъ воли, безъ простора
Объ усадьбѣ опустѣлой
Пѣснь предсмертную споетъ.
(Изъ „Пѣсенъ забытой усадьбы". М. К.).

Прошло пять лѣтъ.

Смѣняются дни и ночи. Смѣняются времена года. Цвѣтутъ и отцвѣтаютъ липы. Старый сѣрый домъ стоитъ пустой и заколоченный.

Гдѣ-то далеко, далеко на теплыхъ заграничныхъ водахъ доживаютъ двѣ женщины свою жизнь. Усадьба и все Колычево давно на арендѣ у Арефія. Онъ самъ живетъ тутъ же въ перестроенномъ людскомъ флигелѣ. Изрѣдка его сынъ Митя получаетъ письма отъ „бауньки", сообщающей о здоровьи Александры Николаевны и Лизаветы Ивановны, а также „дочкѣ ихней ангелочкѣ Марусичкѣ", но никогда въ этихъ безграмотныхъ строкахъ и рѣчи нѣтъ о возвращеніи въ родное гнѣздо.

А рядомъ за высокимъ вновь выстроеннымъ досчатымъ заборомъ уже виднѣется нѣчто новое. Стоятъ лѣса съ деревяннымъ осьмиконечнымъ крестомъ и елкою на одномъ изъ высокихъ шестовъ.

Изъ бывшей усадьбы вольноотпущеннаго двороваго человѣка господъ Колычевыхъ, Евграфа Птичкина, выросла цѣлая слободка вокругъ уже успѣвшей обвѣтриться и прокоптиться деревянной винокурни, и нынѣ воздвигается предметъ столькихъ мечтаній—каменный ректификаціонный заводъ по послѣднимъ словамъ техники.

Контрактъ на запущенную часть парка подписанъ наконецъ по настоянію Арефія. Не все ли равно Александрѣ Николаевнѣ теперь?.. Самаго имѣнія она не продаетъ, потому что оно давно, еще наканунѣ Лизиной свадьбы было закрѣплено ею по дарственной записи за племянницей. Михалка далъ дѣйствительно выгодную цѣну, и Сашенька со вздохомъ подписала бумагу. Въ Колычево она, вѣроятно, вернется только мертвая.

Объ этомъ она поставила условіе въ своемъ завѣщаніи и знаетъ, что Лиза, какъ ни тяжело ей будетъ, исполнитъ ея послѣднюю волю и положитъ ея старыя косточки рядомъ съ дорогою могилою ея ненагляднаго Simon...

. . . .

Мно-о-гая лѣ-та! Мно-о-гая лѣ-та! Мно-о-о-о-га-а-я-а лѣ-е-е-та! доносится въ старую, уже заросшую муравою липовую аллею черезъ высокій заборъ у пруда съ дремлющимъ въ чащѣ камыша и бѣлокрыльника одинокимъ лебедемъ...

Молебенъ конченъ. Михалка съ важнымъ видомъ замазаетъ лопаточкой цементъ вокругъ доски въ фундаментѣ новаго корпуса, куда только что положилъ горсть серебряныхъ рублей. Рабочіе на подмосткахъ ждутъ конца закладки и раздачи груды кумачевыхъ рубахъ и своей порціи водки изъ прикаченной со старой винокурни бочки. Мужички, съ Агафономъ, дожившимъ до исполненія завѣтной мечты „не трястись за каждымъ шкаликомъ въ городъ“, косятся на раскинутые столы со снѣдью.

Все это къ вечеру будетъ пьяно до озорства, но пока весело, торжественно и празднично. И всѣхъ торжественнѣе, всѣхъ праздничнѣе самъ хозяинъ.

— Скоро и домокъ каменный себѣ воздвигнете!—льститъ ему колычевскій староста.

Зеленые глазки Михалки косятся на бугоръ за прудомъ.

— Воздвигну, только не тутъ. Больно безпокойно рядомъ-то... Поодаль откуплю.

— Чаво бы лучше,—продолжаетъ льстецъ:—на старомъ бы мѣстѣ, на бугорочкѣ томъ...

— Ладно,—отвѣчаетъ хозяинъ, замѣтивъ, что его мысли разгаданы.—Самъ найду, гдѣ лучше... Эй, подходи, ребята!—кричитъ онъ рабочимъ.

Рубахи розданы, водка льется...

— Качай! качай!.. На руки хозяина!..

И Михалку подбрасываютъ десятки ему подчиненныхъ рукъ.

. . . .

— Вѣчная память!.. Вѣчная память!.. Вѣчная память!..

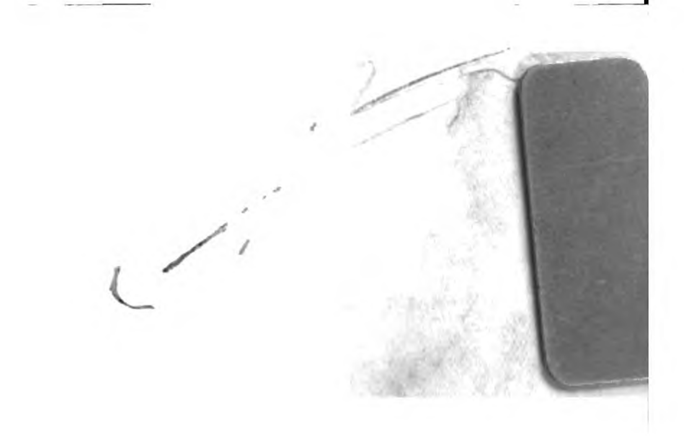
Въ промерзлую землю опущенъ простой сосновый гробъ. Сѣрые комья падаютъ, стуча о крышку. Сѣверное лѣтнее солнце печально глядитъ на бугорокъ безъ креста, безъ камня безъ имени затерянной навѣки въ пустынномъ краѣ могилы...

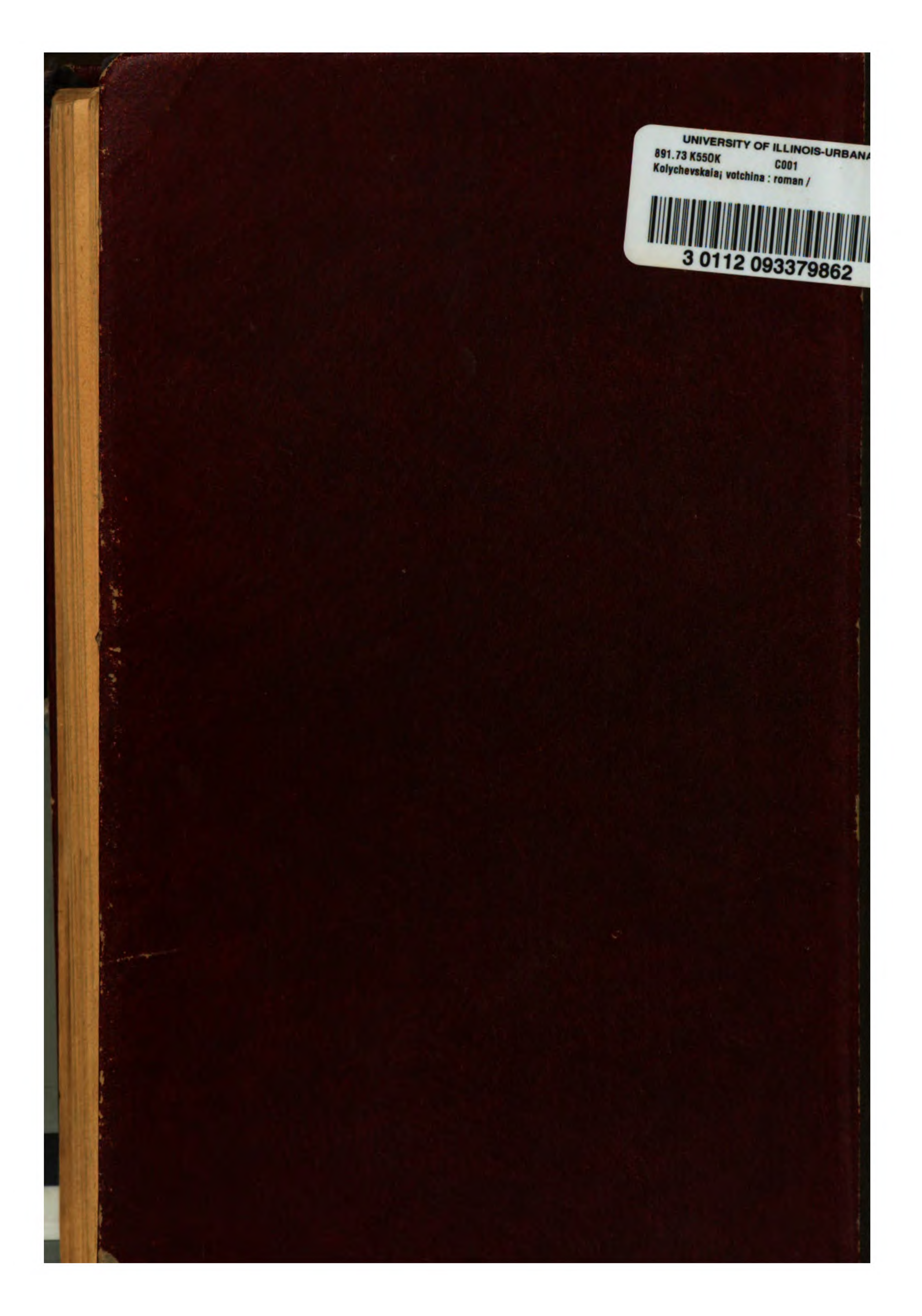
Жизнь кончена... молодая еще, но тяжелая жизнь государственнаго преступника Василія Яшнева въ ссылкѣ, въ суровомъ климатѣ, среди угрюмыхъ, пришибленныхъ людей...

. . . .

А старый, запущенный садъ звенитъ, поетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ, и листья бросаютъ на землю узорныя пятна. Золотою стрѣлою падаетъ сквозь ихъ душистую чащу полуденный лучъ и горитъ то на дуплистомъ стволѣ, то на зелени дерна. На лужайкѣ въ высокой травѣ мелькаютъ ромашки, колокольчики, златоцвѣты, и розовый щавель кажется прозрачнымъ противъ солнца, какъ много, много лѣтъ назадъ въ богатой и людной когда-то и нынѣ забытой усадьбѣ.

КОНЕЦЪ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
891.73 K55OK C001
Kolychevskaia; votchina : roman /
3 0112 093379862